А. А. ПОТЕБНЯ

Из записок по русской грамматике

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ имени Н. Я. МАРРА

А. А. ПОТЕБНЯ

ИЗ ЗАПИСОК ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

IV

ГЛАГОЛ. МЕСТОИМЕНИЕ. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ. ПРЕДЛОГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор: академик И. И. Мещанинов

Редакторы издания: А. В. Ветухов, М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1935 г. исполнилось сто лет со дня рождения крупнейшего русского лингвиста — А. А. Потебни. В ознаменование этой даты Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР решил подготовить к печати неопубликованный еще труд вышеназванного ученого „Из записок по русской грамматике“, т. IV, написанный в восьмидесятых годах прошлого столетия. Настоящая работа и тематически, и по своим теоретическим установкам хотя и представляет собою продолжение первых трех томов „Из записок по русской грамматике“, но может рассматриваться и как самостоятельное исследование. Четвертый том не был подготовлен автором к печати в окончательном виде, что видно из самой рукописи, в которой не проставлены страницы, не обозначены многие параграфы, не дан общий план расположения отдельных глав, не закончены некоторые этюды и т. п. Но и в том виде, в каком оставил ее автор, работа представляет собою большой научный интерес; наиболее ценное в исследованиях А. А. Потебни — исторический подход к фактам языка, постановка генетических проблем (конечно, в рамках индоевропеистики, последовательным представителем которой он был), — достаточно ярко выявилось в публикуемом нами труде (проблема происхождения видов в славянских языках, история развития временных форм и т. п.). Многие положения А. А. Потебни при их критическом использовании могут оказать плодотворное воздействие на грамматические исследования, ведущиеся уже в плане нового учения о языке. Особенно это относится, конечно, к исследованиям по русскому языку.

Четвертый том будет не бесполезен также и для преподавателей-словесников, желающих углубить свои познания в области русской грамматики.

Разбивка отдельных глав на параграфы, установление последовательности в расположении материалов, как и вся остальная редакционная работа, были проведены А. В. Ветуховым, М. Д. Мальцевым и Ф. П. Филиным. Список использованной литературы и сокращений, указатель имен и предметный указатель составлены М. Д. Мальцевым. Работу по сверке цитат и текстов выполнили: Б. А. Ларин (балтийские языки и санскрит), В. Г. Чернобаев (западнославянские языки), Б. В. Лавров (южнославянские языки), С. Д. Кацнельсон и А. В. Десницкая (германские языки), И. К. Зборовский и И. О. Кузьмин (украинский и белорусский языки).

В тексте издаваемой книги редакцией произведены следующие замены: вместо „малорусское наречие“ — „украинский язык“, вместо „белорусское наречие“ — „белорусский язык“ и вместо „великорусское наречие“ — „русский язык“. Другие незначительные изменения оговариваются каждый раз в тексте.

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. А. Потебня является наиболее выдающимся теоретиком среди русских лингвистов — представителей старого учения о языке. Основные свои философские и лингвистические положения он сформулировал в работе „Мысль и язык". Позже эти общие положения нашли свое блестящее применение в целом ряде исследований, опирающихся на богатый фактический материал, среди которых особое положение занимает капитальный труд „Из записок по русской грамматике".

Автору не удалось самому закончить печатание „Из записок": при его жизни вышли первые два тома, третий том был подготовлен к печати и издан вдовою покойного, четвертый том выходит в свет лишь пятьдесят лет спустя после смерти автора (А. А. Потебня умер в 1891 г.).

Как известно, А. А. Потебня был последователем Гумбольдта и идущих по следам Гумбольдта ученых Штейнталя и Лацаруса. Многое он заимствовал у психологов Гербарта и Лотце.[1] Но как историк языка А. А. Потебня идет гораздо дальше своих учителей. Зачастую, вопреки своей идеалистической философии, он нащупывает реальные ступени развития русского языка (да и не только русского), которые обычно не учитывались традиционной лингвистикой. В особенности это относится к истории предложения славянских языков, где исследования А. А. Потебни и до сих пор являются непревзойденным образцом в лингвистической литературе.

Теоретической основой изысканий А. А. Потебни нужно считать его понимание „внутренней формы" слова, которая им определялась как „способ представления внеязычного содержания". Слово не может изобразить все свойства и качества обозначаемого им предмета; оно может н а з в а т ь т о л ь к о о д и н из его признаков. Например, слово „подснежник" обозначает определенный цветок, имеющий множество качеств и свойств (цвет, размер, устройство лепестков, химический состав и т. п.), но самое слово „подснежник" называет только лишь один признак данного цветка, именно 'цветок, находящийся под снегом, выходящий из-под снега'. Многие слова, например „дуб", „рыба" и т. п., давно уже утеряли свою „внутреннюю форму", и теперь крайне трудно установить, почему рыба названа „рыбой"; другие же слова удерживают эту форму. Но отсюда еще не следует, что слово, утерявшее первоначальную „внутреннюю форму", уже „мертво" для истории языка, прекратило свое дальнейшее развитие: это слово в определенном речевом контексте может приобрести себе новую форму. Так, в выражении, в котором апатичный человек называется „рыбой", слово „рыба" выражает как бы вторичный признак.

Изменения „внутренней формы" слов и составляют развитие языка. „Внутреннюю форму" имеют не только слова знаменательные; ее имеют

1 Об этом см. мою статью „Методология лингвистических исследований А. А. Потебни", Язык и мышление, т. III—IV, 1935.

и служебные частицы, и самые грамматические формы, например, флексии. На этом строится понимание А. А. Потебни грамматической формы, которая с момента „своего появления и во все последующие периоды языка есть значение, а не звук“ („Из записок“, I, стр. 52). В любом языке имеются грамматические формы. Так, китайский язык формален, но не аморфен, хотя его формальность выражается не флексией, а другими способами. В связи с этим А. А. Потебня резко выступает против широко распространенного в его время предрассудка, что индоевропейские языки деградируют, поскольку в их истории ярко выявлена тенденция к исчезновению, стиранию флексий. „Каким образом доходят до мысли о падении грамматических форм? Берут, например, схемы склонений в трех периодах языка и сосчитывают в каждом отдельно различные по звукам окончания. Оказывается, положим, что в древнем верхненемецком языке таких окончаний было 40, в среднем 20, в новом 5—6. Отсюда вывод, повидимому, несомненный: падение форм. Но здесь за форму принят ее внешний знак, тогда как форма есть значение: сосчитано число внешних знаков известного рода, но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значению и что присутствие их в языке было признаком богатства и порядка, а не лишним бременем для мысли; что если они и различались достаточно, то не заменились ли какими-либо другими указаниями на форму“ („Из записок“, I, стр. 55). Стирание флексий не указывает на формальное обеднение индоевропейских языков. Наоборот, индоевропейские языки, как и другие языки мира, развиваются вперед; история проходит не под знаком деградации, а под знаком прогресса. На ряду с отмиранием старых грамматических форм возникают новые. Так, определенный звуковой комплекс, обозначающий творительный падеж в русском языке, выражает десятки оттенков значений, целый ряд творительных падежей, причем некоторые из них возникли сравнительно поздно и отсутствовали в древнерусском языке.

В вопросе о прогрессивном развитии языка А. А. Потебня стоял на более передовых позициях, чем его западноевропейские учителя. По его мнению, „в новых языках по отношению к древним можно видеть перерождение, а не вырождение и искажение, так что невполне можно согласиться с Гумбольдтом, когда он говорит лишь о сохранении существенных черт формальности древних языков в новых, а не об укреплении и развитии этого начала“ („Из записок“, I, стр. 58, 59).

Поскольку сущность грамматической формы А. А. Потебня видит в семантике, изменения, происходящие в строе языка, он связывает с изменениями в мышлении. Характерно в этом отношении его заявление о связи языка и мышления, сделанное им в автобиографии, помещенной в „Истории русской этнографии“ А. Н. Пыпина, III, 1891, стр. 420—424: „на очереди у меня грамматическая работа, ...носящая два заглавия — для публики: «об изменении значения и заменах существительного», для меня: «об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми», или «о борьбе мифического мышления с относительно-научным в области грамматических категорий» по данным преимущественно русского языка“ (стр. 423).[1]

А. А. Потебня пытается установить этапы развития строя славянских языков, соответственно и мышления. В связи с этим он подчеркивает, насколько опасно переносить современные нормы наших представлений на древние, модернизировать многие факты древних языков. Так, определяя минимум предложения в современных индоевропейских языках, как обязательное наличие в предложении verbum finitum (за исключе-

---

[1] А. А. Потебня имеет в виду том III „Из записок по русской грамматике“.

нием случаев опущения), он пишет: „Высказывая вышеприведенное мнение о невозможности в наших языках предложения без глагола, я не утверждал, что vb. fin. есть явление первобытное, и не отвергал возможности найти под последним наслоением этих языков следы другого порядка вещей, как видно из второго положения к сочинению: «Из зап. по русс. грам.»... «в русском языке по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» и пр. Но я думал и думаю, что отыскать эти следы трудно, и что те, которые видят их на поверхности нынешнего, или хотя и древнего, но высоко формального языка, каков древн. греческий, слишком облегчают себе работу" („Из записок", I, стр. 78). Некоторые из языковедов прошлого столетия пытались отнести предложение, состоящее из одного имени, типа „пожар", „хорошо" и т. п., к древнейшему типу в истории предложения вообще. А. А. Потебня замечает по этому поводу: „В том-то и вопрос, состоят ли искони эти предложения из одного имени, насколько они первообразны. Они непервообразны, ибо находятся в зависимости от строя нынешнего языка, объясняются этим строем, как его части, вместе с ним предполагают продолжительное развитие языка. В «хорошо» даже нет налицо имени, а есть наречие, предполагающее, между прочим, столь продолжительные процессы, как образование противоположности имени и глагола, как образование среднего рода, разделение имени на существительное и прилагательное, переход согласуемого прилагательного, тяготевшего к подлежащему, в наречие, тяготеющее ко глаголу" („Из записок", I, стр. 79).

Осторожность А. А. Потебни в соотнесении того или иного языкового явления к определенной эпохе развития языка тем более повышает ценность его историко-лингвистических разысканий. А. А. Потебня сделал открытие большой научной значимости: он установил на основе огромного фактического материала две ступени в истории грамматической структуры славянских языков, причем древняя ступень, как оказалось, имеет свои особые закономерности, или резко измененные, или вовсе исчезнувшие в современных славянских языках. Прежде чем изложить сущность этого открытия, коротко остановимся на взгляде А. А. Потебни о возникновении и развитии грамматических категорий.

Современные грамматические категории: глагол, прилагательное, наречие и др. — явления сравнительно поздних исторических эпох. В начальные эпохи развития языка мышление было конкретно-образным: свойства, признаки, действия предметов не мыслились отвлеченно, не абстрагировались от предмета, которому они принадлежали. „Существительное, т. е. (первоначальное) название признака вместе с субстанцией, которой приписываются и другие признаки, ближе к чувственному образу (который может быть указан и отчасти изображен) и потому первообразнее, чем прилагательное, имя признака без определенной субстанции, неуказуемого и никак неизобразимого. Точно также неуказуемо и неизобразимо действие само по себе, так что вышеизложенное мнение однородно с утверждением, что к о р н и в смысле слов доформальных не могли иметь таких значений, как р ы т ь, п л е с т и, т о л о ч ь и т. п., приписываемых им на основании уже отвлеченного значения первообразных глаголов; не могли быть ни глаголом, ни nom. actionis, ... т. е. названием действия с фиктивной субстанцией" („Из записок", т. III, стр. 73).

Первобытное имя по А. А. Потебне было именем действующего лица, nomen agentis (в томе I своего исследования автор указывал на причастие как на грамматическую категорию, более близкую к первобытному имени). Из имени действующего лица в связи с развитием мышления человека (появлением отвлеченных понятий качества, действия и т. п.) возникли

современные грамматические категории. Свою теорию А. А. Потебня подтверждает фактами языка. Членные формы прилагательных — явление позднее. Что же касается нечленных форм прилагательных, то они по своему склонению ничем не отличаются от имен существительных. Прилагательное добръ склоняется так же, как существительное вѣтръ, дубъ. Факт согласования прилагательных с существительными доказывает то же положение. Первичный тип согласования — согласование существительного с существительным, которое, как показывает А. А. Потебня, в древнем языке было более распространено, чем в современной русской литературной речи. Правда, во многих памятниках древнерусской письменности атрибутивность существительного встречается сравнительно редко, но это не противоречит основному выводу. „Атрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности. Если примеры этого явления обычны в недавно записанных памятниках народной словесности и редки в древних памятниках, то это объясняется отвлеченностью и заимствованностью содержания этих памятников и бледностью их подражательного языка“ („Из записок“, III, стр. 131). Здесь А. А. Потебня порывает с традиционной точкой зрения, устанавливающей последовательность в истории языка лишь по хронологическим датам, а не по структуре самого языка, не по реальным ступеням его развития.

Существительное, став атрибутом, в конце концов теряет свою самостоятельность, субстантивность и превращается в новую грамматическую категорию — прилагательное. То же можно сказать и о глаголе. А. А. Потебня устанавливает, что чем далее в глубь времен, тем более стирается граница между глаголом и именем. Особое, отличное от современного, состояние грамматических категорий в древних славянских языках не могло не найти своего отражения на структуре предложения.

В древнерусском и древнецерковнославянском языках наблюдается значительно бо́льшая по сравнению с современным русским языком однородность членов предложения — „недостаточное синтактическое различение и даже безразличие глаголов служебных и знаменательных, и такое господство в предложении начал согласования, при котором члены предложения, сравнительно с позднейшим языком, слишком однородны“ („Из записок“, II, стр. 125). Например, современное составное сказуемое представляет собою как бы одно понятие, в котором вспомогательный глагол придает лишь соответственный оттенок мысли. В древнем языке части составного сказуемого не выражали одного, слитного понятия; они до известной степени сохраняли свою первоначальную самостоятельность. Не было четкой грани между вспомогательным и знаменательным глаголами.

Это состояние пережиточно имеется и в древнерусском языке, в котором многие глаголы одновременно выступали и как конкретно-знаменательные, и как вспомогательные. Да и самый глагол быть имел раньше чисто конкретное значение. А. А. Потебня возводит его к корню bhū — „рости“. Что же касается второй части сложного сказуемого, то оно в древнерусском обычно представляется причастием, прилагательным и существительным. И здесь „чем далее в старину, тем сходнее функции этих частей речи в составном сказуемом“ („Из записок“, II, стр. 128).

Особенный интерес с точки зрения истории языка представляют собою причастия. В древнерусском языке причастие зачастую является почти самостоятельным центром предложения. Типичным является оборот „заутра вставъ и рече“. Почему здесь причастие отделено от глагола союзом? Срезневский и Буслаев считали, что причастие в дан-

ном предложении играет роль, равносильную глаголу, и союз соединяет самостоятельные части предложения (= „заутра встал и сказал"). „Но такое заключение от нового языка к древнему предполагает равенство этих языков, которого в действительности нет. Наша речь вообще компактнее древней. В настоящем случае («он вставши сказал») она характеризуется тем, что в ней деепричастие весьма тесно связано со сказуемым и тяготеет только к нему" („Из записок", II, стр. 187). И далее на той же странице: „Союз в «вставши *и* сказал» нам претит потому, что, противореча вышеупомянутому тяготению причастия, вносит в речь распущенность; но безо́бразное в нынешнем языке могло не быть таковым в древнем, если было знамением его строя. В древнем языке на месте нашего деепричастия стояло причастие, не имевшее непосредственного отношения к глагольному сказуемому. Поэтому можно думать, что в древнем «вставъ и рече» присутствие союза делает лишь более явственным свойство оборота, существовавшее и без союза, именно то, что в предложении — два *почти* равносильные центра; что к первому из них, подлежащему, тянет приложение; что предложение, чуть сдерживая свое единство, еще как бы распадается на-двое, что, однако, не тождественно с полным его раздвоением, которое могло бы быть достигнуто превращением аппозиции в составное сказуемое".

Таким образом в древнерусском языке имеются ясные следы того состояния языка, когда не было еще сложных предложений современного типа. Позже стали образовываться паратактически построенные предложения с однородными членами. С развитием мышления однородность этих членов постепенно исчезает, предложение приобретает крепость и связность „живого организма". Строй дневнерусского предложения представляет собою как бы переходную ступень между древним и современным предложениями. В предложении еще имеются *почти* самостоятельные центры, но они уже неравны между собою. Союзы между этими центрами „как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения" („Из записок", II, стр. 194). „Относительная самостоятельность аппозитивного причастия в древнем языке и сходство его функции с функцией главного (глагольного) сказуемого проявляются не только в отделении его от сказуемого союзом, но и иначе, в возможности подлежащего с аппозитивным причастием при глагольном сказуемом, имеющем свое подлежащее" (там же). В древнерусском языке встречаются такие предложения, как „Андрѣй же то слышавъ, и бысть образъ лица его попустнѣлъ", „Олегъ же устремися на Суждаль и шедъ Суждалю" и т. п. С точки зрения современного мышления такие обороты кажутся странными. Некоторые ученые сочли их за описки. Но это явление — не индивидуальное отклонение писца, а типичное явление для древнерусского языка. Объясняется оно тем, что „причастие в древнем языке более сходно с глаголом, чем в новом; что оно, присоединившись к подлежащему, хотя и невполне заканчивает предложение, но дает мысли некоторый роздых, намечает собою деление предложения на две части, деление, подобное тому, какое мы видели во «въставъ и рече», но с тою разницею, что в предложении с именительными самостоятельными подлежащие главного и второстепенного сказуемого различны. В новом нашем языке обороты, как «я сделавши, он сказал», необычны потому, что в этом языке, так сказать, больше покатость, по которой мысль стремится от начала к концу предложения: при большей быстроте течения меньше заводей и затонов" („Из записок", II, стр. 196).

Употребление причастия значительно суживается по направлению к нашему времени. Из него возникают, с одной стороны, деепричастия, теряющие свою самостоятельность и сливающиеся с главным сказуемым,

с другой стороны — придаточные предложения. В связи с процессом значительной утраты древним причастием, в определенном контексте, предикативности, причастия переводятся также в разряд прилагательных и наречий. Таким образом в корне меняется строй предложения. Древние причастия, бывшие „зачаточными предложениями в предложении“, или развиваются в придаточные предложения, тем самым создавая новый тип предложе́ния — сложно-подчиненное, или утрачивают свою самостоятельность. А. А. Потебня решительным образом протестует против распространенного в его время взгляда, что причастие есть не что иное, как сокращенное придаточное предложение („Из записок“, I, стр. 118 и др.).

А. А. Потебня четко намечает два пути развития предложения; сложное предложение возникает: а) путем соединения двух самостоятельных предложений, б) путем выделения из простого предложения главной и придаточной частей. Второму пути развития предложения, идущему в процессе „внутреннего роста“ простого предложения, он уделяет особое внимание. Общий вывод из своих разысканий в области истории предложения и грамматических категорий славянских языков А. А. Потебня дает в конце тома II: „в русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола. В древнем языке употребление причастия, формы промежуточной между именем в тесном смысле и глаголом, было гораздо обширнее, чем в новом, и причастие могло иметь такую степень относительной самостоятельности и предикативности, какая в новом возможна лишь в личном глаголе и отчасти в неопределенном наклонении. В предложении древнего языка согласуемость (атрибутивность) играет бо́льшую роль, чем в новом, в коем согласуемость ограничивается разложением составного сказуемого на два предложения, связанные союзом, образованием деепричастия, увеличением употребления наречия на счет согласуемого прилагательного, случаями замены причастия неопределенным, заменою вторых, согласуемых, падежей несогласуемыми. На месте двух одинаковых косвенных падежей, ставших друг к другу в отношение, отличное от простой атрибутивности, с течением времени становится винительный с творительным, родительный с творительным, дательный с творительным. На месте предикативного атрибута, согласуемого с подлежащим, лишь во многих, но не во всех случаях ставится творительный, причем два прежние именительные (подлежащего и предикативного атрибута), где они остались, получают новый смысл. Перед нами здесь — различение бывших прежде однородными функций членов предложения“ (стр. 534, 535).

Конечно, с отдельными положениями А. А. Потебни можно не соглашаться, но общая картина развития предложения в славянских языках изображена им верно. Однако многое остается необъясненным и нерешенным. А. А. Потебня был последовательным индоевропеистом. Гипотеза „праязыка“, замкнутых „семейств“ языков была для него непреложной истиной, обязательной предпосылкой, из которой он исходил в своих конкретных лингвистических исследованиях. В связи с этим А. А. Потебня ограничил себя материалом индоевропейских языков, не привлекая данных языков, стоящих на другой ступени развития. Картина развития предложения, изображенная им, в основном, верна только для сравнительно короткого отрезка времени. Более древние эпохи, предшествовавшие образованию индоевропейских языков, в работах Потебни не находят никакого освещения. Вследствие этого важнейшие генетические проблемы им или только поставлены, но не разрешены, или вовсе не ставились.

Эти проблемы могут быть разрешены лишь новым учением о языке, создавшим изумительную теорию о единстве мирового глоттогонического процесса, о стадиальности в развитии языка и мышления. За последние годы методы нового учения о языке применяются наиболее плодотворно именно в области исторического синтаксиса, над изучением которого так много потрудился А. А. Потебня (творческое развитие идей Н. Я. Марра о стадиальности в истории предложения нашло свое место в работах акад. И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, С. Л. Быховской и др.).

Неправильно трактуется А. А. Потебнею общественная сторона развития языка. Он исходит в объяснении процессов изменения речи из идеалистических установок, с некоторым креном в худшую сторону идеализма — субъективизм. Это, конечно, не могло не отразиться на его лингвистических изысканиях, хотя, как отмечалось выше, он часто, вопреки своим философским позициям, правильно нащупывает реальную историю человеческой речи. Перед советскими лингвистами стоит большая задача — критическое использование наследства А., А. Потебни. А. А. Потебня плохо изучен, хотя писали о нем немало; еще меньше использованы его лингвистические достижения.

Не можем мы согласиться и с объяснением „внутренней формы“ слова, которое дается А. А. Потебней. Для него „внутренняя форма“ — психологическая категория, обусловленная процессами, происходящими в самом сознании. Для нас способ называния предметов обусловлен общественной практикой людей. На различных ступенях человеческого мышления структура самой „внутренней формы“ неодинакова. Для „технологической“ (по терминологии Н. Я. Марра) стадии мышления характерно называние предметов по материальным свойствам самих предметов, как они выявляются в общественной практике. Для более древних эпох называние предметов шло по совершенно другому принципу — по признаку принадлежности их к тому или иному коллективу, А. А. Потебня специфические особенности „внутренней формы“ нашего времени распространяет на все эпохи человеческого мышления — ошибка, обычная для индоевропеистов. Так, в таких словах, как „дуб“, „дочь“ и т. п., утерявших свою первоначальную „внутреннюю форму“, он предполагает эту форму, как аналогичную более позднему слову „белок“. „Существительное первоначально есть признак, заключенный (данный, уже готовый) в чем-то, определенном для мысли и без помощи другого слова: белок есть белая часть яйца, белая покрытая снегом гора“ („Из записок“, I, стр. 90). Такое существительное, как „белок“, может лишь относиться к „технологической“ стадии мышления, да и то способ его образования („белок“ от „бел“) вовсе не является универсальным для „технологической“ стадии, имеются и другие. Конечно, не все слова, потерявшие первоначальную „внутреннюю форму“, восходят к „до-технологической“ стадии мышления; многие из них образовались „технологическим“ путем и успели уже утерять „внутреннюю форму“. Но в д р е в н и х корнях нельзя искать того, чего в них никогда и не было. Необходимо отметить, что в некоторых случаях А. А. Потебня отходит от своей принципиальной установки и становится на более правильные позиции. Так, он пишет: „Свидетельства, сохранившиеся в славянской устной словесности и сказаниях многих других народов, говорят о взгляде на орудия, особенно на те, которые почему-либо выделены из ряду, как оружие, как на существа вполне человекообразные, между прочим (как мечи у скандинавов...), способные носить собственные личные имена. Таким образом упомянутое представление сначала было точным выражением мысли и стало метафорою лишь позднее, когда n. instr. обычно стало представляться менее человекообразным“ („Из запи-

сок", III, стр. 104). В этом сказываются видоизмененные остатки пережиточно-древнейших способов словообразования, когда была „сопричастность", принадлежность к коллективу не „мертвых", а „человекообразных" вещей. Такое осознание природы и объясняет, почему предметы назывались не по их естественным свойствам, а по признаку принадлежности их к коллективу. Первобытное имя, если угодно — nomen agentis, но не индивидуальное, свойственное обозначаемой им вещи, а коллективное.

Четвертый том „Из записок по русской грамматике" по своим методологическим установкам весьма близок к первым трем. В нем тот же потебневский историзм, то же стремление к генетическим проблемам. В связи с этим нам представилось необходимым в предисловии кратко изложить основные положения первых трех томов исследования А. А. Потебни и дать им соответствующую оценку, облегчив таким образом читателю понимание настоящей работы. Четвертый том тематически хотя и представляет собою продолжение первых трех томов, но может рассматриваться и как исследование, имеющее самостоятельное значение. Основная часть его посвящена глаголу. Меньшая часть — местоимению, числительному и предлогу. Особенный интерес представляют главы: о происхождении и развитии видов в славянских языках, о наклонениях, временах и залогах. Будем надеяться, что настоящий труд А. А. Потебни явится ценным вкладом в разработку грамматики русского языка и завоюет должное внимание читателей.

Ф. Филин

ГЛАГОЛ

I. ДЕЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ НА ВИДЫ

§ 1. Критический обзор литературы о видах (Востоков, Юрий Крижанич, Ломоносов, Шафранов, Болдырев, Давыдов, Павский)

Грамматические категории, обозначаемые словом вид, давно замечены и перечислены. В этом отношении дополнять нечего. Путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, исторической точки зрения, с которой можно бы было усмотреть постепенность и порядок в наслоении значений, называемых видами. Большинство писавших о видах, даже знавшие вообще, что единственное верное направление языкознания есть историческое и, в частности, что было время, когда в глаголе не было видов, смотрели на виды, как на явления одновременные по происхождению, и делили их, не спрашивая, что было прежде, что после, не заботясь даже о единстве основания деления.

Я приведу только более известные деления:

По Востокову (Грамматика) вид глагола есть выражение: 1) продолжения, 2) свершения и 3) повторения действий, согласно с чем главных видов три: 1) неокончательный, не означающий ни начала, ни конца действия, 2) совершенный, показывающий начало или конец действия, и 3) многократный, показывающий действие, повторенное несколько раз.

1. Неокончательный вид подразделяется на: а) определенный, показывающий действие в самом совершении оного, например, читаю, пишу, т. е. занимаюсь теперь чтением или писанием; б) неопределенный, который показывает действие, как бы отвлеченное, рассматриваемое не во время совершения, также привычку и способность к действию, например, читаю, пишу, т. е. имею обыкновение читать или писать, умею читать или писать.

Различие между видом определенным и неопределенным не выражается формально в одних глаголах, но выражается в других, означающих движение с места и некоторые действия, к зрению и слуху относящиеся, например, определенный: вести, весить, видеть, свистеть; неопределенный: водить, вешать, видать, свистать.

2. Глаголы вида совершенного подразделяются на: а) начинательные, которые показывают начало действия, например, стану хвалить, стал читать, пойду, запою, и образуются двояко: приложением вспомогательного глагола стать, стал, стану к неопределенному наклонению неокончательного вида и приставкою предлогов *воз*, *за*, *по* к простому (беспредложному) неокончательному виду; б) окончательные, например, похвалю, кину, дойду, пропою.

Последние в свою очередь делятся на: аа) окончательные длительные, показывающие действие конченное в несколько приемов или в некоторое продолжение времени, например, похвалю, дойду; бб) окончательные однократные, показывающие действие конченное одним движением, например, кину.

3. В глаголе многократного вида нет подразделений.

Первые два члена главного деления (вид неокончательный и совершенный) имеют одно основание деления (несовершенность или совершенность); третий (многократный) — другое (количество крат). Очевидно, что глаголы многократные беспредложные (а только такие и называет Востоков многократными) подходят под понятие неокончательности (т. е. несовершенности), стало быть 1-й член деления заключает в себе и 3-й. Менее очевидно, хотя верно, что глагол совершенный, сложенный из предлогов и глаголов многократных, например, запохаживал, несмотря на влияние предлогов, сохраняет свою многократность (см. ниже).

Таким образом оказывается, что каждый из первых двух членов не исключает собою 3-го, т. е. главное деление было бы двойственно: глаголы несовершенные и совершенные.

Подразделение вида неокончательного на определенный и неопределенный не может быть соглашено с подразделением вида совершенного, так как они не означают ни начала, ни конца действия, т. е. как несовершенные, повидимому, не могут быть совершенными. Если же разделим глаголы неокончательные на определенные (веду) и неопределенные (вожу), то окажется, что те и другие исключают не весь вид совершенный, а только одно из его подразделений: глаголы однократные. Глаголы определенные и неопределенные, оставаясь сами собою, в то же время могут быть совершенными начинательными: стать вести, стал вести, стану вести — тоже неокончательные определенные. Совершенный начинательный: доведу — неокончательный определенный. Совершенный длительный: завожу (начну водить) и стану водить — глаголы неокончательные неопределенные, совершенные начинательные; довожу — неокончательный неопределенный, совершенный длительный. Определение каждого из этих глаголов заключает в себе противоречие, которое не может быть устранено заявлением, что глаголы неокончательные превращаются посредством присоединения вспомогательного стать и известных предлогов в совершенные начинательные и длительные: в том-то и дело, что, превращаясь, эти глаголы не перестают быть определенными и неопределенными. Выход из этих противоречий тот, что определенность и неопределенность не суть подразделения неокончательности, т. е. несовершенности, что неопределенность и определенность, с одной стороны, и несовершенность и совершенность, с другой, — это два различные деления, насильственно соединенные в одно.

В начинательный вид Востокова вовсе не входят глаголы, обозначающие оттенок начинательности (перехода в известное состояние) своим характером $\frac{-не-}{-ну-}$, $\frac{-ѣе-}{-ѣ-}$ — средством вполне грамматическим или формальным. Начинательные глаголы вида совершенного у Востокова должны распасться на два отдела: глаголы сложные со стать, стал, стану и глаголы сложные с предлогами *воз-*, *за-*, *по-*.

Что до первых, то в таких выражениях, как стану, стал, стать, бить, замечаем следующее. Выражения эти в известном отношении вряд ли могут быть отделены от выражений, очевидно не составляющих особой грамматической категории начинательности и означающих начинательность не грамматически, а логически, каковы русские

начал (ст.-рус. учал) бить, завел (=начал), принялся, собрался бить; украинские узяв, почав, заходився бити.

Такая начинательность может быть в глаголах независимо от их совершенности. Ср. русское „заводит (начинает, принимается, собирается) петь"; украинское „береться (починае, захожуеться, лагодиться) бити"; „И пошол говорить"; „У цркви блага не имаше, него едан сандук од камена; одоше га дружба разбиjати, сви га бише разбит' не могоше" (Чубро Чоjковић, 65); „Обје мени стадоше зборити" (ibid., 65) (fingen an); „Плећи даде а бјежати оде" (ibid., 77); „[Ребята] взяли Гордена пощипывати" (Др. росс. стих., 152).

Если „захожусь бить" не есть начинательный глагол (т. е. не есть одна простая или описательная форма), а выражение, то „стану бить" не следует считать грамматическою категориею; в противном случае мы должны бы до бесконечности размножить количество грамматических категорий, смешавши их с относительно-реальным значением слов. Правда, между „стану бить" и „начну, захожусь бить" есть та разница, что в „стану" некогда чувствовалась начинательность, зависимая от формальной стихии этого слова, именно от характера *-н-*; но из этого не следует, чтобы и не „стану" могло рассматриваться как слово чисто формальное, по значению сливающееся со своим дополнением в одну форму „стану бить", которая рассматривается обыкновенно как одно будущее время глагола; но в таком случае и „заведу бить" и „захожусь бить" — будущие времена. На самом деле это не описательные времена, а сложные выражения, обязанные значением будущности тем, что в них входят глаголы совершенные. Напротив, „буду бить" и „битиму", как и сербское бићу, могут считаться за грамматические формы в силу чисто формального значения глаголов, входящих в их состав. Между этими будущими, с одной стороны, и группою выражений как „стану — стал — ставши — стать бить", с другой, — нет полного соответствия.

Между тем, вопреки Востокову, „буду бить" сходно с „стану бить" в том, что как в первом, так и во втором „бить" представляется несовершенным, явственно отличается от совершенных глаголов, как побью, забью, убью и пр. Вообще совершенность глагола дополняемого не делает совершенным дополнения в неопределенном наклонении.

Итак, „стану бить" по отношению ко второй составной части не может быть названо ни начинательным, ни совершенным.

Что до второго отдела глаголов, всегда совершенно-начинательных, то это — глаголы предложные: пойду, взвою, запою. По Востокову начинательные совершенные — на деле действительно суть совершенные, но не начинательные в грамматическом смысле. Подобным образом предложные совершенные, называемые Востоковым окончательными длительными (похвалю, дойду), не составляют грамматической окончательности (которой не следует смешивать с совершенностью).

Было бы достаточно оснований различать, согласно с Востоковым, грамматические категории начинательности и окончательности внутри категории совершенности глаголов предложных, если бы каждый предлог, сообщающий глаголу значение совершенности, в то же время относил глагол к разряду начинательных или окончательных. Но, во-первых, значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности: заговорю (начну говорить) есть глагол совершенный, заговариваю (с кем, начинаю говорить) — глагол несовершенный, но начинательность в них одинакова; заговорю зубы (заговором утолю зубную боль) есть глагол совершенный, заговариваю — глагол несо-

вершенный, оба с равным значением окончательности. Согласно с этим мы должны были различать начинательность и окончательность как в глаголах совершенных, так и несовершенных. Во-вторых, различия начинательности и окончательности слишком частны для грамматических категорий. Большинству предлогов начинательность значения не свойственна. Принадлежность глаголов предложных к начинательным или окончательным, подобно всем лексическим оттенкам значения слов, формально ничем не выражается, так что посредством грамматического разбора мы не в состоянии различить глаголов начинательных — завозить ногами под столом (начать возиться) от глаголов окончательных: завозить платье (в том смысле, как говорят „заносить рубашку“), завозиться донельзя (замараться). Дополнение в том или другом падеже для начинательности и окончательности значения глагола вовсе не характеристично.

Как выше сказано, глаголы неокончательные несовершенные заключают в себе и многократные; но и одно из принятых Востоковым подразделений глаголов несовершенных, именно глаголы неопределенные, как выражающие привычку к действию, тоже заключают в себе глаголы многократные: говаривал, solebat dicere. А между тем другой отдел глаголов неокончательных — глаголы многократные.

Юрий Крижанич (Граматйчно изкâзанје, 73) замечает:

„1. Начинательные глаголы, к коим относятся не только беспредложные, как: билйјем, чернйјем, но и предложные, как: обилéл, очернéл. Независимо от этого ...почти всякий начинательный глагол, — говорит он вслед за этим, — разделяется на однократный, многократный и неопределенный“.[1]

Таким образом возникший впоследствии времени спор о том, суть ли формы со значением однократным (и совершенным) и многократным самостоятельные глаголы, или же эти формы вместе с неопределенными составляют одно спряжение о десяти или восьми временах,[2] с точки зрения Крижанича решается таким образом: однокоренные глаголы, неопределенные и однократные, суть глаголы самостоятельные, но лишь взятые вместе они образуют круг категорий, выражаемых славянским глаголом. Графически этот взгляд выражается у Крижанича тем, что спряжение каждого из этих глаголов занимает особый столбец, но все три столбца стоят рядом.

Здесь замечу, что и я при дальнейшем изложении буду безразлично называть глаголом и один глагол, принадлежащий к одному известному разряду, и группу взаимно дополняющих себя относительно

---

[1] Словом глагол неопределенный перевожу крижаничево „обстôјна ричйна“, имея в виду позднейшую терминологию; собственно „обстôјна ричйна“ значит глагол самостоятельный. Так, у Крижанича substantivum названо „обстôјно ȋме ... kóје сâмо óб себи, без ȋного ȋмена, в бесйде стојат мôжет“ (ibid., 46).

Выражение „...всякий начинательный глагол разделяется на однократный...“ следует понимать так, что хотя каждый из трех глаголов, каковы, например, обстойный сидйм (сижу), многократный сȋдам (украинское сідаю), однократный сéдам (сяду), принадлежит к особому спряжению (коих у Крижанича три, по 1-му лицу ед. ч. *-ам*, *-ем*, *-им*), но все три „обличья“ (вида) дополняют друг друга и в этом смысле могут рассматриваться как один глагол.

[2] Ломоносов принимает в русском десять времен: настоящее колю, прошедшее неопределенное колол, прошедшее однократное кольнул, прошедшее совершенное поколол, давнопрошедшее 1-е калывал, будущее неопределенное буду колоть, будущее однократное кольну, будущее совершенное поколю. „Академическая грамматика“ 1802 г. отбрасывает давнопрошедшие 2-е и 3-е. Защита несамостоятельности форм на -ну-, -ыва- (-ива-, -á-) и форм предложных совершенных, их принадлежности к одному спряжению — в сочинении Шафранова „О видах русского глагола в синтаксическом отношении“, Москва, 1852.

вида. Я буду, избегая околичнословий, говорить, например, о глаголе с четырьмя степенями, т. е. о четырех глаголах, по отношению к виду составляющих одно целое. За мерило особности глагола будем при этом принимать только глагольный характер; различные предложные глаголы с одним и тем же характером (*до-*, *при-*, *за-* ходить) составляют особые единицы только с лексической точки зрения, а в грамматике принимаются за одну единицу, если они тожественны в формальном отношении.

Глагол однократный означает действие однократное и совершенное. Сюда, по Крижаничу, относятся все глаголы, которые мы называем совершенными, т. е. не только такие, как „кри́кнем, ста́нем", но и такие, как „бу́дем, се́дем (=сяду), ле́жем (лягу), засе́дем, поле́жем", а равно образованные от неопределенных (обстойных) — „посиди̂м, полежи̂м, престоьи̂м, јзбере́м, нажи̅ве́м, проговори̂м", и многократных (в смысле принятом Крижаничем), как „обхо́дим" (в значении будущего, а не настоящего).

Разумеется, сюда же должны быть отнесены и вышеупомянутые начинательные предложные обиле́л etc.

Многократный глагол означает действие, повторяемое много крат или обычное, как: си̂дам (украинское сідаю), ли̂гам (украинское лягаю), ста́јем (стаю́, становлюсь), заси̂дам, поли̂гам, возста́јем, обладу́јем (от вла̂дам), указу́је́м (от ка̂жем), за̂зи̂вам (от зове́м), позна̂вам (от зна̂м), сконча̂вам (от конча̂м), ва̂льам (вали̂м), заба̂вльам (заба́вим) с изменением основного *о* в *а*: гова̂рјам (говорим), ва̂джам (во́дим) и пр. Крижанич знает русские формы: говаривал, хаживал, спрашивал, но считает их мужицкими и испорченными („кме́тскиь и ска́зен и̅зро́к"). Правильно: „гова̅рјал, ха̅жал, спра̅шал". Не забудем, что он старается создать грамматику общеславянского языка; устраняя русские формы, он точно так же считает „мужицкими" и „мерзкими" такие задунайские, как воздвизам, приницам (старославянские въздвизаѩ, приницаѩ) вм. воздви̂гам, при̂кам (стр. 108, 109).

Неопределенный просто означает действие, без отношения к однократности или многократности, как: „сиди̂м, лежи̂м, стоьи̂м". Название этих глаголов самостоятельными („обсто̂јна ричи́на") оправдывается тем, что по общему правилу они первообразны, и от них производятся глаголы однократные и многократные. Крижанич знает исключения из этого правила; так, напр., некоторые однократные на *-нем* (ри́нем, де́нем, ки́нем, сва́нем, гê рнем) он считает коренными.

Обращаем внимание на следующие наблюдения Крижанича:

1. Глагол неопределенный, слагаясь с предлогом, изменяет вид и становится однократным (т. е. совершенным), за исключением глаголов: зави́дим, ненави́дим, надије́мсе и некоторых других. Но глагол многократный и слагаясь с предлогом остается многократным, за исключением глаголов во́дим, во́зим, го́ни́м, но́сим, хо́дим, ла́зим, которые в соединении с предлогами имеют двоякое значение: многократное и однократное (совершенное, как заводим, и пр.) (стр. 75).

2. Некоторые глаголы многократные, не сложные с предлогом, употребляются в двояком значении: неопределенном (обстојном) и многократном, например пра̂шам, ку̂шам, жê дам, ди̂хам, стри̂льам, ру̂бам и пр. (стр. 74).

3. В однократных (т. е. совершенных) будущее время одинаково с настоящим.

Через полтораста лет без малого проф. Болдырев, по всей вероятности совершенно самостоятельно, пришел к такому же делению по видам, как и Крижанич (см. Болдырев).

Болдырев делит глаголы по видам на 5 разрядов:

а) начинательные, например белеть;

б) неопределенные, выражающие некоторое продолжение состояния или действия, например делать, любить, терпеть, бегать;

в) учащательные, показывающие действие, повторенное несколько раз, притом в разные времена, например делывать и прочие на *-ыва-*, *-ива-*;

г) однократные на *-нуть*: дернуть;

д) совершенные, выражающие действие, которое должно быть произведено вдруг, например срубить, приделать, разбить, вырвать, запереть.

Заметим следующие отличия от крижаничева деления.

Начинательные у Болдырева поставлены в ряд с остальными. У Крижанича они выделены из тройственного деления почти всякого глагола на обстойные, однократные и многократные, так как начинательные, независимо от своей начинательности, могут быть обстойными и совершенными.

В числе неопределенных у Болдырева помещен глагол бегать. Очевидно, глагол бегать может быть отнесен только к этому отделу, из чего видно, что неопределенные Болдырева заключают в себе часть многократных Крижанича. Для нас поучительно то, что двух отделов (обстойные и многократные — Крижанича, неопределенные и учащательные — Болдырева) мало для помещения глаголов, остающихся за вычетом однократных.

Болдырев отделяет глаголы однократные от других совершенных, между тем как Крижанич их смешивает. Здесь прав Болдырев; но он не умеет определить совершенности, потому что какое же действие, совершенное вдруг, в выражении „доводить кого до усталости". Мы не говорим уже о том, что он не понимает отношения совершенности к другим видам (см. ниже).

Давыдов членам болдыревского деления дает другой порядок и прибавляет кое-что, заимствованное у Востокова и Павского.

„В грамматиках наших, — говорит Давыдов, — до сих пор употребляются названия видов: неопределенного, совершенного, однократного, многократного вопреки логическому делению по двум различным основаниям — кратности и совершению. Поэтому необходимо из сих двух оснований избрать одно, по которому виды и должны быть разделены. Очевидно, свойству русского глагола соответствует кратность" (Изв. II отд. АН, т. I, стр. 226).

„Первоначальные формы, в которых дух созерцает внешний мир, суть пространство и время, в пространстве является бытие (имя); во времени — деятельность (глагол). Из полярной противоположности бытия и деятельности развиваются отношения качества и количества. Качество, как принадлежность бытия, соответствует форме пространства; количество, как проявление деятельности, соответствует форме времени. Здесь основание видов глагола" (Давыдов, § 378). (Итак вид означает количество действия.)

„Деятельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или *кратностью*; продолжительность может быть или *однократная* (скакнуть), или *многократная* (скакивал) или *неопределеннократная* (скакать)" (ibid.).

„Все, продолжающееся во времени, имеет начало, продолжение и совершение: от того продолжительность неопределеннократная представляет три момента: *начинания*, *длительности* и *окончания* или *совершения*" (ibid.).

По видам русские глаголы разделяются на: однократные, многократные и неопределеннократные.

1. „Неопределеннократный вид употребляется, когда показываем действие в его совершенности, без определения начала или конца (NB!), например, «птицы *летают*, рыбы *плавают*, звери *ходят*, *ползают*, *прыгают*», т. е. имеют способность летать, плавать, ползать, прыгать".

В этих (неопределеннократных) глаголах различаются три момента или степени: а) длительность, б) начинательность и в) окончательность или совершенность.

а) Длительный или собственно неопределеннократный вид изображает действие, одинаково повторяющееся: думать, читать, писать.

б) Начинательный вид показывает начало какой-либо деятельности, например, краснеть, белеть, лететь.

в) Окончательный или совершенный означает полное совершение действия, также одного только начала или конца: покраснеть, написать, передушить.

2. „Многократный вид употребляется, когда выражает действие, много раз происходившее:

«Не пропархивал тут млад белый кречет,
Не пролетывал тут ни сизой орел».

3. Однократный вид означает действие один раз и быстро оконченное. Он употребляется в глаголах, выражающих действие, доступное чувствам": каркнуть, захлопнуть, двинуть, тронуть, решить (sic!). (См. Давыдов, §§ 378, 379, 380, 381, 382; некоторые примеры взяты из § 100.)

Оставляю в стороне философские основания этого деления, ложные, как и вся система Беккера, по которой построена эта грамматика. Грамматике нет дела до того, что все продолжающееся во времени имеет начало, продолжение и совершение. Эти моменты могут вовсе не выражаться в языке. Поэтому бесполезно говорить сначала: „так-то должно быть", чтобы сказать потом „так и есть на самом деле", потому что необходимой связи между тем и другим нет.

Важнее для нас следующее. Старание Давыдова устранить двойственность деления, принявши за основание одну кратность, остается безуспешным. Он достигает только мнимого единства на словах, потому что, хотя совершенности отведено на словах узкое место в одном из подразделений глаголов неопределеннократных, но на деле совершенность может распространяться на все виды, о чем ниже. Таким образом двойственность основания деления в сущности остается, и в этом отношении рассматриваемое деление не выше предыдущего.

„Деятельность, совершающаяся во времени, измеряется продолжительностью или кратностью". Но, спрашивается, все ли равно, что продолжительность, что кратность? — Нет, так как язык может выражать длительность, вовсе не обозначая кратности. Чтобы говорить о неопределеннократных у Давыдова, нам, в сущности, вовсе не нужно понятие кратности. А между тем кратность действительно обозначается глаголами однократными и многократными.

Прибавляя к этим двум разрядам третий, в коем вовсе нет кратности, а есть только длительность, мы и здесь получаем деление о двух основаниях. На это можно возразить, что если здесь мы находим двойственность основания, то должно ее видеть и в делении глаголов на несовершенные и совершенные, а между тем верность последнего деления несомненна. Но, возражаю, это — неверно. Как только образовались глаголы совершенные, все остальные тем самым стали несовершенными:

„делать“ по отношению к „сделать, доделать, приделать“ и пр. не может быть ничем другим, как несовершенным. Между тем, по образовании глагола однократного „кольнуть“ и многократного калывать, глагол колоть не стал неопределеннократным, т. е. выражающим неизвестно сколько крат действий: он никаких крат не выражает. Однако глаголы, как колоть, исключают такие, как кольнуть и калывать. Следовательно, ошибка заключается не в их распределении по группам, а в точке зрения на это распределение. Отождествление продолжительности и кратности оказывается ошибочным: остается разделить эти понятия. Если за меру примем степень длительности, выражаемой глаголом колоть, то окажется, что калывать есть более длительный сравнительно с колоть и что из этой большей длительности вытекает его многократность, что кольнуть есть менее длительный сравнительно с колоть, и отсюда его однократность.

В сказанном о виде неопределеннократном и его подразделениях заключены поразительные противоречия.

Во-первых, если вид неопределеннократный не определяет ни начала, ни конца действия, то каким же образом он может заключать в себе глаголы начинательные и окончательные? Если он их в себе заключает, то определение его ложно, и наоборот, если определение его верно, то из него необходимо выделить глаголы начинательные и окончательные.

Давыдов уравнивает глаголы неопределеннократные длительные с востоковскими неокончательными неопределенными, а неокончательные начинательные с востоковскими неокончательными определенными (§ 100). Образцы начинательных у Давыдова: краснеть и лететь, из коих первый согласен с тем понятием о начинательности, какое имеют Крижанич и Болдырев, а второй поставлен в угоду делению Востокова. Если лететь есть начинательный глагол, то и все остальные, по Востокову, неокончательные определенные, как итти, ехать, везти, вести, плыть, лезть, тоже должны быть начинательными, на что не согласятся ни Крижанич, ни Болдырев, с одной, ни Востоков — с другой стороны, хотя их понятия о начинательности различны.

Если глагол краснеть вместе с Давыдовым назовем, в угоду Востокову, определенным, то и с этим Востоков не согласится, потому что согласно с делением Востокова краснеть, смотря по значению, может быть не только определенным (теперь краснею), но и неопределенным (могу, имею способность краснеть). Таким образом Давыдов, стараясь примирить два деления, портит и то и другое.

Мы видим, что Крижанич и Болдырев под начинательными разумеют только такие глаголы, как краснеть, причем Крижанич справедливо ставил их вне деления на обстойные, однократные и многократные, так как действительно глаголы как краснеть, не лишаясь значения, сообщаемого им характером $\frac{\text{-ѣе-}}{\text{-ѣ-}}$, значения, названного начинательным, от присоединения предлога становятся совершенными (по Крижаничу — однократными), от присоединения нового характера — многократными [так если не в русских, то в других наречиях, например: в польских при медлети (пример из Крижанича)—польские mdleć, omdlewać].

Востоков под начинательными понимает не глаголы на -ѣ-, из коих он не делает особого вида, а одно из подразделений вида совершенного, именно глаголы, сложные с вспомогательным стать и с предлогами *по-*, *за-*, *воз-*. Давыдов и здесь хочет занять середину: „начинание в глаголах, происходящих от имен прилагательных, собственно выражается окончанием *ѣть* (*красн-ѣть*, *толст-ѣть*); для различия же упомянутых

трех моментов (т. е. моментов неопределенной продолжительности: начинания, длительности и окончания или совершения. *А. П.*), без перемены значения глагола, употребляются предлоги: начало действия означает предлог *за* (зазвонить); продолжение — предлоги *по, про* (позвонить); окончание или совершение — предлоги *раз, со, до, на, от* (отзвонить)" (§ 378). Прилагая это к вышеприведенным подразделениям вида неопределеннократного, мы увидим, что Давыдов совмещает:

а) в неопределеннократном длительном — глаголы пишу (настоящее) и позвоню, прозвоню (будущее);

б) в неопределенноначинательном — краснею (настоящее) и зазвоню (будущее);

в) в окончательном или совершенном — не только с *раз-, со-, до-, от-*, но и с другими предлогами, между прочим с *по-* (повершить), *про-*, которые выше были присвоены неопределеннодлительным.

Таким образом Давыдов, независимо от того, что ошибочно сделал глагол совершенным и одним из подразделений глаголов неопределеннократных, сам же вносит совершенность в два другие подразделения глаголов неопределеннократных.

Что до помещения глаголов с одними и теми же предлогами в виде неопределеннодлительном и окончательном, то оно есть повторение того, что мы находим у Востокова, только с прибавлением новой ошибки. У Востокова глаголы совершенные бывают: совершенные начинательные (пойду) и совершенные окончательные (похвалю); у Давыдова глаголы предложные с настоящим в значении будущего, при одном и том же предлоге (как у Востокова), считаются то неопределеннократными (не означающими конца и начала действия) длительными, то неопределеннократными окончательными. Почему же и не начинательными? Ведь Востоков считает предлог *по-* сообщающим и значение начинательности.

Действительно, при одних и тех же глаголах одни и те же предлоги, сообщающие настоящему времени этого глагола значение будущего, могут иметь по два и по три таких оттенка значения, которые могут дать повод (не скажу: достаточное основание) к различению начинательности, длительности и окончательности внутри категории, которую Востоков называет видом совершенным, например, в „проговорил таковы слова" можем видеть с некоторою натяжкою и начинательность (начал говорить, как в сложном „воспроговорил") и окончательность (как в „проговорил урок"; ср. „проговорил ужин", т. е. потерял говоривши, как в украинском „свою долю в неділю проснідав, а в п'ятницю проспівав"), а в „проговорил с ним весь вечер" — длительность.

О многократных у Давыдова заметим: из приведенного им примера этих глаголов (пропархивал, пролетывал, § 381) видно, что к ним относятся и предложные на *-ыва-, -ива-*. Нам кажется это верным (см. ниже). Но по Востокову глагол выкатывал есть уже не многократный, как простое катывал, а сложный неокончательный; по Павскому, глаголы 3-й степени, соединяясь с предлогами, переходят в другую. Поэтому и Давыдов говорит (§ 100), что многократный вид переходит в неопределеннократный посредством предлога: читывать — почитывать. Таким образом, чтобы помирить Давыдова с самим собою, нужно или уничтожить приведенные примеры многократности (пролетывал), на что все трактовавшие о видах согласны (кроме разве Крижанича, у которого, впрочем, понятие о многократности слишком широко), или отвергнуть переход многократных в неопределеннократные.

В числе однократных глаголов, выражающих действие, доступное чувствам, рядом с глаголами на *-нуть*, Давыдов помещает „решить" (§ 100), конечно, не в несовершенном значении старинного вязати

и рѣшити (solvere), а в современном значении умственного решения.

Оставив в стороне предполагаемую чувственность значения этого глагола, считаем, однако, уместным вопрос, суть ли глаголы совершенные, как решить, купить, кончить, женить и некоторые другие, вместе с тем однократные. Понятно, что они таковы по Крижаничу, который совершенно не отличает совершенности от однократности; Павский, к делению коего мы приходим, считает глагол кончить (кончу — будущее) окончательным или решительным, но не мгновенным, хотя решительные и мгновенные соединяет в одну степень — однократную; но у Давыдова однократные и совершенные составляют два вида.

Сочинение Павского о глаголе (Павский, Рассуждение 3-ье) появилось за десять лет до грамматики Давыдова, но для нас более поучительно, чем эта последняя. По Павскому:

„I. В отношении к времени действия и явления глаголы бывают:

а) мгновенные, — например мелькнуть,

б) продолжительные неопределенные, — например мелькать,

в) продолжительные дальние: читывать, видывать,

г) продолжительные прерывистые: почитывать, поглядывать,

д) начинательные: сохнуть, мокнуть,

е) окончательные или решительные: кончить, уйти, прочитать.

II. В отношении к пространству глаголы бывают:

а) однообразные, когда действие происходит по одному направлению, или совершается в один прием, — например лететь, скочить,

б) разнообразные неопределенные, когда действие принимает разные направления и совершается в разные приемы, — например летать, скакать,

в) разнообразные дальние, когда разнообразное действие происходит вдали (где-то) на неопределенном пространстве, — например хаживать, скакивать.

Тесная связь между временем и пространством послужила причиною тому, что нередко одними и теми же признаками отмечается неопределенное время и неопределенное пространство, также дальнее время и дальнее пространство. И во многих случаях только посредством наречий, происшедших от местоимения, можно различать в глаголе время от пространства. Естьли к глаголу приложить можно частицы: и тогда и тогда, когда-то, некогда, то идет речь о времени, а естьли приложить можно к глаголу частицы: и там и сям, туда и сюда, и тут и там, где-то, негде, то тут идет речь о пространстве или месте“ (§ 3).

Таким образом сам автор находит двойственное деление по времени и пространству почти излишним. Нам остается только выразиться решительнее: особых глагольных признаков, отличающих время от пространства, вовсе нет: ко всякому из подразделений по времени можно приложить наречие места, и ко всякому из подразделений по пространству — наречие времени.

Хаживал и читывал в грамматическом отношении, т. е. независимо от различия корней, значат совершенно одно и то же. То, что в значении глагольных характеров может быть принято за пространственное отношение, вносится или значением корня, или наречиями. Сам по себе глагольный характер, в отношении к видам или степеням, может

обозначать только бо́льшую или меньшую обширность времени, занимаемого действием.

Возвращаемся к первому делению по времени.

К сказанному о начинательных следует прибавить: „Глаголы породы -ѣ- (несократ.) $\left(\frac{-ѣе-}{-ѣ-}\right.$ *А. П.*$\left.\right)$ означают не только принятие нового качества и переход в известное состояние, но и пребывание в нем, и постепенное умножение качеств. Поэтому не всегда справедливо называют их начинательными. Например глаголы: глазѣть, умѣть, пламенѣть, потѣть, коснѣть, радѣть, жалѣть, говѣть вовсе не похожи на начинательные“ (§ 26). Но тем не менее, если не все, то многие из глаголов этой породы связаны по значению с глаголами породы -ѣ- отметаемого, которые тоже означают не только переход в известное состояние, но и пребывание в нем. Оба характера могут быть иногда поставлены один вместо другого (например желкнуть и желтѣть) или соединяются в одном и том же глаголе, например тускнѣть (§ 27). Одним словом, по Павскому, к примерам начинательных, как „сохнуть“, мы должны прибавить и „желтѣть“ и т. п. Сравнительно с Крижаничем, Болдыревым, Давыдовым у Павского отдел начинательных полнее, так как кроме глаголов -ѣ- заключает в себе и глаголы -ѣе-, и в этом Павский выше. Но о сопоставлении этих глаголов начинательных с другими подразделениями по времени следует повторить сказанное о том же по поводу начинательных глаголов у Давыдова.

Сам Павский потому ли, что не умеет справиться с отношением начинательных глаголов к другим подразделениям, или по недосмотру в своих трех степенях (о коих ниже) не дает вовсе места начинательным.

В сопоставлении глаголов окончательных с мгновенными, продолжительными и начинательными у Павского та же ошибка, что у Востокова и Болдырева, именно: глаголы окончательные не исключают других членов деления по времени (и пространству).

Глаголы продолжительные прерывистые (почитывать) по грамматическому, т. е. формальному значению ничем не отличаются от продолжительных дальних и не должны составлять отдельного разряда.

Затем, за исключением начинательных, окончательных и продолжительных прерывистых, глаголы относительно времени сводятся на мгновенные (мелькнуть), продолжительные неопределенные (мелькать) и продолжительные дальние (читывать). Следовательно, степеней (см. ниже) может быть не больше трех; если же их окажется в действительности больше, то значит, что, кроме глаголов мгновенных, есть еще подразделение по времени, о коем или вовсе не было речи, или которое скрыто было под чужим именем.

„Последуя намекам гения нашего языка, который не положил твердых границ между различными кратами времени и пространства,[1] сольем всё (т. е. оба деления по времени и пространству. *А. П.*) вместе. Тогда окажется в глаголах наших не более трех степеней.

Первая степень: глаголы однократные, к которым относятся мгновенные, решительные и частью однообразные.

Вторая степень: глаголы многократные неопределенные, к которым причисляются продолжительные неопределенные, прерывистые и разнообразные.

Третью и последнюю степень занимают глаголы многократные дальние. Сюда причисляются: продолжительные дальние и разнообразные дальние.

[1] По сказанному выше было бы: не знаем вовсе деления глаголов по пространству.

Примеч. Эту постепенность русских глаголов несколько нарушают одни только глаголы однообразные, которые стоят на середине между 1-ю и 2-ю степенью и сближаются то с тою, то с другою" (Павский, III, § 3). Это значит, что глаголы, по пространству однообразные, по отношению ко времени могут быть или окончательные [благословить (sic!), бросить; см. § 22, стр. 60], или продолжительные неопределенные (лететь), и в первом случае относятся к 1-й степени, во втором — ко 2-й.

Чтоб оценить это деление, нужно решить два вопроса: а) имеет ли здесь степень значение историческое и б) полно ли деление на три степени.

а) Если нам говорят о степенях глаголов, или об их постепенности, то мы вправе ожидать, что степень, названная первою, будет первою, а не второю, третьею по времени происхождения, вторая — второй и т. д.

Постепенность не историческая, а такая, при которой первая степень названа первою по индивидуально-психологическим побуждениям, а в языке оказывается не первою, такая „идеальная" постепенность не имеет для языкознания никакой цены. В степенях Павского мы не находим исторической последовательности.

1-я степень. Глаголы мгновенные, принадлежа к 1-й степени (кольнуть), производятся из первообразных (колоть), которые по значению суть многократные неопределенные и принадлежат ко 2-й степени (см. Павский, §§ 28 и 19). Точно так глаголы окончательные или решительные, как прочитать, принадлежат к 1-й степени, а простые, как читать — ко 2-й. Глаголы прерывистые (почитывать) принадлежат ко 2-й степени, а простые (продолжительные дальние — читывать) — к 3-й. Но ведь значение мгновенных зависит от их характера, а следовательно, значение первообразных древнее мгновенных, признанных за производные; точно так и значение предложных зависит от их внешней сложности с предлогами, и простые не только по форме, но и по значению предшествуют сложным.

б) Деление на три степени не полно. К 1-й степени относятся глаголы мелькнуть (мгновенный), кончить (окончательный), а „частью — глаголы однообразные", именно те же совершенные, означающие движение, как дать, пасть, скочить (§ 22, стр. 60).

Летѣть — лечу не может быть глаголом однократным, подобно мгновенному мелькнуть, и не может принадлежать к 1-й степени Павского. Но глагол этот не может принадлежать и ни к какой другой степени, потому что он, очевидно, не может быть назван многократным.

Заметим, что таких глаголов Павский в виде примера приводит 20, что в действительности их гораздо больше, что стало быть мы имеем основание говорить не о некотором нарушении постепенности, а прямо о недостаточности тройственного деления.

В § 22 Павский решительно относит их ко 2-й степени, т. е. к многократным неопределенным, и замечает только, что характерная гласная *-а-*, посредством коей от этих (однообразных глаголов) производятся разнообразные (летать от летѣть), „не так решительно переводит глаголы с одной степени на другую", как тот же характер переводит однообразные 1-й степени (бросить) на 2-ю (бросать) или, например, характер *-ива-*, *-ыва-* — переводит со второй степени на 3-ью (носить — 2-я, нашивать — 3-я). „Не так решительно переводит", т. е. в сущности вовсе не переводит, „присоединившись к глаголам многократным однообразным для того, чтобы изобразить разнообразность движения и явления и разные приемы и направления действия, она (— характерная

гласная *-а-*. *А. П.*) оставляет сии глаголы на той же второй степени и не переводит их в третьестепенные или дальние" (ibid., § 22). (Разрядка Пометни. *Ред.*)

Таким образом 2-я степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые (почитывать), совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны — плыть, летѣть, садить, с другой — произведенные от них плавать, летать, сажать.

Разделение по отношению к пространству, по коему эти глаголы названы Павским однообразными и разнообразными, выше признано ошибочным; но по времени глаголы летѣть и летать не могут быть отнесены ни к какому другому, кроме продолжительных неопределенных. Следовательно, необходимо подразделить эти последние. Готовый образец такого подразделения находим у Востокова в делении неокончательных на определенные и неопределенные, в делении, имеющем, как выше сказано, свои недостатки.

§ 2. О влиянии предлогов на виды

До сих пор замечания Павского заслуживают наибольшего внимания. Они будут и для нас исходною точкой. Напомним, что степеней длительности глаголов, по Павскому, три: к 1-й однократной принадлежат глаголы мгновенные и все совершенные; ко 2-й — многократные неопределенные; к 3-й — многократные дальние.

Павский находит, что предлоги из числа 21 [*вы-*, *до-*, *за-*, *на-*, *с-*, *по-*, *пре-*, *при-*, *про-*, *у-*, *в-*, *вз-*, *из-*, *над-*, *низ-*, *об-*, *оты-*, *поды-*, *перед-* (*пред-*), *раз-*, *с-*], соединяясь с глаголом 3-й степени, переводят его на 2-ю; соединяясь с глаголом 2-й, переводят его на 1-ю и, наконец, соединяясь с глаголом 1-й степени, степени этих глаголов не изменяют.

Он знает следствия, вытекающие из такого-то правила, но не видит никакой надобности изменять самое правило сообразно с ними. Из принимаемого им влияния предлогов следует, что во многих глаголах есть по две 1-е и по две, по три 2-е степени, совершенно различные по образованию и значению, между тем как в других вовсе нет 3-й степени, хотя есть форма, которая могла бы иметь значение ее.

а) В глаголах, имеющих беспредложную форму 1-й степени, есть сверх того предложная 1-я степень, происшедшая от присоединения предлога к беспредложной форме 2-й степени. Например двинуть и сдвинуть (1-я степень) и сдвигать (1-я степень от 2-й двигать). Нам нисколько не легче от того. В начинательных и во всех неимеющих мгновенных форм, например стареть, знать, первая степень только одна (устареть, узнать).

б) В глаголах, имеющих по одной беспредложной форме 2-й степени, другая форма той же степени образуется посредством присоединения предлога к форме 3-й степени. Таким образом, при 2-й степени знать, звать, тереть, чистить, красить, играть появляется 2-я степень, производимая от 3-й: узнавать, называть, растирать, очищать, расспрашивать, выигрывать.

в) В глаголах, имеющих, по мнению Павского, по две беспредложные формы 2-й степени (одну однообразную и одну разнообразную) по присоединении форм, произведенных от 2-й степени, всех форм для 2-й степени оказывается три: ломить, ломать, выламывать, бежать, бегать, выбегать и пр., садить, сажать, высаживать и т. п.

г) Так как „все вообще предложные глаголы лишены третьей или последней степени протяжения“, потому что, например, *брасывать* (3-й степени) от присоединения предлога переходит на 2-ю степень (*сбрасывать*) и уравнивается с *бросать* (2-я степень) (§ 34), и так как многие глаголы 3-й степени без предлога вовсе не употребляются и никогда не употреблялись (§ 40), то значит, что в этих глаголах 3-я степень существует только идеально. При глаголах 2-й степени (по Павскому) *мочь*, *выкнуть*, *каяться*, *молить* имеют неупотребительные без предлога глаголы: *могать*, *выкать*, *каяваться*, *молять*, единственно на тот конец, чтоб из них образовать предложные 2-й же степени: *помогать*, *привыкать*, *раскаяваться*, *умолять*.

В глаголах отыменных (судя по примерам у Павского — с характером -и-/-и-) Павский принимает даже по две (следовало бы в иных и по три) идеальных степени, единственное значение коих исчезнуть, соединившись с предлогом, и перейти на степени предшествующие. Таковы, например, неупотребительные без предлога глаголы *силить* (2-й степени), *силивать* (2-й степени), *умить* (2-й степени), *умливать* (3-й степени) (и *умлять*?), от коих *пересилить*, *надоумить* (1-й степени), *пересиливать*, *надоумлять* и *надоумливать* (2-й степени) (см. § 41).

Выходит на-двое: или язык наш предупредителен, что заранее создает формы не для себя, а для починки прорех будущих грамматических систем; или же, что допустить гораздо легче, самые системы, коим на затычки нужны идеально существующие величины, ошибочны.

Затруднения, происходящие от двойственности и тройственности 1-й и 2-й степеней, весьма велики. Сам Павский признает, что глаголы: *заки́нуть* и *закида́ть* (украинское *закйдати*, а не *закида́ти*), стоящие, по его взгляду, на одной и той же 1-й степени, значат не одно и то же: *заки́нуть* есть глагол однообразный, а *закида́ть* (совершенный) — разнообразный (III, § 42). Переведем признанное ошибочным деление глаголов по пространству на деление по времени и по степени длительности, и мы получим, что глагол *закида́ть* именно в этом отношении не сравнялся с *кинуть* и *закинуть*, несмотря на влияние предлога. Спрашивается, с какой же стати глаголы, как *закинуть* и *закида́ть* и множество других подобных, различных по форме и по степени длительности, соединяются в одну степень? С такой, что Павский, раз признавши влияние предлогов (из числа 21) на степень „протяжности“ действия в глаголах, хочет остаться последовательным. Однако он сам должен допустить, хотя и в виде исключения, что в известных случаях предлог не имеет искомого влияния: как однообразные, так и разнообразные глаголы, те и другие принадлежащие ко 2-й степени, от присоединения предлога должны бы перейти на 1-ю степень; „однако ж решительно переходят одни только однообразные, а разнообразные колеблются“ (§ 42), так что одни и те же глаголы с одними и теми же предлогами (в различном значении) то переходят, то нет: *сходить*, *выходить* (2-я степень), *сходить*, *выходить* (1-я степень).

Явление это Павский объясняет тем, что 1-я степень слишком тесна для многосторонности глаголов разнообразных (III, § 42); но ведь каково бы ни было значение предлога, глагол *ходить* неизменно остается разнообразным. Почему же 1-я степень для него то тесна, то в пору?

Предлоги не имеют никакого влияния на степень длительности и вовсе не переводят глаголов из одной степени в другую. *Сдвига́ть*,

сбросáть, которые по Павскому принадлежат к той же 1-й степени, что и сдвинуть, сбросить, совершенно отличны от них по виду. Сдвигáть, сбросáть значит соединить или сомкнуть с места движением, бросанием, действиями длительными 2-й степени (по Павскому), между тем как сдвинуть, и по присоединении предлога, сохраняет значение однократности.

Прихаживать, принашивать—украинские прихожáти, приношáти—должны быть, по Павскому, одной степени с приходи́ть, приноси́ть, между тем как на деле и по присоединении предлога первые два глагола продолжают означать нашиванье, хаживанье, а вторые—ношенье, хоженье.

То, что принято за влияние предлогов на вид, есть зависимость совершенности и несовершенности, между прочим, от присутствия или отсутствия предлога. Следует более точное определение этой зависимости.

Первоначально совершенность и несовершенность вовсе не обозначались, как теперь, например в немецком, в котором „das werde ich tun" значит и „буду делать" и „сделаю". Следы такого порядка в самом славянском.

На те глаголы, которые получили совершенное значение независимо от предлога, каковы однократные на *-и-* и немногие другие (перечисленные выше), предлог обнаруживает лишь то влияние, какое он может иметь, например в немецком, т. е. значение известного пространственного отношения и отношений, от него производных или им представленных, в том числе отношения цели.

Все длительные 1-й степени (конкретные) от присоединения предлогов (из 20) превращаются, кроме случаев архаических, в совершенные, причем форма настоящего получает значение будущего. Однако „я роскоши не зазнаю"=запомню (настоящее).

Напротив, глаголы наиболее длительные (многократные 3-й степени) от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что окончательный предлог обозначает предел каждого из моментов, входящих в значение многократного глагола, но никак не предел целого ряда крат.

Глаголы 2-й степени, соединяясь с предлогом, смотря по значению этого последнего, то становятся совершенными, то нет.

Таким образом влияние предлогов дает средство различать глаголы многократные от второстепенных и первостепенных.

Если глагол предложный, не изменяя формы (кроме ударения), может быть и совершенным и несовершенным, смотря по значению предлогов, то он 2-й степени.

Это свойство Павский замечает только в так называемых им глаголах разнообразных неопределенных (2-й степени), изображающих „разнообразность движения и явления, и разные приемы и направления действия" (III, 59) (например бегать, летать по отношению к бежать, лететь). „Одни и те же разнообразные глаголы с одними предлогами переходят на первую степень, с другими остаются на своей средней, например сходи́ть, выходи́ть (2-я степень), сходить, вы́ходить (1-я степень)... В этом случае предлоги, означающие полноту и окончательность, оказывают над глаголами решительное влияние и ставят их в число однократных первой степени. Предлогу *вы*, когда он означает полноту и окончательность, даем ударение; а когда он означает просто местную перестановку, тогда оставляем его без ударения. Глаголы: вы́носить, вы́ходить, вы́двигать отличны от выноси́ть, выходи́ть, выдвигáть" (III, § 42).

Замечено уже было, что глагольный характер ни в коем случае не имеет пространственного значения. В глаголах, означающих движение в пространстве, как и во всяких других, отношение их характера к характерам других сродных служит указанием только обширности периода действия, и уже отсюда, вследствие значения корня, рождается оттенок разнообразия движения. Поэтому и в рассматриваемом отношении нет нужды выделять разнообразные глаголы из ряда прочих.

Об отсутствии перехода из степени в степень, по влиянию предлогов, тоже было говорено. Остается точно определить, какое значение предлогов делает глаголы 2-й (нашей) степени совершенными, какое нет. Для этого нет покамест надобности в этимологических исследованиях предлогов, и достаточно лишь на большем количестве примеров показать их влияние. Начнем с тех глаголов на *-и-*, в коих этот характер означает бо́льшую длительность сравнительно с глаголом предыдущих разрядов того же корня.

В значении предлогов замечаем два наслоения, которые назовем первым и вторым.

Вы-: 1. В ы в о д и́ т ь, в ы в о з и́ т ь, в ы н о с и́ т ь, в ы х о д и́ т ь, в ы р а́ з и т ь, где *вы-* обозначает местное отношение, направление *из*, или имеет такие переносные значения, которые непосредственно примыкают к этому. Первые четыре глагола с этим значением имеют в украинском ударение на втором слоге: в ы в о́ ж у — в ы в о́ д и т и, в и н о́ ш у — в ы н о́ с и т и, пятый имеет то же ударение. В ы г о н я т ь, в ы л е т а т ь, украинские — в и ї з д и т и, в и п а д а т и.

2. В ы́ в о д и т ь по всему дому, в ы́ в о д и т ь коней после езды; в ы́ в о з и т ь до́ конца, все; в ы́ н о с и т ь (дитя на руках, в утробе; ловчую птицу) до конца; в ы́ л а з и т ь — лазя побывать во всех местах. В украинском ударение то же: в и́ х о д и т и = исходить все, добыть ходьбою.

До-: 1. Д о в о д и т ь, д о в о з и т ь, д о н о с и т ь, д о х о д и т ь, д о л е з а т ь, д о г о н я т ь, д о л е т а т ь, д о п а д а т ь до известного места; *до* — отношение места. Глаголы несовершенные. В украинском ударение д о в о́ ж у, д о в о́ д и т и, д о в о́ д и т ь с я кому за кого.

2. Д о в о д и т ь, д о б р о д и т ь до вечера, вообще до известного предела времени, окончить ходьбу и т. п., д о х о д и ш ь с я д о . . ., т. е. до известных последствий. Украинское ударение — д о х о́ д и т и с ь, д о х о ж у́ с ь и т. п.

За-: 1. - в о д -, - в о з -, - н о с -, - х о д -, - л а з -, - г о н я -, - л е т а -, - ї з д и́ т и — за что и куда (местное отношение). З а в о ж у́ обычай (без явственного начинательного значения); „А в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит“ (Сахаров, I, 2, 28). „К нам добрыи люди не з а б р о д я т. Оны весточек к нам не приносят“ (Барсов, 142).

2. *За-* (отношение времени) со значением начинательным (з а в о з и́ т ь ногами под столом) и окончательным (до известного времени, события, до известного результата): з а в о ж у до устали, з а н о ш у рубашку так, что не отмоется, з а е з ж у коня, з а б р о д и́ т ь подол, з а с и д е т ь что.

Из-: 1. Пространственное отношение и з в о д и́ т ь (выводить, губить).

2. И с х о д и т ь, и з ъ е з д и т ь все места, и з н о с и т ь платье, достигнуть потери чего („излазилась мочь моя“, сказал старый матрос).

На-: 1. На - в о з -, - в о д -, - н о с -, - х о д -, - л а з -, на что, с местным значением, причем в дополнении предлог может и не повторяться: н а х о д и т ь что.

2. Н а в о з и т ь, н а н о с и т ь много чего, н а х о д и т ь с я, н а л а з и т ь с я в волю. Значение окончательности достигается здесь тем, что

величина результата, на которую указывает предлог, становится представлением временного предела действия.

Об-: 1. Обвожу, обношу и пр. вокруг чего, обходить, обносить, проносить мимо (кого, чем).

2. Обносить платье (для обтяжки по телу), обходить всех знакомых, облазить весь пол — завершить круг действия.

От-: 1. Отвожу и пр. — в сторону.

2. „Уже отходил свое" — окончил ходить, причем удаление в сторону служит признаком времени прекращения действия.

По-: 1. Походить — итти за, после; отсюда вообще итти или итти по поверхности, Новгородская, Архангельская, Олонецкая губ. — собираться, готовиться итти („Походит Илья во светлу гридню"), Архангельская, Новгородская губ. — повозить, например товар; повезти, поводить глазами по, поводить лаком — покрывать; поносить (ругать) — нести по.

2. Поносить и пр. известное время, причем пространство времени представляется движением *по*. Уменьшительное значение. „З зіми на весну походит, Иванё городец городит" (Тарнополь; Головацкий, II, 626).

Глагол с *по-*. „Некоторые несовершенные глаголы — уменьшительные (deminutiva) или относительно времени, или относительно энергии при исполнении действия: сербское поспавати; польское postawać, potrącać; jak że mi się miewasz, cóż ty porabiasz? (= русскому „как поживаешь, что поделываешь?" *А. П.*). Сюда принадлежат глаголы как русское поглядывать, глядеть в разные времена, не в один прием (zu verschiedenen Zeiten, nicht in einem fort schauen): ожидая гостей, поглядывает в окно, которые Павский (III, 3) называет продолжительными прерывистыми; также пописывать, попевать, похаживать, которые по Ломоносову (159) означают умалительное учащение" (Miklosich, IV, 277). Наблюдение неточно в нескольких точках:

1. Особенность значения предлога, сообщающая глаголу значение уменьшительности, относится к разряду 2-му, а не 1-му, так что из глаголов 2-й степени длительных с *по-* уменьшительны именно совершенные, а не несовершенные.

2. Postawać есть только глагол начинательный без оттенка уменьшительности. Относительно potrącać — ср. „Слово о п. И.", „потручяти" — только последовательность *за-*... Поглядывать. Относительно того, что „ходить — похожає" (глагол несовершенный) не может быть уменьшительным, так как 2-е есть усиление 1-го (*по-* — последовательность приемов, множественность коих может быть указана и характером глагола).

Пере-: 1. Переношу через.., перелажу через...

2. Переношу все платья по ряду. Окончание ряда есть вместе с тем окончание протяжения времени, занятого действием: перелетать кого.

При-: 1. Прихожу и пр. к..., по направлению к предмету, в соседстве с ним.

2. Приходиться — Пензенская, Тверская губ. успокоиться после гнева, досады; приносить платье — сносить (как в „Слове о п. И.") „копіе приломити" — сломить, и как „приломить" (в „Др. росс. стих."); кажется, здесь *при-* предварительно обозначало только приближение к цели (приломить почти то, что надломить), а потом ее достижение и конец действия.

Про-: 1. Прохожу и пр. — сквозь, мимо.

2. Проношу, например весь год; *про-* означает период времени, представляемый средою, сквозь которую проходит действие.

Раз-: 1. Разношу в разные стороны.

2. Расходился, разносился — интенсивность действия, представляемая его разносторонностью.

С-: 1. Свожу с... (известного места), свожу кого с кем.

2. Свожу, сношу, схожу туда-то; скошу и пр...

У-: 1. Увожу в сторону, с глаз долой.

2. Ухожу кого до смерти. Удаление действия со сцены представляется его окончанием.

В-: 1. Входить и пр. *во* что.

Вз-, воз-: 1. Взносить и пр. вверх, в гору.

Над-. 1. Надходить надо что, „солнце надошло над дерево". В украинском, польском — надходить, nadchodzi = приходит.

Низ-: 1. Нисходить... вниз.

Под-: 1. Подхожу (собственно под.., затем к кому), подношу кому.

Вообще глаголы этих предлогов первых значений обозначают только движение по направлению, обозначенному предлогом, как бы ни понималось это значение, в собственном или переносном смысле.

С предлогами вторых значений они получают значение: пройти до конца обозначенное временным, а не местным предлогом, или известным результатом; двигаться во времени, которое представляется средою и пределом движения. Сюда, повидимому, не подходит только *раз-*, с интенсивностью значения, которую он сообщает глаголу.

В трех последних предлогах замечается только одно первое значение, почему они и не делают глаголов совершенными.

Верно или нет определен характер значений, которые названы нами вторыми, во всяком случае они производны по отношению к первым. По мере того, как возникали эти производные значения предлогов, появились и глаголы окончательные. Следы их относительно позднего появления можно, если не ошибаюсь, заметить и в их форме. Именно: возможно, что ударение первого лица настоящего украинских несовершенных глаголов — во́жу (вод-, воз-), -но́шу, -хо́жу, древнée ударения того же лица глаголов совершенных — вожу̀, ношу̀, хожу̀, или вы́ношу, вы́вожу, вы́хожу, так как ударение на корне согласно с сербским.

Вряд ли то же можно сказать об ударении повелительного наклонения прошедшего на *-л-* и неопределенного наклонения несовершенных глаголов украинских, так как в этих формах русское народное согласно с сербским; ср. украинское, виво́дь, виво́див, виво́дити; во́зь, во́зив, во́зити и пр. с ударением этих глаголов в сербском: дово́дити, до́водим; дово̀зити, до́возим; дого́ни́ти, до́гоним; доно́сити, до́носим; дохо́дити, до́ходим, — в коих такое же ударение и с предлогами: *за-, из-, на-, од-, об-, по-, пре-, при-, роз-, с-, у-, уз-*.

В украинском к вышерассмотренным пяти глаголам принадлежит еще гонити несовершенного (*до-, за-, на-, об-*, и пр. — го́нити-го́ню = -гоня́ю; так и в сербском, например прогонити (imperfectum) = протјеривати, почему и может стоять рядом с формами на *-ивати*: земља те прогонила, а море те избацивало; разгонити = разгонять).

В русском тема настоящего жену потеряна или устарела, и глагол гнать принадлежит к разноспрягаемым: гнать, гнал, и пр., гоню, гони (Павский, III, 197); поэтому и гонить равносильно по значению с гнать, и как глагол 1-й степени получает значение совершенного (прогоню, пригоню и пр. — будущее), а для выражения украинского го́нити употребляется -гоняю. Бродить в русском в большей

части случаев принимается за глагол 1-й степени. Русское ездить, повидимому, употребительно только с предлогом второго значения, а для образования глаголов предложных первого значения -езжать; между тем как в украинском наї̈здѝть, приездѝть (с ударением на характере)=приезжает; разница между: вѝї̈здить коня и виї̈здѝть з двору.

Формы на *-ива-* (украинское *-ова-* из *-ева-*) от тех же корней не становятся совершенными от присоединения одного предлога, каково бы ни было его значение (и от вы́водить и от выводи́ть одинаково будет вывáживать). Так как вышеприведенные глаголы с предлогами в значении первом несовершенны и длительны, то тем менее нуждаются в более длительной форме, чем глаголы с предлогами в значении втором. Отсюда вынáшивать, занáшивать от значения второго.

Точно так же становятся совершенными и глаголы на *-а-=-и+а-*; впрочем двойственность значения предлога находим только в езжать (выезжáть из дому и выезжáть лошадь); в украинском же до-ношáти, при-ношáти, до-хожáти, прихожáти предлоги первого значения.

Сюда же (характер *-и-* для означения большей длительности) и годить при ждать. Мы о нем не говорили, потому что форма на *-ива-* неупотребительна.

Глаголы (вернее — корни) о трех живых темах, для всех трех степеней длительности со средней темой (2-я степень) на *-а-*, имеющею в сложении со всеми предлогами, кроме *вы-*, только одно ударение: вы́летать — вылетáть; долетáть, налетать и долетаться, налетáться; вы́катать белье и (в народной песне) „солнышко выкатáется"; вы́леплять (всю глину), вылепля́ть что из глины; вы́пускать, допускáться до беды, выпускáть, допускáть; вы́рожать (все), дорожáться до последнего и вырождáться, дорождáться — обильно рождаться (о хлебе и плодах); вы́ронять (все) и выроня́ть (-ива-); вы́давать — выдавáть; вы́пускать — выпускáть; вы́ступать — выступáть и многие другие, досажáть (кончить садку) и досаждáть кому; украинское вѝрубать и вирубáть; вы́ступать чтобы, доступáться до... и выступáть из... (доступáть города, денег — стараться добыть); украинское дотягáться до... (в последнем значении в литературном языке только дотягáться) (в переносном смысле о тяжбе) и дотягáти („до зеленого лугу").

Заметим, что в двух из приведенных случаев, глагол совершенный имеет русскую форму (нарожáть детей, насажáть деревьев), а несовершенный старославянскую (нарождáть, насаждáть). В старославянском при этих словах предлоги могли вовсе не иметь окончательного значения, а потому окончательное их значение потребовало русской, до сих пор живой формы.

а) В некоторых из приведенных глаголов средняя форма со значением совершенным вполне современна, между тем как со значением несовершенным, очевидно, становится уже архаизмом и заменяется последней формой на *-ыва-*, *-ива-* (украинское *-ова-*). Так, вместо несовершенного закатáться (о солнце), в литературном языке закáтываться; вместо украинского несовершенного дорубáть — украинское дорýбовати; вместо несовершенного вылепля́ть — литературное вылёпливать. Здесь литературный язык бывает новее народного.

б) Есть глаголы, в коих средняя форма соединяется исключительно с предлогами второго значения и имеет только значение совершенное, между тем как к последней форме присоединяются предлоги в обоих значениях. Вместо всех предлогов, имеющих двойное значение в соче-

тании с глаголами, как **ходить**, возьмем один *до-*, заменяя их другими там, где он не употребляется: **дова́ливать** камень до места, но **довая́ть** войлок (до конца), „**довая́лся** гвоздик до того, что и пригодился“; **добросáть**, **добрáсывать** до конца, но только **добрóсить** и **добрáсывать** до места; **повидáться**, **увидáть** (форма на *-ывать* с предлогами не употребляется; в другом значении и другом образовании украинское **привúжуватись**); **докусáть** („докусáлась собака до намордника“), **закусáть** (начать и кончить кусанье) и **закýсывать**, но только **закусúть** и **закýсывать** (т. е. собственно кусать после чего, закусывать что); **доломáть** до конца, до результата **долáмывать**, но только **доломúть** и **долáмывать** до места; **дотаскáть** (**дотаскáю**) до конца, но **дотáскивать** до места; **дохватáть** (расхватать остатки), но только **дохватúть** и **дохвáтывать** (доставать до чего). Относительно **скакать** (доскакать до города) следует сказать, что оно само, если имеет настоящее **скачешь**, может быть 1-й степени? Но нет, сравни скóчишь.

Даже предлоги, которые при глаголах **ходить** и пр. имеют только первое значение, делают вышеприведенные глаголы совершенными: **вбросáть**, **вломáть**, **взломáть**, **надломáть**.

Процесс, результаты коего мы видели под пунктами а и б, можно изобразить таким образом. Без сомнения, было время, когда глаголы несовершенные с предлогами первого значения, имеющие ныне одну только форму на *-ыва-*, *-ива-* (**доваливать** камень до места), или уже предпочитающие ее форме предшествующей на *-а-*, *-я-*, имели только эту форму, подобно тому, как, например, в польском, эта последняя стоит там, где русский язык требует форм на *-ива-*, *-ыва-* (укр. *-ова-*). Ср. dogładzać, doczerniać, dokarmiać, dokonczać (доканчивать, а **не** докончить) (łowów dokończać), dokręcać, dokrzesać, dołamać, domęczać, domłocać и пр., при коих в литературном языке только **доглáживать**, украинском **доглáжувати**, а не **доглажáть** и пр. Первоначально при этой форме вовсе не было формы на *-ыва-* и пр. и предлоги имели только первое значение, не делающее глагола совершенным. По мере появления этого второго значения предлогов установлялся порядок, образцом коего могут служить глаголы, как **доходúть** несовершенный и **доходúть** совершенный, именно двойственность значения глаголов при единстве их формы. Сознание этой двойственности, которое должно было повлечь за собою формальное разграничение таких глаголов совершенных, как **дострелять**, от таких несовершенных, как **дострéливать**. Было бы слишком смело сказать, что именно появление второго значения глаголов вызвало образование глаголов последнего разряда, потому что эти глаголы употребляются сами по себе, без предлогов. Язык только воспользовался готовыми формами со значением наибольшей длительности, связавши с ними одними предлоги в значении направления, стремления, между тем как предлоги начала, конца, времени, достижения цели одинаково соединяются как с формами меньшей длительности, так и с формами большей. Соответственно этому предлог тоже второго значения не может сделать совершенным глагола 3-й степени. Очевидно, язык находит связь между меньшею длительностью и совершенностью, большею длительностью и несовершенностью, из чего не следует, чтобы вообще эти две категории (вид совершенный или несовершенный) могли быть соединены в одну.

Возможно, однако, что в известных случаях именно предлог вызвал образование новой формы, именно там, где эта последняя без предлога не употребляется. Так, в глаголах, имеющих в русском две формы на *-а-*, одну, употребительную и без предлога и с предлогом — во вто-

рой (окончательное значение) имеющую ударение на корне (па́дать), другую употребительную только с предлогом второго значения, с ударением на характере (-пада́ть) „кра́пать, кра́плю, кра́паю, накрапа́ю“ (укр.). При беспредложных пасть и падать — глагол совершенный допа́дать, при коем 3-я степень допада́ть („осенняя листва допада́ет, скоро допа́дает вся“), и глагол несовершенный допада́ть („вода допада́ет до межени“). Так — вы́падать и выпада́ть; запа́дать (начать падать) и запада́ть за что; напа́дает снегу и напада́ет он на...; обпа́дает и опада́ет; попа́дают (все, или некоторые) и попада́ют во что; перепа́дает весь снег и перепада́ет с промежутками; припа́дает (украинское пилом припа́сти — покрыться) и припада́ет к ногам; пропа́дает некоторое время и пропада́ет (собственно проваливается сквозь...); упа́дается и упада́ет; отпа́дает (кончит падать) и отпада́ет; распа́дается (заведет часто падать) и распада́ется в разные стороны. Но исключительно пространственные (в этом случае) предлоги только с формою на *-а́-* (*в-*, *вс-*, *нис-*, *под-*пада́ть).[1]

По этому образцу: ползти́, по́лзать (при котором вы́ползать, допо́лзать — совершенный) и полза́ть (только с предлогами: выполза́ть, дополза́ть и пр.); дви́гать — выдвига́ть (ср. выше глаголы, передвигающие ударение только в сложении с *вы-*); бежа́ть (украинское бігти) — бе́гать (добега́ть); вороти́ть — воро́чать („доворо́чать сено“), ворочáть (вывора́чивать) малоупотребительное и украинское; клони́ть — кла́няться и покланя́ться; ме́рить — ме́рять и измеря́ть; ве́рить, ве́рять (наверять в долг — совершенный) и -веря́ть (несовершенный; с предлогами); форма на *-ыва-*, *-ива-* (украинское — *-ова-*) совмещает в себе оба значения формы на *-а-* (выпа́лзывать — добывать что ползаньем, и выполза́ть, причем эта последняя форма по виду может быть вовсе не равна форме на *-ыва-*). Сюда же: дыша́ть — ды́шишь (украинское ди́хати, ди́шеш — более древнее), ды́ха́юсь (вы́дыхаюсь, выдыха́юсь); мы́кать — мы́чу („Лошади мы́чут, мча́т, бьют“ — Даль, Словарь); мы́кать (мы́каю, помы́кать) и мыка́ть (помыка́ть) (смыкать?). Та́кать — потака́ть; ну́кать — понука́ть; ты́кать — ты́чу („ты́чет пальцем“), заты́кать (совершенный) щели и затыка́ть щели.

В сербском форма на *-а-* постоянна, будет ли она по значению с предлогом совершенная или несовершенная, имеет только одно ударение, именно то, которое соответствует русскому — форме, употребительной без предлога и с предлогом, имеющей совершенное значение.

Так, на̀падати, на̀падам, совершенный: на̀падало (= русскому напа́дало) доста крушака и несовершенный .... на ... (падать); вра̏ћати = по ударению и по значению русскому воро́чать, откуда несовершенный за̀враћати (завора́чивать, которому бы соответствовало заворо́чать, а не ворочáть); от кла̏њати се — по̀клањати се по значению = поклоня́ться, а по форме = покла́няться.

Нередко Даль не различает по значению форм на *-а́-* ударяемое и форм на *-ыва-* и отмечает: выпа́дывать или выпада́ть, выпа́лзывать

---

[1] Что действительно глаголы, различаемые ударением (па́дать и пада́ть), принадлежат к разным степеням, — это доказывается заменою формы с *-а-*, украинского *-ова-*, русского *-ыва-* (виміряти — вимірювати, см. ниже) и в некотором смысле признается и Павским, который говорит, что *-а-* неударяемое (бе́гать) выражает разнообразность, а *-а-* ударяемое — многократность действия (III, § 22, примеч. 1).

или выползáть, вымéривать или вымеря́ть.[1] Конечно, при неопределенности границы между 2-й и 3-й степенями формы эти могут употребляться в одинаковом смысле — там, где при них предлог в двояком значении; но что разница между ними есть, видно из того, что форма, например, выпáлзывать совмещает в себе значения как формы вы́ползать (совершенный), так и формы выползáть (несовершенный), и что если эта форма на *-ывать* есть явственно 3-я степень по отношению к вы́ползать, то она есть 3-я степень и по отношению к выползáть; предполагается при этом, что вы́ползать и выползáть стоят на одной степени, как вы́ходить и выходи́ть.

Под пунктами а) и б) замечено, что некоторые предложные глаголы переходят в форму *-ыва-*, если они по значению предлога несовершенны, [раньше], чем если они совершенны. Явление это объяснено сходством несовершенности и большей длительности. Этому объяснению, повидимому, противоречит то, что в других случаях раньше принимают форму на *-ыва-* глаголы совершенные, чем несовершенные. Так, у Даля находим: выбéгивать только в значении „приобретать бегая" от совершенного „вы́бегать", но не при „выбегáть"; выклáнивать при вы́кланять — совершенный, но нет формы на *-ыва-* или она малоупотребительна (очевидно — по новости, а не по древности) при наклоня́ть, поклоня́ться.

Можно бы думать, что форма выбегáть совмещает в себе значение 2-й и 3-й степеней, и потому менее нуждается в особой форме для 3-й степени, чем вы́бегать, в которой значение только 2-й степени. Мы можем сказать: „часто выбегáл за ворота", но нельзя: „часто вы́бежал что".

§ 3. До какой степени так называемый вид составляет особенность славянских языков

Согласно с вышеописанным мы будем различать в виде, с одной стороны, совершенность и несовершенность, с другой — степень длительности.

Привожу мнение Гильфердинга (Гильфердинг, Об отношении, 108 сл.): „После своего обособления языки литовский и славянский имели эпоху грамматического творчества, в которую глагол их, взамен утраченных форм, создал новые, самостоятельные образования, употребляя, впрочем, на то почти всегда прежние характеристические звуки (всего более *-н* и *-aj*), имевшие первоначально совершенно другое значение. Но хотя это самобытное преобразование глагола имело у славян и литвы общую исходную точку в потере форм, выражавших оттенки времен и отношений действий, и хотя оно было исполнено у обоих народов одинаково, употреблением в новом смысле одних и тех же характеристических звуков, однако оно привело у них к последствиям совершенно различным.[2] Литовский язык не пошел далее той точки, на которой стоит санскритский, и в эпоху доисторическую стояло, без сомне-

---

[1] Даль, Словарь: выпáривать — выпаря́ть (испарять); выплáвливать или выплавля́ть; выпорáжнивать или выпорожня́ть; выпря́дывать — выпрядáть, вы́прядать (прыгать); вырáщивать — выроща́ть; вырéзывать — вырезáть; выря́живать — выряжáть; высáживать и высажать; высвя́тливать и высветля́ть; выси́нивать — высиня́ть; выскáльзывать и выскользáть; вылáщивать — выслащáть; вылéживать — выслежáть; выхвáливать — выхваля́ть; вычéрнивать — вычерня́ть; вычéрпывать — вычерпáть = вы́черпать; вычи́нивать · вычиня́ть.

[2] „Darum dass unter verschiedenen (Sprachen) jede, weil sie Eine bestimmte Bahn verfolgt, alle andren ausschliesst, können dennoch mehrere in einem allgemeinen Ziele zusammentreffen. Der Charakterunterschied der Sprachen braucht daher nicht notwendig in absoluten Vorzügen der einen vor der andren zu bestehen" (Humboldt, 215).

ния, все племя индоевропейское. Его стремление не внесло в речь никакой новой стихии, и поэтому было, в общей сложности, бесплодно, хотя создало для литовцев такие формы, которые утрачены прочими языками в Европе. Славяне же развили в глаголе сторону совершенно новую и нетронутую никаким другим народом; таким образом, одни между всеми отраслями индоевропейской семьи, усовершенствовали внутренний состав языка, вынесенного из общей ее колыбели“ (Гильфердинг, Об отношении, 108, 109). Как будто образование категорий совершенности и несовершенности и степеней длительности (предположивши, что эти категории исключительно свойственны славянским языкам) есть единственное средство грамматического усовершенствования языков! Вопрос об относительном достоинстве языков как оттенков мысли до такой степени сложен и требует стольких предварительных работ, что браться за его решение еще рано. Хвастливыми утверждениями ничего не сделаешь, но можно и должно собирать материалы для решения высших вопросов языкознания частными сравнениями.

В приведенных словах у Гильфердинга заметим два утверждения:

1. В славянском и литовском глагол взамен утраченных форм, выражавших оттенки времен и отношения действий, создал новые образования. В славянском это были виды.

Под заменою можем понимать только два случая: или древнейшая форма (resp. звук), перерождаясь в другую, заменяется этой последней (например бы заменяет быхъ, быхомъ и пр.), или известная форма, исчезая, оставляет пустое место, заполняемое другою формою, хотя иного происхождения, но сходною по значению, например в древних славянских наречиях существуют рядом прошедшие простые и прошедшие сложные из причастия на -л- и вспомогательного глагола; первые со временем исчезают, функция вторых расширяется и вместе изменяется. Непременное условие замены — сходство (но не тождество) значений заменяющего и заменяемого и их непосредственное преемство во времени. После этого мы спрашиваем, что же именно переродилось в виды? Что же именно вытеснено ими?

Появлению совершенности и несовершенности непосредственно предшествовало такое состояние языка, когда предлог не сообщал ему значения совершенности и когда беспредложный глагол был совершенно безразличен по отношению к совершенности и несовершенности. Степеням действия предшествовало такое состояние, когда известный характер глагола выражал нечто другое, а не степень длительности. Этим сказано несколько больше того, что бытию видов предшествовало их небытие. Значения, называемые видом, заместили значения же предлогов и глагольных характеров. По-моему, нельзя говорить о замене, например, прошедшего совершенного (удвоенного) или наклонений, имеющих свой характер, независимый от глагольного (в принятом смысле), или особых форм глаголов желательных и интенсивных — видимо потому, что между всем этим и видами нет той связи, которая бы позволяла говорить о замене, т. е. нет ни перерождения, ни исторического преемства и однородных значений. В другом месте подробнее сказано, что потеря простого будущего не имеет непосредственной связи с появлением совершенности; что прошедшие простые существовали в славянском языке совместно с видами; что хотя прошедшее простое длительное глаголов 1-й степени и выражает то, что у нас — прошедшее сложное глагола более длительного, но нельзя говорить о замене прошедшего простого видом, потому что то, что называем видом, не есть одно какое-либо время, как прошедшее простое, а совокупность форм, составляющих спряжение глагола.

Вообще потеря каких бы ни было форм не может считаться причиною появления видов.

2. Гильфердинг находит между литовскими и славянскими глаголами очень большую разницу. Что выражают одни, того вовсе не выражают другие: литовские (сходно с санскритскими) глаголы выражают категории количества, славянские — категории качества, т. е. виды.

Я нисколько не отвергаю различия внутреннего строя языков даже более близких друг к другу, чем славянские и литовский, даже наречий одного языка; но знаю, что чем сходнее языки, тем труднее определить их принципиальные различия. Одну из таких трудных задач Гильфердинг считал возможным разрешить смаху, но, как мне кажется, не разрешил. Между глаголами в литовском и санскритском [славянском? *Ред.*] я вижу только частные несходства.

Под категориею количества в глаголе Гильфердинг разумеет способность глагола выражать формально оттенки много, часто, немного. В языке Вед и санскрите есть так называемые интенсивные глаголы, образуемые посредством особого удвоения корня [удвоения, отличного от того, посредством коего образуется в этом языке прошедшее удвоенное (perf.)] и удвоением этим символически обозначающие не только силу (resp. быстроту действия), но и многократность, например, intens.— от корня *kar-* (делать) — karikrati (3-е л. ед. ч.) wiederholt machen; intens. — от *car-* (двигаться) carcarīti (3-е л. ед. ч. действ. зал.), cañcūryatē (atm.) — schnell sich bewegen, sich herum treiben (Böhtlingk).

Заметим, что такие глаголы есть в остатках и в славянских языках. Для образования подобных глаголов литовский язык, по словам Гильфердинга, употребляет не удвоение, а „разные окончания, из коих всего замечательнее... -ê-ti, -ô-ti“ (много или часто).

Предположим, что именно таких глаголов в славянском нет. Тогда все-таки, вспомнив, что в числе славянских видов есть по общему мнению многократные, мы принуждены будем найти сходство между „количеством“ в литовско-санскритском глаголе и „качеством“ в славянском. Но на самом деле в числе литовских интенсивных, уменьшительных и учащательных глаголов есть очень много таких, кои обязаны своим значением не глагольному характеру, а, несомненно, именному суффиксу, стоящему перед характером. В этом отношении литовский и латышский языки сходны со славянскими наречиями, в которых (было ли это известно Гильфердингу?) есть очень много глаголов увеличительных и уменьшительных, подобного строения и разных оттенков. Выходит, будто и славянские языки выражают „количество“, будто здесь нет коренного различия между славянскими и литовским. Считаю бесполезным трактовать о том, точно ли формальное значение, называемое видом глагола, есть „качество“ по преимуществу и нельзя ли большей или меньшей силы действия считать настолько же качеством, насколько большая или меньшая продолжительность, совершенность и несовершенность суть качества. Существенным кажется только вопрос: точно ли нет в литовском и латышском ничего соответствующего славянским видам?

Совершенности и несовершенности, несмотря на мнения Шлейхера и Биленштейна о том, что в литовском и латышском предлог может делать совершенным, действительно в этих языках не нахожу. См. там, где речь о будущем и настоящем, и аористе.

Мнение, что литовско-латышские глаголы вовсе не выражают глагольными характерами оттенков длительности, есть личное мнение и Биленштейна. Литовские и латышские verba durativa (по Шлейхеру и Биленштейну), которые с точки зрения славянского точнее было бы назвать

более длительными, так как и их первообразные выражают тоже длительность, а не мгновенность и однократность, по значению и образованию весьма близко подходят к славянским более длительным, как можно видеть из следующих примеров.

Литовские глаголы в настоящем на *-au*, прошедшем *-j-au*, неопределенном *-y-ti* (Schleicher, Grammat., Lesebuch, § 67, кл. VI, 2; Bielenstein, § 276, кл. XI) — genù (g i n ù) — g i ñ t i (по происхождению = жену, гнать) — стеречь, беречь, боронить (отказывать), защищать; более длительное, g a n - a ũ, - i a ũ -, ý t i то же и в особенности пасти (гонять) скот. Латышское ganít — пасти (скот) при dzít — гнать.[1]

В выражении „kà gini, tãi ganýk“, которое Нессельман переводит „что бережешь (стерегешь), стереги хорошо“, g a n ý k (повелительная форма ganýti) можно бы рассматривать, как intensivum от g i n t i, но и преемственность в этом случае рождается из значения большей длительности.

G r ą ž a ũ, -ý t i — крутить, ворочать (Шлейхер, frequentativa к g r ę ž u, g r ę t i — крутить, вить, например веревку), r a n k a s g r ą ž y t i — ломать руки.

Jódau, -d ž a u, -d y t i — durativa, frequentativa к j ó t i — dauernd reiten, hin und her reiten.

K r a i p a ũ, -ý t i — крутить, ворочать (durativa к k r e i p i ù, -p t i то же), (nendrē) „mažù pabúgusi vẽju, bè paliovõs ir szẽn ir tẽn svyrinẽdama: 'kraípės“ (Donaleitis, Pas. VI, 9) = трость, испугавшись небольшого ветру, беспрестанно колеблясь сюда и туда, ворочалась (крутилась).

L a i ž a ũ, -ý t i — облизываться (Schleicher, durativ к l ẽ ž i ù, l ẽ́ ž t i — лизать): „laížos vis iz gùrkszczodams į kàrczamą žiúri“ (Donaleitis, III, 686) = облизывался и, глотая слюну, смотрел в (на) корчму (вспоминая о водке).

M i r k a ũ, -ý t i, — намачивать, более длительное к m é r k i u, m é r k t i — мочить (например коноплю).

S z á u d a ũ, -y t i — застреливать (более длительное и многократное к s z á u j u, s z á u t i — совать в печь), стрелять: „kàs jùms rūp... kàd... àsz... várnu bèn porélę sàv pētùms nusiszáuju“ (ibid., IV, 342) = что вам за дело, что я застрелю (в литературном настоящее) себе на обед хоть парочку ворон; „...kàd àsz... várnu bèn keliàs iszsikèpt kàs méts nusiszáudau“ (ibid., IV, 355) = что я каждый год з а с т р е л и в а л себе изжарить (нажарить) несколько ворон.

T ą s a ũ, -ý t i — тягать, таскать (более длительное по Шлейхеру durativa к t ę s i ù, t ẽ s t i — тянуть): „girtì, kìts kìtą prē galvós nusitvẽ́rę — neí razbáininkai ànt áslos vémdami tą̀sos“ (ibid., III, 804) = пьяные взявшись за чубы (за головы), как разбойники, блюя, таскают друг друга по полу.

M e t ù, m e c z i a ũ, m è s t i — werfen, m ẽ t a u, -c z i a u, -t y t i — oft werfen, hin und her werfen, m ẽ́ c z o j u, -c z o t i и m é t i n ė́ j u, -ė́ t i, по Нессельману, значит то же. В латышском при исходном m e s t, m ê t a t — hin und her werfen.

Литовские глаголы отглагольные на *-o-ju, -o-jau, -o-ti* (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 68, кл. VII). Латышские *-aj-u, -á-t* (Bielenstein, § 265).

Литовское b ė g i ó j u, -ó t i — бежать [более длительный к b ė́ g u (b ė́ g m i), b ė́ g a u, b ẽ́ g t i — бежать]: „pradẽ́je ànt manę̀s baisìngai kékt ir rẽkaut vis szén ir tén b e g i ó d a m a, o kaip ji į bùtą iszbẽ́ga, tai asz“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 247) = и начала меня страшно проклинать (ругать) и кричать, все б е г а я сюда и туда, а как только она в ы б е ж а л а (в литовском стоит настоящее от предложного конкретно-длительного,

[1] В латышском при dzít и ganít еще так называемые frequentativa: g a i ņ a t (ņ = нь) — abwehren, durch Fenster in der Luft von sich abtreiben; dzenāt — hin und her treiben.

чего мы конкретно длительными глаголами передать не можем) на двор, то я...".

Литовское blizgóju, -óti относится к blizgù, -ěiau, -ěti как блистать (украинское блищати) к блестеть, хотя разница между этими глаголами у Нессельмана, как и во многих других случаях, не отмечена.

Жмудское buwóti — бывать от buwù, búti — быть. При неопределенном bredù, bridaũ, brìsti, брести — стоит несколько форм более длительных: bredžoju, -džoti, brýdau, -oti, bráidžoju, -džóti, braidaũ, -dýti, bradaũ, bradýti, — не различаемые Нессельманом по значению и, быть может, на самом деле тождественные в этом отношении, т. е. все со значением более длительным, но свойственным разным говорам.

Бродить в латышском brahdat — hin und her werfen — при brist.

Guinióju, -ióti (Нессельман—guinoju, -oti) = гонять [длительное при guinù (guju), gùiti — гнать]; „Kàspars... kaip gaidýs visztàs guniódams, gàndina žmónės" (Donaleitis, II, 195) = как петух, гоняющий кур, пугает людей.

Lekioti, -joju (Nesselman), lakióti, -jóju — летать (при lekiu, lekti — лететь); „tén lakióje kulkûžės" (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 40) = и там (на войне) летают пули; „vëns kaíp koks baisùs erélis světe lakiója, o kitsaí, kaíp žvìrblis koks, po stógu gyvéna" (Donaleitis, VI, 42) = один, как некий страшный орел, летает по свету, а другой, как какой-нибудь воробей, живет под крышей. В латышском более длительное lêkát — прыгать, при lekt.

Nesziótі — носить, например платье, обувь (Donaleitis, II, 39; III, 777; IV, 191; Schleicher, Grammat. Lesebuch, 38, 39); откуда — nesziójimas платье, как носимое (ibid., 39); „děkui tėvelini ùž baltą dûna. Ir senai moszutei ùž nesziójimą: более длительное при neszù, nèszti, латышское nessat (hin und her tragen) при nest.

Páinioti — опутывать, оплетать [„dìngojom vìs, kàd tikt Szweísteris, írgi Prancúzas žmónės sù svetimaís sávo mókslais móka supáiniot" (Donaleitis, III, 878) = нам все казалось, что только швейцарец и француз могут опутывать людей чужими (иноземными) своими учениями] — при pinù, pìnti — вить, плести.

Ráiczotis — кататься, валяться: „tûjaús visì, kaíp kùdlas kóks susivělęs, ráiczojos àñt áslos" (ibid., 741) = тотчас все, как свалявшийся клок шерсти, стали кататься по полу (о свалке); более длительное к ritù, rìsti — катить.

Vadžóti — водить: „aklas aklą wadžoj" = слепой водит слепого; „wadžóju jo seserį" = вожу его сестру (т. е. женат на его сестре: жена — водимая); более длительное при vedù, vèsti — вести.

Válkiotis — волочиться в значении „таскаться, шляться"; „válkiotis põ svíetą" = по свету волочиться; „asz palěgau ir valkiojaus apë pusantrą metą aplinkui" (Schleicher, Grammat. Lesebuch) = я убежал и шлялся около полутора года вокруг (повсюду); и более длительно при velkù, vil̃kti — волочь, тянуть, на-(о-)девать (без значения большой длительности). Латышское welkat — носить платье, при wilkti.

Vajóti — гоняться, более длительное при vejù, výti — гонять (ср. сербское виjати — ћерати). Латышское vajat — преследовать.

Tekiótis — sich belaufen (об овцах и козах), польское ciekać się (о течке собак и волков) — более длительное при tekù, tekěti — бежать, течь; „už výro" — собственно „бежать за мужа" (за мужем), выходить — выйти замуж; латышское tekát — hin und her laufen, при tehkét.

Латышское vazat—schleppen, возить при vezt. Литовское važióti—ехать на возу, изменило значение сравнительно с vèžti—везти и потому не имеет явственно более длительного значения.

Sakióti—итти по следам, сочить; sekióti—следовать кому, подражать; оба длительные к sekù, sèkti—следовать за, латинское sequi, и многие другие, как латышское davat—давать при dût—дать (без значения совершенности). Латышское râpát—ползать при râpt—ползти (repere); atraugotis—отрыгаться из atraugtis.

Глаголы литовские auju, avau, auti (отглагольные—Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 70, I, кл. IX).

Dúsauti—вздыхать, более длительное к dusù, dùsti dusù, dusḗti—тяжело дышать: „kàs dḗn iszsirḗdęs, alè dúsaudams ir vis sìrgdams nùtweria száuksztą“ (Donaleitis, II, 18)=каждый день нарядившись (нарядный), но, вздыхая и все болея (печальный и больной), берется за ложку. Отношение dúsauti к dusḗti то же.

Rḗkauti—кричать, более длительное к rèkiù, rḗkti (ibid.) „czè vḗns, rḗkaudams durnaí, sù pódagra piáujas, o kits tén, kitaíp dúsaudams, dáktaro szaúkia“ (ibid., II, 34)=один, вскрикивая (крича), как сумасшедший, режется (грызется) с подагрой, а другой в ином месте иначе (по-другому) вздыхая, зовет доктора.

Szúkauti—кричать, многократное (более длительное) к szaũkti—кричать, звать.

Klýkauti—кричать—более длительное при klykiù, klýkti—кричать (о детях)—jauchzen.

В латышском ср. глаголы на *-ûj-u*, *-û-t* (Bielenstein, 267 сл.), например swilpût—свистать при swelpt, walûd—валять, катать при welt.

Из этих и им подобных примеров я заключаю, что литовский и санскритский языки, подобно славянским, пользуются характером отглагольных глаголов для выражения большей длительности действия, которая не всегда, как и в славянском, может быть строго отделена от многократности. Происхождение мнения Гильфердинга, что литовские глаголы, подобные приведенным, выражают количество, нечто совершенно отличное от предполагаемой качественности славянского глагола, может быть отчасти объяснено неточною передачею формального значения литовского глагола в словарях, например у Нессельмана, и неточным пониманием самого немецкого перевода. Гильфердинг считает, например, литовское tráukau, -yti за количественность глагола при tráukiu, tráukti, потому что 1-й у Нессельмана переведен: oft, viel ziehen, а 2-й—просто ziehen. Но viel ziehen пояснено через umherziehen oder zausen—таскать, например за волосы.

Применяя к литовскому терминологию Павского, мы в tráukti видим глагол однообразный, а в tráukyti—разнообразный, неопределенный, а поправляя эту терминологию, основанную на ошибочном мнении, что глагольные характеры в славянском могут выражать пространственные отношения, как таковые, мы иначе не назовем упомянутых глаголов, как конкретно-длительными и более длительными.

В других случаях и немецкий перевод не дает основания видеть в подобных литовских глаголах интенсивность, в raiszaũ, -ýti, ráiszioju, -oti, -binden, fesseln—при rìszti—binden.

Отрицать сходство между конкретностью и большею длительностью глагола в славянском и литовском на том основании, что литовско-латышские языки имеют большее количество глаголов причинных (facultativa, causativa), чем славянские, и что в литовских есть глаголы учаща-

тельные, уменьшительные, — столь же имело бы смысл тогда, если бы было доказано, что категории причинности, учащательности, уменьшительности и увеличительности не совместимы с категориями двух степеней длительности.

В русском невозможно смешивать оттенка, сообщаемого глаголу глотыхать, громыхать характером $\frac{-ae-}{-a-}$, с оттенком грубости, силы (с точки объективной) и презрительности в глотых (с точки личной), зависящими от суффикса *-ых*: этот последний оттенок остается неизменяемым при изменении характера и видового значения глагола: громыхать, громыхнуть, погромыхивать. Столь же необходимо в литовском и латышском разделять значение, зависящее от глагольного характера, с одной стороны, и от суффиксов *-st-*, *-u-*, *-ter-*, *-ur-*, *-ul-* и пр., стоящих перед характером — с другой стороны.

Так, например, kil-n-óti, по Шлейхеру, значит — oft und wenig heben, hin und her heben: „Dabàr jū̃du ẽmė ávilius kilnót, jeíb sunkiáusį trópytu" (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 159) = теперь они (два вора, по ночи крадущие ульи) стали поднимать (понемногу приподымать от земли) ульи, чтобы найти самый тяжелый. Здесь мы отделяем большую длительность сравнительно с kélti, heben [за неимением соответствующего беспредложного глагола, по-русски переводят не точно — поднимать (более длительное), поднять — конкретный совершенный] и уменьшительность, которую можем приписать только суффиксу *-н-*, хотя и не понимаем происхождения в нем уменьшительности. Таким образом kil-n-óti соответствует по характеру и степени длительности, а также по значению суффикса санскритскому на -n-ā-ti. Ср. truk-nóti — слегка потягивать, вздрагивать, при trùkti — тащить; lynóti — моросить, при lýti — итти (о дожде).

Так, латышские глаголы уменьшительные на *-el*, *-et*, *-ulēt*, *-eret*, *-uret*; литовские уменьшительные на *-in*, *-eti*, переходящие на значение многократности, значением своим обязаны, с одной стороны, именному суффиксу, с другой — глагольному характеру. Литовский на *-inėti* мы бы сравнивали со славянским многократным только тогда, если бы, например, было доказано, что *-in-* не есть самостоятельный суффикс, а произошел от глагольного характера *-i-* с евфоническою гласною, как -ав-ати, -ѣв-ати в славянских.

Между славянскими и латышско-литовскими языками, без сомнения, есть большая разница по отношению к видам. Было бы удивительно, если бы ее не было здесь, тогда как она заметна и между отдельными славянскими наречиями. Прежде всего в литовском и латышском, как выше упомянуто, нет глаголов совершенных, из чего одного уже видно, что в них не может быть глаголов однократных, соответствующих славянским. Правда, славянскими однократными приходится иногда переводить литовские, как -ter-iu, -ter-ė-jau, -ter-ė-ti и -ter-iu, -ter-iau, -ter-ti; szùkteriu, -terėjau, -terėti и -teriu, -teriau, -terti: „eìk namó, ik Krìzas táv ateíti paszúkters" (Donaleitis, Pricz. Pas., 83) = ступай домой, пока Кризас не кликнет (сербское зовне) тебе прийти.

Drýkteriu, -ėjau, -ėti, längs — gleichsam sich rückend springen: „voverė nů vẽno medžio ant kito drỹkterėjo" = белка прыгнула с одного дерева на другое — при drėku, -kůs, -kaus, -ktis — sich recken, sich lang ziehen etc.

Kìszteriu, -terėjau, -eti и -terti при kiszù, kìszti — совать: „Kàd kunigaí vaikų̃s į sziùilę rágina siųsti, ir kàd szùlmistrams reík kókį pìnigą kýsztert, àk kokiù visùr glupú nurnė̃jimu ràndas" (Donaleitis, III, 817) = когда священники понуждают отдавать детей в школу и когда прихо-

дится сунуть учителям какой-нибудь грош, ах, сколько повсюду слышно глупого ворчанья.

При том литовские глаголы с суффиксом *-ter-* ближе всех других по значению к глагольным частицам, выражающим мгновенность действия (czùpt! и т. п.), подобно тому как однократные — к таким же частицам в славянских. Но соответствие русским однократным только мнимо. Такие глаголы с суффиксом *-ter-* могут быть переводимы однократными во всех формах, кроме настоящего времени, в котором так не могут переводиться, а в настоящем, если желательно сохранить время литовского глагола в русском, непременно переводятся глаголами длительными: „Tókius àsz dyvùs kaíp séns žmogùs pamatýdams ìrgi dúsaudams isz szirdẽs tů szúkteriu graúdžej“ (Donaleitis, II, 68) = Я, как старый человек, видя такие дива и вздыхая из глубины души, восклицаю печально; „Sztaí girgžteria dùrys ir (N. N.) pasiródė“ (Donaleitis, II, 136) = „вот стучит дверь, и (N. N.) явился“; „į bažnýczą vos, iszgìrst ką̃, kýszteria gálvas, o paskùi tů žáist ir szókt į kàrczamą bė́ga“ (Donaleitis, III, 797) = в церковь едва всовывают (вернее было бы всунут, но в подлиннике настоящее) головы, чтобы услышать что-нибудь, и затем сейчас бегут играть и плясать в корчму.

Несходство и сходство с однократным зависит от того, что литовские на *-ter-* выражают не единичность момента, а дробность моментов или момента, часто, но не всегда уменьшительность действия. Так, например, вряд ли можно найти уменьшительность значения в следующем: „jis ė̃męs tą peílį, jeíį krutìnę krokszterė́jo teíp, kád tůjaús srovė́ kraujú isztekė́jo“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 192) = так хватил в грудь (кольнул ей в грудь). По характерам *-terė́ju, -ė́jau, -ė́ti* и *-teriu, -iau, -ti* рассматриваемые глаголы принадлежат к конкретно-длительным.

Cžiópju, -pjau, -pti — nach etwas tasten, greifen.

Cziópyju — то же. Cziopóju и cziupóju, -óti — benutzen, antasten.

Cziupinė́ju — berühren, betasten — Auch für unkeusche Körper betastungen gebraucht.

Что могут обозначать формы *-yti, -oti* как не длительность? Для интенсивного cziùpteriu (etwas angreifen, zutasten) это — щупать. Вряд ли заимствование одного существительного apýcziupa, в творительном и местном, например — apýcziupa, apýcziupoj, например — apýcziupoj dirbti — ощупью (в потемках) работать.

Случаи, когда литовский язык не различает конкретности и большей длительности: val̃kas ẽit į̃ pamókslą — может означать, как и в немецком, — der Knabe geht zum Unterricht — мальчик идет (теперь) в ученье, и мальчик ходит (постоянно, обыкновенно, в течение значительного времени) в ученье (Kurschat, § 1352).

Конкретный и более длительный — vedù — vadžióju = вожаю, с тою разницею, что и последнее явственно от води, а при первом причинное vèsdinu, vejù, vėjaũ, výti — гнать — vajóju, -ójau, -óti — jagen, herum jagen, nachjagen; сербское виjа̀ти, вӥjам.

Velkù, vilkaũ, vil̃kti — волочь; vilkiù, vilkė́jau, -kė́ti — одеваться, быть одетым; válkioju, -óti — волочить (сходственное значение см. в словаре).

Vežù — važiũju.

Vitóju, vitavóju; tekù, tekė́ti; — tekiũtis.

Teszkiù, tẽkszti, taszkáu, -ýti.

Tráukiu, -kti (тянуть); — tráukau, -kyti; tvériù, tvérti (fassen).

Tvárstau, -yti.

Kibù, -ėjau, -ėti; kibinti; kỹburiu, kỹburiůju; klýdau, klydėju, -ėti = irren, irrsam sein; klájdžioju; guliù, gùlti — ложиться спать; gulėti — лежать.

Gr į sztù, grį̃szti = возвращаться.

Puczìù — pũsti; pustaũ, pustýti.

Plė̃sziu, plė̃szti; plė̃szau, -szyti.

Beldù, -ė̃ti; báldau, -yti; baldóju, -óti.

Líeju, líeti (лить); upė miestą apliéja — река обливает, обтекает город; laistaũ, -stýti — oft begiessen; láisterėti — ein wenig (лѣзъ); lándžioju и lìndoju.

Предлог не имеет влияния на совершенность или несовершенность, следовательно limpù — prilimpù.

Asz pabė̃gau ir válkiojausi (волочився вокруги — по всім усюдам) „apė̃ pusàntrą mė́tą aplìnkui“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 158).

Gul̃ti — лечь (Nesselman, Lieder, 49); gulėti — лежать.

Keliù, kéliau, kélti — поднять (совершенный) и поднимать. Anksti rýta kė̃liau — я встал, поднялся. См., однако, pakélti и pakylėti.

Vera durìs, prawė̃riau — я отворил — duris; várstyti, -stau — отворять и затворять часто (рыпаться).

Eimì (= einù) ėjaũ, eĩti — итти.

ėjaũ vandenėlis (песня) — я пошла (совершенный) по воду.

Stóti, pastóti, stovė̃ti, neilgai stovė̃jau — стояла.

Причинные: vemiù, -jau, vėmti (vomere), pravìmdau, -dinu, -dyti — довести кого до рвоты.

Vérdu, viriaũ, vìrti — trans. kochen.

Vérdinu — sieden lassen — варить что.

Verczìù, vẽrsti — вернуть, воротить.

Vartaũ, -ýti — ворочать, virtáuju, veriù, vérti, várstau, -yti.

Témsta — смеркает, témdįti, támsinti.

Társzku, tarszkiù, tarszkė̃ti, társzkinti — (треск).

Tekė̃ti (течь), tẽkinti (точить, острить), įtekė̃dinti; tilpti; talpìnti.

Tylõm — молча; tìlstu, tildau.

Tardau без явственного причинного значения.

Tirpstù, tirpaũ, -pti; tirpinù, -inti (таять).

Trúkstu, trúkti (рваться).

Trunkù, trùkti (медлить), trùnkina.

Tvįstu, twįti — anschwellen (vom Wasser). Tvìndau, -yti — anschwellen machen; jemanden mit Bier besaufen.

Darýti, darýdinti, dirbdìnti.

Digstù, digti, dáiginti.

Kawadinti (kawoti — ховать).

Kibu sich regen, kìbinu — kìbinti — дразнить.

Gerti — girdinti.

Gesaũ, gesýti — гасить; — gestù, g̃ėsti — гаснуть.

Gyjù, gýti — заживать; gýdau, gýdžiau, gýdyti — заживлять.

Gul̃ti, guldýti.

Lydau, -dyti — топить, делать жидким.

NB. Глаголы на *tu* — средние: vertù — transitivum; verczìůs возвратный; virstù (конкретно-длительный) — umfallen, sich ändern.

Spiáuju, spiáuti, spiáudyti (часто плевать) (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 160; Donaleitis, III, 493, I, 124); barstýti (Donaleitis, III, 356, 686); tasýtis (ibid., III, 805); krapsztýti (ibid., IV, 291); skìrstyti (ibid., IV, 566).

Глаголы конкретные и при них frequentativa с характером *-a-* в латышском.

W e z t (wed-) — führen, fahren: waddat — frequentativa — hin und her führen (wezt? — wazat — hin und her schleppen).

Z e l t — heben, zillat — oft heben.

B r i z t (brid-t) waten, braddāt — hin und her waten.

L i z t (lid-t, perf. lidu) — kriechen; lôdat (вм. land-ati) — hin und her kriechen. Spragt — platzen, brechen; spreg-at — platzen, prasseln.

Литовский kvėpiù, -pti (редко kvepė́ti) — дышать, пахнуть (без оттенка начинательности, для которого — kvimpù, kvìpti) kwėpůju — hauchen, aufhauhen, keuchen, schwer athmen.

Jis jeí dávė į kátilą vandèns nèszt (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 122) (н а н о с и т ь, н о с и т ь).

Санскритское от k a r — делать 3 л. мн. ч. karikárati — wiederholt machen или = c a r — двигаться, carcarîti — schnell sich bewegen, wiederholt sich bewegen.

Латышское frequentativa с характером *-í-*: w e r s t — werfen; wertit — frequentativa, wártít — hin und her werfen.

Более длительные — на -a v j u, -a v a u, -a u t i.

У Нессельмана глаголы с различным характером весьма часто не различаются по значению по немецким переводам (что, конечно, объясняется трудностью передачи чуждых немецкому языку оттенков), но примерами, что было возможно.

D u s ù, d ù s t i — schwer atmen, keuchen; dusù (dusė́ju), -ė́ti и dusáuju, -óti — id.; dusáuti — seufzen in Leiden und Trübsal.

Кажется, d u s ù и d u s ė́ t i — конкретно-длительные, dusóti, dusauti — более длительные. Ср., с одной стороны, дышать и украинское ди́хати, с другой — вздыхать:

„Kàs dė̃n iszsirė́dęs, alė d ú s a u d a m s i r vis s i r g d a m s nùtveria száuksztą“ Donaleitis, II, 18, 19) (= вздыхая и болея = печальный и хворый). Rėkiù, rėkiaũ, rė̃kti — кричать (конкретно-длительный), szaukiù, -kiaũ, -kti (ibid, II, 456) — кричать, звать: „Laíma s z á u k ė, Laíma vèrkė“ (rė̃ve) = rief, schrie — песня (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 8).

„Czè vė́ns, rė̃kaudams durnaí — крича (более длительное) как сумасшедший — sù pódagra piáujas“ — грызется с подагрою — „o kits tė́n (= в другом месте) kitaíp dúsaudams (= иначе, на другой способ вздыхая) dáktaro szaúkia“ (= зовет) (Donaleitis, II, 34, 35). Klýkti, klykiù — ängstlich schreien, kreischen (von Kindern), stark schreien, jauchzen. — Klykáuju, klykáuti — unbändig schreien, jauchzen.

Более длительное -a u, -y t i: rė̃žau, rė̃žyti (durativ.), rė̃žti.

О т с у т с т в и е с о в е р ш е н н о с т и и н е с о в е р ш е н н о с т и: „àns výrs tą freílė̃nę atrìszo o namó važiávò“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 119 — повез); „jis prászė tė̃vą kàd jám dů̃tu árt“ (ibid., 121) (стал просить, попросил); „katràs eís (пойдет) žarnú iszplát (pláut)?“ (ibid., 121), „trópyjosi jém į vė̃ną kàrczema įeít, stiklą pývo gért“ — выпить (ibid., 129).

Dů̃k mą́ nèszt (ibid., 130 — понести); védė (ibid., 133) — взял за себя, женился, „повел“; iszpažìno, kàd taí jo vaikaí = узнал, что это его дети; ir važiávo (поехал) sávo paczòs jëszkòt (ibid., 134). Во многих случаях ė̃jo — пошел, пошла, пошли.

B ė̃ g o — побежал (ibid., 181); skéndo — утонул (ibid., 34); bégo (побежала) (Donaleitis, II, 105); szóko (прыгнул) (ibid., 109).

[a) Явления света, звука, запаха, как ш у м е т ь, к р и ч а т ь, с м е р д е т ь. Сюда же — глаголы, означающие не издавать звука: м о л ч а т ь (ср. сербское ш у т и ј е т и, шутим); украинские ш к в а р ч а т и, я ч а т и, с к а у ч а т и.

б) *Деятельность* восприятия этих явлений: видеть, глядеть, зреть, смотреть.

в) *Другие* психологические состояния: хотеть, бдеть, болеть, свербеть, велеть, щеметь, терпеть, скорбеть, бояться.

г) Механические явления движения и пребывания на месте: лететь, бежать, мчать, дрожать, держать, вертеть, висеть, сидеть, стоять, лежать, торчать; украинское стромiти (см. Павский, III, § 25); свербеть.

С производным *-т-*: пыхтеть, украинское тремтить, скаучать, чешское chraptěti.][1]

Verba resultativa в литовском. Термин этот не встречается у Шлейхера и впервые введен Куршатом, который говорит приблизительно следующее (Grammat. d. lit. Spr., 131, § 463).

В литовском различаются действия, изображаемые независимо от достигаемой ими цели и должны представляться достигающими цели, например, gýdė, = heilte, kurierte в смысле „beschäftigte sich mit Krankenheilungen" — занимался лечением больных, причем действительное излечение могло и не достигаться, и iszgýdė = „heilte die Kranken", т. е. „machte sie wirklich gesund" — действительно исцелял их. В немецком, кроме сравнительно редких случаев (например „ich habe ihn gesucht"—я его искал, „ich habe ihn aufgesucht"—я его отыскал), эти оттенки не различаются, — что, видно, с точки чистоты литовского языка, повлияло, между прочим, на литовский перевод Библии. В литовском в первом случае ставятся „большею частью" глаголы простые, во втором — „по правилу" сложные (предложные), которые всегда имеют результативное значение („zur Bezeichnung einer Handlung als solcher werden meistens *einfache* Verba; zu resultierenden, d. h. zu solchen, dir Erwirken, Fertigmachen zum Ziele haben, in der Regel — *Composita*, die eben deshalb auch *immer resultative* Bedeutung haben, gebraucht") (курсив подлинника. *А. П.*). Таким образом lygónį gýdyti — значит лечить больного, заниматься его лечением; lygonį iszgýdyti — излечить его так, чтобы он выздоровел (русское — вылечить, вылечивать, излечить, излечивать). „Vaikaĩ rãszo — дети пишут, т. е. занимаются писанием, но „schreibe mir einen Brief" в смысле результативном будет по-литовски не raszýk, а paraszýk man grõmatą. Lipo añt kálno — значит только характер: всходили на гору, без результативного значения, которое может быть вложено в немецкое stieg auf einen Berg; в результативном же смысле по-литовски užlìpo añt kálno — взошел на гору

Куршат замечает, что литовские результативные сходны со славянскими совершенными (verba perfectiva), но нетождественны с ними (Kurschat, Wörterbuch, I, XVI, XVII; он же, Grammat. d. lit. Spr., § 463). Miklosich (IV, 288) видит здесь на стороне Куршата недоразумение, ибо говорит, что совершенные глаголы славянского языка означают не одно лишь

---

[1] Дальше в рукописи кроме материалов, приведенных в [ ] скобках, имеются еще следующие:

Русское (реветь по второй теме), стучать, трещать; литовское blizgù, -éti, блестеть, blyszkaũ, blỹkszti — блистать; сюда же глаголы, обозначающие неиздавание звука: молчать (ср. сербское шутjети, шутим).

чешское vorêti, chutěti, štpěti, čpiti, brneti, pasiti, polěti, brenčeti — бурчать (burčeti), drčeti.

kluziti, budleti, kračeti, tuloceti se, kolaceti se, cotejceti se. Chapać pić.

— ? Oh-bracoliti, nelholiti, mrtoliti, horiceti. *Ред.*

прекращение действия, но достижение цели действия, почему и могли бы тоже быть названы результативными; как литовские gýdyti и славянские vračiti — ozdrovljati, так покрывают друг друга и литовское iszgýdyti и славянское izvračiti, ozdroviti. Тем не менее Куршат совершенно прав. Подобным образом предшествующие исследователи приписывают литовскому совершенность глаголов. Так, Нессельман под словом „da“ говорит: предпоставленная глаголу эта часть выражает „das Vollendete, das Fertigsein oder machen des Wurzelbegriffs“ (Nesselman, Wörterbuch, 123). Шлейхер: pa- в сложении с глаголом „meist nur in der Function, das Verbum zu einem die Handlung als einmalige bezeichnenden, zu einem Verbum perfectivum zu machen“ (Donaleitis, 246). Miklosich: „Даже литовский язык заметно удаляется от славянского, так как он, хотя и делает различие между išprašýti и prašýti, точно так, как славянский — между испросити и просити, но, повидимому, не знает столь существенного для славянского языка различия между скочити и скакати, т. е. не имеет глаголов итеративных. Еще далее от славянского — германские, даже готский: легко заметить, что в большем числе случаев предлоги, не только одно ga-, делают глаголы совершенными (perfectivieren); но нельзя не признать, что этот закон не проведен последовательно и что гот забросил (aufgab) лежащую в его сознании категорию действия совершенного и продолжающегося, глаголов совершенных (perfectiva) и несовершенных (imperfectiva)... В языке, лежащем в основании как немецкого, так славянского — а такой язык мы принимаем с Гриммом и Шлейхером — надобно допустить существование совершенности предложных глаголов (Perfectivität praefixierter Verba). Для арийского праязыка такое допущение не может быть обосновано, а обосновано обозначение длительного действия темою с усиленным коренным гласным, а мгновенного действия — темою с неусиленным коренным гласным“ (Miklosich, IV, 293).

Прибавлю от себя, что разница между теми и другими достигает осязательности в значении формы настоящего времени. В современном славянском языке глаголы длительные совершенные стоят на одной ступени с глаголами однократными (которые все совершенны) в том отношении, что в обоих мысль об оконченности действия несовместима с представлением настоящего времени, почему форма этого последнего получает значение будущего совершенного. В литовском глаголы результативные тоже стоят на одной ступени с так называемыми Куршатом verba punctiva (*-eriu, -erёti*, например szukteriu при szaukiù — зову, кличу) „die ein einziges kurzes punktuelles Geschehen bezeichnen“ (Kurschat, Wörterbuch, XVII; он же, Grammat. d. lit. Spr., §§ 248, 441), о значении коих будет сказано особо, которые мы могли бы назвать однократными или мгновенными, если бы с этими терминами у нас не была так тесно связана мысль о совершенности. Оба эти разряда в литовском сохраняют за формою настоящего значения настоящего, из чего следует, что, например, будущее этих глаголов, смотря по контексту, может быть передаваемо и русским будущим совершенным (настоящее совершенного глагола) и будущим несовершенным.

Мнение Миклошича, что „настоящее предложных (литовских) глаголов имеет, как кажется, значение будущего“ — ошибочно и подкреплено примером „Мум нураус сесутѐс“ (Юшкевич, Песни, 26) — нам сорвут сестрицы, — в коем стоит, может быть, будущее, а не настоящее. Например ateiti есть глагол только результативный (Куршат), соответствующий немецкому kommen, значит и прийти и приходить; atbĕgti — прибежать и прибегать; atjóti — приехать и приезжать верхом, geritten kommen; atvažiũti — приехать, приезжать, езжать (на возу), zu

Wagen kommen; atlė̃kti — прилететь, прилетать,[1] при них настоящие: jis atẽit, atbė̃ga, atjója — er kommt zu Fuss, gelaufen, geritten — приходит и пр. (Kurschat, Wörterbuch, II — kommen) — таким образом в настоящую минуту и, я думаю, не только в конкретно-длительном (в настоящую минуту), но и в более длительном (в течение более продолжительного времени). То же относительно resultativa verba, в общем соответствующих немецкому bringen: atnẽszti, užnẽszti, принести (сербское донести), приносить, įneszti — внести, вносить; atvèžti — привозить, привезти; atvèsti — привести; atpalydenti — провести, проводить, провожать (домой); atgabénti — доставить (например кладь). Отсюда настоящее в смысле конкретно-длительном: („kokiõs naujenõs tu ãtneszi" — какую новость ты приносишь? — „Asz gerą žinią ãtneszu" — я несу (и достигаю цели, приношу) добрую весть (Kurschat); „Antaí ateína bernužis per láuką, atsínesza rànko áksa pentinėliùs" [= Вот приходит (к девице, о которой упоминается выше) молодец по полю и он приносит в руке (конкретное длительное) золотые шпоры] (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 38); „Парбега жиргялис гарсей жвенгдамас, Ишейна сесяле гайлей веркдама" (Фортунатов, 168).

В повелительном без отношения к цели: eiksz pas manę — иди (ступай сюда) ко мне = украинскому иди (ходи) до мене, т. е. сейчас; „ateĩk pàs manę̃" (erst später hin, nicht unmittelbar, nach der Aufforderung — Kurschat) = в русском приди (приходи) ко мне, украинские прийди, приходь (с тем же оттенком, как и в литовском); „paũksztis lìzdą kráujas" — птица делает себе гнездо (но сделает ли?), но „susikraũja" — страивает, свивает (в настоящую минуту и вообще).

Не следует думать, чтобы результативность глагола была обязательна в том случае, если цель действия указана дополнением: Ср., например, „Важюок, мано тевяли Ин Вильнуже местяли, Пирк ман тимо бальняли" (Фортунатов, 190); „Пардӯсю жиргус... вадӯсю мергужеля". „Напардӯк жиргу... Навадӯк маня яуноі. [В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером, особенно ясно видно сродство славянского будущего с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или иначе, оно есть представляемое, но несуществующее в действительности окончание настоящего.] Атвадӯс маня тевас мочюте" (ibid., 200); „Сеск ин јӯда лайвяли... Тай муду плауксим пер јурес марес ир даплауксим краштяли" (ibid., 20).

§ 4. Виды и категория длительности в глаголах

Из несомненного и общепринятого положения, что славянское будущее простое имеет форму настоящего, следует, что некогда эта форма имела значение настоящего, а не будущего. Есть явственные следы такого значения форм беспредложных = предложным, употребляемых только в значении будущего.[2]

[Рассматривая глагольные классы со стороны формы, мы видим, как из форм относительно простых образуются формы все более и более сложные, предполагающие не бо́льшее число предыдущих форм. Например, глагол на́шивать, нашиваю предполагает нашевать, украинское ношуваты, ношую, этот, вероятно, нашавати и нашати, этот последний — носити, этот — нести, который в свою очередь по 1-й теме несу заклю-

---

[1] Относительно значения *at-* ср. значение сербского *до-* в доли, долетати, долетӯети и пр.

[2] Этот абзац написан на полях рукописи вместо зачеркнутого текста, который приводится дальше в [ ] скобках. *Ред.*

чает в себе характерную гласную *-а-* и потому не первообразен. Известны формы более простые, чем несу, именно такие, как вѣмь и т. п.

То, чего достигает язык этим непрерывным усложнением характеров, может быть определено не иначе, как наблюдением над изменениями значения глаголов, соответственными изменению формы. Наблюдения эти легче делать в тех случаях, когда глагол с более сложным характером не вытесняет более простого, но существует рядом с ним в одном и том же наречии, или когда более простой глагол, вытесненный сложным в одном наречии, сохраняется в другом.

Глаголы без характера во 2-й теме и без характера или же с характером *-а-*, *-ja-* в 1-й теме в самом славянском языке уже по отделению его от других сродных вовсе не выражали того оттенка большей или меньшей длительности и краткости, который мы называем видом. Вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком, в котором видовые оттенки действия или вовсе не существуют для мысли или выражаются описаниями, так, что например одно tragen заменяет нам нести, носить, украинское ношати, украинское ношувати = русскому нашивать.

В настоящее время в вышеобозначенных глаголах и других, о которых речь ниже, видовое отношение определяется следующими признаками.

а) Все эти глаголы, за исключением нескольких (менее десятка), без предлога обозначают деятельность несовершенную, конкретную. Действие, обозначенное глаголом нести, несу, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы носить, нашивать, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначает действие, как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение „ношу" в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как „нести", такие, как носить, нашивать, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли.]

б) Как скоро к конкретно-несовершенным глаголам присоединяется предлог, то вторая их тема получает значение действия конкретного совершенного, а первая, именно настоящее время и повелительное наклонение, — оттенок будущего времени.[1] [Последнее объясняется тем, что мысль о действии, действительно совершающемся в настоящее мгновение, а между тем оконченном, немыслима, потому что заключает в себе противоречие. Что я вижу, слышу и т. д. в это мгновение, то не может быть оконченным. Действие оконченное я могу представить себе только в прошедшем или в будущем.] В немецком ich trage hin, trage (da)hin — „hin" обозначает только направление действия, и потому эти выражения могут быть в славянском переданы не предложным глаголом, а глаголом с наречием места или с дополнением: несу, неси туда-то. Между тем в снесу, кроме обозначения направления, есть еще значение совершения действия и будущности, представляемой настоящим. Поэтому это выражение наиболее, хотя не совсем, подходит к немецкому: ich werde hintragen: не совсем — вследствие особенностей, зависящих в немецком выражении от его составных частей: настоящего глагола werden и неопределенного наклонения.

в)[1] [От пп. а) и б) отклоняются те немногие глаголы, упомянутые под п. а), которые получают значение совершенного действия и будущего времени в 1-й теме не в силу предлога, а единственно от влияния других дли-

---

1 Дальше в рукописи идет зачеркнутая часть; она поставлена нами в [ ] скобки. *Ред.*

тельных форм.] Таковы дам, буду, реку, паду, сяду, лягу.[1] [В них и других подобных им в этом, но с более сложным характером особенно ясно видно сродство славянского будущего с настоящим. Славянское будущее время есть оконченное настоящее, или иначе, оно есть представляемое, но несуществующее в действительности окончание настоящего.]

Можно доказать, что будущее глаголов пп. а) и б) было некогда действительно настоящее, именно тогда, когда при глаголах п. в) не стояли еще длительные формы и когда предлог в глаголе п. б) обозначал только направление или вообще местные отношения действия, а не его окончание.

У Павского (III, 95) — голословно: „Чем далее восходим к первым началам словенского языка, тем реже замечаем влияние предлогов на время и пространство“ (т. е. на вид глагола).

Тогда не существовало разграничения действия конкретного, с одной, и длительного или многократного — с другой стороны, и все эти виды действия безразлично могли обозначаться глаголами п. а).

Приступлю к самым доказательствам.

Да́ти, дамь; даяти (давать), даю.

В современном русском языке, со включением народных говоров, дать (дати), дам есть глагол совершенный; дам есть будущее; повелительное дажь и причастие, деепричастие настоящего времени от удвоенного корня (от темы дад-), которые имели бы оттенок совершенности, потеряны и заменены формами глагола даяти (давати): даю, дай, даючи, притом так, что повелительное дай по видовому значению вполне уравнялось с дати, дам и для выражения большей длительности имеет при себе давай (от темы дава-) и деепричастие (resp. причастие), по крайней мере, в литературном и украинском имеет значение несовершенное, совместно конкретно-длительное и более длительное; в украинском форма не даваючи, сколько известно, не употребительна, хотя возможна, а в литературном разница между не давая и не даючи не чувствуется, быть может потому, что последняя форма становится архаичною.

Старинный язык представляет следующие явления:

а) Дамь имеет значение конкретно-длительное несовершенное, есть настоящее время, соответствующее современному даю:[2] в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се дасть (= дает) Иванъ Михайловичъ“ (Буслаев, изд. 2-е, II, 128; Акты юридич., II, 25); „Язъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ тое деревни не отдадутъ“ (= не отдают) (Акты, 29, 1511 г.); „За разбоиника людье не платять, нъ выдадять (= выдают, а не выдадут) и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ, а на разграбление“ (Русская правда — Достопам., I, 29—30); „про што ми обреклъ еси Кіевъ, а пріятельи ми не даси (= не даешь) пріимати“ (Ипат. лет., 20, 19); „Обыскати... кто у нихъ в Губѣ... лихихъ людей, татей и разбойниковъ — къ кому разбойники и тати приѣжжають и разбойную рухлядь привозят и кому разбойную рухлядь продадуть“ (Грам. Ив. Вас., 1571 г. — Достопам., I, 153); „Тот Шарапъ... из села вонъ нейдетъ и монастырю села и деревни не отдастъ... Шарапъ и его дети... нам... селца и деревни не отдадутъ“ (настоящее) (Акты юридич., I, 173, 1534 г.); „И есть (в исправленном — будетъ) [муж] акы древо саженое [в исправленном — насажденое, т. е. посаженое) (wsadzone)] в преисходищихъ водъ.

---

[1] Дальше в рукописи идет зачеркнутая часть; она поставлена нами в [ ] скобки. *Ред.*

[2] У Караджича в Словаре: дати, дам и дадем названы глаголом совершенным, что и бывает; откуда в примечании: „не даду ми се коњи, челе, дјеца (кад умиру); „даду се“ = даются, ведутся.

И юже плодъ свои дасть [(в исправленном — даетъ) (wydava)] в время свою". „И листъ юго не ѿпадеть [(в исправленном — не опадетъ) (nie opada)]. И вся юлико створи поспѣють ся юмоу" [(в исправленном — „успѣетъ" без „ему") (poszczęści się)] (псалом 1, Псалтирь 1296 г. — Буслаев, Хрестом., 86).

б) Повелительное — дажь, дадите по видовому значению соответствует древнему значению настоящего дамь, и в современном языке заменяется посредством дай, давай: „не дадите (δῶτε, nie dawajcie) с͠тааго пьсомъ, ни помѣтаите (βάλητε, ani miecicie) бисъръ вашихъ прѣдъ свиниими" (Остр. ев., Матфея, VII, 6; 60); „не дадите с͠щенная пъсомъ ни полагаіте бисъръı ваша" (Саввина кн., 11).

По отсутствию более длительных форм при отрицательных частицах эти обороты древнее, чем „не дайте" в значении „не давайте": „Ч͠лка не минѣте не привѣчавше, добро слово юму дадите" (= дайте) (Лаврент. лет.; см. Буслаев, Граммат., II, 128).

в) Дати = давать: „а тѣхъ ми земель не освоивати, ни продати (= продавать), ни мѣнити (= менять), ни въ закупъ не дати" (= давати) (Акты, 25, 1505—1511 гг.); „нѣции ѡт братья нашея дьрзноуша продати (= продавати) священныи санъ и причитати я къ церквамъ, и взимати ѡтъ нихъ нѣкыя оурокы глаголемыя" (Правило Кирилла — Достопам., I, 108; ibid. продають = современному); „Будебателько принаймить(-ти) (когда дочь не будет ему жать, вышедши замуж), по золотому на день дати. Таки не будеш вірно жати" (Сб. Сев.-зап. кр., I, 88 — Кобринский у. Гродненск. губ.); „разболѣся конь и падъ изд͠ше и҆ нача тщатися дружина. и҆ не дати (= не давати) ми одрати ноги..." (коня) (Пролог 1350 г. — Срезневский, Памятн., 260).

г) Причастие настоящего времени дада — дающий: „стоящимъ же имъ около города, и не дадущимъ ни воды почерпсти за 3 недѣли..." (Лаврент. лет., 140, 37); „Ростиславу... не дадущю ся мирити... Андрееви же вложи... въ сердце..." (ibid., 141, 2); „и пути заяша, и сълы изьмаша Новгородьскыя, вьсьдѣ вѣсти не дадуце Кыеву къ Мьстиславу" (Новгор. лет., 14, 14).

Польское „Nyedadzanczi czanzey, alybo gwalthem odbiyayanczi, alybo wipusczanczi wzanthą" (не дающий, выпускающий) XIV—XV вв. (Księgi ust., 28); „За тобой жила надежной как головушкой, почитали спорядовы вси соседушки, поклон во́здали жены мне-ка мужнии" (Барсов, 186). Miklosich, IV, 818: „Причастие настоящего действительного, как выражающее одновременность (Gleichzeitigkeit) действия с другим, следовательно, его длительность, образуется только от глаголов несовершенных; однако не мало исключений из этого правила". Между прочим, приводится: „аште кто видитъ матере... подаджштж съсъ" — si quis videt matrem mammam praebentem (Supr., 285, 11).

Подобные случаи суть отклонения от действующего правила в том смысле, что они — следы времени, когда правило еще не существует и „подати" не было глаголом совершенным. „Съвѣтьници же суть и друзи житейскыя мысли, не дадуще намъ ни о смерти помыслити" (Калайдович, 119).

Дати: „Слн͠чною ѿшествию. подъ землею̑ и҆ надъ землею̑. юдинако ѡбою (осень и весну) творить. не дады ни годомъ дроугъ дроуга боле и҆мати" (Шестодн., 112).

Повелительное дай в значении современном давай: „соудите по правдѣ, мъзды не емлите, в лихву не даите" (= давайте) (Достопам., I, 10); „жену свою любите, но не даите (= давайте) имъ надъ собою власти" (Буслаев, Граммат., II, 128).

Если в Остромировом евангелии уже употребляется дай (вместо даждь), как в современном языке, то это значит, что уже в очень древнее время по мере как древнейшие формы спряжения, к коим принадлежит удвоенное дамь, даждь, стали вытесняться более новыми, как дам, дай, конкретное значение 1-й стало переходить ко 2-й, а более длительное значение вторых к еще более новым формам, как даяти, даю.

„Что имъ посоулишь, то даи (=современному дай и более древнему дажь), а болѣ не дай“ (=не давай) (Дог. Мст. Дав. с Ригою 1229 г. — Собр. гос. грам., II, 4); „и рече имъ (радимичам) Олегъ: «не дайте (=не давайте дани) Козаромъ, но мнѣ дайте», и вдаша Ольгови по щьлягу, якоже Козаромъ даху“ (Лаврент. лет., 10, 21) (в древнем списке „даяху“); „д҃ молитвы створяй ему на день, а мяса не дай ни молока“ (Калайдович, Памятники, 175); „Призови дѣлателѧ и даи (ἀπόδος) имъ мъздѫ“ (Остр. ев., Матфея, 20, 8).

Дамь — в смысле настоящего в русских юридических памятниках XIV—XVI вв.: „се дасть (вм. дает) Иван Михайловичь“... „проѣзду намъ не дадуть“ (вм. — не дают), 1483 г.; „почему вы... проѣзда имъ не дадите“ (вм. не даете) (Буслаев, Граммат., изд. 2-е, II, 128). Такое безразличие видовое предполагается тем состоянием языка, при котором, как уже в древнейшем старославянском памятнике (Остр. ев.) дати — дамь, даждь обозначает действие только конкретное [„Ч҃лѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите“ (=дайте) (Лаврент. лет.; Буслаев, ibid.)], между тем как дати, даяти (=совр. давать), даѭ — действие длительное и отвлеченное.

Предлог обозначает только направление, но не придает значения будущего совершенного. „Азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, господине, тое деревни не отдадутъ“ (вм. не отдают) (Акты юридич., 1511 г.; Буслаев, ibid.).

При подавать, подаю мы теперь деепричастие имеем только в форме подавая, произведенное от темы дава-, от коей настоящее время было бы даваю; но „нестатъкъ (ἔλλειψις) же ѥсть слово, иже неиспълнь избѣседуѥть сѧ (настоящее). подаѩ (=подавая) же разоумѣвати. и въслѣдьнѥ“ (Изборн. 1073 г.; Буслаев, Хрестом., 270).

Вѣмь, вѣдити с предлогом — несовершенный. „Не повѣдуче никому же шедше убійте брата моего Бориса“ (Лаврент. лет., 57, 26); „ѧзыкъ мудрыхъ добро свѣсть. Уста же нечьстивыихъ повѣдѧть зло“ (Притчи, 15, 2 — Буслаев, Хрестом., 153) (в исправленном тексте „свѣсть“); „Мнози бо дружбу имѣюче велику и заклинаниѥмь и ласкою тайну повѣдѧть всѣмъ ч҃вкмъ“ (XIV в., Буслаев, Хрестом., 481); „не оумѣю, ни съвѣмь (οὐκ οἶδα οὐδὲ ἐπίσταμαι) чьто ты г҃леши“ (Остр. ев., Марка, 16, 68); „свѣсте“ — scitis (Miklosich, IV, 777); „Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, встаста два волъхва отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держить»“ (Лаврент. лет., 75); сравни с повѣдуче следующее: „волхвъ... пришедъ... Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять“ (ibid., 75); „вѣ вѣвѣ (Ипат. лет. — вѣ два вѣдавѣ), како есть человѣкъ створенъ“ (Лавр. лет., 76); „Бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьское“ (ibid., 76); „и тако погыбнуста наущеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ вѣдуща (Ипат. лет. — вѣдуща и гадающа), а свои пагубы не вѣдуче“ (вм. -ща) (ibid., 76); „Волхвъ глаголашеть... яко проповѣдь (в Радзивилловском тексте правильнее „провѣде“, т. е. провѣдѣ, знаю наперед) вся“ (ibid., 77); аште оубо съвѣсиси ничесоже отъ сихъ творѧе“ (Изборн. 1073 г., 31); „ч҃ци аще и на толицѣ высости. над ними соуть (звезды). то обаче

могоуть ѥ оумомъ хытрѣ свѣдѣти. въ чинениѥ... и... лоунноѥ помрьчаниѥ. ꙋвѣдеть прѣже мьногы лѣты. и проповѣдетъѥ и скажоуть" (Шестодн., 121 об.).

Дѣю, дѣти. Если бы в современном литературном языке сохранился глагол надѣю, надѣть, одѣю, одѣть, то он, в силу предлога, имел бы значение совершенного, ибо нет глаголов, предшествующих по форме и несовершенных по значению, но в старинном языке глагол конкретно-длительный несовершенный дѣти, дежи, ст.-слав. дежди (вернее с е, чем с ѣ, при коем дѣти, дѣѭ, как дати—даю при дамь) являлся как более длительный. В украинском как архаизм сподітись, сподіюсь, сподійся—вместо современного сподіватись: „уже ти нас, наша мати, у гості не сподійся" (Метлинский, 358; spodzieję się — совершенный). Другой архаизм надівати, надіє (вместо современного надіває) образован как давати, дає. „Один козак іде, шати дорогиї несе, на його козацькі плечи надіє. Боти сап'янові несе, на його козацькі ноги надіє" (Куліш, I, 208). Современное литературное—надеяться, надеюсь (собственно полагаться на) древнее по образованию, чем соответствующее по значению украинское сподіватись, новее чем сподітись, как несовершенное; оно служит наглядным доказательством, что и надѣю, одѣю (impono, vestio) в значении несовершенных суть русские формы.

Дѣти, дежду: „васъ одеждѫтъ (=одѣваютъ) ризы, мене же правда" (Supr., 14, 18).

„Не пьцѣтеса глще, что ѣмъ ли, что пиѥмъ, и въ что одеждемъса" (Саввина книга, 13); „одеждемъса" (Остр. ев., Матфея, VI, 31); „На вьсакомь мѣстѣ въздѣюще прѣподобьнѣи руцѣ..." (Изборн. Святосл. 1076 г. — Буслаев, Хрестом., 298): „аще на пѫть йдеши не надѣи чюжемь брашнѣ" (XV в., Буслаев, Хрестом., 650); „рѫгаахѫ же са ѥмоу и воини... оцьтъ придѣѭще ѥмоу" (Остр. ев., Луки, 23, 36); „въздѣніе (вздѣяніе) руку моею жертва вечерняа" (Феодосий, 195). Ср. odzienie и одеяние. Церковнославянские въздѣнъ, одѣнъ, одѣвень (Supr.; Miklosich, Grammatik, III[2], 108). (При дожинках) „коли виншуюць, дык надзеюць вянок на голову панам" (Шейн, 177); „ѿ корене проклѥтъ. что из дна изде жет се" (Шестоднев, 94 об.). „Аще сѣно бъ тако одѣѥть" (Матфея, 6, 30) — Miklosich, IV, 776 — относит к случаям, когда „именно в пословицах настоящее совершенных глаголов означает неограниченное никаким временем или, точнее, действие может случиться во всякое время". Например: „ушла лодия кормы не мочихъ, а зла жена жизнь всю мужа своего погубитъ". Я думаю, что одѣетъ есть не будущее, а настоящее несовершенного или, точнее, глагола, предшествующего категории совершенности и несовершенности. „... Лоуна, често. акы съвлачающи се. и пакы одѣюши се въ свѣтъ сам собою" (Шестоднев, 136); „таче с'твори ж слнце присно сьвѣтеща. а лоуноу овъгда облачещоу се. овъгда съвлачещоу добротоу. овъгда ѡдѣющꙋ се въ ню" (ibid., 154); „соугоубою чьстью ѡдѣѥтъ" (ibid., 180 об.).

Польское nadziać, przyodziać глагол совершенный, nadzię— будущее совершенное, русское надею от надеть совсем утратилось, заменившись формою надену; сохраненное настоящее надеюсь имеет неопределенное надеяться (собственно полагаться).

Дѣлъ=дѣялъ. „Аже кто поклажаи кладеть у кого-любо, то ту пѡслуха нетоуть; нъ ѡже начнеть болшимъ кльпати, тому ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко ѥси оу мене положилъ!" ... „зане же ѥму бологого дѣлъ и хоронилъ товаръ ѥго" (Русская правда — Достопам., I, 39).

Сѣсти. „Помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда нань“ (= не въ(ь)сѣдая) (Лаврент. лет., 16, 17).

Украинское совершенное покликати, покличу как и в русском будущее. „Кличе-покличе на кречну панну“ (Головацкий, II, 93) соответствует обыкновенному украинскому „кличе-поклика́є“, что было бы в русском „кличет-покликивает“, так что покличе есть настоящее длительное.

Велѣть в современном языке глагол совершенный и длительный; велю употребляется в смысле настоящего конкретного и будущего, но отвлеченное длительное в книжном языке выражается посредством повелѣвать, повелѣваю, что по времени происходит позднее, чем (Остр. ев.) „къто оубо сь кєсть, ꙗко и вѣтромъ велить и водѣ и послоушаѭть кєго“ (Луки, VIII, 25).

Воротить, ворочу́ глагол совершенный при ворочáю, т. е. возвращаю, например ворочу (будущее — деньги); но воротить, ворочу́ есть длительное конкретное при ворóчаю, например с души ворóтит (настоящее). Первоначально в обоих значение было воротить.

Кончить, кончу совершенное, но кончит, как мастер (в смысле длительном конкретном) кончает: „в Террачине кончится Европа“ (= оканчивается — длительное отвлеченное); в польском kończyć [только длительное: „jeszcze toaletę swoją kończy (оканчивает); zycie kończy się przez śmierć“], при skończyć, ukończyć совершенном и skończywać = оканчивать; чешское: „háj se počíná, kde louka se končí“ (= кончается); „háj (слово) na j se končí“ (= оканчивается).

Литературное пленить, народное полонить, полоню, совершенное, взять в полон; но сербские плиjѐнити, пли̏jенимо — брать добычу, длительное, конкретное.

Родить, рожу и в современном языке не только в значении совершенном, но и длительном, например в украинском в выражении „хліб не родить“, „дарма верба, що груш нема, нехай й не родить (не рожает), розсердився мій миленький, нехай й не ходить“. В польском rodzić — только длительное при совершенном предложном (zrodzić, urodzić) и длительное отвлеченное rodziwać: „zwyczajnie dziewiątego miesiąca rodzi (рожает) matka“. Так и rodzić się — рожаться. Так и в чешском „otec plodí, matka rodí“; „ne orám, ne seji, samo se mi rodí“ — многократный rodívám.

„Великость вашего духа, важные замыслы... накопятся (накопляются) [в моих устах], заслоняют дорогу дыханию“ (Афанасьев, Журналы, 36). „Съвязаныя душа рѣшаче оть тьмниць пущаху“ (Калайдович, Памятники, 38).

Ступить — совершенное, как в сербском, польском; но в Ипат. лет.: „Онъ же Вятичь не съступяшеть [не уступал — от съступити], но даяшеть имъ 4 городы“ (Ипат. лет., 18).

Явить — совершенный, так и в сербском jавити — в том же значении, но в значении вести отару, итти перед отарою („jавити овце“) — длительное. „В минуту славное сражение явится“ (= является) (Чулков; Афанасьев, Журналы, 162).

Рушить — в значении тронуть — в украинском и польском есть глагол совершенный ruszyć — koro, jutro ruszę dalej; nie rusz — не тронь; в русском областное — рушить в значении резать, есть (кушать) — длительный; сербское рушити — разрушать; так и в чешском: „obrazy rušiti“.

Женить и совершенный и длительный, так что женю — и настоящее и будущее; но в украинском, сербском, польском, чешском — только длительный.

Крестить — глагол совершенный и длительный, но крещусь — только длительный; в сербском крстим, польском chrzczę, чешском

křtim—только настоящее. И в старославянском совмещение всех видовых оттенков в крьстите древнее, чем различение крьстити и крьщати.

Обачить—радеть, стараться. „Ты не обачиш сор к избы приметать, а роскутил и то, что припасено“ (Новгородская губ., Обл. слов.).

Стрѣлить в украинском, польском, чешском — совершенный, хотя польское настоящее sztrzeli do góry; но „отходила Настасья за̀ вёрсту за мерную; заводила она стрѐлить (стрелять) в злачен перстѐнь“ (Пам. и обр. нар. яз., 316).

Таким же образом и в остальных глаголах на *-и-*, имеющих без предлога значения совершенные (бросить, лишить, простить, скочить, хватить), следует предположить более древнее значение неопределенной длительности.

При нескольких предложных совершенных того же разряда находим те же глаголы со значением длительным.

Изгонить в литературном языке совершенный, но в Остр. ев. „изгоните“ (=изгоняйте) (Матфея, X, 8). Украинское „Ой одсунь вікно та кватирочку та вигóнь (вигоняй) голубів з хати“ (Метлинский, 102); „Стоять воли в плузі ... та нікому воли погонити“ (погонять) (песня); „Запрягайте коні воронії, наздогоньте (наздоганять) літа молодії“ (ibid., 253); „Попрогóнь овечки, що родина даровала“ (ibid., 265); „Наша пані ... і сама не робить, і нас не пригонить“ (ibid., 323); „Добре той радить, хто людей не звадить“ (Номис, 119).

Дострѣлять — совершенное; но длительное в следующем случае: „Як надибали чорного туря ... і снїпок стрілок не достріляє (не дострілює, — в нем недостает стрел), і сив коничок із ніг спадає, гордий молодець з страху вмліває“ (Головацкий, II, 62).

Найдутся, без сомнения, многие другие подобные случаи при подробном сравнительном изучении словарей и памятников старинной народной литературы всех славянских наречий, но, мне кажется, и приведенных примеров достаточно для доказательства следующего положения. Одновременно с появлением при конкретно-длительных глаголах одного из классов, до класса *-ати, -аю* включительно, другого глагола того же корня (за исключением глагола буду) в одном из последующих классов, сравнительно с классом первого глагола, — например одновременно с появлением при пасть глагола падать, — начинается видовое разграничение этих глаголов. Глагол предшествующего, более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным. Первоначально это разграничение не резко, и остатком такого состояния языка служат архаические формы со значением длительных при таких же современных, обозначающих совершенное действие (Буслаев, Граммат., I, 101).

Отличие такого взгляда от взгляда Буслаева можно видеть из следующего. На стр. 126 сл. (Буслаев, Граммат., изд. 2-е, § 183) Буслаев говорит: „Так как глагол получает значение настоящего или будущего времени по различию вида, продолженного или совершенного и однократного, то употребление одного времени вм. другого объясняется употреблением одного вида вм. другого“. Затем следуют случаи такого употребления.

„I. Уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности, виды продолженный, совершенный и однократный смешиваются между собою, чтò явствует из употребления настоящего времени вм. будущего, и будущего вм. настоящего. Такое смешение видов и времен частию удержалось и в исправленных текстах, частию же изменено по более строгому различию времен и видов, в соответствие временам греческого

подлинника" (ibid.). О двух явлениях, имеемых в виду автором, именно о замене будущего настоящим и настоящего будущим, следует говорить отдельно. Что до второго, то замены настоящего будущим вовсе нет. В применении к этим случаям выражение, что они имеют место уже в древнейших памятниках, сбивчиво; оно заставляет думать, что в последующие времена случаи эти встречаются чаще. Тогда как на самом деле в древние времена еще не было в такой мере развито различие видов, как в позднейшие. „Отъпоустиши" (ibid.) есть действительное настоящее не только по форме, но и по значению. Оно кажется будущим лишь с точки зрения позднейшего состояния языка. „Так как, — говорит Буслаев, — по этимологическому составу будущее дамь ничем не отличается от настоящих вѣмь, імь и др., то ясно, почему часто употреблялось оно в смысле настоящего" (ibid.). Здесь опять тот же анахронизм. В выражениях — как „они мнѣ... тое деревни не отдадутъ (вм. не отдают), а денегъ не возмутъ" (не берут) — было бы употребление будущего вместо настоящего только в том случае, если бы для писавшего формы отдадутъ, возмутъ имели то значение, какое они теперь имеют; но на самом деле эти формы были действительные настоящие времена, потому что предлоги обозначали в них не окончание действия, а только его направление. Так что по виду формы эти означали действие несовершенное, как и формы беспредложные дадутъ, имутъ. Этимологический состав форм даст, дадут и в настоящее время не изменился, а между тем теперь никто знающий по-русски не употребит этих форм вместо длительных дает, дают. Если „некоторые глаголы [как купить, решить, кончить] теперь причисляются к совершенному виду, но в старинном языке и даже иногда в новом, у писателей, употребляются в продолженном виде, и следовательно в настоящем времени, вм. ныне употребительного будущего", если другие глаголы (как велеть, женить, казнить) „употребляются и в продолженном и в совершенном виде", так что велю, женю, казню могут быть и настоящим и будущим временем (ibid., 129), между тем как прежде были только настоящим, то это значит, что здесь современный язык пошел далее старинного в разграничении видов.

Обратного явления, т. е. возвращения к старинному безразличию видов, в народном языке быть не может. Буслаев говорит, что „некоторые глаголы, утратив продолженный вид, употребляются только в форме вида совершенного, но в значении продолженного, а потому форме будущего времени дают смысл настоящего; например в церковнославянском: совершенный вид крьстити, откуда будущее крьщѫ, и продолженный вид крьщати, откуда настоящее крьщаѭ; но теперь *крещать*, *крещаю* вовсе вышло из употребления в общепринятом и в книжном языке, совершенному же виду *крестить* дается значение продолженного, почему и *крещу* имеет смысл настоящего времени" (ibid., 128). Этим Буслаев допускает в языке возвращение от нового к старому, но совершенно ошибочно. Чешское křtim, польское chrzczę, сербское крстим есть только настоящее время глагола несовершенного. То же удерживается и в русском языке, для которого вовсе не обязательно то, что старославянский, прибавивши новую форму крьщати, придает форме крьстити значение совершенное. Правда, есть случаи, когда литературный язык пренебрегает длительными и многократными формами, употребительными в народных русских наречиях, и употребляет безразличную форму, им предшествующую по времени, во всех значениях; но и здесь видим не возвращение к забытой старине, а удержание ее.

Относительно употребления настоящего вместо будущего заметим:

когда в старинном языке или в современных наречиях употребляется форма, которой мы придаем значение будущего, в смысле настоящего, когда, например, в Остромировом евангелии говорится „изгонишь“ или в украинском „вигонить“ в смысле выгоняет, то это, как выше сказано, значит, что старинный или украинский язык вовсе не выражает в этом случае различия между видом совершенным и несовершенным. Такие явления исключительно свойственны славянскому (пожалуй и литовскому, в котором тоже есть виды) и постоянно зависят от степени развития видовых различий действия. Но употребление будущего вместо настоящего может иметь место совершенно независимо от существования видов. Оно, например, обыкновенно в немецком, начиная с древнейших времен (с Ульфилы) и доныне: „ich komme bald, ich komme morgen (veniam)“ (Grimm, Grammat., IV, 176—177). Несомненно, что случаи, соответствующие приведенным немецким, есть и в славянском. Ср.: „посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю“ [= а я иду (= пойду), распоряжусь] (Лаврент. лет., 110); „азъ иду (= пойду) по нь; а ты, брате, посѣди“ (ibid., 110); „поидевѣ на Гюрга, а любо съ нимъ миръ створимъ, али съ нимъ бьемся“ (ibid., 137); „не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодьи“ (ibid., 24).

И при теперешнем развитии видов глагола, и при полном их отсутствии были бы возможны эти случаи. Ср. еще настоящее при частице да: „да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ“ (ibid., 31). Иногда частицу да можно подразумевать: „проклята земля в дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали яси вся дни живота своего“ (ibid., 38).

Здесь будущее сложное с буду было бы, кажется, невозможно; точно так и с частицею ать в летописи постоянно настоящее, но в современном языке при пусть, нехай — настоящее или будущее: „скажи, пусть я знаю, пусть я буду знать“; „скажи, сердце, правду, нехай же я буду знати“ или „нехай я знаю“.

Старинный язык имел более поводов ставить настоящее вместо будущего, именно: когда предлог не придавал глаголу значения вида совершенного, и когда, например, опояшеть отличалось от пояшеть не тем, что второе настоящее, а первое будущее, а тем, что первому предлог придавал значение опояшет вокруг, а во втором это вокруг не было обозначено; тогда нужно было или отказаться от выражения будущего времени как будущего, или прибегнуть к описательным формам. Последнее могло быть не всегда возможно, так как описательные формы могли иметь свой оттенок смысла, не согласный с намерением говорящего.

Отсюда, вероятно, происходит то, что старинный язык ставит беспредложное настоящее и в таких случаях, в которых мы бы употребили будущее: „вдаимыся Печенѣгомъ, да кого живять (оставят в живых; предлог при живять был бы, кажется, неуместен), кого ли умертвять“ (ibid., 55); „возму землю Лядьскую, и мьщю (= отомщу за) Русьскую землю“ (ibid., 113); „любо соромъ сложю и земли своей мьщю, любо честь своюналѣзу, пакы ли, а голову свою сложю̀“ (Ипат. лет., 42); „того на мнѣ не проси . . . а ныне я того тебѣ не творю“ (= не сътворю). Сюда же относятся примеры из Остромирова евангелия в „Грамматике“ Буслаева, II, 127. Соответственно этому встречается беспредложный глагол и в других формах там, где мы для обозначения совершенного действия поставили бы глагол предложный: „Уже мнѣ мужа своего не кресити“ (Лаврент. лет., 24); „а Игорева храбраго плъку не крѣсити“ (Слово о п. И.); „любо й казни, любо слѣпи, али дай намъ“ (Лаврент. лет., 163).

Есть, однако, случаи, когда и в древнейшее историческое время можно было обойтись без предлога и поставить будущее, а между тем

ставилось настоящее: „ажь ми ся уже молить и каеться о своей винѣ всей, то язъ его пріиму и ко кресту вожю (можно употребить настоящее же, но конкретное веду), и надѣлокъ ему даю (можно бы сказать дамь в смысле ли настоящего или будущего); да же въ томъ устоить, и отцемъ мя имѣти почнеть... то язъ и сыномъ имѣю собѣ“ (Ипат. лет., 146).

Стремление разграничивать глаголы конкретные от длительных и менее длительные от более длительных и многократных не одинаково сильно в разных славянских и даже в разных русских наречиях. Оно особенно сильно в чешском, в котором отсутствие глаголов с характером *-ыва-* (*-ива-* из *-ева-*) с лихвою вознаграждается богатством класса *-о-а-* и *-а-* производного (*i + a, i-va, ivá va, ava, avava* и пр.). Из сравнения чешского с литературным русским видно, что почти во всех тех случаях, где русский язык придает одной и той же форме значение и конкретное и отвлеченное, чешский для конкретного значения оставляет прежнюю форму, равную русской литературной, а для отвлеченного образует новую, с более сложным характером. Таким образом русский литературный язык стоит в этом отношении на гораздо более древней ступени развития, чем чешский. Другое важное отличие русского (как совокупности наречий) и чешского, что первый любит сложные глагольные характеры, преимущественно в глаголах предложных, так, например, в русском в большинстве глаголов на *-ыва-*, между тем как в чешском этой наклонности вовсе нет.

Не всегда, но часто формы, имеющие в литературном русском и в русских наречиях значение только многократное, в чешском означают отвлеченную длительность без оттенка многократности. Так как этот последний появляется позднее отвлеченной длительности, то здесь русский язык, в свою очередь, новее чешского. Вот ряд примеров из „Moravské Národní Písně“.

„Kole mne se otira, jinu do taňca bira“ (ibid., 211 = каждый раз, как я приду, обыкновенно берет; польское в том же смысле — bierze); „Vystavím klášter mezi horama, Tam budu bývat bez milováňa“ (ibid., 229 = не бывать, а в длительном отвлеченном — жить, пребывать); „Jiné panenky půdou do kostela, A já přesmutná musím bejvat doma“ (ibid., 438 = оставаться); „Bývaj, mužu, bývaj dobrý, Nechodívej do hospody“ (ibid., 668 = будь, как отвлеченное). Bývávati сравнительно с bývati обозначает, повидимому, большую степень длительности, а в прошедшем большую степени давности. „Rozpletejte mě, krásné družičky, které ste bejvaly moje tovaryšky, Bejvávaly jste, a už ne budete“ (438) (в первом месте были подругами, состояние длительное, но без перерывов; во втором — были когда-то; невесте это время кажется уже очень далеким); „Sem já býval mladenec hodný“ (501). „Што је она (маћија) њу (пасторку) горе (хуже) држала, то је она све здравја и лепша бивала“ (Караџић, Припов. 1853, 178) (= становилась à la longue); „S pánem bohem tu bud' kamarádko věrná, Co sme bévávaly jako ruka jedna. S pánem bohem bud'te svobodní mládenci, Co ste bývávali Moje tanečníci“ (Mor. Nár. Písně, 456); „děkuju wám na stokrát že ste semnó dobře bévávali“ (= обходились) (ibid., 452); „dobře mi bývalo u tatíčka mého, už mne tak nebude“ (ibid., 470). В той же песне: „už mi tak nebude, jak mi bývávalo“ (как бывало прежде когда-то). „Ach můj tatiček něstava, požehnani mi nedava“ (ibid., 493) (не встает, не дает); так и в польском „nie wstaje, nie daje“.[1] Что здесь нет полного согласия с русским, видно из того, что та же форма употребляется и там,

[1] Юнгман замечает: „daju — slav. est praesens. Bohemi frequentativum dávám pro praesenti ponunt (т. е. вместо даю): hloupý bere, a moudrý dává“.

где в русском многократная: „kole tych vrat, kaj sme spolem stavali" (ibid., 605 = стаивали);

„Nerozfukuj větře sena... Dyž mně bude muž bijávat (бить), Abych měla na čém spávat" (ibid., 608 = спать). „Náš hospodář ješče doma spí (конкретное); budeli tak spávat (длительный отвлеченный с оттенком многократности, но в русском литературном не сыпать, а спать или высыпаться), až budem žínávat (= жить, в отвлеченном), Bude hospodářství zlý" (ibid., 613). Ср. сербское не спавам ноћу [не сплю (отвлеченное) по ночам]; „Дању носи зелена барјака, ноћу спава (обыкновенно спит по ночам), с бегом у душеку"; „Ona nějida kaše" (ibid., 429) (польское nie jada; русское не ест, т. е. не любит); „A já vám v Opavě košulky prat' budu. — Kde bys ich právala (украинское де б ти їх прала), dyž tam vody není" (ibid., 88). „Měla's nesedávat dvě leta na prahu" (ibid., 263 = было тебе не сидеть, но и не сиживать было); „Včil bych ho (sokola) šla hledat nevím kde sedává" (ibid., 466); украинское „де сідає" не совсем подходит, так как может иметь начинательное значение; русское литературное „где сидит" (т. е. обыкновенно); „Dobře je ti tudy... při matičce sedat'" (ibid., 485) (хорошо тебе сидеть — в отвлеченном смысле); „...jak ja rano stavam (встаю), svym kravičkam davam (даю) kudželku přadu" (как и в русском, польском пряду, przędę — значение обыкновения) (ibid., 541); но в следующем особая форма для отвлеченного значения: „Co já dělávám (обыкновенно делаю) zdoviš sa; Já ráno stávám... kúdélenku přádávám" (ibid., 540). „Pod'ty dívča suúžit k nám: Nebudeš nic děuávat (делать), Enom pásat (пасти) pávů" (ibid., 547); „Šak vtáček nikdá nesívá (никогда не сеет), a přece vesele spívá" (ibid., 608); spívá, как и польское śpiewa, украинское співає, русское литературное поет — безразлично может обозначать и конкретную деятельность и отвлеченную, как выше. В следующем этой форме противопоставляется более сложная для обозначения большей давности действия: „Co to za ptáčka? Tak vesele zpívá, Jak zpívávala má dcera milá, dyž doma bývala" (ibid., 484); „Budú za mnú plakat maměnčiny krávy, že ne budú mívat (отвлеченное иметь — nię będą miały) za rosenky trávy" (ibid., 481); „Kdo chce moje pole orat', Mosí pěkný kone mívat' (без всякого оттенка многократности) (ibid., 516). Для давно прошедшего: „Rád sem tě mívával Dys byla paněnkú, včil jsi mně milejší Dyž si mojú ženkú" (ibid., 451); „Už mi tak ne bude, jak mi bývávalo. Dyž mi modré kvítí v zahradě kvítalo" (цвело, kwitło) (ibid., 251); „Dycky jsem ti říkávala: nepí té gořalenky" (ibid., 655). „Sedum let dochází, Můj milé nejede" (ibid., 87) (проходит, приходит к концу; в украинском было бы неловко употребить соответствующую форму: дохожає); „Slunečko zachází" (ibid., 560) (заходит); „Drózička už přichází (дружка приходит), věnec na hlavu sází" (сажает, кладет) (ibid., 431); „Kdo se to prochází po Liboské hrázi?" (ibid., 251) (польское przechodzi się или przechadza się — прохаживается); „Ty drahé semena... nikdá ne scházijú" (ibid., 492) (не всходят); „Do hospody chodívá" (ibid., 430) (обыкновенно ходит); „[Muž] nedá k muzice chodívat" (ibid., 495) (ходить); „Já k vám suúžit nepůjdu... Nemohua bych chodívat mezi pachouata" (ibid., 547). В той же песне и в том же значении: „Ne mohu (-hł) by k nám chodit Tén švárný šohajek"; „Pokud jsem bul mládenečkem, Chodíval jsem pod perečkem" (ibid., 504); в том же значении и глаголы с более сложным характером: „Neráda stáváš, kravám nedáváš, Na travu ne chodíváš. — Rano stávám, kravičkám dávám, na trávu chódívávam" (ibid., 540). Может быть, впрочем, в последнем стихе chodívávám вместо chodívám употреблено для большей силы речи, так что и здесь значение этих форм не одно и то же. Несомненно, что хотя формы с характером *-íva-*, *-ívá va-* и не выражают многократности, но они отличаются

от форм с характером *-i-:-a-* (c h á z e t i) тем, что служат обозначением большей степени длительности и вместе и большей степени отвлеченности, чем эта последняя форма. По поводу песенного выражения: „nové líto přichodie“, вместо современного přichází, Эрбен замечает, что песня — догуситских времен (Erben, Písně, 58). „Hospodaři vrtaváju ve svatek hnůj v o z í v a j ú (возят обыкновенно); Hospodyně vrtavajú ve meži svato p e k á v a j ú“ (пекут) (где?); „Ženichova niva n i k d á n e r o d í v á“ (не родит никогда; наречие служит указанием на общность значений глагола), „když na ňu šohajek hnoja nevozívá“ (Mor. Nár. Písně, 487); „Když ... železnic v Čechách ne bylo, více byvalo viděti ... povozů kterež vyrobky z kraje, do ... residenci d o v á ž e l y, a odtud jiné zboži na-zpět p ř i v á ž e l y“ (Němcová); „Dyž sem u mamenky byla ... Těžko mně d ě l a t n e d a l i (=не давали). Po svadbách mně vodívali“ (=водили) (Mor. Nár. Písně, 501); „Milovali sme sa jako dvě holuběnky, v o d í v a l i sme sa spolu za ručenky“ (ibid., 238); „Dyby si ty byua ubóhá sirota, N e n o s í v a u a s by věnečka ze zuata. Ale bys n o s i u a ze zelenej rúty. Jako nosívajú ubohé siroty“ (ibid., 505). Что сама по себе эта форма не многократная, видно, например, из следующего: „Vl'asy nosíval (не с перерывами, а обыкновенно, всегда носил) pžistřižene, jak se říká «podle rendlíku»“ (Němcová); „Měl's galánku ... j e z d í v a l's k ní pořád“ (Mor. Nár. Písně, 531) (постоянно); „Kůň ... co sem na nim j e z d i v a v a l (бывало ездил), sveho ščesťa pohledaval“ (ibid., 271); „Chodí se sam m o d l i v á v a t moje panenka“ (ibid., 696), „Nebudu já r o b i t, jako sem r o b í v a l“ (ibid., 287) (как бывало работал); „Chodíval's k nám ve dne, v noci, Š i d í v a l's (szydziłeś, wyszydzałeś) mý černý voči“ (ibid., 245); „Dyby mně tak bylo, jak mně bývávalo, Dyž mně to sluněčko jasně s v í t í v a l o“ (ibid., 255); „Dyby mně tak s v í t i l, jak mně s v í t í v a v a l, Dyž pěkný měsíček naproti bývával! s v í t i l mně mesíček ... Ale se zatemnil“ (ibid.); „Už mi tak ne bude, jak mi b ý v á v a l o, Dyž mi dvoje, troje slunce s v í t á v a l o“ (ibid., 470); „Ubozi sirotci p l a k á v a l i u ní (u vody) ... Kde sirotek p l a č e (конкретное) všáde se zem třase“ (ibid., 493); „Těšíval mě synek, už mě netěší, Bude mě t ě š í v a t syneček inší“ (ibid., 634); „Ach ovej, ovej, co mě hlava b o l í, Hlavěnka p o b o l í v á (как в русском — болит, побаливает), Aj zavaž mně ju červeném šátečkem, Ať mě už víc n e b o l í v á“ (ibid., 604) (пусть не болит); „Co mě hlavěnka tuze bolí, Ej bolí, bolí, p o b o l í v á že mně děvčinka vypovídá“ (ibid., 229); „Kup peřiny ne budeš sa b á v a t (bać się — бояться) zimy“ (ibid., 447); „Z tebe bude žena. A ze mně bude v i s í v á v a t palášek dolů s koňa“ (ibid., 601); „Dýs mně ho (milého) odvedla, jenom si ho mívej“ (ibid., 249) (постоянно, без перерыву); „Povoz jeho záležel z jednoho vozu ... přivěmž vždy m i v a l šest silnych hřebců pripřazeno“ (Němcová); „Ach už tech ruk néni ... Co mě k o l é b á v a l y, k srdci p ř i t i s k á v a l y. Dyž sem byl maličký“ (Mor. Nár. Písně, 506); „V tej studenečce jalenek p i j a v a l (бывало пил), Na teho jalenka myslivec č i h a v a l (польское c z y c h a ł). «Nèčihej (конкретное), něčihej, myslivečku, na mne»“ (ibid., 523); „Ve svých bílých rukách srpa neměla. V létě srpa můj synečku, v zimě přaslice, Jenom sem se d í v á v a l a na bílý ruce“ (ibid., 539); „Už ty mně chceš v rukách skonati. — Já n e s k o n á v á m, jenom se lóčím“ (120); „Laštověnka ... rano vstava, š v i h o t a v a“ („świegocze“) (ibid., 197); „Dyž jsem já k vám chodívávau, vrata sem vám otvírávau, psíček na mňa š č e k á v á v a u“ („szczekał“) (ibid., 208); „Plačte oči ... Čeho jste navykly, toho o d v y k a j t e. A vy ste navykly se šohajem hrávat, A včil je vám těžko toho o d v y k á v a t“ (ibid., 242); „Dybych ja byl malym ptačkem, l e t a v a l bych krajem lesem, l e t ě l bych k svej milej“ (ibid., 253).

Обычность выражается посредством большей длительности в болгарском: „Куме, ядвашъ ли печено прасе да ти опечемъ“ (Пам. и обр. нар. яз., 135); „Бръзы-атъ конь ся стигнува, а бръза-та речь не може“ (ibid., 129); „Волъ ся връзва за рога-та, а человѣкъ за язык-атъ“ (ibid., 130); „Кой-то ся надѣва на чуждж трапезж, той остава гладенъ“ (ibid., 135); „Кой-то сѣки день промѣнява дрехти-тѣ си, той...“ (ibid., 135); „Нужда законъ измѣнява“ (ibid., 138); „Отъ едно ухо влазя, отъ друго излазя“ (ibid., 138).

По образовании видов было время, когда глаголы как читать означали по отношению к своим первообразным только большую степень длительности; но по мере исчезания этих первообразных, к отмеченному значению производных прибавляют и конкретное значение первообразных.

Проследим этого рода замены по классам, не выходя за пределы славянского языка и восходя от последующих разрядов и образцов к предыдущим.

Глаголы VI, б на *-ыва-*, как выше сказано, свойственны русскому, а не украинскому; по всей вероятности, не существовали в русском языке до его разделения, а в польском и сербском образовались самостоятельно.

Следы замененного ими класса VI, а (*-ова-*) до сих пор сохраняются в самом русском: „Мы по середам, по пятницам платье зо́ловали. Платье зо́ловали мы, льны прядо́вали“ (Буслаев, Граммат., II, 134); „Первую заступь (в шахматы. *А. П.*) заступовали“ (Киреевский, IV, 65).

„Хлебные крошки собировали...
Тем его душу пропитовали,
Больные раны зализовали“.

(Калеки, I, 63.)

В литературном языке под влиянием церковного доныне возможны архаические выражения: „ничто не связу́ет так народа“, вместо свя́зывает, но неопределенное наклонение, связо́вать уже неупотребительно и необходимо заменяется формами на *-ывать*.

В украинском значение глагола на *-ывать* выражается или отглагольными на *-овати*, *-ую* (о чем см. выше), или глаголами V, 4 (*-ати*). Последнее встречается в самом русском [(„не туця темнитсе, не солнышко выката́итсе“ — вместо выкатывается) (Пам. и обр. нар. яз., 361). „Доставай мошну, вытряхай казну!“ (Даль, 583)], особенно часто в литературном сравнительно с народным (ср. Буслаев, Граммат., II, 134, 135), а в украинском частью необходимо, частью становится уже архаизмом, так что глагол на *-ати* может быть заменен глаголом на *-овати*. Украинские глаголы погляда́ти, огляда́тись, сповіда́тися, підкрада́тися, вкла́датись („ще спати не вкладався“), похожа́ти, промовля́ти, вихваля́ти („дощики накрапа́ли“ — Куліш, I, 23), (*од-*, *за-*, *при-*) верта́ти и др. подобные (русское *-ывать*) не легко заменяются глаголами на *-овати*. Русским выражениям, как „ходит он, похаживает“, постоянно соответствуют такие украинские, в коих второму глаголу соответствует глагол на *-ати*: „Гуляє козак Голота погуляє“ (Куліш, I, 15). Где украинский глагол на *-ати* (= русскому *-ывать*) стоит один, там он в просторечии мог бы заменяться более новым на *-овати*: „Буде твоя мати мені виговоряти“ (Метлинский, 49); „козак дівку вговоряє“ (ibid., 79); „по садочку прохожаю“ (ibid., 56) („прохожуюсь“); „вона прохожала проміж козаками“ (ibid., 13); „став коза́к ко́нівкою по мосту́ до́бре погріма́ти“ (Куліш, I, 204); „к славі не прислуха́юсь (не прислухуюсь), той гадки не маю“ (Метлинский, 87); „сів щоб прислухатись“ (Кв.-Осн., I, 127); „хліб святий приймаємо, а вас послуха́ємо“ (вислухуєм) (ibid., I, 53); „Ой устала мила, як не лежала, усю

челядоньку порозбужала“ (Метлинский, 242); „жовтеньку кість розношаю“ (ibid., 284); „кубки стоять понаповняні“ (понаповнювані) (ibid., 338); „заглядає (и заглядує) на токи“ (Кв.-Осн., II, 6); „викидати (и викидувати) ногами“ (ibid., I, 13); „влъкомъ рыскаше (рыскал) из Кыева дорыскаше (дорыскивал) до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прорыскаше“ (перерыскивал) (Слово о п. И.); „Вытягала Настасья калену стрелу“ (Др. росс. стих., 99); „А и на дворе день вечеряется, красное солнышко закатается“ (ibid., 162).

Глагол VI, а (*-ова-*). Из предыдущего видно, что в украинском употребление этих глаголов усиливается: из этого можно заключать, что было время, когда вовсе не было глаголов отглагольных на *-ова-* (русское *-ыва-*) и когда значение их выражалось исключительно глаголом на *-ати*, ср. „літа минають“ (Hattala, Srovnávací, 304). Заметим в украинском относительно новые формы: „не лінуючись“ (не ленясь) (Кв.-Осн., I, 75); „голодує“ (голодает) (ibid., 78); „піст держу, постую“ (пощу) (Куліш, II, 68); „хай батенько не скорбує“ (не скорбит) (Метлинский, 57); „Оць бо любить сна и вьсе показаєть (показоуѥть, показывает) ѥмоу, ѩже самъ творить“ (Остр. ев., Иоанна, 5, 19).

Значительное число чешских отглагольных на *-ова-* стоит на месте равнозначащих польских, русских, старославянских на *-а-*. Так, уже в отрывке евангелия от Иоанна X в.: „ostavuju svet“ (оставляю мир, польское zostawiam, реже zostawuję); в мистерии XIII—XIV в.: „Mastičkař: ježto (и-же) nas často utěšoval, a mnoho nemocných uzdravoval“ (утешал, польское pocieszał, uzdrawiał); в современном языке: „Ten svět rozvažoval (польское rozważał, rozważać); když milý pan Ježís do nebe vstupoval“ (вступал, по-польски wstępował) (Mor. Nár. Písně); vylozovati (польское wyłudzać) и мн. др. (См. глаголы на *-ova-*: Hattala, Srovnávací, 303—304.)

Глаголы V, 4, а, б (со сложным характером *-а-*) заменяют по значению свои первообразные. В Остр. ев.: „ѥже въ оухо слышасте проповѣдите на кровѣхъ“ (проповедайте, проповедуйте) (Матфея, 10, 27); „и бысть недомысльщемъ сѧ имъ о семь. и се мѫжа дъва стасте въ нихъ“ (недомысльщемъ сѧ) (Луки, 24, 4); „се ли вы блазнить“ (соблазняет?) (Иоанна, 6, 61); в Ипат. лет.: „И выѣздяче изъ города бьяху ся крѣпко“ (20); „противу величью мышца твоя кто равниться“ (103). Украинское „хто до тебе приїздив“ (приезжал), „як поз'їздяться було, то й говорять“ (поз'їжджаються) (Куліш, I, 165); „я чужій чужині клонюся (кланяюся), а своєї матусі не дождуся“ (Метлинский, 136); „най ся тобі не бажить печеного рака“ (нехай не бажається) (Номис, 103); „І за свою пазуху не ручись“ (ibid., 132); „за сон не рачися“ (ibid., 291); „солнце, его же наричють Дажь-богъ“ (Ипат. лет., 5); „не куплись, Добрыня, во Пучай-реки“ (Киреевский, II, 23); „шелом на буйной голове замычется“ (замыкается) (ibid., IV, 91); „куплится нагим телом“ (Рыбников, III, 290); „плавле утеня, плавле сірее“ (Метлинский, 149); „деж човен дівався, де плавле мій милий“ (Гребінка, 19); „слізоньками хлипле“ (хлыпает, похлыпывает); „чарочками брязчет“ (брязкает); „викоплемо“ (Головацкий, I, 92) (викопаємо); „в праву руку шаблю хапле (хапає), а с той шаблі кровця капле“ (украинское капає, русское каплет) (ibid., I, 97); русское „на одну ногу храмлет“ (Даль, 524); „всяк храмлет на свою ногу“ (ibid., 690). Ср. старославянское исъхати, исъшѫ и исъхаѭ; владати, влаждѫ, и владаѫ; литературное русское алчу и алкаю, рыскаю и рыщу, стражду и страдаю. Похожати — ходити: сербское „Хода царе по гори зеленој; за бијелу нећељицу дана ... И цару је же ђа додијала ходајући воде не пијући“ (Петрановић, Пјесме, 147);

„Ев' имаде три године дана од кад правим ову задужбину, све нам Милош замедију плаћа“ (платит) (ibid., 174).

Виды siądź, siadł, siedział, siadał. „Nad nami dnie i noce przesiadywał, grywał tenże na klawikordzie“ (обыкновенно); „Przyjmował grzecznie (принимал), odwiedzał (украинское *-ова-*) rzadko“ (Kraszewski); „Czy że niemógł sypiać, czy że mu cisza nocna do pracy była najmilsza, długo przeciągał czuwanie“ (Kraszewski). „Swiece przygotowywano mu na kominku“.

В литовском уже есть различие видов конкретно-длительного и более длительного, даже многократного (verczių, veřsti, vartaũ, *-ýti*, virtáuju, *-aũti* = laviren), но нет однократного и нет того влияния предлогов на совершенность и несовершенность, какое в славянском. Очевидно, как однократный вид, так и это влияние — явления более поздние.

Замена предыдущего класса последующим (Pott, 2, I, 955).

Соответствует ли *-i-* в žinóti санскритскому *-a-* в jānāti (ibid., 979)?

Глѫбокъ Миклошич (Lexicon) сближает с санскритским jṛmbh — зиять, ссылаясь на Zeitschrift, VII, 173, где сюда же относится греческий корень *γλαφ-* (*γλάφω*, *γλύφω*) с значением быть выжелобленным, углубленным. В словаре Бетлинга за корень принят jṛmbh (jṛmbhatē) со значением разевать рот, зевать, раскрываться (о зеве), распространяться (по связи широты пространства и свободы, довольства), чувствовать довольство.

У Вестергарда другая форма jṛbh — jarbhatē. Принявши за основное санскритское значение [ср. jabhatē и jambhatē — зевать; жаба (Miklosich, Lexicon), жабры, гѫба и зѫбъ], нужно предположить, что если будет сюда *γλύφω*, значение выжелабливать, значит собственно заставлять зевать.

Держась этих сближений, увидим, что носовой звук в корне есть ставший коренным звуком глагольный характер: ср. старославянские глъбокъ и длъбокъ, болгарское длъбокъ, сербское дубок [которые вряд ли можно отнести к корню длъб-(сти), хотя, впрочем, и этот корень сближает с вышеупомянутым], жлѣбъ (основа + garbha), голбокъ.

О значении характера специальных времен и в особенности *-n-* (Pott, II, 1, 655—666, и дальше 667—669, 704 сл., 709).

Сѣсть (первоначально конкретное с настоящим без будущего значения). Сѣдѣти — сидѣть — более длительное (одна линия). Сѣдать (украинское, польское) — начинательное действие, которое может означать повторение этого мгновенного начала (сідаю теперь, но еще не сел, не сел и имею обыкновение сидеть, „разів зі п'ять сідав“), сиживаю, sedávám — многократность без начинательного оттенка, чему равно садить.

Отношение начинательных на *-ну-* к начинательным на *-ѣ-* нельзя ли сравнить (по крайней мере в 1-й теме) до некоторой степени с отношениями сѣдать к sedávati? Не имеет ли начинательность *-ѣ-* большего сродства с многократностью, чем начинательность *-н-*? Большая ль? Начинательность не приурочена только к характерам *-и-*, *-ѣ-*. Она может быть условлена самим значением и появляться в известных глаголах вместе с внешними признаками длительности: сідати, лягати, ставати = садиться, ложиться, становиться. Здесь высшая сравнительно, но не крайняя, степень длительности представляется повторением начала. Ср. непрерывную длительность в сидіти, лежати, стояти. Много ли таких глаголов? Ср. sich setzen (Moment), sitzen (längere Zeit hindurch) (Pott, II, 1, 669).

Различие видов не может само по себе считаться признаком особенной силы мысли. Ср. Pott, II, 1, 669 и следующие виды у индийских „дикарей“.

В форме как санскритское laghu при литовском leñgvas — *-н-* исчезло — ibid., 682 сл.

Латинское 2-е спряжение, с одной стороны, = славянскому *-ѣ-*, с другой — причинным *-и-* — ibid., 706 примеч.

Усиление в X классе — из имен — ibid., 927.

Корни на *-âu-* не из корня на *-â-*, а наоборот — ibid., 939 (ср. Бопп, относительно pâu и т. п.).

§ 5. Совершенность и несовершенность глаголов

Говоря о делении глаголов по видам, мы предполагаем, что это деление имеет одно основание, именно вид. Но под видом до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной [стороны], и степени длительности — с другой. Таким образом, деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости, было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово вид может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению, и к тому, и к другому, и ко множеству других понятий.

Впрочем, если примем, что слово вид равносильно со словом степень, то под видом мы уже необходимо должны будем разуметь не совершенность и несовершенность, а длительность, потому что только в последней есть степени.

Что, действительно, совершенность и несовершенность не исключают степеней длительности, это для нас очевидно из следующего. Глагол каждой из трех первых степеней, принимаемых нами (1, 2 и 3), может быть несовершенным (итти, ходить, хаживать).

Против этого не может быть никаких возражений.

Глагол каждой из тех же степеней может быть и совершенным: пойти, заходить (= начать ходить), запохаживать (= начать похаживать). На это теория Павского о влиянии предлогов на виды возражает, что все эти глаголы принадлежат к 1-й степени (по делению Павского) и что ни глаголы 2-й степени (неопределенные многократные), ни 3-й (дальние многократные) совершенными быть не могут.

Теория эта ложна до корня, о чем ниже.

Мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу, как два различные порядка наслоений в языке. С точки зрения Павского несовершенность до такой степени неотделима в языке от совершенности, что каждая из них не может существовать без другой, несовершенность, говорю, совсем выпускается из виду, а совершенность отождествляется с однократностью или мгновенностью и в таком виде ставится в ряд с двумя степенями многократности (по определению этого слова у Павского). Но слово однократность прикрывает здесь явления, не имеющие с нею ничего общего. Необходимо определить понятие совершенности, выделивши из него все постороннее. Действительно, всякий однократный (мгновенный) с характером *-н-* глагол есть вместе с тем совершенный, но и a priori не следует из этого, чтобы всякий совершенный был однократным, и на деле этого нет. Действие длительное и многократное может представляться оконченным, не переставая вместе с тем представляться длительным и многократным.

К вопросу о совершенности и несовершенности. Как две степени длительности могут иметь одну звуковую форму, так что,

например, пишу может значить по отношению к длительности и то, что веду, и то, что вожу; так и категория несовершенности и совершенности, различаясь между собою как формы грамматические (со стороны своего значения), могут быть омонимны и в предложных и беспредложных глаголах. Это относится ко всем славянским наречиям. Как в русском женю, крещу то совершенны, то несовершенны, так в сербском: чути — perf. и imperf.; казати — vb. perf., но в настоящем времени и совершенны и несовершенны (Караџић, Рјечник), а в других временах нет? „Чобан кад чуjе то (совершенный), отиде своме господару те му каже" [здесь совершенный; так выходит из общего характера рассказа: скажет (объективно сказал), а не говорит] (Караџић, Припов. 1853, 15). „Он сиромах кад то чуjе (совершенный) не зна (несовершенный), шта ће од себе да ради: све чупа (несовершенный) косу с главе од муке и жалости (ibid., 22).

Видjети — perf. и imperf. (см. Караџић, Рјечник) повествовательное о прошедшем: „Како то види (будущее совершенное) препадне се (будущее совершенное) па скочи (совершенное) да тражи кобилу" (Караџић, Припов. 1853, 29).

Вечерати — perf. и imperf. (ibid., 173).

У Цанковых — „Zapíšè, popíšè" — ich fange an zu schreiben; ich schreibe ein wenig (настоящее); „zapíšè si pismó-to i ti zatrópaš na vratá-ta" — ich fange an meinen Brief zu schreiben und du fänsgt an die Thüre zu klopfen (Grammatik, 76).

Совершенность и несовершенность. В связи со статьей Шлейхера находится статья Мартенса „Die verba perfecta in der Nibelungendichtung" (Zeitschrift Sprachforsch. XII, 31 сл., 321 сл.), где на стр. 329 сказано: „различие между verba perfecta и imperfecta состоит в том, что последние выражают длительность, а первые нет. Поэтому форма настоящего глагола совершенного имеет значение не настоящего, а будущего, а форма прошедшего значение не имперфекта, а перфекта (прошедшее совершенное) и plusquamperfectum (давно прошедшее)". По крайней мере, в применении к славянскому это ошибочно. Глаголы совершенные способны выражать разные степени длительности, поэтому причина, по которой их настоящее имеет значение будущего, не может заключаться в их неспособности выражать длительность.

Гильфердинг (Гильфердинг, Об отношении, 115 сл.), ссылаясь на К. Аксакова, говорит, что вид есть выражение качества действия. „Мы не хотим, разумеется, сказать, чтобы виды выражали те случайные качества действия, для коих есть в языке особая часть речи, наречие: они выражают в глаголе внутренние существенные свойства, из которых то или другое необходимо присутствует в нашем представлении о всяком действии. Славянин, например, скажет иной раз «рыба плавает», иной раз «рыба плывет», когда все другие народы говорят безразлично: «piscis natat», «der Fisch schwimmt» и т. д.: в этих выражениях не отличается в действии плаванья ни время, ни отношение к действующему или другому лицу, или к другому действию, ни количество, в котором действие это совершается, но именно внутреннее свойство, с которым оно (действие) представляется говорящему: как действие, принимаемое отвлеченно (плавает), или как действие, представляемое определенно совершающимся (плывет). Так и в прыгать и прыгнуть опять-таки различается категория качества, ибо в первом случае действие прыганья представляется как отвлеченное (и поэтому как продолжающееся), а во втором — как понятый конкретно момент (и поэтому как однократное, ибо конкретно действие может представляться только как один момент). Также сколько

раз в глаголах, сложенных с предлогами, является в различных оттенках выражения качество действия, просто, без видимого отношения к тому особенному смыслу, который предлог имеет в речи сам по себе: например когда говорим — «я побежал», или «сбегал», «я гляжу», «я поглядываю», то представляем себе действие, в первом случае как начатое (побежал) или оконченное (сбегал), во втором как продолжающееся непрерывно (гляжу) или с промежутками (поглядываю), тогда как сами по себе предлоги *с*, *по* не имеют такого значения. Во всех этих случаях и везде в славянском глаголе первенствует в выражении категория качества; все другие категории, даже виднейшая из них в глаголе, время, являются с второстепенным значением".

Мнение это привожу здесь потому, что Гильфердинг выводит из него заключение о полном несходстве славянского глагола с литовским, который, по мнению Гильфердинга, выражает наши количества. Об этом ниже, а здесь заметим, что аксаковское мнение о категории качества в славянском глаголе есть игра словом, значение коего заранее не определено. Пожалуй, можно всякое изменение содержания мысли, выражаемое словом, назвать качественным, но это только затемнит дело. Поставим вместо неопределенного слова „качество" более определенные, и получим, по моему мнению и отчасти согласно с мнением Гильфердинга, следующее.

Славянский глагол выражает: а) определенное совершение действия (плывет), которое мы называем конкретною длительностью действия, между тем как Гильфердинг конкретными считает только глаголы однократные, которых, очевидно, нельзя смешивать с такими, как плыть; б) отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов (плавает); в) продолжение действия с промежутками, которое, чтоб не противоречить предыдущему, тоже должны назвать отвлеченным; г) действие моментальное (=однократному), называемое Гильфердингом конкретным.

Сверх того, в славянских глаголах замечаем категорию совершенности, предполагающую несовершенность, и обыкновенно смешиваемую с категориею длительности.

По отношению к количеству различимых форм длительности глаголы распадаются на две неравные группы: одну — глаголов вещественного движения, сопряженного с переменою места (нести и пр.), и другую, заключающую в себе все остальные глаголы. Эти группы различны тем, что первая, меньшая, имеет две степени длительности, кроме однократности, в ней отсутствующей, и многократности, а вторая нет. Ср. нести и носить, с одной стороны, и ставить, ловить — с другой.

„Вот наступит весна красная, Потекут да речки быстрые, Зацветут в рощах деревьица, Запогуркивают голуби, Запосвистыват соло́вьюшко"... (Барсов, 69). „Кто из нас братцы заворует, кто из нас братцы заплутует, кто из нас братцы за блудом пойдет, нам судить такового своим судом" (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 41).

Определение совершенности и несовершенности глаголов в славянском см. у Миклошича (Miklosich, IV, 274—276, 1). Названное выражение — eine Handlung wird entweder als dauernd dargestellt oder als vollendet ausgesagt — следует по-русски передать: „действие может быть представлено или продолжающимся, или совершенным (оконченным)", а не длительным, ибо длительность совместна с совершенностью.

Совершенность неопределенного не совместима в одном сказуемом с глаголом начинательным совершенным: буду, стану, начну делать, а не сделать, робитиму, а не зробитиму (Miklosich, IV, 275; Потебня, Из записок, II, 317—320). Совершенность причастия *-л-* в польском, чешском

и западном украинском несовместима с буду (będę) (Потебня, Из записок, II, 329).

Современный язык, подобно древнему, дает возможность рассказчику представлять прошедшие действия еще совершающимися в минуту рассказа, т. е. изображать действия прошедшие настоящим временем. Это не составляет особенности славянского языка. Но с точки зрения современного литературного языка кажется странным следующий прием, постоянно встречаемый в былинах. Мы, изображая ряд действий, следующих одно за другим: а) или рассматриваем эти действия с одной и той же точки действия по отношению ко времени их совершения и обозначаем все одним временем („пришел, увидел и сказал“, или „приходит, видит... и говорит“), б) или, меняя точку зрения, заставляем в речи чередоваться настоящее с прошедшим совершенного глагола [„приходит он, у в и д е л (у в и д а́ л)... и говорит“; „п р и ш е л он, у в и д а л... и говорит (и сказал)“]. В последнем случае мы бы не употребили прошедшего длительного глагола вместо прошедшего совершенного (например, „смотрел он и говорит“), руководясь основаниями, которые нам кажутся объективными, именно: он сказал п о с л е т о г о, как увидел, следовательно, это последнее действие или состояние должно быть представлено совершенным по отношению к первому. Совсем иной обычай в былинах.

„Илья стал им поднашивать [чашу],
Они Илье отворачивают [возвращают];
В ы п и в а л Илья без отдыха
Большу чашу в полтора ведра;
Они у Ильи стали спрашивать...“

(Киреевский, I, 2.)

„А на втапоры Збут Королевич млад
И о т в я з ы в а л стремя [с стремени] вожья выжлока,
Со руки с п у с к а е т ясна сокола, —
А сам ли то выжлоку н а к а з ы в а е т“.

(Ibid., 12.)

„И наехал я в поле старого,
И с т р е л я л его во белы груди, —
И с х в а т и л [схватывал?] меня старой в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако“.

(Ibid., 13.)

„П о д ъ е з ж а л же ко Оке реке
Через Оку реку конь п е р е с к а к и в а л,
Резвыих ног ни о б м а к и в а л.
Тут стояли воры и разбойнички...
Н а т я г а е т он свой тугой лук,
П у с к а л стрелу во сырой дубок,
Р а щ и п а л дубок во ножевые черенищи.
И тут воры разбойники и с п у г а л и с я“.

(Ibid., 21.)

„Н а т я г и в а л скоренько свой тугий лук,
С т р е л я л во Соловья Рахманова,
С т р е л я л он ему во правый глаз,
С в а л и л с я он Соловей с сорока дубов“.

(Рыбников, III, 14.)

„Как Добрынюшка матушке г о в о р и в а л“.

(Ibid., 76.)

„*Похóдит* Добрыня на конюший двор,
Имáет Добрыня добрá коня,
Уздаёт в уздечку тесьмя́нную,
Седлал в седелышко Черкаское“.

(Киреевский, I, 48.)

„Я приехал к тебе, Марина, свататься;
Ты *похóдишь* ли за меня замỳж?“

(Ibid., II, 45.)

„Учỳл нахвальщина зы́чен голос,
Поворачивал нахвальщина добрà коня,
Попущал на Добрыню Никитича“.

(Ibid., I, 48—49.)

„И не смел ехать Дунай во цисто полё;
Поворацивал коня к белу шатру полотняну,
Из шатра *выходил* стар казак Илья Муромець,
Говорил старóй да таковы слова...“

(Ibid., 53.)

„Да и *принял* молодця рукою правой,
Отрехнул ногою левою,
Сшибал молодця со белых грудей,
Дáвненько сшибал, да выше лесу темного“.

(Ibid., 54.)

„*Приежжал* ко белỳ шатру полотняну, —
Старой спит и не пробудитсе“.

(Ibid., 55.)

„Посылать стал Володимир князь
Старòва казака Илью Муромца...
Выходил он на широкий двор,
Входил он во стойлы белокаменны,
Выбирал коня богатырскаго,
Седлал седелечком Черкацкиим,
Зашпинал двенадцатью подпругами шелковыми,
...*Выезжал* он на широкой двор,
Бил коня палицей по крутым бедрам,
Скакал конь через стену белокаменну
И ударился бежать во чисто поле“.

(Ibid., 59.)

Ср. 61, и так постоянно в этой былине. Как стр. 68 (совершенный), так стр. 73, 95 сл. В следующих былинах согласно с современным языком.

„*Взяли* тут удалова молодца...
Повели на горы на высокия,
Бросили в погреба глубокие,
Задернули решетками железными,
Завалили чащей, хрящом-камнем“.

(Ibid., 68.)

„*Садился* Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты...
Что *выбрал* Татарина выше всех“.

(Ibid., 71.)

„*Приезжал* он ко городу да ко Кеиву,
Становил коня да середи двора,
Становил он да не *привязывал*,

Никому держать не приказывал;
Он пошол в светлыи светлици
...Он берет двери за́ скобу...
Отпирает... крест кладет...
...кланяется..."

(Ibid., 82.)

„Обувал сапожки... оболока́л кошулю...
...повели ёво́ слуги под руки".

(Ibid., 83.)

(Ср. I, 85, стих 306; III, 12, стих 96 сл.)
Илья пригласил Самсона на помочь против татар.
Самсон отвечает:

„Кладена (=положена) у меня заповедь крепкая:
Не бывать бы мне во городе во Киеве...
И не стоять бы больше мне за Киев град".

(Рыбников, III, 210.)

„«Ты сказывай (сербское казуј) про ходы̀ да про клюци подземельные!»
Отводила она ему ходы̀ подземельные
И пошел тут старой по тем клюцям,
Клюци-ты он руками раздёргивал,
А двери-ты ногами росто́птывал,
Выпушшал царёв... говорил царям..."

(Киреевский, I, 88, 89.)

„Скидыва́л Добрыня платьё княжесько,
Надевал Добрыня платьё калйсьнёё,
Ише взял с собой звонцято̀й гудок,
И пошел смотрять на свадьбу Олёшину.
Становился он о ве́рию тоцёную".

(Ibid., II, 13.)

„Приказал наливать чару зелена̀ вина...
Подавали Добрыне Никитичу.
Принимает он Добрыня едино̀й рукой,
Выпивает молодец едины̀м духом...
И пошел он... к своей... матушке,
Просит благословение великое:
— Благослови меня..."

(Ibid., 19.)

„Походил Добрыня во светлу гридню".

(Ibid., 21.)

„Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра̀ коня;
Седлал бурка во сиделышко Черкасское,
Потнички клал на потнички.[1]
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет Черкасское сиделышко.
Всех подтягивал двинадцать тугих по́дпругов".

(Ibid., 23.)

---

[1] „Кладывал", „втыкивал" — Рыбников, III, 77, 78.

„Слезает он скоро с добра коня,
Снимал с себя платье цвитное,
Забрел за струечку за первую,
И забрел за струечку за среднюю
И сам говорил таково слово...“

(Ibid., 24.)

„Он вставал по утрушку ранешенько,
Умывался по утрышку белешенько,
Снаряжался хорошохонько;
Обсидлал он дедушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньице плетку подала“.

(Ibid., 27.)

„Дает свое платье калика Алеше Поповичу,
Не отказываючи; а на себя надевал
То платье богатырское“.

(Ibid., III, 72.)

„Заскакивал Алеша на добра коня,
Садил девицу на тучны̀ бедры,
Говорил тут де́вице...“

(Ibid., II, 82.)

„Становился Данило Ло́вчанин
На свои но́женьки резвые
И выходит на широкой двор“.

(Ibid., III, 30.)

„Дак и все видь на пиру-то напивалися,
Да и все видь на чесном да наедалися.
Говорил втогда Владимир князь в первой нако̀н:
...«А и хто бы бы то видь съездил да в чисто̀ полё,
Да пѐресчи̇́тывать силы̀ неве́рныя»“.

(Ibid., 44.)

„Становил кинжал тупым концом,
Становил в сыру́ землю
И падал на кинжал ретиви́м сердцо́м.
От той ли крови от горячия
Протекала матушка Дунай река“.

(Ibid., III, 58.)

„А Дунай-ё-т сдергивал скамейку дубовую,
Да и завел вить он скамьею-то помахивать“.

(Ibid., 65.)

„Отходила Настасья за̀ вёрсту за мерную;
Заводила она стре́лить в злачен перстѐнь,
...Дак рошшибла она перстень на̀ двое“.

(Ibid., 68.)

„И для страху добыв огня,
Зажигал свечи воску ярого“.

(Ibid., IV, 57.)

„Вывел богатый брата своего,
На чистое поле выпроваживал,
Науськал богатый тридцать кобелей“.

(Калеки, I, 50.)

„По селам пошла туча деревенскиим,
Знать деревнями-то туча розгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;

С тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своих домах они да сохранялись;
С этой страсти крестьяна с перепóлоху,
Затопляли свещи да воску ярова“.

(Барсов, 247.)

В примерах этих, подобные коим можно встретить на каждой странице любого издания былин, замечаем две особенности:

Во-первых, непоследовательность в употреблении форм. Певец, повидимому, без всякого художественного расчета меняет свои приемы, представляя действия совершенно однородные то настоящим, то прошедшим:

„Выходит Иван из бела шатра,
Умывается водой свежей, ключевою,
Он терся полотенцем тонким камчаточным,
Он крест кладет по писáному,
Поклон ведет по ученому“.

(Киреевский, III, 15.)

Мы не в состоянии найти этому явлению другой причины, кроме той слабости комбинации, вследствие которой появляется, например, несогласование в числе, падеже и пр. при некоторой сложности периода.

Во-вторых, постоянное стремление, говоря о прошедшем и обозначая его временем прошедшим, употреблять глаголы более длительные вместо менее длительных и конкретных, несовершенные вместо совершенных, употребительных в современном языке. Причина этого может заключаться только в особенностях мысли певца. Употребляя выражение „зажигал свечи воску ярого“ вместо зажег, он, без сомнения, не смешивает значения той и другой формы. Мы бы довольствовались результатом действия; его мысль дольше останавливается на том, что предшествует результату, вследствие чего он изображает действие еще совершающимся. Мне кажется, мы имеем здесь дело с тою самою степенью развития мысли, из которой вытекает, например, обычай обозначать число его производителями (сорок сороков, три девять)[1] и эпическая любовь к подробностям, например генетическое изображение стрел (34 стиха), стрельбы из лука (Буслаев, Очерки, I, 63—65). Буслаев, сказавши, что эпический певец „с одинаковым вниманием останавливается и на кровавой битве, решающей судьбу мира, и на мелочах какой-нибудь домашней утвари или вооружения“, продолжает: „Этим свойством эпическая поэзия особенно близка к природе, которая с равным участием оказывает силы во всех своих действиях, поднимает ли бурю на море, или убирает полевой цветок затейливыми красками“. Это как бы похвала рассматриваемому явлению, но дело в том, желательно ли это явление в современной поэзии? — И не желательно, и не возможно. То, что мы называем мелочами, действительно ничтожно сравнительно с тем, что из них слагается, и современному поэту было бы непростительно тратить время на описание мелочей, зная нечто более важное. Он и не делает этого, оставаясь тем не менее совершенно верным природе. Народный певец останавливается на мелочах и (что, как кажется, сводится на то же) изображает те действия длительными, которые мы представляем совершенными, единственно вследствие слабости синтеза, низкой степени отвлеченности

---

[1] „Блудив же він сімь год и чотирі“ (Метлинский, 359). Народ считает: „двадцять и п'ять“.

своей мысли, медленности ее течения. Мысль по мере своего усложнения движется все быстрее и быстрее, и соответственно этому и язык позднейших периодов, по причине меньшей своей живописности, дает более быстрый ход мысли, чем язык древний.

По отношению к употреблению несовершенных и более длительных вместо современных совершенных и менее длительных глаголов язык былин, вероятно, никогда не отличался от языка разговорного. По крайней мере, и теперь русский разговорный и письменный язык удерживает такие выражения, как: „садись, ложись, становись, вставай, поезжай, трогай, прощай, ступай, пущай“ вместо сядь, ляжь и пр.; вологодское „ядай, ядай, малый!“—ешь, не тревожься ни о чем (Даль, Словарь). Эти последние формы оправдываются тем, что говорящий требует не самого процесса усаживанья и пр., не того, чтоб кто садился, а результата, т. е. того, чтобы сел.

„Ста га вила богом братимити...
...Дај ме пуштај у планину живу,
Да наберем по Мирочу биља“.

(Караџић, Пјесме, II, 218.)

Ср. в былинах:

„Полетай-ко охота [сокол] к моей матушке,
Спроси-ко у ней, как с Ильей переведаться?“

(Киреевский, I, 10.)

„Уж ты гой еси десятый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне из болотных вод!“

(Ibid., II, 47.)

„Побегай-ка, Алеша, через эту степь...
Что ко той речке ко Саратовке“.

(Ibid., 81.)

„Вы сбирайтеся, туры, все сюда“.

(Ibid., 47.)

В украинских думах и песнях: „Він тоді добре дбав, чоботи татарські истягав, на свої козацькі ноги обував; Одежу истягав, на свої козацькі плечи надівав; Бархатный шлик издиймає, На свою козацьку голову надіває, Коня татарського за поводи взяв, У город Січи припав“ (Куліш, I, 18) (№. Антонович и Драгоманов, I, 144). „...У домівку приїжджали, Ой у домівці не велику зазнобку (огорчение) счинили—матку старeньку з двора вигонили“ (Кулиш перевел „прогнали“) (Куліш, I, 20). „То мати се зачуває (Кулиш—„слышит“). Іде з двора спотикається, За сльозами світа божого не видає“ (не видит) (ibid., 20—21).

„Прибудь ти до мене, одвідай ти мене...
— Не могу я до тебе прибувати“.

(Ibid., 25.)

„Прибудь же ти до мене... Нехай я буду выходжати, Ой по голосу познавати, Родиною сердешною называти, І на хліб на сіль закликати; І на здоров'є тебе, брате, буду питати“ (ibid., 26). Ср. в лирической песне: „Возьми ти, сестро, піску у білу ручку, Посій ти, сестро, на каміню; Коли той буде пісок на біломy камені зіхожати (взойдет), Синім цвітом процвітати (зацветет), Хрещатим барвінком біленький камінь устилати (устелет)... Тоді, сестро, буду до тебе в гості прибувати“ (ibid., 26); „На празник... чужі братіки зихожаютця. Брат із братом, Одно з одним

схожаєтця... А мене плече з плечем, пола з полою торкає, І в вічи не видає“ (ibid., 27); „А то ми, брате, недобре вчиняли (поступали). У військо виступали... Матку... стременем у груди од коней одпихали... з глави шлика не здиймали“ (ibid., 30); „Колиб дав бог на суходіл виступати“ (выйти на сушу) (ibid., 31); „Будуть... Тебе... пішого минати (минут), А нас будуть кіньми доганяти (догонять) І назад у Турещину завертати“ (ibid., 33); „Назад коней завертайте, з піхов шаблі виймайте, Мини... з пліч голову здиймайте“ (ibid.).

Между украинскими думами, как произведениями более личными, чем русские былины, более разницы в употреблении глаголов более длительных и совершенных. Есть думы, например, „О Белоцерковском мире“, „О победе под Корсунем“ (Куліш, I), где изложение сравнительно прозаично и где употребление длительных вместо совершенных встречается далеко не везде, где его можно было бы ожидать.

„Тоді-то... Хмельницький до сходу сонця уставав, Під город Поляное ближей прибував, Пушку сироту упереду постановляв, У город Поляного гостинця подавав. Тоді-то рандари горким голосом заволали: «Ей Полоняне, Полонянська громада! Колиб ви добре дбали, Од Польщи ворота одбивали, До нас за Вислу річку хоч у одних сорочках пускали»“ (ibid., 62); „Гаврило... був обашний, Із кармана людську денежку виймав, Насті кабашній до рук добре оддавав... Словами промовляв... Колиб ти... сю денежку до рук приймала, До погреба одходила хоч нороцового пива уточила“ (ibid., 203); „...Як став сії слова зачувати, Так він став чересок виньмати... Як стали (дуки) в його червінці зоглядати, Тоді стали його витати, Медом шклянкою І горілки чаркою“ (ibid., 206); „Як буде наш пан Турецький до мечети від'жджати, то буде мині... На руки ключі віддавати, то буду я до темниці прихождати, Темницю відмикати, Вас всіх... на волю випускати“ (ibid., 212); „Оттогді-то Хмельницький (у Барабаша), Із правої руки, із мезинного пальця щирозлотний перстень изняв, Із лівої кишені ключі виймав, З під пояса шовковий платок висмикав, На слугу своего повірного добре кликав-покликав: «Эй, слуго...»“ (Метлинский, 387); „Оттогді-то Хмельницький, як сії слова зачував, так він сам на доброго коня сідав, коло города Сороки поїжжав... Іще стиха словами промовляв...“ (ibid., 393); „Василь Молдавський... Пару коней у колясу закладав, До города Хотині од'їжджав, у Хвилецького копитана станцією стояв, Тогді ж-то од своїх рук листи писав, До Івана Потоцького, Кроля Полского посилав“ (ibid., 393, 394); „Як будеш немного Ташликом рікою гуляти... Дак будеш отця живого заставляти“ (ibid., 398); „Тогді ж-то Еврась... до дому приїжджав І отця живого не заставав“ (ibid., 399); „А колиб ти, мати, добре дбала, Девьятеро скоту из кошари на вибор займала, До города Корсуна одбавляла, Із рандаром торг торговала, Мині... коня на славу спаровляла (sic!), Що моя душа козацька... улюбовала“ (ibid., 415, 416); „Удова... До божої церкви і к утрені одходила, Всю козацькую зброю у кімнату замикала, Тільки шаблю булатну та пищаль семип'ядну на колку покидала“ (ibid., 416); „Тогді-то козак, як він коня до рук принимав, на Гайман-долині козаків нагоняв, Чотири сотні обминовав, у п'ятій сотні Івася Вдовиченка познавав, Коня до рук ему уручав“ (ibid., 418); „Один козак сказав їй правду (про смерть сына). Отогді-то вдова не догадлива бувала, Ще у другого козака правди питала“ (ibid., 423).

В песнях сравнительно гораздо реже. „Ой крикнули козаченьки: «Втікаймо, Нечаю!» — Козак Нечай молод бував (был), на те не вповає (не обращает внимания), Із панею Хмильницькою мед-вино кружає“

(ibid., 403, 407); „Повій, вітре... Прибудь, мій миленький... Як же мені повівати по ярах глибоких? Як же мені прибувати з Україн далеких" (ibid., 39); „Скажи, серце, вірне словце, нехай буду знати, У який часгодиноньку к тобі прибувати" (ibid., 45); „Ой як не будеш, серденько моє, до мене приїжджати, То буде мене отець-матуся за иншого оддавати" (ibid., 60); „Ой не вспів козак Перебійніс на могилу з'їздити, Як узяв джуро, та узяв малий із пістолів палити" (ibid., 401; выше в той же песне: „не вспів... до могилы доїхати"); „Серденько моє, покидаєш мене; Ой як мені забувати тебе" (ibid., 239); „Ой рада б я, молодий козаче, та до тебе виходити, Сидить мати край віконечка, буде Галю бити..." (ibid., 102); „Ой, дівчино, відчини... Ой не буду, козаченьку, відчинять, бо ти ідеш ніченьку ночувать" (ibid., 121); „Ой як буду, моя матусенько, да я в війську помирати, Приймай мою вірну дружину да за рідну дитину" (ibid., 241); „Не велику Морозенку та кароньку завдали, Тільки з його, з його та живого та серденько виймали" (ibid., 410); „Виляй, не виляй, молодая дівочка, А вжеж тобі од того да не ввиляти" (ibid., 124); „Ой крикнули наші козаченьки: утікай, Нечаю! А Нечай же та Нечаєнко того й не чуває, с кумасею с Хмелницькою мед-вино кружляє" (ibid., 406).

Употребительны в разговорном языке длительные вместо совершенных в повелительном наклонении: сідай, лягай спати, вставай, рушай, ходи сюди (поди), прощавайте.

Говоря об употреблении более длительных и несовершенных форм вместо конкретных и совершенных, мы тем самым предполагаем, что различие между теми и другими уже установилось, что певец мог при известном направлении своей мысли сказать взяли, бросили и т. п. вместо брали, бросали, что и доказывается действительными случаями употребления форм совершенных. Но в том-то и дело, что упомянутое употребление, согласное с привычками современного языка, встречается в более древних по складу былинах и думах довольно редко. Мысль русского эпического певца, останавливаясь на самом процессе действия, изображает действие генетически в тех случаях, когда мысль современного человека лишь вскользь обозначает действие его результатом. Настроение, из коего вытекает это преобладание длительных и несовершенных форм, есть один из случаев того общего свойства, какое и в настоящее время можем наблюдать в речи простолюдина и которое можем назвать медленностью течения мысли. Образованный человек, если не имеет особенных причин останавливаться на происхождении события или явления, обозначает их конечною точкою или результатом; рассказ его быстро движется вперед, соответственно большей быстроте мысли; рассказ этот вообще, при большей многосложности, несравненно сжатее рассказа простолюдина. Ближайшая причина этому заключается в том, что стихии мысли в голове образованного человека, с одной стороны, находятся в большей взаимной связи, более объединены, почему слово образованного несравненно богаче по содержанию слова необразованного, с другой стороны, более и разнообразнее расчленены, более распределены по рядам комплексов, почему бы ни было однородным. Вследствие последнего обстоятельства говорящий и равный ему по образованию слушатель удовлетворяется одним намеком на известный им ряд мыслей, — намеком, выраженным в слове или ряду слов, не исчерпывающих собою соответственного ряда мыслей, но только указывающих на него. Решившись употребить заимствованные с немецкого технические названия, можно бы сказать, что разница между образованным и необразованным состоит в степени густоты или сгущения и в степени развития представительства (Vertretung) мысли.

Один из зубоскалов, которые по скудоумию считают себя людьми очень умными и научно развитыми, хотя и не обремененными научным грузом, и потому называют глупостью все, что им сразу непонятно, печатно насмеялся над заимствованным у Штейнталя и Ляцаруса термином „сгущение мысли“ и надо мною, употребившим этот термин; но без этого или равносильного ему слова (пожалуй, если звучнее и важнее кажется, — конденсация), если, как следует ожидать, у нас будут оценены усилия названных мною ученых и если вообще примется у нас научная разработка психологии в направлении, данном Гербартом, — обойтись нельзя.

Для объяснения упомянутых терминов перевожу страницу из статьи Ляцаруса („Über die Ideen in der Geschichte“ — Zeitschrift, III, 404 сл.): „Когда историк, на основании многих разбросанных заметок о способностях, приключениях и действиях известного лица, в разных очертаниях изображает характер этого лица; когда из бесчисленных свидетельств об отдельных событиях он слагает сжатый, но верный образ известной войны, революции, изменения системы; когда по многочисленным депешам и отчетам, проектам и изменениям в них в немногих чертах наглядно изображает ход переговоров с их мотивами и следствиями; когда он в кратких словах дает достаточное понятие о содержании известного литературного произведения: во всех этих случаях большие массы представлений таким образом сжаты (сгущены) в немногочисленные ряды, что хотя форма их совершенно изменена и облагорожена, но содержание осталось то же. В немногих представлениях здесь действительно заключено, и (большею частью) представлено в высшей форме духовной деятельности то, что в прежней (низшей) форме могло быть обнято лишь несравненно большею массою представлений. Настоящее же действительное з а м е щ е н и е рядов представлений отдельными представлениями и масс представлений отдельными их рядами имеет место тогда, когда первые (ряды и массы) в действительности не заключены в последних, но наверное предполагаются ими в душе, так что появление замещающих представлений в сознании ручается за то, что и замещенные массы, в случае надобности, тоже могли бы появиться в сознании. Этим дается возможность так орудовать (zu operiren) замещающими представлениями, как если б были в сознании налицо замещаемые массы. Первые (т. е. замещающие) входят в дальнейшее течение мысли как элементы, равноценные последним если не по логическому содержанию (как при сгущении), то по психологическому процессу и его следствиям. Когда, например, замечаем содержание известной книги, или судим о ней, мы имеем в сознании не всю массу представлений, составляющих эту книгу; но тем не менее суждение наше о книге, основанное на всей этой массе, основательно лишь в той мере, в какой, не изменяя суждения, мы могли ввести в сознание всю эту массу. В обиходном течении житейской и научной мысли сгущение и замещение не только появляется рядом, но и заменяется одно другим; но сколько-нибудь внимательное наблюдение столь же легко покажет нам их различие, сколько легко верный такт соблюдает это различие на деле. Делаемый председателем итог прения, предполагающий, что оно выслушано всеми и что полное повторение его было бы лишним, состоит преимущественно из замещений; а исторический отчет о прениях, долженствующий заменить слушанье, — из сгущений“. „Руководства для учителей, имеющие целью распределение материала, должны состоять из замещений, коих крайняя форма — указатель содержания; энциклопедии должны давать сгущения, понимание коих предполагает определенное знание больших масс представлений“ (ibid., 406, примеч.).

Относительно медленности течения мысли при существовании прошедшего несовершенного и аориста. Степень развития была не выше, но употреблялось ли первое вместо второго? См. об отношении imperfect (длительного) и aorist (однократное) (Pott, II, 1, 666).

„Муй миленький до домоньку іде, Дротяную пліточку несе, Тоя плітночка растрепалася, А я молоденькая догадалася, У нову комору сховалася, Новым замочком замикалася. Покудь чужа мила нагуляласяˮ (Сборн. Сев.-зап. кр., I, 17); „Тадар Марко кроз механу прође, Те Андрију главу дофатио, Метнуо је у бисаге Шарцу, Отходио зеленом планином, Од невоље попијева Маркоˮ (Чубро Чојковић, 9).

§ 6. Различение степеней длительности

Термин степень может обозначать только различия длительности; поэтому для случаев, где приходится говорить совместно о длительности и совершенности или несовершенности, мы оставляем название вид.

Мысль, останавливаясь на действии, разлагает его на ряд моментов, скользя по действию мимоходом, сжимает его в один момент.

В первом случае мысль имеет время воспроизводить или создавать более-менее сложные и конкретные образы вещей, во втором она ограничивается одними намеками на такие образы.

Поэзии, по ее сходству с изобразительным искусством, более свойственна медленность течения мысли, прозе, как форме науки—ее быстрота. При этом в поэзии разных времен и степеней развития — различие.

„Как и будет он во граде Киеве,
Середи двора княженецкого,
Скочил Казарянин со добра коня,
Привязал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю ко Владимиру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороныˮ.

(Киреевский, IV, 92—93.)

Мы видели, что с внешней стороны история глагольного характера состоит в его постепенном усложнении. Русская форма нашивать предполагает нашевать (украинское ношувати из ношовати), это, вероятно, предполагает форму на *-ава-ти* и несомненно — ношати, которая в свою очередь основана на носити; эта — на нести. Глагол нести имеет в первой теме характер *-а-*, и потому должен считаться сложным сравнительно с такими, как *вѣмь* и т. п. Со стороны значения история глагольного характера в славянских языках состоит в образовании так называемых видов, составляющих особенность славянских языков сравнительно с другими индоевропейскими, в коих частью вовсе нет видов, частью, именно в литовском, они есть только в зародыше.

Виду, как явлению исключительно славянскому, предшествуют, по времени происхождения, те значения глагольных характеров, какие находим уже в санскрите; именно: 1) переходное и причинное значение... *-и-* и отчасти *-и-* *-ѣ-* (бояти); 2) непереходное и начинательное значение характера *-ѣе-* *-ѣ-*...

Точно так же за явление дославянское следует считать непереходное и начинательное значение части глаголов с характером *-н-*, находящее

соответствие в литовском (свьнѫти — szvintu, szvisti). Все эти значения покрываются, но не уничтожаются позднейшим слоем видовых значений, так что характеры *-и-*, *-и- -ѣ-*, *-ѣе- -ѣ-*, *-не- -нѫ*, сверх своей переходности или непереходности и начинательности, имеют и видовое значение. Поэтому, говоря о видах, можно оставить в стороне не только переходность или непереходность глаголов, но и начинательность.

Совершенность или несовершенность глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида. Предлог, посредством коего в большей части случаев глаголу сообщается значение действия или состояния, не скрывает видового значения глагола, но, ложась на это значение новым слоем, видоизменяет его только отчасти.

„По сѐреду кирписьному он запохаживал,
Да он белыма рукама заразваживал,
Да он желтыми кудрями запотряхивал".

(Киреевский, III, 42.)

„Тут молодцы́ заотправлялися".

(Ibid., 63.)

„И нацял ворон младшой облётывать,
Нацял ворон покыркивать...
Ухватил тут воронá Хотёнышко за ногу:
Тут и старой ворон заоблётывал,
Старой ворон запокыркивал".

(Ibid., IV, 76.)

Например глагол з а п и с ы в а т ь, становясь совершенным от присоединения предлога *по-* (позаписать), не лишается того значения, которое сообщает ему характер *-ыва-*. Таким образом совершенность глагола, там, где она зависит от предлога, уже предполагает вид; она неотделима от вида лишь в тех сравнительно немногих случаях, когда появится независимо от предлога.

Совершенность или несовершенность есть оконченность или неоконченность действия или состояния, обозначаемого глаголом, между тем как вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием.

По Буслаеву: „Видами глагола означается продолжение или совершение, многократность или однократность и мгновенность действия" (Буслаев, Граммат., II, 123). В этом определении неточно противопоставление п р о д о л ж е н и я действия и его с о в е р ш е н и я, если под продолжением разуметь длительность, а не неоконченность. Совершение как оконченность противоположно неоконченности. Та и другая не подходят под понятие вида. Приводя здесь примеры х в а т а т ь и х в а т и т ь, Буслаев, повидимому, обращает внимание только на то, что в первом действие представляется продолжающимся или неоконченным, а во втором совершившимся, тогда как, подставивши вместо них, например, к р е щ а т ь и к р е с т и т ь (например, к р е щ у со значением настоящего), мы увидим, что независимо от оконченности и неоконченности в первом глаголе выражается бо́льшая степень длительности, чем во втором.

Так как совершенность значения некоторых беспредложных глаголов, кроме глаголов с характером *-н-*, есть явление относительно позднее, то мы, говоря ниже о видах, устраним для большей простоты и этот случай. Такое же смешение категорий совершенности и несовершенности — с одной и длительности, с другой стороны, встречаем у Шлейхера (Schleicher, Das Futurum): „В славянском глаголы распадаются на два класса, называемые различно: perfectiva и imperfectiva, мгновен-

ные и длительные, оконченные и неоконченные (vollendete und unvollendete) и т. д. Мы называем их verba perfecta и imperfecta. Imperfecta означают действие длительное, несовершенное (unvollendete Handlung), perfecta — действие мгновенное, совершенное,[1] или означают только наступление действия (das blosse Eintreten der Handlung) и, стало быть, вместе с тем аористичны; так как они не выражают длительности,[2] то в позднейшем языке не имеют настоящего времени и их настоящая форма выражает отношение будущего, их прошедшее (perfectiva) есть прошедшее совершенное (perfectum), даже давнопрошедшее (plusquamperfectum).[3] Verba perfecta — большею частью глаголы непроизводные,[4] сложные с предлогами и становятся совершенными (perfectum) именно только в силу этого сложения; простых, несложных с предлогами (первообразных глаголов со значением совершенным, за исключением глаголов, образующих настоящее посредством *-н-*) — немного, и это зависит от их значения; большинство первообразных глаголов — imperfecta".

До сих пор еще разделения глаголов по видам страдают важным недостатком, завещанным прежним состоянием грамматики: именно отсутствием исторического взгляда. Язык находится в постоянном развитии и ничто в нем не должно быть рассматриваемо как нечто неподвижное. Система видов должна быть не описанием, а историею их происхождения. Различные виды появляются не одновременно, поэтому непростительно принимать за исходную точку деления такой вид, который по времени происхождения позже других. Такую ошибку делают, например, те, которые, изображая систему видов или, как говорят иначе, степеней глагола, за первую степень принимают „продолженную" степень катать. Присутствие в глаголах этой степени усилений, исключительно свойственных славянскому языку (см. глаголы на *-а-*) и употребляемых им только для изображения известного оттенка длительности, ясно показывает, что и значение этих глаголов есть позднейшее и производное.

Напротив, мнение Павского (Павский, III, 226), что глаголы 1-й степени следует ставить в основание прочим степеням, будет совершенно справедливо, если под 1-ю степенью (примеры найдем у Павского в этом месте: дать, стать, сесть, кусить, лишить, ступить) — разуметь именно этим подобные глаголы, т. е. конкретно-длительные, а не однократные. Сам Павский думает иначе. Упуская из виду производность глаголов однократных на *-н-* от глаголов на *-а-*, он говорит: „Однократное должно предшествовать многократному, как единственное число множественному. Скажут, слог *-ну-* есть признак производства, но и в глаголах плескать, сверкать гласная *-а-* есть такой же признак производства" (ibid., 227). В том-то и сила, что не такой же, а следующий по времени во многих глаголах за характером *-а-*.

Действительною исходною точкою языка при образовании видов могло служить то значение, которое не отличает славянского языка от других индоевропейских. Это значение должно быть связано с формою, не составляющею особенности славянского языка. Следовательно,

---

[1] Закричу, накричу и т. п. — глаголы совершенные, но тем не менее длительные, а не однократные или мгновенные, отличные от мгновенных: крикну, вскрикну и т. п.

[2] В том-то и дело, что выражают: позаписываю, окончу продолжительное записывание.

[3] Нисколько. Закричал, позаписывал и т. п. сами по себе вовсе не давнопрошедшие.

[4] Шлейхер имеет особый взгляд на разделение глаголов на производные и непроизводные.

этим значением не может быть ни совершенность глагола дам или куплю, ни однократность глаголов на *-ну-*, ни длительность или многократность глаголов на *-а-*, простое или сложное *-ыва-* — *-ива-*, потому что даже средствами одного славянского языка можно доказать производность этих значений.

Если принять за такую исходную точку относительно простые глаголы вести, везти, итти, нести, лезть, ехать, то нетрудно заметить постепенность происхождения, по крайней мере, трех видов. „Кого везете?“ „что несете?“ „куда едете?“ (т. е. в ту минуту, когда я спрашиваю); „Что вы несли, везли?“ „куда вы шли, ехали, когда я вас встретил?“ „куда теперь понесете?“ „каким путем поедете, будете ехать?“ т. е. в определенный, непродолжительный период времени, который я разумею. Во всех этих случаях мы имеем перед собою действие, во-первых, не мгновенное, не однократное, каково, например „лизнул, да и нет ничего“; „дернул и пустил“. Предположим, у нас был бы глагол неснуть; мы бы его никак не употребили в таком выражении, как: „куда бог несет?“ „что несешь?“ Во-вторых, здесь действие, если не непосредственно выделяемое из чувственного восприятия (такая непосредственность в слове, прожившем многие тысячелетия, немыслима), то, по крайней мере, относительно ближайшее к нему.

Вместо рассмотренной формы не могли бы быть употреблены в выражениях, подобных вышеприведенным, две следующие по времени образования формы: носить и пр. и нашивать.

Часовой говорит „кто идет?“, а не „кто ходит?“; будочник: „куда лезешь?“, а не „куда лазишь?“ Наоборот, мы скажем: „куда вы ходите мимо моего окна?“ „что вы носите под мышкой?“, т. е. не раз. Однако несправедливо было бы думать, что значение глагола ходить, ездить и пр. — многократное или разностороннее. „Я (тогда-то) шел пешком, а он ехал“, но „я ходил пешком в Киев (не много раз, а всего один и не в разных направлениях, а в одном), а он ездил“. „Я схожу в Киев пешком, а он съездит“. „Куда вы шли сегодня утром?“ — т. е. в ту минуту, когда я вас заметил; но „куда вы ходили, ездили?“ — не в это мгновение, когда я вас спрашиваю, а в течение всего, может быть, долгого времени, которое было занято вашею ходьбою, поездкою. Чтоб употребить форму как „носите“ в обыкновенном смысле, нужно обнять мыслью несколько однородных действий, порознь добытых из чувственных восприятий, представить их одним протяженным действием; к этой форме приурочен более сложный продукт мысли, чем к таким глаголам, как нести. Если эти последние назовем просто длительными (по отношению) к однократным, то первое более длительным; если последние — конкретными, то первые — отвлеченными.

Впрочем, о конкретности и отвлеченности, терминах не мною первым примененных к видам, следует говорить с оговорками. Отвлечение предполагает опущение известных составных частей мысли, принимаемой за первичную. Если носить есть отвлеченное по отношению к несет, то в первом должно быть менее объективного содержания, чем во втором. Оно так и есть, но содержание слова здесь, как и везде, следует отличать от его „внутренней формы“, от наименьшего значения, без коего слово не может быть само собою, от того содержания, которое одно только и относится до языкознания. Содержание внутренних форм глаголов несете и носите различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содер-

жание слова дуб), а строятся в *непрерывный ряд* (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании собирательного — *бор*).

Глаголы степени, следующей за тою, к которой принадлежат *ходить*, *лазить*, в большинстве случаев не могут быть употреблены вместо этих последних. „Я ходил на богомолье" (т. е. этот раз), но „не раз я хаживал на богомолье". „Где ты был?" „На чердак, на колокольню лазил",[1] а не „лаживал"; наоборот: „лаживал я в воду" — ныривал. В основании значения как одних, так и других глаголов лежит сложность материала, из коего добыты эти значения, или, иначе, множественность отдельных восприятий; но в одних эта сложность не сознается, потому что составные ее части мелки, а в других сознается. Можно, кажется, сказать, что *хаживал* заключает в себе несколько *ходил*, а *ходил* — несколько *шел*; *хаживал* есть *ходил* с перерывами.

Если глаголы первых двух степеней назовем *единичнодлительными* и *собирательными*, то глаголы 3-й степени могли бы мы назвать *множественными* по сходству их значения со значением множественного числа существительных единичных, сравниваемых со значением существительных единственного числа собирательных.

Замечено, что славянские глаголы могут означать действие или во время самого его совершения — конкретно (я *пишу* теперь, я писал, когда он вошел), или как возможность его, способность, привычку к нему [я не дурно *пишу*; *пишу* (польское *pisuję*) по вечерам] — отвлеченно. В одних случаях, как, например, в приведенном, значения эти формально не различаются, подобно тому, как, например, они не различаются в немецком; возможность и способность может выражаться и глаголом 1-й степени: „верблюд несет (и носит) 17 пудов", т. е. поднимает, может нести; но в других случаях значения эти различаются и формально. Отвлеченность, как возможность, обычность действительной способности к нему, предполагает значение большей длительности, сравнительно с принятою за меру. „Я пишу по вечерам" в смысле обычая предполагает, что писанье занимает большее протяжение времени, чем в „пишу теперь". Поэтому отвлеченность, как обычность, более примыкает к отвлеченности, как большей длительности, чем к конкретности и, по крайней мере, в народном языке чаще выражается глаголами 2-й и 3-й степеней, чем 1-й. „На упрямых воду возят"; „Хотя не кони везут, овес везет"; „Часы не испорчены, ходят, а теперь не идут, не заведены"; „Голубятники лазят по кровлям"; „По утрам хаживать на службу".

Обычность независима от степени длительности и совершенности и может выражаться всеми степенями [в русском и польском разница: нельзя *сыпаю* (*sypiam*), *писываю* (*pisuję*); ср. *jadam*, *widuję*].

В Остромировом евангелии: „Приде же и Никодимъ, *пришъдъ* и [ὁ ἐλθών] к Ӥсови нощиѭ прѣжде" (Иоанна, XIX, 39); в польском переводе „który był przed tym przyszedł"; но в современном русском языке нельзя сказать: пришедший это „тот, что пришел прежде ночью", ни „тот, что было пришел", а нужно: „тот, что *приходил*". Для употребления совершенного глагола в прошедшем не достаточно, чтобы действие было окончено; нужно, чтобы оно *представлялось* оконченным, ограни-

---

[1] На вопрос: „Где ты был?" — „*Ходил* на почту, *носил* письмо, *ездил представляться* начальнику, *плавал* (на корабле) в Америку, *летал* на воздушном шаре, *возил* деньги в казначейство"; но на вопрос, понятый в этом смысле (бывал), нельзя ответить „я *скакал* [в этом значении *скакал* есть 1-я степень, в силу особенности своего значения (видимая перемена места движения), не имеющая при себе однократного глагола, *скакал* = прыгал есть 2-я степень при *скочить* и имеет в однократном *скокнуть*] в Петербург" (потому что это значит „в то самое время, как случилось нечто другое"), *бродил* по городу, *катался* на коньках.

ченным другим действием. Поэтому мы говорим: „пришел вчера и тотчас ушел"; „пришел было, отворяет двери и говорит". — Но в выражении „пришел и Н., тот, что прежде приходил" — оба действия разделены известным промежутком времени, и приходил не ограничивается действием пришел. Когда говорим „был сегодня тот, что вчера приходил и приносил книги", „а до мене Яків приходив, коробочку раків приносив", — то мы не назначаем действиям никаких границ, кроме тех, какие определены прошедшим временем. Выражения: „пришедши, сделал то-то" — „пришел и сделал" значат: после того, как пришел, сделал; а выражение „приходивши сделал" — приходил и сделал, значит в то время (прошедшее), как приходил, сделал, причем сделал вовсе не ограничивает протяжения времени, выраженного словами приходил, а заключается в нем. Можно сказать: „підійшов я під віконце, кватирку одчиняю" (подошел и отворяю, отворяю подошедши, после того, как подошел); но нельзя: „підходив... одчиняю" (= подходил и отворяю), потому что отворяю (настоящее) есть предел для підходив, а между тем последнее отрицает предел.

Пожалуй, можно услышать выражения: „приходил вчера и говорит", но оно неверно. Чтобы исправить его, нужно уничтожить между первым и вторым глаголом грамматическую связь: „он вчера приходил, говорит: «мне некогда»".

Сказанное об отсутствии многократности в глаголе 2-й степени относится только к прошедшему: куда ты ходил, бегал, ездил, летал, плавал, лазил? Отворить — отворять (украинское одчинить, одчинять). Сказанное имеет целью наглядно изменить, по крайней мере, относительно русского, положение Миклошича, который к рассмотренным вопросам присоединяет отношения совершенности и несовершенности и, выделив первую, говорит: „Глаголы несовершенные (imperfectiva) обозначают неоконченное действие (die unvollendete Handlung) или как только продолжающееся (bloss dauernd) или как совершающееся в несколько крат (zu wiederholten Malen). Первое совершается через глаголы длительные (durativa), второе через многократные (iterativa)". Словинское grem — длительно: glej, fant gre (идет) v šolo, je šel (шел), bo šel (будет итти); напротив hodim — iterativum: fant v šolo hodi — посещает школу (ходит); то же je hodil v šolo, bo hodil; как iti относится к hoditi, так nesti к nositi, letěti к lětati и т. д. „Особенный вид длительности — начинательно-длительные (inchoativa-durativa), означающие постепенное возникновение состояния: русское мокнуть, сохнуть" и пр. (Miklosich, IV, 276). Если тут косвенно заключена мысль, что засыхать и т. п. есть frequentativa — многократные, то, я думаю, напротив, что не многократность, а лишь бо́льший период длительности в „только что написал, глядь — чернила уже засыхают" (станут, будут, стали засыхать); „вот уже листья увядают".

Сродство обычности с большею длительностью. Обычность действия и способность к нему в глаголе самом по себе не выражается, т. е. эти значения выражаются лишь контекстом. Иду, везу, несу и прочие глаголы движения в пространстве будут понимаемы как выражения конкретных действий до тех пор, пока к ним не будут прибавлены указания на то, что эта конкретность служит лишь образчиком повторяемости, возможности. Например: „Что вы делаете и чем занимаетесь по вечерам?" — „Иду в театр (т. е. каждый раз как вздумается) — хожу в театр, бывало иду"... Таким образом меньшая и бо́льшая степень длительности и многократность могут быть образами обычности, но сродство последней с 2-й и 3-й степенями длительности больше, чем с 1-ю.

Глагол многократный обнимает бо́льший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глаголов измеряется не объективно в строгом смысле слова, а, так сказать, народно-субъективно, т. е. мерою, данною самим языком, степенью глаголов, принятою за единицу. Живущая в данное время предыдущая степень глагола есть мерка последующей, так как, например, литературный русский язык измеряет длительность (многократность) глагола нашивать только двумя предыдущими степенями: нести и носить, минуя живущие в украинском формы ношати и ношувати (из ношевати), хотя эти последние и предполагаются формою нашивать. Никакой безотносительности в степенях глаголов нет.

Мы видим выше, что довольно значительное число глаголов однократных с *-н-* в характере, вероятно или несомненно, предполагают глаголы разрядов II, III, V (1 и 2). Это служит указанием, что и значение однократных — производное. Как бы ни назвать эти „однократные", краткими ли, мгновенными, одновременными (verba momentanica, brevis movis, actionis singularis), во всяком из этих названий будет правда. Глаголы эти обнимают период времени более краткий, чем глаголы конкретно-длительные, а тем более — отвлеченно-длительные. Они „чим си зачму, одмах се и сврше" (Babukić, 237) — „действие в них оканчивается, как только начнется".

Итак, мы насчитываем четыре степени длительности (или четыре вида): степень конкретно-длительную, от нее — по направлению к большей длительности — степень отвлеченно-длительную и многократную, а в другую сторону — однократную. Есть в современном языке глаголы, проходящие через все четыре степени, но их очень немного (скочить, скакать, скакивать, скокнуть, валить и т. д., катить, рубить, стучать, толочь, толкать). Обыкновенно формально различаются 3-я и 2-я степени (*3-й — -ати, -ыва-, -ну-; рѣза-, лиза-*); однако, взявши во внимание, что такие глаголы, как нести, носить, нашивать, требуют трех степеней и что ни под одну из этих степеней не подойдет глагол однократный, как мигнуть, лизнуть, увидим, что уменьшить числа степеней нельзя, несмотря на то, что 2-я степень может формально совпадать в одних случаях с 1-ю (читать, играть — конкретные и отвлеченно-длительные и при них только одна следующая по времени форма — читывать), в других с 3-ю (быть — 1-й, бывать — 2-й и 3-й), несмотря на то, что есть глаголы, вовсе не различающие степеней (горевать). Есть ли возможность увеличить, — об этом ниже. Здесь только замечу, что если в конкретном глаголе (например, ехать 1-й, ездить 2-й), сверх 2-й степени есть еще две (езжать, езживать), то есть случаи, когда можно доказать, что обе эти формы действительно 3-й степени, но в различных значениях.

Деление это и кроме претензии на историчность несколько отличается от принятого Буслаевым (Буслаев, Граммат., II, 123, 124), который, подобно Павскому, различает три вида: в продолженном у него соединены конкретные — веду и более длительные или отвлеченные (вожу); между тем, кроме явственного различия в значении, глаголы 1-й и 2-й степеней различаются еще и тем, что присоединение предлога действует на них различно. Настоящее время первых получает от предлога значения будущего, а вторых — нет. Ко второму виду отнесены глаголы, означающие совершение, однократность и мгновенность. Между тем по вышесказанному совершенность и несовер-

щенность действия есть совсем особая статья. По словам Буслаева к одному и тому же виду должны быть отнесены не только дерну — дернуть (однократный или мгновенный), буду, быть (в коем [нет] оттенка однократности или мгновенности), но и позадергиваю. Этим отрицается всякая смежность формы и значения глаголов одного вида, так что непонятно, почему же они составляют именно один вид. Глаголы третьего вида, по Буслаеву, „означают многократность, а также и отдаленность действия". Это последнее выражение несколько сбивчиво. Можно подумать, что отдаленность не есть многократность. У Павского (Павский, III, 4—5) 3-ю степень „занимают глаголы многократные дальние", т. е. „продолжительные дальние", (читывать, видывать) и „разнообразные дальние", „когда разнообразное [не имеющее одного направления] действие происходит вдали (где-то), на неопределенном пространстве, например хаживать, скакивать". Это деление многократных основано на ошибочном мнении, что их характер может означать пространственное отношение, именно движение, происходящее вдали и в разных направлениях. На деле „хаживал к нам" независимо от корня значит то же, что „говаривал нам". Сами по себе глаголы эти направления вовсе не обозначают, а то, что в них принимается за дальность действия, есть обширность занимаемого им периода времени.

Взгляд Буслаева на наглядность и отвлеченность значения глаголов тоже заключает в себе некоторую неточность. „Сверх того, видами означается действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно, например птица летает... (т. е. во всякое время имеет способность летать); или 2) наглядно, т. е. с означением известного времени — настоящего, прошедшего или будущего, и какого-либо направления действия, совершения, однократности или многократности; напр. птица летит... полетит, улетит, полетает" (Буслаев, Граммат., II, 124). Мнение, что глаголы отвлеченного значения не означают времени, основано на недоразумении. Заметивши предварительно, что в грамматическом отношении нет надобности различать способность к действию от обычности действия, приведу такой пример: чешское „ona ne jeda kaše", польское „nie jada kaszy" (не ест, т. е. не имеет обыкновения, не любит есть); „ona ne jidała, nie jadała (не ела, т. е. не имела обыкновения, не любила есть); украинская песня обещает завербованному в уланы: „будеш їсти, будеш пити, довбешками воші бити", что по-польски было бы: będziesz jadał, będziesz pijał, będziesz bijał" с явственным смыслом: будешь (зауряд, обыкновенно, а не несколько или много раз) есть, пить. Отсюда видно, что способность и обычность не составляет исключения из правила, что всякое действие может быть представлено современным прошедшим, будущим по отношению к мгновению, когда говорили. — „Глаголы совершенного и однократного, а также и многократного вида означают действие только наглядно"; но разве говаривал не есть вид многократный?

Так как язык развивается не трудами филологов, а средним уровнем народа, то естественно, что при распределении глаголов по видам принимается в расчет не найденная учеными первообразность и производность глаголов, а такая, которая видна человеку, практически знающему свой язык. Это применяется ко всему нижеследующему. Глаголы распределяются по видам таким образом:

К 1-й степени принадлежат:

а) Глаголы I разряда, в том числе и совершенный: дам.

б) Глаголы II разряда, в том числе совершенный: буду, лягу, сяду, паду, реку, о которых ниже.

в) Глаголы III разряда в русском языке все за исключением тех немногих III, 2, г, при которых употребительны более простые длительные [например с е в а т ь (2-й ст.), при котором с е я т ь; т о л о ч ь, т о л к а т ь, т о л к н у т ь, -ы в а т ь]. В старославянском, чешском и особенно в сербском к этой степени не принадлежат весьма многие глаголы III, 2, б (д о з и в а т и, дозивљем по форме = п и с а т и, п и ш у), имеющие при себе более простые — 1-й степени длительности.

г) Из глаголов IV разряда все более древние, начинательные и неоднократные.

д) Из разряда V сюда целиком относятся 1 (г о р е т ь) и 2 (б о л е т ь); из V, 3 (л ю б и т ь) — почти все, именно все отыменные и отглагольные причинные, принимаемые за первообразные; исключается около десятка, имеющих при себе более простые глаголы 1-й степени, и около двух десятков беспредложных совершенных: р ы ч а т ь, к о п а т ь, м е т а т ь (бросать), м е н я т ь.

Наоборот, из глаголов V, 4 принадлежат сюда сравнительно лишь немногие, именно отыменные и те отглагольные, при которых забыта или малоупотребительна более простая форма 1-й степени, например ч и т а т ь, з е в а т ь.

е) Из разряда VI (*-ова-, -ув-*) — отыменные.

Остальные глаголы V, 4, а и VI (украинские отглагольные *-ова-* и русские *-ыва-*) распределяются между 2-ю и 3-ю степенями, так что к 3-й принадлежат те глаголы обоих разрядов, при которых есть более простые две степени.

Об однократных, по определенности их формы и значения, здесь нечего говорить.

Следуют некоторые частности.

1. В нескольких случаях язык пользуется более древним усилением, свойственным классу и для образования глаголов 2-й степени. Таковы глаголы 2-й степени в о з и т ь, в о д и т ь, н о с и т ь, б р о д и т ь, г о н я т ь, х о д и т ь (шьд), в о л о ч и т ь (влѣк), с т о р о ж и т ь (стеречь), л а з и т ь. В е з д и т ь (2-й степени) при е д (1-й степени) гласная осталась неизменною.

2. В литературном языке и в украинском лишены класса *-ыва-* (украинское *-ова-*) глаголы 2-й степени на *-а-*, образованные при помощи усилений *-ы-, -и-* (-г и б а т ь, -д ы м а т ь, -ч и н а т ь, -м и р я т ь). В литературном языке исключение составляют те глаголы на *-а-*, с усилением коих первообразные забыты, как ч и т а т ь, н и з а т ь, м и г а т ь — откуда ч и т ы в а т ь и пр. В народном русском имеют формы на *-ывать* и многие другие с усилением: н е п о с ы л ы в а л, н е у т и р ы в а л, а также от глаголов с корнями или темами на гласную (з н а в а т ь, з а б о л е в а т ь). Сюда подойдут все начинательные с характером *-ѣ-* и часть начинательных с *-и-*: но и те начинательные на *-и-*, при которых стоят глаголы 2-й степени на *-а-*, без усиления коренной степени, тоже не имеют формы для 3-й степени (л и н, т о п, м е р к, м о к, т и х, т у х, с т ы д, м е р з, б у х, в ы к, м о л к, п у х, с т и г, с я к, в я д, к и с, г р я з, ч е з и др.).

3. Не имеют форм на *-ыва-* те, которые от форм на *-а-* неударяемое вторично образуют формы с *-а-* ударяемым. При этом, если первая из этих форм имеет значение 2-й степени, то вторая — 3-й (б е ж а т ь, б е́ г а т ь — б е г а́ т ь; п о л з т и, п о́ л з а т ь — п о л з а́ т ь; м е р и т ь, м е́ р я т ь — м е р я́ т ь), а если первая по значению относится к 1-й степени (что бывает или тогда, когда более простая форма забыта, или когда она имеет значение однократное и, с о в е р ш е н н о е. NB), то 2-я с *-а-* ударяемым — ко 2-й (д в и г а т ь — д в и г а́ т ь, с ы п а т ь — с ы п а́ т ь, п а д а т ь, м е р я́ т ь, т о м и т ь, к л и к а т ь).

§ 7. Значение глаголов 3-й степени

О связи многократности (iterativa verba) с imperf. — Pott, II, 1, 632 сл.; NB. Miklosich, IV, 302.

„Глаголы, — говорит Буслаев, — ныне употребляемые в книжной и образованной речи, суть отрывочные остатки обширной системы видов, развитой в большей целости в историческом течении языка, и частью сохранившейся в областных говорах“ (Буслаев, Граммат., II, 125—126).

Из этих слов можно заключить, что ныне существующая система видов находится в таком отношении к древней, как, например, деепричастия современного языка к причастиям старинного, в коем они несравненно живее и многочисленнее. Это было бы странно, так как мы знаем, что виды суть явление относительно позднее, исключительно славянское, что те глагольные классы, которые особенно важны для различения глаголов по видам, например, класс с *-а-* сложным и *-ыва-* — *-ива-* в характере, вместе с тем наиболее позднего времени образования. Если бы кто, основываясь на употребительности в литературном языке причастий действительных настоящего и прошедшего, неупотребительных в областных наречиях, замечал, что причастия явление новое, то он бы сделал ошибку, противоположную той, в какую впадает Буслаев, говоря об остатках системы видов в письменном языке. Назначение этого языка — объединять разрозненные историею областные наречия. Поэтому он не может вполне подчиняться требованиям одного из наречий. Он занимает середину между всеми наречиями или в некоторых случаях удаляется от всех, усваивая известные архаизмы. Он архаичен как в употреблении причастий, так и потому, что иногда не делает тех тонких различий между видами, какие встречаем в некоторых наречиях. Литературный язык открыт.

Буслаев. „В отношении к видам глаголов русский язык отличается от церковно-славянского тем, что более развил как м н о г о к р а т н ы е, так и о д н о к р а т н ы е формы.

М н о г о к р а т н ы е ф о р м ы претерпели следующие изменения в истории нашего языка. а) Древнерусский язык производил эти формы свободнее нашего. В старинных памятниках постоянно встречаем формы, подобные, например, следующим: *да́вывал, бы́вывал, ве́ливал, и́мывал* (т. е. бирал), *ку́пливал, отби́вывал* и проч. б) По формам многократного вида нынешнее областное просторечие ближе к древнерусскому, нежели к нашему книжному языку, например в Духовн. стих.: «*кладывали* душеньку на золоту мису» — «крошечки *собирывали*» — и даже в наст. вр. «крошечки подбирывают» (Кал. I, 74, 76, 79)“ (Буслаев, Граммат., I, § 53, 5).

Старорусский: „Язъ... продалъ... росолу три двѣнадцатыхъ сугреба, четверть варници, что есми тотъ росолъ к у п л и в а л ъ у Терентья“ (Акты, 130, 1578 г.). „Се язъ... продалъ есми... пол ночи росолу и съварничнымъ мѣстомъ... а ту полночи росолу отецъ мой к у п л и в а л ъ у старца Іоны“ (ibid., 131, 1583 г.). „Что было за мною... деревня Ярыгинская Меншая, что к у п л и в а л ъ отецъ мой Григорей... и язъ... отдалъ и отказалъ въ волость... старостамъ и цѣловальникомъ“ (ibid., 158, 1583 г.). Болгарский: „ne gu li č j u v a h t e da ide“ (= hören Sie ihn nicht kommen?) (Cankof, 108); „ne č j u v a h t e li kak vi kázuvaše toj kogí-to šlêzuvahmi is sǔlbû-tû?“ (= не слыхал ли, что он вам говорил, когда мы сходили с лестницы) (ibid., 109); „ne gu li č j u h t e da pej?“ (= не слыхали ль вы, что он поет); (ibid.); „to č j u v a teško“ (= он слышит с трудом) (ibid., 115); „p r o š t a v a j t e“ (ibid., 119) (как и по-украински „прощавайте“); „as jù čjúvam da péj, ama ne jù vídé“ (= я слышу, что она поет,

но не вижу); „čjúvaš li slatká-tà pésen na čjučjuligú-tú?“ (=слышишь ли приятную песнь жаворонка?) (ibid., 147); „Čjuvaj, pobrátime“ (=слушай, брат). Русское давай! ступай! поезжай! езжай! полезай! „Полетай, мой соловеюшко! На родимую мою сторонушку“ (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 5). Украинское „Ходи лишень сюди, давай“.

Украинское бувае — часом, іноді, большей частью: „він би й посилкововався, так боїтця, що як якого дуже пхне, то щоб, бувае, кістки не порозсипались“ (Кв.-Осн., I, 247). (Кулиш ставит в запятых, но напрасно.)

Различие глаголов 2-й степени от глаголов 3-й появилось позже различия 1-й степени от 2-й и, кажется, в известных случаях не доведено до конца. Иногда формы отвлеченно длительные, не изменяясь, незаметно переходят к значению многократности, так что трудно бывает определить, выражает ли глагол только большую степень непрерывной длительности, или многократность. Так, например, глагол быть во 2-й теме и жить принадлежат к 1-й степени, ближайшая, следующая за ними форма бывать, живать должна бы иметь значение 2-й степени. В таком значении они действительно встречаются в наречиях и, например, в украинском „бувай здоров; здорові бували“ (не бывайте, бывай несколько раз, а будьте постоянно); „панове, знаете, трояне, і всі хрещениї миряне, що мій отець — бував (=был) Анхиз“ (Котляревский, 32); „нехай, каже, твоя здорова бува, Нептуне, голова“ (ibid., 56); „А ти, мовляла (не говаривала, а говорила), і к Енею, Прощайся з юрбою своєю“ (ibid., 74); Не дѣти бывайте умомь (будьте) (Miklosich, Lexicon — бывати); „Пазной (камыкъ) рьдръ же ѥсть... бываѥть же вь Пазѣ градѣ“ (Изборн. 1073 г.; Буслаев, Хрестом., 263); „Анфраксъ зѣло чрьвенъ ѥсть, бываѥть же въ Кархидонѣ“ (ibid.); „Що у вас чувати?“ Как поживаете? Русское „Егда мы живали на вольном свету́“ (Калеки, I, 59), т. е. когда мы жили, т. е. в течение всей жизни. В обоих случаях эти глаголы выражают, сравнительно с конкретными, бо́льший период времени, в который совершается действие. Литературный же язык в этом слове, как и во многих других, формально не различает глаголов 1-й и 2-й степеней и употребляет приведенные формы только в многократном значении: „я часто бывал, подолгу живал в этом городе“. Такое значение более обыкновенно и в народных говорах. Впрочем, и в обыкновенной речи „где бывал“ обозначает состояние длительное, не многократное, и в украинском „ой ти мило, мое серце, сй деж ты бувала, чи у полі лен ти брала, чи пшеницю жала“.

3-я степень отличается от 2-й не столько значением многократности, которого может и не быть, сколько оттенком постоянства и всегдашности. Притом, что если нет возможности формально отличить 3-ю степень от второй, потому ли, что вообще употребительны две формы глаголов (как в вышеприведенном быть и бывать, при которых 3-я форма бывывать встречается довольно редко, и то только в русском), или по личным привычкам говорящего, то значение всеобщности и постоянства приписывается к глаголу, который со стороны формы должен быть отнесен ко 2-й степени. Так, например:

„Только было в богача два лютых псы,
Всегда по подстолью они ходили,
Хлебные крошки собировали,
Лазарю вбогому в поле носили,
Тем его душу пропитовали,
Больныя раны зализовали,
Лазарю пользу давали...“

(Калеки, I, 62.)

С чем сравни:

„Были у богатого а два лютые псы,
Да псы по подстóлию да и хаживали,
А урóнены мéлки крошечки собирáвали,
Ко убогому Лазарю принáшивали,
Да тем его душеньку и пропитавали,
Все скорби и болезни зализавали“.

(Ibid., 52.)

В первом месте всегда ходили, (всегда) носили имеют, повидимому, то же значение, что во втором хаживали, принашивали.

Прохати. Щигровский у., с. Россоховец: „Сизая галушка у сокола прощалась: Атпусти мінє, ясмен сокол на волю“ (свадебная); „У хатніх вікон підслухали“ (=*-ивали*) (Котляревский, 112).

В литературном языке можно бы ожидать только ходили, носили, в украинском стихе могло бы стоять: похожали, приношали, как, например, в следующем: „Казав його до келії взяти, казав слугам їсти доношати. Слуги сами все те пожирали, А йому теє, що псам, доношали“ (Метлинский, 360); между тем как „Велю старцю у келеньці жити, Велю старцю їстоньки носити“ (ibid., 359).

Под понятие постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием (NB. Małecki, Grammat. większa, § 750; Miklosich, IV, 847, 5; 279, 302, 791—794).

Об этом Буслаев выражается так: „Прошедшее многократное [а иногда и продолженное] употребляется... с отрицательною частицею *не*, для означения сильнейшего отрицания, преимущественно в языке древнем и народном; впрочем, попадается и у позднейших писателей“ (Буслаев, Граммат., II, 134, 135).

Означения сильнейшего отрицания (Буслаев, Граммат., II, 135; ср. Некрасов, О глаголе, 152, 153): „А сказывает семь лѣтъ пустоши косили, то, господине, лжетъ Кирило, а не кашивали, господине, тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣстъ“ (Акты, 5, 1485—1505 гг.). Подобно этому, вообще при чуткости к видам в отрицании действия или состояния обозначается глаголом степени следующей за тою, в какой стоит глагол в положении или положительном вопросе: Дал он тебе?—Не давал; Давал?—Не давывал; Был?—Не бывал; Пришел? Принес?—Не приходил. Не принóсил; Решил?—Не решал; Встал?—Не вставал. Лег? Сел? Разница между „не делал еще“ и „не сделал“. Вычистил?—Еще не чистил. Взошло солнце?—Не всходило.

„Іще сонце не зіходило, як до мене щось приходило“. Слышал?—Не слухал; Слыхал?—Не слыхивал; Видел?—Не видал; Видал?—Не видывал. Подобно этому и в украинском и в чешском: дав він тобі?—не давав; чув?—не чував; „Dej mně, bože, dej mně. Co mně míníš dati, jenom mně nedávej, K čemu nemám chuti“ (Mor. Nár. Písně, 420); „Matičko, já se vdám.—Nevdávé se ma dceruško“ (ibid., 422).

Даже без явственного отрицания, при отрицании прежнего действия, выраженном только предлогом: „Vydat' sa je vydat', Ale odvydávat', Nění to, můj bože, Chleba vyprožčjávat'“ (не так легко) (ibid., 426);

„Не нахаживал я такой красавицы,
Не видывал я эдакой пригожицы“.

(Киреевский, III, 23.)

„Молодехонек, зеленехонек:
Ты на больших боях не бывывал,
Страстей-ужастей ты не видывал".

(Ibid., III, 40).

„Ничего мы в поле не наезживали".

(Ibid., IV, 78.)

„Ездили мы... Ничего не поимавали".

(Ibid., 79.)

„Плавал Соколь корабль ровно тридцать лет
И на якори Соколь корабль не стаивал".

(Ibid., I, 22.)

„Оставлю вам гору золотую...
Не оставливай горы золотыя,
Не оставливай садов-виноградов,
Не оставливай яблонь кудрявых".

(Калеки, I, 2, 3.)

„Брат брата братцем не называвали,
Голодного не накармливали,
Жаждущего не напаивали,
Голого не надевывали,
Босого не обувывали,
Красную девицу из стыда не вывели,
Колодников-тюремщиков не навещивали,
Убогого в путь-дорожку не проваживали".

(Ibid., 51.)

„Сегодня я, братец мой, не пил не едал,
И хлеба я соли в рот не бирал".

(Ibid., 72.)

„Сколько мы по белу свету ни ха́живали,
Мы такого дурака не наха́живали!"

(Киреевский, I, 15.)

„Ездил во поле тридцать лет,
Экого чуда не наезживал".

(Ibid., 52.)

„Аль не езживал ты по тёмным лесам?
Аль не слыхивал пташьего посвисту?"

(Ibid., 36, 37.)

„Камзолец на мне во пять сот рублей...
А коня-то на базар я не вываживал".

(Ibid., 20.)

„Прошло тому времени да три году,
Не бывал Добрыня из чиста поля".

(Ibid., II, 32.)

„Не бывать вам, мо́лодцам, на святой Руси,
Не видать вам, мо́лодцам, князя Володимира
И не гу́ливать по ко́нным по плошшадам!"

(Ibid., II, 91.)

„Мимо его никакой человек не прохаживал, ни богатырь не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала" (Пам. стар. р. литер., 331).

Следует дополнить, что в этом случае употребительно не только прошедшее, но и повелительное, и безличная форма из вспомогательного глагола в 3-м лице (опускаемого в настоящем времени) и неопределен-

ного, из вспомогательного глагола и причастия страдательного (не слыхано, не видано) и даже простое неопределенное.

Здесь опять видим, как близко сходятся по значению глаголы 2-й и 3-й степеней и как в литературном языке, предпочитающем формы предыдущие последующим, нередко эти две степени формально не различаются.

Сравни „Не ѣдемь на конихъ,... ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи" (Лаврент. лет., 24), т. е. не пойдем, не поедем, — где отрицается действие конкретное, — с такими выражениями, как „не ходите, не ездьте" (вовсе не ходите, не ездьте, т. е. в течение долгого времени, или не ходите пешком, не ездьте верхом). Сравни: „Чи ти ч у л а, дівчинонько, як я тебе кликав" — с выражением, как „з роду, ніколи не чувала"; „не теперь я на ногах стала, Од старих людей приповісти такої не ч у в а л а, Щоб о Петрі бистриї ріки-озера з а м е р з а л и, Щоб об Різдві калина в лузі п р о ц в і т а л а, Щоб жовтий пісок на білому камені з і х о ж а в" (Куліш, I, 27); „Батько їх, кажуть, що хожував з Добашем, з рештою, чи ходив, чи не ходив, а сини славні раз мав: один кращий від другого" (Федькович); „[Книг] в руки не б и р а л и, а вторых [проповедников] не слыхивали" (Афанасьев, Журналы, 12); „Бывало ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на сучьях, которые худо гоняли за зайцами и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих" (из „Живописца" Новикова — ibid., 125); „Не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались, или бы людей на конюшне плетьми не секли" (ibid.); „Бысть скорбь и туга люта, якоже николиже н е б ы в а л а" (Ипат. лет., 132, 14); ср. „Бысть моръ въ конихъ... акъже н е б ы л ъ (Ипат. лет. — „якоже не былъ") николиже" (Лаврент. лет., 146, 30); „И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашю память не бывала николиже" (Ипат. лет., 134, 27); „Не погнѣтши пчелъ меду не ѣ д а т ь" (ibid., 171, 6); „Вида идеши на смерть, не х о д и" (Лаврент. лет., 75, 27); „Далъ ли еси тѣ свои земли... а ту еси грамоту даную далъ ли?... далъ есми... а... отецъ мой... тое земли не давывалъ, а язъ... у тое грамоты отца своего не бывалъ" (Акты, 2, 1479—1481 гг.); „Скажите въ божью правду, чьи то пустоши бывали, изъ старины куды тѣ пустоши тягивали" (ibid., 5, 1485—1505 гг.); „а сказываетъ, семь лѣтъ пустоши косили, то, господине, лжетъ Кирило, а не кашивали тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣстъ" (ibid.); „и судьи спросили Данила: д а в ы в а л ъ ли ты (когда-либо) въ мрѣ... пустоши... И Данила такъ рекъ: далъ есми" (ibid.); „билъ ли ты съ ними тотъ езъ и рыбу ловишъ ли съ ними вмѣстѣ? — Язъ, господине, съ ними того езу не бивалъ, а рыбы есми съ ними не лавливалъ" (ibid., 27, 1510 г.); „мы... животины съ поля къ себѣ въ деревню не заганивали и ихъ самихъ не бивали, и собаками не травливали и товарища ихъ до смерти не убивывали" (ibid., 32, 1525 г.); „Мы... силно лѣсу не сѣкали и деревни не отнимывали и Якуша не грабливали... и Гаврилко Якуша не наѣзживалъ и у него того Якуша не выбивывали" (ibid., 34); „Язъ брату своему не веливалъ своей половины продавати" (ibid., 41); „Отвѣчай: покрадчи еси отъ княини бѣгивалъ ли, и тое татбу имывал ли? — Язъ... покрадчи отъ княини отъ Анны бѣжалъ и тое татбу ималъ" (ibid., 49, 1547 г.)

Болгарское „Калéсай си (зови), Вълко, сичкѫ-тѫ роднйну, Ала не к а л é с в а й сéстрини си дѣцá" (Бессонов, I, 39). И дальше: „Калéсалъ ѥ Вълко сички-тѣ роднйни, А не ѥ к а л é с а л ъ (действие конкретное) сéстрини-си дѣцá" (ibid., 40); „Вýйче ни сѧ жéни нáзи не калéса" (а не „калесва") (ibid., 40); рéкохѫ, да га óбѣсьатъ... „Не дѣйте мѧ о б ѣ с в а... срѣдъ село-то... Амй мѧ кáрайте на бáштини ми ливáди... та мѧ тамъ обѣсѣте" (ibid., I, 93).

В Грамоте рижан к витебскому князю, 1300 г. (Акты р.-лив., № 49, 27): „ныне новую правду ставишь както есме не чювали отъ отчовъ, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ нашихъ“.

По аналогии с прочим следует думать, что чем дальше в древность, тем реже это свойство; но однако оно весьма древнее. Так, хотя и в современных наречиях еще можно встретить забудь, прибудь, в безразличном значении (забудь и забывай), но уже в послесловии Упиря Лихого (1047 г., Буслаев, Хрестом., 174) читаем: „здоровъ же княже, бѹди, въ вѣкъ жи(ви). но ѡба́че писавшаго не забꙑваи“.

В Прологе Иоанна-экзарха: „да никакоже, братьѧ, не зазпраите, аще къде ѡбрѧщете неистыи гл҃ъ“ (Калайдович, 131); „Онъ бьется, дерется целой день не пиваючи, не едаючи, ни на малой час отдыхаючи“ (Др. росс. стих., 258); „Повій вітре — прибудь милий. Як же мені повівати... прибувати“.

§ 8. К различению степеней

Глаголы мгновенные или однократные. Следует остерегаться смешения этой степени со степенью такого же названия у Павского. Мы не относим ко мгновенным глаголам глаголы совершенные, коих совершенность зависит от предлога и которые независимо от совершенности могут принадлежать к трем различным степеням длительности.

Спрашивается, следует ли отделить от однократных и глаголы совершенные беспредложные? Есть ли какая-либо разница между теми и другими? Павский разницы не находит, и в его пользу можно привести то обстоятельство, что при совершенных беспредложных никогда не бывает однократных на *-нуть* (Павский, III, § 28), что, напротив, есть случаи, когда форма с характером *-н-* вытесняет беспредложный совершенный глагол другого характера. Так, вместо русского совершенного реку, паду стоят в польском — rzeknę, padnę.

Однако сами по себе доказательства эти бессильны. Прежде всего не вполне верно, что при совершенных беспредложных (или, как Павский называет, однократных) не бывает мгновенных на *-нуть*: их нет при решить, кончить и др., но при ступить есть ступнуть, при скочить есть скокнуть (правописание скакнуть есть фонетическое, а не этимологическое: по-сербски скокнути), при стрелить — украинское стрельнути. Но положим, что замечание Павского верно. Мы различаем же однократные на *-н-* от начинательных с тем же характером, а между тем при начинательных на *-нуть* не бывает таких же однократных. Макну́ть однократный не при мо́кнуть, а при мака́ть.

Глаголы однократные с внешней стороны обозначаются характером *-н-*, с лексической — тем, что это глаголы движения внутри определенного пространства, света, звука. Они не образуются а) от глаголов движения, сопряженного с видимою переменою места: полз-, бег-, шалить, валить, блудить, волок-, стерег-, ид-, ед-, вез-, нес-, лез-, плыв-, бред-, шед-, гън- (а-); б) от начинательных (стану, сяду, лягу, сохну), в) от глаголов, в коих действие представляется вне связи с пространством (петь, говорить, думать, вязать, плести, писать). Писну́ть (комическое) переносит глагол писать в разряд таких, как дергать. Почему бы нельзя различать дать от мгновенных, несмотря на то, что при дать нет особой формы для мгновенности. Если только потому, что и дать и все мгновенные совершенны, то ведь совершенность глаголов не есть вообще доказательство их принадлежности к одному виду. Даже если в польском

rzeknę, padnę вытеснили и заменили формы *rzekę, padę*, то ведь и *władnę* вытеснило и заменило форму *władę* (*владж, власти*), но не стало от этого мгновенным. Мне кажется, следует обратить внимание на некоторые, впрочем, очень тонкие, различия между глаголами мгновенными и совершенными беспредложными.

Во-первых о глаголах с характером *-н-*. В славянско-литовский период характер *-н-* имел значение только начинательное. Мгновенность глаголов *-н-*, как замечено уже Павским, составляет особенность славянского языка. Она могла произойти только от начинательности; но переход от начинательных в мгновенные прекратился в весьма давнее время. Между тем как в древности, судя по архаическим явлениям в славянских наречиях, формально эти два разряда не различались (и одинаково могли не иметь характера во второй теме). Современный русский язык различает их таким образом, что начинательные могут иметь и форму $\frac{\text{-не-}}{\text{-нж-}}$ и форму $\frac{\text{-не-}}{\text{—}}$, мгновенные имеют форму $\frac{\text{-не-}}{\text{-нж-}}$ в таком большинстве случаев, что мы можем считать отношения мнимыми. Именные глаголы *стану—стать, дену—деть* могут считаться, несмотря на свою совершенность, не мгновенными, а начинательными — конкретно-длительными, как *стигну, постиг*. К этим двум, несмотря на постоянное *-н-* в характере, отнесем и *минуть—мануть*.

Во-вторых, от глаголов решительно мгновенных никогда не образуются глаголы 2-й и 3-й степени длительности; от глаголов совершенных беспредложных со включением *стать, деть, минуть* образуются, притом как будто эти глаголы были конкретно-длительные, несовершенные.

В-третьих, при глаголах мгновенных, хотя они и произошли некогда от начинательных, несовершенных, но никогда не встречается ни в современном, ни в прежнем, насколько он доступен наблюдению, глаголов *той же формы* со значением несовершенным; *дрогну́ть* (мгновенное от дрожать) отлично от первообразного *дро́гнуть*. Напротив, почти все беспредложные совершенные, частью только в древнем, частью и в современном языке, имеют не только значение совершенное, но и несовершенное, и в последнем случае, очевидно, отличаются по значению от мгновенных.

В-четвертых, обращаемся к непосредственному чутью разницы в значениях: представляем ли в *дам* ту же мгновенность действия, что в *крикну, свистну*? Или в *благословить, женить* ту же, что в *плюнуть*? Или в *ступнуть, скокнуть, стрельнуть* — ту же, что в *ступить, скочить, стрелить*? Мне кажется, нет. Я полагаю, следует отнести беспредложные совершенные к той степени, к которой они принадлежали будучи несовершенными, именно к 1-й конкретно-длительной. Степень эта ближе всех подходит к мгновенным глаголам, потому что означает наименьшее после мгновенности продолжение действия. Совершенность, совпавши с однократностью, распространилась без помощи предлога и на некоторые глаголы ближайшей степени и именно эта близость повела к отожествлению глаголов мгновенных

Глаголы не различающие степеней. Есть глаголы, вовсе не различающие степеней, по крайней мере в общелитературном языке, например *гудеть, шипеть* (но ср. *шуметь—пошумливать*), *рябить, сквозить, пустословить* (но ср. *благословлять*), *стараться* (но ср. в чешском).

Невеста, вышедши из бани:

„После моего *бываньа*, веку долгого
Раскатись-ко, бела парка баенка“.

(Рыбников, IV, 115.)

„После моего *бываньица*,
После моего *живаньица*,
Как поедете... приверните... к моим родителям“.

(Ibid., 118.)

„И *думывал* — *подумывал* калека перехожая:
Не дать Илье платьице, силой возьмет...“

(Ibid., III, 29.)

Формы более длительные, обыкновенно употребляемые только с предлогами (*вы-бирать* и т. п.) не вызваны к жизни присоединением предлога к относительно первообразной форме, так как существовали, а отчасти существуют и без предлога.

К различению 1-й степени от 2-й. Как глаголы *нести*, *вести*, *везти*, *брести*, *лезть* относятся к глаголам *носить*, *водить*, *возить*, *бродить*, *лазить*, так неправильно *ити*, *иду*, *шел* относить к глаголу другого корня *ходить*, а *ехать*, *еду* — к *ездить*. В украинском точно так же относится *гнати*, *жену* к *гонити*, *гоню*, которое, даже соединяясь с предлогом, в известных случаях удерживает несовершенность и явственно обнаруживает большую степень длительности; ср. *с жену*; но в русском различие в значении этих глаголов исчезает, так что в устах многих *гнать* заимствует первую тему от *гонить* и становится разноспрягаемым (*гнать*, *гоню*).

Без сомнения, некогда такое же отношение было между *ждать* и *годить*, но теперь украинское *годить* в значении *ждать* в украинском, сколько мне известно, не встречается,[1] а в русском не чувствуется разницы по степени длительности между *подожди* и *погоди*.

Во всех этих девяти парах глаголов 2-я степень обозначена характером $\frac{-и-}{-и-}$; в следующих 2-я степень имеет характер $\frac{-aje-}{-a-}$. 1-я степень $\frac{-e-}{—}$ *ползти*, *по́лзать* (в украинском *по́лзати* не встречалась, а есть *заповза́ти* = русскому *запалза́ть*), *плыть*, *плавать*, разноспрягаемое ср. *бігти*, *біжу*, *-иш*, *біжить*, русское *бежать* (тема *-ѣ-*) (*бегу*, *бегут*) (тема *-е-*), *бежишь* (тема *-и-*), 2-я степень *бегать*, *бігати*.

1-я степень с характером $\frac{-ѣ-}{-a-}$: *блестѣть* — *блистать*, *видѣть* — *видать*, *летѣть* — *летать*, *свистѣть* — *свистать*. Первая тема $\frac{-и-}{-a-}$ — *блудить* и заимствованное *блуждать*, *валить* — *валять*, *весить* — *вешать*, *катить* — *катать*, *ломить* — *ломать*, *мерить* — *мерять*, *ронить* — *ронять*, *садить* — *сажать*, *тащить* — *таскать*.

Приложить и *прилагать* старание; но в литературном *заложить* лошадь, стену и *закладывать* лошадей и пр. Однако в севернорусском „не *залагат* ли (*залагает*) он ступистоей лошадушки“. В украинском *положить* и „копиці *полагані*“ (покладені). Несовершенный *класть*, совершенный *положить*. Однако: „Приносила хоть [меня ты, матушка] в хоромное строеньице, не в большой угол меня да *полагала*, На кирпичну́ю знать печеньку *ложила*, И сосновую лучину подстилала, Тут великим бесчастьем награждала!“ (Барсов, 266).

---

[1] Есть *годить* (в значении угождать), но этот глагол — отыменный, а не отглагольный, и не предполагает *ждать*.

Различение глаголов 2-й и 3-й степеней. Выше было уже говорено о неудовлетворительности деления по степеням у Павского. Возвращаюсь еще раз к тому же предмету.

Павский верно замечает, что как имя с уменьшительным суффиксом не считается уменьшительным, если оно не употребительно без этого суффикса,[1] так и глаголы, например, бодать, читать, вязать, имеют по отношению к виду то же значение, что и их первообразные бости, честь, вязти, потому что эти последние неупотребительны, или малоупотребительны (Павский, § 21, примеч.). То же самое и в других славянских наречиях, а равно и в литовско-латышском. Так, например, в польском skrobać, grzebać не имеют при себе первообразных, а потому равняются по значению не русским скребать, гребать, при коих есть русские первообразные, а именно этим последним (скрести, грести). Так, сербское спа́вати, спâвам, для тех, кому спâти—спӥм — архаично или уже не известно, значит отнюдь не то, что сыпа̀ть, польское sypiać, а то что спать.[2] Было, однако, время, когда глаголы вязать и т. п., существуя рядом с вязти и т. п., по отношению к этим последним означали бо́льшую степень длительности. По нашей терминологии вязать с 2-й степени переведено в 1-ю; по ошибочному взгляду Павского — с 3-й степени (многократные дальние) на 2-ю (многократные неопределенные).

Спрашивается: как смотрит язык на глаголы производные, при коих первообразные сохранились, но получили значение совершенных? Другими словами: считает ли язык совершенность за степень по отношению к степеням длительности?

Павский, как мы видели, считает однократность [т. е. собственную однократность (=„мгновенность“)] и совершенность (=„окончательность“) за степень длительности, притом за 1-ю. Согласно с этим, говоря об образовании глаголов посредством характера *-а-*, он установляет правило: глагол, образованный посредством *-а-* от глагола 1-й степени (т. е. однократного и совершенного), принадлежит ко 2-й степени, а образованный от глагола 2-й степени — к 3-й (Павский, III, § 21).

Я полагаю, что считать однократность, как понимает ее Павский, т. е. со включением совершенности, за степень длительности, ошибочно, и основываю свое мнение на следующем:

1) Собственная однократность (глагол с характером *-н-*) действительно есть степень длительности, но только не 1-я, а производная. Производить, как это делает Павский (§ 21, стр. 56), глаголы кидать, кивать, зевать, лизать (по Павскому — глаголы 2-й степени, т. е. неопределенные многократные) от глаголов однократных (по Павскому 1-й степени) кинуть, кивнуть, зевнуть, лизнуть есть hysteron proteron, о чем см. выше. В том, очень редком, случае, когда глагол на *-а-* действительно предполагает глагол на *-н-*, как в украинском минати от ми-ну-ти, в коем характерная согласная принята за коренную [Павский ошибочно думает, что корень глагола минуть есть мин- (III, § 19)], глагол производный имеет по отношению к степени длительности совершенно такое значение, как и те производные, при коих стоят первообразные длительные: летать, скакать и т. п.

Однократность составляет степе́нь длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого. Для

---

[1] Явление — свойственное многим языкам. Без этой забывчивости языка было бы необъяснимо накопление в одном и том же слоге синонимичных или даже тождественных суффиксов без заметного изменения значения слова.

[2] Так, в латышском глагол dīrāt — schinden есть глагол простой или первообразный по значению, потому что более первообразный по форме (Bielenstein, Sprache, I, 381).

меня очевидно, что однократность и совершенность понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны.

2) Что глаголы, коих совершенность зависит от предлога, не суть однократные (походи́ть — совершенный), это не требует доказательств.

3) За выделением мгновенных или собственно многократных и совершенных предложных, в 1-й степени Павского остаются глаголы беспредложные совершенные, от коих не только по мнению Павского, но и в самом деле производятся глаголы с характером *-а-*, как падать от пасть. Вопрос в том, точно ли значение этих производных на *-а-* предполагает совершенность их первообразов? Если так, то значение таких производных должно быть отлично от значения тех, при коих стоят первообразные несовершенные. Такого различия, принимаемого Павским, я не замечаю.

Бывать, по Павскому, есть глагол неопределенно-многократный, степени 2-й (т. е. одной и той же степени с знать, звать, рвать и т. п. что́, очевидно, ложно), а живать — по Павскому — есть глагол 3-й степени (дальний многократный). Но на самом деле различия в формальном значении нет между живать и бывать; это глаголы одной степени, с чем согласился бы и Павский, если б обратил внимание, что быть, был, бывший, а равно и формы, образованные от другой темы, будь, будучи, вовсе не совершенны, что совершенна в этом глаголе только форма настоящего буду. Таким образом, как жить — быть, так живать — бывать.

Ставать, по Павскому, глагол 2-й степени, потому что производится от глагола 1-й степени (совершенного) стать, а знавать — 3-й степени, потому что произведено от глагола 2-й степени (несовершенного, по Павскому якобы неопределенно-многократного) знать; но по отношению к степени длительности эти глаголы равны. Равенство их между собою нисколько не нарушается тем, что ставать (без предлога) не обычно в русском, где оно заменяется синонимом становиться (украинское становитись), а знавать — наоборот. И по сложении с предлогами глаголы эти равны друг другу: украинское (*на-, при-, за-, до-*) - ставати, русское (*на-, при-, за-, до-, у-*) - ставать принадлежат к одной степени с украинским (*пі-, за-, при-*) - знавати, русским (*у-, по-, при-*) - знавать, между тем как, по мнению Павского, от присоединения предлога глагол ставать переходит со 2-й степени на 1-ю, а знавать — с 3-й степени на 2-ю.

Разница между украинским ставати и знавати действительно есть, но не в длительности, а в том, что в первом из них есть оттенок начинательности, перешедший от первообразного стану, стать, а во втором нет. Чтобы устранить и эту разницу, мы сравним ставати с начинательными -сыха-, -мока-. Первый этот глагол, как сказано, по Павскому, 2-й степени, а второй — 3-й; предложные от ставать по Павскому должны быть 1-й степени, а предложные от сыхать — 2-й, между тем как мы не видим разницы относительно степени между уставать и засыхать и т. п. Корни лег и сед, говорит Павский, „вопреки общему закону, с первой степени [сесть, лечь — глагол совершенный *А. П.*] при помощи *а* переступают сряду [сразу. *А. П.*] на последнюю. Им подражает и корень рек. *Легать, седать, рекать* принадлежат к 3-й степени. Для первых двух глаголов есть особая средняя степень: *лежать, сидеть*" (§ 21, 2). Причины перехода рек прямо в 3-ю степень Павский не указывает; но и объяснение такого же явления в двух глаголах неудовлетво-

рительно. Выше было замечено, что начинательность первообразных удерживается и в производных. Седать, легать, без предлога не употребительные в русском, но обычные в украинском (сідати, лягати; последнее вместо основной формы лѣгати, с я=ѧ, взятым из 1-й темы лѧже), — такие же начинательные, как и первообразные сесть, лечь; между тем сидеть, лежать (украинский седіти=сидіти, лежати) вовсе не начинательны и потому не могут быть поставлены в ряд с лечи — легати, сести — седати и служат для этих форм среднею степенью. Точно так стояти принадлежит к особому порядку форм сравнительно с начинательным стати — ставати. Признавая объяснение перехода глаголов сесть, лечь прямо на 3-ю степень ошибочным, я отрицаю и самый факт этого перехода, так как седати, легати принадлежат к той же степени, как и ставать, которое Павский относит ко 2-й.

Глагол рекать (основная форма рѣкать с усилением *е* в *ѣ*, чешское říkati) неупотребителен без предлога ни в одном из русских наречий, но по степени длительности как без предлога (в чешском), так и с предлогом (в русском, сербском, польском, чешском) относится к той же степени, к которой ставать (у Павского 2-й степени) и знавать (у Павского 3-й) и метать (по Павскому должны быть 3-й степени, так как мести — 2-й).

Нет надобности повторять одно и то же порознь о каждом из производных глаголов на *-а-*, относимых Павским ко 2-й степени на том основании, что их первообразные совершенны. Довольно сказать, что, на мой взгляд, они ничем не отличаются от тех производных, коих первообразные несовершенны. Сравни падать (у Павского 2-й степени) с бегать (у Павского тоже 2-й степени, глагол многократный разнообразный, но должно бы быть 3-й, если бы Павский ошибочно не соединял эти глаголы в одну степень с многократным однообразным как бежать. См. об этом при разборе деления по степеням); давать (2-й степени, сравни с знавáть (3-й степени); девать (например, „некуда девать“ — 2-й степени) — с бывать („негде бывать“) (по Павскому тоже 2-й степени, но должен быть 3-й, о чем см. выше под бывать); глаголы (по Павскому 2-й степени), образованные от имеющих теперь значение совершенности с характером *-а-* [благословля-, броса-, верша-, вороча-, конча-, куса-, мина-, пленя-, проща-, пуща- (пуска-), рожа-, реша-, скака-, ступа-, хвата-, явля-], сравни с такими, как ронять, ломать, коих первообразные несовершенны и кои, по Павскому, относятся к 3-й степени.

Из всего этого заключаю, что значение производных на *-а-* (большей степени длительности), имеющих при себе первообразные совершенные, вовсе не предполагает совершенности, а вытекает из значения, не имеющего ничего общего с совершенностью и предшествующего ей. Давать образовано от дать в то время, когда последнее еще не было совершенным, так что совершенность глагола дать (и всякого первообразного) не есть степень длительности по отношению к давать.

II. ВРЕМЕНА

§ 9. Есть ли времена в русском языке?

Некрасов в своем сочинении о глаголе и в статье „Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики“ (ЖМНП, 1869, IX) отвечает отрицательно.

Некрасов (О глаголе, 133) говорит: „что, во 1-х, русскому глаголу не свойственны формы временные, что русский язык осмыслил время

как нечто постороннее для действия, как внешнее (в отношении к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие; что, во 2-х, формами русского глагола в этом случае выражается не время, а нечто другое..., что, в 3-х, приставка предлога ровно ничего не значит для времени".

„Все глаголы в языке точно так же не различают по форме настоящего времени от будущего, как и глаголы велю, женю, казню" (ibid., 134).

Своими словами „замена настоящего времени будущим и наоборот будущего настоящим объясняется тем, что язык в этом случае отличает не времена, а виды" (Граммат., § 184), Буслаев дал повод Некрасову создать учение об отсутствии категории времени в русском глаголе. Но самый факт, указанный Буслаевым в этих словах, не существует. Будущее совершенное (ибо о нем здесь речь) никогда не заменяет настоящего, и наоборот. О самых фактах древнерусского языка, подавших повод к подобному утверждению, было говорено выше; о явлениях современного языка, заставляющих Некрасова думать, что форма, называемая будущим, вовсе не выражает времени, будет сказано ниже. Теперь же я спрошу, возможна ли вообще замена одной формы другою, будущего настоящим и т. п.? Мы видим, что язык роняет известные категории и создает другие, и говорим, что последние заменили первые, подобно тому, как можем сказать, когда на ржище вырастает трава, что трава заменяет рожь. Это обычно не замена, а смена. Но каким образом при существовании двух грамматических категорий (форм, рассматриваемых со стороны значения, а не в совокупности своих составных частей: звука, представления и значения) одна может заменять другую? Это невозможно, если признаем, что речь находится в зависимости от своих психологических условий. Каждая форма на своем месте. Каждая соответствует определенным требованиям мысли говорящего, разумеется, если предположить в нем знание своего языка, так как об ошибочном употреблении форм здесь говорить нечего. Слушая его речь, мы можем судить о ней так и сяк: мог-де употребить будущее вместо настоящего. Такое рассуждение ошибочно: мог, да не употребил, потому что не мог. Задачи же грамматики — найти психологические условия употребления формы, или проще: точно определить ее значение. Весьма часто разграничить формы может оказаться невозможным: тогда как не скажем, что найти различия между такими-то формами мы не можем. Но сказать этого о русском будущем глаголе совершенном — настоящем, кажется, нельзя.

„Язык... [заменяя настоящее будущим и обратно] отличает не времена, а виды". Возможно ли? Если так, то действительно времен в русском языке нет. Но нет: вид, как совершенный и несовершенный, — понятие общее, под которое подходят все формы, составляющие спряжение; а если к виду отнести и степень длительности, то он распространится и на формы, обыкновенно к спряжению не относимые, например на отглагольные — *тель*: писатель, записыватель. Разве различие общих категорий освобождает язык от различных частных? Глагол совершенный не имеет настоящего времени: значит ли это, что мы встану и стою, становлюсь не различим ничего больше, кроме совершенности и несовершенности степеней длительности? Если бы так, то мы бы не различали и стану от стал, потому что обе эти формы одного вида.

В индоевропейских языках, говорит Некрасов в своей статье (ЖМНП, 1869, IX, 45, 46), „существуют формы двоякого рода: *этимологические* и *синтаксические*... Значение того отношения..., которое выра-

жается формою описательною или *синтаксическою*, узнается единственно по смыслу, содержащемуся в соединении слов между собою в речи, а также и зависящему от употребления. Точно то же следует сказать о тех случаях, в которых для выражения отношения, например, действия по времени, язык не выработал ни этимологической, ни синтаксической формы, т. е., что это отношение узнается единственно *по смыслу* в речи". Отсюда явствует:

1) Что, по мнению Некрасова, значение этимологической формы узнается не по смыслу ее в речи, а непосредственно по самой этой форме, вырванной из связной речи, независимо от употребления.

2) Что между описательною или (по терминологии) синтаксическою формою и отсутствием формы в языке — нет разницы, ибо отношение в разных случаях узнается единственно по смыслу в связной речи и зависит единственно от употребления.

На первое утверждение следует ответить утверждением противоположным. Ни реальное, ни формальное значение слова не могут существовать сами по себе. Язык во всем без исключения символичен. Никогда значение слова с тех пор, как слово стало словом, не было равно его внутренней форме, т. е. тому признаку, которым обозначено значение. Всегда отношение символа к обозначаемому определяется не чем иным, как употреблением в связной речи. Путь, которым мысль дошла до сообщения слову такого-то определенного значения, может быть забыт, но это не имеет никакого влияния на определение приемов, которыми слово доходит до значения. Нам только кажется, что слово волк само по себе непосредственно означает известное хищное животное, но на самом деле это значение появилось только потому, что слово это заключает в себе представление резания или разрыванья, отнесенное к таким-то грамматическим категориям (именно мужской род в именительном единственном). Само по себе это представление есть значение, условленное несколькими другими представлениями, и так далее — вверх до неисследимого для нас в частностях начала слова. Что заставило представление разрыванья отнести именно к животному lupus, тогда как есть множество других предметов, которые могли бы быть названы по тому же признаку? Сила, которую мы, отвлекаясь от возможности разложить ее на составные части, называем употреблением и которая сказывается только в действительной жизни языка, т. е. в связной речи. Почему scripturus sum имеет значение будущего с оттенком намерения, желания: намерен писать, mam pisać, ich bin im Begriff zu schreiben? Почему сербское писаħу, писаħу хотя и не всегда, но весьма часто совершенно теряет оттенок „хочу, имею намерение писать" и обозначает просто будущее объективное?

Почему санскритское dātāsmi есть будущее время? Есть ли в этой форме что-нибудь такое, что указывает на будущее время? Что же ее сделало будущим, как не та сила, называемая употреблением, которая всегда создает из данных материалов нечто большее того, что в них заключено. Значение этой формы определяется только употреблением и узнается только из него. В этом отношении между нею и соответствующею энклитическою формою daturus sum нет никакой разницы. Различие между синтетическими (по Некрасову — этимологическими) и энклитическими (по Некрасову — синтаксическими) формами устанавливается Некрасовым совершенно произвольно. Единственная общая разница между ними состоит в том, что первые составляют звуковое единство. В частности, между формами, какие бы они ни были, энклитические или синтетические, существует всегда разница значения, и создание новой формы есть всегда создание новой грамматической кате-

гории, что и следует иметь в виду, говоря о замене одних форм другими.

Значение форм, определяемое употреблением и узнаваемое из него же, существует в самом языке, а не вне его. Это составляет отличие существования форм в языке от того случая, когда формальные оттенки мысли вносятся со стороны. Так, например, для немецкого языка совершенно безразлично то обстоятельство, что при переводе с немецкого на русский мы не колеблясь ставим на месте одной и той же немецкой формы führt одну из нескольких соответственных русских: ведет, водит, провожает, проваживает. Тот смысл фразы, которым мы руководствуемся при этом, внесен в нее русскими переводчиками, требуется русским языком, в немецком же вовсе не существует.

Случай этот не имеет ничего общего с многознаменательностью формы в одном и том же языке. Это последнее явление вполне аналогично с тем, когда слово, понимаемое в смысле звуковой единицы (т. е. отвлекаясь от значения), имеет много реальных значений. Звук баба значит у нас, как известно, anus, obsetrix, fistuca, pelicanus, род сдобного хлеба и многое другое. Спрашивается, существуют ли все эти значения в языке, или это только нам кажется? Сознаем ли мы различие между женщиною, сваею, птицею, хлебом при помощи нашего языка, или это различение нашему языку чуждо, а вносится в наше понимание извне? Мало того, что мы сознаем различие этих значений, но, строго говоря, для каждого из этих значений мы имеем особое слово.

В словарях принято, для сбережения времени и места, под одним звуковым комплексом перечислять все его значения. Обычай такой необходим, но он не должен порождать мнения, что слово может иметь несколько значений. Омоним есть фикция, основанная на том, что за имя (в смысле слова) принято не действительное слово, а только звук. Действительное слово живет не в словаре или грамматике, где оно хранится только в виде препарата, а в речи, как оно каждый раз произносится, причем оно каждый раз состоит из звуков единственного и одного значения (Steinthal в Zeitschrift, I, 425—428). Связью между звуком и значением служит первоначально представление; но с течением времени оно может забыться. Отношение между словами однозвучными, если однозвучность их не есть только случайная или мнимая, всегда бывает таково: а) представление, первоначально связанное со звуком, может в разное время стать средством сознания различных значений; б) каждое из этих значений может, в свою очередь, стать представлением других значений. Положим, в слове зелье представляется растение чем-то зеленым; значит растение служит затем представлением лекарства, лекарством представляется снадобье вообще, снадобьем представляется порох. Все эти значения растения — лекарство, снадобье, порох — составляют не одно слово, а четыре. При появлении каждого из этих значений создается новое слово, хотя звук первого слова может и при всех последующих оставаться неизменным. Нелепо думать, что люди, называющие порох зельем, представляют его себе зеленым или не сознают различия между растением и порохом. Рассуждая таким же образом, мы приходим к заключению, что омонимия форм есть тоже грамматическая фикция. Каждая форма первоначально имеет одно значение. Когда это значение может стать представлением другого, то вместе с тем создается новая форма. Если при этом первое значение не потеряно, то мы имеем в языке две формы с различными значениями. Этот случай, постоянно повторяющийся во всех формальных языках, следует отличать от того, когда в языке

вовсе нет известных форм. Два дела разные: в языке имеются две однозвучные формы — одна для настоящего, другая для будущего; и в языке нет форм ни для того ни для другого. В первом случае сам язык доходит до сознания различия времен таким же образом, как вышеприведенный пример — различие значения звуков „зелье“; во втором случае различие времени настоящего и будущего (если оно не обозначено иначе) может быть внесено в значение речи не из нее самой, а с посторонней точки (например, точки зрения чужого языка), на которой язык не стоит.

Некрасов этих случаев не различает. Для него отсутствие специальных звуковых указаний на значение формы и совмещение в одном звуковом комплексе нескольких формальных значений служит доказательством отсутствия в языке форм как для настоящего, так и для будущего.

Буду теперь употребляется в русском языке с значением будущего времени; на каком основании? В форме буду язык не отметил ни одним звуком отношения действия к какому-либо времени, тем менее к будущему. Форме буду вполне соответствует форма другого глагола иду. Почему же первая имеет значение будущего времени, а последняя — настоящего? Что форма сама по себе, как форма этимологическая, не выражает определенного отношения ко времени, видно из того, что в древнерусском языке она употреблялась также и с значением настоящего времени. Здесь мысли по Срезневскому (Мысли, 80) и Лавровскому (Лавровский, 90). В последнем сочинении такое значение буду подтверждается нынешним значением деепричастия будучи и соответственно этому употреблением в старинном языке причастий, например „черньцемъ будя“ (Новгор. IV лет., 39); „князю... не будущю въ Новѣгородѣ“ (Новгор. I лет., 67; в Академ. списке — сущю). Некрасов в дополнение к этому сам нашел в Ипат. лет. под 1185 г. „будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ (=е) мужь“ и пр., где, по мнению Некрасова, *будущю* имеет значение *прошедшего* времени (когда находился...) „ибо выше сказано: «Игорь же.. *бяшеть* вь Половцехъ»“.[1]

„Итак, если форма буду могла иметь значение и будущего и настоящего времени, то очевидно, что сама по себе она не выражает никакого определенного отношения ко времени, другими словами, она не есть форма времени“, (Некрасов, 46, 47).

В ответ на это объяснение замечу: русская форма настоящего времени есть вместе с тем общеиндоевропейская. В ней нет материального указания на настоящее время и потому покамест позволительно, если это кому-либо нужно, считать ее формальное значение произвольным, но непозволительно считать это отношение сомнительным и не ясным, ибо форма эта, образуясь от первой темы глагола и тем самым отличаясь от времени второй темы, строением своим отличается и от остальных форм первой темы и искони имела значение настоящего изъявительного наклонения, значение которого, кроме нее, не имела ни одна личная форма.

К этому общему наследию славянский язык прибавил новые кате-

[1] Некрасов вообще думает, что если говорится о прошедшем событии, то должно быть употреблено и прошедшее время; но язык понимает время иначе и, изображая ряд прошедших событий, может вместить в это изображение все свои времена. Во втором примере будущю есть такое же причастие настоящего, как и в первом, и перевод „когда был“ не передает его смысла; ближе было бы, если бы это было согласно с обычаем литературного языка, перевести „будучи князь в половцах (деепричастие настоящего времени) — нашелся“.

гории несовершенности и совершенности, существенно видоизменившие его строй. Во время полного водворения этих категорий между ними распределялись все глаголы. При этом настоящее несовершенных, говоря приблизительно, осталось, каким было; настоящее же совершенных послужило средством или представлением нового значения к апперцепции новой грамматической категории будущего совершенного. Таким образом, славянский язык не потерял прежнюю категорию настоящего, а создал новую. Для этой новой нет никакого особого, ей исключительно присвоенного, знака, как нет его и для более общей категории совершенности; но она столь же ясно сознается языком, как в вышеприведенном примере новое слово (т. е. новое значение) „зелье" — порох, при прежних словах с тем же звуком. В современном языке глагол совершенный большею частью и внешним видом отличен от несовершенного: стану есть только совершенный глагол, только будущее время и нет возможности смешать его со стою, становлюсь; напишу (совершенный) отличается от пишу (несовершенный); случаи же омонимии глаголов совершенных и несовершенных должны быть понимаемы так, как и всякая омонимия. Рожу, каждый раз как употребляется, есть или глагол несовершенный с настоящим или совершенный с будущим. В современном языке он ни тем, ни другим — безразличием того и другого — быть не может. Что такое значит требовать, чтобы мы определяли грамматический смысл этого слова самого по себе? Я полагаю, это может значить только одно: чтобы мы отвлекали его от его значения; но слово или форма без значения не есть ни слово, ни форма. Фонетика знает такие отвлечения, но этимология так не поступает. Она не игнорирует значения слова, а отыскивает представление этого значения. Представление без представляемого не мыслимо. Поэтому напрасно думать, что рассматривая ро́жу „само по себе", мы рассматриваем его этимологически; напротив, мы в таком случае ничего не видим, кроме звука, который слова не составляет.

Слово и форма есть непременно совокупность звука и значения, поэтому не точны выражения, как „форма настоящего времени имеет значение настоящего или будущего времени, смотря по виду, в котором глагол употребляется" (Буслаев, Граммат., § 89). Форма настоящего не может иметь никакого значения, кроме настоящего; получая значение будущего, она становится формою будущего, но подобных неточностей избежать совершенно невозможно. Они безвредны, если знаем, как их понимать. Поэтому и я буду называть формой настоящего времени ту, которую так принято называть.

И продолженные (по нашей терминологии — несовершенные) и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное.

Вышеприведенный способ рассуждения применяется Некрасовым и к описательным формам будущего времени. „В современном русском языке мы употребляем вспомогательный глагол *буду* с существительною формою глагола (т. е. с неопределенною. *А. П.*). Спрашивается: какою же этимологическою формой обозначается здесь будущее время? Личные формы: *буду*..., *хочу*..., *начну*..., *имею*, *иму*... не имеют ни одного звука, обозначающего будущее время. Все они как в древнем, так и в новом русском языке употребляются с значением настоящего времени, особенно глаголы *хочу* и *имею*.[1] Существительная же форма

[1] Если все, то зачем же „особенно" такие-то. На самом деле буду, начьну, иму предполагают значение настоящего времени, но как вспомогательные уже в древнем русском языке суть будущие (*А. П.*).

спрягаемого глагола не имеет времени. Почему же описательные формы: *хочу итти* и т. п. получили в языке значение будущего времени?“ Далее говорится, что в сербском и украинском вспомогательные *хоћу* и *иму* обращаются в суффиксы для образования будущего времени. „Здесь мы видим процесс образования этимологической формы будущего времени из формы синтаксической, описательной, которая в своем полном виде первоначально получила значение будущего времени единственно *по смыслу* своего употребления в речи.[1] Но в формах русского глагола, какими они являются в настоящее время, мы не видим ничего подобного. Напротив того, замечаем, что русский язык не только не заботится об образовании какой-либо этимологической формы для обозначения времени, но даже отказывается и от тех, которые ему принадлежали несомненно, и притом отказывается более, чем другие родственные славянские языки. Так, например, и польский и чешский языки, более других славянских языков утратившие древние формы прошедших простых времен, удержали, хотя в значении условном, формы: *bych, bys, bychom, byste*;[2] русский же язык отказался и от этих форм, оставшись при одной форме *бы*, получившей значение союза“ (Некрасов, 49—50).

Вопрос, почему описательные формы будущего получили этот свой смысл, совершенно законен; но какой бы ни выпал на него ответ, во всяком случае, если не доводить самого вопроса до абсурда, он подтвердит, что этот смысл есть. Нынешний литературный русский язык имеет описательную форму будущего несовершенного, т. е. имеет категории этого времени. То обстоятельство, что он не сливает вспомогательного глагола в одну звуковую единицу с неопределенным, имеет лишь второстепенную важность.

В сочинении „О значении форм русского глагола“ Некрасов говорит (стр. 125, 126): „...русский глагол не имеет ни одной формы для обозначения времени“. Под формою здесь разумеется звуковая форма. Но и со стороны своего значения эта внешняя форма не имеет отношения ко времени. Грамматика учит, что „форма настоящего времени получает значение будущего, если глагол употреблен в виде однократном и совершенном“. Но грамматика (т. е. предшественники Некрасова) питается „крохами одной лишь так называемой образованной речи наших писателей“ (ibid., 127), (что за благородно демократическое презрение!), а Некрасов учится „распознавать гений родного языка из него самого во всем его объеме“ (ibid.) и, пользуясь этим источником, учит нас, что „по смыслу речи“ (ibid.) [это. *Ред.*] вовсе не суть формы времени, потому что имеют значение и прошедшего и настоящего.

Такое мнение объясняется тем, как понимает смысл речи Некрасов, а ни в каком случае не содержанием слова, языка.

Посредством языка человек доводит до своего сознания или, другими словами, представляет себе содержание своей мысли. Язык имеет свое содержание, но оно есть только форма другого содержания, которое можно назвать лично-объективным на том основании, что хотя в действительности оно составляет принадлежность только лица и в каждом лице различно, но самым лицом принимается за нечто, существующее вне его. Это лично-объективное содержание стоит

---

[1] Справедливо, что хоћу с неопределенным прежде стало одною формою, т. е. потеряло реальное значение, чем сократилось в ћу. Разница между хоћу в формальном значении и ћу так тонка, что уловить ее трудно: „Ратари се зачуде и реку му, како ће он појести, толико јело... Он опет рече, да хоће“ (Караџић, Припов. 1853, 2) (*А. П.*).

[2] Это — формы чешские; в польском литературном точно таких нет.

вне языка. Так, например, мы можем думать, что время бывает троякое по отношению к тому мгновению, когда думаем или говорим: настоящее, прошедшее и будущее, и что сообразно с этим события настоящие, прошедшие и будущие — такими и должны изображаться. Но языку, как живописцу, вольно и „Пятницу на коне написать".

Событие еще не совершившееся по мнению самого говорящего лица, язык может представить не только будущим, но и прошедшим, прошедшее — настоящим и будущим. Так, между прочим, сербский язык, которому даже с точки зрения Некрасова нельзя отказать в формах для выражения времени, потому что в нем есть, между прочим, аорист и преходящее, любит в известных случаях будущее событие выражать аористом: „останите овђе... а ја пођох". Что в таких случаях есть содержание языка, а что — относительно объективная мысль? Содержание языка здесь имеет категорию известного оттенка прошедшего (аориста) — объективная мысль есть будущее; первая есть форма, второе — содержание, но не языка, а мысли. Но Некрасов, если бы захотел быть последовательным, должен бы был сказать, что в сербском п о ђ о х есть не прошедшее, а так как в других случаях эти звуки обозначают и прошедшее, то, значит, он вовсе ко времени не относится.

Буслаев, Граммат., § 184 (изд. 3-е): „И продолженные и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное". Однако настоящее время глаголов совершенных в русском и вообще в славянском понятие немыслимое, такое настоящее не есть настоящее, а будущее совершенное, представленное посредством настоящего. Самое представление, как и в бесчисленном множестве других случаев, вышло из сознания. Приводимые соображения заставляют проф. Буслаева прибавить: „с о б с т в е н н о (т. е. в тесном смысле. *А. П.*) настоящим время бывает только продолженное"; однако дальше говорится: „совершенное же и однократное употребляются для означения или настоящего или будущего". Или — или? Значит, совершенный глагол все-таки может иметь настоящее? Значит, „продаст" и в нынешнем литературном языке иной раз есть не будущее совершенное, а настоящее? Это, смею думать, ошибка, повод к которой подает сам славянский язык (именно однозвучностью форм настоящего и будущего совершенного глагола) и которую проф. Буслаев разделяет со мнением других исследователей. Например, у Вебера (Weber, 93) читаем: „н а с т о я щ е е глаголов совершенных и н о г д а стоит вместо будущего".

Внутренняя форма будущего совершенного есть в русском языке исключительно, а в сербском между прочим — настоящее глаголов совершенных. Другими словами в этих языках будущее представляют настоящим: это будущее первоначально было содержанием личной мысли, потом в свою очередь стало формою нового содержания, — стало содержанием языка, т. е. представлением.

Задача грамматики — показать, что́ (т. е. какое относительно-объективное, личное содержание) представляется посредством этого представления?

Представляется этою формою в русском языке следующее:

1. Д е й с т в и т е л ь н о б у д у щ е е: завтра п о й д у; если п о й д у, то... Здесь русский язык нисколько не отличается от польского и чешского, но несколько отличен, как увидим, от сербского.

2. Середину между будущим совершенным в значении объективного будущего и будущего современной обычности занимает б у д у щ е е с о в е р ш е н н о е с отрицанием (не, украинское не — ані) с оттенком: не смогу сделать, не в состоянии сделать то-то: „я с тобою не справлюсь",

значит не только „не буду в состоянии“, но и „теперь не в состоянии с тобою справиться“. Так, украинское „я із ним не зійду“: „хотілось би на його подивитись, дак вії замигтять, замигтять, і не зглягну“ (Основа, 1861, VI, 20);

„Івася вдовиченка у трупу тіло знаходили.
Вже-ж він і очима не гляне,
І руками не здиме,
І ногами не пійде,
Тільки стиха словами промовляє“.
(Метлинский, 422.)

„Ой як повернеться та пан Перебійніс на правую руку
Й аж не вискочить його кінь вороненький із ляшського трупу“.
(Ibid., 402.)

„А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевельнится,
Й на буйной голове кудри не тряхнутся“.
(Др. росс. стих., 75.)

„Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною,—
Качается старец, не шевельнется“.
(Ibid., 81.)

„(Сокол)... з лісом говорить:
Ой лісу, лісу, чом ти не шумиш, чого тих стоїш?
Через тебе лену — крильцем не тену,
Крильцем не тену — пирцем не рухну“.
(Сборн. Сев.-зап. кр., I, 87.)

„Під тобою, селезень, вода не схитнеться;
Із тобою, козаченьку, нічка не змигнеться“.

О примере: „Бил Васька детину в буйну голову:
Стоит детина не ворохнется“,

Некрасов (О глаголе, 126) говорит, что форма не ворохнется и т. п. „по грамматике должна иметь значение будущего“, но „очевидно... не имеет... будущего значения“. Этим путем Некрасов думает довести так называемую им „грамматику“ до абсурда. Но и здесь вопрос в том, что такое в рассматриваемых случаях содержание мысли, а что ее образ, символ или представление, т. е. содержание языка. Последнее есть будущее совершенное.

„А болѣзнь была такова: прежде яко рогатина ударитъ за лапатьку, или про[ти]ву сердца, подъ груди и промежду крилъ, и разболится, кто почнеть кровію хракати, и огнь разжеть, по семъ потъ, потомь дрожь иметь и по всѣмъ суставомъ походить въ человѣци недугъ той естественый...“ (Новгор. II лет., 135); „ꙗ да и҆ и҆ноу прит҆чоу приложоу к҆ семоу: ꙗ҆к же и҆ дымъ ѿ дрѣва и҆ ѿ ѡ҆гнѣ възидетъ горѣ рѣдькъ и҆ слабъ. таче ꙗ҆ко възидетъ на высость. а҆кы҆ ѡ҆блакъ се сътьнетъ[1] и҆ оу҆дебелитъ“ (Шестоднев, 34). Теперь обычность — глаголами совершенными; но чем древнее памятник, тем возможнее, что это настоя-

---

[1] Украинское „зуби стяти“.

щее время глаголов еще несовершенных: „нъ и тоу самѡ морскоую водоу видѣти ѥсть. [как испарение превращается в сладкую] ѥгда ю възвареть плавающе и по мороу. и надъ въспарениѥмъ тѣмь гоубоу дръжеще, събероутъ водоу, ижимающе по бѣдѣ. и пиютъ ю ѡслад'чавьшоу въскоурениѥмь“ (ibid., 91). „Днь творимъ. прсиѥниѥмъ слнечнаго свѣта. таче, ѥгда прѣтечеть, яко же ѥмоу ѡлоучена ѥсть мѣра. ти доидеть. выше земнаго полоукон'ца. и... работоу сконьчаѥть. то тъгда пакы. акы рабь приязнивыи. и повелѣниа непрѣстоупаѥ. и своѥвольствомь съвлачит се. съ своѥѥ воле и славы. и мьн'шю тѹ клеврѣтоу старѣишиньство даѥтъ прѣпоущаѥ, самъ въ невидымыихъ мѣстѣхъ. и бесславнъıхъ съкръıвь се доньдеже оуставьныи годъ ѥмоу. оустоупления ѥго скончаѥть лоуна. и пакъı притечеть. яко же би кто реклъ къ владычкыимь оулицамь. оу них же се би пакъı ѡблъклъ въ кнежьскъ ми сракъ сьстныи. и внидеть въ полатъı. и ѡбладеть всѣмь миромъ. и свою власть прѣиметъ“ (ibid., 108).

3. Действие обычное, которое рассматривается независимо от своего выражения, или неопределенно по времени, потому что много раз совершалось прежде и много раз будет совершаться, или принадлежит прошедшему. Для обозначения этого последнего случая русский язык употребляет бывало („бывало встану“ и т. д.). „Бджола заздалегідь постереже негоду“, „й не остерігся“ — „и не заметил кого“...

В обоих случаях говорящий не смотрит в будущее с точки зрения настоящего (которое иногда и обозначается наречием: „отце (отто) (бувало) прийдуть...“, но в последнем случае сама эта точка находится в объективном прошедшем. В будущем он представляет действия обычные совершенным, а несовершенным только те, которые определяют время первых своим собственным протяжением во времени: „отце як стане вечеріти (в этот период времени), повиходять...“ Само собою, что длительность этих будущих совершенных может быть различна.

Будущее для обычности. Как указание, что будущее изображает не конкретное событие — сослагательное: „от се б-то пройде“ и т. д. (см. у Гребенки).

„Ја тавновах за седам година,
Нит' ја знадох, кад ми љето дође,
Нит' ја знадох, кад ми зима дође
Осим једно, моја стара мајко:
Зими би се грудале ђевојке,
Пробаце ми по груду снијега,
По том знадем, да је дошла зима;
Љети баце стручак босиока,
По том знадем, да је љето, мајко“.

(Караџић, II, 377.)

„Да того цѣща [рыба] паче оунетъ въ понтьско море. яко же стройнѣѥ инѣхъ морь ражати в' немъ и въскръмлѣти ѡродыи въ немъ. таче яко се добрѣ исплодетъ тоу, тако пакыи вси възъвратет' се на своа жилища... [так как северное море мелко, бурно и зимоюхолодно] сего цѣща въмалѣ повеселивъше се в' немъ. и покръмив'ше въ жетъвныи годъ. пакы зимѣ пристоупаѥщі, на глоубин'ноую топлотоу. и слнечнаа при сонца възвращаютъ се. ѡбѣгъше ѡ стьудени полунощ'ныѥ. яже морѣ вѣтръ хоудѣ потресаѥтъ. то въ та въходетъ“ (Шестоднев, 169, 170). „Ник'то же да се не плачетъ оубожьства. ни да себе ѡчаѥтъ жизни. иже не имать дома имѣниа. възираѥ на ластовиче оудобь хытро строѥниѥ. она бо гнѣздо начинающи. оусты вѣицоу въземьши· принесетъ.

а кала немогоущи ногама възети. краꙗ̈ крилома въ водоу ѡ̈мочив'ши. таче въ пр҇сѣ землѣмь повалѣвъши. тако събираѥ̈тъ калъ на гражениѥ̈, таче ветвиѥ̈ по малоу съдагаю̈щи. ӑко клыѥ̈мъ, брьниѥ̈мь тѣмъ съвежеть и̋ в' томъ гнѣздѣ птище своѥ̈ въскръмитъ" (ibid., 179).

Будущее со значением не может или может сделать то, что обозначает корень. „Івася Вдовиченка у трупу тіло знаходили. Вже ж він і очима не гляне, І руками не здиме, І ногами не пійде, Тільки стиха словами промовляє" (Метлинский, 422); „За слезками — глазками не взглянеть, За жалостью речь не взмовит" (Калеки, I, 128); „Коло вікна стою, дрібни слези роню, слова не промовлю". „Сѣверьноѥ̈ море... слаждешю бо всѣх' морь водоу и̋матъ. и̋м' же мало походивъ с҇лнце. по той стр҇нѣ ѿходитъ. и̋ не и̋зметъ ѥ̈и̋ всеѥ̈ влагы сладъкыѩ̈ лоучею" (Шестоднев, 169 об.).

И прошедшее может употребляться в значении обычности. „Вона там и встала и лягла: все там була". В современном для выражения нерушимости материнского благословения:

„Как твое то благословленьице
На огне оно не горело,
На воде да не тонуло,
Во чужих людях оборонило
Оборонюшка великая!"

(Барсов, 77.)

Так как способ этот выражать обычность зависит от существования в языке категорий совершенности и несовершенности и так как чем далее в древность, тем менее заметны эти категории, то в древних памятниках могут встретиться случаи, в коих мы ошибочно принимаем за рассматриваемый способ обозначать обычность другой, который состоит в представлении обычных действий настоящими, или наоборот. „Не преимай же ученья от Латынъ, ихъ же ученье разъвращено; влѣзъше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонится, и поклонився напишеть крестъ на земли и цѣлуеть, въставъ простъ станеть на немъ ногами; да легъ цѣлуеть, а вставъ попираеть" (Лаврент. лет., 49).

Так, в следующем месте, по списку XII в. (Богословие, 419—421): „и отъ ластовицѣ не вѣруеши ли ꙗже оу тебѣ. щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ. и зимѣ пришьдъши ѿидеть ѿ тебѣ. и за короу залѣзъши приплатить ти сꙗ доубоу [плашмя прицепится к дереву]. и перье съврьжеть. годоу же весньноуоуму пришьдъшоу пакы сꙗ обьржеть перьемь. ꙗко и навь из гроба исходꙗщи весна бо еи въстание принесеть. и много пакы пришьдъши г҇лть. и щьбьчеть. тъкмо не рекоущи ч҇лвчине. ѿ мене вѣруи ѡ въскръсении. и другааго съмотри чрьви иже и себе свилоу точить. и обꙗзаса тѣми нитьми домъ си сътворить и гробъ. съпроста же рещи всеи емоу плъти тоу съсъхъшисꙗ. годоу же пришьдъшю всеньноуоумоу. пакы онъ же ѡбразъ древльнии иж него [гроба] прииметь. и пакы тъжде животъ боудеть. и жюпельци [жуки] хотаще измрети. гноивъ обьливъше положꙗтьсꙗ въ немь. землєю. посыпавъше гробъ свои. ти отъ тоꙗ влагы на весноу оживуть ѿ сѣмени своего".

„Того ж лѣта [1352 г.] бысть моръ силенъ въ Новѣгородѣ... сицево же бысть знаменіе тоа смерти: хракнеть кровію человѣкъ, и до три дни бывъ да умреть" (Новгор. I лет., 85). „В то же лѣто и зиму [1417 г.] бѣ моръ страшенъ, въ Новѣгородѣ, на людѣхъ... Преже яко рогатиною ударить и явится железа, или начнеть кровію хракати, и потомъ дрожь иметь и огнь разжеть, по всѣмъ съставомъ человѣчьскымъ, естественный недугъ походить; и въ той болѣзни мнози лежавъ изъмроша" (ibid., 107).

§ 10. Настоящее глаголов совершенных в значении прошедшего времени

„В лето 6600. Наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по уличямъ, яко мнѣти вои множьство, а конемъ копыта видѣти. да аще кто изъ истьбы вылѣзеть (в Академич. списке «вылазяаше») напрасно убьенъ бываше невидимо“ (Новгор. I лет., 3).

„И поидоста [вълхва] по Волзѣ, кдѣ придуть въ погостѣ ту же нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору“ (Лаврент. лет., 75).

„Они же сѣкуще я и бодуще, вогнаша а [=я] во озеро [причем повторялись такие сцены. *А. П.*]: иметься 10 мужь одиного коня, мняще, яко «конь вынесеть ны», и тако погрязаху“ (Ипат. лет., 195, 19).

Здесь подчеркнутые формы суть уже будущие совершенные; но в том же памятнике и в том же отрывке есть формы, которые в позднейшем языке были бы только совершенными, здесь же несовершенными, и самое буду, быть может, местами должно быть переводимо нашим становлюсь, например „златьна земля копаема и съ водою съмѣсима (=смешиваемая) въ соудѣ брьние боудеть (будет? становится?). а аще въ огнь въложиши. то злато боудеть (станет? становится?). и аще ѥ въ водоу въвържеши не бережеть его. имьже преже бьрние бываше [не подчиняется действию того (воды), что прежде превращало его в грязь]. не бо нъ ѡгнь ѥ зѣло оутвьрдилъ ѥсть“ (Богословие, 421, 422). Подобные случаи могут дать основание считать и формы, употребляемые в значении совершенного, за несовершенные.

Если не может быть сомнения, что принесуть, иметься суть будущее совершенное, то тем менее такое сомнение возможно относительно позднейшего памятника; Котошихину часто представляется случай употреблять такие обороты: („Какъ устраиваютъ свадебный чинъ?“): „Первое полату нарядятъ, обьютъ бархаты, и постелютъ ковры... и... поставятъ царское мѣсто,... да столы жъ... и на тѣхъ столѣхъ положатъ скотерти да хлѣбъ съ солью“ (6); „а прямого истинного наказу, и указу,... посломъ своимъ вѣдати не дадутъ, до тѣх мѣстъ, как они съѣдутся зъ другими послами“ (ibid., 42); „а розойдется про царя и царицу и царевичей и царевенъ, и бояромъ в подачи, на всякой день, ѣствъ болши 3000“ (ibid., 64).

Сюда же относится, например:

„Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап“.

(Пушкин. Граф Нулин.)

Некрасов (О глаголе, 129) замечает: „Здесь очевидно форма *свернется*, *разинет*, вм. *свертывается*, *разевает*. Только дело в том, что замена будет неудачна, не выразительна. Эти однократные формы употреблены так метко, что будущее значение времени их совершенно исчезает“. Если вышеупомянутая замена неудачна, то, значит, вовсе не очевидно, что свернется вместо свертывается. Это даже совершенно не верно ни в том смысле, что первая форма предполагает

вторую, ни в том (как думает и сам Некрасов), что первая точно передается второй. Но меткость или точнее верность обычаям языка в рассматриваемых выражениях состоит вовсе не в том, что значение будущего в них теряется, а напротив в том, что обычность действия обозначена будущим совершенным. Она могла бы быть обозначена и настоящим, как в предыдущих трех стихах; но в таком случае мы имели бы перед собой генетическое изображение постепенного развития действия, а не быструю их смену в мысли.

„Аж онде, одна тільки хтось снує уподовш в улиці. То затюпа, то вп'ять зашкандибá... то пійде, то стане́, то назад ве́рнеться" (Кв.-Осн., II, 362).

„Często los sobie tak drwi człowieka: d o p u ś c i go prawie do źródła spragnionego, a dopiero za kołnierz uchwyci i wara" (Kraszewski).

„Коли що дума, то хоч спорь, хоч лайся, а вже він від своего не відступиться, і вже не буде багато говорити та намагатись, а мовчки зробе як хотів" (Кв.-Осн.).

„Ще тільки що вийде Галочка з свого двора, озирнула очицями усіх, що зібралися тут, вже вона й зна, як мимо їх пробігти.."

§ 11. Формы совершенные для означения конкретного действия из ряда многих обычных

„Nieraz z a s t a ł e m matkę moję we łzach... i wówczas mawiała mi" (Pol). „Nic nie równa się szczęściu tamtych lat, każda chwila roku była pełna, wszystko potrącało do uczuć i myśli, czasem tylko we śnie z j a w i ł mi się mój ojcec w rozpaczy... w dali s ł y s z a ł e m niby płacz matki, ...to znowu głos przyjaciela kapłana, w mundurze m i g n ą ł (= бывало мелькнет) się jenerał" (Pol); „«Mnie boli taka muzyka», mawiała... A kiedym nie przestawał grać, p r z e r w a ł a mi z prostotą grę, uderzyła w klawisze i z a g r a l a (бывало) obozową lub szalonego mazurka" (ibid.); „Szczuł i polował gonczemi, chętniej odwiedzał dalekich niż bliskich sąsiadów nie o p u ś c i ł nigdy kijowskich kontraktów... Chart faworyt spał na jego łożu, a... w j e c h a ł czasem nawet do salonu matki przez drzwi ogrodowe... Pan Adam był by w stanie, kiedy się r o z o c h o c i ł, wsadzić na konie całe towarystwo filologów" (ibid.); „Glucho tętniala ziemia pod kopyty, koń tylko parsknął raźnie" (ibid.).

„Znane wam Jana Kazimierza lata;
Burza z Polskiego nie schodziła swiata:
Grom bił po gromie, a ciągła nawała
Lała dżdżem krwawym, lub nim zagrażała.
Czasem jednak z tej to z owej strony
B ł y s n ę ł y niebios wdzięczniejszych zwierciadła
Jasność to tu, to tam padła.
I wolniej weztchnął naród pokrzepiony".

(Goszczyński.)

И согласно с русским:

„Był duszą towarzystwa: gdzie się tylko z j a w i a ł
Wszystkich opowiadaniem i żartami bawił".

(Mickiewicz.)

„Potem długo nie p r z y s z e d ł (не приходил),
i mówiono w domu
Że nie wiedzieć gdzie zniknął,
umknął pokryjomu".

(Ibid.)

„A co niegdyś wytrząsał kuchle i kielichy,
Co szampańskiem, węgerskiem pyszne stoły krasił,
Wiadrem potem u studni pragniene ugasił“.
(Krasicki.)

„Ten koń lubo nie w słowach wdzięcznych i wzorowych,
Jakich zwykliśmy użyć, gdy omamić chcemy,
Rrzekł by sprosta“...
(ibid.)

„Tu poczał się nowy świat dla mnie, matka była (становилась) z każdym rokiem spokojnejszą, i nawet weselszą“. (Pol)

§ 12. Причастие на -л- в значении совершенном (при остальных формах несовершенных)

„Ujrzawsky rycerzy (ptakgóra) zerwał się jak chmara ze skały, na której mieszkał, i ciągnął przez powietrze jak huragan“ (Mickiewicz).

„A na mokre góry wstąpił geniusz smierci i szedł do okrętu jak żołnierz szturmujący w połamane mury“ (ibid.); „Z krzesła pówstała panna i biegła ku dzwiom“ (Pol); „Jak sokół upadł wpurniec w pośrodek motłochu i rozprószył go jak gołębie stado, i gnał bez ładu jak stado gołębi“ (Goszczyński); „Porwał się z miejsca. Za nim z skwapliwością wszyscy, słuchacze spieszne ku drzwiom biegli“ (Krasicki); „Wszyscy stanęli, jak tylko postrzegli“ (ibid.);

„Tydzień nic nie jadłem; potem jeść próbowałem, potem z sił opadłem; potem jak po truciznie czułem bole, kłócia; potem kilka tygodni leżałem bez czucia... Wreszcie sam wstał, jadł, żwawo i do sił przychodził“ (Mickiewicz); „Jeden nie wrócił lecz niektóry skoczył i biegł“ (ibid.); „Z rozumowaniem przyjęła matka moja ten dowód przyjaźni jego, a radość była (стала) jeszcze większą, gdy nam zapowiedział że...“ (Pol).

В случаях „бывало, глянет, как рублем подарит“, изображая действия, обычные в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая. В польском в подобных случаях возможно стоять на точке воспоминания совершившегося события:

„Dwór miał już tę tradycyą wesołej gospody, że się w nim nikt nie zląkł ani przed obiadem (? for etwas fürchten не по-славянски; y Linde „lękać' się czego, oco“) przybywającego kuligu. Panny umiały zawsze tak rządzić wszystko, że się nigdy nie postrzegło najmniejszego zakłopotania. A gdy już się miano czas na przyjęcie przygotować, to wystąpiono co się zowie“ (Kraszewski); „Bawiło ją to niezmiernie (обыкновенно) gdy przywiodła męszczyznę do szału i zapamiętania“ (ibid.); „Wszędzie gdziekolwiek zjawiła się, ciągnął za nią szereg wielbicieli“ (ibid.); „Fantazya rządziła jej sercem i życiem: gdy czego zapragnęła, gotowa była na największe ofiary dla dosięgnięcia celu“ (ibid.); „Nie było w tem wszystkiem nic szczególnego, nic coby zwracało uwagę osobliwością jakąś, przecież przejezdżając każdy sobie powiedział (речь не об отдельном случае, а об обычае): jak to tu dobrze i zaciszno być musi“ (ibid.); „Jedyną zmianą w tym porządku (życia) bywało, że się (иной раз) puścił z książką w lasy“ (ibid.). Ср. с этим (обычно) „w niedzielę rano szedł na mszę, siedział milczący, często zapominał się i dłużej od innych pozostał, ale niewidziano go, zeby mu się usta poruszyły modlitwą“.

„Стала примічати, вже за нею не так доглядають... вже її можна, коли захотіла и по базарю самій походити, хоч до півдня“ (Кв.-Осн., Сердешна Оксана).

§ 13. Будущее совершенное в повествовании о прошедшем, по отношению к временам прошедшим и настоящим

„Кад дођу на ону воду, а то ударила плаха киша и мост однела, и они не могавши прећи преко воде, врате се натраг“ (Караџић, Припов. 1853, 176); „Ја се машим руком, а то нема главе, заборавио је на води“ (ibid., 205); „Кад маћија види (будущее совершенное) да јој (падчерице) овако досадити не може, отера је од куће кад јој је отац некуд на пут био отишао“ (ibid., 178); „Она ишла (пошла) не знајући ни сама куда, најпосле заиђе у шуми, па тумарала тамо амо тражећи куд ће да изађе, док смотри (в сербском будущее совершенное) на далеко ватру где се светли“ (ibid., 178). „Један пут ја мртав гладан дођем пред једну Влашку кућу, а Вла пред кућом теше држалицу за будак. Како ја сјашем с коња, а ја повичем на Влаа: држи море коња, па вичи Влаињу, нека мијеси погачу и кува цицвару и пече кокош; па онда отидем у кућу. У кући сједи, сједи; чекај, нема ништа! ни Влаа ни Влаиње; нит' се шта пече ни вари. Онда ја скочим, па изиђем на поље, а то мој коњ стоји, ђе сам га и сјао, а Вла једнако теше и ђеља држалицу. Онда ја, незнајући да је крмак пијан, сврнем лулу, па њега камишем преко леђа, а он се исправи, па ни пет ни девет, него распали држалицом мене иза врата, а ја бацим чибук, па пођем руком за нож, а он још једном, а ја те на руке“ (Караџић, Припов. 1821, 27—28).

В украинском. Как водится на свадьбе? „Внесуть вільце, поставлять на столі у хліб у житній. Дружки посідают за стіл“ и т. д. (Метлинский, 137, 160, 166 и пр.). Что бывает весною? „Далі, трохи просохне, стануть палить степи: вийде чоловік у поле, викреше огню, положить його у солом'яний віхоть, розмаха гарненько да й кине на долівку; затрещить кругом сухий комиш и пішло пожарище гулять степом: геть покотить й дим й полом'я“ (Гребінка); „Вона и встала и лягла, все буде там“ (находится, бывает там, например „у шинку“).

Обычно: „Молодий дружину збірає да й їдуть по молоду. І світилка буде коло молодого в стрічках убрана... прийдуть під двір молодої, а коло воріт стоять старики, які два, чи чотирі з палицями і буде миж ними иначе война: кіями махають да не пускають тих“ (Метлинский, 186).

Формы совершенные могут чередоваться с несовершенными (настоящими): „Наймичка доглядала Павлуся, як рідна мати: и годує його и голову йому змиє, и розчеше, и одягає, и роздягає, и стеле“ (Стороженко). Можно бы сказать: „и одягне, и роздягне, и постеле“. Впрочем, такое чередование не произвольно. Художественный текст должен подсказать говорящему, что ему следует представить совершающимся перед его глазами, что отодвинуть в будущее.

В этом отношении между русскими говорами едва ли есть какая-либо разница. Приведенные примеры годятся и для русского литературного языка. Этот способ представления обычности свойствен и сербскому, как видно из следующих примеров: „У Србији људи, који немају читавог плуга волова, спрегну по два и по три... заједно па тако ору... Гдјекоји буду у спрези (бывают «супрягачами») по неколико година“ (Караџић, Рјечник „Спрега“); украинское супрягач = сербскому спрежник; но слова супряга = сербскому спрега — я не слыхал; „був у хазяїна свій плуг, а то вже в супруги йде“ (Кв.-Осн., II, 6). „Кад хоћу да ловим, дођем овамо“ (Караџић, Припов. 1853, 170) [= когда захочу поохотиться, прийду (обыкновенно прихожу) сюда].

Сербский язык, равно как и русский, заставляет строго отличать такие времена (будущее совершенное) от настоящих в значении обычности. В грамматике этому различию не всегда придают надлежащую важность. Ср. Weber, § 46.

§ 14. Действие прошедшее

Обозначение в известных случаях объективно-прошедшего события будущим совершенным, говоря вообще, свойственно нескольким славянским наречиям, но в разной мере и с разными оттенками. Той любви к такому обороту речи, какая бросается в глаза в языке русских былин, вовсе незаметно в русском литературном языке. Сюда, и конечно, не случайно, относится мнение проф. Буслаева (Граммат., § 185, 3-е изд.): „употребление настоящего времени однократного или совершенного составляет особенность живой, народной речи". Подробнее такого употребления Буслаев не рассматривает. Во 2-м примечании того же § 184 у него собраны примеры такие, в коих есть будущее совершенное (по его терминологии настоящее однократное и совершенное) о прошедшем (см. ниже), и в коих этого времени вовсе нет, например: „Князь *наливал* чару... *подносил* Михайле; *принимает* он Михайло... и *выпил*". Об обоих случаях Буслаев замечает: „На свойстве видов основывается в нашем языке сопоставление не только настоящего с будущим (т. е. продолженного настоящего с совершенным и однократным), но и настоящего и будущего с прошедшим; причем обращается внимание не на различие во временах, а на соответствие видов" (§ 184).

Мысль эта кажется мне неясною, ибо, если каждый русский глагол, непременно принадлежащий к известному виду, но притом имеет и времена, соответствующие виду, то не обращать внимания на эти времена невозможно. Как уже выше было сказано, все формы, составляющие спряжение (глагол), за немногими исключениями, относятся к одному виду; известный вид есть общее свойство всех этих форм, и мы никак не можем сказать, что это общее свойство решает, какая именно форма должна быть употреблена в данном случае.

Вот русские примеры употребления будущего совершенного о действиях объективно-прошедших.

„И какъ будетъ дѣтище Соломанъ осми лѣтъ, и призвалъ... Давидъ своего слугу" (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 63).

...„У славного князя Владимира
Было пированье, почестной пир...
Б у д е т день в половину дня,
Б у д е т пир во полу пире;
Владимир князь р а с п о т е ш и л с я,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает..."

(Др. росс. стих., 54; ср. ibid., 85, 155, 195 и пр.)

„Б у д е т день в половина дня,
„Б у д е т пир во полупире, —
Князи и бояра п ь ю т е д я т, потешаются".

(Ibid., 123.)

„И б у д у т у двора его,
Встречает их старой Плен".

(Ibid., 160.)

„Как из славного города из Киева
Поезжали два могучие богатыри...
А и будут они во чистом поле...
Говорит Илья Муромец..."

(Ibid., 360.)

„Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая...
Учить его во грамоте".

(Ibid., 73; ср. ibid., 345.)

„Будем в городе Киеве,
В соборе ударять к вечерне в колокол,
И ты в та поры будь готовая".

(Ibid., 218.)

„Как и будет [Михайло Казарянин] у моря синего,
На его щаски великия,
Привалила птица к берегу".

(Ibid., 207.)

„А как будут оне в каменной Москве,
Не пошли оне в хоромы в Царьские,
А пошли оне к Пречистой Соборной".

(Из Зап. Рич. Джемса — Пам. и обр. нар. яз., 7.)

„Государь мой Чудинъ посылалъ меня того своего человѣка Якуша искати; и какъ буду... противъ митрополичи деревни,.. и въ той... деревнѣ подъ овиномъ человѣкъ провопил, и язъ... посмотрилъ... ажно Якушко въ желѣзѣхъ" (Акты, 34, 1525 г.).

„Как будет Алексей в возрасте, в законе,
Поизволил его батюшко женити".

(Калеки, I, 99.)

„У ласкова Князя Владимира
Было пированье, почестной пир...
Что взговорит тут Владимир князь:
«А и ты, гой еси, Поток Михайло Иванович!»"

(Др. росс. стих., 216.)

„Провещится ему доброй конь бурочко:
...Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся".

(Ibid., 57.)

„А сплачетца на Москве царевна
Борисова дочь Годунова..."

(Из Зап. Рич. Джемса — Пам. и обр. нар. яз., 8.)

В этих двух и им подобных примерах самая речь, о которой объявлено первым глаголом, принимается за последующее действие:

„С вечера она расхвораетcя,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася".

(Др. росс. стих., 222.)

Предшествующее здесь выражает только первый глагол, несмотря на то, что объективное его значение тождественно со значением второго.

„Скричат калики зычным голосом,
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали".

(Ibid., 228; ср. ibid., 229.)

Здесь оба первые глагола выражают действие предшествующее.

„Пнет ногой во двери железные,
Изломал все пробои булатные".

(Ibid., 52, ср. ibid., 130.)

„Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за остро копье".

(Ibid., 95.)

„Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнёт нахвальщину в белы груди,
Вышибал выше дерева жарового".

(Киреевский, I, 51; ср. Др. росс. стих., 251.)

„Обернется Еким Ивановичь,
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себе...
И угодил в груди белые Алёши Поповича".

(Др. росс. стих., 185, 186.)

„Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатые,
...Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей белых лебедей".

(Ibid., 48.)

„Зайдет в улицу Игнатьевску,
...Взглянет ко Марине на широкой двор
На ее высокие терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
...Сидят тут два сизые голубя".

(Ibid., 61, 62.)

„Нырнет на бережек на тамошний,
Нырнет на бережек на здешниий,
Нету у Добрынюшки добра коня,
И нет его платьев цветныих,
...Только что лежит на земли пухов колпак".

(Киреевский, II, 25.)

Отвлекаясь от некоторых формальных различий между этими примерами, мы можем сказать, что все они принадлежат к одному типу. Обозначенные в них действия разделяются на предшествующие по времени и последующие. Первые необходимо обозначаются посредством будущего совершенного, вторые — посредством настоящего повелительного, причем последние две формы могут принадлежать глаголу совершенному или несовершенному. Отношение первых ко вторым есть отношение, зависящее от обстоятельств в главном и может вовсе не обозначаться союзом,

и тем не менее оставаться совершенно явственным. Оно было бы не явственно только в таком случае, если б и последующее действие было обозначено будущим совершенным. Если б мы сказали: „пнет ногою“... „изломит“, тогда оба выраженные здесь действия не противополагались бы друг другу, а взятые вместе ожидали бы противоположения третьему, здесь не выраженному, действию. Я не знаю, какое соответствие видов находит в вышеприведенных случаях проф. Буслаев. Вид глаголов, выражающих предыдущее и последующее действие, может быть один и тот же, например:

„Вышел убогий во чисто̀ поле,
Взглянет он, взозрит да на небеса, —
Воскричал убогий громким го̀лосом“.

(Калеки, I, 56.)

Взозрит и воскричал по степени длительности и по совершенности совершенно равносильны, и если их сопоставлением выражается известное отношение, то это возможно единственно благодаря различию их времен, стало быть невозможно, чтобы на это различие в таких случаях не обращалось внимания.

Уже следующие и без союзов отношения действия явственнее и точнее обозначаются союзом. К числу их я не отношу начальных *а*, *и*, значение коих до такой степени неопределенно, что во многих случаях, кажется, звуки эти следует писать слитно и считать за междометие, равносильное украинскому начальному ей, ой, гей. Как союз, перед будущим совершенным ставится в русских былинах как, как и, в украинском, как увидим ниже, — як, в том значении, в каком старинный русский язык употреблял ако, яко и како = когда. Этому как может соответствовать в русском и, как заключительный союз, как и в древнем языке: „яко възя городъ, и пожьже и“; но большею частью после как, як (украинское) заключительного союза не бывает. Как древнее яко получает значение оже, аже = современному что, що („слышно се, яко = слышно, оже...“), так, наоборот, что принимается в значении как = когда: „что возговорит N. N.“ = как возговорит... Значение этих союзов в рассматриваемых оборотах выступает еще явственнее наружу, как скоро сопоставим их с подобным следующему: „Пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть (бывает так, что), егда будеть туча велика, и (= то) находять дѣти наши глазкы стеклянныи, и малыи и великыи“ (Ипат. лет., 4, 33).

Союзы как — и, что — с другим временем бессильны выразить то, что̀ выражает сопоставление будущего совершенного с формами, обозначающими действия последующие. Отношение предыдущего и последующего в области объективно прошедшего может быть выражено и так, что первое обозначается прошедшим глагола совершенного с союзом или без него, а второе настоящим:

„Скоро Поток скочил со добра коня,
Поставил по крылечку красному,
Походит (глагол несовершенный, настоящего времени, действие последующее) во гридню светлую,
Он молится спасову образу,
Поклонился князю со княгинею,
И на все четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой Владимир князь»“.

(Др. росс. стих., 219.)

Но между такими оборотами (поклонился — говорит) и между обозначением предшествующего будущим (поклонится: „Здравствуй“...) есть кажется, та разница, что в первом внимание более останавливается на действии предшествующем, и оно представляется более самостоятельным по отношению к последующему, чем во втором. Согласно с этим в этом последнем (при обозначении предшествующего действия будущим совершенным), последующее действие, которое вместе с тем есть всегда в рассматриваемых оборотах главное и которое всегда, так сказать, ярче освещено, чем предшествующее, может быть обозначено прошедшим глаголом совершенным, между тем, как будущее совершенное означает с отрицательной частицею невозможность бывшего действия, а не простое повествование о нем.[1] Что последующее бывает здесь всегда главным, в этом легко убедиться; когда подлежащее обоих предложений обозначает один и тот же предмет, то предыдущее предложение может быть обращено в обстоятельство последующего: „поставя (поставивши) коня, идет (пошел)“.

Большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответствует большей медленности движения мысли, большему спокойствию изложения: живее сказать: „пнет ногой — изломал“, чем „пнул ногой — изломал“. Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые.

Уже в древнем русском языке, как и в нынешнем (Буслаев, Граммат., § 54 б), повидимому, не замечается различия в значении причастий и деепричастий настоящего времени от глаголов совершенных и причастий, деепричастий прошедших тех же глаголов: старинное в о з м я ставится там, где бы мы поставили в з е м, з а в е з я, где ожидаем з а в е з ш и. Безразличие в употреблении тех и других клонится к совершенной потере первых. Если нынешний язык не может сообщить им значение деепричастий будущего времени, что следовало бы из того значения, которое имеет в совершенных глаголах формы настоящего (= будущего совершенного), то они оказываются совершенно лишними. Однако, по возникновении категории совершенности, причастия настоящие в совершенных глаголах все же оставались в языке. Можно думать, что категория совершенности проникла и в них, что они получили значение будущего и сохраняли некоторое время это значение, употребляясь для обозначения действий объективно-прошедших. Так, в следующем: „И ж е н я с ь царь Соломан, и п р и в е д е царицу“ (XVII в., Пам. стар. р. литер., III, 66); „Тільки що п о м о л я ч и с ь стали уставати, тут як раз сонечко зійшло“ (Кв.-Осн., Сердешна Оксана).

„Х в а т я он царевича за белы ручки,
П о в е л царевича за Москву за реку“.

(*Др. росс. стих.*, 329.)

Х в а т я могло первоначально выражать отношение к п о в е л, соответствующее отношению х в а т и т он царевича — п о в е л, а никак не отношение: х в а т и л и п о в е л.

---

[1] В таких случаях, как: „И только Илья слово выговорил, О т о р в е т с я глава его татарская, угодила та глава по силе вдоль, И бьет их, ломит, в конец губит“ (*Др. росс. стих.*, 250), противопоставление не в ы г о в о р и л и о т о р в е т с я, а в ы г о в о р и л и у г о д и л а, б ь е т. Внутри этого противопоставления существует другое, между предыдущим о т о р в е т с я и последующим и главным у г о д и л а, б ь е т. Более действительно — исключение.

В украинском не все оттенки оборотов рассматриваемого типа одинаково обычны. Так, не скажу не возможны, но не встречались мне выражения, построенные по образцу:

„А и *будет* Добрыня семи годов,
Присадила его матушка грамоте учиться“.

(Др. росс. стих., 346.)

Но эти выражения чрезвычайно часты в русских былинах. Зато в украинском очень обыкновенны выражения по формуле: „Как *возговорит*“ (последующее составляет сама речь):

„*Зажуриться* соколонько:
Бідна ж моя головонька,
Що я рано з вирья вийшов!“

„«Чи тут моя галочка, чи немає,
Чи с іншими соколами та літає?».
Озове́ться та галочка у садочку
Прихиливши головоньку і к листочку:
«Ой помалу, соколоньку, та не щебечи,
Коло мене та галочок та не обжени»“.

(Метлинский, 177.)

„*Загудеть*—*забуркучить* (=тить?) сизий голубонько,
Сидя на тичині;
Ой *заплаче* молодий козаче
По своїй дівчині:
Що любив і кохав собі дівчину мав
Як зіроньку ясну.
Та за дівчиними та за ворогами
Покидаю нещасну“.

(Ibid., 24.)

„Загудеть“ и „заплаче“ взятые вместе составляют предшествующее.

„Ой *обозве́ться* пан Хмельницький
Ота́ман батько Чигири́нський:
«Гей друзі—молодці
Браття козаки Запорозці.
Добре дбайте, барзо гадайте,
Із ляхами пиво варити зачинайте»“.

(Куліш, I, 223.)

„*Озоветься* одна пані Ляшка:
«Нема мого пана Яна!»“

(Ibid., 227.)

„Оттогді ж то пані Барабашева гетьманова
Удариться об поли руками,
Обільлється дрібними сльозами,
Промовить стиха словами:
«Ей не з го́ра-біди мо́йму пану Барабашу
Схотілося на славній Україні з кумом своїм
(=Хмельницьким)
Великі бенкеты вчинати (счинати)»“.

(Метлинский, 388; ср. ibid., 416, 417.)

„Ой як крикне Нечаєнко та джуру малого: «Сідлай, джура, сідлай, малий, коня вороного...»“ (ibid., 406.)

Несколько отличны следующие обороты, в коих между предшествующим (крикне, подумає) и содержанием клича и думы нет столь явственного противоположения, потому что между тем и другим вставлено предложение с настоящим временем:

„Ей як на славній, панове, Україні,
У славнім городі у Корсуні
Там крикне — поклике Хвилоне, Корсунський Полковниче,
Козаків на Черкень-долину у вохотне військо викликає:
«Ей казаки, діти, друзи!»“ и пр.

(Ibid., 413.)

„Оттогді то вдова, старенька жена,
Два дні свого сина клене-проклинає,
На третій день подумає-погадає —
Руки до бога здиймає“.

(Ibid., 417.)

Такие обороты не чужды и польскому языку: „Idą a w tem kulawy krzyknie: umknij w lewo!“. Впрочем, Малецкий (Grammat. większa, § 728) такие будущие совершенные относит к одной категории с настоящим о действиях прошедших: „idę... aż tu słyszę...“ То и другое он совершенно ошибочно сравнивает с латинским и немецким praesens historicum, тогда как этим именем может быть названо в славянских языках только последнее, тогда как первые не есть praesens, и, если под историей разуметь спокойное повествование, не есть historicum.

Обыкновенны также обороты по образцу: „взглянет (а) — сидят, посмотрит — нету“, причем, как и в русском взглянет, посмотрит и т. п. могут вовсе не выражаться, а на их месте — стоят действия, им непосредственно предшествующие: „нырнет — нету“. В позднейшем простонародном языке такого рода отношение обозначается поставляемым перед последующими предложениями союзами: украинское аж (= а оже), ажось (= аже-осе), южнорусское аж-но (аж-оно, причем вторая половина сложена из а-оно), ан (= а оно). Союзам этим нет ничего, вполне соответствующего, ни в древнерусском языке (где оли, ноли, олна этой функции не имеют), ни в современном литературном языке, где как — вот не равно украинскому аж в рассматриваемом значении:

„Підійду я під віконце — мати горох варить. —
Подивлюсь (гульк-) аж нема...
Подивиться в квартирочку — аж ляшеньки в місті“.

(Метлинский, 407.)

Й ой як повернеться та пан Перебійніс на правую руку,
Й аж не вискочить його кінь вороненький із ляшського трупу,
Й ой повернеться та пан Перебійніс на праве плече,
Й аж назад його коня вороного кровавая річка тече.
Й ой як огляneться та пан Перебійніс на джуру малого,
Й аж кладе джура, кладе малий, ще лучче від його“.

(Ibid., 402—403.)

В первом двустишии последующее обозначено будущим, что противоречит вышевысказанному утверждению, что будущее совершенное —

последующее, и главным никогда не бывает; но противоречие мнимое, так как там не говорилось о будущем в значении „смогу сделать то-то“.

„**Озирнеться**— аж нема сторожи на місці“ (ibid., 403). В украинском, как и в русском, на месте будущего в предшествующем предложении может быть поставлено прошедшее совершенное, чем достигается то же впечатление, что и в русском:

„**Обернувся** козак Нечай од брами до брами...
Оглянувся козак Нечай на правую руку,—
Не выскочить кінь козацький из ляцького трупу“.

(Ibid., 407.)

„Як крикне: сідлай“ — сказано сильнее, чем: „крикнув: сідлай“. В песне:

„Ой спав — не спав, прокинувся —
Нема коня, ні прикорня“.

Это при более оживленном изложении можно бы сказать так: „засне трохи, прокинеться — аж нема коня ні прикорня“ (к которому был конь привязан).

Подивиться—**нема**. „[Мрави] соушить ѥ̓ [пищоу] пакы. ѥ̓гда чюѥ̓тъ вълагоу ӥмоуще въ себѣ. ти не по в'се годы ӥзноситъ ѥ̓. нъ ѥгда прочюѥ̓тъ въздоухъ оўтишити се хотещъ“ (Шестоднев, 228 об.); „Не оўбоудоу зоубі щенети. нъ ѡ̆баче оу̑сты ѿбранѣетъ себе. ӥже ѥ̆моу притоужаѥ̓тъ; не оў рога тельцоу. тоже вѣст' къде ѥ̆моу ѡ̆роужиѥ̓ въздрастаѥ̓тъ“ (ibid., 230).

„Ой спав — не спав, прокинувся,
(Ож) **нема** коня ні прикорня...“

„Кад допаде брату у бусију,
Ал' на брату русе главе нејма“.

(Караџић, Пјесме, II, 47.)

С оборотами „посмотрит — (ан) нет“, украинское „озирнеться — аж нема“ однородны следующие: украинское „куди гляну — все чужая сторона“; „не видит добрых он, куда ни обернется“ (Крылов); „у кого ни спросит он, всем вопрос его мудрен“ (Пушкин). Главные предложения здесь содержат в себе настоящее время. Употреблено ли это настоящее в неграмматическом (внеязыковом) смысле настоящего, или только как наглядное изображение настоящего объективного прошедшего, это нам все равно. Важно то, что, по замечанию Некрасова (О глаголе, 128), в двух последних примерах: „чтоб видеть, нужно... прежде обернуться... *прежде нужно спросить, чтоб вопрос казался мудреным*“; но так как, по мнению Некрасова, „смыслу настоящего не может предшествовать будущее“, то, заключает он, **обернется**, **спросит** не суть будущие. По этому поводу к сказанному выше о значении будущего совершенного в зависимых предложениях прибавлю только следующее. Откуда это известно, что в языке будущее не может обозначать действительного, но объективного времени, предшествующего тому, которое изображено настоящим? Язык есть искусство, и речь, как всякое произведение искусства, не равна изображаемому. Отрицая a priori возможность употребления будущего времени об объективно прошедшем, мы поступаем так, как если бы утверждать, что у того, кто изображает дерево (которое, по нашему мнению, должно на бумаге всегда изображать зеленым, как в натуре) черным карандашом, выйдет не дерево, а чорт знает что, или

утверждать, что рисовальщик черным карандашом вовсе и не может иметь намерения изображать зеленое дерево. Во всяком искусстве есть своя условная неправда, которая, кроме личных ошибок, составляет природу этого искусства и, стало быть, с другой точки, есть высшая правда.

Еще из Некрасова: „«Всякий раз, как я об них *подумаю* [о „Цыганах“ — поэме] или *прочту* слово в журнале — у меня кровь портится» (Пушкин)... *Подумаю... прочту* вовсе не значит, что Пушкин об них будет думать... читать, а что он уже думал... читал несколько раз. Спрашивается: какого же времени эти обе формы? Вид их — совершенный...“ (Некрасов, О глаголе, 132). Подразумеваемый ответ автора в том, что „грамматика“, которую он постоянно противопоставляет своим собственным мнениям, нелепо считает эти формы за будущее.

Как во множестве других случаев, так и в рассматриваемых оборотах отношение предыдущего и последующего может служить образом причины и следствия, или, другими словами, причинность может представляться последовательностью во времени. Причинность в рассматриваемых оборотах может вовсе не означаться словами: „Скричат калики — с дерев вершины попадали“, — в смысле не „после того как вскричали — вершины попадали“, а — „потому попадали, что вскричали; так сильно вскричали, что вершины попадали“. Но причинное отношение, при сохранении тех же времен в предложениях предыдущих и последующих в языке может и обозначаться союзами: в русском „как вскричат (вскричали), — так (русское народное «ан до, инно, ино, так ажно» и др.) попадали“; украинское „як — так аж“... Отсюда язык извлекает новый эффект: он умалчивает о последствии и заставляет лишь догадываться о его силе и важности по силе и важности причины; эта последняя усиливается именно от умолчания первого: „Как закричит — как заплачет“ и т. п. „Зняв з себе пояс, завязав петлю, та й став де її (кобили) підкрадатись... а далі, як підийшов близенько, як закине їй на шию пояс, як крикне «тпрру», як потягне до себе, а кобила як упадé, а ми так и зареготались“ (Кв.-Осн., I, 124); „Як грімне на нас, як затупотить ногами... «давай», кричить не своїм голосом, «давай мені сейчас!»“ (Кв.-Осн., I, 185).

„Ей з а ж у р и т ь с я, з а к л о п о ч е т ь с я Хмельницького старая голова,
Що при йому то не було ні сотників, ні полковників нема,
Тільки пробував при йому Іван Луговський
Писарь військовий,
Козак лейстровий“.

(Метлинский, 395.)

„Та з д р а д у е т ь с я, з в е с е л и т ь с я Марусина матінка,
Що посадила Марусеньку на посаді“.

(Ibid., 146.)

§ 15. Употребление будущего совершенного простого в сербском языке

Относительно употребления будущего совершенного простого (глаголы совершенные настоящего времени) древний сербский язык XIII — XIV вв. не отличается заметным образом от русского и других славянских наречий: время это имеет в нем, как и в нынешнем кайкавском (например около Вараждина), значение и объективного будущего не только в предложениях обстоятельственных и дополнительных и с союзом а к о, а к е,

да, но и в главных и определительных (см. Weber, § 46, 1, примеч.). См. примеры употребления настоящего глаголов совершенных в значении будущего в главных предложениях из хорватского, польского и евангелия 1586 г. (Miklosich, IV, § 506), например „чловѣкь ки приде у землу мою“ (1236 г., Споменици, 6); „мећу (ђ) моими лудми, кои су или кои буду“ (1254 г., ibid., 28). Согласно с другими славянскими языками и употребление будущих описательных: „А ѣ... и мои лудье, кое имамь и кое учьну имати, да спасемо и срѣжемо по мору и по суху вьсе луди дубровьчьке“ (1254 г., ibid., 27); „жито и вино, кое се начне продавати у градѣ, да се не подражи твоихь ради люди“ (1254 г., ibid., 35); „доколѣ правду имуть имѣти“ (1254 г., ibid., 33); „ако име хтѣти краль послати воиску на Дубровникь или Гусу“ (XIII в., ibid., 36).

От такого состояния языка в нынешнем сербском (штокавском) осталось употребление будущего совершенного: а) в главных предложениях, с оттенком обычности, о чем см. выше; б) в главных же предложениях в значении, которое сербские грамматики называют не совсем основательно praesens historicum, о чем ниже будет сказано подробнее; в) во второстепенных предложениях со значением условности, в случаях, в коих в русском тоже будущее совершенное, и в других, где в русском — сослагательное. Для уяснения последнего приведу пример: „Да наљезе (если будет, если бы он проходил мимо = проходи он мимо) друмом овудије, Би попио (выпил бы) и он купу вина, Би попио, не би зафалио“ (Чубро Чојковић, 129). Об этом случае следует сказать, говоря о значении русской формы *бы* с причастием на *-л*. Первый случай, упомянутый здесь (под п. в), уяснится из следующего.

В выражениях, как: „если не сделаешь того-то, убью“, „пока не сделано, не дам, когда сделает, дам“, русский язык не делает и не имеет средств делать какое-либо формальное различие между глаголом совершенным в зависимом предложении и таким же глаголом в главном. Между тем будущее в первом, зависимом, предложении может быть рассматриваемо как предшествующее по времени будущему второго предложения; первое может представляться гипотетичным (что обозначается здесь союзом, а не формою глагола) и субъективным, второе — утвердительным и объективным. Сербский (штокавский) язык получил возможность делать различие между неопределенным наклонением и субъективным и относительным будущим глаголом совершенным и безотносительным и объективным будущим тех же глаголов, потому что в нем для этого последнего есть форма из хоћу, ћу, образуемая не только от глаголов несовершенных, как русское будущее с буду, стану и украинское с иму, но и от совершенных.

„За три дана ако ми сачуваш кобилу, даћу ти коња, когагод хоћеш“ (Караџић, Припов. 1853, 28); „ако ово све просо не покупиш... док ми из цркве дођемо, убићу те“ (ibid., 160); „Скочи на њу и на слуге говорећи, ако му не кажу (в сербском — совершенное — если не скажут), ђе му је шћер, да ће их све сабљом искомадати“ (что... изрубит) (ibid., 166); „Ако не буду гости бијесни, не ће бити кућа тијесна (Караџић, Пословице, 6); „Ако чанак (миска) не изда, кашика не ће“ (пока есть в миске, можно и малой ложкой наесться) (ibid., 9).

Да с будущим совершенным как настоящий permissivus (= нека = нехај буде = буди) и в значении условия: „Да те оставимо тако (не привязавши) утећи ћеш“ (ibid., 55, 56).

„Док куја репом не вине, не ће пас за њом потрчати“ (ibid., 64); „Кад видим (будущее совершенное субъективное) онда ћу и вјеровати“ (ibid., 115); „Кад пси буду људи, онда ћеш и ти бити чоек“ (ibid., 119);

„Кад пси поспе (отићи ће, т. j. побјећи ће ноћу)“ (ibid.); „Кад се вилан (так в Дубровнике вм. сељак) наије, мисли, да не ће никад огладњети“ (ibid., 120); „Кад те опанке подереш, ја ћу ти купити друге“ (ibid., 122) (говорится в шутку босому); „Кад чоек нада се пљуне, на образ ће пасти“ (ibid.).

„Ко више заложи но може прождријети, удавиће се“ (ibid., 136). „Ко један пут украде, увијек се за хрсуза држи“ (ibid., 141). „Ко се ожеже, а не каже друштву, да је чорба врућа, није поштен чоек (ibid., 154).

Различие между этими будущими глаголов совершенных не проведено до конца, как и вообще подобная последовательность встречается в языках весьма редко. Можно найти немало примеров употребления будущего совершенного простого и в объективном значении (в главном предложении), и в подобных примерах, не представляющих никакого различия с русским и польским, следует видеть остаток старины: „Ко за три ноћи сачува кобилу и ждребе, баба му да коња да бира којега хоће“ —(Караџић, Припов. 1853, 28); „Ако були Турчин не стане, други јој настане (јер се може одмах удати)“ (Караџић, Пословице, 2); „ако зима устима не уједе, она репом ошине“ (ibid.) „Ако кућа изгори, дуг на оџак излети“ (ibid., 5); „Док памет дође, благо прође“ (ibid., 66); „Ко се не намучи, та се не научи“ (ibid., 154); „Ко се не освети, он се не посвети“ (ibid.); „Ако дође прав, не изиђе здрав; ако дође крив, не изиђе жив“ (ibid., 2); или „ко уљезе прав, не изљезе здрав“ и пр. (ibid., 158); „ко што посије, то пожње“ (ibid., 160).

Гораздо реже употребление будущего совершенного сложного в зависимом предложении, например, „ако не ћеш то учинити (следовало ожидать „ако не учиниш“), ја не ћу с тобом живљети“.

Тем не менее решительно преобладающее значение будущего совершенного простого в сербском штокавском есть значение субъективное. Субъективно будущее значение с оттенком начинательности имеет в сербском и станем, почнем, узмем, пођем с неопределенным наклонением: „крава стане кућељу у уста узимати и жватати а ђевојка на ухо њезино жицу извлачити и мотати и одмах буду готове“ (Караџић, Припов. 1853, 158).

Отсюда вытекает для этого языка возможность свободно употреблять это будущее в оживленном повествовании о событиях объективно-прошедших. Если по-русски скажем: „тогда махнет булавою и убьет кузнеца“ или „как услышит об этом, станет ему жаль“, то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (было, бывало) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим — махнет, услышит смысл прошедшего объективного: поставить в последующих предложениях другое время: махнет и убил, услышит, и стало ему жаль. Но если в сербском сказать: „онда... размахне кијачом те ковача убије“ (ibid., 3); „Кад чује (в сербском чути — глагол, и совершенный, следовательно, здесь будущее совершенное), шта је са женином кћерју било, жао му буде“ (ibid., 172), то это будет значить: убил, стало жаль, потому что убьет, станет жаль; о будущем объективном было бы выражено посредством „ће убити, битиће или ће бити“.

Сербский язык не пренебрегает теми противоположениями будущего совершенного простого в предложениях, предшествующих другим временам в предложениях последующих, которые столь обычны в русском: „Кад једно јутро пребројим челе, а то нема најбољега челца“ (ibid., 202). Ср. болгарский перевод: „Кога сѧ при зорѣ пробуди, ала той обикрачилъ єдинъ пънь на мѣсто кобылѫ-тѫ, а дръжи углавь-тѫ въ рѫкѫ“

(Erben, Čitanka, 220) = украинскому „перелічу, аж нема“; „Кад се пробуди (можно бы сказать «кад се прене»), а он опкорачио некаку кладу“ (Караџић, Припов. 1853, 29) = украинскому „прокинеться, аж (дивиться) седить він верхи на якійсь колоді“; „кад сјутрадан сване, а то имаш шта вићети: ми сви у једној људској глави“ (ibid., 8); „Ражали се слугама те јој само руке осјекоше“ (ibid., 165). „Тек што он заспи, али ето ти девет пауница“ (ibid., 21).

Но не это характеристично для сербского языка, а то, что в нем весьма обычно изображение действия в главном предложении как целый ряд прошедших событий (обозначаемых в латинском посредством perfectum в значении аориста и в самом сербском — посредством аориста) посредством будущих простых совершенных и будущих с станем, почнем, узмем, притом и разделения предложений на предыдущие и последующие во времени могут обозначаться только частицами, так что только будущее объективное по отношению к этим субъективным будущим обозначается посредством -ћу- с неопределенным, а событие, представляемое прошедшим по отношению к этим аористичным будущим, — давнопрошедшим и деепричастием прошедшим. Иногда в начале повествования ставится прошедшее (совершенного или несовершенного глагола), указывающее на объективное время следующих событий. „Био један цар... једном стане се цар разговарати са својим синовима“ (ibid., 18); „Имаше некакав цар жену... Они од свога срца немадијаху ништа друго до једну јединицу шћер, која већ бјеше приспјела за удају. Ова царица разболи се и кад види да не ће остати (будущее по отношению к «види»), него да ће умријети, зазове мужа“ etc. (ibid., 143). Но рассказ может прямо начинаться с будущего: „ухвати (будущее совершенное) курјак козу, која је била легла на крају осим осталијех коза, па пође да је изједе, а она му се стане молити, говорећи, да је сад мршава, него да је остави до јесени, док утије, па онда нека дође и нека је изједе. Приставши (действие объективно-прошедшее) курјак на то, запита (будущее) козу, како ће је наћи (будущее по отношению к «запита»), а она му одговори“.[1]

„Био један цар па имао три сина и пред двором златну јабуку, која за једну ноћ и уцвета и узре (у̏зрети, у̏зрēм, — vb. perf.) и неко је обере (будущее совершенное обычности, как и в русском: «за одну ночь и расцветет, и созреет и кто-то ее обберет»),[2] а никако се није могао дознати ко. Једном стане се цар разговарати (будущее субъективное или аористичное) са својим синовима: «Куд се то дева род с наше јабуке!» На то ће рећи (будущее субъективное, а потому следовало бы ожидать рече, в значении будущего, а не аориста или рекне; ће рећи можем считать здесь доказательством того, что, употребляя в подобных случаях форму простую, имевшую некогда значение настоящего, он представляет объективно прошедшее событие посредством именно будущего, а не настоящего) најстарији син: «Ја ћу ноћас чувати јабуку, да видим, ко је то бере». И кад се смркне, он отиде под јабуку

---

[1] В рукописи дальше идет следующее: *Добровский* (I, 440): „Иногда Словене употребляют настоящее однократного глагола [однократного в таком широком смысле, что самый смысл термина исчезает; подлинника «Грамматики» Добровского я не имел под руками. *А. П.*] вместо будущего и одним и тем же словом выражают и настоящее и будущее действие (Матф., 8, 19, идꙋ по тебѣ, а може аще идеши), а особенно в тех случаях, когда перед глаголом стоит частица аще (ἐάν): аще просите, иже аще речеть. Равно также: бїю, пїю, ведꙋ“ и др.

Ред.

[2] Болгарский переводчик ставит здесь преходящее: „ꙗблъкѫ, коꙗ-то за нощь цвьнѣше и съзрѣюще, ала нѣкой ѭ обираше“ (Erben, Čitanka, 213).

па легне[1] под њом да је чува, али кад јабуке веħ почну зрети, он заспи (отиде, легне, заспи—будущее совершенное), па кад се у зору пробуди, а то јабука обрана. Онда он отиде и оцу и каже (будущее совершенное) му све по истини... Кад у јутру дан осване, устане царев син па однесе оцу оне обадве јабуке. Оцу буде то врло мило и похвали најмлаħега сина..." (Караџић, Припов. 1853, 18, 19). „Тек што он заспи, али ето ти девет пауница, како доħу, осам падну на језеро, а девета њему на коња, па га стане грлити и будити... etc. Пауницепошто се окупају, одлете" (ibid., 21). „Како он то чује, истргне сабљу те осече слузи главу. После тога почне сам путовати по свету" (ibid., 23).

Следует заметить, что вследствие потери в сербском окончания *-ть* в 3-м лице единственного настоящего, а в разряде $\frac{-aje-}{-a-}$ и вследствие стяжения *-aje-* в *-a-*, во многих сербских глаголах 3-е лицо настоящего и будущего совершенного или вовсе не отличается по звукам от 3-го лица единственного числа аориста (например, носи) или отличается только ударением и долготою, например, 3-е лицо настоящего плѐтē, грѐбē, пѐчē, вѐзē, чу̏вā, 3-е лицо аориста пле̏тē, гре̏бе, пе̏че, вêзе, чу̏ва. Поэтому выше я старался приводить такие примеры, в коих и без обозначения на письме ударений и долгот не может быть сомнений в значении формы.

§ 16. Настоящее в немецком языке

„Sechshundert Neger tauschte ich ein..."
„Ich hab' zum Tausche Branntewein,
Glasperlen und Stahlzeug gegeben;
Gewinne (получу) daran achthundert Prozent,
Bleibt mir die Hälfte am Leben.
Bleiben mir Neger dreihundert nur
Im Hafen von Rio-Janeiro,
Zahlt dort mir hundert Ducaten per Stück
Das Haus Gonzales Perreiro..."
„... bleiben mir nicht dreihundert Stücke,
So ist mein Geschäft verdorben".

(Heine.)

„Wenn dich ein Weib verraten tat,
So liebe flink eine Andere;
Noch besser wär' es, du liessest die Stadt —
Schnüre den Ranzen und wandre!

Du findest bald einen blauen See
Umringt von Trauerweiden;
Hier weinst du aus dein kleines Weh
Und deine engen Leiden".

„Wenn du den steilen Berg ersteigst,
Wirst du beträchlich ächzen:
Doch wenn du den felsigen Gipfel erreichst,
Hörst du die Adler krächzen.

---

[1] Болгарский перевод: „Като мръкнѫ, тръгнѫ старый-тъ сынъ... отъиде и легнѫ" (Erben, Čitanka, 213).

Dort wirst du selbst ein Adler fast,
Du **bist** wie neugeboren.
Du fühlst dich frei, du fühlst: du hast
Dort unten nicht viel verloren".

(Heine.)

„**Liebst** (не полюбишь...) du mich nicht, so welk'
ich und sterbe..."

(Ibid.)

„**Gehst** du nicht mit, so sterb' ich hier.
„Und du bist einsam und allein:
Und bleibst du auch im Vaterhaus,
Wirst doch wie in der Fremde sein".

(Ibid.)

По-литовски нельзя употреблять настоящее время в смысле немецкого „morgen besuche ich dich", т. е. „werde ich dich besuchen". Невозможно „ász rytój pas tav apsilankaũ", необходимо „apsilankýsiu" (Kurschat, § 1352).

§ 17. Значение формы настоящего времени в старинном языке

В современном русском и других славянских форма настоящего времени имеет двоякое значение: а) значение настоящего в глаголах несовершенных, б) значение будущего совершенного в глаголах совершенных. Если смотреть с точки зрения современного языка, то кажется, что в старинном языке форма настоящего времени глаголов **несовершенных**, теперь имеющая только значение настоящего, может означать и **будущее**. Очевидно, что такой взгляд субъективен, но не в том смысле, что он свойствен одному какому-либо исследователю; что он состоит в перенесении в древность таких привычек мысли, которые образованы категориями современного языка. Были ли совершенными или несовершенными в старинном языке те глаголы, которые совершенны и несовершенны в нынешнем, это при более объективном обозначении упомянутого факта пусть остается вопросом. Осторожнее будет выразиться так: **настоящая форма глаголов, несовершенных в современном языке, в старинном могла иметь не только значение настоящего, но и будущего**. При этом спрашивается: какого именно будущего, совершенного или несовершенного? Просмотрим следующие примеры: „А отъ древа вѣдѣти добро и зъло. не ꙗдита ѿ него. въ нь же дн҃ь ѥста ѿ него съмьртью оумьрета" (Богословие, 173).

„Оуготоваи чьто **вечерꙗѭ** (*δειπνήσω*) и прѣпоꙗсавъ сѧ слоужи ми. доньдеже **ѥмь** и **пиѭ** (значение настоящего времени). и потомь **ѥси** и **пиѥши**" (значение будущего *φάγεσαι*, *πίεσαι* = будешь есть и пить, а не поешь, выпьешь) (Остр. ев., Луки, XVII, 8); „Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, и въ печали **яси** вся дни живота своего" (Лаврент. лет., 38, 9) = будешь есть, в переводе Эрбена: „v zármutku **budeš jísti** po vše dni žiwota svého".

Блюду. „Половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати; да нонѣ отселѣ **имемъся** въ едино серце и **блюдемъ** Рускыѣ земли, кождо да держить отчину свою"[1] (ibid., 109, 20).

---

[1] Первое **да** = а: а теперь станем блюсти. Эрбен принимает **да** за *ἵνα*: „bud'me srdce jednoho, a opatrujme zemi Ruskou".

Настоящее глаголов совершенных в нынешнем языке с тем же значением совершенности = будущности в древнем церковнославянском. Например в Саввиной книге: „сътворитъ“ = ποιήσει (Иоанна, 14, 12); „створѫ“ = ποιήσω (Иоанна, 14, 13); „момлѫ“ = ἐρωτήσω (Иоанна, 14, 16); „дастъ“ = δώσει (Иоанна, 14, 16); „не оставлѫ“ = οὐκ ἀφήσω (Иоанна, 14, 18); „възлюблѫ“ = ἀγαπήσω; „явлѫсѧ“ = ἐμφανίσω (Иоанна, 14, 21) (Срезневский, 91 сл.). „Не мози мнѣти прѣже ю [душу животных] сътворенѹ тѣлеснаго ихъ състава. ни прѣбоудѹщоу присно. Ѩко се разоритъ плъть тѣлесе того“ (Шестоднев, 174 об.); „Прида и вѣкъ иже по въскрьсении бес коньцѧ боудеть“ (Богословие, 101; ibid. — сли = съи); „присносаи“ (ibid., 109).

Бью. „И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружьемъ ся бьевѣ [форма настоящего = будем биться, а не повелительного, в коем было бы или как в старославянском бимвѣ, или на основе украинского біймо, бийте и летописного пролеймы (Ипат. лет., 61, 25 из „пролиймы“ — бийвѣ)], но борьбою»“. (Лаврент. лет., 63, 25); „Се Половци росулися (из роз-сулися) по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся (= будем биться; Erben — «budem se ješte s nimi bíti») съ ними“ (Лаврент. лет., 73, 26); „выдай мужи сія, не бьемъся (не будем, не станем биться; Erben — «bíti se ne budem») за сихъ, а за тя битися можемъ“ (Лаврент. лет., 114, 1); „аще ли ударить мечемъ или бьеть (станет бить? ударять? Erben — «jestli udeři... neb bije») кацѣмъ любо съсудомъ (= орудием), за то удареніе или убьеніе (Р. Т.—«бьенье») да вдасть литръ 5 сребра“ (Лаврент. лет., 14, 23); „аже и́ проженевѣ, то поидевѣ на Дюрдѣя Суждаль, любо съ нимъ миръ створимъ, любо ся съ нимъ бьемъ“ (будем биться) (Ипат. лет., 30, 31; ср. „бьемся“ Лаврент. лет., 137, 11); „Оже се Олговичь, ради ся, за тя бьемъ (станем, будем биться) и съ дѣтьми, а на Володимире племя... не можемъ руки подъяти“ (Ипат. лет., 35, 16); „аже ны Володимеръ гдѣ постигнеть, а ту съ нимъ ся біемы (так исправлено издателем по другим спискам; в Ипат. лет. — бѣимыся = біимыся, повелительное)... аче ны Гюрги усрячеть, а съ тѣмь ся біемъ“ (будем биться) (Ипат. лет., 55, 3, 4); „а въ сильній (sic!) пóлкъ въ Кіевьскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біютъ“ (станут биться) (Ипат. лет., 55, 24); „аще на ны придуть, бьемся съ нимъ“ (Лаврент. лет., 144, 30).

Настоящее = будущему: „Землѧ ѥси и въ землю идеши“ (Изборн. 1073, 175); „Аште не идоу то оутѣшитель не придеть“ (ibid., 179); „Єго же аще просите (αἰτήσητε) въ имѧ мое. то створѫ“ (Саввина книга, Иоанна, 14, 13); „Придетъ година. єгда оуже въ притъчахъ не глѫ (Остр. ев., 175 — не глѭ) вамъ“ (Саввина книга, 5, Иоанна, 16, 25).

Повѣдѣ в значении будущего: „Она же... мышлѧше: повѣдѣ ли Иѡсифови. или съкрыю паче таиноу сию. аще ли сълъгалъ пришьдъи. почьто ѩзыкъ старьчь на сѧ наоущаю“ (стану наущать) (Златоуст XII в., Срезневский, Памятн., 193); „невѣдѣ чьто имамъ сътворити“ (ibid., 194, а).

Настоящее в значении будущего (независимо от совершенности и несовершенности): „Аще тако твориши, то съѕиждеши домъ душевнаго спасеніа, и не въ пустошь съѕиждеши; и тако съхраниши градъ, еже есть душа твоя, и не всоуе бѫдеши бдѣлъ“ (Достопам., I, 74); „и вси дьржащеися понь живуть и оставльше его умруть“ (Калайдович, Памятники, 60); „Аже паробъка господа вяжють, бьють, украдъшаго что любо, достоить ставити“ (ibid., 190).

Лѣзу. „Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу (вариант иду = поиду, Erben — půjdu) наряжю“ (= распоряжусь) (Лаврент. лет., 110, 19).

„А дайте, господине, нам съ Еѳимомъ божью правду, цѣловавъ, господине, крестъ животворящей да лѣземъ, господине, съ нимъ на поле биться. И судьи вспросили Еѳима: «а ты лѣзешь ли съ ними на поле биться?» И Еѳимъ такъ рекъ: «лѣзу, господине, съ ними на поле биться»“ (Акты, 28, XVI в.; ср. ibid., 32, 43); „уличаю.. Онисимка... божьею правдою, цоловавъ крестъ да лѣзу съ Онисимкомъ на поле битися и наимита противъ его шлю“ (ibid., 51) и др.

Везде — значение настоящего.

Тепѫ. „Се азъ сълѭ къ вамъ прр҇кы... и отъ них тепете (*μαστιγώσετε*, ubiczujecie) на съборищихъ“ (Остр. ев., Матфея, XXIII, 34).

Ѣду. „Аже не будеть слѣда или къ селоу, или къ товару [обозу]; а не ѡтсочать ѡт себе слѣда (находящиеся в подозрении, что подрезали борть), ни ѥдоуть на слѣдъ, или ѡтобиються, тъ тѣмъ платити татбоу и продажю“ (Русская правда по Синод. списку XIII в. — Достопам., I, 51; вернее по Харатейн. списку в. Достопам., II, 58: „а҇же будеть слѣдъ къ селу ли к [то]вару, а҇ не ѿсоцять ѿ себе слѣду. ни и҇дуть на слѣдъ; и҇ли ѿбью҇ть: то тѣмь платити тадбу и҇ продажю“).

Ищу. „Аже кто убиѥть княжя моужа въ разбои, а головника (вариант боевника) не ищють (в некоторых позднейших списках „изыщуть“), то вирьвноую (верьвную) платити, въ чьѥиже вьрви голова лежить“ (Русская правда — Достопам., I, 29).

Ѣмь, пиѭ. „Не пьцѣтеся дш҇еѭ вашеѭ. чьто ѣсте (*φάγητε*) или чьто пиѥте (*πίητε*) ни тѣлъмь вашимь, въ чьто облѣчете ся“ (Остр. ев., 62, Матфея, VI, 25). В польском сослагательное: „nie troszczcie się... co byście jedli, albo co byście pili... czem byście się odziewali“; в греческом настоящее сослагательное.[1]

Иду. „Аз иду по нь (пойду? иду? Erben, jdu); а ты, брате, посѣди“ (Лаврент. лет., 110, 22); „Глѣбъ рече: «луче сдѣ умру, не иду»“ (не иду? не пойду?) (Ипат. лет., 119, 41); „Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто“ (Лаврент. лет., 75); „Въставъ, идѫ (= пойду, польское pójdę, *πορεύσομαι*) к оц҇оу моѥмоу“ (Остр. ев., 118, Луки, XV, 18); „къ комоу идѐмъ?“ (= пойдем = pójdziemy, *ἀπελευσόμεθα*) (ibid., 25, Иоанна, VI, 68); „къ нѥмоу идевѣ“ (пойдем, powyjdziemy, *ἐλευσόμεθα*) (ibid., 273 об., Иоанна, XIV, 23).

Ѣду. „Не ѣдемъ на конихъ ... ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи“ (ibid., 24, 12) (Erben — „ne pojedem ... ani pěšky půjdem“, хотя, впрочем, как и выше под иду, здесь может быть и в современном языке настоящее). „О собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ (= не едемъ? не поедем?) по тобѣ, мы того не вѣдали“ (Ипат. лет., 97, 11); „яко (= так как) никого съ тобою нѣсть, азъ же ѣду (= ѣду? поѣду?) съ тобою“ (ibid., 192, 35).

Мрькнѫ. В Остромировом евангелии „абиѥ же. по скрьби дьнии тѣхъ слъньце мьрькнеть (= померкнет, się zaćmi, *σκοτισθήσεται*) и лоуна

---

[1] Вообще старославянское настоящее с частицами, поставленное вместо греческой формы сослагательного наклонения, нередко следует принимать за будущее, будет ли глагол в современном языке совершенный или несовершенный. Есть много ясных примеров употребления настоящего глагола предложного (= будущего совершенного) вместо греческого сослагательного: „да увѣсте“ (*ἵνα εἰδῆτε*, abyście wiedzieli, чтобы вы знали) (Остр. ев., 66, Матфея, IX, 6); „дондеже отъпоустить (*ἕως ἀπολύσῃ*, ażby rozpuścił) народы“ (ibid., 70 об., Матфея, XIV, 22); „да не творѭ“ (*οὐχ ἵνα ποιῶ*, iż bym czynił, не для того, чтобы творить) (ibid., 20, Иоанна, VI, 38); „да идеже ѥсмь азъ и вы бѫдете“ (*ἦτε*, że byście i wy byli) (ibid., 165, Иоанна, XIV, 3).

[2] „Он оправи бијела фермана... Да му дође Марко у индата“ (Чубро Чојковић, 126). „Оде Марко у Прилипа града, Да одмори Шарца од Мејдана. А и стару до пригледа мајку“ (ibid., 127). О союзе да с изъявительным в сербском = русскому чтобы, если бы с причастием на -лъ- — Weber, § 56. Болгарское „не съмъ слънце да огрѣѭ сѣкого“ (Пам. и обр. нар. яз., 137).

не дасть свѣта своѥго и звезды съпадѫть съ нбсе“ (Остр. ев., 145 об., Матфея, XXIV, 29).

Лобъжѫ. „Ѥго же аще лобъжѫ (облобызаю? *ὃν ἂν φιλήσω*, стану лобзать? польское *pocałuję*), тъ ѥсть, имѣте ѥго“ (ibid. 161, Матфея, XXVI, 48).

Помшѫ. „и инъ тѧ помшеть и ведеть тѧ“ [Саввина книга, 6 — пояшетъ и ведетъ] (= opasze i poprowadzi = опояшет и поведет, или будет водить, Буслаев = *ζώσει καί οἴσει*) (Остр. ев., 53 об, Иоанна, XXI, 18).

Ищу. „При вашемъ животѣ не ищемъ его (= не станем искать Киева), ажь по васъ, кому богъ дасть“ (Ипат. лет., II, 146, 30).

Ѣзжу. „Ать ѣздить (= пусть ездит) Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю“ (буду ездить) (ibid., 73, 8).

Глаголѭ. „Не пьцѣте сѧ како. или чьто имате глати дасть бо сѧ вамъ въ тъ часъ чьто глѥте“ (что вам говорить, что будете говорить = *τί λαλήσετε*) (Остр. ев., 271, Матфея, X, 19).

Борюся. „Да аще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся съ нимъ“ (Erben — tehdy i ja budu jemu nepřitelem a potykati se budu s ním) (Лаврент. лет., 14, 31).

Противлюся. „Аще ли руку не дадять и противяться“ (станут сопротивляться, Erben — zprotiví se) (Лаврент. лет., 21, 1).

Сѫдити. „Имь же бо сѫдъмь сѫдите (настоящее *κρίνετε*). сѫдить сѧ вамъ“ (будущее *κριθήσεσθε* = jakim sądem sądzicie, takim sądzeni będziecie) (Остр. ев., 59 об., Матфея, VII, 1).

Любите. „Аще бо любите (*ἐὰν γὰρ ἀγαπήσητε*; в польском настоящее — jeżli miłujecie) любѧщаꙗ вы, кѫѭ мьздѫ имаате?“ (ibid, 58 об., Матфея, V, 46).

Живлю. „Вдаимы ся Печенѣгомъ, да кого живять (оставят в живых), кого ли умертвять“ (Лаврент. лет., 55, 4).

Гублю. „Рече Редедя къ Мьстиславу: «что ради губивѣ (в Хлебн. „губити хочемъ“; Erben — proč máme hubiti, зачем станем губить, зачем нам губить) дружину межи собою»“ (Лаврент. лет., 63, 22).

Варю. „Изяславъ сватится (= сговаривается, дружится) со Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не варивѣ (если не предупредим, Erben — jestli ho ne předejdem, не предварим) имать нас прогнати“ (Лаврент. лет., 78, 26). Впрочем, современный язык не представляет данных для сравнения; может быть уже в старинном варити есть глагол совершенный.

Настоящее глаголов, ныне несовершенных, в значении будущего. „Идѫ по тебѣ. ꙗмо же колиджо идеши“ (*ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἐὰν ἀπέρχῃ*; pójdę za tobą, gdziekolwiek pójdziesz) (Остр. ев., 63 об., Матфея, VII, 1).

Мьнѭ. „Приде година, да вьсѧкъ [sic] иже оубиѥть вы, мьниться (*δόξῃ*, będzie mniemał) службѫ приносити“ (ibid., 49 об., Иоанна, XVI, 2). Та же форма в значении настоящего (ibid., 55 об., Матфея, XVIII, 12, и др.).

Творѭ. „Си творѧть (*ποιήσουσιν* — uczynią) вамъ. ꙗко не познашѧ оца ни мене“ (ibid., 94 об., Иоанна, XVI, 3); но на листе 171 то же место переводится: сътворѧть.

Глаголѭ. „Оуже не мъного глѭ (*λαλήσω*, mówić będę)“ (ibid., 167 об., Иоанна, XIV, 30); „приде година, ѥгда къ томоу въ притъчаахъ не глѭ (*λαλήσω*, mówić nie będę) вамъ“ (ibid., 173, Иоанна, XVI, 25).

Цѣлуѭ. „Аще цѣлоуѥте (*ἀσπάσησθε*, jeżli byście pozdrawiali) другы вашѧ тъкъмо чьто лише творите“ (ibid., 58, Матфея, V, 47).

Цѣлую. „Да аще ны не помянеши всего того, иже створихомъ своимъ безуміемъ и хрестъ къ намъ цѣлуеши, то мы людіе твоѣ, а ты еси нашь князь“ (Ипат. лет., 83, 7).

Разоумѣѭ. „По чесомоу разоумѣю [sic!] се“ (γνώσομαι, poczem to poznam) (Остр. ев., 278 об., Луки, I, 18); „ѥже азъ творѫ [вм. -ѭ] ты не вѣси нынѣ разоумѣѥши (γνώσῃ) же по сихъ“ (potem się dowiesz) (ibid., 154, Иоанна, XIII, 7); „аще къто хощеть волю ѥго творити; разоумѣѥть (γνώσεται, będzie umiał rozeznać) оученик“ (ibid., 26, Иоанна, VII, 17), „ѥда законъ нашь сѫдить ч҃лкоу. аще не слышить (ἐὰν μὴ ἀκούσῃ, jeźliby nie slyszał, если не услышит) отъ нѥго прѣжде и разоумѣѥть (γνῷ, nie poznał by, и не узнает) чьто творить“ (ibid., 55 б, Иоанна, VII, 51); „ничьто же покръвено ѥсть. ѥже не отъкрыѥтьсѧ. и таино ѥже не разоумѣѥтьсѧ“ (γνωσθήσεται, czego by się dowiedzieć nie miano) (ibid., Луки, XII, 2).

Съвѣдѣтельствоуѭ. „Доухъ истиньныи. иже отъ оц҃а исходить. тъ съвѣдѣтельствоуѥть (μαρτυρήσει, świadczić będzie) о мьнѣ“ (ibid., 22 в, Иоанна, XV, 26).

Трьплѭ. „ѡ роде невѣрьнъ и развращенъ доколѣ съ вами бѫдѫ. доколѣ трьплѭ васъ“ (ἀνέξομαι, bedę cierpiał) (ibid., 73 б, Матфея, XVII, 17); „доколѣ въ васъ бѫдѫ доколѣ трьплѭ вы“ (ἀνέξομαι, cierpieć będę) (ibid., 102 б, Луки, IX, 41; ibid., 133 б, Марка, IX, 19).

Виждѫ. „Оуслышати же имате брани. и слышаниꙗ брани видите“ („видите“ нет в греческом тексте) (ibid., 82 а, Матфея, XXIV, 6); „Аще не виждѫ (ἐὰν μὴ ἴδω, jeżli nie widzę) на рѫкоу ѥго. ꙗзвы гвоздиины... не имѫ (будущее время) вѣры“ (μὴ πιστεύσω) (ibid., 11 а, Иоанна, XX, 25).

Идѫ. „Оучителю идѫ (ἀκολουθήσω, pójdę) по тебѣ“ (ibid., 63 об. в, Матфея, VIII, 19; ibid., 103 об. г, Луки, IX, 57); „не можеши нынѣ по мьнѣ ити, послѣдь же по мьнѣ идеши“ (ἀκολουθῆσαι, pójdziesz) (ibid., 164 об. г, Иоанна, XIII, 36); „идѫть (ἀπελεύσονται, pójdą) си въ мѫкѫ вѣчьнѫѭ“ (ibid., 122 б, Матфея, XXV, 46).

Разумѣваѭ. „О семь разоумѣваѭть (γνώσονται poznają) вьси. ꙗко мои оученици ѥсте. аще любъве имаате“ (ἔχητε; но в славянском будущее, как и в польском, mieć będziecie) междѫ собоѭ (ibid., 164 в, Иоанна, XIII, 35).

Врѣждѫ. „Ничьто же васъ не врѣдить“ (μὴ ἀδικήσει, nie uszkodzi) (Луки, X, 19); „аще и съмрьтьно чьто испиѭть ничьто же ихъ не врѣдить“ (μὴ βλάψει, nie zaszkodzi) (ibid., 205 в, Марка, XVI, 18).

Видѣти, чюти. „Аще кто отъ врагъ моихъ въсхощетъ окрасти мой виноградъ, то хромецъ убо видитъ, слѣпецъ же чюетъ“ (XVI в., Калайдович, Памятники, 135); „николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того (Лаврент. лет., 16); „Видимъ (=посмотрим) кто преодолѣѥтъ азъ ли йли ты“ (XIII в., Буслаев, Хрестом., 413).

Радѣти, радити см. пользовати.

Хранити см. пользовати.

Дѣлати. „Зашедшю солнцю, недостоить мертвеца хоронити, не рци тако: борзо дѣлаемъ нѣли како успѣемъ до захода; но тако погрести, яко и еще высоко“ (Калайдович, Памятники, 184).

Ищу. „Аще кто убиеть княжя моужа въ разбои, а головника не ищють (=изищуть), то вирьвноую (вървьную, т. е. виру) платити“ (Русская правда — Достопам., I, 29).

Бью. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригою, 1229 г. (по изданию в прибавлении к Актам р.-лив., § 1, список D): „оже бьютъ волного чл҃вка (по списку А: «аже будѣть свободный чл҃вкъ оубитъ»;

по списку F: «иже оубьють волного члвка»), платити за головоу ї гривенъ"; § 3 по списку A: „Кто бикть друга дѣревъмь" (по списку D: „аще кто . . . оударить"; по списку B: „Кто боудеть билъ"); § 10 по списку A: „аже Латинскии гость бикться мьжю сьбою" . . . (по списку D: „или нѣмѣчьскыи гость иметься бити межю собою").

Насилую. В Договоре Мстислава Давыдовича с Ригою, 1229 г. (по изданию в прибавлении к Актам р.-лив., список A, § 12): „Аже насилукть робѣ, а боудоуть на него послуси, дати кмоу гривна серебра".

Пользую. „Аще, сыну, моего моленія и поученія не внемлеши, и по сему писанію не учнеши жити . . . и отца духовнаго заповеди не учнешь хранити, и отъ богодухновенныхъ мужей не пользуешися поученіем . . . и христіяньскаго праведнаго закона не хранишии о домочадцѣхъ своихъ не радиши,—и азъ твоему грѣху не причастенъ" (Домострой, 113).

Дрьжѫса. „Либо кдиного възненавидить. а др҃ѹгааго възлюбить ли кдиного дрьжиться (trzymać się będzie — будет держаться — ἀνθέξεται). а о друзѣмь нерадити начьнеть" (Остр. ев., 62 а, Матфея, VI, 24; ibid., 111 г, Луки, XVI, 13).

Покоѭ. „Придѣте къ мънѣ вьси тружаѭщиися и обрѣменкнии: и азъ вы покоѭ" (=упокою, ἀναπαύσω) (Остр. ев., 244 б, Матфея, VI, 28).

Виждѫ. „Ту и видите (ὄψεσθε). ꙗко же рече вамъ" (ibid., 18 б, Марка, XVI, 7) (NB = tam go oglądacie — в значении будущего).

Блажѫ. „Се бо отъселѣ блажать ма вьси роди" (Остр. ев., 217 б, Луки, I, 48). [NB. В греческом настоящее — μακαριοῦσι, но по смыслу — błogosławioną zwać będą (в исправленном „ублажатъ").]

Свобождѫ. „Аще вы прѣбѫдете въ словеси момь. въистинѫ оученици мои кстє. и разумѣкте (исправленное «уразумѣете» — γνώσεσθε) истинѫ. и истина свободить (ἐλευθερώσει — wyswobodzi) вы" (Остр. ев., 222 а, б, Иоанна, VIII, 31, 32); „Аще бо сынъ вы свободить (ἐὰν ἐλευθερώσῃ — сослагательное аориста — wyswobodzi). въ истинѫ свободь бѫдете" (ibid., 29 б, Иоанна, VIII, 36).

Прошѫ. „кго же аще просиши (αἰτήσῃς = попросишь) дамь ти" (ibid., 287 г, Марка, VI, 23); „чесо прошѫ" (czego mam prosić — попрошу; τί αἰτήσομαι) (ibid., Марка, VI, 24); „или аще просить (=попросит — ἐὰν αἰθήσῃ) аица. кда подасть кмоу скорпиѫ" (ibid., 275 г, Луки, XI, 12). Где в греческом сослагательное аориста, там славянский перевод отклоняется: ср. просиши (ibid., Марка, VI, 23) = польскому „o cokolwiek byś mnie prosiła, dam ci" (глагол несовершенный); можно бы: „чего бы ты у меня ни просила (=ни попросила, ни стала просить) дам"; „Аще просить" (ibid., Луки, XI, 12) [ἐὰν αἰτήσῃ; польское prosił li by (несовершенный); можно бы: если бы стал просить, если б попросил, если б просил]; „аще чесо просите (ἐὰν αἰθήσηθε — jeżli będziece prosić) въ имѧ мок. то сътворѫ" (Остр. ев., 166 б, Иоанна, XIV, 14).

Поношѫ. „Поносать" (Буслаев, Хрестом., 44). „Блажени кстє, кгда поносать (Реймское ев. — ukorjat', 54, ὀνειδίσωσιν) вамъ. и иждено́ть (=διώξωσιν; можно было бы: будут поносить и изгонять, как в польском: gdy złorzeczyć będą i prześladować) и рекѫть" (=gdy będą mówić) (Остр. ев., 212 в, Матфея, V, 11); „възми кошницю и всади (=всяди) на мя, и азъ тя ношу" (XVI в., Калайдович, Памятники, 140).

Оусрамлꙗѭса. „Оусрамлꙗѭть са (=ἐντραπήσονται) сн҃а мокго" (Остр. ев., 79 а, Матфея, XXI, 37); в исправленном тексте „оусрамятся" (=będą się wstydzić syna mego — будут стыдиться). Впрочем, и в укра-

инском нередко соромить, но у Гребенки в значении конкретно-длительном — „соромлятися“: „соромляються вийти з хати“; „зазнаю я ту ніч проклятую, як осоромляли (= осоромили) ви хату“.

Отъвѣщаѭ. „Придеши вь оутрии днь. и тогда ѿвѣщаеши въпросу моему“ (рукопись XV в. — Буслаев, Хрестом., 653); „Тогда отъвѣщаѭть (= ἀποκριθήσονται — odpowiedzą) кмоу правьдьнии“ (Остр. ев., 121 б, 122 а, Матфея, XXV, 37, 44), „тогда отъвѣщаеть имъ“ (ἀποκριθήσεται, odpówie) (ibid., 122 а, Матфея, XXV, 45).

Съвѣщаѭ. „Аще дъва отъ васъ съвѣщакте (если два согласятся, συμφωνήσωσιν) на земли о вьсакои вещи. кꙗ же колижъдо просита (αἰτήσωνται, станут просить, попросят). бѫдеть има отъ отьца моего“ (ibid., 56, Матфея, XVIII, 19).

Вижю. „И сътвори себѣ кѹщѫ и сѣдяше под нею въ сѣни, дондеже видить что бѫде граду“ (Ионы, IV, 5) (ażby ujrzał co by się działo). Так в копии со списка Устрялова, 1047 (Буслаев, Хрестом., 145). В исправленном тексте „дондеже увидить что будеть граду“; „Азъ шедъ, увѣщаю и, не бо рачить видѣти кого ти въ утрѣи днь, пришедъши, видиши и“ (= повидаешься) (XII в., Бодянский, 6); „Въшьдъши въ кдинъ манастырь женъ, и тоу остризися, и тако приходящи сѣмо. видиши мя“ (будешь видеть) (ibid., 6 об.).

Ямь. „аще ꙗдый ꙗсть ѿ масъ въ днь третий, не бѹдет требно... дша же аще ꙗсть ѿ нихъ приметь грѣхъ“ (Левит, 7, 18) (в исправленном тексте: „аще ядый снѣсть“; „душа ꙗже аще снѣсть“); „и дша ꙗ аще прися жеть ко всей дши нечистѣ... и ꙗсть маса ѿ требы спа и е гна, погѹбится...“ (ibid., 21), в исправленном „душа, ꙗже аще прикасается всякой вещи нечистѣи... и снѣсть — погыбнеть“ (Буслаев, Хрестом., 148).

Разумѣю. „Прѣмудрость худогъ разѹмѣеть пути ихъ“ (Притчи Солом., 14, 8) (XV в., Буслаев, Хрестом., 151); в исправленном тексте: „премудрость коварныхъ уразумѣеть пути ихъ“.

Срамлюся. „Разумѣ ꙗко не срамлю себе“ (Исаии, 50, 7, Библия 1449 г. — Буслаев, Хрестом., 175). В исправленном тексте „ꙗко не постыждуся“ = wiem że pohańbiony nie będę.

Врѣждѫ. „Се гь помагаеть мнѣ, кто вредить мя“ (Исаии, 50, 9, Библия 1429 г. — Буслаев, Хрестом., 175). В исправленном тексте: „Се гдь поможеть ми; кто озлобить мя“ (= Oto pan pomagać mi będzie, któż jest, coby mię potępił).

Мню. В переводе „Слова о правилах веры Дамаскина“ Иоанна экзарха „Да кто ее правосудьства, или премудрааго промысла дѣло, добрѣ смысля, мьнить?“ (ὑπολάβοι) (у Епифания Славинецкого и Амвросия — „возмнитъ“) (Калайдович, 46) [= кто при здравом уме подумает (kto by pomyslił), что это есть дело правосудия и мудрого промысла?].

Вѣнчаю. „Аще бо душа едина благовольными труды страстова (в переводе Амвросия: «в подвигахъ добродѣтельныхъ претерпѣ»), едина вѣнчаеться“ (στεφανωθήσεται; у Епифания и Амвросия „увѣнчаеться“) (ibid., 46).

Слышу. „Слышять (ἀκούσονται, услышат) бо... иже в жюпилищіихъ (во гробѣхъ)... и изидуть“... (ibid., 50); „Аще что слышиши ѿ цря. или видіши в дому его. да съгниеть въ срци твоемь... аще что слышиши. не повѣдай никомѹ. аще что оузрыши не ѿбавляй“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 645).

Приꙗю. „Аще добрѣ приꙗете кназю вашему и ѿбатѣеть земля ваша и плодъ добръ ѿбъемлете“ (Златая цепь, XIV в. — Буслаев, Хрестом., 477).

Учу. „Сн҃ꙋ, ѐгда вода потечеть. и̓ли птица ѿпать полети. или синечь (=арапъ) и̓ли срачининъ. ѡбѣлѣеть. ли желць. а̓кї прѣсный ме оусладѣеть. тогда безꙋмный оумꙋ ꙋчитса“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 650).

„И положѫ грады ваша поустꙑ и̓ ѡ̓пꙋштѫ ста̃ ваша и̓ не ѡ̓бонѧѭ вона трѣбъ вашихъ“ (Изборн. 1073 г., 103).

Творю. „Аще ли сего не твориши (не пострижешься), то истиноу ти г҃лю. к томоу лица моего не имаши видѣти“ (XII в., Бодянский, 6 об.).

Дьржѫса. „Или бо ѥдиного възненавидить. а дроугаато възлюбить или ѥдиного дрьжиться а о друзѣмь небрѣщи вьчьнеть“ (Остр. ев., 111 г, Луки, 16, 13).

Пиѭ. „Вьсѧкъ пиѩи отъ водꙑ сеѩ. въжаждеть са пакꙑ. а иже пиѥть отъ водꙑ ѭже азъ дамь ѥму. не имать въждадати са въ вѣкъ“ (ibid., 30 в, Иоанна, 4, 14).

Виждѫ. „Аще знамений и чоудесъ не видите, не имате вѣры ѩти“ (ibid., 18 г, Иоанна, 4, 48) (=jeżli nie ujrzycie, nie uwierzycie).

Зобѫ. „Въ истинѫ а̑ще сице зобеть. н̑ѣ трѣбѣ да продавѣ что (=если так будет есть, то нам с тобою нечего продавать). понеже бо и̓ виждѫ оуже изобалъ є̑ вѣдро сочива“ (список XIV в. — Срезневский, 121). „Ѩко жилъ ѥси на свои земи, такожде ... и оу мене живеши, и сътворѭ та ѥдного отъ болѣръ своихъ“ (Supr., 44, 18). „Что мыслиши, Варахисиѥ; жъреши ли и поклониши са сльньцоу и огню и водѣ, ѩкоже послꙋшавъ поклони са и братъ твои Їѡна, или приимеши ранꙑ на тѣлеси своѥмъ; отъвѣштавъ же ... Варахисиѡнъ рече им. ѩко же и Їѡна поклони са, ѥмоуже поклони са, то и азъ паче поклонѭ са, славословьѩ и възношѫ и“ (ibid., 191, 18). „Аште ли облѣнимъ са, и праздьни ходимъ сьде, то никтоже насъ не помилоуѥтъ тамо, аште и много плачемъ са за грѣхꙑ“ (ibid., 280, 10).

Правлю. „Поидѣта къ Городцю, да поправимъ сего зла, еже ся створи се въ Руськѣй земьли и въ насъ въ братьи, оже вверже въ ны ножь; да аще сего не правимъ (не поправим, Erben, — ne napravime), то большее зло встанеть въ насъ“ (Лаврент. лет., 111, 25); „Оже родится тяжа ... то ... жаловати: оже не правять, то ... взяти свое у гости“ (Акты р.-лив., № 1, 1184—1199 гг.).

Мьщю. „А любо соромъ сложю и земли своей мьщю (отомщу за), любо честь свою налѣзу, пакы ли а голову свою сложю“ (Ипат. лет., 42, 11); „оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю“ (ibid., 72, 5); „яко (=когда) Давыда иму, а Рюрика выжену изъ землѣ, и пріиму единъ власть Рускую и съ братьею, и тогда мьщюся Всеволоду обиды своѣ“ (ibid., 122, 30); „возьму землю Лядьскую, и мьщю (Erben — pomstim) Русьскую землю“ (Лаврент. лет., 113, 12).

Сбираю. — „Николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои (=не буду собирать. Erben — ani sbirati budu), ни языка [ни] иного приведу на страну вашю“ (Лаврент. лет., 31, 11).

Гнѣваюсь. „Усрѣтоша ... мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ да выженемъ Ростиславича“ ... и рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете (=будете гневаться), не могу вы я ити, ни креста переступити“ (ibid., 100, 17).

Вѣрую. „Аште земьна рѣхъ вамъ и не вѣроуѥте. како аште рекѫ вам нбесьнаа вѣроуѥте“ (=поверите — *πιστεύσετε*) (Остр. ев., 85 б, в, Иоанна, III, 12; в исправленном тексте увѣруете); „Покажи оубо намъ нонѣ ѥдно знамениѥ, и вѣроуѥмъ ѥмоу и тебѣ“ (Supr., 22, 14).

„Отъженѣмъ и отъ прѣдѣлъ сихъ, аште ли (=в противном случае), вьса люди привлѣчеть къ себѣ, и вѣрѹѭтъ къ рождьшоуоумоу са отъ Мариа“ (ibid., 158, 15).

Вожю, имѣю, даю. „Ажь ми ся уже молить и кается о своей винѣ всей, то язъ его прiиниму (будущее) и ко кресту вожю, и надѣлокъ ему даю; даже въ томъ устоить, и отцемъ мя имѣти почнеть во правду и добра моего хотѣти, то язъ и сыномъ имѣю собѣ, якоже и первое имѣлъ есмь его и добра ему хотѣлъ“ (Ипат. лет., 146, 16 сл.). Здесь вожю, даю, имѣю употреблены о событиях будущих, но имеют ли эти формы настоящего времени и значение настоящего, т. е. представляет ли сам говорящий будущее настоящим, или же он употребляет только формы настоящего, придавая уже им значение будущего? В последнем случае, почему он не употребил форм веду (в значении приведу, как часто иду вместо пойду) дамь? Относительно вожю заметим, что водити есть чуть ли не единственная форма, употребительная о крестоприводстве. Ср. Ипат. лет., „води й кресту“ [ibid., 146, 20 (привел), 39 и др.]; „посадиша Ярослава и водиша (=привели) й къ кресту“ (Новгор. I лет., 62, 22) и др. Вести в этом смысле не встречается, или, по крайней мере, очень редко. Стало быть вожю могло быть употреблено в значении будущего. Имею может иметь значение будущего, судя по тому, что имеет же такое значение не только вспомогательное иму, но и вспомогательное имаамь, польское mam, украинское маю. Но трудно допустить, чтобы даю употреблено было в значении будущего. Так, и в следующем формы выдаем, выдаваем считаю за настоящие и по значению, хотя употреблены они о событиях будущих: „тобѣ ся, княже, кланяемъ и братьи Новгородьцемъ, на путь не идемъ (в поход не идем, не пойдем), а братьи своеи не выдаемъ“ (ibid., 43, 20); „и присла князь Михайло къ Новгородцемъ въ Торжекъ: «выдаите ми князя Аѳанасья и Ѳедора Ржевьского, а язъ съ вами миръ докончаю». И рекоша Новгородцы: «не выдаемъ Аѳанасья, но измремъ вси честно за святую Софью»“ (ibid., 71, 17); „княже, кланяемъ ти ся, а братьи своеи не выдаваемъ“ (ibid., 41, 34); „выдай, кого ти хотять; аще ли, то предаемыся“ (Лаврент. лет., 114, 5) (=передаемся, хотя Erben переводит se vzdame — предадимся, сдадимся).

Вообще не подлежит сомнению, что как старинный язык, так и современный может употреблять настоящую форму о будущем, не только придавая ей значение будущего, но и оставляя за нею значение настоящего: „завтра едем“; „побѣда ны есть на Угры заутра“ (ibid., 115, 10) (Erben — zvítězíme — победим). См. выше под лѣзу, иду, ѣду.

Настоящее в смысле будущего „Ты на стретушку пойдешь к ним поскорешенько, Ты закинешь речь, горюша, умильнешеньку, Ты челом да бьешь, горюша, низко кланяешься: Да вы здравствуйте удалы добры молодцы“ (Барсов, 208); „Тут боялася победнушка, полóхалась, Как приидe становой да все начальничек, Он куды кладет победную головушку; Меня сошлют со родимой, може, родинки“ (ibid., 261); „Да бо рече мру вину мудрие буде а безумнаго аще и кнутомъ бьеши, розвяза на сане, не отимеши безумия его кажа безумнаго прiимеши себѣ досаженiе. посреди сонмiщь срамляетъ тя“ (Моление, 113); „Оумну мужю рещi слово. и поболить срцем. а безумного аще кнутом бьеши не вложиши вонь оума“ (XV в., Буслаев, Хрестом., 647); „Из-за дверей да разговорушки держу; Сговорю да светом братцам богоданыим: Скоро-ль идете за стол да хлеба кушать!“ (Барсов, 41); „Лучше день лежим, родитель, не едаютца... не пиваютца, Не пойдем мы рожоны твои детушки, Да мы по миру не йдем по крещеному“ (ibid., 157); „Я куда с горя деваюся, Деваюся до сопечалюшки потеряюся... А я пойду съ горя, да во темны леса“ (Тр.

Этнограф. отд., V, 2, 115); „Станьмо тутечка підождімо, поки сонце обітріє, Чи не прибуде ик нам наш піший-піхотинець. Тоді на його велике усердие маю. Усю добич скидаю, Його пішого, міждо коні хватаю" (Кулиш, I, 40).

„Месяцю, брате, почекай мене!
— Я не чекаю, часу не маю;
Бо іду в пôслй вôт господа бога".

(Головацкий, II, 165, 6.)

Исключив эти случаи, а также случаи как борюся, ѣждю и т. п., в коих при форме настоящего могут подразумеваться поставленные за несколько слов выше частицы да, ать, в силу коих настоящее время получает значение optativi, permissivi, мы замечаем следующее.

Настоящие формы глаголов несовершенных в современном языке, в Остромировом евангелии и в русских летописях в одних случаях передаются современным будущим совершенным, в других — несовершенным, в третьих могут быть переведены и тем и другим. То же заключение может быть выведено и из слов проф. Буслаева, который переводит так: „поѧшетъ и ведѐтъ (вм. опояшет и поведет, или будет водить)", „вечерѫю (вм. повечеряю, или будет вечерять)" (Буслаев, Граммат., II, § 183, примеч. 1).

Спрашивается: были ль и в древнем русском языке несовершенными те глаголы, которые несовершенны в современном? Основываясь пока на одном значении настоящего времени (о других формах — ниже), отвечаю отрицательно. Чтоб быть несовершенным в современном значении, они должны были иметь при себе глаголы совершенные, но они их не имели. Если, как надеюсь, заключение верно, то из него следует, что строй современного языка в том отличен от строя, с коим согласны приведенные явления старинного языка, что в теперешнем славянском наречии будущее несовершенное может быть выражено только описательною формою, между тем как форма простая (предложная или беспредложная), кроме настоящего, может обозначать только будущее совершенное. Таким образом, одному древнему прошѫ будет соответствовать в современном языке: а) настоящее прошу, б) будущее совершенного глагола попрошу, в) будущее несовершенного буду просить. Оставляем в стороне первое значение, свойственное всем арийским языкам. Второе значение имеет несогласное с нынешним языком, совершенно согласно с многочисленными в старославянском и древнерусском случаями, употребление беспредложных повелительных аористов и причастных форм там, где теперь стоят предложные совершенные формы. Явления эти объясняются таким состоянием языка, при котором различие глаголов совершенных и несовершенных если еще не появлялось или хотя уже и началось, но не коснулось еще всей массы глаголов: прошу, проси (аорист), просил, просити, хотя переводятся в известных случаях современными попрошу, попросил, попросить, но не выражают этих последних.

Таким же образом объясняется и значение в) прошѫ, буду просить. Это прошу не выражает ни нашего попрошу (будущее совершенное), ни нашего буду просить; оно есть только не выражающее категории совершенности или несовершенности будущее, обозначенное настоящим.

Шлейхер в статье „Das futurum im deutschen und slavischen" (Schleicher, 187 сл.) справедливо замечает, что в старославянском (мы прибавим: и древнерусском) различие глаголов совершенных и несовершенных еще только возникает (ist noch im werden) и

далеко не так развито, как в позднейших наречиях. Заметим, что и в современных наречиях оно резко и характеристично сравнительно с другими языками, но вовсе не проведено до конца, что явствует из многих случаев, когда это различие ничем не выразилось формально и когда один и тот же глагол, смотря по смыслу, является то совершенным, то несовершенным. Современные наречия только в том пошли дальше древнего языка, образцы коего в Остромировом евангелии и старорусских памятниках, что в современном глагол в одном данном случае непременно должен быть совершенным или несовершенным, а ни тем, ни другим быть не может, хотя бы в нем категории совершенности и несовершенности формально не были выражены.

Но нельзя принять без поправок того, что он приводит в доказательство неразвитости этих категорий в старом языке, именно,что в нем: а) „формы настоящего времени глаголов совершенных еще нередко означали настоящее время и, наоборот, б) формы настоящего времени глаголов несовершенных означали будущее“ (ibid., 191). Что до п. а), то немыслимо, чтобы глагол, ставший совершенным, мог выражать формою настоящего времени настоящее, а не будущее; если ж изъгонѭ есть и по значению настоящее, то это значит, что глагол изгонити, ставший впоследствии совершенным, еще не был им. Относительно п. б) следует, как мы видели, обратить внимание на употребление форм настоящего времени в значении современного будущего несовершенного и современного будущего совершенного, свидетельствующее о безразличии в данном случае категорий совершенности и несовершенности. Если дрьжитьсѧ (Остр. ев., Марка, XI, 24) переведем через „будет держаться“, а вѣрѹѥте (ibid., Иоанна, III, 12) через увѣруете, то это значит не то, что в старославянском дрьжатися был глаголом несовершенным, а вѣровати — совершенным, а то, что ни совершенность, ни несовершенность этими глаголами не выражалась. Впрочем, Шлейхер и не думает, что веровати был глагол совершенный; напротив, он утверждает, что этот глагол уже по своей форме есть „несовершенный“, а между тем означает „будущее“ (Schleicher, 192), что опять-таки ошибочно, потому что форма тут не при чем. Какое же формальное различие между вѣрую (глагол в современном русском несовершенный) и дарую; а между тем дарую в современном наречии русском, польском, чешском есть не только глагол несовершенный (= дарить), но и совершенный (подарить, простить: польское niech ci daruje = чешское nech ti darujë = пусть простит; даровал мне разум = дал, подарил, а не давал, дарил). Подобным образом о послушаѥть в значении будущего (Остр. ев., Матфея, XVIII, 15, 16, 17) Шлейхер говорит, что оно по правилу должно бы быть глаголом несовершенным, стало быть иметь значение настоящего, как в Остромировом евангелии, от Иоанна, VIII, 17. Это правило, в противоположность правилу о вѣровати (см. выше), выведено не из современных наречий [из коих в русском слушать (украинском послýхати, польском posłuchać) есть глагол решительно совершенный, между тем как в чешском poslouchati еще может быть несовершенным (pilnĕ a bedlivĕ poslouchati — слушать) и совмещает в одной форме значение украинского „послýхати“ (совершенный) и „послуха́ти“ (несовершенный = слушать)], а из половины данных, замеченных в Остромировом евангелии. Весьма поучительны эти противоречия, находимые Шлейхером, между тем, как должно быть по правилу, и тем, как есть [Некрасов, если б знал это, сказал бы — для русского (resp. славянского) языка нет правил].

Еще один пример. Шлейхер про глаголы, ныне совершенные, имеющие в Остромировом евангелии в форме настоящего времени значе-

ние настоящего („погыбнемъ“ — Луки, VIII, 24, „отрѣшить“ — Луки, XIII, 15, и т. п.), говорит, что они имеют в повелительной форме значение настоящего, несмотря на то, что по форме они должны бы быть решительно совершенными (Schleicher, 193). То-то и дело, что они не были тогда совершенными. Эти противоречия неизбежны, как скоро упустишь из виду ошибочность современной точки зрения в применении к прошедшему.

По отношению к замене будущего времени Шлейхер находит почти полное соответствие между славянским, с одной стороны, и готским, древне- и средне-верхненемецким — с другой: „И славянский и немецкий язык потеряли форму будущего времени; и тот и другой заменяют ее [кроме сходных описаний, тождественных с имѣти, начѧти, хотѣти, и неопределенным в славянском и с haban, duginnan, skulan (sollen) и неопределенным в готском] преимущественно настоящим глаголов совершенных. В готском [и в древне- и средне-верхненемецком], как и в старославянском, уже различаются глаголы несовершенные и совершенные, но в готском это различие не так явственно выступает наружу, как в старославянском, который в свою очередь еще не достигает той строгости в разграничении этих разрядов, какая видна в других славянских наречиях“ (Schleicher, 197).

В готском, древне- и средне-верхненемецком глагол, как замечают, становится совершенным (т. е. настоящее его становится будущим, прошедшее — прошедшим совершенным) или в силу своего значения (как готское gibith — даст, δώσει) или в силу влияния предлога, преимущественно предлога да, средне-верхненемецкое ge, некогда означавшего съ (вместе), но уже в готском до такой степени потерявшего свое основное значение, что весьма часто он только придает глаголу значение совершенности, не сообщая никакого пространственного оттенка.

„Различие глаголов совершенных и несовершенных стало явственнее в силу потери формы будущего времени (которая, по вероятному предположению Шлейхера, была и в германских незадолго до составления первых готских и древне-верхненемецких письменных памятников). Затем: в ново-верхненемецком стали преобладать описательные формы (будущего) и вместе с тем почти совершенно исчезло различие глаголов совершенных и несовершенных, между тем как славянские наречия пошли по иному пути: они описывают только будущее глаголов несовершенных посредством буду (etc.) и таким образом достигают все более и более резкого разграничения обоих разрядов“ (Schleicher, 197).

Совершенность и несовершенность глаголов в готском и древне- и средне-верхненемецком (см. Martens, 31 сл., 321 сл.) и исчезновение этих категорий в позднейшем немецком языке — вопрос, как мне кажется, далеко не доведенный до надлежащей ясности. Не признавая себя здесь компетентным, позволю себе, однако, заметить следующее. Шлейхер, повидимому, находит причинную связь между появлением совершенных глаголов и выражением будущего времени посредством формы настоящего. Но, во-первых, в немецком нет глаголов совершенных, а между тем будущее выражается настоящим.

Вот несколько примеров из литовских песен в переводе Нессельмана: „O ką mes ten weiksim?“ (а что мы там будем делать?). — „Miestą mums pakursim“ (построим себе город — bauen uns eine Stadt). „O ką mes ten gersim?“ (Und was trinken wir da?) (Nesselman, № 10).

„Бонякъ... повѣда Давыдови, яко «побѣда ны есть на Угры заутра»“ (Лаврент. лет., 115); „прокляша, иже ся не поклонять иконамъ“ (здесь может быть будущее, но вероятнее настоящее — „kteři se ne klani“).

„Не преимай же ученья отъ Латынъ, ихъ же ученье разъвращено: влѣзъше бо въ церковь не поклонятся иконамъ (ne klání se), но стоя поклониться (pokloní se)“ (ibid., 49).

Буду. В „Слове о правой вере“ Дамаскина по переводу Иоанна экзарха: „[Река Океан] пивьноу [«добру пити»] и сладъкоу водꙋ имоущи. та подаеть моремъ водоу. ꙗже в морихъ мудꙗщи [по новому переводу «косня»] и стоꙗщи непостоупьна [недвижна]. горька боудеть [γίνεται, становится; но по переводу Епифания Славинецкого и Амвросия — бываетъ] слн҃цю присно тъньчѣе [тончайшее] сънимающю. и съмьрьчемы [читай съмьрьчемъ] имиже [читай, как и в другом месте, «имьже»; в переводе Епифания и Амвросия согласно с подлинником: оттуду, откуду] и облаци сꙗ съставлꙗють. и дъждеве бывають (γίνονται; здесь и мы можем оставить «бывают») цѣжденьемь слядящиисꙗ водѣ“ (Богословие, 154); там же γίνεται переводится и бывает: „противу же творитву (πρὸς τὴν ποιότητα «по качеству»; переводчик смешал с ποιέω) земьному источьникъ (родительный множественного) вода бываеть“ (Калайдович, 43).

„Написашесе сиѥ книгы... рукоѹ граматика Ѳеѡдора; а повельниѥмъ... Даментиꙗна ѥромонаха, боудуща тъгда Духовника всего братьства Хиланьдарскыѥ Лавры“ [Послесловие переписчика „Шестоднева“, 1263 г. (сербское) — Калайдович, 164]; далее (ibid.) „не имѣниꙗ ради сего свѣта нъ млсти ради бжиѥ и ѡного свѣта некончаѥмаѧго, и боудꙋщих ради бл҃гъ“ (ibid., 146).

Буду. Иногда не ясно: настоящее или будущее. Действия обычные. „Ѥгда бо на въсточнѣмь прѣдѣлѣ боудетъ слнце ти подземный полъ миноувъ. нбо днь створитъ. тъгда бо всꙋ землю ѡсвѣтитъ, подъ нбсмъ свими лоучами прсиꙗвъ. ѥгда ли пакы доидетъ западнаѧго прѣдѣла. ти подъидетъ подъ земный полъ нбсе и скрыѥтъсе. то нощь творитъ. свой свѣтъ съкрывъ. тьма бо боудетъ. где свѣтъ нѣ боудетъ бо в'сь тъгда надъ землеѹ възоухъ тьмьнъ и бесвѣта, ѿ земле бо боудетъ стѣнь“ (Шестоднев, 20); „И ѥгда съврати слнеч'нии прилоучаѹт'се. то ѡвогда нощь. ѡвогда днь вещей боудетъ. нъ ѡбаче ѡбоѹ тоѹ дльгость бываѥтъ въ. кд. часъ“ (ibid., 27, 3); „[Морская вода] ноудима же задниимъ вѣтромь. сквозѣ лоукыѥ ты жилы. и вонъ издриваѥма. и истичетъ. расадивши или землю или камень. ти боудетъ сладка цѣщениѥмь тѣмь. горести гонез'ши... [вода] тоѹже виноѹ женома и възгорѣв'шиц се, топла боудетъ. многажи и врещи. ꙗко же ѥ видѣти въ ѡстровѣхъ... и подлъгъ морѣ бываѹтъ. бываѹт же и свѣне морѣ и земле истиꙁающе топлице“ (ibid., 90); „Влага же та възнесена на высокаа мѣста. таче ꙋстꙋжена... дожь боудетъ. и гредетъ на землю“ (ibid., 91); „Ѥгда се лоуна ѡградитъ и слнцю же ѥгда глемии тоци опсании боудетъ (= оутъ). или воды въздоушныѥ. множьство. или вѣтръ боурьныихъ вѣаниꙗ знаменоуѥт' или юже именоуѹт' ан'тилиѹ. ѥже се рекоуть намѣстиꙗ слънъчнаꙗ. ѥгда текоуть съ слънечнымъ шьстиѥмъ. то метежа нѣкакого въздоушнаѧго знамниꙗ боудоуть (конкретный). ꙗко же ꙋбо и ра[ꙋдоѥ]доужьнымъ лицемъ бываѹтъ (многократный) и простѣ се простроуть ѿ ѡблакъ. ꙗвлеѹще ли дъжде или боуре“ (ibid., 138); „Зима бо бꙋдетъ (на северном полушарии) по ѹжьскыимъ странамъ слнцю ходещю. и многонощьныи стѣнь по нашимъ мѣстомъ бываѥтъ“ (ibid., 143).

Буду. „Ѥгда бо ѥ (лоуна) оубываѥтъ. то рѣдька боудоуть и тъща [телеса на землѣ]. ѥгда ли растетъ... то и та пакы исплънеѹть се“ (Шестоднев, 147); „мѣл'дько ѥсть сѣверъскоѥ море. и оудобь вѣтромъ моутити ѥ. ꙁа из' дна ѥ. могоуть оудобь възмоутити боурнии вѣтри.

ꙗко же и подъньни [sic!] пѣскъ съ вльнамі расмѣсити. нъ и стоудено боудетъ (становится) въ зимныѥ годы. многыми и великыми рѣками. испльнѥю се“ (ibid., 169 об.); „Ѥхидна змиꙗ... съходитъ се съ морьскою мүреною... и зоветъ мреноу из глоубинꙑ... она же послоушаѥтъ. и боудетъ съ ꙗдовітымъ тѣмъ гадомъ“ (ibid., 171).

„Боуди юноша. желаѥ женитвы. пръвоѥ боудетъ ѡбѣщаньнікъ. таче зетъ“ (ibid., 182 об.); „Чоувьство есть ѡсязание, еже есть ѡбьще живота всего. иже боудоутъ отъ мождень. жиламъ съходящамъ по всемоу тѣлоу“ (Богословие, 193); „[Промысломъ иной раз] пакы попоущенъ боудеть кто страстовати. на рьвьнованиѥ иномоу. да славѣ стражоущаго възвеличивъшися без лѣности. страсть инѣмъ боудеть надежда грядоуща славы. всхотѣниемь придоущаего добра. яко же и при моучцѣхъ“ (ibid., 211—212).

Чати. „Обьште бо цѣсарьствиѥ, а не вьнѣ толжде чьсти сынови слово причаштаѥмо ѥстъ, не бо ни начьномо ни прибываѭште или оухоудѣѭште“ (Supr., 241, 12) [начьномъ = ἀρξάμενος (Miklosich, Lexicon, s. v.)].

Стьрѫ. „Око убо вида или дѫбъ цвѣтьчанъ или источникъ силно текѫштъ, тѣмь видѣниимъ тамо са влѣчеть, и срьдьчьныи оумъ прѣвраштаатъ тамо. также и оухо, слыша словесы дѣаниꙗ и повѣсти къ тѣмъ мысль си простьретъ“ (Supr., 253, 8).

Рѣяти. „И нынꙗ по что сьнидохомы са вьси, слышать нѣчто о крьстѣ, и напльнꙗѥмы цръкве, и дроугъ дроуга порѣѥ поташте са, троуждаѭште са“ (ibid., 393, 11). „Врѣя (причастие настоящего) человѣка въ сѣть, самъ увязнетъ, врѣя человѣка въ судъ, неоскудѣетъ судъ его во вѣки, и окоруя и прѣзря лице человѣче, окоруетъ и презритъ лице господине“ (Кормчая, 1620]; „Демони възвышаѭть бо са ꙗко горы, низьреѭть же ꙗко поле просмраждени, ꙗко же ѥсть пѣсано глѥть же и вльны морьскыꙗ“. [Это — толкование к „въсходать горы и низъходать поля“ (Буслаев, Хрестом., 31).] Это — глагол средний и к нему неприменимо объяснение — dejicere, humiliare (Miklosich, Lexicon, s. v. низрити).

Могу. „Блаженъ иже судитъ судъ праведный и сиротѣ и вдовици и всему обидимому поможетъ“ (Кормчая, 1620).

Съберѫ. „Аще кто вь мнѣ не прѣбѫдетъ. извръжетъ са вънъ. ꙗко же розга исъшетъ. и съберѫтъ (Остр. ев., 168 в; събираѭть = συνάγουσιν) ѭ и въ огнь вълагаѭтъ (Остр. ев. — вьмѣтаѭть) и съгораѥтъ“ (Саввина книга, 4, Иоанна, 156; Срезневский).

Веречи (старославянское врѣшти), вьргу. „Не ѿверзи сѹда моего“ (Иова, 40, 3) (в исправленном „не отвергай“) — (Библия 1499 г. — Буслаев, Хрестом., 171). „Сварилася пшениченька з конопелько на поленьку... тебе за плот вергуть, а з мене коравай плещуть“ (Тернополь, Головацкий, II, 638) „[Рыба пожирает рыбу, человек — человека.] нъ блюди се ѥда тебе також кончина дойдетъ. ꙗкоже и рыбы. нѣ оудица прѣлестию за лалокоу имоущи. нѣ ѡмьтъ ѡбрьгоущи. нѣ мрѣжа“ (Шестоднев, 167).

Власти, владѫ. „Да имиже ты съвладеши (того, чем ты владеешь, чем ты в состоянии управлять, т. е. нравственных движений, подчинимых воле), то тѣхъ начела не ищи ѿиноудѹ ни ѿкоудоуже (кроме своей воли), нъ знай истовоѥ зло ѿ ѿпадениꙗ начело веземъ“ (Шестоднев — Калайдович, 160).

Чьсти (чисти), чьтѫ. „Сего ради неявленое вьчтется съ изложенми“ [= поэтому неопределенное причисляется (причитается) к наклонениям] (XVI в., Калайдович, 170). „Иные чтут одну фортуну“ (Державин, I, 19) („чтять“ было у Державина, „чтут“ поставил Дмитриев).

Бости. „Biada temu domowi, gdzie krowa dogrozie wołowi“ (XVII в.) (=dopada wołowi).

Грѣти, грѣю (с предлогом несовершенного вида). „Тартаръ несъгрѣемый“ (=несогреваемый) (Калайдович, Памятники, 130).

Спѣти, спѣю. Успею — теперь глагол совершенный (при несовершенном „успеваю“); в старинном языке — несовершенный. „Видѣвъ же Пилатъ. ѩко ничьсо же оуспѣѥтъ (ὠφελεῖ). нъ паче мѧтежъ бываѥтъ... оумы рѫцѣ“ (Остр. ев., 186 г, Матфея, XXVII, 24). Чешская Библия 1529 г.: „A wida Pilát žeby nicz ne prospěl, ale žeby wijce rozbroy byl, umyl jest ruce“.

Могѫ с въз есть несовершенный. „Межи вами и нами пропасть велика оутвердисѧ, ѩко да хотѧщии минути, ѿсоудоу къ вамъ. не възмагають“ (Ев. 1307 г. — Буслаев, Хрестом., 107): „...не възмогѫть“ (Остр. ев., 97 б, Луки, XVI, 26). Чешская Библия 1529 г.: „mezy nami a wámi cýt weliký utwrzen gest, že ti kteřyž chtej odsud k wám gijti ne mohú“.

Подобным образом в литовском, латышском, по Шлейхеру и Биленштейну, предлог нередко сообщает глаголу значение совершенности. При этом Шлейхер для славянского читателя замечает, что и такие совершенные глаголы имеют настоящее (со значением настоящего) (Grammat. Lesebush, 139). Я полагаю, что славянский читатель с точки зрения своего языка должен считать совершенным только такой глагол, коего настоящая форма постоянно имеет значение будущего, и может себе представить оконченность действия лишь в прошедшем и будущем. Следовательно, то, что названо совершенностью в латышском и литовском, не есть славянская совершенность. Мы не должны обманываться тем, что, например, литовские pri-si-gérti, pri-si-ryti, pri-si-suřbti мы во многих случаях переводим славянскими совершенными: напиться, нахлебаться, нахлестаться, насосаться; латышское áiz-migt (литовское užmigti)=славянским за-снуть; латышские nů-drzertis — напиться, ибо если настоящее этих глаголов, например, prisìgeriu, значит напиваюсь, то и все остальные формы чужды совершенности и несовершенности в славянском смысле. Так и немецкие einschlafen, ausessen одинаково означают заснуть и засыпать, съесть и съедать, т. е. собственно не означают ни совершенности, ни несовершенности.

В этом явственно безразличие совершенности и несовершенности. Такое явление невозможно признать новым, потому что оно есть в древнейших памятниках славянской письменности. Следовательно, необходимо значительно ограничить связь между совершенностью — с одной и употреблением настоящего в значении будущего — с другой стороны, как в славянском, так и в готском, древне-верхненемецком и средневерхненемецком.

При сравнении глаголов, считаемых за совершенные в готском и древненемецком, с соответственными явлениями в славянском, быть может, окажется, что многие из немецких глаголов, несмотря на свою сложность с ga и на свое значение будущего в настоящем, вовсе не совершенны. Так, в одном из приводимых Шлейхером примеров: готское matja jah drigka (φάγω καὶ πίω) — „ѣмь и пиѭ“, настоящее gamátjis jah gadrigkais (φάγεσαι καὶ πίεσαι) „ѣси и пиѥши“ (Остр. ев., 115 б, Луки, XVII, 8) есть будущее, но вовсе не совершенное с точки зрения современного языка, на который мы, не отклоняясь от славянского текста, переведем: будешь есть и пить.

Возвращаюсь к славянскому.

Народ, пока жив, беспрестанно переделывает язык, применяя его к изменчивым потребностям своей мысли. Быстрота течения жизни никогда не дает возможности остановиться на известном строе мысли и согласно с ним довести преобразование языка до конца. Если отдельное лицо никогда не достигает полного примирения несогласий между всеми своими мыслями, то тем менее возможна в языке, создаваемом множеством особей, такая стройность, чтобы всякое отдельное явление было согласно со всеми остальными. Так и в рассматриваемом случае. По отношению к замене будущего настоящим в старославянском и древне-верхненемецком мы замечаем два разнохарактерных наслоения: а) более древнее, замену будущего настоящим без различия категорий совершенности и несовершенности, б) позднейшее, но долгое время существующее рядом с первым, состоящее в разграничении будущего несовершенного и совершенного и выражение последнего настоящим глаголов совершенных.

При подробном сравнительном пересмотре словарей современных наречий и памятников старинной и народной литературы найдется, без сомнения, много других подобных случаев; но из приведенных примеров можно вывести некоторые заключения о строе языка того времени, когда формы, употребительные теперь только в значении будущего, имели значение настоящего.

Во-первых, о беспредложных: очевидно, что форма паду имела значение только настоящего в то время, когда при ней не стояла форма падаю, т. е. до разграничения глагола первой степени от глагола второй, когда производных глаголов (III, 2, б) (рицати, ричю), (III, 2, г) (дава), V, 4 (отглагольный), VI (отглагольный), служащих ныне для различения степеней длительности, еще вовсе не было, хотя и были их формальные первообразы. Не было также IV — однократных. Вместе с появлением глаголов на *-аю* (падаю, паду), паду, бывшее до того безразличным по отношению к виду, получило значение конкретного действия (паду теперь, в эту минуту) сравнительно с действием, обнимающим большее протяжение времени (падаю). Однако одним присутствием формы значения падаю, при конкретном паду, нельзя объяснить, почему это паду стало будущим; нужно предположить еще одно изменение в этом конкретном паду, именно сокращение периода, им обозначаемого, по направлению к однократности; нужно допустить в паду три слоя значений: 1) значение древнейшее, безразличное по отношению к виду, 2) конкретно-длительное и 3) менее длительное. Не вижу возможности иначе объяснить совершенного значения глагола паду, как допустивши сближение его по смыслу с однократными. Внесши в глаголы значение оконченности и неоконченности, большей или меньшей длительности и однократности, язык нашел несовместимым значение настоящего времени со значением совершенности и однократности. Можно бы подумать, что сознание этой близости выразилось в переходе некоторых из глаголов беспредложных совершенных в разряд *-н-* в сербском па̏сти, па̏днем, лѐћи, ле̏гнем (и ле̏жем), рѐћи, ре̏кнêм (ре̏чем), сjе̏сти, сjе̏днем (сjе̏дем); в польском, однако, этот переход может вовсе не иметь такого смысла, так как класс *-н-* заключает в себе и много конкретно длительных. Итак, ничто не отвергает предположения, что формы па̏днêм, padnę могли еще с этим именно характером иметь значение настоящего, как польское ciągnę, biegnę.

Однако, допуская некоторое приближение такого глагола, как паду, к однократным, вряд ли следует думать, что оно вполне стало однократным. Если можно сблизить сяду, лягу со стану, то уместно ли

будет такое же сближение с однократными таких глаголов, как благословлю, куплю. Повидимому, эти последние, ставши совершенными, не перестают быть длительными, подобно предложным поведу, понесу.

В формах сяду, лягу следует предположить, до решительного их перехода к значению будущего, колебание между настоящим и будущим, как доныне в женю и т. п.

В основании этого явления лежит, вероятно, следующий взгляд: грамматическое время есть отношение действия и состояния ко мгновению речи и (так как мысль сознается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о них. Действие, занимающее одно неделимое мгновение или и более продолжительное, но оконченное, не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: гром грянул или, если ожидается другой удар, — грянет. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: дождь идет (т. е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности, глаголов кратчайшего действия, повлекло за собою потерю значения настоящего в этих глаголах; что же касается причины, почему настоящее получило значение будущего, то она заключается в сознании сродства этих времен, более древнем, чем выделение славянского языка, так как будущее с основным окончанием *sya-mi* из *os-ya-mi* (окончания настоящего времени), частью есть во всех индоевропейских языках, частью предполагается ими. Так, в готском и древне-верхненемецком настоящее служит вместе для выражения греческого и латинского будущего; в среднем и ново-верхненемецком тоже употребляется настоящее с наречием, означающим будущее в смысле будущего, а настоящее глагола werden уже в очень древнее время получило значение будущего и теперь служит для образования будущего описательного (Grimm, Grammat., 4, 176, 7).

Настоящее без *ать, да* в значении повелительного: „Киръ ц҃рь повелѣлъ да до́м бж҃їй съзидаетсѧ... расхо́ же ѿъ домꙋ ц҃рва дасться (в исправленном: да дасться). но́ и́ съсꙋди... и́же Навходоносоръ взялъ ѿъ ц҃ркви въ Іер҃лимѣ... въздаютсѧ и́ внесꙋтсѧ (в исправленном: да отдадутся) в ц҃рковъ“ (Эздры, 6, 5, XV в. — Буслаев, Хрестом., 168); польский язык XVI—XVII вв.: „Ktoby czynił więcej niż przystoi niech żeby od tego niżej opisany pobor dawał“; „Niechasz nam będą dane dwa woły“ (Leop. 3 Reg., 18); „Niechasz oni sobie obiorą jednego, a zrąbawszy go, niechaj włożą na drwa“ (Linde).

Настоящее историческое. „Пришел убогий к брату своему. Просит убогий милостынку“ (Калеки, I, 43). Если за настоящим (как — говорит, просит, думает и т. п.), следующим за другим глаголом, следует изложение содержания речи, мысли, просьбы, то это настоящее может опускаться: „Вышел убогий за ворота, Взглянул убогий на небеса: «Сошли, господи, скорую смерть!»“ (ibid., 43).

Опущение глагола. „Е в мене батенько буде прохати, щоб добрая доля“ (Метлинский, 145); „Бо я вдома обідала, аби братка одвідала (прийшла), не так, братка, діток твоїх, що не мала зроду своїх“ (ibid., 279—280); „Усе тії, що пити-гуляти, та нікому порадоньки дати; усе тії, що напитися, та нікому зажуритися“ (ibid., 154); „Горілки не вживав, так щоб через край“ (Кв.-Осн., I, 125); „Каб не было (замужем) нашей сястрицы-зневаги, Каб не было: где суседочка-маточка, где поветочка-хаточка“

(Могилевская губ., Сенн. у.) (Шейн, Материалы, II, 351); северно-русское: „Не откиньте-тко вдову вы бесприютную . . . Да вы грубым словечком не обидьте-ткось, Да вы больным ударом не ударьте-ткось. Как пойдут мои сиротныи к вам и детушки. По вашему крыльцу да по переному. Не заприте-тко новых сеней решотчатых . . .“ (Барсов, 7); „Не заходят к нам добры людушки, Серой заюшко туды не проскакиват, Малая птичка не залетыват, Извощики к нам не заизживают, Перехожии калеки не прохаживают, От вас грамотки к нам не принашивали“ (ibid., 91); „Лучше день лежим (т. е. будем лежать), родитель, не едаютца [-цы. *А. П.*], Да мы суточки, родитель, не пиваютца, Не пойдем мы рожоны твои детушки, Да мы по миру не йдем по крещеному“ (ibid., 157); „Каб (чтобы) красочка не родзилась, Каб дзевочки не сбирали, Каб вяночкоў не свивали (не вили), На галоўках не носили, Каб и замуж не ходзили“ (Шейн, 238); „Не пиваючи“ (Рыбников, III, 108).

Разница — между „ты меня не обмани“ (этот раз) и „Не теряй-ко, девушка, своей красоты, Не расплетывай своей трубчатой косы, Не выплетывай ты ленты алыя“ (Архангельская губ.) (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 52); „Носи, миленький, не уранивай, Люби девушек, не обманывай“ (ibid., 55).

§ 18. Будущее время

Что в славянских языках была особая форма для выражения будущего времени, это выводится с полною достоверностью:

а) из сохранившихся в старом списке перевода сочинений Григория Назиянзина (список XI в.) остатков бывшего причастия будущего времени: бышѫщеѥ (*τὸ μέλλον* — futurum) и некоторых других, на основании коих предполагается будущее бышѫ, бышеши, бышеть, бышева, бышета, бышемъ, бышете, бышѫть (Miklosich, III, § 107). „Се запрещенїємь своимь. йскажѫ море. и положю рѣкы пȣсты. и̓ йсъхнѫть рыбыи̑. не бышющи водѣ. и оумьрѫть жаж̑ею“ (в исправленном тексте „не сущей“) (Исаии, 50, 2, Пророч. с Упиря Лихого — Буслаев, Хрестом., 175).

б) Из совпадения этих форм с живущим доныне в полной силе литовским будущим на *-siu* [по образцу bú-siu (= славянскому бы-шѧ), búsi (из bu-sji), bús (из búsi); двойственное 1-е л. búsiva, 2-е л. — búsita, множественное 1-е л. — búsime, 2-е л. — búsite], с санскритским будущим на -sya-mi, sya-si и пр. и соответствующими формами в зенде, греческом (будущее *-σω*), латинском (будущее на *-sco* и устаревшее на *-so*, как facso и др.) (см. Bopp, Grammat., II, § 648 сл.).

Что касается до старославянских форм обрьснѫ (tondebo, corrumpam, корень *бри-*), пла-с-нѫ (ardebo, корень *пла-*), въскопыснѫ (calcitrabo, корень *коп-*), тъкыснѫ (tangam, корень тък-), в коих *-с-* принимают за остаток суффикса будущего времени, то будущее значение этих форм, очевидно, зависит не от этого *-с-*, а от глагольного характера *-н-*; значение же суффикса, встречаемого и во многих других глаголах как русских, так и других славянских, подлежит исследованию. Также сомнительное значение суффикса в формах из-ми-шѫ (tabescam, предполагаемый корень *ми-*, что̀ в минѫти; значение будущего, зависимое от предлога, как и в других совершенных глаголах), и в бѣгасѭ (sic! а не бѣга-шѭ — curso; см. Miklosich, loc. cit., и Bopp, Grammat., II, § 658).

Потеряв простую форму будущего и тем отклонившись от ближайшего из родственных литовского языка, славянский язык стал выражать будущее формами настоящего глаголов беспредложных и предложных,

а также и описаниями, составленными из вспомогательного хощѫ, начьнѫ, имамь, бѫдѫ и неопределенным на *-ти*. На вопрос же: „имеет ли связь потеря особой формы будущего с появлением категории совершенности и несовершенности“, можно было бы ответить утвердительно лишь в том случае, если б замена особой будущей формы настоящего была признаком появления категории совершенности и несовершенности; но такая замена, как увидим, не есть доказательство существования совершенности в современном смысле. Следовательно, потеря будущего и появление совершенности могут находиться разве в отдаленной посредственной связи, коей необходимости мы не видим.

Современный язык находит сродство в значении формы настоящего и повелительного. Доказательством служит замена недостающих форм повелительного формами настоящего с союзом или без, именно: во всех славянских наречиях в 1-м л. ед. ч., в 3-м л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Сверх того, в русском и литовском потеряна повелительная форма 1-го л. мн. ч., сохраненная в украинском: будьмо, несім, летім, робім, поспішаймо, рятуймо.

Особенность старинного русского языка состоит в том, что он легко может в случаях упомянутой замены обходиться без союзов (ать, да), т. е. формально может вовсе не различать категорий повелительности (resp.— желательности) от изъявительности. Так, например, в 3-м л., в часто повторяющейся формуле духовных грамот, дарственных записей и т. п.: „А кто сю грамоту порушить, судить (=пусть судит) ему богъ“ (1328 г., Собр. гос. грам., I, № 22); „а хто сю мою грамоту порушить, судить ему богъ, а не буди на немъ моего благословенья въ сий вѣкъ, ни въ будущии“ (1423 г., ibid., № 41); „а хто сю грамоту порушить, судить ему богъ, а не буди на немъ... благословения“ (1356 г., ibid., № 26); „а хто сію мою духовную рушить, судится со мною передъ богомъ“ (1472 г., ibid., № 96); „Судить ти богъ и святая Софія, яко подумалъ еси на свою братію, и станеши съ нами передъ богомъ и отвѣтъ дашь за кровь нашу“ (Новгор. I лет., 21, 34). Во всех этих случаях в современном русском следует ожидать оборота „суди ему, тебе бог“, откуда существительное „судибоги“. Так и во многих других случаях: „А отъиметь богъ которого сына исъ сыновъ моихъ, и жена его не пойдетъ за мужъ, а не будетъ у нее детей, и сноха моя сидитъ въ мужа своего удѣлѣ до своего живота... а поминаетъ нашу душу; а дети мои до ее живота въ брата своего удѣлъ не въступаются“ (1410 г., Собр. гос. грам., № 40); „а мои снохи и мой внукъ темъ монастыремъ... печалуются, а не обидятъ... Язъ техъ людей всѣхъ отпустила на слободу... а снохи мои и мой внукъ техъ людей, по моемъ животѣ, в холопи не ищутъ“ (1452 г., ibid., № 82); „а оже то, рехъ; яицемъ толчете в зубы до обѣдни, аще и велиціи? Еже малымъ, рече, то нѣту бѣды, причащаються“ (XIII в., Калайдович, Памятники, 185). Такие обороты встречаются и в устной словесности: „Спасёт тебя бог, человече, Что ты мне радости возвещаешь“ (Калеки, I, 105).

Как эти примеры, так и употребление в современном языке форм настоящего с союзом в значении повелительном и желательном могут быть объяснены тем состоянием языка, при котором, после потери особой формы будущего (оставшейся в литовском), настоящее, до различия категории совершенности и несовершенности, могло означать и будущее. Форма настоящего переходит к значению повелительному именно как будущая по значению, а не как настоящая в тесном смысле.

§ 19. Времена в древнерусском языке (преходящее и аорист), потерянные в современном языке

Образование преходящего.

а) Если есть разница в строении корня первой и второй темы, то в основании преходящего большею частью лежит корень первой темы, т. е. настоящего времени. Так, в II, 1, б: д а д - ѣ а - ш е (в русских памятниках дад-я-шеть); в II, 1, а: при обрѣсти, обрѧщѫ — о б р ѧ щ т а а х ъ (Супрасл. рукоп. — Miklosich, III, § 133), с чем ср. в русских памятниках с я д я ш е, л я ж а ш е при сяду — сѣсти, лягу — лечи; в русских памятниках часто б у д я ш е т ь (буд-ѣ-аше), и з и д я ш е т ь (-ид-ѣа-ше); в II, 1, г: п л о в ѣ а х ъ (хотя в сербско-славянском памятнике XV в. встретилось и п л у - а х ъ, Miklosich, III, § 165), п о ꙗ х ъ (ibid., § 165); в II, 2, б: з о - в ѣ а х ъ, ж е н ѣ а х ъ, при з ъ в а а х ъ (ibid., § 232); в III, 1, б: и з м е л я - ш е т ь — в Жит. Феод., XII в., как и в Супрасл. рукоп. — м е л ꙗ а х ъ (ibid., § 173); б о р я х у с я (Лаврент. лет., 25, 3).

В глаголах II, 1, б (образец жьну, жати) носовые гласные не могли бы стоять перед характером преходящего (*-ѣа-*) даже и тогда, еслиб образование этого времени от первой темы было непременным правилом. Поэтому ж ь н ѣ а х ъ — ж н я х ъ само по себе не показывает, от какой именно темы оно образовано.

Формы как н а ч а х у (в значении переходящем = начинать; Лаврент. лет., 41, 15) следует считать позднейшими и неправильными; в русском они должны бы быть образованы по образцу начьяху(ть). NB. „вѣдѣху“ (ibid., 25, 3).

б) Присутствие характера первой темы в преходящем видно: в IV, I, где в русских памятниках весьма обыкновенны такие формы, как въстаняше (при ста-ти), примерзняшета (3-е дв. ч.), исчезняху при аористе, примерзохъ и др.; в старославянских памятниках, по замечанию Миклошича (III, § 186), довольно редки формы, как останѣахѫ (Супрасл. рукоп.); но других, образованных от темы без характера *-н-*, подобно аористу, не бывает. Напротив, в глаголах III, 2, б (пишу, писати), III, 2, а (ковати, кую), VI, а $\left(\frac{\text{-у-, -ю-}}{\text{-ова-, -ева-}}\right)$, образование преходящего от темы настоящего, например плюꙗахъ (ibid., § 237), пишаахъ (ibid., § 296), красуꙗхъ (ibid., § 241), составляет исключение и встречается большею частью только в более новых памятниках. По правилу — плѣваахъ и пр. В русских памятниках — засыпашеть (при сыплю), глаголаше, помазаше, прислаше, выѣхаше, бесѣдоваше, избесѣдовааше.

В старославянском горѣахъ и тому подобные глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ образованы от второй темы г о р ѣ -; от первой было бы горꙗахъ. При стяжении *ѣа* в ꙗ, свойственном русским памятникам, выйдет г о р я х ъ в коем уже нельзя распознать, от какой темы оно образовано.

В преходящем глаголов $\frac{\text{-"-}}{\text{-"-}}$ вѣд-ѣахъ, ꙗд-ѣахъ видим гласный характер преходящего во всей своей чистоте, так как тема этих глаголов не заключает в себе никакой гласной приставки к корню.

Сравнивая с этим в ѣ д ѣ а х ъ — с т а - н - ѣ а х ъ, мы видим, что если эта форма образована и от первой темы, то тематическое *-е-* = основному *а* не повлияло заметным образом на характер преходящего и как бы опущено. В п е ч а а х ъ[1] точно так же *-ѣа-* непосредственно примыкает к конечной гортанной корня и, смягчая ее, само изменяется в *а*, как в мълчати, бѣжати, слышати. В б и ꙗ а х ъ *j*, изменяющее *ѣ* в ꙗ, как

[1] В Лаврент. лет. „жежаху“ (19, 9), „не можаше“ (25, 4).

в боятися, развилось бы и при образовании преходящего не от темы *бик-*, а от корня *би-*. В любл*ꙗ*ахъ, если рассматривать эту форму при помощи одного слявянского языка, *ꙗа* представляется происшедшим из *ѣа* под влиянием *j*, происшедшего из характера *-и-*, общего для обеих тем. В желѣахъ $\left(\frac{\text{-ѣе-}}{\text{-ѣ-}}\right)$, горѣахъ, не вдаваясь в изыскания о происхождении и лишь сравнивая эти формы с аористом желѣхъ, горѣхъ, за гласную характеристику преходящего можем принять одно *а*. Так и в преходящих от глаголов с характером второй темы *-а-* или кончающимся на *а* в — зъваахъ, писаахъ, дѣлаахъ, бесѣдоваахъ — фактически характер преходящего представлен одним вторым *а*.

Бопп (Grammat., III, § 525, 532) разлагает рассматриваемые формы таким образом: вез-ѣ-ахъ, жел-ѣ-ахъ, рыд-а-ахъ, т. е. в *ѣа*, *аа*, видит два элемента: *а*, остающееся неизменным во всех спряжениях, он рассматривает совместно с следующим *-хъ* и пр. В этом *-ахъ* есть вышедшее из раздельного употребления в славянском, но сохраненное в наиболее первообразном виде в санскрите прошедшее 1-е (иначе аугментированное или imperfectum) от корня as- (= ѥс- в ѥсмь). Славянское *-ахъ*, *-аше*, *-ать*, *-ах-о-вѣ*, *-аста*, *-аста*, *ах-омъ*, *-асте*, *-ахѫ*, = санскритскому единственному числу âsam (*â* здесь и в следующих лицах — из слияния аугмента *а* с начальным *а* корня *as-*), âsî-s (из as-as), âsît (из âsat); двойственному âsva, âstam, âstâm; множественному âsma, âsta, âsan. Быть может, замечает Бопп, вошло в славянскую форму начальное *а* корня *as-* „в своем слиянии с аугментом". Гласную, предшествующую в преходящем этому *-а-* вспомогательного глагола, Бопп считает за характер санскритского X класса, думая, что те глаголы, которые сами по себе (т. е. в других формах) не принадлежат к этому классу, переходят в него в преходящем, так что *ѣ* в вез-ѣ-ахъ тожественно с *ѣ* не только в гор-ѣ-ахъ, но и в гор-ѣ-хъ. По этому взгляду в глаголах, соответствующих санскритским X класса, по гласной, соответствующей санскритскому характеру этого класса (во второй теме?), должно прибавляться в преходящем одно лишь *а* вспомогательного глагола, что и находим в рыда-ахъ, если считать первое *а* = санскритскому *ay* второй темы. Но так как характер *и* = санскритскому *aya* и *ay*, то преходящее должно бы быть любл*ꙗ*хъ (из люби*ꙗ*хъ, как любл*ѭ*, из люби*ѭ*). В действительности находим любл*ꙗ*ахъ, хвал*ꙗ*ахъ с *ꙗа*, что и заставило нас выше видеть здесь соседний характер *и* не с одним *а*, а с *ѣа*. Бопп же говорит: „отношение преходящего (imperfectum) хвал-ja-ахъ к аористу хвал-ѣ-хъ (ошибочно — вместо хвал-и-хъ) следует понимать так, что в преходящем санскритский характер *-aya-* сохранил свой конечный слог, между тем как в аористе *ѣ* (т. е. *и*) заменяет санскритское *ay* общих форм". Таким образом оказывается, что *ꙗ* в хвал*ꙗ*ахъ есть полный санскритский характер *aya*, или, по другой терминологии, заключает в себе связочную гласную в ее особенности. Если так, то и в желѣахъ, рыдаахъ тоже должна была заключаться конечная гласная характера *aya*, но она слилась с *а* вспомогательного глагола. Почему же она не слилась с тем же *а* и в преходящем глаголов $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$? Почему из хвали*ꙗ*ахъ или хвали*ꙗ*ахъ вышли не хвали*ꙗ*хъ, хвалихъ, а хвал*ꙗ*ахъ? На это можно бы ответить, что в предполагаемых формах -ѥахъ или -и*ꙗ*ахъ *и* сократилось в *j* прежде слияния *ѥа* или *ꙗа* в *а*, после чего и самое это слияние оказалось не нужным.

Чтобы удержать в силе предположение Боппа относительно *а* — хвал*ꙗ*ахъ, нужно принять, что в глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ преходящее образуется от пер-

вой темы, между тем в сродных с ними глаголах $\frac{-и-}{-ѣ-}$ — от второй или общей, ибо, как выше сказано, от гори- было бы преходящее (по образцу хвалꙗхъ) не горѣхъ, как есть, а горꙗхъ.

Миклошич (Lautlehre, § 55, 3, по ссылке в Formenlehre, 370 Шлейхера) подобно Боппу объясняет второй элемент гласного характера преходящего гласною вспомогательного глагола, с тою разницею, что этот глагол, по его мнению, вошел в преходящее в своей специально славянской форме ѥ*е*, с эвфоническим *j* в начале. Таким образом — быва-ахъ из быва-ѥхъ, причем *аа* из *а*ѥ, как в добрааго из добраѥго; при этом *-ѣа-* в везѣахъ и пр. остается необъясненным. Производя эту форму от второй темы, мы бы получили, согласно предположению, нес-ѥхъ, нешехъ; производя от второй с глагольным характером в его славянской форме *-е-*, получим из несе-ѥхъ несѣхъ (как нѣсмь из не-ѥсмь) и, чтобы из этого последнего получить несѣахъ, принуждены будем прибегнуть к ни на чем не основанным предположениям, что *ѣ* растянулось в *ѣѣ*, которое потом диссимилировалось в *ѣа* (см. Шлейхер, loc. cit.). В грамматике (III, § 106) Миклошич держится, повидимому, другого мнения, о коем ниже.

Я позволю себе высказать еще одно предположение, быть может, уже известное до меня, и, сколько мне кажется, если не лучшее выше изложенных, то и не худшее.

Разделим ли мы таким образом: „ведѣ-ахъ", или таким: „ведѣа-хъ", во всяком случае эта форма заключает в себе третью тему при двух первых: теме настоящего и теме неопределенного. Латышско-литовский язык тоже образует третью тему для своего прошедшего, и рассмотрение характера этой темы, мне кажется, может объяснить происхождение гласных элементов третьей темы в славянском.

Приступая к сравнению славянского преходящего с латышско-литовским прошедшим, прежде всего устраним черты, очевидно, несходные. *-х-* в идѣахъ и пр., однородное с *-х-* и *-с-* в ид-о-хъ и обрѣсъ, по общепринятому мнению Боппа, ведет свое начало от *-s-* во вспомогательном глаголе as = ѥс. Личные окончания славянского преходящего и аориста, по крайней мере в единственном и 3 л. множественного, суть так называемые вторичные, составляющие видоизменение тех первичных, которые в наибольшей чистоте сохранились в настоящем. Таким образом славянское преходящее втройне отлично от настоящего: по гласному характеру, по *-с-* = *-х-* вспомогательного глагола и по личным окончаниям этого глагола. В латышско-литовском прошедшем нет вспомогательного глагола, и личные окончания его те же, что в настоящем, в пояснение чего привожу здесь настоящее и прошедшее от литовского sùkti крутить (относительно корня = сучить). Настоящее этого глагола имеет тот же характер, что веду, несу, но в его более древней форме *-а-*: ед. sukù [-a-m(u)], sukì (из suk-a[s]i), sùka (из suka[tid]), sùka-va, sùka-ta, sùka-me, sùka-te. Прошедшее sukaŭ (из sukaju), sukaí (из sukaji), sùko (из sukaja), sùkova (из sukaja-va), sùkota (из sukajata), sùkome (из sukaja-me), sùkote (из sukajate) (Schleicher, Grammat., § 101). Этим объяснением устраняется боппово сближение санскритского прошедшего с санскритским аористом 6-й формы = славянскому двигъ, двиговѣ (см. Bopp, Grammat., II, § 575). NB! Сомнения Биленштейна в верности такого объяснения (Sprache, II, 134).

Поставленные в скобках предполагаемые основные формы лиц двойственного и множественного числа явственно показывают характер прошедшего *-aja-*, ныне сокращенный в *o* (из основного *ā*). В единственном числе *-āju* тоже разлагается на предполагаемое *aya-m-(i)*, *aji* — на

aya-(s)-i, *-aja-* — на *-aya-ti*. Таким образом в приведенном примере разница между настоящим и прошедшим состоит только в том, что в первом — характер *-a-* (общий характер темы специальных времен), а во втором — характер, имеющий основную форму *-a j a-*.

Во многих случаях литовское прошедшее отличается от настоящего качеством коренной гласной [настоящее lëkù, (lëkti), прошедшее likaû, неопределенное likti — (оставлять-лишать)], отсутствием носовой характерной согласной внутри корня (pabundu, прошедшее pabudau, pabûsti — провалиться), отсутствием наружной приставки *-t-* (už-mirsz-t-u), прошедшее už-mirszau, už-mirszti — забывать.

Отвлекаясь от этих, впрочем весьма важных, различий и обращая внимание только на наружный (вне корня стоящий) гласный характер глаголов и присутствие или отсутствие *-j-* (часто происходящей из *-i-*) перед этим характером, можно подвести разряды литовских глаголов, различаемые Шлейхером, под следующие образцы.

1. В первой теме характер *-a-*, или отсутствие характера, во второй (неопределенное наклонение) — отсутствие характера, в третьей (прошедшее) — основная форма характера *-aja*: ẽdu (= *â -mi*) и ẽd-mi, прошедшее ẽ d - a u (*-ajā-mi*), ẽ s t i, жрать (= ѣсть).

2. В первой и второй темах — то же, в третьей перед основной формой характера *-aja-* стоит *-j-*: degù, degmi, прошедшее degiaũ, неопределенное dègti — гореть.

3. Вторая и третья темы — как в образце первом, а в первой основная форма характера *-ja-*: léidžu, léidmi (= dju = djâmu), léidau, léisti — оставлять.

4. Вторая и третья темы — как в образце втором, в первой характер *-ja-*: klyk-iù, klykiaú, klýkti (hell schreien — кликать), третья тема сложена с *-j-* первой и *-aja-*.

5. В первой теме отсутствие характера, как в образце первом отсутствие характера, или характер *-ja-*, как в образце третьем, во второй теме *-ë-* (= *ѣ*), в третьей (прошедшее) соединение характера *-ë-* с характером прошедшим в образце втором и четвертом: gélbmi или gélbu, gelbti, gélbė-jau — помогать (helfen); džiaũgmi или riaugmi (1-е лицо множ. riaugiem = jame), riáugéti, riáug-ė-jau — рыгать.

6. В первой теме характер *-i-*, того же происхождения, что в славянском гор-и-ти; вторая и третья темы — как в образце 5: myliù (1-е лицо множ. mýlime) (myl - ẽti, myl-ẽ -jau) (см. 9).

7. В первой теме основная форма характера *-aja-* (как в дѣла-кши); во второй видоизменение того же характера (быть может, без конечного *-a-*) в *-y-* (= славянскому *-u-* в хвалити); в третьей соединение этого *-y-*, сокращенного в *-j-*, с полным характером настоящего времени (как в похваляти): láuž-au, láuž-y-ti, láuž-i-au, ломать (см. 10).

8. В первой теме — основная форма характера *-aja-* (как в дѣлаеши); во второй видоизменение того же характера X класса = литовскому *o*, славянскому *a* в дѣл-а-ти; в третьей — соединение этого *o* с характером первой темы (настоящее время), что, кроме эвфонического *в*, равно славянскому (со-) дѣла-в-акши: mẽgmi v. mẽgù, mẽg-ójau, mẽg-óti; jẽszk-au, jẽszk-ó-ti, jẽszk-ó-jau — искать; neszi-óju (это *-oju-* отличается от *-au* в jẽszkau долготою первого элемента, так как литовское *o* = *a*) neszi-ó-ti, neszi-ó-jau.

9. Bûbnyju, bûbn-y-jau, b˜bnyti (bębnić), что, переведенное обратно на русские звуки, было бы бубн-ию (с протянутым *-u-*, которое в г о р ю является в виде *-j-*) (прошедшее бубни-яю, неопределенное бубнити).

10. Вторая и третья темы — как в образце шестом; в первой — как в славянском бѣлѣкши: seilěju, seilějau, seilěti — geifern (слюниться).

11. Литовская форма первой темы uja или auja, второй û или au: bàlt-ûju, balt-ûti—бѣлѣться (ср. относительно характера и общего значения чьрмьноватися дрѧселуктьсѧ небо), klýkauju, klýkauti (— pfeifen, schreien; ср. сербское кликовати), прошедшее в обоих случаях одинаково: balavau, klýkavau, что переведенное на русские звуки оказалось бы соединением характера *-ов-* с *-аѥ-*: клик-ов-а-ю.

Из этого обзора видно, что характер литовского прошедшего (praeteritum, отличное от imperfectum, о коем ниже) есть 1) или характер, соответствующий санскритскому характеру X класса в тех литовских глаголах, кои ни в первой, ни во второй теме не имеют этого характера; 2) или соединение двух характеров, из коих каждый предполагает характер = санскритскому X класса; так в глаголах, имеющих во II классе в первой или второй теме характер = санскритскому X класса; 3) или соединение характера *-av-* (= славянскому *-ов-*) с характером = санскритскому X класса (латышский язык отличается здесь от литовского лишь степенью стяжения звуков, стало быть, большею порчею и не большею первообразностью,[1] менее резким отличением их от характеров настоящего, но для сравнения со славянским особенного интереса не представляет).

Миклошич (III, § 106) замечает, что „имперфект (в славянском) тем отличается от аориста, образованного посредством *x*, что принимает между темою и характером *x* более полновесные гласные звуки *ѣа*, *аа*, *а*, повидимому, назначенные своею тяжестью указывать на длительность действия, подобно (усиленным) гласным в «плѣтати», «покланяти» из плести, клонити, ид-о-хъ (ivi), ид-ѣа-хъ (ibam), ꙗви-хъ, ꙗвлꙗа-хъ“. Разделение этих форм (ѣа-хъ) указывает, повидимому, что *а* уже не присоединяется к *х* и не объясняется вместе с ним из коренного ѥ в ѥе, как выше, но что *ѣа* рассматривается вместе с ним как один элемент. Характер преходящего напоминает не столько усиленные гласные в более длительных глаголах, сколько соединение двух характеров в подобных же глаголах. Ср., например, писа-а-хъ с чешским pisa-v-a-ti (*-в-* эвфоническое), „болѣ-а-хъ“ с „болѣ-в-ати“. В преходящем это *-а-* с таким же правом может быть сближено с характером санскритского X класса, как и *-а-* второй темы глаголов $\frac{\text{-аѥ-}}{\text{-а-}}$. Между *-а-* вторым элементом в литовском прошедшем jëszkó-j-au (при jëszkó-ti) и вторым *-а-* в иска-а-хъ есть именно та разница, какая между характером первой темы *-аѥ-* и второй *-а-*. Для объяснения *-ѣ-* в ꙗд-ѣ-ахъ, вез-ѣа-хъ можно бы прибегнуть к литовским глаголам, как gelbmi, gélbu, gélbėjau, gélbėti. Конечно, литовский язык показывает нам *-ė-* = *-ѣ-* в прошедшем лишь там, где оно есть, и в неопределенном литовский характер *-ėjau-* есть характер сложный. Таковы ли и славянские *-ѣа-* в ꙗдѣахъ?

Вполне сходны с приведенным литовским глаголом только вѣмь, вѣд-ѣ-ахъ, вѣд-ѣ-ти. Однако тот же литовский язык показывает, что при отсутствии характера во второй теме (ėd-ti) простой характер X класса является в прошедшем (ėd-aú из -ajâ-mi).

Взявши за исходную точку один из более первообразных литовских глаголов, например ėd-mi v. ėd-u, ėsti, и объяснив в нем характер прошедшего (perfectum) ėd-au из санскритского характера X класса *aja*, мы

---

[1] В латышском литовские сочетания *-au*, *-ai* на конце 1-го и 2-го л. ед. ч. прошедшего являются и в виде *u*, *i*, как и в других случаях. Поэтому часто латышское прошедшее вполне совпадает с настоящим.

уже не встречаем затруднений при объяснении характера прошедших в десяти других случаях, начиная с третьего. В четвертом (klýki-au) прошедшее, в отличие от других случаев, предполагает первую тему (klykiù с характером *-ja-*) и сохраняет от ее характера одно *j*. В пп. 5—10 прошедшее образовано от второй темы через прибавление к ее характеру (X класс *ë*, *i*, *y*, *o*) того характера (тоже X класса), который мы видели, — ëd-aû посредством эвфонического *j*: raudo-j-au. Этого эвфонического *j* не нужно в образце 11: из baltů(tis), предполагаемая основа au(ti) + au, выходит av-au. Только в образце втором не ясно происхождение *j* в deg-iaû при degû, dègti.

В славянском тоже, мне кажется, следует стараться сначала объяснить характер преходящего в глаголах наиболее простого строения, как ѩмь, ѩд-ѣ-ахъ. Выше рассмотренное явление в литовском побуждает искать не только характера X класса в вѣдѣахъ, но и прибавки этого самого характера в глаголах, которые и без того в первой и второй теме имеют уже видоизменения того же характера. Действительно, хвалѩахъ легче всего объяснимо из хвали-ѣахъ, т. е. из соединения готовой второй темы (а не первой, как думал Бопп) с готовым же характером *ѣа*. То же объяснение легко прилагается к глаголам $\frac{-и-}{-ѣ-}$, $\frac{-ѣе-}{-ѣ-}$, где *-ѣахъ* = *ѣ-ѣахъ*. В глаголах, имеющих на конце второй темы *а*, это *а* должно быть сохранено, судя по примеру горѣахъ (а не гораахъ) при горѣ-ти и raudo-jau при raudo-ti; от присоединения к нему *ѣа* должно было бы произойти стечение гласных, требовавшее разделения эвфонической согласной, или стяжения. В дѣлаахъ и пр. язык, вероятно, пошел этим последним путем, хотя вряд ли в оправдание этого найдется другой случай стяжения *аѣа* в *аа*.

Образование преходящего во многих случаях от темы настоящего времени сближает его с имперфектами древних языков. Однако есть разница.

От настоящего. „Измелѩшеть" (мелю) (Бодянский, 9 об.); „лѩжашеть" (ibid., 11); „будяшеть" (часто) (ibid., 9); „въстанѩше" (ibid., 11); „дадяше", „изидяше", „сожьжаху", „примерзняшета" (3-е л. дв. ч.), „исчезняху" (ibid.).

От второй темы „засыпашеть" (сыплю); „глаголаше, помазаше, облизахуться"; в русских памятниках: „выѣхаше, прислаше" ...

О личных окончаниях преходящего: *-тъ* в 3-м л. ед. и мн. ч. *-шетъ*, *-хѫтъ*, встречаемые в юсовых памятниках (см. Miklosich, III, 87), могут считаться редкостью в памятниках русских, где *-ше-ть*, *-ху-ть* столь обыкновенны, что приводить примеров не стоит. Изредка *-ше-ть* относится ко второму лицу: „помнишь ли... въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть?" (Ипат. лет., 114, 37); „ты бо иного молвяшеть, господине" (ibid., 121, 6).

В той же Ипатьевской летописи встречается смешение аористов с преходящим: „сдумавъше мужи Галичкыи съ Володимеромъ, переступишеть (вм. -и-шя) хрестьное цѣлованіе" (ibid., 136, 7); „сего не улюбишеть" (вместо не улюби) (ibid., 138, 5).

Преходящее. „Купляху" (Новгор. I лет., 5); „не съступяшеть" (Ипат. лет., 18).

В $\frac{-и-}{-и-}$ есть глаголы, коих глагольное происхождение становится весьма вероятным из сравнения с литовским.

Рушити. Литовское rausiù и rausaû, raûsti — рыть (землю, как свиньи и кроты), rausiaû; rausýti (сюда и rûsys) хлебная и картофельная яма. Латышское rauszu (= rausiu), rausu, raust — schüren, wählen.

Без сомнения, сродство этого глагола с рыть и рвать — во всей силе, но непосредственно от них он не может быть произведен. Здесь мы видим, что и при суффиксе *-с-* = *-х-* = *-ш-* был более первообразный глагол.

Курить. Kuriù, kúriau, kùrti (по Nesselman'у — kuru, kurau, kurti) — топить печь, разводить огонь. Латышское kuriu(-ru), kuru, kurt.

Значение преходящего. Шлейхер (Beiträge, V, 209) думает, что остаток этого времени сохранился в русской частице биш, бишь, которую вставляют в речь, припоминая забытое: „как бишь зовут; кто бишь это сказывал; в Твери или бишь во Ржеве"; в последнем случае, говорит он, видна глагольная природа этого слова. В звуковом отношении бишь, по его мнению, из 3-го л. ед. ч. бѣше, вм. бѣаше с *и* вместо *ѣ*, но бѣаше имеет в старорусском форму бяше, бяшеть, а изменение *я* ударяемого в *и* не так легко.

Другие называют это время прошедшим несовершенным (imperfectum). Иоанн экзарх называет его „предибывше протяженое" (Калайдович, 171).

При передаче этого времени прошедшим современного языка замечается та особенность, что нередко это последнее образуется не от того же глагола, от коего образовано соответствующее простое время старинного языка, а от глагола одного из следующих разрядов, более длительного по значению. В следующем при примерах из Нестора ставлю в скобках, кроме глагола, от коего образовано преходящее, и русского перевода, еще для сравнения и чешскую форму из перевода Эрбена: „Nestorův letopis ruský", v Praze, 1867.

„Аще поѣхати будяше (от буду- откуда конкретное буду; если бывало вздумает поехать, если случалось ехать; když Obřin měl někam vyjeti) Обрину, не дадяше (от первой темы *дад-*; не давал; ne dal) въпрячи коня, ни вола, но веляше (велѣти, велю; приказывалъ, а не велѣлъ; повелѣвалъ; kazal, но и в польском rozkazywał) въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ в телѣгу и повезти Обърѣна" (Лаврент. лет., 5, 17); „[Феодосий] изидяше[1] (выходил, vycházel) изъ монастыря, взимая мало коврижекъ; вшедъ въ печеру, и затворяше (от затвор-и-ти = затворял от затвор-я-ти; zavíral) двери печерѣ и засыпаше (засыпал, zasypával) перстью, и не глаголаше (ne mluvíval) никомуже, аще ли будяше (если было — в смысле случалось) нужьное орудье, то оконцемъ малымъ бесѣдоваше (разговаривал, mluvíval), въ суботу ли въ недѣлю" (ibid., 79, 30 сл.); „аще къ нему что речаше (если, бывало, скажет), ли добро, ли зло, сбудяшется (Ипат. лет., «сбывашеться» — сбывалось каждый раз) старче слово" (ibid., 81, 28) (в чешском с другим оттенком мысли: když komu co řekl, splnílo se, причем взято во внимание одно действие каждый раз вместо многих, о коих речь, и действие это представлено совершенным; точнее было бы řékával splnívalo se); „аще кто умряше (от умерети, умру; умирал; чешское když kdo umřel — с другим оттенком, как выше; можно и по-русски: «умеръ ли кто — творили тризну»), творяху трызну (трызно) надъ нимъ, и посемъ творяху кладу (≐ костер) велику, и възложахуть (й) на кладу (от възложити; возлагали; вкладывали) мертвеца, сожьжаху (съжечи, жьгу; сожигали), а по семъ собравше кости, вложаху (вложити; влага-ли, вкладыва-ли) въ судину малу и поставляху (поставити; ср. поставляли, ставили, становили) на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ" (Лаврент. лет. 6, 10). Обычность и многократность

---

[1] В евангелии 1307 г.: „Въ ѡно̑ идѧше (Остр. ев., 25, «хождааше», chodził) І҃с въ Галелѣю (Остр. ев., 25, «въ Галлилеи») не хотѧше бо во іюдѣи ходити" (bawić się) (Иоанна, VII, 1 — Буслаев, Хрестом., 108).

этих действий может быть представлена таким образом, что вместо каждого их ряда будет взято по одному конкретному действию, выраженному глаголом совершенным, причем намек на обычность будет заключаться в том, что действия эти будут означены настоящею формою в значении будущего: украинское „як хто умре, то отце ... положять ... спалять, поставлять"; русское „умер ли кто, умрет ли кто, — положат" и т. п. „Отсе було... положять", русское „бывало положат", в чем уже нет намека, что обычай есть и теперь. Чешский переводчик поступил иначе: большинство из конкретных действий, представляющих ряды действий, он изобразил прошедшим конкретным же совершенным, что в русском было бы невозможно, да и в чешском не имело бы требуемого смысла, если бы одно из действий не представлено было прошедшим глаголом несовершенного длительного и если бы в конце периода не стояло „еже творять и нынѣ" — „když kdo umřel, dèlali (в смысле delávali, обыкновенно делали) tryzny, a potem udělali krabici, položili... tělo.., a spálili, vložili je v malou nádobu a postavili".

„Ихъ же имяху (имти, иму; имали, — схватывали, брали) полоняникы, овѣхъ посѣкаху, другыя же мучаху, иныя же разстрѣляху (от разстрѣл-ити, или разстрел-яти; расстреливали, а не расстреляли), а другыя въ море вметаша" (вбросили, хотя следовало ожидать вметаху — вбрасывали) (ibid., 12, 23); „бысть сѣча велика, и одоляху (одолевали) Болъгаре; и рече Святославъ воемъ своимъ: «уже намъ сдѣ пасти»..." (ibid., 29, 27).

„Предивно бысть Полотьскѣ (бысть: все следующее рассматривается как один момент): въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ (нам казалось, что слышен топот), станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше (вылезти, вылазал в смысле выходил) изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше (бывал) невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ" (ibid., 92, 6 сл.) (jest-li že kdo vyšel... ihned poraněn býval).

Преходящее. „И на семи Соборовъ Папежеве стараго Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ идяше, любо своя Пискупы присламе" (Послание Никифора — Калайдович, Памятники, 157). „Не тако пси Лазоревы облизаху струпы, яко же си (приставници овчая купѣли) моя помилованія (= останьци трпезъ богобойных людій) пожирають" (ibid., 46). „Єгда... хоташе... въпрашати... привазаше ѥ (ефуд) на рамьници... испростьраше са на дланиж... аште боудаше... годѣ въпросъ... светомь блискаашеса. аште ли небѣаше годьно, прѣбываше в своѥмь чиноу. камыкъ... аште... на мечь прѣдати люди. боудаше кръвавъ" (Изборн. 1073 г., 120 об.).

„Егда же подъпьяхуться (пити; каждый раз «на підпитку») начьняхуть (чі-ати; начинали) роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашим головам! да намъ ясти деревянными лъжицами, а не сребряными»" (Лаврент. лет., 54, 20) (ошибочно у Эрбена „jednou... když se podnapili, počali reptati"); „...И не дадяху вылѣзти изъ города" (Лаврент. лет., 55, 1) (не давали) (Эрбен — ne dali); „Бысть сѣча силна; яко посвѣтяше молонья (когда посвечивала, каждый раз как блеснет было), блещашеться оружье" (Лаврент. лет., 64, 13) („a když zašvítil blesk, blýskaly se zbraně"). Ср. „Камо туръ поскочяше (куда ни скочил) своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецькыя" (Слово о п. И.); „И побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тоняху (утопали) въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ" (Лаврент. лет., 65, 18) („tonuli"); „Аще братъ етеръ выидяше изъ манастыря (выходил), вся

братья имяху о томъ печаль" (ibid., 81, 10). „Аще кто коли принесяше (приносил) дѣтищь боленъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, принесяхувъ манастырь, ли свершенъ человекъ, кацѣмъ любо недугомъ одержимъ, приходяше въ манастырь къ блаженому Ѳеодосью: повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и масломъ помазаше (помазывали), и пріимаху ицѣленье приходящіи" (ibid., 81, 15) („přinesl li... přišel li — poručil... pomodlil, pomazal, a bývali uzdravěni"); „[Бес] обиходя подлѣ братью, взимая изъ лона лѣпокъ (цветок—«иже глаголется лѣпокъ»), вержаше (вергнути; бросал) на кого любо: аще прилняше (прилипал) кому цвѣтокъ въ поющихъ отъ братья... [тот] изидяше (выходил) изъ церкви, шедъ въ келью, и усняше (засыпал), и не възвратяшется (не возвращался) въ церковь до отпѣтья; аще ли вержаше (бросал) на другаго, и не прилняше (не прилипал) къ нему цветокъ, стояше крепокъ въ пѣньи, дондеже отпояху (отпевали) утренюю, и тогда изидяше (уходил)" (ibid., 82, 2 сл.) („házel... jestli... kvítek přilnul... vyšel... usnul... nevratil se; pak li hodil na jiného... nepřilnul... až dozpívali jitřní a tehda vycházel"); „Онъ же Вятичь не съступяшеть, но даяшеть имъ 4 городы" (Ипат. лет., 18, 23); „Уже бо Половцы въѣздяху въ городъ, просѣкаюче столпіе" (ibid., 20, 5); „Приходящая къ нему напиташе и напаяше" (Лаврент. лет., 112); „И небрежаше въ церковь ходити, нужею привлечахуть (привлекали, притаскивали, přivláčeli) и къ церкви... посажашеть и (sázel) кромѣ братьи, положаху (klali, položili — сов.) предъ нимъ хлѣбъ, и не възмяше его (не брал, не бирал), но ли вложити въ руцѣ ему" (ibid., 83, 25); „Егда же приспѣяше (приспевала, наставала) зима и мрази лютіи, стояше (стаивал) въ прабошняхъ въ черевьяхъ въ протоптанныхъ, яко примерзяшета (примерзали) нозѣ его къ камени, и не движаше (двинути, не двигал) ногама, дондеже отпояху" (отпевали) (ibid., 84, 5) („a když nastala zima... stával... tak že přimrzávali nohy... a nehnul nohama až odzpívali"); „И по заутрени идяше (шел) въ поварьницю, и приготоваше (приготовлял) огнь, воду, дрова, и придяху (приходили) прочіи повари отъ братьѣ" (ibid., 84, 7) („šel... a připravoval, a přišli i ostatní kuchaře"); „Не припустяху (не припускали) его къ собѣ, но особь думаху" (ibid., 116, 26); „И ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскіѣ не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами; и облизахутся (облизывались, oblízovali se) на насъ, акы волци стояще, и отъ перевоза и отъ горъ" (ibid., 104, 3); ср. Остр. ев., 96, в, г: „пьси приходѧще облизаахѫ (ἀπέλειχον — облизывали) гнои кго" (Луки, XVI, 21).

Таким образом от глаголов начати, изъити, усънути, прильнути, въкынутися и других подобных преходящее имеет значение современного прошедшего от глаголов начинать, выходить, засыпать, прилипать и пр. С точки зрения современного языка, в коем только и есть, что прошедшее описательное из причастия на *-л-*, в коем по совершенности и несовершенности, по степени длительности прошедшее не отличается от других форм, кажется непонятным, как в древнем языке прошедшее от прильнути, именно прильняшеть, может значить прилипал?

Но современная точка зрения здесь неуместна. Длительность такого прошедшего зависит от его характера. Если глагол в других формах имеет значение совершенного, в силу влияния предлога, то в прошедшем длительном предлог или сохраняет только свое пространственное значение или обозначает оконченность отдельных действий, составляющих ряд, обозначаемый этим прошедшим (начьняхуть, прильняшеть). При глаголах беспредложных, коих настоящее имеет значение будущего, как буду, следует иметь в виду, что такое значение свойственно именно настоящему, но, например, не образованному от той же темы причастию

настоящего буда; что и само настоящее, без сомнения, имело некогда значение настоящего и что оттенок совершенности легко стирается характером прошедшего длительного будяшеть, бывал, събудяшеться слово — сбывалось.

Древний язык обладает прошедшим простым от глаголов первых четырех разрядов для выражения большей длительности и обычности действия. Отсюда можно бы заключить, что он не имеет нужды в производных глаголах следующих классов, именно в тех, которые своим глагольным характером и усиленною коренною гласною специально выражают большую длительность и многократность. Если принесяхуть, отпояхуть значат сами по себе приносили, а не принесли, отпевали, а не отпели, то зачем после этого формы приношахуть, отпѣвахуть? Между тем в древнем русском языке обычны не только формы, подобные этим последним, но и прошедшие длительные от глаголов с характером *-ае-ши, -а-ши, -увати, -овати, -ываеши, -иваеши, -ывати, -ивати*: „възгарахуся голубьници" (загорались) (Лаврент. лет., 25, 21); „изнемогаху же людье гладомъ и водою" (изнемогали) (ibid., 28, 2); „тѣснячеся другъ друга пихаху (пихали) въ гроблю" (ibid., 32, 6); „то бо пророци прорѣцаху" (ibid., 37, 14); „раздаваху" (ibid., 54, 16) (а не раздаяху) и др. „Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця" (ibid., 6); ср. „схожахуся на игрища... и ту умыкаху жены собѣ" (ibid., 6, 10; в обоих местах у Эрбена — unášeli); „опаки руцѣ съвязывахуть" (svazovali) (Лаврент. лет., 18, 32); ср. в Ипат. лет. „докучивахуть" (19, 14); „понуживахуть" (ibid., 44, 3); „подъмолвливашеть" (ibid., 81, 8); „створиваше" (ibid., 82, 10); „укаривахуть" (ibid., 82, 40); „снашивахуться" (ibid., 85, 10) и мн. др.

Итак, повторяю, какое же особенное значение имело прошедшее длительное умыкивахуть при умыкаху, а это последнее при возможном умъкняху в значении умыкали? Очевидно, что значение прошедшего длительного не могло устранить стремления образовывать глаголы с более длительными характерами для выражения большей длительности, так как, например, умкнути значит не то, что умыкати, умыкывати. Как скоро такие глаголы появлялись не в прошедшем длительном, а в других формах, аналогии этих форм подчинялось и прошедшее длительное. При этом могло вовсе не чувствоваться разницы между двумя формами прошедшего длительного, как умыкиваху и умыкаху; летописец, действительно, употребил их одну близ другой без всякого видимого различия в значении. Язык вовсе не есть такое целое, в коем нет ничего лишнего. Происходящие в нем изменения, отбрасывание старых форм и создание новых, указывают противное. Так, мы видим, что современный литературный язык не нуждается во множестве глаголов на *-ывать, -ивать*, довольствуясь глаголами предшествующих классов; и эта воздержность вовсе не заслуживает осуждения, если признать, что русские былины и вообще русская речь вовсе не есть единственный источник нашего литературного языка и что как старославянский, так и украинский вовсе обходятся без глаголов на *-ывать*, оставаясь при глаголах *-а-ти, -овати*.

В дополнение к вышеприведенным примерам соответствия прошедшего длительного в других языках современному прошедшему одного из следующих разрядов следует прибавить: тожество глагольного характера в других прошедших длительных и в современном прошедшем имеет место в глаголах несовершенных. См. выше и следующее: „бяше около града лѣсъ и боръ великъ" (Лаврент. лет., 4, 19); „бяху (были, чешское byli) мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне" (ibid., 4, 20); „бяста (чешское byli) бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ, а другій

Вятко" (ibid., 5, 25); „живяху (živi byli) кождо въ своей части" (ibid., 2, 25); „имяху (měli) бо обычаи свои" (ibid., 6, 1); „брачныи обычаи имяху (měli): нехожаше (ne chodil) зять по невѣсту, но приводяху (přiváděli) вечеръ, а завътра приношаху (přinášeli — приносили, в литературном языке нет «принашивали») по ней, что вдадуче. А Древляне живяху (жили — přebýwali) звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху (zabíjeli) другъ друга, ядяху (ели, jídali) вся нечисто, и брака у нихъ не бываше (ne bývalo), но умыкиваху у воды дѣвиця (unášeli)... Схожахуся (scházeli se) на игрища... и ту умыкаху (unášeli) жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся (s kterouž kde se umluvil); имяху же (mívali) по двѣ и по три жены" (ibid., 6, 3 сл.). „Игореви възрастъшю, и хожаше (chodil) по Олзѣ и слушаше (poslouchal) его" (ibid., 12, 14). „Ношаху (dotud nosili) сли печати злати, а гостье сребрени" (ibid., 20, 23) и мн. др. „И бѣ межи ими смятеніе и не видяхуть которіи суть побѣдили, Изяславъ женяшеть Галичаны, а братья его бѣжаша" (Ипат. лет., 73, 38).

Преходящее в значении давнопрошедшего. „Малъ ча̂ порадовахсѧ ѿ васъ ча̂, видѧ вашю любовь и̑ послушание̑ къ нашей худости и̑ мнѧхъ (думал было), ꙗко оуже оутвердистесѧ" etc. (XIV в., Буслаев, Хрестом., 496). Сербское „Прије мајке ђеца престављена, У рају су била постављена, Ал' њихове мајке згријешише: У нећељу дворе метијаху, Преслицама много предијаху, И на стану много поткаваху..." (Петрановић, 17) = русским глаголам предшествующего класса вместо последующего: „Куд се њена крвца проливаше, Онуда се земља проламаше" (проламывалась) (ibid., 59); „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше (рыскал) исъ Кыева дорискаше (дорыскивал) до Куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше (перерыскивал)".

Искусственное употребление прошедшего простого можно видеть лишь там, где, как, например, в середине, ближе к концу Ипатьевской летописи, в преходящем *-ѣа-*, *-яа-* вместо русского *-я-* и [где] неправильное употребление лиц: „потопилися бяшеть" (Ипат. лет., 174, 1235 г.); „затворила бо ся бѣяста" (ibid., 175, 1); „бяашеть" (ibid., 175).

Здесь следует различать два случая. Древний язык и современный литературный нередко формально не различают категорий непрерывной длительности, с одной, и обычности и многократности, с другой стороны, там, где чешский и отчасти народные русские говоры различают. Поэтому, где прошедшее длительное означает известное пространство времени, заполненное непрерывным действием или состоянием (не момент — как аорист), там и в чешском прошедшее от того же глагола („Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста") (в то время их не было, чешское ne bylo, а не не бывало) (Лаврент. лет., 86, 12). Где обычность, там в чешском прошедшее одного из следующих разрядов: ядяху (ели, т. е., обыкновенно, чешское jídali).

Принесяхуть значит приносили; но из этого не следует, чтобы несяхуть значило носили и было равно по значению ношахуть: „егда же несяхуть (несли) и̑ къ гробу, предивно знамение бысть на небеси" (Ипат. лет., 18, 1).

Прошедшее длительное = в современном следующим классам. „Царствующю сему Феостѣ нача(ша) ковати оружье, прежде бо того палицами и каменіемъ бьяхуся" [вариант Х. Е. «бивахуся» (Ипат. лет., 5, 13)]; „аще [жена] родяшеть (= рожала) дѣтищь, который ей любъ бываше, дашеть: се твое дѣтя" (ibid., 5, 16); „не вдадяше" (не давал) (ibid., 11, 9); „амо же хотяхуть, тамо пойдяхуть" (ibid., 59, 6)

(туда шли, направлялись); „Изяславъ же съ женою своею выручиста Святослава въ (у) Половець, и инѣхъ Руской дружины многыхъ выручиста, и многымъ добро издѣваста (Х. «съдѣяста»): аче кто у Половець утечашеть у городъ, а тѣхъ не выдавашеть" (ibid., 76, 32). NB. Многократность, зависящая от глагольного характера, совместно с протяженностью, зависящею от времени: „И бьяхуться крѣпко, выходячи изъ города, и много бываше язвенныхъ" (ibid., 82, 10). „Крещеніе же его (Миндовга) льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вътайнѣ... егда выѣхаше на поле и выбѣгняше заяць на поле, въ лѣсъ рощенія не вхожаше вну (вону) и не смѣяше ни розгы уломити" (ibid., 188, 6); „Воишелкъ... въ поганьствѣ буда, и нача проливати крови много: убивашеть бо на всякъ день по три по четыри; которого же дни не убьяшеть кого, печаловашеть тогда, колиже убьяшеть кого, тогда веселъ бяшеть" (ibid., 201, 10 сл.). „Не престаяшеть злое творя Володимеру" (ibid., 211, 28); „и не дадяхуть ни изъ города вылѣзти въ зажитье; кто выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша, а иныя излупивше пущаху нагы" (ibid., 212, 24); ср.: „аще ли кто выѣхашеть, овы избиша, а другія поимаша, а иныя лупяхуть и конѣ отъимахуть" (ibid., 212, 11). Идяшеть — шел в тот период времени, когда нечто другое совершилось; ходяшеть — ходил: „И еще же ему не вельми болну, но ходяшеть и ѣздяшеть на конѣ, и розда убогымъ имѣніе свое все" (ibid., 219, 3).

В Сборнике житій до 1250 г. (Срезневский, Памятн., 227): „си глѧ начьнѧше (=начинал) сѧ бити, ѩко съноу ѿбѣгноути раною тою (=от тех ударов) и станѧше (=становился) бъдръ на м҃лтвѣ".

Кирилл Туровский по списку XIII в. (Калайдович, Памятники): „егда бо възмутяшеться вода, вьси о богатыхъ пекущеся сдравіи, сего (расслабленного) отрѣяху" (ibid., 43). (NB. И „изърѣюще" у того же писателя в смысле „изрѣвающе" — выбрасывая); „не тако пси Лазоревы облизаху струпы, якоже си (приставници овьчая купѣли) моя помилованія (останъци тряпезъ богобойныхъ людій) пожирають" (ibid., 46). „На семи соборовъ Папежеве старого Рима, иже въ томъ чину бысть, любо самъ идяше, любо своя Пискупы прислаше" (Послание Никифора к Владимиру Мономаху — Калайдович, Памятники, 157); „Мужа, ѥго же грѣаше, ѥго же ласкаа̑ше, ѥго же о̑блобызаше, ѥго же паче себе л҄юбаштии лицемѣроваше, ѥго же вьчера ꙇюбляше, дьньсь прѣльштаа̑ше" (Изборн. 1073 г. — Срезневский, Памятн., 141); „Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ: любовь имея къ митрополитомъ... приходящая къ нему напиташе и напояше... аще кого видяше ли шюмна, ли въ коемъ зазорѣ, не осудяше, но вся на любовь прекладаше" (Лаврент. лет., 112).

„Богохульная словеса, акы стрѣлы къ камени пущающе, съламахуся" (Калайдович, 49).

20. Аорист, его значение и формы

Аорист в старославянском и русском Буслаев называет прошедшим или прошедшим совершенным в собственном смысле, так как он выражает совершение прошедшего действия, тогда как преходящее означает его продолжение (Граммат., §§ 84 и 186). Иоанн экзарх называет это время „прежебывъшее неопредѣльноѥ".

Вернее будет сказать, что аорист в древнем русском и других славянских наречиях изображает прошедшее действие, как один момент, а преходящее или длительное — как продолжение, как ряд моментов. Правда, весьма часто в русском летописном языке аористы длительных соответствуют теперешним прошедшим от глаголов совершенных (примеры

ниже); но это происходит не от того, что аорист сам по себе есть прошедшее совершенное, а от других причин, между прочим, от совершенности и несовершенности глаголов, так что и другие формы, кроме аориста, например настоящее время причастия, не изменяя формы, смотря по смыслу речи, переводятся соответствующими современными формами то совершенными, то несовершенными: бывъ может значить бывши и побывши; яси — ешь и съешь; мьстила — мстила и отомстила.

Примеры. Аорист переводится прошедшим глаголов совершенных в современном русском: „Иде (пошел) въ Варяги, и приде въ Римъ" (Лаврент. лет., 4, 8); „сълѣзъ съ горы сея, идѣже послѣже бысть (возник — совершенный) Кіевъ" (ibid., 4, 6); „вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему (волхву): «бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти" (ibid., 75, 12); „поидоста оттолѣ на Углече поле, и оттуда идоста на устье Мологи" (Ипат. лет., 40, 24). „Ольга... собра вои многи... и иде (пошла) на Деревьську землю" (Лаврент. лет., 24, 33): „иде (пошла, отправилась) Ольга въ Греки и приде Царюгороду" (ibid., 25, 35); „видѣвъ же и Половци стояща (винительный мн. ч.) назадѣ, и къ тѣмъ гна (поскакал), и много имъ молвивъ и укрѣпляя на брань; и оттуду ѣхавъ (поехавши)... возма копье ѣха напередъ и съѣхася преже всѣхъ, и изломи копье свое. Тогды же бодоша (ранили — совершенный) конь подъ нимъ въ ноздри... Изяслава же Мстиславича язвиша (ранили — совершенный) въ руку... Олговичи идоша (пошли) всвояси... Давыдовичь Изяславъ, возма брата на полчищѣ, и несе (от понес) й Чернигову" (ibid., 143, 37; 144; ср. Ипат. лет., 63, 33 сл.); „ту сѣкоша ѣ въ руку и въ стегно, и бодоша и съ того летѣ съ коня" (Ипат. лет., 63, 37); „Петръ же положа ему грамоты крестьныя, лѣзе (вышел) вонъ" (ibid., 72, 14); „подъ Ростиславомъ же на первѣмъ поскоцѣ летѣ подъ нимъ конь" (ibid., 76, 27); „И стави Олегъ вои" (вариант — устави = остановил) (Лаврент. лет., 12, 28); „и сступися чело Сѣверъ съ Варягы и трудишася (утрудились, устали) Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступи Мьстиславъ со дружиною своею, и нача сѣчи Варяги" (ibid., 64, 11); „Копахомъ до полуночья; трудихомся (устали) и не могуче ся докопати, начахъ тужити, еда како на страну копаемъ" (ibid., 90, 10); „ѣха" (= поехал) (Ипат. лет., 22, 18) и во многих других местах. „Изяславъ же рече: «...язъ самъ полѣзу (= пойду) къ нему»... и лезѣ на сѣни къ Вячеславу" (ibid., 50, 3); „слѣпиша (= ослепили) Руси много" (Лаврент. лет., 67, 7); „исѣче, иже бѣша высѣкли Всеслава, числомъ 70 чади (изрубил тех, что освободили, вырубили Всеслава из поруба-тюрьмы), а другыя слѣпиша" (= ослепили) (ibid., 74, 31); „Томъ же лѣтѣ рубоша (посадили в поруб) Новгородць за моремъ въ Дони" (в Дании) (Новгор. I лет., 6, 30); „В то же лѣто рубоша Новгородцѣ (им. п. мн. ч.) Варязи (ошибочно вм. Варягы), на Гътѣхъ Нѣмцѣ (вин. п. мн. ч.), въ Хоружьку и въ Новотържьцѣ; а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира" (ibid., 20, 2 сл.). [Примечание. Пыпин (Словарь, III, 102) ошибочно переводит в обоих местах рубоша через „вырѣзали", вм. „посадили въ порубъ". Рубоша — 3-е л. мн. ч. аориста не от руб-и-ти, а от чистого корня руб-, как двигоша или ведоша.]

Аористы несовершенных, переводимые совершенным прошедшим же:

„Пришедшимъ же стрѣлцемъ многы язвиша и многи умориша стрѣлами" (Ипат. лет., 186, 8); „посла сына... на нь... а самъ ѣха проводить вой своихъ" (ibid., 192, 10); „ѣха" (вм. поѣха, ibid., 206, 37) и во многих других местах.

В Остр. ев. часто иде = пошел; видѣ = увидел; свѧти [ἡγίασε — освятил, посвятил, poświęcił (Иоанна, X, 36)]; „видѣвъше же народи, чудишѧсѧ (ἐθαύμασαν — дивились — удивилися, впрочем, в польском dziwili się) и прославишѧ бг҃а“ (Матфея, IX, 8); „видѣвъ мѧ вѣрова“ (πεπίστευκας — уверовал) (Иоанна, XX, 29).

Кирилл Туровский по списку XVI в.: „измыша бо храмь его слезами, постлаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелію, кадиша чистыми въздыханьми“ (Калайдович, Памятники, 125).

„Паремью писалъ азъ Олуферьѥ... а҆ кончахъ, въ вторни҃ вербныѧ не҃“ (Паремейник 1271 г. — Срезневский, Памятн., 235).

„И пришедъ, до сихъ Варисата (идола) падша въ знакъ“ (1350 г., Срезневский, Памятн., 248). „Сего дѣлѧ варихъ бѣжати в тарсіс“ (1047 г., Ионы, 4, 2, по копии со списка Устрялова — Буслаев, Хрестом., 143) (tegom się pośpieszył; в исправленном тексте: „сего ради предварихъ бѣжати“).

Стрѣлити. „Стрѣливше побѣгнуша предъ Угры“ (Лаврент. лет., 115). „Мстиславу же хотящю стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою“ (ibid.). „Въ то же лѣто стрѣлиша (= подстрелили) князя милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть“ (Новгор. I лет., 7). (И доныне в русском местами „стрелить“ = выстрелить, застрелить.)

Новгор. I лет.: „И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися; и тѣмъ (потому) вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Дънѣпра... и тои нощи поидоша на сѣцю“ (ibid., 1). Ср. „освящена бысть церкы“ (ibid., 1). „Володимиръ иде на Емь“ (ibid., 2) и таким образом много раз — иде.

„Приде Всеславъ и възя Новъгородъ... и колоколы съима у Святыя Софіѣ“ (ibid., 2); „Изяславъ бѣжа въ Ляхы“ (ibid., 2) и много раз.

„Буря велика... стада скотины истопи въ Волховѣ, а другыя одва переимаша живы“ (ibid., 5); „въ се же лѣто вода бяше велика въ Волховѣ, и хоромъ много сноси“ (ibid.).

Аористы, переводимые прошедшими несовершенными.

„Ты ли ѥдинъ. пришьльць ѥси въ иероусалимѣ. и не чоу (не слышал, не слыхал; греческий аорист οὐκ ἔγνως) бывъшиихъ въ н҄емь“ (Остр. ев., 4 об., Луки, XXIV, 18).

Аорист беспредложного глагола передается в современном языке прошедшим глагола предложного совершенного: „въста на него (на Смена Михайловича) весь Новгородъ... поидоша на дворъ его и взяша весь домъ его съ шумомъ, а Сменъ прибѣжа къ владыцѣ и владыка провади [т. е. его] въ Святую Софію“ (Новгор. I лет., 65, 5) (= выпроводил, скрыл). Ср. „Пльсковичи выпроводиша [выпровадиша — Синодальный список] князя Олександра отъ себе“ (ibid., 74, 29).

„Приведоша я҆ [печенѣгы] къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша (= почерпнули) ведромъ, и льяша (полили) въ латки“ (вариант — „в котлы“) (Лаврент. лет., 55, 22); „бѣ... голодъ... идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито“ (ibid., 64, 2); „и бывши нощи, бысть тма, молонья и громъ и дождь“ (ibid., 64, 9).

Бѣхъ и быхъ: „Кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ?“ (ibid., 86, 6); „вземше и҆ братья, несоша въ келью и положиша на одръ“ (ibid., 80, 22).

Так, литовские прошедшие, независимо от разницы окончаний, соответствуют русским аористам = современным прошедшим глаголов совершенных: vêdė szókti = веде = повел плясать; szalin ějo = иде = отошел прочь, в сторону (= немецкое führte, ging). Заметить, что в таких случаях, как веде, иде, может заключаться значение глаголов совер-

шенных, но без тех пространственных оттенков, которые сообщаются теперешним совершенным глаголам предлогами. „Князи мнози... идоша на Половцы къ Лубну, и въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу“ (ibid., 120).

[Неправильность: „бѣ бо имена посламъ“:... (Ипат. лет., 187, 7).]

„Ѥдва же ставишѧ (оставили, прекратили) мѧтежь“ (Supr., 22, 6). „Съвѧза и печатьлѣ оловомь“ (ibid., 32, 29). „Нъ аште и фарисѣи се глаголѭште къ Пилату ставьяхѫ ѥго писати истинъ писмена, онъ къ нимъ глаголааше. ѥже писахъ, писахъ“ (ibid., 301, 6); „ѥже написахъ, написахъ“ (ibid., 301, 9).

„[Володарь и Василько] взяста копьемъ градъ и зажгоста огнемъ и бѣгоша людье огня“ (Лаврент. лет., 113) („бѣжали“ и теперешнее, в значении совершенного); „въ 6 часъ дне бродишася чрезъ Сулу, и кликнуша на нихъ“ (на Половци) (ibid., 120).

Аорист в значении совершенном (без предлога). „Держимыя имъ (адом) свободи (=освободил) душа“ (Сказ. о Борисе и Глебе, 3); „И предашася Новотържьци, а Ярополка [Всеволод, осаждавший Новый Торг] веде (=повел, увел) съ собою оковавъ... и городъ пожьже“ (Новгор. I лет., 18, 13); „начя здати церковь маія мѣсяца въ 21... а коньцяша (=окончили) мѣсяця августа въ 25“ (ibid., 17, 15); „стояше (длительное) вся осенина дъждева, отъ Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжгь; и бы (в один из моментов этого периода, настала) вода велика вельми въ Волховѣ и всюдѣ, сѣно и дръва разнесе“ (ibid., 9); „[татари] князи (винительный мн. ч.) имъше издавиша (вариант — и задавиша), подъкладъше подъ дъскы, а сами верху сѣдоша обѣдати, и тако животъ ихъ концяша“ (=окончили) (ibid., 41, 2); „Володиславъ... съ Ладожаны не ждя Новгородьць, гонися (=погнался) въ лодіяхъ по нихъ (по Еми) въ слѣдъ... и постиже я̀, и бися съ ними; и бысть (=настала) нощь, и отступиша въ островълець“ (ibid., 42); „озеро морози (заморозило — безлично) въ нощь, и растьрза вѣтръ (т. е. поломал ветер лед), и вънесе въ Волхово, и поломи мостъ, 4 городнѣ отинудь безъ знатбѣ (родительный ед. ч.) занесе“ (ibid., 9, 28); „Новгородци же поставиша острогъ около города, по обѣ странѣ, а товаръ въвозиша (поввозили) въ городъ“ (ibid., 62, 7); „поимаша весь товаръ Дмитреевъ и задроша и Ладоского, и везоша (отвезли, повезли) й въ Копорью, на Василіевъ день“ (ibid., 64, 13); „того же лѣта грабиша (о-, пограбили) коромольници торгъ, и заутра сътвориша вѣче Новгородци, свергоша два коромольника съ мосту“ (ibid., 65, 23).

Здесь выбраны примеры соответствия беспредложного аориста современному прошедшему глагола совершенного. Нет нужды приводить такие примеры, как рече — сказал, ста — стал, остановился, сѣде — сел, поѣха — поехал, в коих и в старинном и в новом языках одинаково, повидимому, стоит глагол совершенный. Но чтобы найти истинный смысл этой кажущейся совершенности значения аориста, следует принять во внимание два следующие обстоятельства.

Во-первых, в обоих аористах глагола быти и в других глаголах нередко вовсе нельзя заметить совершенного значения, например: „Поляномъ же живъшимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки“ (Лаврент. лет., 3, 21) (был путь, но не исчез он и в позднейшее время); „[Рюрик] предасть княженье свое Олгови... въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бысть бо дѣтескъ вельми“ (ibid., 9, 25) (был — без оттенка совершенности или оконченности; в Ипат. лет. и в Хлебниковском списке — „бяше молодъ“, т. е. в течение того времени, когда совершалась передача княженья); „Всеславъ же сѣдѣ (=сидел) Кыевѣ мѣсяць 7“ (Лаврент. лет., 74, 18); „стояста 2 недѣли пълнѣ (целые 2 недели) яко искря жгуце, теплѣ велми, переже жатвы; потомъ наиде дъжгь,

яко не видѣхомъ (=не видали) ясна дни ни до зимы. и много бы уимѣ (родительный ед. ч. — ущерба, порчи) житъ и сѣна не удѣлаша (плохо собрали, не собрали), а вода бы больши третьяго лѣта на ту осень; а на зиму не бысть снѣга велика, ни ясна дни, и до марта" (Новгор. I лет., 10, 1 сл.).

Если видѣхъ в известных случаях передается совершенным увидел, узрел [„и възрѣвъшѧ, видѣшѧ, (в греческом настоящее θεωροῦσιν, pojrzawszy, wyjrzały, увидели) ꙗко отъваленъ бѣ камень, и вълѣзшѧ въ гробъ видѣшѧ (εἶδον, ujrzały) ꙗношꙗ" (Марка, XVI, 4—5; ср. Иоанна, XXI, 9], то в других случаях видѣхъ переводится на современный прошедшим несовершенным, независимо от того, стоит ли в греческом тексте εἶδον, ἑώρακα, ἐθεάσαμην, например: „азъ ꙗже видѣхъ (ἑώρακα, видел, видал, а не увидел, widziałem, а не ujrzałem) у оца моѥго гнѫ, и вы оубо ꙗже видѣсте ἑωράκατε) у оца вашего творите" (Иоанна, VII, 38); „Приступиша къ граду въ недѣлю... и съѣздишася по 3 дни (съезжались в течение 3 дней), въ четвьртыи же день, въ среду, приступиша силою и бишася весь день" (Новгор. I лет., 15, 7).

Другие подобные случаи см. под ѣздити.

Во-вторых, в древнем языке не один только аорист, но и другие формы беспредложных глаголов или хотя и предложных, но на первый взгляд длительных (повелительное наклонение, оба причастия прошедшего действительного, причастие прошедшего страдательного, неопределенное наклонение) во многих случаях переводятся формами глаголов совершенных предложных в современном языке.

Повелительное наклонение: „Покои... душа" (Новг. I лет., 68, 2); „а покои... душю" (ibid., 19, 23; ср. ibid., 47, 13; 49, 7).

Причастия. „Оньдрѣи же бывъ (=побыв) въ Римѣ, приде въ Синопію" (Лаврент. лет., 4, 13); „князь же се слышавъ (=услышав) радъ бысть" (ibid., 53, 6); „горожане же рѣша шедше (=отправившись, пошедши) къ Печенѣгомъ: «поимѣте къ собѣ таль нашь»" (ibid., 55, 15; см. ниже); „Печенѣзи же ради бывше (=обрадовавшись), мняще, яко предатися хотять, пояша у нихъ тали" (ibid., 55, 17); „и варивше (=сваривши кисель), яша (=стали есть) князи Печенѣзьстіи" (ibid., 55, 26); „на то же лѣто идоша даньници (сборщики дани) Новгородьстіи въмалѣ и учювъ Гюрги оже въмалѣ шли (=вышли, пошли), и посла князя Берладьского с вои, и бивъшеся (не в то время как бились, а «после небольшой битвы» = «побившись»), мало нѣгдѣ сташа Новгородьци на островѣ" (Новгор. I лет., 11, 4 сл.); „Новгородьцемъ повелѣ ити на Лукы, идоша съ Ярославомъ, и сѣдѣвъше (=побыв) на Лукахъ воротишася домовь" (ibid., 23, 23), „а кто бѣ не пошьлъ по нихъ... а у тѣхъ кунъ поимаша, бивъше (=побивши)" (ibid., 25, 24); „его же (брата своего) слѣпивъ (=ослепив), а самъ царемъ ста" (ibid., 26, 18); „слѣпивъ (=ослепив) мя царство мое възя" (ibid., 27, 24); „и бившимъся имъ, побѣдиша Всеволода (половцы), и воевавше отъидоша" (Лаврент. лет., 70, 26); „Изяславъ же се видѣвъ со Всеволодомъ побѣгоста съ двора" (ibid., 73, 36); „преставися... княживъ лѣтъ 15 Кыевѣ" (ibid., 93, 8); „слышавше же се Половци, почаша воевати" (ibid., 93, 20); „Новгородьци же, съсѣдавъше (посседавши, послезавши) съ конь, и порты съметавъше, боси сапогы съметавъше поскочиша" (Новг. I лет., 34, 33 сл.); „придоша Емь воевать... Новгородци же въсѣдавъше (украинское повсідавши) въ насады, вългребоша въ Ладогу" (ibid., 42, 26); „Гюрги съ князи поиде съ Тържьку, много имъ пакостивъ" (вариант „много имъ пакости подѣя") (ibid., 41, 29); „Новгородьци же стоявъше (простоявши) въ Невѣ нѣколико дніи, створиша вѣче" (ibid., 42, 32); „и разболѣся, лежавъ (пролежавши) 6 недѣль

и преставися“ (ibid., 47, 10); „много пустошивъ (=опустошивши совершенно) около (окрестности) Чернигова поиде опять“ (назад) (ibid., 50, 10); „и державъ (=продержавши) Новгородцевъ и Новоторжцевъ одину недѣлю, и одаривъ я̀ отпусти проче“ (ibid., 50, 20); „князь великій Дмитрій... ѣхавши (=поехавши) обложи городъ каменъ Копорію“ (ibid., 63, 39); „... а самъ (князь) поиде на Низъ и тамо шедъ (=пришедши, а не шедши) съступися брату своему стола Дмитрію Новагорода“ (ibid., 64, 33); „[Немцы] внидоша Невою въ Ладоское озеро, ратію,... Новогородци же... шедше (=пошедши) сташа на усть Невы, и дождавше избиша ихъ“ (ibid., 64, 36); см. ниже: „Ходиша молодци Новогородскіи... воевать на Емьскую землю, и воевавше (=повоевавши) пріидоша вси здрави“ (ibid., 65, 29); „поставиша Свѣа... городокъ въ Корѣлѣ; Новгородци же шедше (=пошедше, пошли и...) городъ разгребоша“ (ibid., 66, 12); „преставися Довмонтъ князь Пльсковьскый много страдавъ (в Академическом списке; в Синодальном — пострадавъ) (в современном языке = „потрудившись“) за Святую Софью“ (Новгор. I лет., 67, 8); „стоявше (=простоявши) мѣсяць (под Выборгом) приступиша, и не взяша его“ (ibid., 72, 32). Во всех этих случаях, как видно из поставленного в скобках перевода, современный язык явственно обозначает, что действие, выраженное в старом языке причастием, совершилось уже, когда началось действие, обозначенное в старом языке аористом; старинный язык этого не обозначает. Теперь явственна разница между „шедши (в то время, как шел) разграбили“ и „пришедши (когда пришли) разграбили“; старый язык и для выражения второй из этих мыслей может употребить не только аорист (см. выше), но и причастия, в коих вовсе не обозначена совершенность их значения: шедъше разгребоша; шедъше грабиша, но из согласия летописей и современного языка относительно обозначения совершенности в глаголе видно, что такая возможность в XIV в. и раньше есть архаизм.

Причастие на *-л*. „«Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «Яко азъ мьстила (=отомстила раз) уже обиду мужа своего, когда придоша Кіеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужеви своему; а уже не хощю мьщати»“ (Лаврент. лет., 25, 6); „сего Дужа слѣпилъ (ослепил) Мануилъ царь“ (Новгор. I лет., 29, 10); „чему еси слѣпилъ (=ослепил — oslepil) братъ свой?“ (Лаврент. лет., 111); „не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велъ (=отвел) й къ собѣ“ (ibid., 112); „Извѣта о семъ не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ“ (ibid., 112). „Домы наша разграбили, а Ярослава безчьствовали“ (обесчестили, обесчествовали) (Новгор. I лет., 62, 7); „владыка... и почалъ и кончалъ (=окончал, окончил) (мост) своими людьми“ (ibid., 78, 37); „сего ны далъ Всеволодъ, а въскормили есмы собѣ князь; а ты еси шелъ (ушел) отъ насъ“ (Лаврент. лет., 117); „Аже кто покла̂жаи кладеть оу кого-любо, то тоу пѡслуха нетоуть; нъ ѡже начнеть большимъ кльпати (обвинять в том, что положил больше, чем получает), томоу ити ротѣ, оу кого то лѣжалъ товаръ: а толко ѥси оу мене положилъ, занеже ѥму болого дѣлъ и хоронилъ товаръ ѥго“ (Достопам. I, 39).

Причастие прошедшее страдательное. „Церкы... кончана (=окончена) бысть на третьее лѣто“ (Лаврент. лет., 85, 15); „Володимеръ же слышавъ (услышав, když uslyšal) яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ“ (ослепен, oslepen) ужасеся“ (Лаврент. лет., 111, 21); „не въ Давыдовѣ городѣ ятъ, ни слѣпленъ, но въ твоемъ градѣ ятъ и слѣпленъ“ (ibid., 112, 6); „мънога же ина знамениꙗ сътвори... ꙗже не сѫть писана (γεγραμμένα — napisane) въ кънигахъ сихъ, си же писана бышѧ (γέγραπται — napisane) да вѣрѫ имете“ (Остр. ев., 11 в,

Иоанна, XX, 30, 31); „слѣпленъ бысть Василко" (Новгор. I лет., 3); „въ то же время слѣпленъ бысть (=ослеплен) Мьстиславъ князь... отъ стръя своего Всеволода" (ibid., 16, 33); „а собою (вариант — а со собою) поя... посадника Дъмитра, стрѣлена (=подстреленного или устреленного, раненного стрѣльною раною) подъ Проньскомъ" (ibid., 30, 23); „преставися митрополитъ всея Руси Кирилъ въ Переяславлѣ, ...везено бысть (=отвезено, перевезено) тѣло его въ Кіевъ, къ святѣй Софіи" (ibid., 64, 4). „Слышавъ оже Гюрги... удалилъся и изъ Переяславля веденъ" (выведен) (Ипат. лет., 65, 38); „Початы быша псати книгы сиꙗ... а кончаны быша мц҃а октѧбрѧ въ кв҃. днь" (Послесловие к Апостолу 1220 г. — Буслаев, Материалы, 1220 г.). Итак, в древнем памятнике настоящее коньчати вместо современного кончить.

„Ведена дщи Володарева за царевичь за Олексиничь, Царюгороду, мѣсяца іулія въ 20. Томъ же лѣтѣ ведена Передъслава, дщи Святополча, въ Угры за королевичь, августа в 21 день" (Лаврент. лет., 119); „без невѣстьства дѣвица... заключенъ градъ, источникъ печатьлѣнъ, несѣта нива, несаждена лоза" (Supr., 177, 14).

В расходной памяти: „На праздникъ Семіона столпника лѣтоначатца несено столнику и воеводѣ князю Григорию Аѳонасьевичу Козловскому въ почесть отъ выборных приказныхъ людей денгами" (Акты юридич., III, 99, 1666 г.); „несено... дано" (ibid., 102, 1675 г.); „Ноября въ 21 день ходилъ на прієздъ къ новому воеводѣ князю Гаврилу Матвієвичю Мышескому на дворъ — несли хлѣбъ да колачь: два алтына 4 де.; денежные почести несено 8 алтынъ 2 де.; дворецкому дано 10 де." (ibid., III, 199, 1665 г.); „Подьячему Осипу Филипьеву Суньтурьеву несено туша боранья; цѣна 2 гривны" (ibid., 201); „Геньваря въ 22 день ходилъ на дворъ къ подьячему къ Семену Протопопову для проѣзжіе памети, чтобы память написалъ — несли свѣжія рыбы на полполтины" (ibid., 203); „В другой поемъ ходилъ къ воеводѣ на дворъ — неслъ колачь; далъ" (ibid., 210, 1666 г.).

Неопределенное наклонение. „Повелѣ й слѣпити (ослепить)" (Лаврент. лет., 97, 2); „царь же, не хотя его убити, повелѣ очи ему слѣпити (ослепить) стькломъ" (Новгор. I лет., 29, 12); „мы вѣдаемъ, оже не кончати (не кончать, нельзя покончить) добромъ съ тѣмъ племенемъ, ни вамъ, ни намъ, коли любо" (Лаврент. лет., 137, 35); „А Игорева храбраго плъку не крѣсити" (Слово о п. И. — bis); „уже мнѣ мужа своего не кресити" (Лаврент. лет., 24); „сего (Володимира Давыдовича) нама уже не кресити" (Ипат. лет., 64, 16); „Ярославъ пославъ къ Новогородцемъ рече: уже мнѣ сихъ (т. е. избитых варягов) не крѣсити" (Лаврент. лет., 61, 5).

В-третьих об употреблении в древнем языке формы настоящего, имеющей ныне значение настоящего в значении совершенном, т. е. в значении будущего, — речь отдельно.

В-четвертых. Положим, кажется не без оснований, что аорист и так называемое прошедшее несовершенное в древнем языке взаимно дополняют друг друга и построены относительно значения на одной и той же мысли языка, подобно тому как они представляют сходство по форме. Если так называемое imperfectum само по себе выражает не несовершенность прошедшего действия, а его длительность, то на основании упомянутой связи его с аористом, последний означает сам по себе, независимо от влияния предлогов, не совершенность, не оконченность действия, а то, что действие представляется как один момент, независимо от того, как продолжительно оно было на самом деле. В этом славянский аорист сходится с греческим, который обозначает, что мысль лишь скользит по прошедшему событию, не останавли-

ваясь, и противополагается прошедшему несовершенному (imperfectum), как времени изобразительному, описательному. Такого значения аориста не следует смешивать с **однократностью** глаголов на *-ну-ти*, более позднею по происхождению, но находимою уже в древнем русском и старославянском языках рядом с моментальностью аористов. Глаголы однократные означают **объективную** мгновенность действия, которая может представляться в прошедшем или как один момент (аорист, например, „червье въкыдошася“ — пример выдуманный, на основании следующего, но, надеюсь, верный) или как ряд моментов [например „многажды и червье **въкыняхуся**“ (вкидались) (Лаврент. лет., 83, 20)].

Итак, древнерусский **аорист** есть не **прошедшее совершенное**, как готов назвать его проф. Буслаев, как действительно называет его Востоков и др. (например Weber, 95, — perfectum historicum), а то, что сказано выше. Понятно, почему в древнерусском аорист, сколько мне известно, не встречается в глаголах на *-ывати, -ивати, -овати, -евати;* его, так сказать, за неимением лучшего слова, субъективная моментальность не мирится с многократностью этих глаголов. Можно понять прошедшее длительное от однократных глаголов (**выкыняхуться**), но какой смысл будет иметь, например, **связываша** при действительном употреблении **связывахуть**, если самая тема *-ыва-* означает многократность?

Для определения значения этого времени не важно обстоятельство, замеченное Гриммом, что весьма часто исторические настоящие (praesens in perfecto) греческого текста нового завета передаются в Остромировом евангелии аористом, в готском и древне-верхненемецком переложениях — прошедшими: *φαίνεται* в Остромировом евангелии — ꙗвисѧ; *λέγει* — рече; *ἔρχεται, ἔρχονται* — приде, придошѧ и т. п. Употребление прошедшего у Ульфилы в этих случаях, говорит Гримм, служит ясным доказательством, что Ульфила переводил не рабски, но умел отличать истинное настоящее, которому в готском переводе всегда соответствует тоже настоящее, от настоящего исторического. Очевидно, готский язык обнаруживает мало наклонности к употреблению сего последнего, чему не трудно найти достаточную причину. Так как готский язык весьма часто употребляет свое настоящее вместо греческого будущего и аориста сослагательного наклонения, то произошло бы замешательство, если бы то же настоящее употреблялось и для аориста изъявительного наклонения (Grimm, Grammat., IV, 140). Что до славянского перевода, то в нем употребление формы настоящего в значении будущего не может объяснить многих случаев употребления аориста вместо греческого настоящего исторического. Какое же недоразумение могло бы произойти, если бы вместо *ἔρχεται, φαίνεται* стояло не **приидe, явися**, а **приходить, ꙗвлꙗѥться**? Скорее, быть может, переводчик чувствовал, что настоящее историческое, столь обыкновенное теперь („приходит он и говорит, ждет — пождет“), дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон.

Делаю вывод из вышеприведенных примеров и объяснений.

Не только аорист, но и другие формы глаголов беспредложных или и предложных, но несовершенных в древнем языке, переводятся теперешними глаголами совершенными. В других случаях эти древние формы имеют и значение теперешних несовершенных, так что „**лежавъ**“ значило не только то, что нынешнее **пролежав**, но и то, что теперешнее **лежав** (независимо от того, что в старом языке это **лежавъ** есть именительный ед. ч. причастия, а в современном — деепричастие); **бывъ** может значить: „бывши“ и „побывши“. Если бы не было известно, что

древнерусский язык, равно как и старославянский, имеет уже глаголы совершенные в силу влияния предлога, мы сказали бы, что обоюдность значения многих глаголов свидетельствует об отсутствии в языке категорий совершенности и несовершенности; теперь же скажем, что эта обоюдность есть остаток полного отсутствия этих категорий, и говорит лишь о том, что в древнем русском языке они еще не были так выработаны. Глаголы приити, поити могли быть уже совершенными, но и само ити могло означать совершенное действие и ставилось тогда, когда смысл не требовал оттенка значения предлогов *при*, *по*. Дальнейшие объяснения — там, где речь о влиянии предлогов.

От глаголов на *-ывати* нет, повидимому, аориста, но: „приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день“ (Лаврент. лет., 88, 4) и пр.[1]

Аорист в значении настоящего или будущего в сербском. Царь, собираясь итти в церковь, говорит: „Сад ја одох у бијелу цркву Да саслушам часну литурђију“ (Петрановић, 146). „Сам је паша свадбу одгодио: Ја отидох ка Новину граду, А ти Јањо покупјај сватове“ (Чубро Чојковић, 168).

Я иду сейчас — я уже ушел. У нас в таком смысле изредка встречается прошедшее сложное из *-лъ*: „Ой поїдьмо, брате, свічок куповати, Щоб перва горіла, як я заболіла (=заболію), а друга падала, як я умірала“ (=буду умірать) (Метлинский, 281); „А я пошел (он говорит только о своем намерении итти, но представляет его совершившимся) в иншую землю“ (Калеки, 1, 101).

Значение аориста не зависит от существования в языке совершенности и несовершенности глаголов (в том виде, как они развиты современными славянскими наречиями); аорист был же и в языках, не знавших славянской совершенности; но при этом аористы могут быть совмещены с полным развитием в языке совершенности и несовершенности глаголов. Почему бы форма видѣ не могла сохраниться в русском при строгом различении формального значения видѣти и увидѣти глаголов несовершенного и совершенного, если она сохраняется в сербском?

Различные формы аориста. Личные окончания — как в старославянском. Заметим: в глаголах 1 разряда (Miklosich, III, 161 сл.). „Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови“ (Лаврент. лет., 9, 25); „не дастъ имъ Козаромъ дани платити“ (ibid., 10, 19); „И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь“ (ibid., 28, 20); „почто не яста“ (2 л. дв. ч.) (ibid., 38, 4); „и видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста яко нага еста, и съшиста листвіемъ смоковьнымъ препоясанье“ (ibid., 38, 7 сл.); „яша“ (3-е л. мн. ч. яд, ясти) (ibid., 55, 26); „не дасть“ (аорист 3-е л. ед. ч.) (Новгор. I лет., 10, 26). Только один раз — дастъ. В старославянском — ядохъ, ястъ; ядоховѣ, яста, ядохомъ, ясте, ядошѧ; дахъ, дастъ, даховѣ, даста, дахомъ, дасте, дашѧ.

Быхъ имеет 3-е л. ед. ч. бысть [(ст.-слав. быстъ 2-е и 3-е л. ед. ч.); „бысть бо дѣтескъ“ (Лаврент. лет., 9, 26); „и бысть нощь“ (Новгор. I лет., 42, 28)], а также — бы [„и бы вода велика вельми“ (ibid., 9, 27); „а вода бы больши третьяго лѣта“ (ibid., 10, 3)], другие лица: быховѣ, быста, бысте, быхомъ, бысте, быша.

Бѣхъ, бѣ, — как в старославянском.

---

[1] Ю. Крижанич называет аорист „проминьско кратко време“, а преходящее — „проминьско долго време“, имея в виду, кажется, одну форму.

Вѣдѣ — 1-е л. ед. ч., принимаемое за остаток прошедшего совершенного в atmanênadam (medium), санскритское vidê (Miklosich, III, § 252): „Княже! не вѣдѣ (Ипат. лет., Хлебн. — «вѣмь»), могу ли си“ (в силах ли я) (Лаврент. лет., 53, 7); „Святополкъ... река «еда се право будеть или лжа» не вѣдѣ“ (не знаю) (ibid., 109, 32; ср. ibid., 112, 31; 119, 5). Везде — значение настоящего.

Образец: „как заплачет!“.

„[Нахвальщина попущал коня на Добрыню, а] Добрыня... возмóлится:... унеси, господи, от нахвальщика“ (Киреевский, I, 49); „Лежучи́ у Ильи втрое силы прибыло: махнёт нахвальщину в белы груди, вышибал выше дерева жа́рового“ (ibid., 51); „Согнет его корчагою, воздымал выше буйны головы своей, ударил его о горючь камень“ (ibid., 76).

„А и сговорят ту воры-разбойники
Да и спрого̀ворят ту подорожники:
«Как убьем ли мы, пограбим старого...»
А и сговорит тут стар таковы слова:
«Ой же вы еси, воры-разбойники...»“

(Ibid., 87.)

„Догнал поленицу, женщину великую,
Ударил... палицей... в буйну голову:
Поленица назад не оглянется,
Добрыня на кони приужахнется“.

(Ibid., II, 29.)

„«Зачем сегодня потыкаешься?»
«Ах ты ей, удалая скоморошина!
Ты зачем идешь на княжнецкій двор?...»
Скоморошина к речам не при́мется
Скоморошина в речи не вчу̀ется“.

(Ibid., 34, 36.)

„Ухватил Алешку за желты кудри,
Выдернет Алешку чрез дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост,
Повыдернет шалыгу поддорожную,
Учел шалыжищем ухаживать“.

(Ibid., 39.)

„[Княгиня] позовет Добрынюшку Никитыча, посылает за каликами“ (ibid., III, 95); „Воткнет копье во сыру землю, привязал он коня за остро копье“ (ibid., IV, 54); „Вытягала лук за ухо, хлеснет по сыру дубу, изломала его в черенья ножевые“ (ibid., IV, 64, 65); „Похватится (= спохватился) Владимир князь, послал по Ставра боярина“ (ibid., IV, 66).

NB. Обозначение грамматических глагольных категорий, а равно и переводы различных степеней длительности в „Словаре“ Караджича сбивчивы и часто неверны. Так, например, обозначение совершенности или несовершенности глаголов (perf., imperf.). Глагол, например, отпа́рати — отпарывать назван перфективным и мн. др.; по одоравати = откопавати, отпуцавати, пушта́вати, пуштавам.

Характер *-ова-* и *-ива-* — *ује*. Первое *-а-* в характере *-ива-* — долго и остается таким в обеих темах. Ср. од-о̀рати — од-о̀рем с од-ора̀вати — од-о̄равам. Так, повидимому, и в тех случаях, когда характер *-а-* присоединяется к характеру *-и-* (но не сокращая его, а посредством *-в-*) и *-ѣ-* (больше примеров: одолиjѐвати, одолиjевам). Но в характере *-ива-*,

-uje- только *-и-* долго, что согласно с его предполагаемою сложностью, а *-у-* коротко: одрезивати — одрѐзујем. Если *-и-* остается и в первой теме, то оно и там долго: о-кѝвати, о̂кӣва̄м (= оковывать).

Аорист с *-х-* правильный. Единственное число 1-го л. не представляет особенностей; 2-е — то же. 3-е лицо встречается с окончанием *-тъ* и *-ть* не только в глаголах II, 1, б (с корнем на носовую гласную без характера во второй теме — жѧти), II, 1, в (с корнем на *р-*, без характера во второй теме — мерети, мърти), III, 1, а (корень на *и-*, *ѣ-*, без характера во второй теме — бити), что свойственно и старославянским памятникам (Miklosich, III, стр. 86), но и в глаголах II, 1, а (вести).

а) „Прїятъ, въспрїятъ" (Лаврент. лет., 82, 23; Новгор. I лет., 10); „ятъ" („единъ же Половчинъ ятъ конь подъ нимъ за поводъ") (Лаврент. лет., 143, 25); „распятъ ся" (ibid., 87, 19); „зачатъ" (ibid., 43, 28) и др.

б) „Во велицѣ чьсти умертъ" (X., Е. — „умретъ") (Ипат. лет., 171, 11), „умретъ" (Минеи, I, 19).

в) „Испитъ" (Минеи, I, 13). Ср. в Изборн. 1076 г. „въспѣтъ" (Срезневский, Памятн., 142).

г) „Романъ же не бережеть" (вариант — „не береже" = пренебрег) (Ипат. лет., 145, 29); „на утрѣя же переидеть (X., Е. — «перећде», «переиде») рѣку" (Ипат. лет., 172, 9); „остави... и отъидеть прочь" (ibid., 194, 14); „ставъ передъ городомъ... и не можеть (аорист) взяти его" (ibid., 194, 19); „Изяславъ же, то видивъ, речеть дружинѣ" (ibid., 51, 18). Двойственное ч. 3-го л.: „Стояста 2 недѣли пълнѣ яко искря жгуце, теплѣ велми" (Новгор. I лет., 10, 1); „Романъ и Мьстиславъ пожьгоста Лукы; а Луцяне устерегостася (ошибочно, вм. мн. ч.) и отступиша" (ibid., 14, 12); „съгорѣста церкви 2" (ibid., 18, 5); „2 человѣка быста мьрътва" (ibid., 19, 20), „быста очи ему яко не врежены" (ibid., 29, 13); „сѣдоста" (3-е л. дв. ч., Лаврент. лет., 5); „бяста у него два мужа" (ibid., 9); „начаста" (ibid., и часто), „рѣста" (ibid.); „быста" (ibid., 11, 13).[1]

Аорист в славянских языках по своему образованию принадлежит к дославянскому периоду, между тем как преходящее есть образование специально славянское. Что следует из этого для значения этих времен?

§ 21. Причастия и деепричастия настоящего времени вместо прошедшего

„Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия наст. времени *я* (и *а*) в глаголах совершенного и однократного [?] вида, вместо окончания деепричастия прошедшего времени. Такую замену окончаний встречаем как в древних памятниках, так и у позднейших образцовых писателей". Следуют примеры — все, кроме одного, — из новых писателей („поставя" вместо „поставлен" и т. п.) и все — совершенные, а не однократные (Буслаев, Граммат., § 54, б). Прибавляю примеры из летописей.

„И помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити, не вседа на нь" (Лаврент. лет., 16, 16); „Михалко же ѣха въ Суждаль, и изъ Суждаля Ростову, и створи людемъ весь нарядъ, утвердивъся крестнымъ цѣлованьемъ съ ними, и честь возма у нихъ и дары многи у Ростовець" (Лаврент. лет., 160); „А брату князю Костянтину молви: перемога насъ, тебѣ вся земля" (Троицк. лет., 219); „Болеславъ же побѣже изъ Кыева, възма имѣнье и бояры Ярославлѣ" (vzav) (Лаврент. лет., 62, 16);

[1] „Дастъ" (Bopp, Grammat., III, § 512, стр. 382, 383); „-хъ, -ховѣ" и пр. (ibid., §§ 561—567); „да, бы" (ibid., § 574); „двигъ, движе" (ibid., § 576). Аорист с -с- без связочной гласной — „рѣста" (Лаврент. лет., 9).

„поиди вборзѣ, поима Берендичѣ“ (ibid., 141, 22); „Гюрги же сѣде Кыевѣ, соньмася съ Володимеркомъ у святое Богородици въ Печерьстѣмъ манастыри“ (ibid., 141, 38); „Иде Гюрги... къ Володимерю... поима зятя своего“ (ibid., 148, 39); „мира не возма, поиде проче, не успѣвъ ничтоже, но болшюю рану въсприимъ“ (Новгор. I лет., 71, 28), „поиди... поемъ съ собою 12 мужь... и иде... поимя съ собою попа“ ibid., 21, 29; 41, 31; 33, 9); „пожга городъ Дмитровъ, възвратися опять въ Русь“ (Лаврент. лет., 164, 22); „внида въ волость ихъ, поима городы Вятьскыѣ и землю ихъ пусту створи“ (ibid., 174, 14); „яко приближися къ рѣцѣ, сверга (причастие настоящего от вьргу, веречи— вьрчи; от вьргну—вьргна; в Ипат. лет. и Хлебн.— прошедшее „свергъ“) порты, сунуся въ Днѣпръ и побреде“ (Лаврент. лет., 28, 8); „всякому христіянину, хотя бы и свои домъ поврьга, а церкви постеречи“ (Новгор. I лет., 80, 6); „и ту поверга возы свои, а самъ гна съ дружиною своею къ Перемышлю“ (Ипат. лет., 52, 36); „не помяна злобы ихъ, цѣлова къ нимъ крестъ“ (Лаврент. лет., 184, 6); „въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя и уклюну и въ ногу“ (ibid., 16, 28); „Новгородци, не стерпяче безо князя сѣдити... и емлюще метахуть й въ погребъ, а онѣмъ не стерпящемъ, шедше къ Гюргеви рекоша...“ (ibid., 134, 36; Ипат. лет., 17, 28); „посла Всеволодъ Святополка въ Новгородъ, шюрина своего, смолвяся съ Новьгородьци“ (Ипат. лет., 18, 9); „и не стерпяче стояти побѣгоша въ городы своя“ (ibid., 18, 28); „не умедляче ни мало, поидоша“ (Новгор. I лет., 59, 38); „ту поклоняци ся ему, и ѣхаста въ своя полкы“ (Ипат. лет., 63, 30); „тако оборотячеся полкы своима и сташа противу имъ“ (ibid., 63, 23); „а тобѣ будеть, ставяче своѣ пѣшьцѣ поѣхати же по немъ“ (ibid., 60, 2); „приде князь... на вьрьбницю, настануцю лѣту мртъмъ мѣсяцемъ“ (Новгор. I лет., 24, 4) (впрочем, здесь может быть это причастие имеет значение настоящего); „посадяче его (вариант — „посадя“) на престолѣ, поидете же къ Іерусалиму“ (ibid., 27, 1).

Замечательно, что нет примеров такого употребления причастия настоящего в смысле прошедшего от глаголов $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, $\frac{\text{-уе-}}{\text{-ова-}}$ $\frac{\text{-ывае-}}{\text{-ыва-}}$; однако в украинском: „позапаляючи люльки, пішли в поход“ (Котляревский, 165).

Рядом с этим в тех же глаголах причастие прошедшего времени, притом в большинстве случаев, стоит на своем месте: „не дошедъ (не доида) города, ста“ (Новгор. I лет., 71, 28); „поемъ“ и т. д.

„Ту бо отець ему далъ столъ, выведы й изъ Смоленьска“ (Ипат. лет., 4, 30); „и не стерпяче стояти побѣгоша въ городы своя“ (ibid., 18, 28); „и не доидуча пакы града, стаста близъ“ (ibid., 26, 10); „и съвокупя (вариант — скупя) вси свои полкы... и поиде“ (ibid., 37, 11); „съвокупя силу свою, и посла“... (ibid., 37, 10); „а самъ, дожда ночи, поѣха изъ Кіева“ (ibid, 51, 32); „Изяславъ... поминя городъ... ста“ (ibid., 54, 21); „а тобѣ будеть оставяче своѣ пѣшьцѣ поѣхати же по немъ“ (ibid., 60, 2); „и тако не удумаша ити противу имъ полкомъ ити биться, но припустяче ѣ къ собѣ ту же ся бити съ ними“ (ibid., 60, 29); „и тако поидоша другъ друга не останя вси“ (ibid., 62, 23); „поворотяче полкы своя, пойдоша“ (ibid., 63, 16); „оборотяче ся полкы своимы и сташа противу имъ“ (ibid., 63, 23); „и ту поклоняци ся ему и ѣхаста въ своя полкы“ (ibid., 63, 30); „възмя (Хлебн. — „въземъ“) копье и ѣха на передъ“ (Ипат. лет., 63, 33); „вынза мечь свой и нача й сѣчи по шелому“ (ibid., 64, 7); „поѣха... възма брата“ (ibid., 64, 21); „и тако скупячеся вси, пойдоша къ королеви“

(ibid., 66, 33); „пойде къ Ярославлю, помина й, ста обѣду“ (ibid., 67, 3); „Изяславъ же обѣдавъ ту, и тако исполча полкы своя и пойде“ (ibid., 67, 4); „король ударя у бубны и тако исполча полкы своя, пойде“ (ibid., 67, 8); „отступяче отъ града, идоша въ товары своя“ (ibid., 71, 17); „не помяня злобы брата его, отда ему гнѣвъ“ (ibid., 77, 14).

В русском: „ротъ разиня“ (Даль, 654); „пошла стряпня, рукава стряхня“ (ibid., 528). В новгородской договорной грамоте 1307 г. (Собр. гос. грам., № 11): „Князь Великый Андрѣй, и вьсь Новгородъ дали Федору Михайловицю городъ стольный Пльсковъ, и онъ едъ хлѣбъ; а како пошла рать, и онъ отъехалъ, городъ повьргя“. У Котошихина: „покиня свое черное платье былъ... за челядника...“ (т. е. покинув стол) (Котошихин, 3); „царь учиня у гробовъ прощеніе, поидетъ къ собѣ“ (ibid., 6); „укрутя новобрачную покроютъ покровомъ“ (ibid., 8); „конюшей ѣздитъ около той полаты на конѣ вымя мечь наголо“ (ibid., 9) и мн. др.

В чешском и далматском (по рукописи начала XIV в.): „skoče na kon žen preč v skoře“ (Hanuš, 1); „tehdy jmu Boleslav viece, potirhna... mečie“ (ibid., 2). В XVI в.: „Kupci bohatij vezuce kupie rozlične do Prahy synom svym, kteřiž se v Praze učili a poručeli zbožie sve, aby jim to rozprodavali a jinego zbožie nakupiecie otcuom svym do jinych zemij posielali“ (ibid., 10); „Поровняясь против помянутой деревушки, поднялись мы на гору“ (Болотов); „Иванко же възмя тяжкы рѣчи и иде къ князю Ростиславу“ (Ипат. лет., 85); „възма рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны... и поиде“ (ibid., 96); „А лѣпо ны было, братье, възряче на божію помочь... поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести“ (ibid., 97); „Давыдъ же има вѣры, нача повѣдати“ (ibid., 99); „Игорь же има съ собою Половцѣ... и дождася Святослава“ (ibid., 124); „и тако приидe ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода“ (ibid., 130); „Pothem Falek... przydącz skarszy na Hermana“ [Księgi ust., 1449 (?)] (1503 = przysedszy); „Kmyecz drvgego kmyecza zabyjącz zaplacziw trzy grziwny groszow od wini mąszoboystwa praw bival“ [1449 (45)]; „Kthokolye przygodnye yako wthonącz alybo z drzewa spadnącz umrze“ [(XIV — XV вв. в переводе 1449 г.: „spathwszy, wtonąwszy“ (ibid., 46)]; „Gydzyk polozyl s skargą kako gdi na drodze bil vsnal, Falek nathydą wszął gemv tako spyączemv myecz y tholbolą“ [1449 (52)]; „Falka gey (так как?) swyecze sgaszącz (погасивши) ranye dal przycziną w ranyeszmy vsządzyli bicz skazanego“ [1449 (53)]; „Acz pastyrza wynvyą o nyekthore bidlą yszbi ge straczyl, do wszi go nyeprzypąndząсz, przysząncz ma, ysze do wszy przypąndzyl“ [1449 (53)]; „Przeczywko themv sza dowynyącz (провинившись), panv they wszi... zaplaczicz ma“ [1449 (55)].

Причастие и деепричастие настоящего времени от глаголов ныне совершенных, где мы ожидаем прошедшего. „Zydowye o dlug gystny y o liphą kv sąndv nyeprzyzowącz do dwy lyathv przerzeczoną lyffą przyroslą stranczycz mayą“ [1449 (56)]; „Kthokole o rzecz (= orząc) a poszyeyącz role czyge gwalthem naszyenya tychtho rol poszbycz ma“ [1449 (61)]; „pany albo dzewicza pozowącz alybo pozwana bandącz przydze na rok gey zdani“ (ibid., 19); „Pothem Falek, drvgi brath, przydącz skarzy“ (ibid., 44); „Szescz a naamnyey cztirzi ricerze przez naasz naznamyonanee przylanczancz, sandzaa alybo podsandek pospolv s przerzeczonymy ricerzymy... poznanyaa a osandzenya mocz ymyecz mayą“ [1449 (20, 21)]; „dzewka przes woley porodzyczelow drapyeszczy (похититель) przyswolącz, abo szą wsząсz przycynyącz oth drapyeszcze... poszag straczycz ma“ (ibid., 73);

„Chczemy dzirzano bycz... o dąbyech dąbrownych za kasdego sz nych porąbyącz gy pyąncz skoth zaplaczy“ (ibid., 74); „Skodą vczynyączy (учинивший? или чинящий?) panv gego pastwa popasł, dosycz vczynycz ma bycz przypądzon“ (ibid., 74); „popaszącz alybo szirzpem posznącz thrawą w syrzpye abo w plasczv mayą bycz sządzany“ [1449 (84)]; „przyidacz w łankąn yego zlodzyeysky yedno brzemyąn trawi vinyosl“ [1450 (140)].

„Почувствуя свободу, сначала конь прибавил только ходу“ (Крылов); „и у друга на лбу, подкарауля муху, что силы есть, хвать друга камнем в лоб“ (Крылов); „ти кроугомь ѿбиды, въто придетъ“ (Шестоднев, 27, 3).

Глаголы с *-ова-*. „Стовают“ (Тр. Этнограф. отд., V, 2, 150); „жезл им давает“ (ibid., 151).

Глаголы с *-ыва-*, *-ива-*. „А осенесь, государь, тотъ Власко въ подпискѣ (подделке документов) былъ же пойманъ, а сидѣлъ у недѣлщика у Игната, у Лазарева и ножемъ ся самъ рѣзалъ... и Царь... вспросилъ Власка: въ подпискѣ еси пойманъ бывалъ лы и у недѣлщика еси сиживалъ и ножемъ, сидячи у него, рѣзывалъ лы? И Власко сказалъ:... былъ... сидѣлъ... ся рѣзалъ“ (Акты юридич., I, 125, 1547 г.); „За полъ села еси Граворонова... денги имывалъ лы и кабалу... выдавывалъ лы?... та, государь, купчея нарядная (поддельная), и денегъ есми... по кабалѣ не имывалъ и кабалы ему не выдавывалъ“ (ibid., 198).

Причастие. Biblia Zofii: „wsplodz szemya szelye czynyǫcz szemyǫ (siemię) a drzewo yablko noszǫcz czynyǫcz owocze“ (Gen., I, 7, 1); „y uszrzal proch gydǫcz wsgorǫ, yako dym“ (ibid., 22); „Y wydzal gest we znye drab stoyǫcz na zemyǫ końcem nyeba, dosyǫgajǫcz, a angyoly boze s nyey wstǫpuyǫcz y stǫpuyǫcz po nyey a gospodzyna wzlegwszy na nyey a tak k nyemu rzekǫcz“ (ibid., 31; 28, 12, 13); „Pogrzebyona na szczyesce gydǫcz do Efratan“ (ibid., 40); „gdisz uznamyonal dzeyn szmyerczy przyblyszayǫcz sze“ (ibid., 41).

Союз перед деепричастием. Biblia Zofii: „Poszegnal temu stworzenyu a rzkącz“ (ibid., 2); „Y przikazal gemu a rzkǫcz“ (ibid., 3, 4, 7 и т. д.); „Powonyaw pan bog wonjej chǫtney y rzekl gest“ (10); „Wstaw Abraham z yutra a wzǫl chleba“ (ibid., 24); „otpowyedzal a rzkǫcz“ (ibid., 29); „a on poszylon y szyadl na loszu“ (ibid., 41).

Причастие и деепричастие. Настоящее вместо прошедшего. „Повьргна“.

„Як почне жiнка вередувати, забажаючи або нового очiпка, або яловичины“ (Кв.-Осн.).

Причастие *-лъ*. „И ты, имъ выдавъ розбойника, потомь, княжо, шолъ еси у розбойникову клеть, товаръ еси розбойниковъ взялъ... Еще княжо, мы тобе поведываемъ д҃-ю обиду, у чомь то еси неправду дѣялъ... и онъ шолъ (=пошел) с темь человекомъ соли весить“ (Грамота рижан к кн. витебскому Михаилу Константиновичу около 1300 г. — Акты р.-лив., № 49); „уже Романъ шелъ къ Бѣлугороду“ (т. е. пошел, о чем извещают киевляне) (Ипат. лет., 119, 13); „въ то же время великий князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть (уже пошел) въ Корачевъ, и сбирашеть... вои, хотя ити на Половци“ (ibid., 132, 3); „слыша... оже шли суть (пошли) на Половци, утаившеся его“ (ibid., 132, 6); „радъ быхъ тамъ давно ѣхалъ, нижли въ насъ того лѣта прошлого ажъ и до сихъ часовъ што и часъ сполохи отъ Татаръ бывали“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 268); „Святославъ же Олговичь бѣ тяжекъ тѣломъ, и трудилъся бѣ (утрудился, устал) бѣжа, и оттуду изъ Городьца посла Чернигову Святослава сыновца своего Всеволодича, а самъ

не може ѣхати" (Ипат. лет., 64, 27); „и что тяжкого товара всякого... не тягли бяхуть (не утягли, не были в состоянии) отъ множества всего того вывозити" (ibid., 26, 32); „ударилъ еси пятою Новъгородъ, и шелъ еси былъ на стрыя своего на Михалка" (Лаврент. лет., 162); „тѣхъ всѣхъ 18 человѣкъ поимавъ и повязавъ мучи ихъ, съ собою на Москву велъ" (Пск. I лет., 255); „[Мы] повзыщем свет желанного мы дядюшку... Не шел (=пошел) ли то к спорядным он суседушкам" (Барсов, 219); „Поосталась в хоро́мном я строеньице, Шла я — за́перла воротичка дубовыи, Да я села... глядеть стала" (ibid., 272); „Его в солдаты клали" (=отдали, Олонецкой губ.); „клали в чин" (=произвели, Олонецкой губ.) (Даль, Словарь, s. v.)

У Іоанникия Голятовского (124—125): „за́конникъ... ишо́лъ (=шел) на море; Панама́ръ ишовъ (sic!) до цр҃кви и вложи́въ клю́чъ до замка́; Веніа́минъ за́конникъ, бу́дучи въ Ку́патичахъ, ва́жилъся о́бразъ пре́сто́и б҃ци ноже́мъ скро́бати, хотачи́ довѣдатися з ѧко́и єсть мате́ріи оучы́неный, потымъ ѣхалъ до Пинска и тамъ вы́купилъ ѿ сме́рти едного̀ человѣка"; „Ключилося же пойшли в неділю до костела" (Игнат., 7).

Польский XIV—XV вв. Biblia Zofii: „Zatym David szedl (=wyszedł) odtọd precz" (Царств, I, 22, 1); „Tedi David szedl (новопольское poszedł) ottọd do Masfath" (ibid., I, 22, 3; I, 22, 5); „A poyọl dzessyọcz wyelblọdow s stada... y gydzy nabraw sbosza s sobọ y yachal gest. Y przygedze do... myasta Nachorowa" (Gen., 24, 10; 27).

„A wilawszy wodọ w slub (żłób) y byeszala zasszyọ ku studnyczi, y naczyrpnọla wodi" (ibid., 28, Gen., 24); „lọkl syọ i podzywyl syọ, rzekọ" (ibid., 31, Gen., 28, 17); „Censze pojọw dwa syny swa... y bral sze tam" (ibid., Gen. 41, 1) (нов. jechał — поехал).

„N. N. ...we dwudziestu i... więcej osób... jechali do obozu tureckiego; przeciwko nim wyjechało dwieście Turków" (O wypr. choc., 31); чешское „Potom přišli do města, hde bul ten král" (Šembera, 164); „ta druhá... poudá (povidá). «Nechót»... Hale vona šla přec" (ibid., 165): „šla a třepla Dodlu po sukni" (ibid.); „když takovy vece vidíli, šli a poudalí tomu králi" (ibid., 165); „voni pusceli hlava a vzeli ji na rameno a nesli ji do zamku" (ibid., 166); „tak voni, hdy už v díli ze jinač není, řekli mu" (ibid., 166).

Причастие прошедшее 2-е (деепричастие). „Шьдъ же иже е҃ талантъ възя, притворь ими, ти сътвори другую пять талантъ" (Матфея, 25) (по пересказу Иоанна, экзарха болгарского, в Прологе к Богословию, по списку начала XII в). [То же шьдъ в целом ряде евангелий, сличаемых с этим местом Калайдовичем: в Остр. (1056—1057 гг.), Мстисл. (1125 г.), Галицк. (1144 г.) и пр. — до исправления текста включительно.] Только в переводе на современный литературный язык — пошелъ (см. Калайдович, 29 сл.). То же шедъ в тех же евангелиях и дальше в той же притче.

У Котошихина: „и царствова(-въ) же той царь преставися" (Котошихин, 1, 3); „и ѣвши и пивъ царь царевну отпустить къ сестрамъ своимъ" (ibid., 6); „и ѣтчи и пивъ... за здоровья ихъ государскіе... розъѣдутца..." (ibid., 10); „отоймутъ честь и помѣстья и вотчины, и бивъ кнутомъ или батоги ссылаютъ въ ссылку" (ibid., 36); „чинять передъ тѣмъ образомъ прощеніе... и бываютъ послы или полковые воеводы въ то время у царя на отпускѣ у руки; и прощався царь, и патріархъ... пойдутъ назадъ" (ibid., 43); „царь слушавъ ихъ посолского дѣла... будетъ въ выслугу, жалуетъ за выслугу честью" (ibid, 44); „и споровався много садятца послы на царскіе лошади" (ibid„ 50); „и бывъ послы...

у руки, велитъ царь сказати имъ свое жалованье, столъ, ѣству и питье; и послы, бивъ челомъ царю, поѣдутъ къ себе на дворъ" (ibid., 54); „на кормъ тѣмъ птицамъ [соколам] и для ловли емлютъ они кречетники... голуби, во всемъ Московскомъ государствѣ, у когобъ ни были, и имавъ привозятъ къ Москвъ" (ibid., 71); „и Хованской говоря съ ними (поговорив) поѣхалъ къ царю" (ibid., 84); „и иныхъ бивъ кнутьемъ, и клали на лицѣ на правой сторонѣ признаки, розжегши желѣзо накрасно... и чиня имъ наказанія, розослали всехъ въ дальніе городы" (ibid., 85); „и слушавъ царь тѣхъ челобитенъ, отсылаетъ въ тотъ [челобитный] Приказъ" (ibid., 91); „и пытавъ его начнутъ пытати иныхъ потомужъ" (ibid., 91); „а какъ та смотрилщица пріѣдетъ и ей честь воздавъ посадятъ за столъ подлѣ тоѣ невѣсты, и сидячи за столомъ за обѣдомъ та смотрилщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ... и бывъ малое или многое время поѣдетъ къ жениху" (ibid., 124); „и бывъ у вѣнчанія поѣдутъ со всѣмъ поѣздомъ къ жениху на дворъ" (ibid., 126); „ѣдчи и пивъ розъѣдутца по домомъ" (ibid., 127); „ночевавши в помянутом селе, отправились мы 3-го числа далее" (Болотов).

„Володимеръ же цѣловавъ (попрощавшись) брата своего, и поиде Переяславлю" (Лаврент. лет., 118); „пѣвши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти слава" (Слово о п. И.); „А яй пойду на ток молоцици, А ён пойдзиць у корчомку пици. А я приду з тока молоциўши, А ён придзиць з корчомочки пиўши" (Шейн, 261); „здоров пивши" — украинское. „Potem dzewka byeszawszy, y powyedzala doma swey maczyerzy wszitko czsosz sliszala" (Biblia Zofii, 28, Gen., 24, 28; так и в новом — bieżała); „Snoszszye kamyenye! A ony to snoszywszy y uczynyly sǫ s onegoto kamyenya stolecz" (Biblia Zofii, 36, Gen.).

§ 22. Формы глаголов несовершенных в значении совершенных. Причастия (деепричастия) прошедшего времени

„Оконьчавъ же" (=окончив) (Лаврент. лет., 11, 40); „и кончавъ молитву..." (Ипат. лет., 220, 7); „и кончавъ оксапсалма... нача пѣти псалтырю" (Лаврент. лет., 58, 1); „а се оурочи городнику: закладаюче городьня коуна взяти, а кончавше ногата" (Достопам., I, 53).

Цѣловавъ. „цѣловавше (окончив целование, приветствие) мощи его [Бориса], вложиша й въ раку камену" (Лаврент. лет., 78, 15).

„Падъ ниць просяше прощенья" (ibid., 78, 15).

„Слышавъ" (в значении „услышав") (Ипат. лет., 17, 11); „слышавше... князи (услышавши)" (ibid., 25, 5).

Вообще видѣвъ, слышавъ вм. значения „увидѣвъ", „услышавъ" очень часто в памятниках древнего письма до XV в. и дальше.

„Гребъше" (когда отгребли — kdy odpłynęły ἐληλάκοτες) (Остр. ев., 16, Иоанна, VI, 19).

„Трасца бо трасъши (потрясши) пустить" (XIV в., Буслаев, Хрестом., 532).

Пивъ. „Бѣжащю же ему, и вжада воды, пивъ (испивши, напившись) почюти рану на тѣлеси своемъ, во брани не позна ея крѣпости ради мужьства возраста своего" (Ипат. лет., 164, 38).

Гнавъ. „Увѣдавъша же Кончака бѣжавша, посласта по немъ Кунътугдыя, въ 6000, тотъ же гнавъ (погнавшись) самого не обрѣте" (ibid., 129, 19).

Водивъ. „Изяславъ же водивъ Всеволодича Святослава хресту, и да ему Бужьскый и Межибожье“ (ibid., 25, 23).

„И даривъ дары многими и отпусти й“ (ibid., 144, 14).

Обѣдавъ. „Обѣдавъ ту... пойде“ (ibid., 67, 4); „и тако обѣдавше, веселишася... и разъидошася“ (ibid., 40, 8); „Святославъ позва й къ собѣ на обѣдъ, и ту обѣдавше разъѣхашася“ (ibid., 42, 20); „Изяславъ же оттолѣ перешедъ за Тетеревъ, и ту съсѣде конемъ опочивати; обѣдавше (вариант «обѣдавъ») же ту и конемъ опочивъ, пойде къ Въздвиждени“ (ibid., 55, 14).

Каявся. „Да аще исповѣдаль я (съгрѣшенія) будеть отцу духовному, и каявся пакы ся не възвратиль кь нимь будеть, то обрѣтають я заглажены“ (Слово, приписываемое Кириллу Туровскому или Авраамию Смоленскому, список XVI в. — Калайдович, Памятники, 97).

„А сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ Половчинъ ударить й стрѣлою, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ иметь жену его, и дѣти его, и все его имѣнье“ (Лаврент. лет., 118); „Въ се же лѣто преставися Янъ, старець добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститѣ; живъ по закону божью, не хужій бѣ первыхъ праведникъ“ (ibid., 120); „По семъ же сборѣ Петръ Гугнивый со инѣми шедъ въ Римъ (šed do Římu) и престолъ въсхвативъ, и развратн вѣру“ (ibid., 50); „И се внезапу испадоста ки златии колци, иже ношаше въ оушию своюю, и кочьшися легоста оу ракы святою“ (список XIV в., Сказ. о Борисе и Глебе, 37); „и скочь (т. е. вскочив) нача повѣдати“ (ibid., 71).

„Князь же великый ходивъ по зимовищемъ ихъ [половцев]... възвратися“ (Лаврент. лет., 174); „и онъ двѣ недѣли бывъ, поѣхалъ изо Пскова“ (Пск. I лет., 237); „и онъ пословъ Псковскихъ кормивъ и чтивъ и даривъ, и отвѣтъ далъ посломъ“ (ibid., 239); „И они стоявъ 5 дней шатромъ на поли, и безъ отвѣта ко Пскову пріѣхали“ (ibid., 250); „оставленъ бы... й раслабленый нъ въ оставленіе грѣховъ, рече бо съдравъ бывъ къ семоу не съгрѣшай“ (Изборн. 1073 г., 63); „Погоуби наша плодъи, толико крадъ (накравши) кдинъ“ (Supr., 30, 20); „И томъ же лѣтѣ обновиша мостъ церезъ Волхово рушивъше“ (разрушив) (Новгор. I лет., 6); „Се бо надъ гробъмь [Сарданапаловым] пісано бляше. толико имамь клико же испихъ й изѣхъ съ похотиж красьною. приимъшоу же многаꙗ и богатаꙗ вса осташа, не бо нъ азъ попелъ кєсмь въ чьсти велицѣ цр҃ьствовавъ“ (Изборн. 1073 г., 57 об.); „Тожде же и второму рече, сугубльшуума дъвѣ талантѣ“ (Калайдович, 29); „посадницявъ“ (Новгор. I лет., 4); „Приде Борисъ посадницать въ Новъгородъ“ (ibid., 5); „Петрилу даша посадницать Новугороду“ (ibid., 6); „Въдаша посадницати Якуну Мирославицю“ (ibid., 7); „Въниде изъ Кыева Данилъ посадницать Новугороду“ (ibid., 5).

„Преставися Дъмитръ Завидиць... посадницявъ 7 мѣсяць одину“ (ibid., 4).

III. О НАКЛОНЕНИЯХ

§ 23. Есть ли наклонения в русском языке?

Некрасов (Некрасов, 58) здесь, как и при решении вопроса „Есть ли времена в русском языке?“, держится одной мерки.

„Выражения *пошел бы*, как форма синтактическая, имеет значение *условия* в речи; но с этимологической точки зрения оно состоит из двух отдельных грамматических форм, из которых первая имеет значение

формы прилагательной, а другая — формы прошедшего времени; но ни одною из них не обозначается *условие.* Ясно, что этимологические формы не то же, что синтактические; поэтому-то смешение их между собою по значению вносит в науку сбивчивость и затемняет самый предмет нашего изучения“ (ibid., 58). Дальше о неопределенном и достигательном см. под этими графами. „Ни... *буду* и *быхъ, бы,* ни прилагательная форма на *-лъ,* с которою соединяются *быхъ* или *буду,* не имеют сами по себе значения условия. Одно только употребление в известных случаях могло сообщить описательным формам *далъ быхъ, далъ будеть* [?] значение условное, подобно тому, как формам *оуслыши — воньми призри,* употребительным в молитвах к богу, сообщено *молитвенное* значение, вследствие чего в славянских грамматиках существовало также наклонение *молительное*“ (ibid., 59).

„Суффикс *и* по своему этимологическому происхождению вовсе не выражает собою повеления. Шлейхер прямо говорит, что изъявительное и повелительное наклонения в языках индоевропейской отрасли в строгом смысле не могут считаться наклонениями, потому что изъявительное наклонение не обозначается никаким звуковым элементом, а повелительное отличается от изъявительного только вокализмом [прошу прислушаться! *А. П.*] личных окончаний“ (ibid., 59, 60). При этом ссылка на Schleicher, Compendium, § 288. Посмотрим, в чем точно неправ Шлейхер и что ему навязано Некрасовым.

Шлейхер в Compendium, § 288 (1-е изд. 1861 г.) говорит следующее: „В индогерманском показатель наклонения (der Moduselement, у Боппа — Modusexponent. Примеч. перев.), т. е. звуковое выражение отношений с о с л а г а т е л ь н о г о и ж е л а т е л ь н о г о (des Conjunctivs und des Optativs), помещается между глагольною темою (Verbalstamm) и личным местоимением. Повелительное и употребляемое в императивном значении (imperativisch) сослагательное наклонение в арийском имеют частично особые растянутые (удлиненные — gedehnte) формы личных окончаний. Это обусловлено в данном случае вокативной природой последних, и их не надо рассматривать как настоящий показатель наклонения (Moduselement)“.

„Изъявительное наклонение (der Indicativ) не имеет особого показателя наклонения (kein Moduselement); изъявительно (индикативно) в нем именно соединение глагольной темы с личными окончаниями, например в индогерманском праязыке настоящее время as-ti, bhara-ti, tana-ti; прошедшее совершенное babhâr-ta; аорист a-vida-t и т. п.“ [ср. Bopp, Grammat., § 428: наклонений в санскрите пять, если считать и изъявительное, в коем, собственно говоря, выражены не модальные, а лишь временные отношения (Tempus verhältniss). Его модальный характер и состоит в отсутствии других модальных оттенков значения („die Abwesenheit modaler Nebenbegriffe ist sein Moduscharakter“)].

„Точно так и повелительное наклонение не имеет показателя наклонения (Moduselement), ибо отличается от изъявительного только в о к а т и в н о ю (звательною) функцией (vocativische Function) личных окончаний, и вообще вряд ли может быть причислено к наклонениям (собственно говоря и изъявительное наклонение не есть наклонение, так как не имеет показателя наклонений), например в *as-dhi* основа настоящего времени и корень *as*; в *kru-dhi* тема аориста и корень — *kru*“ (Schleicher, § 288).

Во-первых, есть ли здесь хотя слово о вокализме личных окончаний, коим отличается повелительное от изъявительного? Нет: d h i в предполагаемом 2-м л. ед. ч. повелительного отличается от t i - a s t i не одним только вокализмом. Некрасов принял „vocativische Natur“ за „vocalische Natur“.

Во-вторых, думал ли Шлейхер, что повелительное наклонение в славянском не имеет модального характера, т. е. особого звукового элемента, носящего модальное значение форм? Нет, он этого не думал, ибо знал очень хорошо, что повелительное в санскрите и предполагаемом индоевропейском языке то же, что повелительное в славянском, и что это последнее по происхождению тождественно с санскритом и предполагаемым индоевропейским желательным, которое имеет свой специальный модальный элемент. Некрасов мог бы это узнать, если бы понял в Compendium'е § 290, в коем ясно сказано, что в вѣждь модальный характер есть *-jâ-* (основная форма vad-jâ-s, vaid-jâ-t), а в берѣмъ — модальный характер *-i-* (основная форма — bhara-i-tas). Если же Некрасов понимает этот параграф, то как он не видит, что когда в § 288 Compendium'а говорится о желательном, как о полноправном, по мнению Шлейхера, наклонении, то здесь же разумеется и славянское повелительное? К чему Некрасов дважды повторяет, что по Шлейхеру повелительное наклонение в языке индоевропейском едва ли может считаться наклонением в строгом смысле? Ведь ему, так как он говорит о славянском повелительном, не должно бы быть никакого дела до санскритского повелительного, от которого в славянских языках не осталось ни малейшего следа.

Некрасов говорит: форма *-и* (вези) „по своему образованию соответствует *потенциальному* наклонению в санскритском, *сослагательному* — в латинском и германском и *желательному* в греческом языках. Поэтому, пока она имела определенное употребление в языке древне-церковно-славянском, до тех пор она могла считаться формою наклонения, хотя в сущности, как справедливо говорит Шлейхер, повелительное наклонение в языках индоевропейских едва может считаться наклонением в строгом смысле" (стр. 61).

В-третьих, и в этом Некрасов неповинен, Шлейхер думает, что, строго говоря, там только и есть наклонение, где носителем его является особый звук между глагольною темою и личным окончанием, и что если называют наклонение изъявительным и (в санскрите и некоторых других) повелительным, то это делается лишь по некоторой ученой лицензии, коей строгие умы допускать не должны. Это — мнение ошибочное. Следуя ему, Шлейхер считает, например, звательный падеж не только не падежом (и не членом предложения, что в известной степени верно), но и не словом, а междометием (Compendium, § 243). Между тем звательный падеж хотя и не имеет своего суффикса, но тем не менее есть грамматическая форма, так как он относит известное реальное содержание к определенным грамматическим категориям не только в тех случаях, где слово в этом падеже имеет какие-либо другие суффиксы, но и там, где оно ровно никаких суффиксов не имеет и где в звуковом отношении оно равно корню. И в таких случаях звательный не есть корень, а форма, притом форма, своим отличием от остальных падежей свидетельствующая о высоком формальном развитии языка. Как здесь, так и везде, присутствие в языке формы несомненно не только там, где посредством тире мы можем на письме выделить звуковой формальный элемент, но и там, где такого элемента вовсе нет.

Возвращаюсь к сказанному во-вторых. Несмотря на то, что Некрасов не знает, что сказанное в § 288 Compendium'а Шлейхером о повелительном не относится к славянскому повелительному, он признает в этом последнем особый модальный суффикс *-i-*, причем обнаруживает значительную ученость: „в глаголах 1-го спряжения, оканчивающихся в теме [какой? *А. П.*] на согласный звук, суффикс *и* в древнем церковно-славянском языке, прикрываясь личными суффиксами двойственного и множе-

ственного чисел, усиливался в *ѣ*; например: *вез-ти*, двойств. ч. *вез-ѣ-вѣ*, *вез-ѣ-та*; множ. ч. *вез-ѣмъ*, *вез-ѣ-тѣ* (вместо *вез-и-вѣ*, *вез-и-та* и пр.). Древнее церковно-славянское *ѣ* в этом случае соответствует индороманскому и древне-верхненемецкому *ê*, готскому *ai* и греческому *oi*... Здесь *ѣ* есть усиление звука *i* (посредством *a*, *a+i*)" (Некрасов, 60). Здесь заметим, что Некрасов думает, будто в е з - ѣ - м ъ образовано от одной темы с в е з - т и, так как он говорит о теме, оканчивающейся на согласную. Поэтому он считает *-ѣ-* за усиление *-и-*: новое доказательство, что он не заглядывал в § 290 Compendium'а или не понял его. Здесь он узнал бы, между прочим, что в е з ѣ м ъ образовано не от темы неопределенного наклонения, а от темы настоящего времени, оканчивающейся на *a*, что *ѣ* здесь произошло не от гуны, а от слияния глагольного характера *a* с модальным характером *i*, и что, стало быть, заряд учености (ср. с санскритским) попал в небо.

Наиболее явственно первоначальное тождество санскритского potentialis и славянского повелительного в двойственном и множественном числах новых славянских глаголов, соответствующих по характеру, или только по последнему элементу характера, санскритским 1-го и 6-го классов, именно в глаголах II и IV разрядов (*-не-*); *-ѣ-* в славянском везѣ-вѣ, везѣ-та, вез-ѣ-мъ, вез-ѣ-те = санскритскому *-ê-* в vahēva, vahētam, vahēma, vahēta.

Впрочем, из этого равенства *-ê-* и *-ѣ-* здесь и в других случаях еще не следует, чтобы слияние основной двоегласной *-ai-* в *-ê-*, *-ѣ-* произошло еще до отделения славяно-литовского языка от арийского. Напротив, в обеих отраслях уже по их разделении было, по всей вероятности, еще *-ai-*, происшедшее в рассматриваемом случае из соединения характера первой темы *-a-* с модальным характером *-i-*. В формах вез-ѣ-мъ (и тому подобных глаголов II и IV разрядов) *-ѣ-* постоянно находится между двумя согласными твердыми.

Во 2-м и 3-м лицах ед. ч. потенциального в санскрите есть vahēs, vahēt (основа vah-a-i-s, vah-a-i-t). Отсюда, после потери конечных согласных *-s*, *-t*, требуемой общеславянским звуковым законом, должно бы выйти в е з - ѣ. Вместо этого встречаем в е з - и, а равно и в глаголах III, 1, б и 2, б — к о л и, п и ш и. Подобное ослабление *-ѣ-* (ставшего конечным после потери согласной в доисторическое, но уже славянское время) в *-и-* Шлейхер замечает в родительном ед. ч. именно темы *-и-*: чръ-в-и, ношти, санскритское krmēs, литовское naktēs [ė = ie], готское anstais (Schleicher, Formenlehre, 235). Что до отделения славянского от литовского, то здесь стояло в повелительном *-ѣ-*, в этом убеждает литовская permissiv'ная форма 3-го л. (первоначально имевшая значение только единственного), употребительная только с частицею *te* и в глаголах имеющая не более двух слогов и ударение на втором слоге, сохраняющееся на конце *-ė- = -ѣ-*: te-vežė [ė = ie] — пусть везет (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 104).

В глаголах III, 1, а и б, и III, 2, б, с основным характером первой темы *ja* = ѥ, в двойственном и множественном числах повелительного *ѣ* в старославянском под влиянием предыдущего *j* изменяется в ꙗ, после шипящих — *a*: биꙗмъ, пишате. Закон, по которому *jѣ* = ꙗ, есть общеславянский: и до сих пор в русском, — а с известными диалектическими изменениями и в других славянских — „боятися" — по своему характеру *-я-* равносильно с „горѣти"; но в повелительном уже в древнейших старославянских памятниках закон этот часто нарушается двояким образом: а) или удерживается *ѣ* после *j*, например в Остромировом евангелии: вънемлѣте, покажѣте, вместо вънемлꙗте; б) или ослабляется *jѣ* в *и*, после гласной в *j*; например в Остромировом евангелии: „плачите,

пийте“ (см. Miklosich, III, § 117). Это последнее сокращение составляет правило для глаголов III, 2, а, в, г.

В санскрите модальное *-ī-*, соединяясь с последней гласной характера *-aja*, дает формы potentialis — cōráyēs, cōráyēt, cōráyēva, cōráyētam, coráyētām, cōráyēma, cōráyēta. В славянском с этим следует сравнивать не только глаголы $\frac{-ѣє-}{-ѣ-}$ и $\frac{-аѥ-}{-а-}$, но и глаголы III, 2, в, г, в коих характер -ѥ-, но перед ним коренное *а*, или *ѣ*, так что в настоящем получаются сочетания *-ѣѥ-*, *-аѥ-*, а также и глаголы IV — *-уѥ*. Во всех этих случаях предполагаемая основная форма двойственного и множественного чисел повелительного есть бѣлѣ-jѣ-мъ, дѣла-jѣ-мъ и пр. Но *-jѣ-* здесь уже в древнейшее время ослабело в *i* (желѣивѣ, дѣлаивѣ), вероятно, не только потому, что ему предшествует гласная, но и потому, что на нем, по крайней мере в глаголах *-аѥ-* V и *-ѣѥ-* VI разряда, никогда не было ударения. Миклошич уже для старославянского выставляет образцами: желѣйвѣ, желѣйта, желѣймъ, желѣйте, дѣлайвѣ и пр. везде с *й*, т. е. с *j*. Мне кажется, несправедливо предполагать здесь *j* уже в старославянском и других древних славянских наречиях; следует думать, что в такой форме, как дѣлаимъ, *i* еще на памяти истории составляло слог. Предание заставляет нас произносить п о й м, т. е. п о ј и м, и я не вижу причины, почему бы и п о и в ѣ следовало писать п о й в ѣ (Miklosich, III, § 169), ибо, полагаю, в старославянском, как и в древнерусском, даже и отсутствие ударения на *-i-*, защищенном следующим слогом, не влечет за собой сокращения этого *-i-* в *-j-*.

В глаголах $\frac{-и-, -и-}{-ѣ- -и-}$ для настоящего времени предполагается форма характера *-иѥ-*, посредствующая между основным *-aja-* и *-i-* в „горишн, любиши“. Для повелительного следует предположить, что соединение глагольного и модального характеров дает *-ijѣ-*, что *-jѣ-* после гласной, как и в глаголах *-аѥ-*, *-ѣе-*, дает *-ji-*, и что затем *-iji-* сольется в *-i-*. Таким образом „любивѣ“ из предполагаемого л ю б и ј ѣ в ѣ будет отличаться только тем от д ѣ л а и в ѣ, что в последнем удержалась самостоятельность *-i-* вследствие большого расстояния между *-а-* и *-i-*.

Характер санскритского potentialis во 2-м санскритском спряжении (по Боппу), к коему относятся и санскритский разряд 2-й (= славянскому в ѣ м ь) и 3-й (= славянскому д а м ь), есть в действительном залоге *-yâ-*, которое в среднем (ātmanēpadam) стягиваются в *-ī-*: действительный 2-е л. ед. ч. — vidyās, dadyās, vidyāt, dadyāt; средний 2-го л. ед. ч. — vidīthās, dadīthās.

Мне кажется, что звука *-ъ-* здесь вовсе и не следует предполагать. Допустим, во-первых, изменение *-yâ-* в *-yī-*, не представляющее ничего необыкновенного, а затем сокращение *-ī-* в *-i-* и изменение этого последнего в *-ь-*, и что (§ 247) переход *-д-* в *-жд-* перед *-ь-*, если оно еще из *-i-* (предполагает в ѣ д и из в ѣ д ѣ), — необъясним. Бопп (Grammat., § 677) и за ним Шлейхер объясняют славянские ꙗ ж д ь, в ѣ ж д ь, д а ж д ь формами санскритского 2-го и 3-го л. ед. ч. potentialis parasmâi p., причем Шлейхер (Formenlehre, 367) за предшествующую форму принимает предполагаемое в ѣ д ј - ъ, ꙗ д ј - ъ д а д ј-ъ. Относительно *-ѣ-* эта форма не равна санскритскому vidyās; славянский язык здесь, как и во всех лицах двойственного и множественного, в отличие от санскритского, имеет усиление гласной. На это Миклошич (Grammat., III, § 118) замечает, что затруднительно допустить переход долгого *-â-* в *-jâ-*, в ъ.

Для объяснения старославянских форм двойственного и множественного чисел вѣд-и-та, вѣд-и-те, ꙗд-и-те, дад-имъ, дад-и-те Шлейхер принимает (loc. cit. и Compendium, § 290) для славянского такое же стяжение *-jâ-* в *-i-*, какое имеет место в санскритском potentialis atmanēpad. При-

чина такого стяжения вовсе не явственна в славянском, как она явственна в санскрите, где она зависит от неударяемости глагольного характера. Как бы ни было, в д а д-и-м ъ *-j-*, если был, исчез бесследно. Иначе появилась бы форма, как д а ж д-и м ъ (основа *дад-jи-мъ), в ѣ ж д и в ѣ, откуда в ѣ ж д ь в ѣ, формы, которые чужды древнейшим старославянским памятникам, но которые соответствуют формам повелительного тех же глаголов, существующим в других славянских корнях (ср. украинское j і ж м о, j і ж т е, польское j e d z m y, j e d z c i e и пр.). В древнерусском уже находим „вѣжьте" (Лаврент. лет., 80, 29); „повѣжьте" (ibid., 29, 31) при п о в ѣ д и т е, п р о п о в ѣ д и т е (Бодянский, 1 об.).

В русском повелительное, сравнительно со старославянским, представляет следующие особенности.

Древнерусскому в той же мере свойственно 1-е л. мн. ч. повелительного, как и старославянскому. Встречая в старинных памятниках такие формы, как поймъ (пѣти), познаимъ, исповѣдаимъ, вѣруимъ, побѣсѣдиимъ (Калайдович, Памятники, 22, 27, 43), порозумѣимъ, послушаимъ, поучаимъсѧ (Изборник 1076 г.), възгнушаимъся (Бодянский), мы должны их считать столь же русскими, как и старославянскими. Они не заключают никаких русских особенностей, кроме, быть может, потери конечного *ъ*, и то не раньше XIII—XIV вв. Сокращение *i* в *j* я вижу только в тех формах, которые вместо личного окончания *-мъ* или *-м* (с потерянным, хотя изображенным на письме ъ) имеют *-мы*, *-ме* (*-мѣ* — с ошибочно употребленным *ѣ*) и украинское *-мо*; например „Олговичи пусти (2-е л. повелительного) домови, а сами ся урядимъ, а крови хрестьянъскы не пролеймы" (=лѣймы) (Ипат. лет., 61, 25); „кръви не проливаймѣ" (Новгор. I лет., 34, 30); „вѣдаимы" (Ипат. лет., 46, 23); „отриняймо, покаимося, не помышляимо, убоимося, не послѣдуимо, работаимо, непослушаимо" (Волынский список поучений Ефрема Сирина до 1288 г. — Срезневский, Сведения, 49, 50).

В современном литературном языке и в русских говорах 1-е лицо множественного повелительного заменяется тем же лицом будущего совершенного или несовершенного, смотря по совершенности или несовершенности глагола: пойдем, пойдем-те, будем (станем) ходить. Следы такой замены встречаются уже и в старинных памятниках, например поѣдемы (в значении повелительном) (Ипат. лет., 54, 38, рядом с настоящим 1-го л. мн. ч. повелительного). Наоборот, ѣ д и м ъ, ѣ д и т е, д а д и м ъ, д а д и т е, имеющие теперь значение будущего, заимствованы, как это замечено и Миклошичем (Grammat., III, § 690—692), из повелительного. В старом языке заметны уже следы такого употребления, например: „можемъ головы свои за тя сложити, а не п е р е д а д и м ъ города" (Ипат. лет., 225, 27).

В украинском отличие 1-го л. мн. ч. повелительного от настоящего (resp. будущего), свойственное древнему языку, не только не стерто, но увеличено, именно в разрядах $\frac{-и-}{-ѣ-}$ и $\frac{-и-}{-и-}$, где древний язык вовсе не различал этих форм, или — только ударением. В украинском эти глаголы 1-го л. мн. ч. имеют, в отличие от древних языков, во множественном числе повелительного перед личным окончанием не *и*, которое в украинском должно бы измениться в *и* среднее, а *ѣ* = украинское *i*. При этом: а) если в 1-м л. настоящего (resp. будущего) ударение стоит на коренной гласной, то в повелительном оно или остается на том же слоге, причем характерное *i* сокращается в *j* (посидимо, посидите, повелительное посидьмо, посидьте), или переходит на характер (ро́бимо, робі́мо). б) если в 1-м л. мн. ч. настоящего ударение на окончании, то в повелительном оно на характере: сидимо́, сиди́те, сиді́мо, сиді́те; в) во 2-м

и 3-м лицах ед. ч. конечное *и* сохраняется в литературном и русском, диалектически изменяется в среднее *и* в украинском, если на нем стоит ударение (или если *и* без ударения, оно стоит после стечения согласных). В противном случае оно сокращается в *j*, которое или остается самостоятельным (после гласной), или смягчает предыдущую согласную (прочь, стань), или исчезает бесследно, как в русском ляг из ляги, украинском ляж из ляжи. Тому же закону подчинено *и* в повелительном, соответствующее старославянскому *ѣ*. Влияние отсутствия ударения на сокращение *и* в повелительном явственно уже в старинном русском, например: „поѣдь прочь" (Ипат. лет., 199, 11); „поѣдьте" (ibid., 57, 30); „востани... видь брата твоего" (ibid., 221, 32); „пожальтеси о Русской земли" (ibid., 97, 33); „княже! не ѣздь" (ibid., 104, 5); но там же „ѣдите" (повелительное) (ibid., 142, 9); „придѣте и видите" (Новгор. I лет., 28, 2) и мн. др.

Ѣ в повелительном свойственно древнерусскому в тех же случаях, в коих оно стоит в церковнославянском. Не точно в „Грамматике" Буслаева: „Церковнославянское повелительное наклонение отличается от русского употреблением двух примет: *и* и *ѣ*"; „первоначальный звук повелительного наклонения есть *и*, который потом, по законам усиления или подъема гласных, ... переходит в *ѣ*" (§ 84). И вообще в этой книге русский язык почти постоянно принимается в тесном значении современного литературного, но, кроме того, древнерусскому уже в очень древнее время стало чуждым изменение *jѣ* в ꙗ, хотя изменение это было и в русском языке, судя по равенству стояти и горѣти. Вместо ꙗ из *jѣ* в старославянском — „градѣте оубиѥмы и" (1125—1132 гг., Буслаев, Хрестом., 37); в древнерусском следует предположить -*ѣ*- („възищѣмъ" — Бодянский); но в этом *ѣ*, а равно и в том, которое на том же месте в старославянском, рано замечаются диалектические изменения.

В украинском это *ѣ* сохраняется в большинстве говоров в виде острого *і* и, как выше сказано, вновь появляется во множественном числе повелительных глаголов $\frac{-и-}{-ѣ-}$ и $\frac{-и-}{-и-}$.

В литературном языке и русских говорах вместо основного *ѣ* (будет ли оно в старославянском *ѣ* или ꙗ) стоит *и*; в этом следует видеть не постепенное изменение *ѣ* в *и*, подобное украинскому, а уравнение темы остальных лиц повелительного с темою 2-го и 3-го л. ед. ч. Другими словами: в украинском говорится ведіте, потому что везде *ѣ* = *і*, а в русском ведите имеет своим оправданием только веди. Следы этого замечаются уже в старом языке. Так, при множестве таких форм, как „изидѣве" (Лаврент. лет., 38, 16), „отъидѣта" (ibid., 40, 29), „идѣте" (ibid., 24, 7), „понесѣте" (ibid., 24, 8), „рьцѣте" (ibid.), „въведѣте" (ibid., 30, 12) и т. п., находим — „поѣдивѣ" (Ипат. лет., 30, 31), „лязите в лодьи" (Лаврент. лет., 24, 7), „придите" (ibid., 24, 20).

В глаголах II, 1, а $\left(\frac{-е-}{\pi}\right.$ с корнем на гортанную$\left.\right)$ в старославянском и древнерусском согласная правильно изменяется перед *и*, *ѣ* в свистящую (рьци, лязи, рьцѣте). В литературном гортанная здесь, как и в склонении, остается неизменяемой: пеки, пеките, моги и пр. С этим ср. в Новгор. I лет. „сѣките" (79, 17). В украинском гортанная является здесь в виде шипящей: „печи" и пр. Ср. „съжьжи" (Калайдович, Памятники, 113); „блюди и стережи" (Ипат. лет., 144, 33).

И из глаголов $\frac{-и-}{-ѣ-}$ в старославянском „видѣти" имеет повелительное „виждь" (но „видите"). Согласно с этим в древнем при види есть и вижь (Лаврент. лет., 32, 11) (как в польском и др. — widz), а из современных говоров в Псковской, Тверской губ. — гляжь (см. Доп. к обл. слов.).

§ 24. Образование повелительного наклонения в славянских языках.

См. Bopp, Grammat., § 672 сл., особенно §§ 677, 678; Schleicher, Formenlehre, § 367; idem, Compendium, § 290; Miklosich, III, § 117.

Можно считать решенным, что в формах единственного числа 2-го и 3-го л. — неси, двойственного 1-го — несѣвѣ, 2-го и 3-го — несѣта, множественного 1-го л. несѣмъ, 2-го — несѣте, и им соответствующих в других глаголах, а равно и литовских повелительных, о коих будет сказано отдельно, имеющих в старославянском основное значение повелительного наклонения настоящего времени, значение это в более древнее время было представлено другим наклонением, именно, по всей вероятности, — желательным. Такое мнение о производности значения повелительного наклонения в славянском и литовском повелительном основано на том, что в звуковом отношении это наклонение соответствует санскритскому potentialis,[1] греческому желательному (от темы настоящего времени) и тем из литовских (в 1-м и 2-м спряжениях) форм настоящего сослагательного и форм будущего 1-го (в 3-м и 4-м спряжениях), которые возводятся к одной форме с греческим желательным.

Вероятно, что потеря основного значения желательного, предполагаемого славянским повелительным, повлекла за собою потерю 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. От первого не осталось никаких следов. Единственный пример последнего, приводимый Миклошичем (loc. cit.), — бѫдѫ — *ἔστωσαν* (Ватик. ев., Луки, 12, 35 = Остр. ев. „да бѫдѫть"), в коем по Миклошичу *ѫ* из *ѣнт* кажется сомнительным, ибо отсутствие *-ть* в 3-м л. мн. ч. само по себе не свидетельствует о принадлежности этой формы к повелительному, а употребление изъявительного настоящего без союза *да, ать* и пр. в значении повелительного и желательного не необыкновенно в славянских памятниках.

Древнеславянский и древнерусский языки, а из нынешних славянских языков — украинский, имеют три звуковые сочетания для повелительного наклонения. Для украинского, например, веди, ведімо, ведіте = основным веди, ведѣмъ, ведѣте.

Личные окончания форм *-мо* (*-мъ*) и *-те* (*-ть, -тъ*) — явственны. Обыкновенно, говоря о русском языке, совершенно упускают из виду украинский язык, теоризируют на основании двух форм: веди, ведите. „Повеление в личной форме может быть выражено только вторым лицом единственного или множественного числа, смотря по тому: к одному или ко многим лицам оно относится" (Некрасов, О глаголе, 113).[2] Так: „Форма на *те*, очевидно [уже и очевидно! *А. П.*], образовалась в языке через приставку *те*, которая ясно обозначает собою второе лицо множественного числа, к той форме, которую мы [т. е. Некрасов. *А. П.*] назвали *общею* или *абсолютно-личною формою русского глагола.* Если это *те* есть само по себе 2-е лицо множественного числа (вы) и прибавляется к общей, неопределенной личной форме глагола с тем, чтоб указать на лицо, то можно ли спрашивать . . . почему эта форма не употребляется с другими лицами? Да потому, что ею ясно обозначается определенное второе лицо множественного числа", между тем как формой на *и* „не обозначается . . . никакого определенного лица" (Некрасов, О глаголе, 112).

Если бы Некрасов знал, что литературному в е д и т е непосредственно предшествует в е д ѣ т е, которое и до сих пор сохраняется в диалекти-

---

[1] „Санскритское potentialis, при многих особенностях своего употребления, соединяет в себе значения греческого сослагательного и желательного" (Bopp, Grammat., III, 1).

[2] А „ходім" и т. п.? *А. П.*

ческих изменениях в значительной части русского языка, тогда бы он, быть может, не принял формы веди за тему и не стал бы образовывать от нее ведите. А впрочем, кто его знает? Верно, что веди не есть тема 1-го и 2-го л. мн. ч.; оно само заключает в себе тему этих лиц и, сверх того, стершиеся впоследствии личные окончания. Поэтому и все рассуждения о различии в употреблении веди и ведите, основанные на мнении неопределенности первой формы, лишены основания.

Проф. Буслаев полагает, что повелительное наклонение (разумеется, за исключением 2-го л. мн. ч. и 1-го л. мн. ч., о коем он вовсе не говорит, потому что оно потеряно в русском), „означая своим окончанием не лицо, а только наклонение,... может употребляться во всех лицах обоих чисел, без изменения своей флексии“ (Буслаев, Граммат., § 192, 1). Между двумя половинами этой мысли нет неизбежной связи. Известная форма может означать лицо, и тем не менее это лицо может служить для обозначения других лиц. Стало быть, веди не непременно потому употребляется во всех лицах, что само по себе не означает лица. Кроме того, первое утверждение, что веди и т. п. не означают лица, — неверно. Звуковая потеря сама по себе не влечет еще за собой потери формы как грамматической категории. Всеми славянскими наречиями предполагается такое состояние языка, когда одно и то же звуковое сочетание рабъ прикрывало собою три, первоначально различные, звуковые сочетания и три грамматические категории: именительный и винительный ед. ч. и родительный мн. ч. Можем ли на этом основании думать, что в древних славянских языках в таких именах, как рабъ, категории именительного ед. ч., винительного ед. ч. и родительного мн. ч. не различались? Нет, мы этого думать не можем. Так и в веди и т. п. личное окончание, без сомнения, стерлось, но из этого не следует, чтобы это сочетание вовсе не имело отношения к лицу, чтобы для современного языка было безразлично, какое именно личное окончание фонетически исчезло в веди.

По тому закону, по которому всякая конечная согласная[1] дославянского слова в древнеславянском языке[2] должна исчезнуть, форма веди одинаково могла возникнуть и из 2-го л. ед. ч. с окончанием *-с* и из 3-го с окончанием *-т*. В этом — основание мнения, что веди есть и 2-е и 3-е лица ед. ч. С другой стороны, можно заметить, что 3-е л. повелительного мн. ч. делает вероятным, что в ед. ч. 3-е лицо потеряно и что дажь—даждь есть, следовательно, не dadyām, a dadyās. В подтверждение можно сослаться на то, что во всех славянских наречиях веди в собственном значении само по себе понимается непременно как 2-е лицо ед. ч., а для того, чтобы обозначать 3-е л., нуждается в новом указании на это лицо, т. е. в именительном падеже имени или местоимении 3-го лица. Однако эти соображения не убедительны, ибо потеря 3-го л. мн. ч. не влечет за собою потери 3-го л. ед. ч., как нам показывает литовский язык, в коем утраченная форма 3-го л. дв. и мн. ч. заменяется формою 3-го л. ед. ч., формою, заметим, лишенною материального знака лица. Точно так же синтаксические различия 2-го и 3-го л. в веди не доказывают, что это веди вышло из одной формы, а не из двух. Не придаю никакого значения мнению Некрасова (О глаголе, 105 сл.), что веди есть *общая личная форма глагола* и только, т. е. не означает ни наклонения, ни лица и числа, а только отношение действия к лицу вообще. Мнение это, как почти все в этой книге, кроме несогласия с фактами (Некрасов хотя силится объяснить, почему веди

[1] Кроме *н*, *м*, которые с предыдущею гласною сливаются в гласную носовую.

[2] А. А. Потебня здесь и в других местах обозначает этим термином „праславянский язык“. *Ред.*

само по себе означает 2-е л. ед. ч., но объяснить своим мнением не может), выведено ложным путем, который состоит в том, что из известного числа определенных значений формы делается экстракт; это бледное отвлечение потом выставляется как сущность значения формы; из этой сущности обратно выводится что угодно. Конечно, если собрать значения веди и отбросить в них все несходное, то мы не получим ни наклонения, ни вида; но что нам в этом толчении воды?

Говоря об употреблении лиц повелительного наклонения и, в частности, 2-го л. мн. ч., следует различать это употребление: а) в повелительном в собственном значении (imperativus jussivus) и b) в значениях производных (imperativus concessionis, imperativus indicativus). Об этих производных значениях по отношению к наклонению будет сказано ниже; здесь же только замечу, что в названиях производного значения повелительного нет никакого contradictio in adjecto.

2-е лицо имеет особенное сродство с модальным значением повелительного, ибо в старославянском, древнерусском и древнеславянском в древнейшем периоде сохранилось во всех числах повелительное (веди, ведѣва, ведѣте), между тем как 1-е только в дв. и мн. числах и 3-е — только в ед. и дв. ч.; тем не менее употребление его не так широко, как можно думать, считая форму веди только за 2-е л., а не за 3-е.

При определении значения грамматической формы, и вообще слова, нам нужны не категории общего и частного, ибо общее может быть добыто только вышеупомянутым ложным путем, а только категории первообразные и производные, исторически предшествующие и последующие. Но предшествующим (на основании представления) мы имеем право называть веди повелительным, хотя бы оно было употреблено с другим значением.

В собственно повелительном 2-е л. ед. ч. = в повелении конкретному 2-му л., которое может быть обозначено или обозначалось звательным.

а) 2-е л. стоит само за себя в предложениях с общим значением необходимости в возможности, все равно, будет ли здесь повелительное в собственном значении или в значении условном: „того и жди... хоть шаром покати“; украинское „ніч... хоть в око стрель тобі“; „озиме ув осени через засуху не сходило... а яровини й не питай“ (Кв.-Осн.). „Кинь хлеб на лес, пойдешь — найдешь“.[1]

Проф. Буслаев (Граммат., § 192, 3 и примеч. 3) видит здесь „как бы“ обращение к лицу слушающему. Зачем „как бы“? Прямо-таки к слушающему, но не к тому или другому известному, а ко всякому второму лицу. Значения: „должно ждать, можно шаром покатать“ стоят совсем вне языка. По отношению к лицу в русском языке здесь нет никакого идиотизма (примеры в литовском и немецком см. ниже) и ничего свойственного исключительно повелительному; ср. выше „пойдешь — найдешь“.

Павский (III, 169) думает объяснить обороты „читай я, сделай это мы, тронь они нас“, принимая, что читай состоит только из темы и модальной гласной *-и-*, и, не имея вовсе личного окончания, поэтому может соединяться со всеми лицами; я же скорее думаю, что читай (legunt) произошло из читаши, как читай (lege) из читаиі, и что читай в „читай я, мы, они“ тождественно с 3-м л. ед. ч. повелительного, которое точно так же соединяется со всеми лицами, как 3-е л. ед. ч. *бы* заняло место всех остальных форм. Повелительное без наличного или уже отброшенного личного окончания кажется мне случаем, не имеющим себе подобного и трудно допустимым (Miklosich, III, § 652).

---

[1] Некрасов приводит пример: „Не смейся чужой беде, своя на гряде“ и объясняет „здесь *гряда* от *гряду*, т. е. иду, т. е. своя на ходу“ (О глаголе, 108).

Museji (3-е мн. ч.), но musime. „Čert chytil hospodského, a p o d' s nim do pekla“ (ibid., 749) — прошедшее конкретное однократное. „Janek děkowal bohu a p o y d' do světa (= hajdy do swěta) kol“. В украинском (горском): „И я собі піду надоети. Пішов, д ô й, д ô й, такій собі котêв надоев, ще бôльшій як тот“ (Игнат., 68); „Вôн собі с у н ь с я, все ся краде, все ся краде... присунув... хопив того птаха, як черкне втікат“ (-ает) (ibid., 66); „Пўстили коруну (а та коруна літала), а коруна л і т а й, л і т а й, и на нього сіла“ (ibid., 53). „Виходить кôнь... и у тоту яблôнь розчяв ся чіхрати, а вôн долôв яблôнев сунься с у н ь на того коня, скочив на нього“ (ibid., 47); „Вôн ся полегоньки сунь, сунь. З той яблоні, с у н ь, с у н ь на того коня скочив“ (ibid., 46); „дивится, там ся три панни купае, вôн ся с у н ь корчьми, с у н ь корчьми, зокрався, та украв середущôй сукні та крила“ (ibid., 20); „І, лихо! Хоч з дому т і к а й бідному чоловікові“ (Полтавск. губ., Драгоманов, 60); „Мені таке, що хоч з мосту та в воду (кинуться?) плигни“ и пр.

б) 2-е л. ед. ч. в значении 2-го л. мн. ч. при явственном обозначении этого последнего: „А вы не отставай!“ (обращаясь к отряду); „Пади! берегись!“ (к толпе).

Во всех таких случаях множественное число рассматривается как собирательное, и это увеличивает силу повелительного. Повелительнее сказано: „стой, братцы!“, чем „стойте“. В степени употребительности 2-го л. ед. ч. повелительного вместо 2-го л. мн. ч. славянские наречия могут весьма разниться между собою подобно тому, как ближайшие между собою наречия. Русский и украинский несходны относительно перенесения форм единственного числа именительного падежа собирательных во множественное.

в) В русском употребительно повелительное единственного числа в пожеланиях, обращенных к самому себе, исполнение коих поставлено в зависимость от условия: „будь я проклят, если...“; „провались я, если...“ Украинское „не будь я песький син, коли...“ (Гулак); „От бублики, будь я бестия, коли такі й дома їв“ (Кв.-Осн., II, 239). Хотя примеров я не встречал, однако думаю, что в таком смысле форма эта может быть употреблена и в 1-м л. мн. ч.: „Будь мы прокляты!“; „Але говори я, — та не ладуй! — а тут староста, чути, вже й просить із-за стола“ (= Что ж я заговорился, а не заряжаю, между тем как пора стрелять при выходе из-за стола).

Если не ошибаюсь, в других славянских наречиях этот оборот не употребителен и заменяется описанием, обычным и в русском: п у с т ь я б у д у, н е х а й б у д у, б о д а й з д о х н у, чешское a ť с 1-м л. ед. ч. изъявительного b o d e j и пр. Относительно русского может быть сомнение, есть ли будущее в „будь я проклят“ первоначально 2-е лицо. Оно может быть и 3-м.

г) 3-е лицо единственного числа повелительного в собственном значении: *α*) во всех славянских наречиях стоит само за себя в случаях, когда 3-е л. ед. ч. означено именем или местоимением в именительном единственного (но не звательном) (Буслаев, Граммат., § 194, 1, примеч. 3). Ср. „будь он проклят“ (будет ли за этим стоять условие или нет, это — все равно); „Уж кат бери й шапку, аби б голову цілу до дому донести“ (Кв.-Осн.). *β*) В русском вместо 3-го л. мн. ч. примеров мало (Буслаев, Граммат., § 192, примеч. 1): „и они... чужими землями ж владѣй“. Аналогично с переходом 2-го л. ед. ч. к значению множественного числа и с тем же эффектом.

Отвлекаясь от того, что под одними и теми же звуками скрываются две формы повелительного 2-го и 3-го л. ед. ч., и принимая это за одну форму, можем сказать, что эта форма не есть ни общая для всех лиц повелительного наклонения, ни тем менее общая личная форма глагола

без наклонения. Для 1-го л. ед. и мн. чисел она служит только в ограниченном значении пожелания, а не прямого повеления, непременно с местоимением 1-го л., следующим за нею. Для 2-го и 3-го лиц множественного форма эта употребительна в русском и литературном, но так, что каждый раз заметно основное значение единственного числа. Форма эта в значении повелительного не заменяет собою и не вытесняет форм 1-го, 2-го лиц множественного числа (подобно тому как общий падеж романских языков заменяет собою и вытесняет различные окончания латинских падежей) и существует рядом с ними, обозначая то, чего они не обозначают. Нельзя сказать в украинском „ходи ми" или „ми ходи", „ходи ви" или „ви ходи", „вони ходи" вместо „ходімо, ходіте, нехай ходять" (идуть). Так и в русском нельзя в повелительном смысле сказать: „мы пойди, вы, они пойди".

Другое дело — в значениях производных: условном и изъявительном. В первом [в условном. *Ред.*] в русском форма первоначально единственного числа стоит со следующим за нею обозначением лица вместо всех лиц единственного и множественного: „сделай я, ты, он, мы, вы, они" = „если б я и пр. сделал". Но в украинском форма единственного числа стоит в значении 2-го л. ед. ч., редко в значении 3-го л. ед. ч., для других же лиц — описания или настоящие формы повелительного. Как поступил в этом случае чешский, см. ниже.

Во втором значении (изъявительном), как ниже показано, вовсе не заменяющем собою настоящего изъявительного, в русском и сербском и в более ограниченной мере и в украинском форма единственного числа ставится вместо всех лиц.

§ 25. Употребление повелительного наклонения

Рассматривая историю таких форм повелительного наклонен я, как в е д и, в е д ѣ м ъ, в е д ѣ т е и соответствующих, мы должны принять за исходную точку п о в е л и т е л ь н о е значение этих форм, хотя известно, что славяно-литовский язык предполагает время существования особого повелительного наклонения, причем функция форм, из коих вышло славяно-литовское повелительное, была сослагательно-желательная.

До этого последнего, относительно древнейшего, периода нам здесь нет дела. Весь ряд значений, принимаемых в славянских наречиях такими формами, как в е д и и пр., выводится из их повелительности. Другие модальные значения рассматриваемых форм п р е д с т а в л я ю т с я (или изображаются) их повелительным значением. Таких производных значений в русском языке два: а) условное и б) изъявительное. Хотя каждое из этих значений представляет особенности в русском литературном языке и русских народных наречиях, однако особенности эти, как и во множестве других случаев, весьма тонки и отделить их сплеча, как топором, невозможно.

а) О п о в е л и т е л ь н о м в з н а ч е н и и у с л о в и я (например, будь-то, не было бы другого) см. Буслаев, Граммат., § 192, 2, примеч. 2 и 8.

Хотя ниже указано сходство между повелением и условием, но употребление повелительного в предложениях условных не составляет его особенности: „не п о с л у х а т и її (не послухаю, нехай я не послухаю) так битиме" (Кв.-Осн.); „Хоч всіх ти упирів з б е р и и знахарів, хоч п о к у м а й с я ти с відьмами: ніхто не скаже нам, так як би ти хотів, що доля завтра зробить з нами" (Гулак); „Отце коли прийшов з посудиною, щоб купити до хазяйства на скільки треба горілки, то хоть трохи з а с л у х а й с ь а б о з а д и в и с ь, то й не доллє повної міри та мерщій и всипає у твою посудину, и вже хоть с п о р ь, хоть л а й с я, а він тебе випроводить геть" (Кв.-Осн.).

Некоторые называют такое повелительное imperativus concessivus, потому что в нем значение: „допустим (предположим), что было бы, или что есть то-то (если бы было то-то), и тогда случилось бы“, что в нем это предполагаемое условие другого явления изображается повелением: будь. Сродство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего.

В [таких] выражениях нашего литературного языка, как „допустим, положим, предположим то-то, и будет то-то“, мы в этом „допустим“ не можем чувствовать никакого оттенка повелительности, потому что этот язык потерял 1-е лицо повелительного, но в славянских языках, сохранивших эту форму, в таких случаях можно ожидать не только будущего совершенного, но и повелительного, как в польском „dajmy na to“ — предположим. Но во всяком другом лице и в нашем литературном языке появится повелительное.

аа) В главном предложении стоит изъявительное наклонение. Так, в украинском „прийди до його в нуждi, проси голодний сухаря, i сухаря не дасть, i за руку виведе з хати“, „прийди до його з порадою об якому хочеш дiлi, так вже добре навчить“ (Кв.-Осн., I, 156); „Ори i заливай лани, коли широкi перероги i грошики за баштани лупи, та все одкинеш ноги“ (Гулак).

Такие обороты решительно не составляют особенности русского языка. В чешском — см. Zikmund, § 256, p. 625; в хорутанском — Janežič, § 466, p. 234.

На такое же употребление повелительного в сербском указывает частица будь, буди, равная по употреблению, но не по собственному значению и не по происхождению, русскому буде: „буди ли идеш на војску, коме ме младу остављаш“ (Караџић, Рјечник, s. v.).

В той же мере они свойственны литовскому и немецкому, например: „ateík neválgęs, iszéísi iszálkęs“; „komm ohne gegessen zu haben, du wirst hungrig weg gehen“ (= приди-ка не евши, уйдешь голодный); „iszeík bemýlims, ateík beláukiems, taí gérs búsi svéczes“; „geh, wenn man dich gerne hat, komm, wenn man deiner harrt, so wirst du ein guter Gast sein“ (= уходи, пока мил, приходи когда ждут, то будешь добрый [милый] гость) (Schleicher, Grammat., 311). Шлейхер (loc. cit.) говорит, что в этих случаях повелительное есть как бы сокращение первого члена условного предложения (komm = wenn du kommst); это во всяком случае не точно, ибо повелительное здесь вовсе не предполагает условного наклонения, а только обозначает условие повелительным. Второй член обозначает явление, или одинаково зависимое от перечисленных в первом условии, или равно независимое. Первый член условного сочетания предложений может быть предложением разделительным с союзами разделительными или без них: „жди — не жди, не дождешься; проси ли — не проси, не дам“. При этом оба члена деления явственно обозначаются. Оборот этот в чешском и хорутанском употребителен не менее, чем в русском. О хорутанском см. Janežič, loc. cit. В чешском (см. Zikmund, loc. cit., § 221, 6, примеч. 4, и § 256, 4 a): „Chtěj já, neb nechtěj: musím činiti tvou vůli; chtěj ty, neb nechtěj, budeť o pokoj rokováno; chtějme neb nechtějme, musíme umříti; Bíla i s pannami, chtějte neb nechtějte, musily se brániti; zavázáni jsme jiste k tomu abychom se modlívali, již pak chtěj se nám neb nechtěj“ (3-е л. ед. ч., безлично); „Bud'že — bud'že, bud'to — aneb ne“, как вышеупомянутое сербское буди, склоняется уже к значению союза: „bud'to že jíte nebo píete... všecko k slavě boží čiňte“. Здесь в русском неловко

было бы поставить повелительное: „ешьте вы или пейте“; лучше — „будете ли есть или пить, все делайте на славу божью“; „Buď že mluvím, men zmenšuje se bolesti mé, buď že tak nechá mi neodchází ode mně“ (= говори я или нет; высказывай я свое страдание или нет); „а я то мужикові крути та не верти, не раз вже бачила таких дурних як ти“ (Ґулак).

Ср. в польском „Chciej nie chciej, musisz. В немецком при таком же обороте (sei es das... oder — будь то или) в известных случаях необходимо изъявительное (er mag... oder) или сослагательное (er möge... oder).

Замечательно, что сербский язык для таких разделительных предложений, в коих в русском почти необходимо повелительное наклонение в условном значении, выработал особый оборот с прошедшим на -л. „Змај... рекне своме коњу: «Шта ћемо сад? или ћемо јести и пити, или ћемо терати?» А коњ му одговори: «јео не јео, пио не пио, терао не терао, не ћеш га стићи»“ (Караџић, Припов. 1853, 32) = ѣшь не ѣшь, пей не пей, гони не гони, не догонишь; du magst...; „Клапило се, не клапило (пенься — не пенься мыло, купленное вместо сыру) јешћу те, платио сам те“ (Караџић, Пословице, 134). Такое употребление в сербском связано с тем его свойством, по которому прошедшее на -л, само по себе без союза или аориста вспомогательного бых может иметь значение желательное или условное. Более близкий к сербскому перевод приведенных выражений был бы: ел ли бы ты или не ел... пенилось ли бы ты или нет.

Примечание. В приведенных примерах chtěj ne chtěj и пр. видна возможность перехода такого повелительного хоти в условное значение союза условного или уступительного. Для такого перехода нужно, чтобы хоти бывало предварительно не единственным сказуемым первого члена условного сочетания, а сказуемым главного предложения, при коем стоит предложение придаточное, как в „буди остављаш“, „buď toze jíte“. Этот переход действительно совершился по старинному русскому хоти, которого не следует смешивать с хотя. „А хоти которой братъ родной учинитца недругомъ сыну твоему Царевичу Івану... и мнѣ съ тѣмъ его братомъ въ дружбѣ не быти“ (1554 г., Собр. гос. грам., I, № 168); „а хоти мя мать моя и не учнетъ наводити на лихо, а взвѣдаю, что мать моя сама захочетъ которое лихо учинити... и мнѣ то лихо... сказати сыну твоему“ (ibid.); „а дешево, хоти не на́добе (= ѣ), а в ту пору купѝ“ (Домострой, 72). В нынешнем хоть может скрываться и хотя и хо̀ти.

Между представлениями воли и возможности есть известное сродство. Выше приведенное „хоти не надобѣ“ переведем немецким „mag es auch unnötig sein“ (NB. „диви-бы“ = уже пусть бы).

Сербское „немоj, немоjмо, немоjте“ с неопределенным наклонением глагола со значением увещания или просьбы не делать. Стало быть, сходно с „не хтjеi“, „не изволи“; по всей вероятности, есть то же, что не моги.

Наоборот, русское областное (моск.) хотеть значит также быть в силах, в состоянии, мочь: „не хочу пойти“ (Обл. слов.).

Русские и украинские частицы буди, будь, будь си, будь́ сим (белорусские, см. Обл. слов.), буцім, будьто не имеют уступительного условного, идут не от того значения повелительного, которое в вышеприведенных сербских (буди) и чешских примерах (buďto že). Они обозначают тоже предположение действительности (стало быть, его мнимость) явления, но не в смысле условия другого явления, а в смысле его образа, то поясняющего действительность, то скрывающего ее: русские (Архангельск. губ.) буди — как будто: „что ты

глаза вытаращил, *буди дикой*" (Буслаев, Граммат., 192, примеч. 5; см. Обл. слов. и Даль, Словарь).

Украинское (галицийское) будь: „рослá, будь топóля" (Зоря Галицкая). Украинское (восточное и западное) буцім, при коем белорусское будь сим с тем же значением (NB. Белорусское бытцом — Романов, 3).

Впрочем, украинская форма предполагает творительный падеж местоимения не симъ, а сѣмъ. Этот творительный первоначально и мог иметь значение творительного сравнения.

Примеры: „народу там зібралось, буцім там місце (т. е. базар) начиналось" (Гребінка); „збіраютця, буцім-то прясти, та замість того пустують" (Кв.-Осн.); „пійшов, буцім-то в город" (ibid.); „далі, буцім-то не второпала, при кого вона розказує, тай каже" (ibid.); „Маруся буцім-то слухає, та все своє гадає" (ibid.).

Белорусское будь-си параллельно и равносильно русскому будь-то, так как си есть винительный ед. ч. ср. р. от сь. О будто в литературном см. Буслаев, Граммат., § 192, примеч. 5, и § 273.

С рассмотренным типом предложений разделительных находится в сродстве другой тип. В русском языке принадлежащие к нему предложения всегда имеют перед сказуемым местоимение относительное или наречие относительное (дополнения или обстоятельства) с частицею *ни*, украинское *не*. Эти предложения по отношению к предыдущим представляются более отвлеченными; они как бы вывод из выше рассмотренных разделительных: „проси, не проси, а..." заключает в себе конкретно изображенные два противоположные и равносильные условия; „как ни проси, а..." представляет условие, выбранное из ряда многих и наиболее благоприятное. Второй член всегда выражает явление, независимое от условия, выраженного в первом, или даже противное этому условию. Поэтому отношение второго члена к первому есть всегда противительное, и все сочетание может быть названо уступительно- или условно-противительным.

Как и в выше рассмотренном типе сочетаний, в первом члене может стоять и условное наклонение: „как бы ты ни просил, не дам".

Первому члену с частицею ни и с повелительным обязано своим происхождением кто-, что-, какой- и пр. ни будь (ни буди). См. Буслаев, Граммат., § 192, 4, примеч. 5; например: „И въ томъ отводѣ на правой сторонѣ тѣ дворы всѣ къ Сущову и Митрополичи и розные чьи дворы ни буди;... а которые будутъ дворы Сущовскïе... гдѣ ни буди..." (1504 г., Собр. гос. грам., I, 136).

Русские обороты — „сколько ни жди", „як не мудруй, а вмерти треба" и пр. — представляют следующие отличия от соответственных чешских, о коих см. Zikmund, § 256, 4, b, и § 223, 7, примеч. 1.

Во-первых, в чешском, в оборотах, наиболее близких к русским, после относительного местоимения (или наречия) не ставится частицы, соответствующей русскому *ни*. Такой частицы вовсе и нет в чешском, ибо по функции чешское ani совпадает не с *ни*, а с *ни-ни* и с *и не*, и то только отчасти: „což koli mluv já (was ich auch immerhin sagen mag — «что я ни говори») nic ne dba". Это различие, впрочем, лишь косвенно относится к употреблению повелительного. Так и в других русских оборотах — „что бы я ни говорил" — присутствие *ни* в русском обороте указывает само по себе на то, что следствие не зависит от условия выражения повелительного или сослагательного с *ни*.

Во-вторых, чешскому, а в меньшей мере и польскому, свойственны обороты из двух одинаковых повелительных, связанных местоимениями относительными или наречиями относительными: „dělej ty z toho co

dělej, předce...“ [=как ты на это ни смотри (смотри как хочешь) все-таки (или однако...)]; bud' jak bud' (=как ни случись, что ни будь) pobětan; так и в польском: „bądź co bądź, przenie (ale...)“.

Описательное повелительное в условном значении. „Нехай же коли мати хоть трохи зморщитця, що або трохи недужа, або що таке, — вже Оксани з хати й не виженеш... вже од матери ні на пядь“ (Кв.-Осн., I, 160); „Людей питай, свій розум май“; „Як не мудруй, а вмерти треба“; „Повірить усьому, що їй стань росказувати“ (ibid., I, 183); „Не треба мені ні панства, ні багатства, будь хоть простий мужик, личма́н, я тебе все рівно любитиму“ (ibid.); „Нехай сонечко на мене не світить, нехай місяць для мене поту́скне, нехай зірочки́ від ме́не поховаються, квіточки́ передо мною завянуть, пташечки не щебечуть, річечка висохне, світ зміниться, — мені до сего всего нужди мало, аби б я бачила тебе по всяк час“ (ibid.); „Хоть йому кажи, хоть не кажи, він нічого не тямить“ (ibid., 240); „Віддай руками, то не виходиш і ногами“; „Ось нехай лишень увійде, то зараз на неї і напустятця“ (ibid., II, 161); „Туди́ поверни́ — там східці та двери, східці та двери; сюди пійти — східці та двери, східці та двери, більш нічого й нема“ (ibid., 243); „Kthori kole kmecz orze czalim plugem, kylye kolye theszs myey volow albo konyow, powynyen dacz czthirzi kythi konopi“ (1449 г., Księgi ust., 12).

Формы Супрасльской рукописи можно бы считать потенциальными, если бы быть уверенным, что они не простые описки.

„Ты видиши... ꙗко не имамъ сълѣсти съ камене сего... доньдеже оумърѫ, аште мене не оуслꙑши и ижденеши бѣса сего отъ чловѣка сего, и свободь сего сътвориши“ (Supr., 131, 5); „Аште ми сѧ хошти извѣстити, принесѫ ти, ꙗгоже вꙑ глаголете кръста“ (ibid., 47, 25; ср. Miklosich, Lexicon — хотѣти).

В Супрасльской рукописи в 3-м л. настоящего опускается *-тъ-* = *-ть*, причем получаются формы, которые (Ludwig, Der Infinitiv, 137) считают за optativ: „доньдеже сѧ образи“ (Supr., 102, 19). „Матере... подадѫштѫ сьсь, да не надои дѣтишта, нъ да отъ плача оуставитъ“ (ibid., 285, 11); „блюди мрьтвьца, да не оубѣжи“ (ibid., 329, 18); „да не изллзи слово сврьнаво“ (ibid., 390, 25).

В следующем покажи поставлено независимо от предшествующего *да*: „оустави себѣ законъ и правило, да вь мѣрѫ вьсе твориши, и много сьхраненик покажи о мьнимыихъ не оудрьжанꙑихъ“ (ibid., 381, 10).

Повелительное = условному: „зачепи ж її хто словом, зпитай об чимнебудь, зараз зиркі з під своїх війок, вже й догадалася, з якою думкою питають її... Коли честный поважний чоловік її пита об ділі, вона зараз уклонитця и скаже що треба... Нехай же з дурною думкою хто її зпита, так тут вона гляне на него мов та королівна, та не кажучи нічого тільки губоньку піднявши, ніби усміхнетця — то той, що питав, и остався, як опечений“ (Кв.-Осн., Щира люби).

б) Во втором члене сочетания (главном предложении) стоит условное наклонение. Это обстоятельство, повидимому, могло бы не иметь никакого влияния на употребление повелительного в первом члене. Действительно, в литературном языке обороты, как „будь то-то, не было бы того-то“, не представляют в первом члене отличия от рассмотренных. Однако в украинском здесь предпочтительнее употребление сослагательного (условного) и для выражения и условия: „як би було то... то булоб“:

„Як би мені ступка та жорна!
Як би мені жінка моторна!
Я б її цілував — милував,
А до печі куховарочку наняв“;

Употребление условного в обеих частях сочетания здесь удобнее потому, что в условном можно обозначить два времени („як би я знала“ и „як би я була знала свою нещасну долю, не йшла б була заміж“...), между тем, как при употреблении повелительного для обозначения условия различения этих оттенков, можно сказать только „знай я“, а не „знай я було“.

Повидимому, ради возможности обозначать в условном предложении временные оттенки — и, без сомнения, с таким результатом — сербский язык выражает условие не повелительным, а его описанием, т. е. любым временем изъявительного (кроме аориста?) с союзом *да*.

„Да је вина, и стрина би пила“ (Караџић, Пословице, 49) = будь вино — пусть будет вино... Это настоящий глагол permissivus. В нынешнем языке такой оборот может казаться собственным, не переносным выражением условия, ибо мысль говорящего уже не восходит при этом к средству, коим условие выражено: обычное описание повелительного есть настоящее время (и только настоящее) с *нека* (украинское нехай, пусть). Но тем не менее выражение условия посредством *да* не только с настоящим, но и с прошедшим получило начало при таком состоянии языка, когда условие выражалось только повелительным описательным (настоящее время с *да*).

„Да није сиротиње, не би ни сунце гријало“ (ibid., 53); „... бор хватим и он би се зелен осушио“ (ibid.); „Да су бољи гости, била би боља и част“ (ibid., 55).

„Ти да имаш соколова крила,
Не би т' меса уносило перје“.
(Чубро Чојковић, 156.)

„Закључа врата, говорећи: сам бог да дође, не ћу му отворити“ (Караџић, Припов. 1853 г., 171).

„Би л'се нашло доброга јунака?!
Да попије ову чашу вина,
Да попије, да ни не зафали?“
(Чубро Чојковић, 129.)

„...Да нањезе (проходи он мимо) друмом овудије
Би попио и он купу вина,
Би попио, неби зафалио“.
(Ibid., 129.)

„Дас' оћаше тио наоблачит',
Је неимаше ђе капља крунути!
Од доброга коња и јунака“.
(Ibid., 142, 143.)

„...да ћаху извадит јој душу,
Она млада казат' не оћаше
ђе је била и што је виђела“.
(Ibid., 130.)

„Да је мене царе запросио
Ја му Хајку не бих поклонио“.
(Ibid., 156.)

„Да сам јуче умр̍о, не бих 'то данас чуо“ (Караџић, Пословице, 55); „Не бих ја ни дошла овамо, да ме није моја матерешина отерала“ (Караџић, Припов. 1853, 177); „Поједе све и још да је било“ (ibid.).

Случаи такого употребления изъявительного, получающего значение концессивности в силу *да*, весьма обычны в сербском. Они, как и подобное употребление повелительного в русском (да сам = будь я..., тогда и было бы то-то), новее, чем *ако* с *бих бил* (= аще быхъ былъ). Посредником между последним и первым, по Ягичу, служат обороты с *да бих бил* в первой половине условного сочетания; сначала: „а к о б и ови човик злочинац н е б и о, не бисмо га били предали теби"; позднее (пример XVII в.): „д а б и он не био злочинац". [Но ошибочно, что Ягич смотрит как на непоследовательность на удержание доныне чистого (не концессивного) условного: „код он не би био злочинац..." (Jagić, Primjetbe, 194).]

бб) П о в е л и т е л ь н о е в з н а ч е н и и и з ъ я в и т е л ь н о г о (н о н е в м е с т о и з ъ я в и т е л ь н о г о). В литературном русском языке — см. Буслаев, Граммат., § 192, 3 в; NB. Miklosich, IV, 794—797. В украинском: „а він (вони) давай його бить".

Сюда же относится и украинское д е й - к о, т. е. дай-ко (*ай = ей* в чешском — как правило, в украинском — как исключение в трех случаях: ч е й, д е й - к о, д е й же його кату, д е й його честь; в последнем у Квитки-Основьяненки „д и й його чести") с опускаемым дополнением: „Чого ти там гарчиш? сказав наш Солопій, та й з серця д е й - к о з хати" (Гулак); „В ставочку пліточка дрібненька з нечевья зуздріла на удці червяка... Ну, д е й к о до його швиденько..." (ibid.).

Оборот этот в той же, и даже большей, мере свойствен и сербскому: „дијете, спопадне (букву) па п о в у ц и тамо, п о в у ц и амо, али не може да је ишчупа" (Караџић, Припов. 1853, 2). „Онда се Брко залети (как разбежится), па хоп! преко воде на другу страну, па п о ћ е р а ј за Међедовићем" (ibid., 6); „а ми с ко̑на̑ своје вреће, па п у њ и и м ј е р и (давай наполнять и мерить), док напунимо вреће" (ibid., 7); „Брже боље спреме се на пут, седну на коње па б е ж и" (давай бежать) (ibid., 26); „кад змај руча (глагол совершенный) онда седне на коња па т е р а ј за њима" (ibid., 27) и мн. др.

„Аж ось ізнов де ні в і з м и с ь їздець" (Куліш, II, 40); „Сіла край віконця и д а в а й би то шити... знай у віконце поглядає, чи високо сонечко" (Кв.-Осн., II, 181); „Невістки знай у противну хату р и п та р и п" (ibid., 180); „Писарь... з н а й кахикає" (ibid., 208); „Вони з н а й підтакують" (ibid., 209); „Отворила я дверь да тут дубовую, откуль в о з м и с ь перелетна эта птиченька" (Барсов, 211).

В обоих языках здесь употребительна только форма 2-го — 3-го л. ед. ч. о всех лицах в русском, не исключая 1-го л. ед. ч.: „а я и д о г а д а й с я..." Употреблением этой формы, как уже замечено проф. Буслаевым (loc. cit.), достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение.

Так употребленное повелительное не должно быть смешиваемо с такими усеченными глагольными формами, как х в а т ь, г л я д ь. Miklosich (III, § 642) думает, что хотя образование г л я д ь из прошедшего г л я д ъ и не невозможно, однако, имея в виду употребление в сербском 2-го, вернее, 3-го л. повелительного в значении всех лиц аориста — „како удари (ударише) Турци на Малинско и на Струг, Сировчани не смједни (смједоше) им одмах у помоћ поћи" etc., и русском — „тут вихр отколе ни возьмись" и т. п., следует за такую форму считать и г л я д ь.

Последние вовсе не суть и не были никогда повелительными, хотя изредка действительно употребляются в повелительном значении; первые по происхождению суть повелительные, но повелительность в них только представление, средство изображения изъявительного. Сходство

есть только между „давай бить“ и „ну бить“; но это *ну*, равно как и *на*, мы уже выше отличали от хвать, глядь и т. п. тем, что *ну*, *на* суть повелительные слова, принимающие личные окончания. Особенность усеченных глагольных форм (хвать), как выше замечено, состоит в том, что они никогда не бывают предложными, кроме того случая, когда вторая из повторяемых частиц соединяется с *по* для окончания последования во времени: хвать — похвать, шасту — пошасту. Другими словами: пространственные отношения действия и зависящие от предлогов значения совершенности и несовершенности здесь никогда не обозначаются. Напротив, повелительное наклонение в значении изъявительного может, подобно всякой другой форме спряжения, быть простым или предложным; оно бывает большею частью, хотя не всегда, именно совершенным. Отсюда видно, что в экономии языка усеченные глагольные формы и повелительное в изъявительном значении играют различную роль. И по времени происхождения те и другие — различны. Первые не составляют особенности ни русского, ни вообще славянского языка; так, не менее сродни и литовский и немецкий; вторые не одинаково свойственны даже русским наречиям, из чего с вероятностью можно заключить, что они возникли позднее.

§ 26. Замена и описание форм повелительного наклонения

1. В русском вместо недостающей формы 1-го л. мн. ч. повелительного употребительно 1-е л. мн. ч. будущего совершенного (настоящего). Присоединение к этой форме личного окончания 2-го л. мн. ч. *-те* (*-те* в сербском и пр.; Miklosich, IV, 71), которое и в других случаях может присоединяться не к темам, а к словам [кроме *на-те*, *ну-те*; ср. еще областное (Смоленская губ.) „здоро́во-цё, мои ронні́jо“ (Этнограф. сборн., I, 143)], дает новую форму („пойдем-те“), которая может иметь только повелительный оттенок. Собственный смысл ее есть „пойдем *мы* и *вы*“. Это — увещание, обращенное к другим, делать что-либо вместе с нами (у Федьковича): „А подивися-ко, де Василь дівся“; „А покажи-ко мені своего хресного“. В украинском, сохранившем особую форму 1-го л. мн. ч. повелительного, прибавка *-те* к этой форме была бы излишняя, хотя на востоке слышится ходім-те, но эта форма — не народна.

2. Когда сила речи падает на повелительную форму, тогда самостоятельное местоимение ставится после повелительного. Этот оборот соединяется со следующими.

3. Подобно тому как частица *-то*, а в некоторых областных русских говорах — член, выдвигает вперед имя, так частица *-ко*, а в диалектах измененная *-кй*, приставленная к повелительному, делает то же с повелительным, отчего последнее получает оттенок увещания, понуждения.

В восточном украинском эта частица при повелительном неизвестна, однако — дейко. Но в „Народных песнях Галицкой и Угорской Руси“ Головацкого нахожу следующие примеры: „Не кличмо нікого, підім-ко ми сами“ (Головацкий, I, 164); „піди-ко ти, моя доню“ (ibid., 260); „коли пішки не приходиш, хоць конем приїдь-ко“ (ibid., II, 383).

В русском она очень употребительна, в некоторых говорах только после личных окончаний, причем 1-му лицу изъявительного она сообщает, как и *-те*, исключительное значение повелительности (пойдем-ка, пойдем-те-ка, пойди-те-ка), а в других и перед личным окончанием 2-го л. мн. ч. Так, в некоторых северных русских говорах: „Ты пойдем да богодана с нами, матушка... На мою да ты родиму пойдем родинку“ (Барсов, 238).

2-е л. ед. ч. *-ко* присоединяется прямо к повелительному, а вслед за ним ставится самостоятельное ты (см. выше); например „стой-ко ты“; или *ты*, приставленное к повелительному, теряет гласную, становясь таким образом настоящим сложным окончанием, к нему приставляется *-ко*, а вслед затем нередко еще раз ставится уже самостоятельное *ты*: „ты спусти-тко... в монастырь“ (Онежская губ., Пам. и обр. нар. яз., 274); „возми-тко“ (ibid., 276); в Ситчине: „Выйдзи ты на цыстò полè, Падзи́-тко ты своей грýдзью белою... Возмоцы́-ткё ты сырў землю̀“ (Этнограф. сборн., I, 148) и др. Возвратное местоимение ставится здесь после *-ко*, между тем как в говорах, сильнее повлиявших на литературный язык, наоборот: „не подступáйко-са ты ко мне“ (ibid., 155).

2-е л. мн. ч. повелительного там же при обыкновенном (стрецайцё, становицё) может быть или со вставкою *-ко* перед *-цё* (*-те*) или так, что *-цё* приставляется к повелительному с *-т-ко*, причем эмфатическая форма повелительного 2-го ед. ч. принята за тему, после этого еще — *вы*: не повешшýй-ко-цё; возьми́тко-цё; вы завейко-цё; принеси́тко-цё; „Уж не пòйко-цё вы песни веселыјо, Уж не круши-тко-цё миня гори́оху горькюю!“; „[Бацюшко! матушкя!] благослои-тко-цё миня — от цыстà сердцà“; сажай-ко-цё; пóшшуй-ко-цё вы и пр. (ibid., 145 сл.).

В Пошехонском уезде Ярославской губ. 1-е лицо мн. ч.: „поом-*ко-те*, робятушка“ (ibid., II, 4).

В сербском понудительные частицы *-де*, *-дер* ставятся после повелительного наклонения или повелительной частицы: „чуймо-дер“, „послушаем-ка“, „погледаймо-дер; ну-дер, де-дер“ (см. у Караџиħ'а, Рјечник); однако есть случаи, когда *-де* вставляется перед окончанием 2-го л. мн. ч.: „Дајдете, ħецо, оне моје зубне чачкалице“ (Караџиħ, Припов. 1853, 7) — дайте-ка зубочистку.

Шлейхер, имея в виду только русское *-ка*, приставляемое к окончанию, а не предпосылаемое ему, сравнил такие русские формы, как с н и м и - т е - к а, с таким литовским повелительным, как 2-е л. ед. ч. ves-kë, ves-ki, ves-k (из ved-k-ë); дв. ч. 1-е л. — veskíwa, 2-е л. — veskíta; мн. ч. 1-е л. veskíme, 2-е л. — veskíte (в старопечатных книгах k-e-t: éiket — идите, mokinket — учите). Еще убедительнее становится это сравнение, если взять во внимание вышеприведенные областные русские формы. Разница между w e s - k - i t e и в е д и - к о - ц ё та, что в литовском *-к-* стоит перед модальным характером, а в русском после него, и та, что в современном литовском приведенная форма повелительного есть единственная, ибо даже в древнейших памятниках литовского языка, старопечатных катехизисах и ритуалах XVI—XVII вв., сохранились лишь немногие формы повелительного = основному славянскому без *-к-* (dodi, dûdi — дай; ne wedi, ne wed — не введи; atleid — остави), между тем как в русском формы с *-к-* стоят при более древних и явственно отличаются от них оттенком значения. Но и в литовском, по предположению Шлейхера, *-к-* стояло первоначально на конце повелительной формы, а затем уже вошло внутрь слова, подобно тому как наречие s z e n — сюда, сократившись в *sz*, может ставиться перед личным окончанием повелительного: „ei-k-sz-te“, подите-ка сюда, из „eí-kite szén“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 108).

Бопп (Grammat., §§ 679—682) тоже полагает, что *-i-* в литовском повелительном есть модальный характер, но принадлежащий не теме спрягаемого глагола, а вспомогательному корню *ai-*, образующему в санскрите прекатив, т. е. potentialis аориста. По его мнению, *к* в dûki одного происхождения с *х* в славянском д а х ъ, и литовское d û k i t e — дайте отличается от dûsite (дадите, будущее сложное со вспомогательным глаголом) только изменением *s* в *k*. Не вдаваясь в частности этого

неверного предположения, можно только заметить, что переход основного *с* в *к* в литовско-славянском кажется беспримерным, ибо соответствие литовского *к* славянскому *х* (из *с*) имеет место только в словах, заимствованных из русского или польского, каково и приводимое Боппом литовское juka, юха, уха, санскритское yūṣa, латинское jūs, juris.

Гораздо вероятнее мнение Шлейхера (loc. cit.), что *к* литовского повелительного есть эпиритическая частица, сродная санскритскому *-ca*, латинскому *-ce*, *-c* — hicc (hic-ce?), ho-ce (hocce), hic, hoc, sic; что эта частица сохранилась и в литовском в виде *p* в tei-p — так, kitai-p — ина-к; kaip — как, szeip — сяк (от темы *ta-*, *kita-*, *ka-*, *szja-*), подобно тому как при старом trejokas — трояки́ есть в современном литовском treiópas; что в славянских *-ей* соответствует, кроме *-ка* в русском повелительном, еще энклитическое *-ка* в сербском: м е н и - к а, т е б и - к а, т е б е - к а. Это последнее сравнение можно расширить. В областных русских говорах тоже: м н е к о, м н е к а. Ср. „Ише чим мне-ка (= мне-то), Владимир князь, видь хвастати?“ (Онежский у., Пам. и обр. нар. яз., III, 273); „спусти-тко в монастырь... да спасти мне-ка спасти душа грешная“ (ibid., 274); „не хошь ты послужить мне-ка времени малого?“ (ibid., 277); „чем мне-ко будет Князя дарить“ (Др. росс. стих., 3). Та же частица приставляется и к наречиям: „Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем“ (ibid., 283); „тутотко“ (ibid., 128). О *-ча*, *-че*, *-чу* см. Буслаев, Граммат., § 75, 3, стр. 171, изд. 3-е.

О б у п о т р е б л е н и и в о в с е х л и ц а х 2-го л. ед. ч. п о в е л и т е л ь н о г о. „Означая своим окончанием не лицо, а только наклонение, может употребляться оно [повелительное. *Ред.*] во всех лицах обоих чисел. Напр. в Юридич. акт.: «и они потомъ такъ и не *дуруй*, чюжими землями насильствомъ не *владѣй*» (1612 г.); ... у Крыл.: «Я затяну, а вы не отставай!»“ (Буслаев, Граммат., § 192, 1). Тут же и примеры для 3-го л. ед. ч. в Др. росс. ст., 74: „*тот пей и ешь* готовое“. Миклошич (IV, 794, 6): „Der Grund dieser Erscheinung liegt im überwiegenden Gebrauche dieser Form“, т. е. явление должно объяснять само себя, будучи принято за причину.

Если предшествует 2-е л. мн. ч. повелительного, то в следующем повелительном можно ожидать знак личного окончания: сербское „хајте њима на Кокоте горње, Нахију ми од Турака б р а н и“ (Караџић, Пјесме, V, 90) (идите, защищайте); „Здраствуйте, тетки, здраствуй, лебедки, здраствуй, шатуньи!“ (Даль, 318). То же имеет место, если предшествует *вы*: „Ай же, *вы*, дружина хоробрая! *Делай* дело повеленое, *Слушайте* большого атамана“ (Некрасов, 113; Miklosich, IV, 794).

NB. Если бы после „а вы не отставай“ следовало 2-е л. мн. ч. повелительного „пойте“, то объяснялось бы от этого значение „не отставай“. Другими словами, уничтожалась ли бы собирательность множественного числа в „вы не отставай“?

§ 27. Глагольные частицы и повелительное наклонение

Глагольные частицы [термин, принятый акад. Срезневским в так озаглавленной статье (Материалы, 334—336)] или у с е ч е н н ы е г л а г о л ь н ы е ф о р м ы [термин проф. Буслаева (Граммат., I, § 54)] например х в а т ь! г л я д ь! б р я к! и т. п.

Частицы эти, по словам Срезневского, употребляются: 1) вместо неопределенного наклонения, 2) вместо всех форм изъявительного наклонения, 3) вместо повелительного наклонения, 4) как имена существительные (Материалы). Последнее утверждение связано с мнением, что в древнем языке глагольные частицы следует иметь, между

прочим, в именах, образованных от глагольных корней без всяких приставок (кроме -ъ, -ь), как бѣгъ, махъ и пр. Но разве недостаточно -ъ, -ь (=основным, a-s, ja-s, i-s), чтоб сделать корень, весьма часто уже явственно видоизмененный, настоящим существительным в именительном падеже единственного числа, способным склоняться: бега, бегу и т. д. И разве не в том причина названия таких слов, как бряк! и пр., частицами, что они не флектируются. Вся суть в том, что необходимо отличать глагольные частицы, как: „он хлоп его в рожу“, „он топ ногою“, от существительных подобнозвучных: „...свист и хлоп, людская молвь и конский топ“.

Какое отличие от междометия? Особенность — что глагол в этой форме сохраняет способность требовать дополнения, но всегда остается без определения, без обстоятельства образа действия. Отношение к подлежащему отлично от повелительного, употребляемого в повествовательном значении. Если можно какую-либо форму назвать адэкватно-личною, то именно эту (К. Аксаков, Русская беседа, 1859, VI, 29—31. NB. Соч., т. II, 589).

Всякое слово без исключения, независимо от присутствия или отсутствия в нем флексии, может быть, как известно, существительным, если означает предмет: „Нехай (частица из повелительного наклонения) — недобрий чоловік“, или само представляется предметом („слово хвать есть...“); но говорить об этом употреблении здесь не стоит, так как оно нисколько не отличает глагольных частиц от всех остальных слов.

Я не знаю также, какие примеры указывают на употребление глагольных частиц вместо неопределенного наклонения. Если те, где частицу можно перевести неопределенным наклонением, при коем опущен глагол вспомогательный, то здесь недоразумение, ибо частица в таких случаях стоит не на месте неопределенного как такого, а на месте всего сказуемого (стало быть, со включением и вспомогательного глагола, дающего неопределенному наклонению предикативную силу). Сколько мне известно, так названная глагольная частица есть (в ясных примерах): 1) сказуемое, но 2) сказуемое без определений времени, наклонения, числа и лица.

То обстоятельство, что рассматриваемые частицы, там, где мы их понимаем, суть сказуемые, дает основание отличать их от некоторых этимологически неясных слов, относимых сюда же, как, например, чур. Из употребления этого слова в украинском, например „цур-пек його ма“ [т. е. матери, как и в другом подобном выражении: „кат його ма“ (=матері), отличном от „чорт ма“, „кат ма“, „біг-ма“, где ма=має, как в нема]; „я бачив сам таких [людей] і може б показав, та цур йому (т. е. хай йому біс), розсержу комисара“ (Гребінка, 14); „цур тобі, пек тобі, оса на тобі, Марина!“ (т. е. марена=смерть), — я заключаю, что цур есть здесь такое ж несомненное существительное, как лихо, чорт и пр. в выражениях: „лихо її матері, яка пишна“, „цур їй (хай їй чур)“. Как здесь, так и в русском „чур меня“ я вижу столь же явственное ощущение глагола, как в сербском „бога-ми! бога-ти! богу-ти! бог-ма!“ Последнее, конечно, через поселенных сербов вошло в украинский, так [же] как *-ме* в украинском бігме (редко „бога-ме“ — поговорка одного украинского старосветского помещика сербского роду). Известно также, что чур в русском сохранилось в значении межи, границы, черты: „через чур — через край, через меру“.

Сюда ж относится также украинское шкеберть!, потому что употребительно при глаголе в виде наречия: „хто рачки ліз, а хто простягся, хто був шкереберть (вверх ногами), хто качався“ (Котляревский); „випив такого макогона, що як Талес шкереберть став“ (ibid.); „вхопивши за чуприну, шкереберть Турка повернув“ (ibid.).

Никакой близости не нахожу между такими частицами, как стук! бряк! и наречиями, как чешское hyn, соответствующее украинскому ген [„на небі чистому ген хмара бованіє" (Гребінка); „іде ген собі казак по полю" (ibid.)]; польское „het idzie" и „геть геть-то на вишеньці їх (горобців), геть-то насідало" (ibid.); „менший там не втне, де більший геть-то зможе" (ibid.); как старославянское воле (наречие), оле (междометие), цѣ и (союз).

Впрочем, геть употребляется, как мы видели, и в смысле сказуемого в повелительном наклонении.

Употребленное все же выражение, что рассматриваемые глагольные частицы суть сказуемые без определения времени, наклонения, числа и лица, понимай не так, что эти частицы потеряли флексии, а так, что и не предполагают ни одного из этих определений и поэтому должны быть отличаемы от таких слов глагольного происхождения, в коих флексии стерлись, каковы, например, такие, как украинское *ба* [(из бач, бачиш): „он ба (бач, бачиш), який"; не смешивать этого позднейшего искажения с междометием ба!], как украинское *гля* (=глянь в „гля який"), как чешское *hle*, как русское *чу*! „Чу! (=чуешь) снег хрустит". Эти *ба* и *гля* однородны не с стук, бряк, а с такими частицами, происшедшими от полных и определенных глагольных форм, как будь, буде, дѣ (Буслаев, Граммат., I, § 77), старославянские сать, сатъ, в коих и после того, как они стали частицами, сохранились следы синтаксической определенности первоначального значения: буд-и, буде-шь, дѣ-еши, дѣ-є-ть, са-ть (3-е л. ед. ч. настоящего). Подобным образом русские с, су (да-с и пр.), украинское бра („ходім, бра, до дому") суть звуковые искажения форм, снабженных грамматическими определениями (сударь! брате!).

Изучать язык — значит различать сходные явления, а не сволакивать их в кучу. Согласно с этим мы отделяем рассматриваемые частицы от прочих: а) их лексическим значением, б) значением синтаксическим и в) происхождением.

а) Глагольные частицы означают мгновенные, неожиданные и потому не вполне покоренные сознанию явления — проявления времени, света, звука, механического движения. Есть сходство в их значении со значением однократных глаголов, но в последних явление представляется более сознательным и поэтому оформленным. Они относятся к словам реальным, а не формальным.

б) См. выше.

в) Не заключая в себе указания ни на какую определенную форму глагола, глагольные или предикативные частицы суть: 1) или членораздельные, нередко звукоподражательные междометия [„куку!", „кукарику!" — „От кияне шушу́-шушу́, и радятця" (Куліш, I, 4)]; 2) или извлечены из глаголов таким образом, что уже при самом своем появлении не имели глагольных флексий, а не потеряли их с течением времени путем фонетического искажения.

Во многих глагольных частицах глагольное происхождение видно из строения корня: сов! (совать, совнуть), кив! (ки-в-ать, кивнуть), мах! дмух! пах!; частицы как: толк! цап! (цапать, цапнуть), царап! (царапать, царапнуть в значении загребать в когти, хватать), морг! прыг! дриг! — отглагольны по значению; по крайней мере, невозможно предположить, чтобы такие глаголы как моргать, прыгать произошли от морг! прыг!

Некоторые частицы, оканчивающиеся на *к*, заключают в себе тот самый именной суффикс, посредством коего образуются глаголы от звукоподражательных междометий на гласную или плавную, а также и от не междометных корней [зирк! (украинское), зорк!]. Частицы, в коих на конце опущено *к*, *т* после *с*, *з* после *г*, этим самым заставляют

думать, что они взяты из глаголов однократных, в коих *к*, *т* в группе *ск*, *ст*, *г* в *зг* должны опускаться по требованию древнего благозвучия. Иначе трудно объяснить, почему плюсь, блись, лясь, хлясь, брязь, лусь, трясь, а не плюск, блиск, ляск, пуск, хляст, хваст, брязг. В подобнозвучных именах существительных конечная согласная не опускается: ляск, тріск и пр.

Не думаю, чтобы в хвать, глядь, круть, верть, нырь, виль, кіть (=коть) смягчение было остатком глагольного характера *-и-*, ибо такое смягчение находим во многих частицах, в коих объяснить его таким образом трудно или невозможно: тиць (=тикнуть, ткнуть; глагол тицати в русском языке неизвестен), скіць (из скоць; не от скочити, а „скоцати" — неизвестно), пуць (из „пуцати" неизвестен в русском), плюсь, блись (удобнее всего от плюснути, блиснути, в коих смягчения нет) и т. п. Кажется более вероятным, что смягчение конечной *д*, *т*, *с*, *з*, *к*, *р*, *л* появляется не в силу влияния глагольного характера, а появляется в предикативных частицах уже после их выделения из глаголов, быть может, сообщая их значению оттенок уменьшительности: ср., например, скок! украинские скік! и скіць! с отношением суффиксов *-ух*, *-уха*, к *-уша*, украинское *-усь* (Петрусь).

При большой последовательности этимологического правописания при употреблении ъ на конце только там, где оно исторически оправдано, следовало бы в таких словах, как скок, не ставить на конец ъ.

При некоторых из глагольных частиц вовсе не находим глаголов или находим глагол, но можно считать его произведенным от самих же частиц: „ні чичирк", постоянно встречаемое с *ні*: „ні до кого ні чичирк!" (ни слова) (Кв.-Осн.); „усе, все до послідниого росказувала, тільки про Василя ні чичирк" (Кв.-Осн.); „як зовуть, ні чичирк не взнаєш" (Куліш, I, 317); сусіль! (никакого подобного глагола не встречалось). Оба слова, а уже, наверное, „чичирк", заключают в себе удвоение, выражающее интенсивность значения. В шубовсть первый слог от удвоения происходить не может.

Проф. Буслаев полагает, что усеченными формами древний и народный язык богаче современного книжного (Граммат., § 54). Что в народном языке они чаще, чем в книжном, это так, и объясняется тем, что подобные слова, подобно множеству уменьшительных и увеличительных форм имен и глаголов, даже частиц, относятся к области мысли низшей и более субъективной, чем та, выражение коей составляет главную задачу книжного языка — органа науки. Иностранные языки образованных народов действуют в этом случае на наш книжный разве косвенно, увеличивая его отвлеченность и удаляя его в целом от простодушной субъективной прелести областных наречий. Что до древнего языка, то ничто не заставляет думать, чтобы отглагольные предикативные частицы были в нем обычнее, чем в современных наречиях русского языка. Напротив, их производность свидетельствует в пользу их относительной новизны. Сходство отглагольных частиц этих с междометиями никак не может служить доказательством их древности, потому что язык во всякое время может образовать слова междометного характера из готовых, уже преобразованных, даже иноземных стихий (ср. украинские: пробі! караул!).

Эти формы, чисто глагольного происхождения, стоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звукоподражательными, означающими тоже мгновенность действия, каковы, например, бух! бац! (ibid., § 54).

Употребление предикативных частиц в одушевленной изобразительной речи не есть исключительная особенность русского языка, так как они:

употребляются и в других языках — славянских и неславянских.[1] Отметим их употребление, например, в польском, в котором укажем отсутствие смягчения конечной согласной в тех случаях, где оно имеет место в украинском: „Czemu się waść kręcisz jak na zawiasach? szast, szast! jaki mi Francuz!“; „jakejmy dobyli szabel, tú zaraz lup, cup po sobie, chlust, chlust!“; „bijemy się jak chlust tak chlust!“; „chlust na niego z okna pomyjami!“; „z domu do mnie vypada, łap za rękę: jak się masz?“; „Kot łap za myszaę“; „trask! klask! ryba w wodę ogonem plusk!“; „jedzą, piją i skaczą, a w punctic [латинское puncto (мгновенно, вдруг)] skik (sic! *i* вместо *o*) do piekła! Widząc że to nie pozelewni, do domu smyk“ (= мык!); „smyk go faldę“ (украинское смик) и др. Так и в чешском: lup! lap! и пр. Так в немецком: ripps! rapps! klapps! schwipp! Ср. также следующие строки из литовской грамматики Шлейхера: „Особенно часты в литовском междометия отглагольные или, повидимому, примыкающие к глаголам, например, tįst — смык? (tįsterėti — смыкать), tę̃sti — тянуть, растягивать, tąsŷti — таскать, дергать, драть (например за уши); czùpt! — хвать (czùpterėti — быстро схватывать)...“ „Такие слова с соответствующими глаголами найдутся для всякого звука. Употребляются они охотно с tìkt (только, только что; ср. употребление отглагольных междометий в украинском с тiлько, аж, аж ось, аж тут, тут) и преимущественно без глагола [еще был], например: «liútas, tik czùpt, tą ženklėlį skaítė» — лев только хвать! прочел эту записку (собственно — заметку, знак); «óbûls tik bápt ànt žẽmės» — яблоко только бух (nur bapp!) на землю; «jis tikt sû sykiù plúpt tą vándenį ànt sávo sunaús, tàs tikt strákt isz lóvos paszóko» — а он разом линул водою [ось вин плюсь (хлюсь) воды] на своего сына, а тот скок (тiльки скiць), вскочил с кровати (з лави)?“ (Schleicher, Grammat. Lesebuch, § 159). „Czùpt vedęs, czùpt nevedęs“ — щуп женатий, щуп холостой (загадка, означающая дверь или, точнее, ручку двери, ошибочно понятая Нессельманом); smûkszt! — скользь; smunkù, smukaũ, smukti — abgleiten (ср. шмыгать в значении ходить взад и вперед, шмыкать — носить взад и вперед).

Сравнение с литовским поучительно для нас в двух отношениях. Во-первых, характерное для литовского окончание рассматриваемых междометий на *-t* служит, несомненно, признаком их производности, что подтверждает то, что и чистые корни такого значения в русском, несмотря на отсутстве внешних указаний, взяты из готовых глаголов. Во-вторых, в славянском эти междометия ближе всего подходят по значению к глаголам однократным; но ошибочно было бы думать, что без однократных глаголов они существовать не могут, потому что они есть в литовском, в коем вовсе нет глаголов однократных. В литовском эти междометия, как думает Шлейхер, извлекаются из глаголов на -teriu — ter-ė-ti, значение коих у Шлейхера недостаточно определенно. Несомненно, что эти глаголы, по суффиксам перед глагольным характером сходные с русским на -терить — -торить, не суть однократные в смысле славянских на -нуть. Кажется, они означают дробность моментов действия или уменьшительность действия (kir̃sti — рубить; kir̃s-terėti, по Нессельману, — ein wenig hauen, по Шлейхеру, — hin und her hauen). По значению ср. брязк-от-iти (брязк-от-ати), миг-т-iти (= мигать), дриготати, стукотеть — грюкотеть. „Dabàr àntrą sýk jis kumélę vė̃l, szmìkszt (хлись! У Нессельмана szviksterėti — ein wenig peitschen) vė̃ną ùžkerta“ (бьет, стегает) (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 152); „tàs tikt patékszt, ávilį nû peczú“ (= он только тиск улей с плечей!) (ibid., 160); ср. tė̃szkiù, tė̃kszti — бросать, бросать на землю.

[1] В немецком — Paul, 189, 190.

Глагольные частицы. К примерам, собранным в заметке Срезневского, прибавлю несколько украинских. „Гріх по дорозі біг, та до нас плиг!“ (пословица); „плиг!“ (плигати, плигнути); „оком миг! (мига— мигн-), дриг ногою“ (дригати); „диб-диб на село, кив-морг на його“; „Турк зирк!“ (зир-к-ати, зир-к-нути) (Котляревский); „зирк! й вздрів Марусю“ (Кв.-Осн.); „аж зирк! и познала свого Василя“ (ibid.); „и сам не знав, куди слонявся, аж гульк! у город причвалав“ (Котляревский) (соответствующего глагола не видно); „вийшла тай цмок (=цмокати) царицю в руку“; „Вулкана в губи зараз черк!“ (=цмок! Котляревский — черкнути); „смик!“ (смикнути, смикати); „приїхав в ночі... стук-гряк в віконечко: вийди, серце...“ (песня); „брик задом“ (=брикнув, як брикне); „тільки він штовх! мене“ (штовхнути); „торох! Рутильця в лівий бік“ (Котляревский — торохнути); „Тарах щастя в хату (несподіване лихо)!“ (Номис, 42); „Він мах рукою!“ (махнути); „дмух чарку горілки!“; „И тільки к Тибру що добрався, то в воду стриб! (стрибнути) пустився вплав“ (Котляревский); „диб-диб на село (=подибав, почимчикував); за ним Послант, за ним вся сволочь стриб-стриб (=пострибали) с човнів Енею в поміч“; „Тюп-тюп по дорозі“ (тюпає=потюпав); „аж ось двери рип! (=рипнули), і Васіль у хату“ (Кв.-Осн.); „Ходить кізочка по крутій горі, ніжкою як туп, так туп!“ (=тупає) (нар. песня); „тільки очима луп-луп!“ (=лупає); „не рад Лях, що по уху ляп, а він хоче вдруге“ (Номис, 19); „Сюди смик, туди смик мій починок як бык“ (ibid., 200, 2); „цмок у губи“; „Сюди — туди, верть, круть, нічого не подіє“. „Торк ногою, штовх у бік“; „Я тиць (=тикнулась) на поріг, а очи зараз і зустріли чого бажали“; „Троянці... на землю скіць! (=скокнули, повискокували), як там були“ (Котляревский). „Він тільки гоць-гоць“ (=вистрибує, садить гоцаки); „Лебідь плись на дно и випурнув як сніг“ (Гребінка); „Найкращее зерно у воду тільки плись! (=плиснуло), як раз пішло на дно“ (ibid.); „Вітер... із моці вибився, сердешний, на бік плись!“ (ibid.); „Тут плюсь (=плюснув) Еней, як будто з неба: «ось-ось, де я, коли вам треба»“ (Котляревский); „ось розгулялося й сонце з хмари блись!“ (=блиснуло) (Гребінка); „став місяць з хмари виглядати і звізди на небі блись-блись“ (Котляревский); „Вороння... у гору полетіло, Дай пуць на шию барану“ (Гребінка); „Аленка лягла, а Ивашка бурхеть яе у печь“ (Пагар, Черниг. губ., Афанасьев, I); „Дзвінок дзелень-дзелень!“; „Тиць ему щось у руку!“ (денег); „Лізе рак. Ворона хап его, тай понесла“; „Кіть-кіть — покотилось“; „Жаба скік на поріг“; „Брязь!“ (брязнути), „лясь!“ (ляснути), „тріcь!“ (тріснути), „бризь!“ (бризькати); „Так в армії колись велось: коли влюбився, чи програвся, то пуншту хлись! — судьба поправся. Веселье в душу влилось“ (Котляревский); „Вхопив каміньчик, прицілився, зажмурив око, приложився и Ремула по лобу хвись!“ (=свиснув) (ibid.); „Тут — хвись! шабельки засвистіли, цок-цок... и іскри полетіли, — один другого полосять“ (ibid.); „Тільке цап стрибне у панський сад, на шиї дзвін дзень-дзень!“ (Гребінка); „сказавши се, дід в воду ныр!“ (=нирнув, пурнув) (Котляревский); „Ірися виль! скользнула з неба, до Турка впівнич шусть в намет“ (ibid.); „аж тут хазяїн шасть у хлів“ (Гребінка); „аж ось лулусь щось під ногами!“ (ibid.); „те дитя, що ждали (из беременной могили) на божий світ сусіль як пить даю“ (ibid.); „хто ні сусіль, тому кабаки давав Паллант“ (Котляревский); „... А на гаку червяк все хвостиком ківає. Червяк ківа, аж ось зі дна Гульк щука! бовть! вона За удку хіп! а удка сіп! З води шубовсть в окріп“ (Гулак, 21); „Він різку впер в огонь, тай заховавсь в куток. Аж батько зá чуб хіп! И не знайшовши різки, дрючком Хведькá разів із шість оперезав!“ (ibid.); „[Рибалка] на поплавець глядить і примовля: ловітця,

рибоньки, великі і маленькі! Що рибка **смик**, то серце **тьох**!" (ibid.); „Взяв на бакир писар шапку, пан грішми забрязкав; аж **гульк**! — писар **верть** в собаку, і на всіх загавкав" (ibid.); „Мекнув [цап], мов його родимець, почав мордувати, та й **скік** в комін; аж **гульк** (может быть = glotzen) — німець стоїть серед хати" (ibid.); „[Немец] **дриг** ногою, **круть** ріжками. В пояс поклонився" (ibid.); „**Скік** в стремена, давай драла" (ibid.); „[Чорт] **стриб** по хаті, **хап** за клямку: Твердовський — по пиці и **трісь** по гирі! — розбив шклянку і горщик з полиці" (ibid.); „іде улицею, **луп**! очима — стоїть салдат" (Кв.-Осн.); „Салдат ні **чичирк** (= мовчить) і усом не моргне" (ibid.); „От як стала вона ходити до Оксани, як стала з нею **шупу́-шупу́** (sic!), аж **гульк**! наша Оксана стала потрошку оддихати" (ibid.); „Хоть гріх, хоть два жінці мужа бити, а нехай бог простить! та з сим словом **черк** його в пику" (ibid.); „**Патя́** та й **патя́**, та й роспатякались, неначе цілий вік їм укупі на сьому місті жити" (ibid., II, 41); „Зхопив корінець та **кусь**! жує, сердега" (ibid., 334); **круть-верть**!; **шубовсть**! (падение в воду); **биркіць**! (опрокидывай); **бовть**! **хвать**! **ґлядь**!; „Він мене **кеді** чи не **кеді** обухом! а я його **шасту** та **пошасту** кашелём" (лупцував) (Номис, 16, 2). Польское **gadu-gadu**. „Ой сів пугач на могилі та як **пугу**, та **пугу**"; „**Тупу**, **тупу** ногами!"

Приведенные глагольные частицы, по смыслу речи, переводятся изъявительным или повелительным наклонением и тем отличаются от следующих, употребительных исключительно в значении повелительного, и, сверх того, в некоторых наречиях, принимающих некоторые личные окончания:

а) *на* — **en tibi**; русское, украинское, сербское *на-те*,[1] польское 2-е л. ед. ч. *na*, *na-ć* (из na-ci) и *naści* (из na-t-te?), или от формы с окончанием 2-го л. настоящего времени изъявительного *-sz*, *na-sz-ci* (ср. masz tobie! — вот тебе!), откуда naści как juści-ć (от już-ci-ć), nacie; старопольское nę-ć, nę-ż (вероятно, с носовым звуком, появившимся так, как в характере *нж* из *на* или *ну*); чешское *na*, *nate*;

б) *ну* — age, русские *ну*, *нуте*, украинские *ну*, *ну-мо*, *-нум*, *нуте*. Частица эта по употреблению шире предыдущей, так как ставится, по крайней мере в украинском, не только при повелительном на месте повелительного в собственном его значении, но и там, где в сходных выражениях может стоять в производном значении. Ср. „хто знає Оржицю? А нуте обзивайтесь" (Гребінка); „Ну бо, дядьку, скажи бо, що нам робити" (Кв.-Осн.) и т. п. с выражением, как следующее: „по оглоблям *ну* малахаєм шмагать" (Гребінка); „Потилицю, почухав і ну с підсудками про діло міркувать" (ibid.); „Утята... закахкають и ну степом кружляти" (ibid.), где ну = давай в таких выражениях, как „давай вони його по свойому судить" (Гребінка); „А як тільки нашего братчика хоть би... в кабаці обдурюють, так ну, ну, ну!" (так держись); „Dziewczę Tatarskie poczęło się pastwać (?) nad babą; nuż pchać polyni do oczu, do nosa; nuż siadać na głowę; jezdzić na babie. Mać tatarska... naż w lament! Talovy (?)... dalej do jadła!" (Pol.); „a ona (собачка)... dalej przez do naszego i nuż wyć po sieni!" Выражения, как украинское „а *ну* ж як він знає" (а що як він знає, что если...), польское „nużby niebo upadło" (а что если бы) ср. с польским „daj to, daimy to, że .., dajmy na to" (пусть то, то-то; предположим, что; предположим что если).

в) Украинское *ке* (дай), *кете* (дайте): „а ке-лишень сюди люльку". Иногда при другом повелительном для усиления его: „дочко, а ходи *ке*

[1] Не имеет ли с этим связи и *-те* после существительного: „На ногете Турци соколови" (Чубро Чојковић, 88); „А и тутот-ко Владимир стольной Киевской Ну же он Посла стал подчивати" (Др.-росс. стих., 128); „З сім (так у Кулиша) словом **шасть** із хати" (Кв.-Осн., I, 182).

сюди на пораду“ (Кв.-Осн., I, 76). *Ке* можно бы сравнить с *кесь* (Владимирская, Московская, Рязанская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская губ. = кажись, кажется, будто, как бы) и *кесть* (там же). Если *кесь* произошло из кажись, а не кажется, то и *ке* = кажи, через *каи*. В курском, по свидетельству областных словарей, *каё, дей* — форма, указывающая, повидимому, на *кае*.

г) Украинское *цить, цить-те* (= молчи, молчите), русские *цыть, цыц* (ср. русское *чука* = молчи). Польское *cyt* и пр., при коих сербские глаголы ћутјети, шутјети — молчать.

д) Украинское *геть, геть-те* (= ступай, ступайте прочь).

Для объяснения способа, каким частица *ка* — сама по себе весьма неопределенная — сообщает повелительному понудительное и увещательное значения, посмотрим, как достигают подобного результата наречия, в коих эта частица малоупотребительна или вовсе неизвестна.

а) В восточном украинском при понудительных частицах и повелительном ставится энклитическая частица лиш, лишень: „Ей ти, що в золотій бурці, ке-лиш (= дай-лишень, русское дай-ка) огня на люльку“ (сказал попу чабан, когда соскучилось ему в церкви); „ке-лишень (= давай-ка) поцятаюсь („спитаю, чи чіт, чи лишка“) і я он з тою дівчиною“ (Кв.-Осн., I, 11); „на-лиш, потягни люльки“ (Кв.-Осн., I, 15); „нуте-лиш, синки, за люльки, нехай паска постоїть“; „Ось слухай-лишень, жінко“ (Гребінка); „О, почекай же-лиш“ (ibid.).

б) Та же частица ставится, как и *ка*, и при других формах, как будущее совершенное и неопределенное с опускаемым вспомогательным в значении необходимости, для сообщения им понудительного оттенка: „А пійду лиш я до дому“ (= пойду-ка я); „а пійти лиш собі до дому!“

в) В вопросительных предложениях — при слове, на котором вопрос: „чого-лишень (= почему это) вони (горобці) літати перестали“ (Гребінка); „чи не для того-лишень біди він (бог) нам посилає, щоб...“ (Кв.-Осн., II, 4); „то-то щось у тому кагалі почитує (поминает) Ивана... чи не мене-лиш. Чи не Любка-лиш“ (Купала на Ивана, 9).

Основное значение этой частицы видно из ее сродства с лишити — оставить. От оставления исходят значения: с одной стороны, лишнего, превышающего меру, с другой — удаленного, уединенного. Это последнее переходит в частице в значение только, единственно: русское „лихо бы (= лишь бы, только бы) с рук, а с ног и собаки стащат“; „без ума торговать, лише (только), деньги терять“ (Пословицы XVII в. — Буслаев, Граммат., I, § 164). Получивши этот оттенок исключения, лишь становится ein Hervorhebungsparticip (ср. немецкое nur: „geh nur“).

От 2-го л. повелительного происходит значительное число частиц, из коих некоторые, сочетаясь с настоящим временем, служат вместе с ним для описания повелительного. Таковы в литературном языке пусть („пусть придет“), в русском народном пущай, не тронь („не тронь придет“) (Буслаев, Граммат., § 167).

В старом языке — недѣй.

В украинском нехай (синоним — пусть) от старого хаяти, между прочим (в сербском), со значением обращать внимание. Ср. польское niech, чешское nech, сербское нека. „Казала що підеш за мене: нехай я пришлю людей, поберімось уже собі“ (Кв.-Осн., I, 179); „Що йому зі мною робити? Покинути мене бідну, нехай пропадаю“ (ibid., 192); „Покрий мене, сира земле, нехай пропадаю“ (ibid., 214); „Подумала: нехай же спитаюсь у Василя, він мене навчить, як про се сказати“ (Кв.-Осн., I, 42); „Іди ж ти у божу путь, а я піду в темний ліс, нехай мене звір из'їсть“ (Метлинский, 15). В выражениях, как „хай йому трясця“ (= лихо — всячина) отрицание опущено, но сила его остается.

Первоначально нехай, как и недѣй, требовало изъявительного наклонения с повелительною частицею, на что указывает старочешский: „Nech, at' mrtvi pochovávajî mrtvé své"; „nechte to at' zlo řečí" (Zikmund, 423). Так в чешском возможно и доныне, хотя nech есть уже и частица, но в русском нехай стало частицею по меньшей мере в XV в.: „и мы ему тое имѣнье подтверждаем симъ нашимъ листомъ; нехай онъ тое имѣнье держитъ" (Акты Зап. России, I, № 59, 1456 г.); „и тое имѣнье и люди... со всимъ съ тымъ, какъ жо есть выписано въ семъ нашомъ листѣ, нехай онъ то держить, а намъ съ того службу... заступуеть" (Акты Южн. и Зап. России, I, № 33, 1500 г.).

Потурай (потурати): „лучческ мати тобі не потурала, та заміж оддала; потурай тілько їм [бабам шептухам]: вони, пожалуй, раді, щоб тобі за все, про все шептати" (Кв.-Осн., I, 26); „не потурай на те (=не сподівайся на те, не надійся — не полагайся, що дядьки поломуть): поможуть, та не тобі" (ibid., I, 64). Отсюда частица потурай — от первого из приведенных значений — собственно почти то же, что нехай, пусть и по значению близка к пожалуй: „Мабуть ти його любиш, так тим и хвалиш. — Потурай що люблю! Пожалуй би любила, так на таких і не подивитця" (ibid., I, 19); „Хиба ж усі хороші йдуть за паничів або за купців. Потурай буде хороша, як тая квітка, а таки йде за хлібороба" (ibid., I, 166). Кулиш ставит: „потурай! буде...", т. е. смотри на „потурай" как на самостоятельное повелительное, а не как на частицу, что неверно. „Яко ж се можно? (ставить постой к вдове со взрослою дочкою)... Не давайте, пане голово, нас у обиду. — Потурай, Уласівно! ми отсе все (резони) казали йому (капитану), так нічого й не слухає" (Кв.-Осн., I, 186); „Потурати йому! (какже! сделать согласно с его советами? — ирония) заклепотіли які заможні. Щоб то своє віддати на віщо и про віщо, а далі й ходи за своїм добром" (Кв.-Осн., II, 12).

Бодай (ср. чешское, польское), т. е. бог дай от собственного значения дай бог (чтоб), которое еще чувствуется в разных пожеланиях [„бодай воли живі були, а плуг поламався, щоб мій милий із волами до дому пригнався" (песня); „бодай він на путрю скис" (шуточное ругательство); „бодай ему се та те"], переходящих к значению: 1) лучше бы, кабы [„як розібрав — бодай и не казать!" (Гребінка)]; 2) с вопросительным чи[1] — частицею, показывающей сомнение в верности сообщенного: как бы (как будто), чуть ли не [хто? — бодай чи не він; тож лоні бодай, чи по за лоні; N. „выкопаў березовы пень. То зноў того ж бодай року выцявнуў велічезны сосновы верх" (Гродненская губ., Белостокский у.) (Этнограф. сборн., III)].

Чей (из чай от „чаяти"). В украинском (юго-западном) нет никаких оснований считать это слово первоначально чем-либо другим, кроме повелительного наклонения, т. е. нет выражений, подобных русскому я-чай, хотя значение украинской частицы такое же: „та чей же промовит, чей же заговорит моє любоє серце!" (Головацкий, I, 212); „може чужії люде будут мякші, та чей сліпого чим запоможут" (Зоря Галицкая).[2]

---

1 Ср. „мабуть, чи"... „либонь, чи"...

2 Следует отличать чей-би в значении як, ніби, инаяе в галицком: „стоjiт фигура, от чей би тута у нас на горбку" (Зоря Галицкая). В этой сложной частице вовсе не обнаруживается глагольного происхождения, нет следов, что она когда-либо была предложением, как выше рассмотренная. Быть может, это ген-бы, генъ-бы как будто в значении от-бы = вот бы, как будто.

Будьто. „Кудри русые... по плечам лежат... буди жар горят" (Новгородск. губ., Колосов, 49).

Буди (или буде?). „Буди в час да младе ступится, Буди в лад да слово молвится, Буди даст да мне господи Мне семеюшку да согласную, Милу ладушку да советную, — Я приду к вам, мои родители, На весельях и на радостях; А как не в час да младе ступится... Я приду... со слезами" (Новгородская губ., Колосов, 57).

Відай = чей (галицкий), „Ой болит мене головонька, та відай же я вмру!“ (Головацкий, I, 103).

Знай (северно-русский) по значению соответствует знать и украинским десь, либонь, мабуть: „деж мої коровайночки недбайночки? Знай они запылися, о мні забулися!“ (Брестский у. Гродненск. губ., Сборн. Сев.-зап. кр., 207); „ой хороший коровай, хороший! Знаю: його хорошенькі робили. Ой удалий коровай, удалий! знай його удалиї робили“ (ibid., 208, где, как я полагаю, стоит по ошибке не „знай“, как выше, а „знаю: його хорошенькі робили“).

Русское небось: „небось попросит“ — должно быть, т. е. первоначально: не бойся за действительность действия, обозначенного следующим глаголом; верно попросит.

Не дѣй — собственно „не тронь, пусти, оставь“ — в этом собственном значении довольно обыкновенно: „нынѣ же не дѣй мене (в исправленном „остави мя“). да въꙁꙗривсѧ гнѣвѡ̑ на ниꙗ (ошибочно стоит тѧ) потреблю ꙗ̑“ (Исход, 32, 10, XV в. — Буслаев, Хрестом., 166); „не дѣй мене (= пусти меня, в польском переводе pusć mię) по два мѣсяца, да иду и взыду на гору, и плачюся дѣвьства своего“ (Минеи, I, 85, Судей, XI, 13); „и рече Самсонъ къ уноши, держащему его за руку: не дѣй мене, да осяжю столпы, да всклонюся на ню“ (= ня) (ibid., 93, Судей, XVI, 26); „недѣйте ѥго ити“ (Иоанна, 11, 44, в Остр. ев. и в Галицк. ев. — Буслаев, Материалы, 15); в исправленном — „оставите“.

„... Про тожь, што бы ваша милость тамъ нашихъ Полочанъ пропускали доброволно: не заимаи бы каждому волно ехати, кому до кого дѣло будеть; а своимъ Рижаномъ, кому надобѣ до Полоцка ездити, какъ и прежь сего было, быхмо промежь себѣ куплю мѣли, нехай бы уже доброволно ездили“ (Акты р.-лив., 1465 г.).

Хотя в этих местах весьма удобно было бы поставить описательное повелительное или изъявительное с такими частицами, как пусть, ср. нехай и др. („не дѣй-те его пѣти“ = пусть поет, нехай йде), однако не дѣй есть здесь не повелительная частица, а настоящее повелительное, и на это указывает его сочетание не с изъявительным без частицы, как в современных описаниях повелительного („нехай я піду“), а с изъявительным с *да* („не дѣй мене *да* иду“) и с неопределенным дополнением („не дѣй ити“). Но, наконец, недѣй стало настоящею повелительною частицею, совершенно равносильною с пусть, нехай; „не дѣй будеть (= пусть будет, нехай буде) такъ, какъ и было издавна“ (Акты Зап. России, I, № 64, 1460 г.).

Пожалуй. „Піймайте мені злодія; хто се у нас краде. Я його! я йому! .. — Пожалуй би піймали, як би знали хто він є“ (Кв.-Осн., II, 282); „Дурний собі, та таки оженився, знайшов собі жінку. Пожалуй, багатенький бо був“ (ibid., 324); „Крычатъ тѣлѣгы полунощы рци лебеди роспущени“ (Слово о п. И.); „кричать телѣгы полунощи рьци лебеди роспужены“ (ibid.). Рьци здесь обыкновенно принималось за повелительное наклонение (Буслаев, Граммат., § 282). Ср. украинское мов = неначе, ніби, буцім: „могила ж стогне, мов сопе, мов тяжко дише“ (Гребінка); „Ось нічка утекла, мов стало розсвітать, мов почало на світ благословляться“ (ibid.). Отлично от этого по значению „мовляв“: „тут [у багні] певнеє нішо ні ходить, ні сидить. Одна черва, мовляв, кишить“ (ibid.); „Прийшлось сусідові, мовляв, хоть сядь да й плач“ (ibid.); „Лихий примчить якого паничика, мовляють, судового“ (ibid.); „Скинула на мене очима, немов питала, яка в мене думка“ (Вовчок).

„Пожалуйста, не забудь, не забудьте“. Теперь это сообщает лишь модальный оттенок (ср. латинские sis, sivis). Еще недавно — вполне равносильное с другим повелительное „пожалуй постарайся“, „пожа-

луйте кушайте" (Даль). У Квітки: „На-те лишень, пожалуйте" (пожалуйста возьмите); „Нездивуйте, пожалуйте (что не вполне ладно), панна сотникова, пусть [панна сотникова] потрудится выйдет и поднесет нам" (Кв.-Осн., II, Сотн.).[1]

IV. ЗАЛОГИ

§ 28. О делении глаголов на залоги

В делении на залоги, принятом в грамматике Буслаева (Буслаев, Граммат., § 175), есть ошибки. Хотя они уже замечены другим (Некрасов, О глаголе), но я считаю нужным рассмотреть их потому, что некоторые выводят из них заключения о свойствах самого русского языка, которые тут не причем. Деление Буслаева состоит в следующем. „Залог означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет, например «читаю книгу», «привыкаю к труду» [глаголы переходящие, требующие после себя дополнения], или не переходящую, например «стою» [глаголы непереходящие, не имеющие дополнения]... Как переходящие, так и непереходящие глаголы, по залогам, делятся на *действительные, страдательные, средние и возвратные*" (Буслаев, Граммат., § 175). Спрашивается, в чем разница между основанием первого деления и основанием второго. „Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже... Средний глагол означает состояние или действие предмета, не переходящее на другой предмет" (ibid.). Каким же образом действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим, и, наоборот, средний, по сущности не переходящий, может быть в то же время переходящим? Противоречие это нисколько не устраняется тем, что „иногда и переходящий глагол употребляется в виде непереходящего, т. е. без дополнения" (ibid.); например „он уже читает и пишет". Допустим, что в этом случае глагол действительно стал непереходящим. Все же, согласно с утверждением Буслаева, и как непереходящий он может быть и действительным, т. е. переходящим, и средним, т. е. непереходящим.

Во втором делении нет единства основания. Члены его не исключают друг друга. „Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действователя, и состоит из глагола действительного с местоимением возвратным *ся*, *сѧ*, поставленным в винительном падеже" (ibid.). Следовательно, это есть глагол переходя-

---

[1] Церковнославянское нечай — desperatio („от нечаю своѥго спалены") и имя личное русское Нечай (ср. Неждан), народное русское не-вз-на-чай (= начаться).

Став. Чешское — затвор пруда (как останавливающий); украинское, польское — пруд, чешское — состояние (сословие). Русское — рекостав — северный ветер, приносящий стужу (останавливающую реки), и пора, когда реки становятся.

Русское пусто-бай, пусто-мол, пусто-грай, пусто-плет и др. — nomen agentis; но пустовар, пустоварка — жидкая похлебка, каша, без привара; пустозвон — молва по-пусту.

Лай — nomen actionis; облай — насмешник — nomen actionis; хорутанское laja — лаянье — nomen actionis; русское пустолайка — собачка.

Бай в польском, украинском — homo garrulus, но грай — concitatio и виноград, польское — z-graja — turba, при хорутанском graja — reprehensio, сербском — sermo.

Бой — nomen actionis, но зверобой.

Гной — из листогной — листопад, октябрь, но сеногной — месяц (может быть, от гнои-ти).

Кошка пустомойка, портомой, портомоя, портомойка — nomen agentis, но пустомойка — стирка без щелоку, небольшая, пустая стирка белья.

В примерах исключить случаи, где при nomen agentis есть глагол с действительным значением (ледокол, мукомол, мухомор), тогда как кол, мор — далеки от глагола.

щий, действительный. Но „многие глаголы, оканчивающиеся на *ся*, имеют значение средних“ (ibid.). Следовательно, средние глаголы могут быть в то же время возвратными. В самом определении возвратного глагола есть противоречие, раскрываемое самим же Буслаевым, ибо есть с р е д н и е глаголы на *ся*, произведенные не от действительных, а от средних же, например „белеться“, из чего видно, что о возвратном глаголе в том виде, как он понят Буслаевым, невозможно сказать, что он состоит из действительного с возвратным местоимением.

Логическая ошибочность деления никоим образом не может служить доказательством, что в действительности нет отдельных членов этого деления.

Во избежание[1] недоразумений мы должны уяснить себе некоторые элементарные грамматические понятия. Слово есть для нас совокупность членораздельных звуков, составляющих одно целое и одного значения, а не многих. Где два значения, там два слова, а не одно. В языках, имеющих грамматические формы, каков русский, единство значения слова состоит в той совокупности известного относительно-реального значения с одним или несколькими значениями формальными, которые непременно совмещаются в одном акте мысли. Единство значения слова „читаю“ не нарушается тем, что содержание этого слова мы относим к категориям глагола известного времени, известного числа, лица, залога. Невозможно только совмещение в одном акте мысли двух взаимно исключающих себя категорий, например, двух различных лиц. Согласно с этим, если мы имеем о залоге логически-правильное понятие, то двух залогов одному глаголу приписать не можем. Выражение „глагол такой-то переходит в такой-то залог“ мы должны понимать таким образом, что перед нами два различные, но одновзвучные глагола, принадлежащие к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства. Понимаемый таким образом переход глагола из одного залога в другой не есть доказательство отсутствия залога в языках.

Самый дешевый способ отделываться от грамматических затруднений состоит в том, чтобы игнорировать их. Даль, порешив, что „вся грамматика глаголов наших прищеплена к языку насильственно, и потому не сто́ит выеденного яйца“ (Даль, Словарь, I, XXVII), сам строит свою грамматику, которая хуже прежней. У лучших своих представителей прежней — Востоков, Павский, Буслаев — находим деления, ошибочные во многом, но в целом добытые из наблюдения действительности и вызванные сознанием научных требований. Даль же и благоговеющие перед его теоретическими воззрениями нередко вовсе не понимают, чего ищет грамматика. „Есть один общий образ для русского глагола, не наполняемый ни одним, но могущий пополняться, по частям, всеми“ (ibid.). Что это за открытие? Разве стоит говорить о том, что общее понятие есть отвлечение входящих в него частных и не равно ни одному из этих частных? Правильно добыть общее понятие о русском глаголе можно только из постепенного обобщения частных понятий о нем. Такое общее понятие заключает в себе свое деление. „Всякий глагол способен принять все изменения, отвечающие разуму, смыслу, значению его: сумейте употребить его и вы удачным применением в н о в о м с м ы с л е, мигом создали целый ряд новых для него переходов“ (ibid.). Новый смысл слова есть новое слово, и вышеприведенная фраза значит только: если вы создаете новые слова, руководясь верным чутьем своего языка, т. е. если ваше личное творчество подчиняется направлению, данному языком, то вы своею деятельностью делаете возможным такое же продолжение этой деятельности. Ваше новое слово может стать условием появления следующего слова; а, впрочем, невозможно, чтобы это одно слово было действительно в то же время созданием многих слов. Различные значения одного глагола суть различные глаголы одного звука и одного происхождения. Буде различия значений этих глаголов фор-

[1] Набранное петитом зачеркнуто у Потебни и восстановлено редакцией. *Ред.*

мальны, а не вещественны, то классификация этих различий есть дело грамматики. „Так называемые *залоги* для него [русского глагола. *А. П.*] дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя безо всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю... Распределение глаголов на *залоги* одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятий учеников; на каждый вопрос о залоге ученик должен отвечать: в каком залоге вам угодно будет его употребить, в таком он на сей раз и будет числиться" (ibid., XX). Если учитель не знает своего дела и дает себя сбивать ученикам, то он за это и ответчик. Он должен бы знать, что грамматический анализ и состоит в возведении частных случаев в общие понятия. Конкретное явление есть исходная точка всякого наблюдения; но слово, вырванное из своей естественной связи и снабженное многими значениями, есть не конкретное явление, не одно слово, а отвлечение, лексикографическая фикция. В таком мнимом слове бывает помногу грамматических определений, и дурно, если учитель, а тем паче если лексикограф этого не знает. Согласно с этим „переходчивости" залога нет. Доказывать отсутствие, или, что то же, несущественность категорий залога в русском языке тем, что якобы один глагол якобы может иметь несколько или все залоги,— это все равно, что доказывать, что мы не сознаем разницы между scribere и pingere. „Случайность" залога в глаголе, как и всякая случайность, есть незнание причинной связи явления с другими. Навязывать же своего собственного непонимания изучаемому предмету не следует. Если отдельные глаголы могут быть относимы к определенному залогу, то польза этого будет условною пользою теоретического изучения языка вообще. „Окончание на *ть* и *чь* [*чь* в п е ч ь есть окончание? Или разложение этого „окончания" на коренную согласную и окончание — тоже школярство? *А. П.*] общее, коренное, прямое; ему отвечают, в западных языках, глаголы переходящие или действительные, и непереходящие или средние; окончание на *ся*, т. е. привеска сокращенного [будто бы? *А. П.*] *себя*, образует возвратный или обратный глагол, не прямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам" (ibid.). Стоит ли говорить, что русским окончаниям неопределенного соответствуют в сродных неславянских языках окончания же формы, сходной с русскими по значению, а никак не залога; что залог в sudare (средний или действительный — потеть или испарять) столь же не зависит от *-re*, как залог глагола сидеть (на стуле) и садить смолу не зависит от *-ть*. Глаголы без *ся* следует отличать от тех, к которым приставлено *ся*; но какое же это доказательство, что не нужно различать заложного значения тех и других и выражения именно этого различия? „Кличка эта [залог. *А. П.*] ни к чему не ведет: сущность дела — указать, какими падежами и при каком случае глагол правит" (ibid., XX). После этого можно сказать: кличка падежа ни к чему не ведет; сущность в том, чтобы не сказать „головою" там, где нужно сказать „голова". Согласно с этим Даль действительно ошибается в названии падежей: „и безличные глаголы: *меня тошнило, тебя вырвало*, правят винительным падежом, как даже и некоторые общие глаголы на *ся*: *я тебя не боюсь*; *он тебя хватился*..." (ibid., XX). Здесь т е б я — родительный, а не винительный. Конечно, лексикографу следует выставлять грамматическое определение при словах только тогда, когда это сберегает труд и место, когда такое определение делает лишним пояснение примерами; но и там, где он приметил, дополняет и изменяет существующую теорию, выбор примеров условлен значением пробелов и ошибок теории и, стало быть, предполагает присутствие ее в мысли лексикографа.

Во всяком залоге, как настоящем слове, найдем только один залог. Мы одинаково говорим писать письмо (literas scribere) и писать картину (tabulam pingere), но сознаем различие между первым писать и вторым и имеем в них два слова, а не одно.

Конечно, это не значит, что мы не различаем этих значений или что мы имеем для обоих только одно слово. Залог есть то же значение слова, только формальное. Такое формальное значение находится в связи с вещественным значением слова. Вместе с первым может в некоторых случаях изменяться и второе. Древнерусское льстити под кымь, льстити кого (обманывать) и современное льстить кому различны не только по залогу, но и по более частному значению. Залог есть формальное значение, находящееся в связи с вещественным. Поэтому средние глаголы свиснуть,[1] съездить, получив значение ударить, становятся действительными (см. Буслаев, Граммат., § 176, примеч. 2).

Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола (в широком смысле, т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту.

Подчеркнутые слова внесены в определение потому, что есть отношения глаголов к дополнению не предписываемые, а только допускаемые языком; изменения их не влекут за собой изменения залога. Буслаев (Граммат., § 175) говорит, что в выражении „он уже читает“ глагол переходящий употреблен в виде непереходящего. Никакое слово не может быть употреблено в виде другого иначе, как переставая быть самим собою. Понявши слова Буслаева так: „читает стало здесь непереходящим“, — нахожу такое мнение ошибочным. Не договаривая дополнения при объективном глаголе, мы не делаем этого глагола субъективным, потому что, нисколько не изменяя этим самого глагола, мы, так сказать, оставляем при нем пустое место для объекта: он уже читает — что бы ни было, но нечто такое, что, выраженное именем, стояло бы непременно в винительном падеже. Иное дело, когда тот самый объект, который мы, например, при действительном глаголе, ожидали в винительном, ставится в другом падеже и не оставляет места для винительного: бить, ударить, хватить чем обо что (сербское „коњ . . . бије седлом о јаворје“). Здесь обо что вполне вытесняет винительный. Глагол становится средним.

По необходимому присутствию или отсутствию объекта глаголы делятся на объективные (transitiva) и субъективные (intransitiva), в коих действие определено только своим исходным пунктом, т. е. субъектом.

Под объектом разумеется: а) предмет страдательный по отношению к действию, во всех арийских языках выражаемый винительным (obj. directum); б) предмет менее страдательный или вовсе не страдательный обозначается другими косвенными падежами, с предлогом или без (obj. indirectum). Те из объективных глаголов, которые требуют прямого дополнения (винительного падежа), называются действительными; остальные соединяются в одну группу с субъективными и вместе с этим носят имя средних. В делении:

объективные — субъективные

действительные — средние

устранена логическая ошибка деления Буслаева. Члены, не перепутываясь, исключают друг друга. В этом делении не имеет места страдательный залог. Почему — об этом ниже. За основание принято здесь

[1] Так у Буслаева. *Ред.*

только значение, поэтому глаголы возвратные по форме подходят под это деление объективных или субъективных, в другом — как средние. [Miklosich: verba a) activa, b) passiva; v. activa: aa) subjectiva (по форме neutra et reflectiva), bb) objectiva-transitiva (с винительным) et intransitiva (Miklosich, IV, 263).]

В языках греческом, латинском, немецком, латышском и литовском различают внешний и внутренний объект (винительный падеж). Первый ставится только при глаголах действительных (переходящих), второй — и при непереходящих. Первый есть название предмета постороннего для глагола (дрова рубить и т. п.), т. е. такого, на лексическое содержание коего глагол не указывает; второй более или менее явственно мыслится вместе с глаголом, например литовское miegóti значит спать и вызывает в сознании существительное miẽgas сон (спанье), от коего произведен: sapnũti — сниться от sãpnas — сновидение; оба глагола суть средние, но говорится miẽga miegóti, sãpną, sapnũti. Такое сочетание глаголов с объектом, очевидно, есть полная тавтология; но внутренним объектом называют и дополнения, образующие с глаголом не полную тавтологию, т. е. по лексическому значению не заключенные в глаголе, а только сродные с ним, например латышское saldu mi̊gu gulèt — сладкий сон лежать (= спать). Дальнейшие расширения понятия о внутреннем объекте, например в греческом, оставляю в стороне.

Следует ли в русском языке и других славянских считать за средние глаголы, сочиненные с внутренним объектом, и как понимать внутренний объект в русском языке? Мне кажется более безопасным под таким объектом понимать только существительное, заключенное в глаголе („думу думать“), и за средние считать только средние глаголы в совершенно тавтологических выражениях, как веру верить, зиму зимовать, год годовать, день дневать, горе горевать, век вековать. К. Аксаков (Беседа, 1859, VI, 17) под внутренним объектом понимает и слова сродные по значению с глаголом, например плясать казачка (пляшу). [Ср. воjевати воjску, т. е. войну воевать (Чубро Чоjковић, 126; Miklosich, IV, 385), ночь ночевать, день дневать, пир пировать, век вековать, горе горевать.]

Залог есть значение. Из того, что некоторые из intransitiva переходят в causativa (Miklosich, IV, 377, 7), следует не то, что нет причинных, а то, что категория причинности не приурочена к окончанию.

Залог = отношение субъекта к объекту. Сюда и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта. Такое обнаружение может быть заключено в самом названии субъекта или его атрибута (залог имени) или в предикативности объекта (залог глагола).

§ 29. Страдательный залог

Страдательный залог[1] со стороны значения во всех арийских языках предполагает существование глаголов переходящих в широком смысле этого слова, т. е. объективных действительных управляющих винительным и объективных средних, требующих дополнения в других падежах. Страдательный залог есть способ представления транзитивности глагола. Поэтому и значение глагола страдательного определяется его отношением к глаголу непереходящему, который при страдательном обороте остается в мысли на заднем плане, как фон. В страдательном глаголе объект транзитивного глагола представляется субъектом, т. е. страдательный объект есть такой, который лишает свой субъект той полноты энергии, которая свойственна субъекту оборота действительного. Это определение есть общее для всех арийских языков. Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного, может вовсе не мыслиться („в эту ночь было чюдо дивное и страха исполнено“ — Пск. I лет., 251) и не выражаться

---

[1] Набранное петитом зачеркнуто у Потебни и восстановлено редакцией. *Ред.*

(письмо написано) и от того страдательный оборот не перестает быть страдательным. Из того, что подлежащее страдательного глагола есть дополнение глагола переходящего, вытекает, что страдательным глаголом действие представляется не самодеятельно вытекающим из субъекта, а происходящим в нем вследствие действия другого. „Относительно субъекта деятельности глаголы делятся на действительные и страдательные: при первых субъект сам деятелен, при последних субъект является целью деятельности другого субъекта“ (Миклошич, IV, 263).

Примечание. Доказательство, что в русском языке нет страдательного глагола, в сущности направлено против существования страдательного залога во всех арийских языках, и заимствовано г. Некрасовым (О глаголе, 42—43) от мнимой неточности определения страдательного залога у Буслаева, совершенного отсутствия страдательного залога в русском языке как особенности русского языка.

Что до первого, то:

а) Еслиб исчезли оба страдательные причастия, то для выражения страдательности осталась бы еще возвратная форма, о которой ниже.

б) Следует различать случаи: причастие страдательное (согласно стремлению, заметному уже в старинной русской письменности) может быть совершенно лишено страдательного значения. В таком случае о нем нечего говорить, как о страдательном.

Таковы причастия, образованные от глаголов средних: неугасаемый вместо неугасающий, подобаемый, следуемый („следуемое жалованье“). Подобные причастия, если они принадлежат исключительно книжному языку и не имеют за собою освящения древности, могли никогда и не быть страдательными.

Причастие страдательное и по форме и по значению может быть произведено от глагола не только действительного, но и среднего (объективного). В санскритском причастие на *-ta-* (*-na-*), образованное от глагола действительного, всегда имеет значение страдательного; но оно может быть образовано и от глагола среднего: gа-tá-s = qui ivit, bhū-tá-s = бывший. Формальное смещение залогов имело бы место только в том случае, если бы и от глаголов действительной формы на *-ta-* могли иметь и действительное и страдательное значения. Так в новоперсидском, где, например, ber-de-h (= санскритскому bhar-tá-s) значит и несенный и несший (Bopp, Grammat., § 627).

Повидимому, не трудно понять возможность образования страдательной формы с таким же значением глагола объективного, хотя и не действительного: объект такого глагола, каким бы падежом он ни был выражен, может быть представлен субъективно, и действительные причастия в выражениях (Попов, III, 180): земля обитаема, человек заключен, услужен, угрожаем, помогаемый, желаемое, желанное благо, чем обладаемый, управляемый, начальствуемый (Буслаев, Граммат., § 179; Miklosich, IV, 266) имеют субъекты, бывшие объектами соответствующих глаголов действительных, по форме средних, объективных по значению: обитать в такой-то земле..., заплатить, услужить, угрожать, помогать, вспомоществовать, покровительствовать, содействовать, льстить, потакать кому, желать, ожидать, искать (искомый, сънскать), обладать, пренебрегать чем.

в) Жданный, чаянный, желанный, несподіваний, „каким-то демоном внушаем“ (Гребінка).

Для объяснения подобных страдательных форм вовсе не нужно предполагать, что глаголы, от каких они произведены, некогда управляли винительным. „Заплаканы победны твои очюшки“ (Барсов, 33; украинское — „карі очі зарюмала“). Они могли управлять, могли и никогда не управлять им без всякого вреда для страдательных форм. Русский литературный язык по способности образовать страдательное причастие от глаголов объективных, средних, сходен с некоторыми дру-

гими языками и, прежде всего, со славянскими. Ср. польские „cel chybiony, szczęście porądane, człowiek wzgordzony od...“ с глаголами „chybic celu, żądać czego, gardzić, pogordzać kim (польско-латинское от intransit.), czalo wortość dni wplynionych“; чешское „žádány od“ — с „žadal čeho“. Ср. также в литовском reĩkiamas (причастие настоящего страдальное) — требуемый, нужный от reikė́ti — быть нужным, с родительным предмета, láukiamas (id.) — ожидаемый от láukti с родительным — ожидать чего; neliẽpiamas — тот, которому не приказывают, от liẽpti с дательным — приказывать кому.

В древнегреческом образование страдательного залога от глаголов, управляющих родительным и дательным, вполне обыкновенно; в латинском такое явление редко и считается подражанием греческому. При более подробном сравнении в рассматриваемом отношении языков славянских между собою, а равно и с латинским, греческим, мы можем ожидать между ними разницы в распространении страдательного оборота на бо́льшую или меньшую массу глаголов объективных, средних. Есть причастия страдательные и от глаголов субъективных; но они: а) или предполагают объективное употребление глаголов (бываемый — у Буслаева, Граммат., § 179); б) или лишены всякого оттенка страдательности (неугасаемый — ibid.); в) или, что обыкновеннее первых двух случаев (из коих первый очень редок), употребительны только в безличных предложениях, в коих причастия страдательные — как причастия глаголов объективных — теряют часть своего страдательного значения.

Причастие страдательное,[1] происшедшее от глаголов субъективных в русском языке употребляется почти исключительно в безличных предложениях, как „в девках сижено — горе мыкано“. В тех же оборотах и с теми же особенностями значения употребительны и причастия страдательные от глаголов объективных средних и действительных. С примерами русскими у Буслаева (Грамматика, § 200, 3) сравни следующие украинские: „похожено та поброжено та коло моря кіньми тож не кінями та поброжено: то журавочка з дітьми“; „чи я вбрела, чи я вплила, чи мене підбито? Чи сам козак не став ходить, чи його одбито?“ (Метлинский, 7); „чересло́ й леміш iзнято“ (Куліш, I, 146); „Прийшли слухи до милої, що милого вбито. Ой убито, вбито, завезено в жито, зеленою оливою оченьки залито, червоною китайкою рученьки покрито“; „тополю истято і гілля забрато“ (Метлинский, 153); „Тобі рушник дано, що в Киеві ткано, з Киева привезено, шовком помережено“ (ibid., 190); „Про їх матюр говорено, що вона відьма“ (Куліш, II, 37); „Чому так рано засвічено?“ и т. п. В польском не только bito, mówiono, spano, miniono, но и от глаголов возвратных форм: bano się, wstydzono się. В чешском: „Tu bylo mnoho, a věci potřebné rokovano; potom za třidcetl dni ustavně bojováno bylo“ (Zikmund, 14).

В Волынском акте 1596 г. „которого (вышеупомянутого) человека незнаемо ани ведаемо откуль былъ и кто его забилъ, а боли тежъ но ведаемо, если его откуль инудъ забитого не подвезено и туть покинено“; 1608 г.: „подрубоно сосну бортную от осьми лѣтъ неподглядану... исъ тое сосны... медъ выбрано и сосну спалено“ (Беседа, 1857, III).

Чтобы определить особенности этих оборотов, начнем с причастий страдательных от глаголов действительных. Очевидно, что выражение тополю истято не имеют одного из существенных признаков страдательного залога: объект действительного залога и в них остается объектом и не становится подлежащим, что непременно бывает при употреблении причастия страдательного в его собственном значении. Но тем не менее страдательная форма причастия здесь уместна. Выражение бито, грабleно (в значении безличном) вовсе не то, что били, грабили: для первых характеристично не только то, что действующее лицо действительного глагола представлено неопределенным оно (es), но и то, что неопределенное действующее лицо представлено подлежащим страдательного глагола, т. е. в виде объекта, ставшего субъектом. Рассматриваемые безличные предложения, повидимому, образовались непосредственно из чисто страдательных оборотов с подлежащим среднего рода, например украинское „йому пороблено“ от значения: es ist angetan worden (причем подлежащее есть действительно бывшее прямое дополнение действительного глагола) переходит к значению man hat ihm angetan.

Сравни разницу между засіяно поле и засіяне було. В украинском подобные выражения имеют только безличное значение, так как язык для чисто страдательных,

[1] Набранное петитом зачеркнуто у Потебни и восстановлено редакцией. *Ред.*

уже в сравнительно позднее время, стал употреблять определенную форму причастия: засіяно поле = поле засеяли, но поле було засіяне = поле было засеяно.

Как скоро совершился переход к безличности в предложения с местоименным подлежащим среднего рода, т. е. как скоро подлежащее страдательного оборота получило значение неопределенного по значению подлежащего действительного глагола, то страдательное причастие получает возможность дополняться дополнением действительного. Сравни выражения как: взято його у некрути, повезено його у город и т. п.

Как скоро местоименное (заключенное в глаголе или явственное) подлежащее среднего рода при глаголе страдательном получило безличное значение и вместе с тем лишилось проглядывавшего в нем значения объекта, то получилось стремление приставлять безличное. Но тем не менее страдательность причастия заметна в значении этих оборотов. Действующее лицо иначе представляется в безличном бито, грабленo, чем в безличном же били, грабили. Кроме разницы в числе и роде в первых действующее лицо изображено подлежащим страдательного залога, т. е. в виде субъекта бывшего объектом действительного глагола; во вторых действующее лицо и изображено таким, т. е. не имеет так сказать никакой объективной подкладки. Форма подлежащего в безличных выражениях, как бито (man hat geschlagen = es wurde geschlagen), украинские йому пороблено (man hat ihm angetan), заставляет думать, что первообразом их были чисто страдательные личные выражения с подлежащим действительно происшедшим из объекта и со значением es [etwas] ist geschlagen worden, es (dieses) ist ihm angetan worden, что последнее чисто страдательное значение в этих выражениях непосредственно предшествует первому. Уж в сравнительно позднее время в украинском появляется формальное различие между обоими этими значениями: безличным и страдательным: для 1-го остается неопределенная форма причастия (засіяно поле = засеяно = засеяли), для 2-го определенное (поле засіяне — поле засіяное).

Безличное значение подлежащего при страдательном глаголе, родившись в оборотах с местоименным подлежащим среднего рода, заключенным в глаголе или явственном, стало применяться и к оборотам, в коих подлежащим (бывшим объектом) было имя. Переделывая выражения „тополя зрубано“ (зрубали?) в безличное страдательное, нельзя было опустить имени без вреда для мысли. Нельзя было иначе совместить безличность страдательного предложения с необходимостью поместить в нем подлежащее также личного предложения, как опять сделавши это подлежащее дополнением; „тополю истято“, „тополя истято“ противоречило бы требованию согласия между подлежащим и сказуемым в роде. Но ср. французское, где за безличным подлежащим может следовать определенно названное действующее лицо: il en sortait une fumée noire; il se trouve là un jeune homme.

В немецком при безличном местоименном подлежащем имя как подлежащее: Es kam mir ein Mann entgegen.

Возможностью ставить винительный объекта при безлично употребляемом причастии страдательного со вспомогательным глаголом русские наречия пользуются в разной мере. Не считаю случайностью того, что в числе приведенных Буслаевым примеров рассматриваемого оборота нет ни одного с винительным объекта: такие обороты редки, хотя ѝ не невозможны в русском. В украинском же выражения как „зорано посіяно ниву, ізжато пшеницю, взято його, повезено його до прийому“ и пр. вполне обычны.

В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить и явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо очевидно может быть выражено только дополнением: у молодца было послужено = послужил.

Такой способ обозначения не различает формальных значений apud quem и a quo [ср.: у меня (в комнате) не прибрано]. Выражение действующего лица творительным в безличных страдательных предложениях в литературном языке невозможно: „сказано мною“ есть часть страдательного предложения с определяемым по значению подлежащим. Но в выражении украинской песни „похожено та поброжено коло моря кіньми“ — похожено поброжено — безличны и творительный обозначает действующее лицо, а не орудие, которым действительно скрыто лицо.

Из вышесказанного видно, что для образования безличных предложений с причастием страдательным вовсе не нужен именной объект соответствующего действительного глагола: так как этот объект не становится подлежащим безличного предложения, а в качестве дополнения может быть опущен не изменяя характера предложения. Таким образом по отношению к явственному объекту глаголы объективные становятся здесь на одну доску с субъективными. Рассматриваемые страдательные обороты от глаголов субъективных стали, кажется, возможны только после образования соответственных оборотов от глаголов объективных. „Сижено“, „гуляно“, „идено“, „уехано за охотой“, „в девках сижено — плакано, замуж выдано — выто“ — образованы по образцу „взято“, когда подлежащее этих последних получило значение неопределенного действующего лица. Страдательная форма здесь не имеет вполне страдательного значения и возможна благодаря фикции, что у глагола субъективного есть какой-то неопределенный объект. Этот действующий объект нужен только затем, чтобы в его форме представить действующее лицо.

Как в русском и польском в безличных предложениях причастия страдательные от глаголов объективных теряют отчасти свое страдательное значение и как в этих предложениях появляются причастия страдательные от глаголов субъективных, так и в латинском. Ср. безличные предложения с причастием прошедшего страдательного ventum est (прийдено), itum est (идено), moriendum est, addendum est. Безлично употребляемые страдательные причастия необходимости от глаголов переходящих у доклассических латинских писателей (реже у классических) сохраняют способность действительных глаголов управлять винительным: timendum est poenas, ingrediendum est viam, omnia audendum est.

Способ образования безличности — средний род.

При помощи неопределенности субъекта страдательного оборота. Средний род есть переход к совершенному устранению этого субъекта, причем остается в мысли лишь отношение к объекту, означающему производителя: от „das (dieses) ist sichtbar" к „es ist sichtbar" — видно (Miklosich, IV, 366). „Телебуга же еха обьзирать города Володимѣря, а друзии молъвять, оже бы и в городѣ былъ: но то не вѣдомо" (Ипат. лет. 2, 588; см. выше влягомо); „По отшествии же Телебузинѣ и Ногаевѣ, Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людий: што поимано, избито, и што ихъ божиею волею изъмерло, — полътрѣтьинадесять тысячѣ" (Ипат. лет. 2, 589).

Тип „тополю стято" (Miklosich, IV, 364, 365). Винительный дополнения при страдательном безличном — ново-церковно-славянский (примеры у Миклошича — новы).

Быто. „И потомъ Москвичи побѣгоша, и пометали быта своя Москвичи и Псковичи, а Изборяне выскоча имали быто Псковское и Московское" (1501 г., Пск. I лет., 273); „Изборяне... грабиша то быто Московское" (ibid., 274); „И Псковичи первое ударишася на кошъ (лагерь немецкий. *А. П.*), и потомъ Москвичи, и начаша межи собя дратися о бытѣ Нѣмецкомъ" (ibid., 276).

Пожитокъ, прибытокъ, понитокъ.

Возможно, что в данном языке из многих синонимов, т. е. различных способов представления сходных содержаний, комплексов мыслей, нет ни одного с отвлеченным значением, т. е. такого, который обозначал бы лишь причины, общие всем этим комплексам. Таким образом, ввиду частности значения слова лес — silva в случаях, как „дали есмо... замокъ нашъ Бѣлескъ... зо всими землями пашными и бортными, и боры и лѣсы, и дубровами, и гаи" (Акты Зап. России, II, 6, 1507 г.), можно сказать, что до сравнительно недавнего времени в русском языке не было слова для общего понятия „лес", обнимающего лишь общие признаки понятий, связанных с такими словами, как лес, бор, роща, дуброва, дубняк, липняк, осинник, березник, олешник, урема, тайга, тайбола и пр.; украинское ліс, бір, діброва, гай, луг и пр. В течение многих столетий представлялась возможность обобщения значения одного или нескольких из синонимов, и определить, когда такое обобщение появилось и перестало быть достоянием лишь личной мысли, бывает крайне трудно даже в том случае, если исследователю нет нужды выпутываться из своего и чужого национального хвастовства на голоса: „А что? у нас есть то и то, а у вас нет. Наша цивилизация выше: платите проигрыш".

В таком смысле, как утверждение, что в данное время понятия лес в языке нет, можно сказать, что страдательного залога в русском и дру-

гих славянских и неславянских языках нет, но есть страдательные обороты: а) предикативные и б) атрибутивные.

а) В строгом смысле страдательность предикативного оборота не мыслима, как заключающая в себе противоречие: субъект есть название субстанции, как производителя действия; предикат — самое действие во время произведения его субъектом. Следовательно, под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписано посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном. Этого рода страдательность представляется возвратностью действия:

„Не плач, мамко, не журися:
Не дуже я порубався:
Лем ручечки на стучечки,
Головицю на четверо".

(Головацкий, III, 8.)

Сюда относится определение: „Schon seinem Begriffe nach ist auch das Passivum als Energie zu fassen; es ist indirect activ" (Miklosich, IV, 264).

Язык ничего не выражает вполне; он всегда выставляет лишь один признак, важнейший или представляемый таким (Bopp, Grammat., § 531, 417, см. все примечание).

б) Страдательные обороты атрибутивные заключают в себе причастия страдательные настоящего и прошедшего времени. Здесь не существенно то, что эти причастия могут быть не только непосредственными атрибутами (определениями, приложениями, а субстантивируясь, и подлежащими и дополнениями: „ранен — двоемыслен, а убит — уже спит"), но и входить в состав сказуемых. В последнем случае предикативность выражается только действительностью глагола вспомогательного, а страдательность зависит только от причастия как атрибута: „дело сделано" значит „дело делается теперь так, что оно окончено", т. е. признак, находящийся в субъекте, составляющий его состояние, представляется делом субъекта, совершаемым посредством объекта.

Сюда, а не к п. а может быть отнесено определение, принятое Буслаевым (Граммат., § 175, 2) и требующее некоторых изменений: „страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого (предмета. *А. П.*)".

а) Страдательных глаголов ни в смысле совокупности личных и причастных форм, связанных единством лексического и формального значений, ни в смысле совокупности личных форм нет в русском языке; но, кроме возвратности (см. выше), есть причастные страдательные обороты.

б) „Состояние предмета" значит признак, данный в предмете.

в) Ошибочно думать (Некрасов, О глаголе, 42, 43), что, согласно с приведенным, состояние субъекта должно быть выражено одним словом, а действие объекта другим, чего, очевидно, нет в „любим" (как атрибут, как собственное имя, как часть сказуемого). Можно согласиться лишь с тем, что приведенное определение недостаточно ясно устраняет повод к ошибочному толкованию. Имя существительное и прилагательное может тоже означать в речи состояние субъекта, зависимое от объекта, например „его милость, для ихъ великого впаду отъ поганства Татаръ, отпустилъ имъ мыто" (Акты Зап. России, II, 2, 1506 г.); но имя здесь не само по себе, т. е. не формально, а лексически, при помощи явственного дополнения, показывает зависимость признака от объекта, между тем как причастный страдательный оборот, чтобы быть страдательным, нуждается в дополнении.

Итак: „страдательный причастный оборот представляет формально состояние предмета произведением объекта, который может быть вовсе не назван, например „письмо написано“ (без мысли „кем“); „в ту нощь бысть чюдо дивно и страха исполнено“ (Пск. I лет., 256). („Страха“ может быть предполагает подлежащее „страхъ исполни“, но в наличном значении устраняет собою возможность объекта, условливающего страдательность.)

§ 30. Глаголы с *-ся*

Глаголы с *-ся*, требующие ближайшего объекта в беспредложном (повидимому, некоторых в предложном) родительном.

Сколько известно, ни один из грамматиков, говоря о залоге, не делает из этих глаголов особого отдела. У Востокова они отнесены к общему залогу. Последний определен так: „имеет значение возвратного и подобно оному кончится на *ся*, но без приложения *ся* неупотребителен, потому, что означает действие внутреннего чувства, обращенное *только* на самого действователя; напр. «*Бояться, надеяться, стараться, смеяться, резвиться*».

К общему залогу причисляются также некоторые глаголы на *ся*, произведенные от действительных, которые и без приложения *ся* употребительны; но с сим приложением получают значение глаголов средних“ (Востоков, 98—99) (выражающих обнаруживание себя каким-либо действием или качеством), „напр. *Крапива жжется. Нитки рвутся*“ (ibid., 100). Отсюда видно, что здесь у него глаголы, как бояться чего, теряются в числе других глаголов с *-ся*, не требующих родительного. В другой раз он упоминает об этих глаголах, говоря о родительном количества и движения мысленного; здесь а) „глаголы общие, сложенные с предлогом *на*, и означающие насыщение себя чем-либо, принятие в себя чего-либо во множестве, вдоволь; напр. *Наглядеться диковин. Наслышаться хорошего. Начитаться книг.* Также и с предлогом *за*... *Заслушаться... музыки; зачитáться... книг*“. б) Глаголы общие: касаться, коснуться, требующие родительного качества, означающего предмет отвлеченный, „коего некоторая часть захвачена речью или делом, напр. *Коснуться важного предмета. Касательно сего предмета.* Когда *касаться* значит обращать речь на чье лицо, на предмет одушевленный, тогда требует родительного с предлогом *до*; напр. *это до вас касается*; когда же означает в собственном смысле дотрагиваться до чего, тогда управляет дательным падежом“ (ibid., § 126). Здесь родительный не отделен от случаев „наехало гостей“ (безлично), „принести воды“. в) В родительном движения мысленного (ibid., § 128) не отделены такие случаи, как доискаться чего, от случаев желать, считаться и даже лишать кого (винительный), чего (родительный) и родительный при глаголах с отрицанием.

У Миклошича, где он говорит о залоге (Miklosich, IV, 268), такие глаголы, как натерпеться чего, упомянуты вместе и безразлично с такими, которые не допускают объекта от „вьсмердѣтисѧ“ (завоняться), разболеться, выспаться. Стало быть, он рассматривает здесь залог независимо от дополнения. Говоря о родительном удаления (genetivus separationis), он приводит рядом глаголы действительные со вторым объектом в родительном („простити кого греха“) и глаголы с *ся* с единственным объектом в родительном: „штобы государь вашъ техъ волостей поступился“ (Акты Зап. России, I, 285; Miklosich, IV, 451 сл.). Точно так же, говоря о родительном непрямого объекта, он имеет

в виду лишь тот последний, — будет ли он стоять при глаголе с -сѧ, как единственный ближайший объект (ѩтисѧ, дьржатисѧ чего), или при других глаголах рядом с винительным прямого объекта „мира ны съподобитъ, млѣка вы напоитъ“ (Miklosich, IV, 504, 505).

Я попытаюсь здесь обособить со стороны залога глаголы с *-ся*, допускающие при себе ближайший объект лишь в родительном.

Важно то, что глаголы, требующие по своему значению объектов, из коих дальнейший есть родительный с аблативным значением (значением удаления), например лишить кого (винительный), чего (родительный), соединяясь с *-ся*, заменяют одним родительным оба объекта („лишиться чего и кого“). Стало быть, после того как *-ся* перестало чувствоваться как объект, глагол такого рода изменил залог.

Miklosich, IV, 267: коснѫти сѧ — tangere; отложити (старость — заботу) и отложимъ сѧ — греха; съвѣты отметати и отметати сѧ благъ; прѣслушати и прѣслушати сѧ — *παρακούειν* при obedire — слушать кого (винительный) и слушаться кого (родительный). „Отъчаашѧ ѥго“ (Supr., 23, 1 — jemand aufgeben; reflexiv. „не отъчаи себе“ — ibid., 306, 2); „отчаяти сѧ“ — desperare; украинское „здобутися ласки“.

Глаголы на *-ся* с родительным.

„Съступися Твьрдиславъ посадничьства“ (Новгор. I лет., 31, 19); „съвлечеся грѣховная одежа“ (Лаврент. лет., 29) [ср. „съступи хреста Мьстиславъ къ Ярославу“ (Ипат. лет., 11); „Свободъ ти и селъ съступитися“ (1305 г., Собр. гос. грам., № 9)]. „Отбися ихъ“ (= от них) (Новгор. I лет., 34, 10); украинское „одцуратися кого, чого“; „Круг стола сидят оны да круг дубового, Оны пьют сидят теперь да угощаются; Уж как я... Опришенна от любимой от семеюшки, Отряхнулась я от светлой новой светлицы, Отрешилась самоваров я шумячиих“ (Барсов, 40); „Того ся добьють, егда влѣзуть ли живы“ (Лаврент. лет., 4). В новом языке: добегаться, дошалеться, доходиться, доработаться до чего; додуматься, догадаться до чего; добраться, допиться до чортиков; дозваться кого; дослужиться чего; додрематься лиха; доробитися хліба (Miklosich, IV, 501—504); „Позастановила і намисто й дукати і добулась грошей“ (Кв.-Осн.); „Доити Киева“ и пр. (Miklosich., IV, 501 сл.; Буслаев, Граммат., § 254, примеч. 2); „А кого доидеть рука, цьрньця ли, церницѣ ли, попъ ли, попадье ли, а ты (винительный) ведоша въ поганыя“ (Новгор. I лет., 26, 5); „Изыма дворяне Святославли и посадника оковаша, а товары ихъ кого рука доидеть“ (ibid., 31, 9). [С винительным редко в старославянском: „сама преисподьняа доити“ (Supr. 354, 18; Miklosich., IV, 378); „Доспѣшѧ полатꙋ“ (Тихонравов, 239) значит не „attigerunt palatium“, как перевел Miklosich (ibid.), а „окончили“.]

Глаголы с приставкою *от-* и с родительным: „отвьржеся архепископъ Іоаннъ Новагорода, и поставиша... Нифонта“ (Новгор. I лет., 6). Отчаяться чего. „Не отчаимъ мы себе, яко Іуда“ (Кирилл Туровский — Калайдович, 146).

„Сдогодаюсь того“ (вспоминаю о том) (Барсов, 223, 4). Дожидаться. „Я ни от кого... толку не доберусь“ (Гоголь). „Щоб сей та той мене, колиб я недоскочив собі що дня шматок м'ясця“ (Гребінка) („шматок“ — винительный меры при родительном „м'ясця“).

Наесться. Миклошич говорит, что, например, возвратные глаголы (кроме русских) посредством лишения частицы *-ся* (durch Abtrennung von *сѧ*) получают причинное значение: „да си коня назобаjет“ (Миладиновци, 21); сербское „ви гладнога ни jесте наjели“; „сву земљу расплакао“; чешское „nás všecky vozesmál“ (Miklosich, IV, 378). Быть может, наоборот: *-ся* присоединяется к глаголам наѣсти потому, что в силу

предлога они получают действительное значение — насидеться, настояться, добегаться, договориться; наноситься платья, наесться, напиться чего; наглядеться, начитаться книг; насмотреться чудес (однако без субъекта: набегаться, наездиться, нагуляться, накататься). Ср. „најести кога, чега“ — накормить; „наједе га пива и jéстава“; „Слави набірайся“ (Метлинский, 15); „Натерпеться голоду“ (не переходит ли в родительный причины?); „Добры людушки того (что выше сказано) да надивились“ (Барсов, 40); нагостилась, насиделась, „нарутилась горьких слез да на сыру землю“ (ibid., 186); натешилась, натопталась, „нагорелась свеча, догорает“. Ср. действительный глагол сложный с *на-* из средних.

Питатись чого. „А з вінчання вертались, свого роду питались: «Скажи мені, серденько, якого ти родоньку»“ (Мордовцев, 234); „Ой піду я до комори питатися зброї“ (Костомаров, Песни). Костомаров ошибочно думает, что это значит „у сбруи“, и ставит двоеточие перед вопросом, обращенным вовсе не к сбруе, а к себе: „а чи мені коня сідлати, чи пішки мандрувати“ (ibid., 249).

Оглядаюсь. „По воду пішла, оглядается Василя“ (Кв.-Осн., I, 47).

Глаголы без *-ся* с родительным.[1]

Глаголы от действительных с *ся* и родительным. „Крытись чего“ (Miklosich, IV, 451); украинские: „поступитися, рішитися, хоронитися, берегтися, стерегтися“ (ibid., 453); чуждаться, дичиться, опасаться, удаляться; старинное остатися.

Утаитися. „Утаившеся его“ (Ипат. лет., 132, 6); „утаивъся Кыянъ бѣжа изъ Бѣлагорода“ (Лаврент. лет., 74). Каятися. „Почто зло створивъ и не каешися его?“ (Лаврент. лет., 113).

„Ополонишася полона и поидоша восвояси“ (Ипат. лет., 133). Ср. „Обѣсися синѣ мглѣ“.

В новом языке — обвеситься, оболокаться и пр. (чем?). „Ожегшись на молоке“.

Обожраться (чего?). Обловиться (чем?) (Даль, Словарь).

Объесться лакомств, облопаться, обтрескаться. „Опилася пташка студеной росы“.

„Останися высокоумья своего“ (Ипат. лет., 15). Ср. „дружина же его, о̀ни по немъ идоша, а друзіи осташа его“ (ibid., 27). Субъективный: „Останися на святокъ. — Не могу остати, брате“ (Лаврент. лет., 110).

Пуститись (чего?). „Оттут то берега пустивсь“ (Котляревский); „Волсент и духу тут пустивсь“ (= испустил) (ibid., 212).

Держаться (чего?).

Ятися (чего?). „Мокрого поліна вогонь неймеццја“ (Номис, 100). Ср. „ятися по дань“; взяться за что.

Хватиться (чего?) (= вспомнить); ср. „схватиться за что“. В сербском см. Даничић, 100, 101.

Слушаться (кого?).

Бояться, пугаться, страшиться, ужасаться, чуждаться, дичиться, беречься (чего?); стыдиться. Украинское: соромитись, страхатись, лякатись (чого?).

Таиться (кого?).

„Мне стыдно, страшно“ (кого, чего?) (Miklosich, IV, 458).

„Позбутися, збутися, збавити“, позбавити“ (чого?) (ibid., IV, 456).

Родительный удаления при глаголах независимо от влияния предлога и при именах (ibid., IV, 451).

[1] В рукописи только эта заметка. *Ред.*

„Грѣхъ (родительный мн. ч.) да простить“ (XIII в., Достопам., I, 107); „Простъ грѣха“.

Лишити, лихъ. „Да боудеть ѡтверженъ и всея священичьскыя службы лихъ и проклятъ“ (XIII в., ibid., I, 109).

„В роди разума ты смѣнилася“ (Барсов, 146); „Огляделася, победна, устрашилася, Ума-разума победна изменилася“ (ibid., 241; Miklosich, IV, 451).

Бѣгати (чего?). „Пищаньци волъчья хвоста бѣгають“ (Лаврент. лет., 36; Miklosich, IV, 451).

Уходить (чего?) (ujść nieszczęscia). „Ухожу своих сердечных малых детушек я на эту не спокойну малу ноченьку“ (Барсов).

Родительный при глаголах удаления, лишения. „Всѣхъ грѣхъ прощени будемъ“ (Лаврент. лет., 72, 26); „Останися высокоумья своего“ (ibid., 133, 92); „Плотское украшеніе чюже есть Настоятеля“ (Калайдович, Памятники, 123); „Щасливої доріженьки, куди він бажає“ (Метлинский, 61); „Смердовъ жалуете и их коній“ (Ипат. лет., 1).

Цуратись (кого, чего?). „Ой не цурайсь мене, родинонько“ (Метлинский, 243); „Мене станууть цуратись“ (Кв.-Осн., I, 44).

Чуждаться.

Имена с родительным. „Лихъ, нагъ, простъ, свободь, свободьнъ, сиръ, странникъ, чистъ, штуждь“ (Miklosich, IV, 452, 453).

„Извини того [в том] сестрица, свет желанная, Што пеняла я при добрых тебе людушках“ (Барсов, 139).

„Подивуют того добры людушки: Видно, девушка она самовольная“ (ibid., 132); „Хоть бы [чтобы] добры того люди дивовались, Што ведь матушка со дитятком спасается“ (ibid., 134).

„Он не може примениться ума-разума, Со кручины он не знае куды броситься“ (ibid., 205).

Жалѣть (чего?). Жаль чего, шкода чого, плакатися чего. Родительный причины — Miklosich, 463, 464. Нет ли разницы между непосредственным родительным при глаголе и посредственным?

Алкать, жаждать, жѧдати, желать (бажать), хотеть и пр. (ibid., 490, 491). Однако: „сожидаюци родитель тебя матушку“ (Барсов, 34).

Глаголы удаления без *-ся* с родительным. „Бѣжати чего“ (Miklosich, IV, 451). Грѣшити. Гонезнѫти. С предлогами *из-*, *от-*, *с-*, *у-* (ibid., IV, 455).

Если глагол беспредложный — средний, то при нем единственный объект в родительном (избежати суда); если действительный, то родительный есть второй объект: отвести кого, чего.

Родительный после неопределенного = супину. „Посла... Дмитра Якуниця... города ставить“ (Новгор. I лет., 31); „Иде... править товаровъ“ (ibid., 41); ср. „исправивъ (вытребовавши) товары“ (ibid., 41); „Идоша Новогородци въ Торжекъ города ставити“ (ibid., 89, 36); „Посла... возводить Литвы“ (Ипат. лет., 210, 38); „ѣха обзирать города“ (ibid., 212, 6); „Онъ же хотелъ у рать [в литовское войско, стоявшее под Витебском] ити, дѣвкы купити...“ „и онъ шол съ темь человѣкомъ, соли весить“ (Акты р.-лив., № 49, около 1300 г.); „Пошлетъ своихъ писцовъ Москвы писати и Московскихъ становъ“ (1472 г., Собр. гос. грам., I, № 95); „Своихъ людей съ неводы посылати, озеръ волочити“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 59, 1512 г.).

„Набъдѣти чьсо“ (= соблюдать) „праздьникъ набъдите...“ (Изборн. 1073 г., 195); „Да набъдѧть соуботоу“ (ibid.).

„Рыдайте, обидимиї. не себе. нъ ѡбидѣвъшиихъ васъ. не бо васъ врѣдишѧ. нъ сами сѧ погоубишѧ“ (ibid., 78); „Да тѣмь плачѣмъ ихъ плачьмь“ (ibid.).

Глаголы на *ся* — от действительных.

„Переб родитися".

„Разів з чотирі погребнувся" (Котляревский); „З крючком весельцем погрібався" (ibid.).

„Язъ... и отъ коня спадаяся" (Лаврент. лет., 105); „Щирий козак ззаду непопадаєцця" (Номис, 81); „На възведеніе падъшимъся въ ересь" (Калайдович, Памятники, 84); „Тôлько 'м *ся* впала в катôвскŷ руки" (Головацкий, I, 299); „Мати на ній й напалась: і де вона була, і чого так довго ходила" (Кв.-Осн.); „Маруся нападається на Олену, що притьмом пора до дому йти" (ibid.); „Не впадись въ тоску, великую кручинушку" (Барсов, 251); „Въ брѣгъ гордостьный не въпадетьсѧ" (Изборн. 1076 г. — Буслаев, Хрестом., 292).

Пригнатися. „Хто отъ насъ пригониться въ твою вотчину за холопомъ..." (1368 г., Собр. гос. грам., I, № 28).

„Зволтеся, тьотушка, до себе постій приняти" (Кв.-Осн.).

„Брала дівка лен, та забулась пов'язати" (Метлинский, 60); „Обіцянки ж не забувайся" (Котляревский). „Не стій, вербино, розкидайся, не сиди, Марусю, розмишляйся" (Метлинский, 159). „Туть роздумаюсь обидна, красна девушка" (о следующем) (Барсов, 221). „Умом, разумом, горюша, посмекаюся" (ibid., 25).

Ятися по (винительный). „Имися по дань" (Лаврент. лет., 30); „Сътворимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли" (ibid.); „Имемъся своимъ толъстинамъ, не даны суть Словѣномъ прѣ кропинныя" (ibid., 13).

Мьнѣтися, творитися. „Сдѣ же мняшеся оканьный: яко сдѣ ми есть жилище" (ibid., 35).

„Як задумався молод женитця, ходив же молод по всіх городах" (Номис).

„Да уже помянися, колико еси зла створилъ" (Лаврент. лет., 113).

„Съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ" (ibid., 28). Церковнославянское „жалити кого" — lugere, beschränkt auf das subject — жалитисѧ и жалити *си*; kajati — vituperare; церковнославянское каятисѧ — poenitare; молити и молитисѧ.

Вѣдѣтися. „Уже и ô світі незнавсь" (Котляревский); „Знатця на чому, розумітця на чому" (= знать толк в чем) (Номис, 126).

Совеститься. „Буду совестить родителя я батюшка" (= усовещивать) (Барсов, 222).

„Суседи поразойдутся, сродчи — сродники у нас да поразъедутся" (ibid., 225); украинское: „розлилися води". Расползлись муравьи; раскипелся котел; разыграться, распеться, расплеваться, разлились, расправиться, распылиться, рассохнуться, расплакаться, разреветься, разрюмиться.

Пробудиться, проснуться; украинское: прокинуться. „Ой спав — не спав прокинувся"; русское „от крепка сна безсчастна, прохватися" (ibid., 26).

„Не начáлась я победна не, подіялась..." (ibid., 90).

Случиться.

„Як побáчила я тебе, світ мені не змилився" (Кв.-Осн., Маруся).

Поститься; ср. постить пост?

„Гляди та й не прогледись, купи та й не прокупись" (Номис, 113).

Пробраться куда. „Мне нельзя, бедной горюшице, пронятися [за распутьем], на родимую сторонку передатися" (Барсов, 91).

Прислушаться, приглядеться, присмотреться к чему.

С[т]латись. „Послалась на лаві" (Кв.-Осн.).

Кохатись у чому. „Я в парубках кохаюсь сих" (Котляревский).

Проситься. „Сестра в брата прохалася".

Надеяться на что. „Надѣяся силѣ своей" (Лаврент. лет., 134).

Понравиться кому. Украинское: сподобатись кому.

„Одчини мила двери. — Я не одчинюся, бо тебе боюся" (Костомаров, Песни, 284).

Обноситься [ср. „Родимую матушку платьичем обносила... братьичев цеботам обносила" (Бельский у.) (Этнограф. сборн., V)].

Сълатися. „Се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля" (Лаврент. лет., 11); „Кіяне слются къ Володимеру" (ibid., 33); „И послашася паки Кіяне къ Володимеру" (Ипат. лет., 4); „А лучится царю кого послати къ царицѣ... и они пришедъ обсылаютца черезъ бояронь, а сами не ходятъ безъ обсылки" (Котошихин, 27); „Нача слатися къ Володимеричемъ.., хотя мира съ ними" (Ипат. лет., 16).

„Копая подъ другомъ яму самъ ся въ ню въвалить" (Новгор. I лет., 56).

Очутиться, опознаться. „Што мине-то... причюлось да прислышалось" (Барсов, 76).

Пытаться. „Попытала было я сидеть... у постели" (ibid.).

Кушатися. „Не кушай ся противу имъ, яко мало имаши вои" (Лаврент. лет., 93).

Разлучаться.

Ликоваться. „Душа с белым телом ликовалася" (Барсов, 94).

„Промежь бы себя не кралися" (друг у друга) (Домострой).

Ятися (схватиться с кем). „Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ" (Лаврент. лет., 53).

„Ту вся благая сходяться" (ibid., 28).

„С ким вірно люблюся, не наговорюся" (Метлинский, 29).

Согласен с. „Была гордая ведь я да не поклонная, Я с суседями была да не сговорная" (Барсов, 7).

Судиться; рядиться; разделаться; расплатиться; рассориться; разругаться, расцеловаться с...

Жаловаться. Без *-ся* и средний: „жаловали намъ [мещане], што жъ дей имъ новина уведена" (Акты Зап. России, II, 3, 1506 г.).

„Не треба ні злизовати, ні шептати: само минеться" (Кв.-Осн.).

Взаимные. „Любилися, кохалися як голубів пара, а тепер розійшлися як чорная хмара".

Между тем закохатися — средний. Змовлятися, збігтися до купи, з'їхаться.

Согласиться с кем (без дополнения); сговориться; целоваться; обниматься; ругаться; браниться; ссориться (лаятися, сваритися); советоваться.

Спізнатися.

Связаться [радитися; возиться с чем; носиться с чем („як дурень з писаною торбою")]; панькатись з ким.

Сваритися. Ср. „единою бо ми й сварящю... преторже череви рукама" (Лаврент. лет., 53).

Проститься с кем.

„Ярополкъ же съзвася съ братьею своею, и съ сыновци своими събрася" (Ипат. лет., 14).

„Чрезъ Лыбедь стрѣляхуся" (ibid., 14).

„Болѣ не воюетеся (повелительное) съ Мьстиславичи" (ibid., 19); „Цѣлуй съ нами кресть, како ти ся съ нами не воевати" (ibid., 146); украинское „воюватись"; „Бѣ воюяся съ ними [печенегами]" (Лаврент. лет., 52).

„Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ" (ibid., 32).

Здороваться с кем [старинное „здоровати кому“: „Какъ отздороваютъ великому князю, и великій князь пойдетъ“ (Свадьба, 1526 г.— Сахаров, II, кн. 6)].

„Чи нам братиццн, чи що дня трапиццн“ (Номис, 80).

Возвратные глаголы. Оборотиться, оглянуться, осмотреться.

Воротиться; вернуться; питаться; живиться; кормиться; прохаживаться; прогуливаться; веселиться; радоваться.

Называться; метаться, рваться, силиться („ну и рваться и метаться“); кидаться (отлично от „кидаться грязью“); бросаться на кого.

Обороняться; защищаться; запираться.

Наряжаться; рядиться; умываться; одеваться; снаряжаться.

Учиться.

Уходиться, уходить себя.

Умаяться; угощаться; обливаться; забавляться.

„Засвирипятся ветляны тут нешутушки... Што торопишься за ужину вечернюю, Знать, спешишься на спокойну, темну ноченьку“ (Барсов, 41).

„Вся усадится любима тут семеюшка Как за стол да хлеба кушать“ (ibid., 41).

Кориться, клониться. „Я богатому суседу не корилася, У маломошняго я не доложилася“ (ibid., 135).

„Бѣ же Өеодосий заповѣдалъ положити ся въ печерѣ“ (Лаврент. лет., 80). („Приказал положиться“ — значило бы другое.)

„Исполчившася“ (ibid., 98).

„Затворишася Болгаре въ градѣ“ (ibid., 29).

Ложиться; Спати кластись. „Ще дівчина спатоньки не клалась, козакові пшениченька зжалась, звозилась“.

Садиться.

Начаться (Метлинский, 28).

Хитатись. „Стоїть верба над водою хитає собою“ (Головацкий, I, 214).

Явиться; приблизиться; придвинуться.

Обмануться (помилитись); ослушаться; обчесться.

Преставиться (умереть); перемениться.

Собираться что делать (готовиться, снаряжаться); братись до чого; лагодитись до.

Придираться; привязываться к кому.

Применяться; прилаживаться.

Рассердиться, разгневаться, разъяриться.

Относиться к кому.

Страдательные глаголы. „Пострижеся Святоша князь“ (Новгор. I лет., 3); „Оженися Святославъ Олговиць Новѣгородѣ, и вѣньцяся своими попы у святого Николы; а Нифонтъ его не вѣньця, ни попомъ на сватбу, ни церенцемъ дасть, глаголя: недостоить ея пояти“ (ibid., 7). „Аще тебе непослушаеть, повѣжь мнѣ: оже не повѣси, съ нимъ осудишися“ (Калайдович, Памятники, 187); „Путь-дороживька топерь да коротается“ (Барсов, 11); „Не позабыть сказать, что [церковь] началась строиться, но сгорела, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, скажет, что она и не начиналась“ (Гоголь, Ревизор); „не гневались вы нашим угощеньицем, Не гнушались вы ествамы сахарныма“ (Барсов, 237).

Сътѫжати — affligere, сътѫжати си — affligi dolere (Miklosich, IV, 267).

„Така мені доля судилася. Ті гроші тобі судились“ (Драгоманов, Предания, 88).

„Недуже я порубався: лем ручечки на стучечки“ (Головацкий, III, 8; Мункачев).

Видиться мені, бачиться; здається.

„Твій коровай удався, срібним обручем обнявся, золотими шишечками обклався“ (Бельский у.) (Чубинский, IV, 245).

Глаголы на -ся средние от страдательных:

Видится; кажется; мнится; чуется; слышится; украинское здаєтця; годиться на что. Приведитеся, подруженьки; трястись от хохоту; белье не отмывается; дверь не отпирается; замок отмыкается; часы заводятся; деньги не переводятся; платье изнашивается; кони изъезживаются.

„Излазилась мочь моя“ (говорит матрос).

„Воску ярово свещи да догоряются“ (Барсов, 67).

„Веди го сюда.—Не ведетця бо!—То держи го.—Не держитця бо!—То пусти го.—Не пускаецця бо“ (Номис, 85).

Діеться. „Что ся дѣеть по веременемъ“ (Акты р.-лив., 1229 г.); „Чи всім людям із кохання так ся діє“ (Метлинский, 28).

„Пшениця зжалась, звозилась“ (ibid., 28).

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 1. *Кьто, чьто* — как существительные атрибутивные

Атрибутивности существительных от качественных корней соответствует то свойство местоимений, что на месте нынешних атрибутивных (прилагательных) местоимений относительных к о т о р ы й, к а к о й, украинское я к и й — ставятся местоимения относительные-существительные к ъ т о, ч ь т о.

а) *Къто* — согласуемое с определяемым в числе. „А к т о о с п о д а р ь огрѣшится, ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ" (Акты археограф. экспед., I, 8, 1348 г.); „А к т о х о л о п ъ, или роба, имется тягати съ осподаремъ... ино ихъ обинити" (ibid., 10, 1398 г.); „К т о учнеть у тое ихъ церкве... пѣти п о п ъ, и тому попу и всему причту церковному не надобѣ имъ платити мой подъѣздъ, ни иные мои никоторые пошлины" (Акты историч., I, 207, 1543 г.; ibid., 217, 1549 г.); „А кто свою вотчину промѣнитъ невотчичю, а приметъ денегъ, и к т о в о т ч и ч ь учнетъ ту вотчину выкупати: и тому та вотчина выкупити" (Судебник 1550 г. — ibid., I, 246); „К т о б о я р с к о й ч е л о в ѣ к ъ поимаетъ на Москвѣ какого человѣка нибуди" (ibid., 263); „Или к т о иный и г у м е н ъ будетъ по немъ" (ibid., I, 98, и часто, 1450 г.); „Пытати Савину... к т о изъ Крыма у короля бывалъ ли г о н е ц ъ" (Акты Зап. России, II, 322); „А к т о такихъ людей отводитъ д ь я к ъ, или п о д ь я ч е й (какой дьяк или подьячий отводит таких людей), и тотъ бояринъ, къ которому отводятъ, даритъ ихъ подарками немалыми" (Котошихин, 36); „и к т о х о л о п ъ кому бьетъ челомъ во дворъ, и его запишутъ въ книги" (ibid., 93); „А будетъ отъ к о г о б о я р и н а и всякого чину человѣка люди воруютъ, и бѣгаютъ, и смуты чинятъ, и тѣмъ людемъ указъ въ томъ же Приказѣ" (ibid., 93); „А к т о будетъ с у д ь я возметъ посулъ и дѣло учнетъ дѣлать по посуломъ... и о такихъ судьяхъ..." (ibid., 96, 97); „а будетъ который отвѣтчикъ учнетъ бити челомъ на к о г о с у д ь ю, что тотъ судья ему недругъ" (ibid., 97); „А к т о р е й т а р ъ, боярской служка или монастырской, побѣжитъ съ службы, и ихъ имая... высылати" (ibid., 109).

б) *Кто,* как собирательное, согласуется со множественным числом существительного: „кто люди" (= какие, которые люди), относясь ко всему объему понятия, выраженного множественным числом; между тем в сочетании с родительным — ч а с т и, весьма обычном в светских русских памятниках, свойственном всем славянским наречиям (Miklosich, IV, 475), и потому ошибочно считаемом за подражание древнегреческому (Черный, Греческая грамматика, II, Синтаксис, § 42): „къто людíй", — к т о не непременно собирательно и всегда относится к части объема „л ю д í й". „У тѣхъ слобожанъ к т о станутъ г о с т и на подворьѣ съ иныхъ городовъ, и намѣстникомъ... не являются" (Акты археограф. экспед., I, 79, 1477 г.); „И к т о у него въ тѣхъ деревняхъ... имутъ л ю д и жити,

и тѣмъ его людемъ ненадобѣ мытъ ни тамга“ (ibid., 85, 1484 г.); „Что ихъ дворъ на Углечѣ на посадѣ, и кто въ ихъ дворѣ учнутъ жить дворники, и намѣстницы мои... тѣхъ ихъ дворниковъ не судятъ“ (ibid., 89, 1485 г.); „*кто* его *тюремные сидѣльцы зарѣзали*“ (1613 г., Буслаев, Граммат., § 265, примеч. 1). Значение „кто изъ сидящихъ въ тюрьмѣ“ вытекает из предположения, что не все резали; но формально оно здесь также не выражено, как и в „или *кто* по мнѣ въ томъ монастырѣ *иныя строительницы* и *сестры* будутъ“ (1679 г., ibid.).

„А берегли бы того накрѣпко, чтобы съ ними Смоляне не говорилъ никто“ (Акты Зап. России, II, 267, 1538 г.); „А кого [игуменъ] призоветъ къ собѣ люди (винительный, а не родительный — людій, людей) на то мѣсто... и тимъ людемъ...“ (Акты историч., I, 130, 1464—1501 гг.); „А кому будетъ Углечаномъ каково дѣло до манастырскихъ людей...“ (Акты археограф. экспед., I, 136, 1520 г.).

„На комъ чего кому будетъ искати на городцкихъ людѣхъ... и на моихъ селчанѣхъ... и язъ имъ дамъ пристава своего даного“ (Акты историч., I, 174, до 1527 г.); „А кому будетъ жалоба сиротамъ [крестьянам] на Волостели...“ (1389 г., Собр. гос. грам., I, № 34); „А кому за какие вины бояромъ, и околничимъ, и думнымъ и ближнимъ людемъ, и столникомъ, и инымъ чиномъ, о наказаніи [их] бываетъ указъ: и о тѣхъ людехъ жены ихъ... бьютъ челомъ царицѣ“ (Котошихин, 45).[1]

в) *Чьто* первоначально согласуется с единственным числом среднего рода: „се предаю ти манастырь на сблюденье, еда будеть что смятенье въ немь“ (Лаврент. лет., 2, 182).

Затем — с единственным числом мужского и женского родов имен *не* личных:

„Да что в томъ прибытокъ, что плѣнныхъ не отпустити, а своихъ не взяти“ (Акты Зап. России, II, 282, 1533 г.); „А возьметъ бояринъ или... недѣлщикъ на комъ что лишекъ, и на томъ взяти втрое“ (Судебник 1550 г. — Акты историч., I, 221); „А которой лихой человѣкъ... скажетъ что лишекъ, или что надобно не договоритъ“ (ibid., 271).

„А про что, а кое вина?“ (Ипат. лет. 2, 370).

Сюда, повидимому, примыкает что в русском.

„Что день, то перемена“; польское „co dzień, co rok“ (= co dnia, co roku).

Далее *что* становится относительным, поставляемым, как в старом языке который, в придаточном предложении препозитивном и еще сохраняет связь с существительным: „Что ихъ монастырь... на Клязьмѣ... и на тотъ монастырь не ѣздятъ никоторые мои воеводы, никоторые ѣздоки“ (Акты археограф. экспед., I, 17, 1428 г.).

Далее несогласованность в числе:

„Что их люди монастырьскіе старожилцы розошлись жити по инымъ мѣстомъ... ино имъ... ненадобѣ моа дань“ (ibid., I, 30, 1446 г.).

Наконец, *что* совершенно разрывает связь с существительным и становится союзом, связывающим придаточное определительное с главным, причем, как и при который, придаточное сначала препозитивно.

„Не попал он в сизых голубей, Что попал он в окошечко косящатое“ (Др. росс. стих., 62); „Обе жены богатые... Промежу собой сидят, за прохлад говорят, Что взговорит тут Блудова жена «Гой еси ты, Авдотья, Чесовая жена»“ и т. д. (ibid., 149); „Садился Калин на ременчат стул, Писал ярлыки скорописчаты... Что выбрал Татарина выше всех...

---

[1] Таким же образом, хотя редко, *кой*: „Или у коего у тѣхъ не будетъ грамоты отпустной и ставленой... и вы его къ собѣ не пріимайте“ (Акты историч., I, 61, 1426 г.).

От мудрости слово написано: Что возьмет Калин Царь стольной Киев град... Дает тому Татарину ярлыки скорописчаты" (ibid., 243) (не о том писал, что выбрал, а писал[и] потом выбрал); „А и едет ко городу Киеву, Что ко ласкову князю Владимиру" (ibid., 205).

Что=который (союз)=сербскому ђе: „види своју сестру, ђе сједи а змај јој метнуо главу на крило па спава" (Караџић, Припов. 1853, 10); „Нађе лисицу где се ухватила у гвожђа" (ibid., 26); „Нађе царицу, а она седи сама у двору и сузе рони" (ibid., 27); „у је́дан пут опази, где се нешто кроз помрчину у шуми беласа" (ibid., 168); „Види лава (льва) где у собу уђе" (ibid., 169).

В литературном языке мы ставим здесь местоимение относительное, но в сербском такое местоимение ставится только при именительном: „Била једна девојка, која је имала маћију" (ibid., 167).

Однако: „каже брату своме, који је био млађи од ње" (ibid., 173); „Кад опазе за собом змаја где их тера, препадну се" (ibid., 32); „Соломун му одговори, да се смије ђе цар· цара хоће да погуби на женском узглављу" (ibid., 197); „Сустигну једнога чоека ђе води два брава" (ibid., 210); „Ево га [вот он] у кући где лежи мртав" (ibid., 215); „Кад... виде... свећу где гори, рекну" (ibid., 216); „ето лисице ђе води страшнога бумбашира" (ibid., 222).

Сербское *те*=союзу что. „Бог... учини те оцу њезину дође у сну некакав чоек" (=сделал, что...) (ibid., 166). Буквально: „бог сделал и пришел к нему во сне человек"; *те*=*и*.

Что в значении плеонастическом. „Стаяла святлица вокнами ды на улицу, што ў той жа́ святлицы молодыя молодзицы" (Могилевский у. и Рогачевский у.) (Шейн, Материалы, II, 300).

Что=когда. „Тѣмъ раненымъ... жалованье дается на прожитокъ... въполы того жалованья какъ имъ раненымъ... давано что еще были здоровы" (Котошихин, 114).

„Узнали меня, что глядел" (Даль); „Что робеть, то хуже" (Загоскин).[1]

Чом, чому=почему. „То лошади его [смерда] жалуешь, а самого чему не жалуешь?" (Ипат. лет. 2, 183).

Что бы=если бы. „Шобим такі очі мала, як застіжка сина, то би м собі відмовила від сусіди свина" (Головацкий, II, 328).

„Чи бог знає, бог відає, де мôй милий дівся:
Ой шоби вôн у гаю був, то б гай зеленівся:

---

[1] В рукописи здесь помещены следующие материалы:

Местоимения. В галицкой грамоте 1401 г.: „по та знамена" (Акты Южн. и Зап. России, I, № 8). В грамоте Свидригайла 1424 г. (ibid., № 15); „Есьмо ему дали... то-то перво реченое село... А тое село перво реченое имѣють [? его дети] намъ давати... ты-то доходы, што-тъ исполнин"; грамота 1393 г. (ibid., № 3): „всимъ добрымъ, што на тоть листь увоздрять"; 1398 г. (ibid., № 5): „на сесь листъ"; 1401 г. (ibid., № 8): „на сей листъ"; 1409 г. (ibid., № 11): „той листъ". Так и в 1418 г., № 13; 1421 г. (ibid., № 14): „на сесь листъ".

Украинское „хтось" и пр. Ср. Акты Южн. и Зап. России, № 48, 1 508 г.: „передъ симъ колько-сь лѣтъ".

Акты Южн. и Зап. России, I, № 97, 1533 г. (писано в Риге): „которымъ кольве обычаемъ, чимъ кольве"; Акты Зап. России, I, 44, № 30: „право такъ нашло, аже то-ты листы умрътвеныи и умореныи на вѣкы".

В Сборнике поучений до 1200 г. (Срезневский, Памятн., 203) „толицѣ"; у Котошихина: „въ тоѣ полату 7, еѣ мѣсто" (родительный п., ibid.); „Митрофанушка. «Дверь? котора дверь?»" (Фонвизин); „Вон у чулана шеста неделя дверь стоит еще ненавешена" (ibid.); „Одинѣмъ храборствомъ" (Пск. I лет., 183); „бывають сица знаменья" (ibid., 71); „знаменья сицяˮ (ibid.).

Местоимение притяжательное — Miklosich, IV, 72. Украинское — наський русское — нашинский — чеевич.

Ой шоби вôн утопився, ріки би бреніли,
Шоби его вовки з'їли, десь би затрубили".

(Ibid., 328.)

„Щоби гори розкопати, ліси прорубати,
Чей би видно до милого тай до его хати".

(Ibid., 352.)

Псковские судные грамоты (до 1467 г.): „А кримскому татю, и коневому... тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ покрадется, ино двожды е[го] пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ; и въ третій рядъ изличивъ, живота ему не дати, крамъскому татю" (Псковск. грам., 2); „А кто на комъ иметъ чего искать по доскамъ, или по закладомъ, а смолве (= по смолвѣ, смолвяся) у своего истца возметъ отъ много (= отъ многа) мало по суду, и чтобы у креста (= хоть бы перед самым крестным целованием); ино въ тотъ пени нѣтъ, чтобы и даромъ отпустилъ своего истца, безъ целованья" (ibid., 11); „А гдѣ учинится головщи [= щи]на, а доличатъ коего головника; ино князю на головникохъ, взять рубль продажи; А штобы сынъ отца убилъ, или братъ брата, іно князю продажа" (ibid., 15); „А которой человекъ при своемъ животѣ... а что дастъ своею рукою племяннику своему... іно тому тѣмъ даньемъ владѣть, чтобы и рукописаніа не было" (ibid., 15); „У которого человѣка имутся за конь, или за корову, или за иную скотину, чтобы и за собаку, и тотъ молвитъ: то у мене свое рощеное; іно ему правда дати, как [= что] чисто [= действительно] рощеное" (ibid., 17); „А толка [= о] корова кровью помачиватся иметъ; іно тая корова назадъ воротити, чтобы і денги заплачены были" (ibid., 17) (см. Потебня, Из записок, II, 397—398).

Ср. сербское *да* в значении etiamsi, et si (Караџиħ, Рјечник, s. v.) „Щоб я знала, щоб я відала, свою долю замужнюю, тоб я за муж дай по вік не пошла" (Пинчуки, III).

Первообразные союзы, связанные с местоимением *къто, как бы* плеонастически

„[Марина] обернула его добрым молодцом,
По старому, по прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем".

(Др. росс. стих., 70.)

„«Есть ли в Киеве таков человек
Ктоб похвалился...
Из Киева бежать до Чернигова...»
Как бы меньшой за большого хоронится,
От меньшого ему тут князю ответу нету".

(Ibid., 55.)

„А и только пожалуй одного мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича".

(Ibid., 88.)

„Доносили они жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне".

(Ibid., 254).

„Сняли с него платье царское цветное
И надевали на него платье опальное, будто тюремное“ (=настоящее тюремное).
(Ibid., 261.)

„А и берет чернилицу золотую,
Как бы в ней перо лебединое“.
(Ibid., 276.)

Бы это вряд ли перешло через сослагательное и условное значение. Так как быть имело и изъявительное значение, то здесь—как бы= как было.

§ 2. *Он, ин* и др.

Областное севернорусское оны; ён, ёна, ёно (псковск., тверск.) и др. Русское—*он, она, оно,* множественное *они*—мужеский, средний, *оне*—женский; украинское *він, вона, воно,* множественное—*вони,*— местоимение 3-го лица, вытеснившее в современном языке в упомянутом падеже местоимение и, ѣ, ѥ; остальные падежи—от *и: его, ему* и пр. При косвенных падежах от *он* в именительном единственного и множественного стоит сложная форма *оный, оная, оное.* При различении ближайшего и дальнейшего предмета *он* указывает на последний, между тем как *той, тот* и *сь, сей*—на первый. Ср. „то сей, то оный“ (=другой); в польском „na tem swiecie na onem“ (na tamtem—на другом); „ztąd-zonąd; tego-onego“=того-другого. Так и в чешском—*onen, ona, ono* (указательное 3-го лица, отличающееся от личного *on, jeho*)—тот, дальнейший, между тем как tento=этот, ближайший. В летописном языке так противополагаются друг другу наречия оттолѣ, отъонолѣ: „дошедшимъ имъ до Кіева, и оттолѣ поиде съ ними Рюрикъ... а отъонолѣ Ляхове поидоша на Володимерь“ (Лаврент. лет., 180, 6 сл.); *óни-óни*=те, другие; *онако-онако*=так, иначе: „óни бо ны онако учать, а óни бо ны и онако“ (ibid., 11, 11).

Значение старого указательного *онъ* и производных нередко совпадает со значением *тъ* и производными, но, кажется, никогда—с *сь* и производными: „отступиша óни въ городъ [те, одни], а ини Пльскову“ (Новгор. I лет., 14, 13); „они розъидошася, а иное помьрло голодомъ“ (ibid., 33, 37). Ср. „онъ полъ, óна сторона“=та, другая=литовскому aná-pus, ana-schal=по ту сторону.

Сербскоеончас—тотчас, сейчас; но онуда=туда, тудою противополагается как дальнейшее наречию туда.

„І скілько не коверзовали, то все було що не оне“ (Котляревский); „Хоть чоловік і не онеє, Та коли жінці, бачиш, теє, Так треба угодити їй“ (ibid., 93).

Онъ—наречие указательное в украинском: *он* хто, *он* що, *он* який,— як *он* де, *он* куди, *он* коли; русское *вон* кто (вот кто, указание на более близкое) и пр.; курское: *вóнын* (=вон он), вот он, *воно как* (пермское) вот как; *вона, вон*=украинскому *он,* т. е. там вдали (дальше, чем вот, украинское *ось*); *вонойка, вонойчка* (костромское); *воношка* (ярославское); *вон, вона; вонде, вондека* (пермское); *воноди* (ярославское, нижегородское) (вероятно, это—не именительный ед. ч. мужск. рода, а винительный средн. рода, на что и указывают такие формы, как *воно*); ср. старославянские *онъде, онъдѣ;* сербское *онђе, онде.* В старославянских памятниках *онъсь;* у Востокова *оньси* (онъ сей) такой-то; значение это не идет к Новгор. I лет., где ь вм. ъ по влиянию следующего мягкого *си.*

Русское областное *ано* (из а-оно, см. ниже чешское, польское ano). „Ано погоди я сам схожу“ (по Далю = или, либо; этимологически — а вот); „*ан* хвать в карман, *ан* дыра в горсти“ (украинское аж, см. ино — п. е и чешское, польское ano); *анно*, откуда *ально* (см. *ильно* под ино — п. е) из анъ, ано, так что *оно* здесь 2 раза, *алны*, *ални*, *альна*, *альни* (с неясными *ы* и *и* на конце), *ажно* из *ажно оно* (все со значением = анъ, ино — п. е).

Ино и пр. „А дѣтей [обезьяны] родять много: да которой родится не въ отца, не въ матерь, *ини* тѣхъ мечють по дорогамъ, ины Гондустанци тѣхъ имають“ (Афанасий Никитин — Летописи, VI, 335); „а въ воротѣхъ сѣдятъ по 100 сторожевъ да по 100 писцевъ кофаровъ: кто поидеть, *ини* записывають, а кто выйдетъ, *ини* записывають“ (ibid.); „А кто у нихъ умреть, *ини* тѣхъ жгуть... А ясти же садятся, *ини* омывають рукы да и ногы, да и ротъ пополаскывають... А у жены дитя родится, *ино* бабить мужь“ (ibid., 337); „а книгы есмя взяли съ собою съ Руси, *ино* коли мя пограбили, *ини* ихъ взяли“ (ibid.); „Били намъ чоломъ... и... листъ брата нашого... передъ нами вказывали и били намъ чоломъ, абыхмо имъ на то нашъ листъ дали и потвердили то нашимъ листомъ. — *Ино* (= и оно, и вот, без противительной силы) мы... дали имъ на то сесь нашъ листъ, и потвержаемъ имъ“ (Акты Зап. России, II, 2, 1506 г.; ср. ibid., 3, 4, 5, 7).

Рядом с этим *оно* как синоним ото и осе. „Аже... князь нашь тако сдумалъ съ нашими крестопереступникы, *оно* имъ..., а князь безъ грѣха“ (Новгор. I лет., 55, 36). Польское ono, onoż = oto, on tam.

То же *оно* употреблялось в значении указания на в р е м я. „Како (как же) мя хотять яти? а *оно* (недавно) мнѣ цѣловавше крестъ“ (Лаврент. лет., 110, 13; NB. ibid., 84, 9).

Западное украинское *оно* только переходит от основного указательного значения к значению противительного союза *но* (ср. *ино*), и здесь отличаясь от *то*, которое в чистом виде такого значения не имеет: „Вороз то щэ й не вéльми велики, *оно* вјецер... як огнем смалйт“ (Этнограф. сборн., III, 86); „Злои моцы медяная куля не озьме, оно срыебна“ (ibid.); „Почали мижи собою аж сперацисе, сварицисе, й *она што* (только что), соколе, за чубы не побралисе“ (ibid.); „Пиў бы буог ведае докуоне, коб оно (если только, лишь бы) было за што“ (ibid.).

В следующем галицком выражении *ано* вм. *оно* (= но): „Тогди не било неба, ні землі, Ано лем (лишь) било синое море“ (Головацкий, II, 5). Из двух примеров у Даля, в первом *оно*, повидимому, = вот, только („как оно подумаешь, так и не знаешь, что делать“; у Даля ошибочно — о сем, об этом, о том); во втором — может быть н е д а в н о, в о т: „я *оно* говорил тебе“ (ошибочно; = говорил то, это).

К *вонъ*. Сербское „ево мени ето тебе, а *ено* ему *ано*“. „Бяше же Новгородьцевъ мало, *ано* [следует объяснение, почему мало] тамо изъимано вячьшіе мужи, а мьньшее они розъидошася, а *иное* помьрло голодомъ“ (Новгор. I лет., 33, 37); „Кто съ запасомъ живетъ... ѐства запасная же. Ино всегды гóстя не-соромъ: хотя пиръ, — нужново чево прикупитъ, *ано* [вариант — ажно]... всего дома много“ (Домострой, 80).

Русское *оно-гда* и *оно-гды*, *оно-гда-сь* и *оно*[*г*]*дысь*, *оногдышко*, *она*-[*г*]*дысь*; с изменением *г* в *л* в пермском, вятском *онолда-сь*, *онол-ды*, *онол-ды-сь* (как местами в севернорусском — *колда*, *ковда* из *когда*), все со значением н е д а в н о, н а м е д н и в силу сложения с г д а. Польское onegdaj (с *j* эвфоническим, как wczoraj, dzisiaj) — старинное onegdy, чешское onehda, onehdy: а) вообще — намедни, недавно; б) в частности —

позавчера. Польское on-gi (устаревшее) — прежде, во время оно, недавно (по образованию — не ясно). Ср. ино-гда, оногдова, надысь.

Оно — только. „Ой пошла би я молоденькая з вамы; оно боюся здрадоньки міжы вамы“ (Сборн. Сев.-зап. кр., 149).

„Оно (только что) невіста под ворота [в ворота]. А свекорько судошає, з ручок серпика бере, а в ручки ведерце дає“ (ibid., 160).

Но. „Ци всім людям така біда. Чи но моя доля“ (ibid., 184); „вийди но(-ка) на двур“ (ibid., 185).

Оно — только. „Не споймалі долі, оно рыбу щуку“ (ibid., 194). „В хаті тихо. Оно діти сопуть“ [(Драгоманов, 63) (Подольская губ.)]; „почекай *но*“ (ibid.); „тепер такої (костомахи, кіньскої голови) б і не найшов, бо де но яке стерво, геть його приберуть“ (ibid., 65); „Всячина говорить, ми *но* не розуміємо того, а все на світі язик свій має“ (ibid., 75); „їденно... сам-но (только)... сидів“ (ibid., 80); „Оно гремить по льоху, як замкй спадають та двери одчиняються“ (ibid., 83) (Бердичевский у.); „Сідай же *но* коло мене“ (Головацкий, II, 317); польское siadaj-no-ka.

А онъ = относительному который (ср. чешское ani etc.). „Славляне въ доспѣсѣ подсѣли бяху и розгониша Зарѣчанъ, *а они* безъ доспѣха были“ (Новгор. I лет., 87, 7, 8).

А но = а то, а другое, остальное: .. „Пѣти и кланаті до з҃. то є҃ не все за сѧ, но г҃ıмı ча҃ за сѧ. а но все за кр҃тьıанъı ї за кна҃“ (XIV в., Буслаев, Хрест., 484); „Или Русьскыи гъсть свои тъваръ дасть въ дългъ... Немьчичю. а нъдъ [анъ да?] дълженъ боудеть инемъ. Роусьскомоу же гъстьи на передѣ възати“ (1230 г., Срезневский, Памятн., 223).

Анъ. „а что ся учинитъ межи насъ Князей каково дѣло, ино съѣдутся Боярѣ наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ: а не уговорятся, *ини* [sic! = и они] ѣдутъ на третий на Князя на Великого на Ольга; на кого помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отъдастъ. А чьи судьи на третий не поѣдутъ, или на кого третий помолвитъ, *анъ* взятого не отдастъ; то правому отняти, а то ему не въ измѣну“ (1368 г., Собр. гос. грам., I, 48, № 28); „А о чемъ судьи наши вопчии сопрутся, *ини* ѣдутъ... на Князя Великого на Ольга“ [т. е. судъ] (ibid.); „а... что съ людей поимано... то ти все отъдати;... а не будеть исправы, *ини* возмутъ по целованью“ (ibid., 47).

1388 г.: „послати ми къ своимъ Намѣстникомъ, *ини* исправу учинятъ (ibid., 56)...; а тѣ хто взможетъ выкупити, *инѣ* выкупятъ; а не взмогутъ выкупити, *инѣ* потянутъ къ черныимъ людемъ; а хто не въсхочетъ тянути, *инѣ* ся земль съступятъ (ibid., 57)... А которая дѣла учинятся межи нами, и намъ отъслати своихъ Бояръ, инѣ исправу учинятъ; а о чемъ сопрутъся, *ини* ѣдутъ къ Митрополиту; а не будетъ Митрополита въ сей землѣ, *инѣ* на третей, кого себѣ изберутъ“ (ibid., 57).

Но после относительных (1389 г.): „а что ся останетъ золото или серебро, или иное что *но* есть, то все моей Княгинѣ“ (ср. — то) (ibid., 61); 1406 г.: „а вѣдаетъ тѣ села... дотоле Княгини моя, доколѣ... женится сынъ мой, а потомъ ина дастъ тѣ села сына моего Княгинѣ, своей сносѣ“ (ibid., 72); 1410 г.: „а что ся учинитъ межи моихъ дѣтей, *ини* отошлютъ своихъ Бояръ; а о чемъ сопрутся ихъ Бояре, *ини* идутъ передъ мою Княгиню (ibid., 74); а тѣхъ борътниковъ... (хто) не въсхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, *инъ* земли лишенъ (ibid., 74); 1433: А въсхочетъ сынъ Князь Семенъ ѣзъ себѣ забити на Волзѣ, *инъ* себѣ ѣзъ затепетъ ниже Городца...“ „...нам отослати... Бояръ, ини съѣхався учинять исправу; а о чемъ ся сопрутъ и *они* ѣдутъ на третей“ (ibid.).

Русское ономедни, онамедни, намедни, намедни-сь, онамедь, ономесь, ономнясь, то же, что оногдысь. Прилагательное

наменишьний. Сербское ономáдне (=на днях, недавно); откуда ономаднашни, ономадашни; хорутанское onomadne. Буслаев (Граммат., I, § 72, II) полагает, что ономедни — из оными дни. Нет сомнения, что здесь творительные падежи; однако, основываясь на сербском, можно предполагать не оными, а оныма дни. Ср. творительный множественного с окончанием творительного двойственного числа в украинском: „з усіма“ (Метлинский, 144), и не только двома, обома, но и трьома, чотирьма; в севернорусском — всекима, старыма и пр. В сербском во всех именах и местоимениях господствующая форма творительного множественного на *-ма*.

Быть может, вернее — Miklosich, IV, 162. Онамедни, nudius tertius; сербское онамадни — nuper, оновечери — nudius tertius vesperi — из местного productivity ономь дьни, ономь вечери.

Местоимение *онъ* в древнем языке = литовскому anàs — тот, другой. Из производных видно, что они, как и славянские, заключают в себе оттенок указания на дальнейшее. Andaĩ (=ондѣ?) — недавно, намедни, позавчера, anądien — недавно, anąkart — тот раз, anàpus, anàszal — по ту сторону, anąsyk — тогда, в тот раз. В санскритском от темы *ana* образуются три формы (творительного мужского и женского и родительного — местного двойственного числа), относимые к склонению местоимений idam — этот. Латинское ollus в olli, ollis в значении illi, illic, по Потту, уменьшительное с *ll* вместо *nl*, как belle — bene, asellus — asinus; с *u*- ul-s, ul-tra — по ту сторону (ср. выше славянские и литовские), ultimus (Bopp, Grammat., I, 33), а вероятно и ôlim (Pott, I, 299).

Инакій. Старославянское ин-акъ (из местоимения *инъ* и *акъ*; этимологически значащее: имеющий качество иного, иной по качеству); польское устаревшее inaki; живая сравнительная степень: inakszy; чешское jinaky, jinačši; хорутанское местное inak, inaka, inako, inači, inačėiši.

Наречие инако, иначе (ср. степень); старославянское инакъ, иначе; сербское инако, иначе.

Иногда. В силу *-гда*, образующего наречие времени, значит в иное время, т. е.: а) в прежнее, давнее время, некогда, olim; так и в старославянском; ср. польское, старинное in-gi, on-gi; польское inegdy, inedy — в другое время; чешское jen-dy, jin-da — некогда, давно и в другое время; б) по временам с перемежками, иной раз; так, в литературном языке и областном русском иногды, инолды; в украинском іноді (из „иногдѣ“ — Ипат. лет., 115, 3; 183, 13); в) ярославское, вологодское — инолды, иновды = может быть (ср. дальше ино в п. б), а отсюда — если: „иногды он спросит тебя об этом, так скажи“ — может быть, так если... то. Переход от „иной раз“, „порою“ к значению „может быть“, „вероятно“, „возможно“ встречается и в других случаях; неопределенность времени совершения события служит представлением только возможности (а не действительности), сомнительности события: так в польском czasem = порою, иногда, а затем и быть может: „czy niema tam czasem pana N.“; в украинском — часом, как усиление може: „може часом нема, так я дам“.

От многократного бывает — бывать — наречие быват (архангельское, вологодское, пермское). Бывать (новгородское) = может быть, вероятно, авось: „бывать он знает“, „бывать пойду“; в украинском — буває, бува усиляет значение може: „може, бува, не п'єте горілки?“ Таким образом, и вопрос относительно наречий времени егда, еда в старорусском и старославянском значит также быть может, если.

Ср. от неопределенности места к возможности события в украинском десь. „Поидоша по Днѣпру, нелзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ“ (Ипат. лет., 134, 32).

Донде (до он-дѣ): „посадиша й въ владычни дворѣ, донде увѣдають, кдѣ митрополитъ“ (Новгор. I лет., 67, 12).

Ин. Русское областное ин: ин год — иной год — архангельское. Обыкновенно иной обозначает не тот, другой; иной — иной; иной — другой; тот — иной; один — другой; йнный — костромское; иннай — калужское; украинское інший в сравнительной степени (см. под словом отъ, п. в); так и в псковском инний, под влиянием великорусского.

Старославянское инъ — alius, quidam (о значении одинъ см. отдельно); сербское ино (+ ин), и њ; хорутанское ini, польское inny. inszy; чешское jiný, jenšý.

Как связь значений инъ с онъ, так и существование прочных аналогий переходаs основного *а* в *и* в славянском делает несомненным мнение Боппа (Glosarium — под anyá; Bopp, Grammat. — в нескольких местах), что инъ родственно с санскритским anya. Однако вряд ли верно, что в инъ опущено окончание санскритского anya (Bopp, Grammat., II, 189); гораздо вероятнее, что в инъ этого суффикса никогда не было и что оно предполагает основную форму ana-s. Изменение *-а-* в *-и-* произошло через приставку эвфонического *-у-*, так что инъ из yanas, как местоимение из ya-s. Санскритское an-y-a образуется посредством суффикса *-ya-*; в силу этого суффикса оно должно бы значить относящийся до того (ana), свойственный, принадлежащий тому; действительно значит иной, другой, посторонний. Anya имеет сравнительную степень anya-tara — один из двух, превосходную anya-tama — один из многих, какой-нибудь; но и само по себе имеет значение сравнительной степени, и потому сочетается, как сравнительная степень, с ablativus — tvad akyac (praeter te alius) *ἄλλος σοῦ* — другой, чем ты; иной, а не ты. На этом основании в греческом при *ἄλλος* — родительный, в латинском при alius сравнительные частицы ac, quam (Pott, I, 43).

Поэтому же в украинском и сербском сравнительная степень інший, инћи вытеснила положительную, а в чешском, польском стоит рядом с нею, как равнозначащая, причем в украинском следует, как вообще за сравнительной степенью *од* с родительным „інший *од* мене“ (см. *от*), а в польском, кажется, возможно то же и при положительной: „inny ode mnie“ и, наверное, уместна сравнительная частица: „inny niż ja“.

По Боппу (во многих местах Grammat.) с anya тождественны равнозначащие: греческое *ἄλλος* (из *ἄλjος*, латинское alius, готское alja, древне-верхненемецкое слитное ali, например в ali-landi — иной страны, иностранный, откуда ново-верхненемецкое elend-miser. прежде — изгнанник (на чужбине — горе) (Pott, I, 302). (Ср. Pott, loc. cit.). Но по Курциусу и Шлейхеру (см. Curtius, I, № 524), слова с *-l-* относятся к другому корню *-ar- -al-* (Bopp, Grammat., I, 188, 189), ср. с anya, инъ, кроме *ἄλλος*, еще более близкое по звучанию *ἔν-ιο-ς* — некоторый (Curtius, I, № 426) удерживает это сравнение, устраняя *ἄλλος*.

Инъ (местоимение, переходящее в союз). Относительно союза ино — (Буслаев, Граммат., X, § 77), аналогичное с aber (Bopp, Grammat., III, стр. 483, и II, 143), греч. *ἀλλά* (ibid., III, 483). Миклошич (Lexicon) инъ ошибочно прочел вм. ино. NB. Следует различать относительно первообразное инъ, alius от местоимений с союзом, переходящих в союз (инъ, ина, ино, ини, инѣ) из *и-онъ, и она* и пр.

Верный признак перехода ино (= и оно) к чистому значению союза — сочетание его с местоимением *то*: „А что мои люди грабили Бояръ тво-

ихъ... ино то отъдати; а не отъдадутъ, ино тому судъ и исправа, опроче съѣстного“ (1433 г.; Собр. гос. грам., I, 101, № 49).

В Догов. грам. XIV и XV вв. обычная формула: „А кто будетъ тебѣ другъ, то и намъ (мне) другъ, а кто будеть тобѣ недругъ, то и намъ недругъ“. (И нигде *то* и не заменяется через ино.)

„Не иметъ слово, — ино ударить“ (Домострой, 67); „все бы сама государыня умѣла; ино умѣетъ и слугъ научити... и все сама знаетъ“ (Буслаев, Хрестом., 830); „а коли хлѣбы пекутъ... тогды и платя моютъ; ино с одного сьтрепня и дровамъ не убыточно“ (ibid.); „и ѣсти и пити съ благодареніемъ, ино сладко; а што впрокъ сдѣлано, ино мило“ (Буслаев, Хрестом., 824).

Ино — чтобы (Буслаев, Хрестом., 832, 22).

Ино — заключительное (ibid., 835).

Ино — русское (в украинском „іно нам“ частица сохранилась только в иносе; см. ниже).

а) Наречие (собственно винительный ед. ч. среднего рода): „ину пору, иной раз“; „не все в ус да в рыло, ино и мимо“; иное дело; „ино-б ты не знал, а то“; „иное дело, еслиб ты...“; „ино редь“ — как иной раз (вологодское); „ино мест“ — как иногда (владимирское).

б) *Ино — ино*, собственно иной раз то, иной раз иное, получило значение союза или: „ино он придеть, ино нет“ (курское); „чему тебя долго вечера нет, ино (следовательно) в тебя где привадушка есть“ (курское). Вернее, что здесь ино = может быть (см. инолды).

в) *Ино, ин, иноcь* — да, хорошо, ладно.

Ино в этом смысле ближайшим образом предполагает значение иное, не то, так что первоначально выражает согласие, как противоположение и замену предшествовавшего несогласия, как нечто другое сравнительно с этим несогласием; „ин возьми“ (а не то возьми, или возьми, пожалуй, возьми) предполагает, что перед этим думалось, или и сказалось: „не бери“; „ин так и быть“. Затем оттенок противоположения исчезает: „Пойдем ли? Инóсь“ (курское — пожалуй). Украинское „инóсе, дми собі, так сонечко сказало“ (к ветру, т. е., пожалуц, пусть так) (Гребінка). На увещания Эвриала: „Де общее добро в упадку, забудь отця, забудь і матку, лети повинность іcправлять“ и пр. Низ отвечал: „иносе“ (пусть так, пусть будет по-твоему) (Котлярéвский, 202); „Прости, пан оче! проступилась; я, далебі, дурна була. Нехай Еней сідла Рутульця... та тілько щоб латинське племя удержало на вічне время имення, мову, віру, вид“; „Инóсе. Сількисы! Як мовляла Юноні Юпитер сказав“ (ibid., 279).

г) Указание первоначально определенное, получает значение неопределенности в слитном *то, сь*: кто-то, где-то; украинское хтось, десь и пр. Еще ближе переход к неопределенности в ино от значения не то, другое. Ино — союз, в случае недоумения: „как ино у тебя дочь-то зовут?“. Пермское „как биш?“. Говорящий как бы устраняет приходящий на память ответ — ищет другого, и в этом отличие от сходных по значению выражений: как бишь? как там? украинское „тее то як его?“ (после вопросительной частицы).

д) *Ино-бы, иноб* — союз, близкий к *бы*, обозначает желание, как иное сравнительно с тем, что имеется перед глазами или думается: „иноб ты спать лег! Иноб тя розорвало! Иноб не было худа“.

е) *Ино* в северноруcских грамотах XVII в. и в современных русских говорах в смысле украинского *аж* („дивлюсь, *аж* він вже спить“); литературное *а*: „прислали детишки мои на Мысь (имя деревни) инò клетишко, а коей мы жили, заперта не по нашему“, „я искал тебя на рынке, а инò ты дома“ (Материалы, I, 137). Явственно значение иного, сравнительно с ожидаемым.

Русское *индо, инда, инды, инно, ильно* (ср. псковское, тверское, тульское „имянильник“) (последнее, вероятно, с диссимиляцией звука *ин*); *ильнак* (тамбовское) в значении так что, аж-но (это же *но* в инно); трудно предположить, чтобы инно—из индо, так как известно только изменение *дн* в *нн* (Потебня, 91), но не *нд* в *нн*. Но важно ин-но может быть из оно, как в сербском гдје-но, како-но, и как в сербском усиливает значение первой половины слова, не сообщая более определенного значения. Ср. чешское и польское ano. Частицы эти примыкают к ино в значении п. е, потому что подобно этому ино, в украинском заменяются через *аж*; „крикнул инно в ушах зазвенело“ (украинское „аж в ухах залящало“). Особенность значения индо и пр. сравнительно с *аж* состоит, кажется, в том, что он изображает действие,— переходящее известные пределы, — иным, противоположным тому, каково оно было до этого; в *аж* этой противоположности не видно. NB. индо, быть может, не *да* как в когда, а предлог *до*, как в украинском *аж до* = usque ad. „Будетъ... ино“ (Домострой; Буслаев, Хрестом., 833, 7—18); „как... а то“ (ibid., 833, 26 сл.).

ж) *Ино*, начиная не позже, как с XIII в. и доныне, в русском есть союз заключительный. В старинном языке он отвечает условному оже, аже, а иже, в современном если, буде и стоит на месте союзов.

аа) *а, и, а то* — в старинном, *то* — в современном. „А иже ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру“ (Новгор. I лет., 83, 32). Современное „сам приглядывай, ино скоро будет“. Буслаев (Граммат., II, 325) замечает, что союз этот собственно означает нечто другое, иной случай, оказавшийся вследствие предположенного условия. Точнее было бы сказать: иное, сравнительно с тем, что представляется условием, — собственно в ино вовсе не заключается мысли о следствии. В оже-ино прямо указывается на условие и следствие, как на явления друг подле друга. Поэтому в современном языке ино может стоять и перед условием: „а ино (= не равно, если) онъ придетъ?“ (Ипат. лет., 124, 20; 127, 14).

Союзам *оже — ино, оже — то* часто соответствует *а — и*, например в Грамоте 1423 г. (Собр. гос. грам., I, № 41): „а перемѣнитъ богъ Орду, и Княгини моя емлетъ себѣ ту дань“ (ibid., 81) и в других местах. Часто плеонастично с точки зрения современного языка: „тѣ волости и села — княгинѣ моей, а по ее животѣ — ино сыну моему“.

бб) На месте союза противительного (отличного по происхождению) *но, но и*: „Не давай ты, боже, зимовьи службы... ино дай ты, боже, весновую службу“ (Песни, записанные Джемсом, 1619 — Пам. и обр. нар. яз., 9, 10); „хочетъ [Гришка Отрепьев] постритчи...; ино мне постритчися не хочетъ“ (Буслаев, Хрестом., 1034).

з) *Ино* — союз, в начале речи, — с точки зрения книжного языка плеонастическое, но находящее соответствие в украинском песенном *та*, русском *да, и, а, и*. Союзы эти, хотя и начинают речь, могут рассматриваться как соединительные, связывающие речь с предыдущей мыслью, а, в частности, начальное ино — как связывающее посредством отличения, обозначения, что следует иное: пример из песни, записанной Джемсом: „Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося: съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили“ etc. (Буслаев, Хрестом., 1033). Иногда ино в середине речи = плеонастическому *да, и*: „Охте мнѣ молоды горѣвати, что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ ино Гриша Отрепьевъ ростригa“ (ibid., 134). Хорутанское ino = *и* (союз соединительный).

NB. Польское и чешское ano, верно объясненное у Линде и Гатталы (Hattala, Srovnávací, 84) из *а* и *ano*, и ошибочно у Юнгмана из *а* и противительного *но*, в некоторых значениях сходится с русским ино,

но только повидимому. В чешском ano — не только не изменяемая частица, но изменяется по родам и числам в им. пад. — ana, ano; мн. ч. ani, any, ana и согласно с этимологиею почти во всех случаях своего употребления может быть передано через русское а он, а она и т. д.

Ср. польское „mniemaby dobrzę, ano (украинское аж воно, русское ино) zle będzie“; чешское „to se zdá, by bylo ano (а воно) nie není“, чешское ano = da, например „viděli ho? — Ano“ (ср. ино, п. в). Разница здесь между ино и ano, как между онъ и инъ.

Резкая особенность ano — сравнительно с ино — та, что первое с личным глаголом стоит там, где могло бы употребляться местоимение относительное или союз что с личным глаголом, или же прямо причастие. См. русское ано, ан под он. Хорутанское ano — schon lange, ja wirklich; русское ано — утверждение, удивление.

Оно — указание на предыдущее = то. „Донеси ону чашу златну, Штоно сам je скоро куповао У бијелу Варадину граду“ (Караџић, II, 183). „Што не пијеш златну купу вина, Штоно ти je поклонио Лазо?“ (ibid., 184, 185).

И — местоимение, превращающееся в союз и наречие. Иже без согласования в роде и падеже:

1) = союз что (в смысле который, которая, которое). „Якоже молонья, иже на небесѣхъ“ (Лаврент., лет., 19, 8); „да часть его, сирѣчь иже (= что) его будеть по закону, да возметь ближній убьенаго“ (ibid., 14, 20); в следующем хотя иже, повидимому, согласуется с подлежащим во множественном числе, но в сущности = что: „иже бѣша жили черньци преже въ печерѣ, а отъ того, прозвася Печерскый манастырь“ (Лаврент. лет., 68, 32); однако ср.: „конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети“ (ibid., 16, 18).

2) = так что: „наполни до вьрха [скудельницу мертвыми трупами], иже бысть въ ней числомъ 3000 и 30“ (Новгор. I лет., 46, 25).

3) = ежели, есть ли (старинное аще, ащели, оже, еже): „А о головахъ, иже ся ключитъ проказа, урядимся сице“ (Лаврент. лет., 14, 15); „иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ“ (ibid., 100, 16); „а иже ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру“ (Новгор. I лет., 83, 30). К этой форме примыкает польское *iż* = *że* = что, так что; *iż by* = что бы.

Еже и оже. Оба случая рассматриваем вместе, потому что второй есть только русская форма первого, как осе = есе, одинъ = єдинъ и пр. Собственно именительный, винительный — ед. ч. среднего рода.

1) Союз = что в смысле относительного местоимения в различных родах, числах и падежах. „Идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское“ (Лаврент. лет., 10, 28); „погребоша и на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское“ (ibid., 10, 10); „возми дань, еже хощеши“ (ibid., 30, 20); „се не добро, еже малъ городъ [т. е. мало городов] около Кіева“ (ibid., 52, 17); „вдасть Казимиръ за вѣно людій 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ“ (ibid., 67, 6); „А о сихъ, оже (в других списках иже), то приходять Черніи Болгаре... велимъ...“ (ibid., 22, 6); „а се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы“ (ibid., 103 4); „разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю“ (Новгор. I лет., 4, 33); „Судилу, Нѣжату, Страшка, оже бѣху бѣжали изъ Новагорода“ (ibid., 9, 13); „а посла сынъ свои Ростиславъ, оже тои преже былъ“ (ibid., 9, 15); „учювъ Гюрги, оже въмалѣ шли, и посла...“ (ibid., 11, 4); „услышавъ оже идуть на нь, иде“ (ibid., 14, 9); „узрѣвъ.. оже хотять“... (ibid., 38, 15); „то ми былъ богъ далъ, оже ся есте сами зажгли“ (Ипат. лет., 16, 27); „тому есмъ радъ, оже вины моеи нѣту“ (Новгор. I лет., 37, 14).

2) Союз = так что, как и само что = що, употребительно в смысле так, что: „лють бяше путь, оже купляху по ногатѣ хлѣбъ“ (ibid., 5, 9); „бысть дорогъвь, оже купляху по двѣ ногатѣ хлѣбъ“ (ibid., 19, 34); „мьртвьци по уличамъ и по търгу, и по мосту по великому, отъ пьсъ изъѣдаемы (-ми), оже не можаху погребати“ (ibid., 47, 22).

3) Союз = так как; потому что (ср. що = потому что: „не пускає мати, що я молода“): „лучше ны бяше въ Еюптѣ, еже ядяхомъ мяса, лукъ и хлѣбы до сыти“ (Лаврент. лет., 41, 4); „возропташа на Моисѣя и Арона, еже не бысть воды“ (ibid., 41, 8); „Недостоинѣ есть сталъ [Климъ митрополитъ], оже не благословенъ есть отъ великого сбора, ни ставленъ“ (Новгор. I лет., 10, 33); „по неволи есмь хрестъ цѣловалъ къ Изяславу, оже мя былъ оступилъ въ городѣ, а отъ васъ ми помочи не было“ (Ипат. лет., 37, 7).

4) Союз = если (условие, причина идеальная, между тем как выше, п. 3, — действительное основание события): „оже намъ нѣту Исаковиця... да луче ны есть умрети“ (Новгор. I лет., 28, 5); „княже, оже нѣту вины его, ты (вариант — «а ты») къ намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа не лишити“ (ibid., 37, 16); „оже ти не угодьно дьржати Новагорода сыномъ, а вьда[-и] ны братъ“ (ibid., 38, 33); „оже, мы... симъ не по́може мъ, тъ [то] си имуть предатися къ нимъ“ (ibid., 40, 3); „оже ти, брать, не досити волости, всю землю Рускую дьржачи, а хощеши сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость“ (Ипат. лет., 16, 17 = Лаврент. лет., 134, 16; ср. Ипат. лет., 53, 15; 55, 21, 22 и мн. др.; вообще весьма часто). В современном языке что = що в этом смысле не употребляется. „Оже богъ дасть, то... пойдемы“ (Ипат. лет., 62, 10); „но же“ (= но оже) (ibid., 120, 31).

В сочетании с *бы*: „оже бы пришелъ толико съ дѣтьми, то которая ему волость люба, ту же бы взялъ; но оже на мя Половци привелъ и ворогы моя Олговичѣ, то хочю ся бити“ (ibid., 43, 5).

Случайно не нахожу в этом смысле формы еже: но что она была очень употребительна, видно из современного ежели (= старому оже). Буслаев думает надвое *е-же-ли* — или „из *есть*, *же* и *ли*; или из местоимения *еже*“ (Граммат., I[2], стр. 166, § 77). Верно второе объяснение, так как имеется в том значении не только еже = оже, но и иже, иже-ли и так как в иначе составленном есть-ли *-ст-* не опускается. Так и в польском следует отличать jeżeli, jeżli от jeśli.

С еже ср. старопольское, старочешское и словацкое *ež* (где опущено *-e* конечное) и польское, чешское, словацкое *že*, лужицкое *žo, zo* = латинскому quod или accusativus cum infinitivo: že pojechał = eum profectum esse. Это *že* следует отличать от общеславянской частицы *же*, не заключающей в себе местоимения; чешско-польское *že* (= что) есть местоимение относительное среднего рода, соответствующее указательному *to*: „vim (to), že mi prejž“ etc. и произошло из употребительного еще в древнейших чешских памятниках je-že или посредством перестановки *ež* (из jež-*e*) (так Hattala, Kratká, 44), или таким образом, что первая и существенная половина этого слова (je) потерялась.

Же = оже, что несвойственно русскому языку; однако в Ипатьевской летописи: „вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома, же дотолѣ ити“ (135, 6); встречается в галицких наречиях украинского языка: „Ой солодка, файна рибко, дорогій кристалю, кажуть люде, ож тя люблю, то я ся не таю“ (Головацкий, II, 754); „Журилися сусідочки, журилися люде, ож на моїй головочці віночок не буде“ (ibid., IV, 488); „Коли мь ходив до білявки, падав єм із лавки, Коли мь падав, такем гадав, ож єм у білявки“ (ibid., 492); „А я собі погадала, аж (собака) бреше на вовка“ (ibid., 500).

Аже (из а оже), как ано (из а оно).

1 = оже в первом значении (= что): „не вѣдяше бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти“ (Новгор. I лет.); ажь = а что (Ипат. лет., 146, 27, 28, 30; 142, 27; 136, 37; 135, 3).

2 = оже в четвертом значении (если) „аже (и аще) кто помолиться... то услыши“ (Лаврент. лет., 53, 24); „аже ны не даси, а намъ о себѣ поискати“ (Ипат. лет., 18, 24; ср. ibid., 50, 9; 55, 24; 56, 30 и мн. др.); „аже выбѣжать къ вамъ, а біите ихъ“ (Новгор. I лет., 40, 11); без соответствующего союза: „аже Онанья лишится посадничьства, язъ вамъ гнѣва отдамъ“ (ibid., 55, 38; 55, 36 и др.). Иногда в форме яже, где j — эвфоническое: „яже буду пороженъ, а самъ поиду“ (Ипат. лет., 45, 17).

В соединении со спрягаемым быхъ + причастие на -лъ, а потом — с союзом *бы*: „ажъ (= аже) быхомъ что тако оучинила: того бъ не дай, аж бы промьжю нами бои былъ“ (Договор Мстислава с Ригою 1229 г. — Акты р.-лив., 422); „аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ“ (Слово о п. И.); „аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то же бы створилъ“ (Ипат. лет., 16, 97).

Сюда примыкает русское областное (тамбовское, пензенское, тверское) ажбы — если бы, хоть бы, и польскоеażeby (= a by, iż by) — что бы. Словацкое až bich = ažbi sem, ažbesi = ažbis, ažbisme, ažbiste, ažbi — чтобы; в чешском ažbych, ažby имеет значение аж, п. 3 (= donec). В словацком само по себе až = аже, п. 2 (= si quodsi).

3. *Аж* украинское, чешское (старое aže), словацкое, польское. В русском общелитературном языке эта частица, к сожалению, не употребительна и лишь отчасти заменяется описаниями. Буслаев (Граммат., I², § 77, стр. 166) объясняет ее ошибочно, как союз (она может быть и наречием), сложенный из союзов *а* и *же*. На самом деле она этимологически равна аже в двух первых значениях, состоит из *а* + *о-же* и удовлетворительно объясняется сравнением с даже, доже, ано, анъ (см. эти слова: первые два — ниже ано под онъ).

1) а) Наречие, означающее: а) что предел действия в пространстве, выраженный предлогом с именем или наречием, есть крайний: „повіз аж у Липці; був аж у Києві, аж до Києва; аж під... аж за... аж від...“ В литературном языке здесь стоит даже перед предлогом или самый перед именем: даже до Киева, до самого Киева; но в украинском аж не делает лишним местоимения самый: „аж до самого попа; аж до самісінького Києва“. В латинском точно так же usque с винительным без предлога или при именах с предлогами *ad*, *a*, *ex* и пр. не заменяет ближайшего определения крайности предела: usque ad extremum finem = аж до самісінького кінця; аж ось де, аж он де, аж он куди, аж он відкіля переводятся: вот-где, вот-куда, с опущением важного оттенка мысли. б) То же самое в применении ко времени: аж до року, и пр. в соединении с наречиями: аж досі, аж поти, аж поки, например: „підправлятиму, аж поки до кінця доведу“ — до самого того времени, когда, пока не доведу; есть украинское „поки не доведу“, причем аж не выражено; аж он коли. в) То же в применении к количеству: „пригнав аж п'ятеро скоту; було в мене аж трое; адже ти бачила, що й за шапку (т. е. выкупая шапку на свадьбе) та выкинув аж гривеника“ (Кв.-Осн.). В общелитературном языке этот оттенок выражается тоном речи, т. е. языком не выражается; даже здесь неловко.

2) Аж как союз: а) при сказуемом придаточного предложения, само по себе, или в соединении со що (що аж) значит, что действие или состояние, выраженное придаточным, есть крайний предел, последний результат действия или состояния, означенного в главном предложении.

Приблизительно соответствуют ему в литературном языке союзы: так... что; ita—ut, eo usque, ut; so—dass. Вполне заменяется русскими областными ажно, ально, анда. Первое из этих сродно и по происхождению, так как состоит из аже (=украинскому аж) и оно: „Плив, плив, плив, він, що аж так долго... що обридло“ (Котляревский); „дув, дув, аж потом весь облився“ (Гребінка), „висохла земля, що аж пил иде“ (Кв.-Осн.); „гарна, аж (що аж) очі на себе бере; хочеться, аж жилки дрижять, аж слинки потікають, аж страх“. б) К этому примыкает украинское аж (и чешское и польское) в значении как вот; чешское ahle; ecce, vero; siehe da, причем часто перед глагольными междометиями и после них: „Еней по берегу попхався, и сам не знав куди, слонявся, аж гульк! у город причвалав“ (Котляревский); „аж зирк! и пізнала свойого Василя“ (Кв.-Осн.); „аж ось двери рип! и Василь у хату“ (Кв.-Осн.); „тіки — притіки, аж ось и проводи“ (Кв.-Осн., I, 84); „аж тут хазяин шасть у хлів!“ (Гребінка); „чоловік біля багаття грівся, той покинув його, аж ось, не знаю я того, як сірий вовк тут опинився“ (Гребінка); „ой пішла вдова та пшениці глядіти, аж там вивела перепеличенька діти“ (Метлинский, 358).

Аж может совсем не ставиться: „підійду я під віконце: мати куліш варить“. В русском простонародном = *ан*. Аж означает здесь неожиданный поворот мысли, произведенный новым восприятием, представляемый конечным явлением в ряду предшествующих (= глядь!): „розглядів хорошенько, аж зовсім він“ (Кв.-Осн.).

Неожиданный поворот мысли может противополагаться прежнему ее течению, и аж получает значение союза противительного, как и русское *ан*: „буцім то й правда, аж воно зовсім брехня“. „Не бійтесь—він [дуб] гукнув.— Того я і жахався, як з топорищами сі (сокири) навісні прийдуть. Аж (= но) дерев'яний рід жаліза одцурався“ (Гребінка). Ср. в старом русском: „а сказывали, что литописець Лѣсицкой добри сполна, ажо не сполна“ (Новгор. II лет., 169, 31). [NB. Значения частицы аже и сравнение с *ано*, *анъ* показывают, что местоимение в основном а оже имело значение указательное (*а то*), а не относительное]; „въѣждаю на новый дворъ, ажно жъ выходзиць ацецъ мой“ (Виленский сборн., I, 4). Сербское „изиђем на поље, а то моj коњ стоjи ђе сам га и сjао“ (Караџић, Припов. 1821, 27). *А оно* см. Караџић, Рjечник. Аже из а оже = а что: „въ тѣ поры молодецъ озирается: а что сняты с него драгіе порты“ (Буслаев, Хрестом., 1371). По этому и само оже обозначает тоже: „[Псковская рать] поѣхаша на сумежье; и срѣтошася съ великою Нѣмецкою ратью на Мекузицкомъ поли, оже они ѣдутъ на стояніе къ Изборску“ (1341 г., Пск. II лет., 13, 3) [и аже: „послаша Псковичи ко князю... аже онъ стоить у городка у Опокы“ (ibid., 12, 8). Соболевский где-то говорит, что аже = *а + же*. „Остафей князь подъимя Изборянъ... поидоша въ помочь Псковичемъ: оже Нѣмци стоятъ на Завеличьи“ (Пск. I лет., 184).

Ажъ. „Пріѣхаша в домы своя, аже домове ихъ и земля ихъ вся плѣнена“ (1265 г., ibid., 181); „Малъ ча̑ порадовахсѧ ѡ҃ васъ ча̑, видѧ вашю любовь и҃ послушание҃ къ нашеи худости и҃ мнѧхъ, ꙗко оуже оутвердистесѧ... а е҃[е] (собственно *а же*) е҃ще поганьска̑ ѡ҃бычаꙗ держите̑ волхвованию вѣруе̑“ (Серапион, список XIV в.—Буслаев Хрестом., 496).

Оже, аже = украинскому аж. „Князи же вси съѣхавшеся съглядаша полковъ своихъ, оже... вси сдрави быша, развѣ бо изъ всихъ полковъ два убьена быста“ (1170 г., Ипат. лет., 98); „да аще богъ не дасть въ обиду человѣка проста егда начьнуть его обидити, аже онъ своеѣ матери дому“ (1381 г., ibid., 104); „и текоша позоровати его, оже нѣтуть [аж нема], идѣже его отошли убивше“ (ibid., 113).

Сербское *а то*. „Кад дођоше на воду Кусиду... А т о (аж дивляться...) Турци ватру наложили" (Караџић, Пјесме, IV, 29); „Усмотрел ли старыя казак да Илья Муромець, А т о едут ли бога́тыри чисты́м полем, А т о едут ведь да на добры́х конях" (Гильфердинг, 457).

О ж е = а ж ъ. „И преехавше Голомя [море], — о ж е муж в водѣ"; „И вынаше ко́сть и́с крови [в которую ее омочили], ѡ ж е кость бела, ꙗкы была и пе́рвое" (Палея, 1494 г. — Пам. стар. р. литер., III, 57). Старопольское awo (= а ово) gesm (Biblia Zofii, 25); а ж ь — если: „а ж ь вамъ любо, ѣдите къ намъ" (Ипат. лет., 142, 9); „а ж ь вы годьно, а ѣдѣте къ намъ" (ibid., 142, 10).

Аже = а то? „поѣдь прочь, а ж е будеть ти каменемъ въ чело" (ibid., 199, 11); „поѣди, княже, прочь; а ж е ли добудемъ сорома" (ibid., 46, 35); „да аще богъ не дасть въ обиду человѣка проста, егда начьнуть его обидити, а ж е онъ [богъ] своеѣ матери дому?" (ibid., 104, 33).

Ажь = когда (ср. польское, чешское): „а ж ь срѣтоша ихъ, почашася съ ними стрѣляти" (ibid., 140, 33).

Аже (ср. украинское аж). „И тако стояху межи собою [так близко], яко а ж е (= что даже, що аж) Изяславлимъ сторожемъ зрѣти бяшеть на Галичьскіи огнѣ, а Галичьскимъ сторожемъ зрѣти бяше на Изяславли огни" (ibid., 55, 9).

А ч е. „А ч е по тя и прислета братья, не ѣзди къ нима" (ibid., 25, 9); „а ч е вы ся сътрудите (устанете), а я пакъ чѣлъ приду къ вамъ и стану около его, а вы домовъ поидете" (ibid., 26, 4); „а ч е самъ утечеть мене, а жену и дѣти отъ него отъоиму" (ibid., 27, 25); „аще быхъ вѣдалъ, оже сяко сему быти, то а ч е бы ми и далече того блюсти отслати, а моглъ быхъ Игоря съблюсти" (ibid., 35); „Княже! ать же поидемъ, и всяка душа, а ч е и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будеть, и тъи пойдеть (= пусть идет); а кто поставленъ, ать бога молить" (ibid., 40); „Аче ти мя убити, сыну, на семъ мѣстѣ, а убій, а язъ не ѣду" (Ипат. лет., 49, 35); а ч е = если (ibid., 53, 14); а ч е (то же; ibid., 55, 4—7; 58, 2; 61, 14); „да а ч е" (= если) (ibid., 76, 9); „да ч е" (ibid., 56, 4).

А ч и (*а чи*) = если (ibid., 57, 26; 58, 7; 92, 15).

Ч и = как, если (Буслаев, Хрестом., 645, 16).

Яко. „И сдумаша я к о изгонити князя своего Всеволода" (Новгор. I лет., 7, 13); „и яко услышано бысть се, я к о (= что) Всеволодъ Пльсковѣ... и мятежь бысть" (ibid., 7, 32); „Высылаху къ нимъ Югра льстьбою, рекуще тако: я к о (= ч т о) копимъ сребро и соболи"... (ibid., 21, 26); „Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, я к о не вынидетъ" (ibid., 26, 19).

Н о л и. „И еще бе-скымы (без схимы) есмь, помышлялъ есмь въ себѣ; ноли къ старости тоже ся постригу н о л и буду лучій тъгда; нъ худъ есмь и боленъ" (Калайдович, Памятники, 174) „Всѧкомꙋ дворѧнинꙋ тѣ имѣти чть и млть ꙋ кнзѧ. но ли ёму мыкатисѧ. послѣдꙋюче в скорбехъ, ѧко ѡколо тꙋра с топоро, аки, по бѣсе с клобубо, то може доро видети, никто може неѡпери стрѣ право стрѣлити. ни лѣностию чти добыти" (Моление, 116),

Же. *Же* как частица, усиливающая повеление. „Посадяче его на престолъ поидѣте же къ Іерусалиму" (Новгор. I лет., 27, 1). В грамоте рижан к витебскому князю Михаилу Константиновичу около 1300 г. (Акты р.-лив., № 49) *жо* = *и*: „выскочивше г҃ черньчи, ж о четвертыи человѣкъ ныи с ними, ту его емъшо били и рвали... поехалъ изъ Витебьска у Смольнескъ, попустилъ *жо* у розбойникове клети волкы ж о овчины на е҃ серебра... не ведя его к тобе, княже, ж о к собе в ыстобъку".

Же = также: „царь... подаетъ имъ кубками и ковшами питья, и потомъ и царица подаетъ ж е" (Котошихин, 9); „За тѣ денги... сю поступную

отдалъ, а что на тотъ островъ и пожню... есть старыхъ крѣпостей и купчихъ... и тѣ всѣ крѣпости отдалъ же имъ" (Акты юридич., III, 5, 1673 г.).

Доже, даже.

Доже (старое из *„до-оже"*), *даже* (из *до-аже*) — то же самое, что украинское и пр. *аж до,* старорусское *ажь до* — предполагают уже то значение частицы *оже, аже,* которое в украинском *аж.*

1) первая составная часть в *доже* есть не союз *да,* а предлог *до*; это вероятно из того, что в противном случае из *да оже* (а тем более из *да аже*) вышло бы *даже,* как из *а оже,* то здесь, наоборот, первая гласная уподобилась второй.

Наречие *доже* (= даже) *и до,* с повторенным предлогом *до,* = старорусскому *ажь до,* украинскому *аж до.* „И оттудѣ доже и до Днѣпра" (Лаврент. лет. 2, 13); „поплѣниша землю Фрачьску и Македоньску доже и до Селуня" (ibid., 11, 3). В старославянском *доже, дожи и до, дожи до,* — usque ad, по верному предположению Линде, из *доже* и *до*; сербское *дори до* (с *р* из *ж*); болгарское *дори,* сербо-хорватское *дери* = *ad, доже* в одном месте без *до.* „Варязи, Свеи... Веньдици, Фрягове и прочіи; доже присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ хамовымъ" (Лаврент. лет. 2, 20).

Дажь и до (из даже): „отъ Госпожина дни дажь и до Велика дни" (Новгор. I лет., 85, 23); „отъ велика дажь и до убога" (ibid., 87, 35). В современном русском *даже до* = украинскому *аж до*; *даже* (без до) = *инно, инда, ально*; украинское *аж,* польское *nawet* (предел, крайность действия и качества), старославянское *даже — до* (= usque ad): даже отъидѫть когда — až adeydą; даже не пріидеть пока не...

2) *Даже, дажь* — союз, сложенный из союза *да* и *оже* или *ожь* с значением союза если. „Даже еси, братъ, тако створилъ, прости мене, а се твое царство" (ibid., 27, 7); „даже буду виноватъ, да буду ту мертвъ" (ibid., 37, 3); „дажь что зло съдумавъ... а побѣглъ" (ibid., 44, 23); „дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна (= свободны), а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь" (Ипат. лет., 58, 9); „дажь еси реклъ: «моложьшему ся не поклоню», да се язъ тебе старѣи есмь не маломъ, но многомъ»" (ibid., 61, 16); „даже ны богъ поможеть, а ся ихъ отобьемъ, то ти не крилати суть; а перелетѣвше за Днѣпръ сядуть же" (ibid., 60, 29 и др.).

„Даже бы была рать, билися быхомъ" (ibid., 132, 34); „Дажь не могуть ся хабить [лихвы], то рци имъ: будите милосерди" (Калайдович, Памятники, 174). В современных русских наречиях потеряно.

3) *Дажь,* сложенное из союза *да* (= *ать,* современное *пусть, да*) и союза *же.* Предположить здесь сложение с *оже* или *аже,* как выше, было бы неуместно. Или же возможно такое значение из *да* и *оже* в смысле *что.* Значение = *да, ать.* „Поѣди, дажь изъмремъ честно за святую Софію" (Новгор. I лет., 62, 14) (по Академич. списку; в Синод.: „поѣди, ать..."); „оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте, или ваши къ намъ, такоже имъ сътворимъ, дажь не польстять промежю нами" (Новгор. I лет., 79, 17); „пошлѣте на съѣздъ свои философъ, азъ послю свои философъ, дажь поговорять про вѣру" (ibid., 83, 29). В современных русских наречиях потеряно, в наречиях других славянских языков тоже не встречается.

Понѥ, понѥже — старорусское.

Первое — из *по* + ѥ (винительный ед. ч. среднего рода местоимения) с эвфоническим *-н-*; второе — из *по* и *ѥже,* собственное значение = *по что*: ср. сербское *пошто* (= postea quam).

а) *Поне, понеже* = *с тех пор, как; после того, как.* „А отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до первого лѣта Игорева лѣтъ 31"

(Лаврент. лет., 8, 5); „аще ускочить челядинъ отъ Руси, по не же придуть [Русь] въ страну царствія нашего, и отъ святаго Мамы, аще будеть, да поимуть й“ (ibid., 21, 14); „а се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и до... лѣта по сту уганивалъ“ (ibid., 104, 32); „не подобашеть бо таковому силну дому [монастырю Печерскому] поне [по смерти игумена] единъ часъ безъ пастуха быти“ (Ипат. лет., 126, 20); „да аче стрый придеть на тя Дюрги, поне ты ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити“ (ibid., 76, 9); „Ти будеть время печально, якоже не бысть, понеже [с тех пор] языкъ [люди] на земли до рода того“ (Калайдович, 48).

б) *Поне, понеже* = *так как, потому что.* Как в *потому*, так и здесь propter hoc представляется как post hoc, с явственным психологическим основанием. „Аще бо князи правдиви бывають, то много отдается согрѣшенья земли той, поне то есть глава земли“ (Лаврент. лет., 161, 30); *по не же* = *так как*, passim; со значением условия: если; „никтоже васъ не можеть вредитися и убити, понеже (= если) не будеть отъ бога повелѣно“ (ibid., 105, 9).

В современном литературном языке устарело. В старославянском *понѥ* и *понѥже*, чаще в значении п. б. Старочешское ponidž — пока, dum — образовано из *понѥ* в значении п. а, приставки *д*, образующей наречия и предлоги (*ка-д, та-д, на-дъ, по-дъ*), и союза *же*; старочешское poňadž — quia из *понѥ* в значении п. б, суффикса *-ad-* (od-on-ad) и союза *же*; чешское poněvadž, poňavadž — quia — из *понѥ* в значении п. б с суффиксом -vad-, как наречия od-ka-vad, do-sa-vad, и союза *же* (Hattala, Srovnávací, § 370, 2). Польское poniewaž — quia — считается заимствованным из чешского (см. Linde, s. v.) и не без основания, так как в чешском явственно на конце *-d-* = *-ž* из *-d-* = *-že*; *-až* — в польском само по себе трудно объяснимо. Однако есть старосербская форма поневаре (Miklosich, Lexicon, понѥ) из поневаже, в коем *же* столь же трудно объяснимо из *д-же*, как и в польском, а между тем заимствование сомнительно.

Поне (см. у Миклошича) = *по крайней мере*: „аще не радуетеся преславному чюдеси, поне не завидите данному мнѣ съдравію“ (Калайдович, Памятники, 49); „аще не сьяеши съ Моисѣемъ чистотою, поне въздыханіемъ, яко гора, о грѣсѣхъ, курися“ (ibid., 107).

Занѥ, занѥ-же — quia; собственно за то, т. е. после того. „Полями же прозвашася занеже въ полѣ седяху“ (Лаврент. лет., 12, 8). В современном литературном языке — как архаизм.

Неже, нежели — по Буслаеву (Граммат., I, 166, § 77, 4) — сложены из наречия с союзами (*же, ли*). (См. Miklosich, Lexicon, s. v.).

Оже = *аж.* „Володша... услыша, оже Нѣмци воюють село Псковское Ремду, и Володша съ дружиною поѣхаше на село на Ремду: оже Нѣмци села Псковская воюють“ (Пск. I лет., 187); „и пріѣхаше [= ша] въ Изборескъ, оже Псковичи подъ Изборскомъ въ станахъ стоятъ“ (ibid., 189); „Псковичи поидоша... въ слѣдъ ихъ, и сугнавше ихъ за Камномъ на Лозоговицкомъ поли, оже Нѣмци станы стоятъ“ (ibid., 199); „Пригнаша Вороночане, оже наши побиты“ (ibid., 200).

§ 3. Повторение существительного при местоимениях (личных, указательных, относительных)

Как отвлеченное существительное есть ссылка на преждепознанное конкретное и как, при известном состоянии мысли, такая ссылка недостаточна, и отвлеченное, будучи сказано, влечет за собою перечисление частных, так и местоимение, при том же состоянии мысли, не заменяет

собою прежде сказанного существительного, но требует его повторения. Когда, таким образом, понятность речи (отношение местоимения к существительному) обеспечено, то нет надобности располагать слова в таком порядке, чтобы местоимение непосредственно следовало за существительным, к которому относится.[1]

„...Стали дуки сребраники
Один до одного стиха словами промовляти:
Ей, шинкарко молода, Настя кабашна!
Нехай сей козак бідний летяга
Не мається в тебе сеї заставщини викупляти;
Нам, дукам сребраникам,
Нехай не зарекається воли поганяти,
А тобі, Насті кабашній, груб топити“.

(Метлинский, 379; 384.)

„Меньший брат говорит: «Ой, брати ж мої старшиї, милиї... та рубайте тернове вітя шаблями... Та розкидайте меншому брату, пішому пшениці шляхами, — для козацької (= моеї) признаки»“ (Драгоманов, I, 129); „розкидали меншому братові... для козацької [его] признаки“ (ibid.); „Ал' говори Сеђанине Иво: «Лл'јепа лица, моја сејо драга! Грјехота је да га туђин љуби Већ да ти га ја брат Иво љубим!»“ (Рајковић, 133); „Како си ми, брате, путовао? — Здрав сам, сестро, јунак путовао“ (ibid., 193); „Ей... Господарю Волоський! Що тепер будеш думати й гадати... Чи города свої Волоські уступати?“ (Метлинский, 392); „Годі вам... по винницях горілок курити, Очей своїх молодецьких викуряти, своїми молодецькими плічми сажи витирати“ (ibid., 414); „Нехай він по походах піхотою не ходить, своїх молодецьких ніжок не вриває, мене, матери, старенької вдовы, не проклинає“ (ibid., 418); „Когда б мені біг дав на ноги козацькі встати“ (Драгоманов, I, 111);[2] „Тіло мое козацьке-молодецьке А в чистому полі поховайте“ (Драгоманов, I, 128); „Наше серце козацькеє-молодецькеє не осьміляться, і рука наша козацька-молодецька не воздойме і наш ясен міч твоєї головоньки не йме“ (ibid., 128, 129); „Коли б я мог знати, чи моїх братів постреляно, чи їх порубано... Ей до пішов би я... Тіла козацького-молодецького шукати, Да тіло козацьке-молодецьке у чистім полі поховати“ (ibid., 131); „Підождіте, поки буде душа козацька-молодецька З білим тілом розтрявати“ (ibid., 131); „Чоботи татарські істягав, на свої козацькі ноги обував; одежу істягав, на свої козацькі плечі надівав, Бархатний шлик іздиймає, на свою казацьку голову надіває“ (ibid., 171).

---

[1] NB. Сербский язык. Zima, 167, 169 — epanalepsis.
Пояснение конкретными словами-местоимениями местоименных наречий: чей, откуда, когда (Zima, 178).

[2] Сербское јуначки. Если неуместно: „Кад би небо паднуло на јуначку црну земљу“ (Богишић, I, 6, ср. ibid., 108), то это ошибочное заключение от случаев, где јуначки = свой и плеонастично при свой: „оседла[j]те ви, јуначке, коње добре“ (ibid., 7); „кад се Милош видио без јуначке десне ноге“ (ibid., 8); „Када дођеш, кнеже Марко, к нашој мајци јуначкој“ (ibid., 18); „потргох моју сабљу јуначку“ (ibid., 19); „Сузе ти је пролила низ господски бијели образ... У Марка ти припукну то јуначко живо срце доброга јунака. Испод мантије потрже ту јуначку бритку сабљу“ (ibid., 24); „Сутра мене позива на јуначко бојно копје... Да ме, слуго, одм'јениш од мојега бојна копја“ (ibid., 47); „И бјеху се увргли на јуначке коње своје“ (ibid., 47); „Него мени оседла јуначкога коња мога“ (ibid., 48). „Сузе га су полиле низ јуначко бјело лишце“ (ibid., 51); „Пак дон Карлу одсјекоше ту јуначку десну руку и јоште му откинуше та срамотна своја уста“ (ibid., 153).

Яз князь, меня князя... Как „Дунай-река, Дунай-река“, так: „Се язъ Князь Великій Василей Васильевичь, да моя матерь Великая Княгиня Софья, и по приказу мнѣ Великому Князю своего сестричича... Князя Семена Александровича, дали есми село“ (Акты историч., I, 71, 1440 г.); „Се язъ Князь Великій Иванъ Васильевичь пожаловалъ есми... коли мой подлѣщикъ поѣдетъ на меня на Великого Князя рыбы ловити... рыбы ихъ монастырскіе не переписываютъ кто нибуди мой писецъ Великого Князя... А кто ся сей моей грамоты ослушаетъ, быти отъ мене отъ Великого Князя въ казни“ (ibid., I, 126, после 1462 г.); „Се язъ Князь Великий Иванъ Васильевичь пожаловалъ есми... кто иметъ у нихъ... людей жити, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя Великаго Князя дань... а кому будетъ чего искати на самомъ архимандритѣ и на братьѣ... ино ихъ сужу язъ самъ Князь Великій... также и гонцы мои Великого Князя подводъ... не емлютъ... А отсидятъ тѣ ихъ люди свои урочныя лѣта, и они потянутъ въ мою Великого Князя дань... А черезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возметъ... быти отъ меня отъ Великого Князя въ казни“ (ibid., 133, 134, 1472 г.).

Что это явление не есть только преувеличенное требование точности в деловом слоге, видно из того, что оно столь же обычно в народной поэзии.

„Гой еси ты есми, царь Саул...
А кому меня, царицу, приказываешь...
Я остаюсь царица черéвоста...
—А и гой еси, царица Азвяковна.
Никому я тебя, царицу, не приказываю...“

(Киреевский, III, 116.)

„Втапоры девица возмолилася:
«Гой еси ты, удалой-доброй молодец!
Не коли ты меня [девицу] до смерти:
Я у батюшки-сударя отпрошалася,—
Кто меня побьет во чистом поле,
За того мне девице за мужь итти»“.

(Ibid., 77.)

„И мужевáл тут старой, разговаривал:
«Куда мнеише, старому, да с золотой казной?
Нету у меня, стара, да молодой жоны,
Нету, вить, у старого да малых детоцек...
...Куды мнеише, старому, да с молодой жоной».
А и сговорит тут стар таковы слова:
«...Да на што вам бить миня, старого.
У меня да, вить, у старого,
Золотой казны да не луцúлосе»“.

(Ibid., I, 87.)

„Провещится ему лебедь белая...
«Не стреляй ты меня, лебедь белую»“.

(Ibid., IV, 53.)

„А и туто Дунай сын Иванович...
Думает себе разумом своим:
«Служил я, Дунай, во семи ордах...»“

(Киреевский, III, 77; Гильфердинг, 303, 304.)

§ 4. Местоимения 3-го лица

„Бѣ у него [Владимира] воевода Волъчий Хвостъ, и посла й... передъ собою, Волъчья Хвоста; сърѣте я̆ [Радимичей] на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди Радимичѣ Волъчий Хвостъ“ (Лаврент. лет. 2, 82);

„Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он Тугарин трех сажень“

(Др. росс. стих., 183.)

„Подавали [чару] Добрыне Никитичу.
Принимает он Добрыня единой рукой;
Выпивает молодец единым духом...
...И пошел он Добрыня Никитичь млад
С Княженецкого двора...“

(Ibid., 197.)

До какой степени старинный язык отличен в употреблении местоимений указательных (он, она, его и пр.) от нового, видно из того, что былинный язык вместо местоимений указательных предпочитает повторять уже упомянутое имя:

„Садился Татарин на добра коня...
...А и будет он Татарин в Киеве...
Сскакал Татарин с добра коня...
...Бросал ярлыки на круглый стол...
Отшед Татарин слово выговаривал“.

(Киреевский, I, 71.)

„Наперёд бежит собака лютой Ски́мен-зверь:
Что на Ски́мене шёрсточка булатная,
Как у Ски́мена уши что востро̀ копьё.
Прибежал вор-собака ко Непру̀ реке.
Становилась вор-собака на круто̀й берег,
Закричала вор-собака по-гусиному,
Зашипела вор-собака по-змеиному“...

(Ibid., II, 1; ср. ibid., 10, 11.)

„Скочил Добрыня со добра̀ коня...
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшку встретити.
Походил Добрыня в светлу гридню,
Он спасову образу молится...“

(Киреевский, II, 21; ср. ibid., 45.)

„Из шатра выходил стар казак Илья Муромець,
Говорит старо̀й да таковы слова:
«Видно, што окроме старика ехать некому»“.

(Ibid., I, 53.)

„Жил тут старик со старухою.
Даровал им бог на старость детище.
Сидит детище седуно̀м тридцать лет.
Пришел под окно стар человек,
Просит стар человек милостыню благословенную“.

(Ibid., IV, 1.)

„Встарь было у князя у Владимира,
Было коровище обжористо:
Не могло коровище наедатися,
Не могло коровище напиватися;
Вышло коровище во чисто поле,
Напало коровище на дробинище.
Еще тут коровищу розорвало,
Еще тут коровищу растреснуло,
Еще тут коровище окопы́лилось".
(Ibid., IV, 29.)

Как фигура antimeria существительное вместо местоимения 1-го, 3-го л. см. Zima, 212.

§ 5. Отсутствие местоимения указательного в украинском

„Гуляв козак бідний летяга... На козаку бідному летязі" [трижды вм. „ему"][1] (Метлинский, 377; NB, ibid., 379); „До города Сороки прибував, Під городом Сорокою шанці копав. У шанцях куренем стояв" (ibid., 392); „То слушале три цареве слуге, Па одоше три цареве слуге До царева двора бијелога. Ал' говоре три цареве слуге" (Рајковић, 147); „Рани мајка Ватиму девојку, Вати нема нег' петнаест лета, Вату проси од Мостара беже" (Б. М., 18); „Игра коло лежи под неранџом Колу дође Андра Дрењанине, стаде коло у Андру гледати: Момци гледе под Андром коњица, А невесте Андри зарукавље, А девојке Андру Дрењанина, А дечица на коњу прапорце. Ал' говори Андра Дрењанине..." (ibid., 37).

Эпитет. Частное при общем постпозитивном (Буслаев, § 240, 1, примечание 2). „Ердан же рѣка течеть быстро... подобенъ йерда҃ косновѣ рѣци... болонѧ же има҃ ꙗко҃ и коснова рѣка... вшире҃ ерда҃ река ꙗко҃ на ѹсть костнова река е҃" (Хождение — Буслаев, Хрестом., 664); „А ѿ ахиꙗ ѿстрова до ефеса гра҃ ѯ҃ верстъ" (ibid., 660) et passim; „Дали есми... село... на поминокъ... по Великомъ Князѣ Константинѣ и по его прачюрѣ, и по Князѣ Борисѣ, и по Князѣ по Иванѣ..." (Акты историч., I, 71, 1440 г.); „...Ино то тобѣ нашей сестрѣ гораздо вѣдомо... И какъ ты пришла, сестра наша, за Александра короля, и онъ... тебя нашу сестру училъ держати во всемъ не потому" (= не согласно с чем, неприлично) (Письмо кн. Василия Ивановича к Елене — Акты Зап. России, II, 24, 1507 г.); „И какъ столникъ и дьякъ пословъ встрѣтятъ... и скажутъ, что присланы подъ нихъ пословъ царскіе лошади..." (Котошихин, 50; ibid., 53, 54, 84, 85); „Кормъ и питье... ихъ посолскимъ дворяномъ... къ ихъ посолскому прiѣзду все было готово" (ibid., 49); „Скоро він з свого сна розбужає, свого сна козацького не вгадає" (Метлинский, 354); „Тоді-то козак... крей груби сідає, плечи свої козацькі пригріває" (ibid., 378); „Пива уточила, сьому козаку бідному летязі на похмільле живіт його козацький скріпила" (ibid., 379); „Оттогді-ж то козак бідний летяга, як став у собі хміль зачувати" (ibid., 379); „А пришедъ къ царю... и привели того Шоринова сына [малого, парня]... и они, по тѣмъ ево парневымъ словамъ, почали у царя просить для убійства бояръ" (Котошихин, 85).

„Коль іўдберѐли отвечает: «ту атсипмикё: Кап аш бѐрас стовејау по карчемос лангелiу»" (Фортунатов, 26).

[1] NB. О Горе Злочастии: „Я горе, у меня горя" и пр.

§ 6. Плеонастичность местоимения, указывающая на паратактичность речи

а) Именительный (подлежащее) с придаточным или определительным за ним местоимением, указывающим на этот именительный, стоящее как дополнение в косвенном падеже, или в том же.

„Конь, кго же любиши... от т о г о ти умрети" (Потебня, Из записок, II, 200).

Именительный с определительным: „врази наши, т и изнемогаша" (ibid., 201); „А и молодой Д у н а й Он догадлив был" (ibid., II, 202).

б) Местоимение, следующее за подлежащим и сказуемым, помещено при неопределенном или дополнении (ibid., 202).

„Отправляется Добрыня свет Никитиничь
Он ходить-гулять по городу по Киеву".
(Гильфердинг, 25.)

„Он обернут у Маришки у Найдальчевной
Молодой Добрыня сын Никитиничь,
А повернут он туром да златорогіим".
(Ibid., 27.)

Сюда также — *сам*: „принял Илья [ярлык], с а м прочитывал" (Др. росс. стих., 246); „стоит предо мною, с а м хвастает (ibid., 249); „Воротился Илья он ко Калину Царю, Схватил он Калина во белы руки, С а м Калину приговаривает" (ibid., 250).

в) Местоимение следует за косвенными падежами (Потебня, Из записок, II, 203—205 и сл.): „Того же лѣта Мьстиславу князю вложи е м у богъ во сердце мысль благу" (Ипат. лет. 2, 616); „И кто... [в той земле] иметъ жити крестіянъ и тѣмъ крестіяномъ ненадобѣ и м ъ моя дань" (Акты археограф. экспед., I, 11, 1400 г.); „кого... перезоветъ въ ту деревню... и тѣмъ людемъ пришлымъ... ненадобѣтъ и м ъ моя дань" (ibid., 15, 1421 г.); „а кто иметъ жити людей старожилцовъ, и тѣмъ людемъ старожилцамъ ненадобѣ и м ъ ни мытъ, ни тамга" (ibid., 29, 1443 г.); „и тѣмъ людямъ, купленымъ и перезванымъ, [запятая — издателей] ненадобѣ имъ... никоторая моя дань" (Акты историч., I, 57, 1425 г.): „А посломъ и гостемъ на обѣ половины путь и м ъ чистѣ, по Литовской землѣ и по Новогородцкой" (Акты археограф. экспед., I, 64, 1471 г.); „Мои мѣста мнѣ Великому Князю и моимъ дѣтемъ, а брату моему и его дѣтемъ и х ъ мѣста имъ" (1405 г., Собр. гос. грам., I, № 38); „А которыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ, воровъ, разбойниковъ и татей, и в-ыныхъ злыхъ дѣлахъ приводятъ и сажаютъ и х ъ въ тюрму; и тѣхъ людей, у кого есть отцы и матери... кормятъ и х ъ сами, своимъ" (Котошихин, 100);[1] „Поляковъ же и Литву, которые были при томъ лживомъ царѣ и въ городѣхъ, начали и х ъ побивати" (ibid., 3); „Такимъ же обычаемъ посланникомъ и гонцомъ, которые бываютъ во окрестныхъ государствехъ, и и м ъ за службу ихъ потомужъ бываетъ честь" (ibid., 44); „Сю розводную роспись писалъ столника Ивана Ивановича Рамейкова человѣкъ его Ѳомка Игнатьевъ" (Акты юридич., III, 104, 1694 г.); „А отчины ти моее Москвы, и всего великого Княженія и удѣла моего, т о г о ти подо мною блюсти, а не обидѣти" (Акты археограф. экспед., I, 20, 1435 г.); „А архимандриту и монастырскимъ хлебомъ кормити крилошанъ и черцевъ, а преставльшихся архи-

[1] Возможна анаколутия. „Малымъ дѣтемъ, и работнымъ, и по разсуженію *мужа и жены*, кормити ихъ" [т. е. малых] (Домострой, 18).

мандритовъ память ихъ правити“ (ibid., 27, 1437—1461 гг.); „Молодого Российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть могут его видеть без денежно по многим улицам сего города“ (Новиков, Трутень, 1769 г., л. VI, июня 2 дня).

„В нашого пана господарейка... Ей красне в нього і дворі його“ (Головацкий, II, 4); „Посту великого сім неділь його“ (ibid., II, 41); „Ой небом небом небом синеньким. А по нім ходить місяць ясенькій“ (ibid., IV, 103).

Потебня, Из записок, II, 203—204, — наречия тут, там. Со случаями: „Рязань, она селом слыла“ и пр., сравни подобное же употребление 3-го л. в шведском (Grimm, Grammat., IV, 349). В средне-верхненемецком частью сходно с этим („Gotfrit ein degen lobesam des keisers baner er do nam“), частью обратно, так что прежде — местоимение и в конце имя, к коему оно относится: nuwas er komen... der grôze künec“ (ibid., 349). Сюда же к первому случаю — обычное на всем протяжении верхненемецкого языка, после имени с членом определенным, повторение того же местоимения *не* в значении относительном (der = который), а в значении указательном = русскому он. Древне-верхненемецкое „ther geist ther blâsit stillo“ (spiritus lene spirat) (ibid., IV, 4.0); средне-верхненемецкое „den stein den warf sí verre“ (ibid., 415, 416), ново-верхненемецкое „die sterne die begenrot man nicht; das heer es kommt gezogen“ (ibid., 423, 424). Также у Гейне и др., что придает речи характер архаичности, противоречащий задушевности.

Потребность, чтобы каждый стих заключал по возможности полный смысл, при слабом влиянии преждеупомянутого, ведет к тому, что имя с эпитетом, стоящее в одном стихе, не заменяется местоимением указательным в следующем стихе, а повторяется целиком. Таким образом местоимение указательное онъ, той, тотъ некогда указывало или на внешнее, или на имя упомянутое без эпитета [„Стоїт соснойка серед дворойка... Ей в тій соснойці троякій хосен“ (Головацкий, II, 3)].

„По сходах ходить молода пані, молода пані ключами дзвонить“ [Головацкий, II, 1; ср. ibid., 2 (19 и сл.), 5 (№ 7), 43 (№ 8)].

§ 7. Местоимения *свой, чи, люб* и др.

„Пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша Новгородьци... Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца“ (Ипат. лет., 17).

Свой — принадлежащий себе и потому никому более не принадлежащий, особый. „По Оцѣ рѣцѣ... Мурома языкъ свой, и Черемиси свой языкъ, Моръдва свой языкъ“ (Лаврент. лет., 5, 5); „Си суть свои языкъ имуще“ (ibid., 5, 10); „Изяславу же сѣдшю въ Кыевѣ и освоившю Кыевъ... посла сына своего“ и пр. (ibid., 141, 15).

К *ся* — sed, sine, zaś (Pott, 1, 52—54).

От старого и областного соб-ѣ — о-соб-а (древнее — особѣ). „Поляномъ же живущемъ особѣ“ (= отдельно, сами по себе) (Лаврент. лет., 5); собить (= готовить, делать что для себя), пособить (Буслаев, Граммат., I, 115); „Прочіи вои десятый приде кождо въсвояси“ (Новгор. I лет., 41, 6); „Надъ гробомъ княгыниномъ Ярославлеѣ Володимирича, юже уби свои пасынокъ“ (ibid., 54, 16); „убиша князя велика Миндовга свои родици“ (ibid., 58, 10); „Мы быхомъ тобѣ радѣ помоглѣ, но обидить насъ стрый свои Межька“ (Ипат., лет., 146, 1); „и побѣди Межька Романа, и избиша въ полку его Руси много и Ляховъ своихъ“ (т. е. романовых, бывших в полку Романа) (ibid., 146, 10).

Свой — родной, милый.

Свояк, сербское своjак — sucsurrus uxorismeae (архангельское свойка — сестра жены). Сербское „он мнjе своjе" (sic!) — verwandt, cognotus; „узети диjете под своjе", т. е. „мjесто сина или кћери". Своjта — как ужика — от вязать, откуда и власть; так, освоjити = одолеть (capio, occupo, vinco). „Уби њему друга седмерицу, Док му б'jеле освоjише руке, савезаше, па га поћераше" (Караџић, Пjесме, III, 119).

Своя-си. „Гості роз'їхалися, каждый потяг у своє" (Федькович). „Мов несамовитий" (— обладание духом); „Ви щось від того храму як несвої стали?" (= не принадлежит себе, „сам не свой") (ibid.).

б) Архангельское свойчатый — ласковый, обходительный, разговорчивый.

Вологодское собаня — ласкательное слово: друг, дружок. Новгородское сóбенник — любимый в семье человек, по большей части дитя, баловень. Сóбина — одно из ласковых имен, то же, что дорогой, милый; архангельское собинка. „Ахъ ты моя собинка ненаглядная, безприданница" (архангельское).

Присвоение есть отделение себя и своего от остального. Свой, особый (по своему, свойство), особѣ, осóба (Pott, I, 53, 54).

Как ἴδιος — собственный, особый противопоставляется κοινός, так свой — слову общий, в польском: obcy — чужой.

Вологодское собéнька — пестерка, кузовок.

Своя хата. Галицкое „Бодай і пес свою хату мав" (Закревский, 144). Может быть: „Бодай тя пан біг мав — в чужій коморі" (ibid.); „Бодай умерати, а в свій горщик заерати" (ibid.); „Дай бог и кошке свое лукошко!" (Даль, 84).

Сѣмо. „Погорѣ конець Неревьскыи сѣмо до гребли, а сѣмо и за Борькову улицю" (в одну сторону, в другую) (Новгор. I лет., 70, 3).

Как, по замечанию Пыпина (Пыпин, III, 88), в Новгородской I летописи часто один — другой не встречается, а ставится просто: „ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую" (52, 28; ср. 15, 1), так и сѣмо в упомянутом значении может ставиться только раз: „Погорѣ вьсь търгъ и двори до ручья, а сѣмо до Славьна" (ibid., 11, 18); „[в Цареграде] погорѣ... и до моря, а сѣмо по царевъ затворъ и до Суда погорѣ" (ibid., 27, 9). Таким образом сѣмо — сѣмо от наглядного указания переходит к отвлеченному *от — до*.

Чи. *Чи* — союз. В старорусском *чи* и ўже *ци*, в современном русском чи калужское, донское; со средним *и* украинское; *ци* псковское и белорусское; *ти* псковское, смоленское не непосредственно из *чи* или *ки*, а из *ци* как в смоленском, ярославском нотъ, твет, орловском: псковском тве, так во владимирском, воронежском твяту; в галицком местами *ци* (среднее *и*).

Старославянское чи, болгарское чи — quia (Miklosich), хорутанское či = cě, если: „ce imaš daj" = чешскому mašli dej; ли: „vprašaj če je tukaj" (= je li tu); польское czy = украинскому czyli или чешскому či, čiž, čili. Нет сомнения в сродстве с местоименным корнем ка (так и Буслаев, Граммат., I, 164).

В санскритском ср. kim: 1) местоимение именительного, винительного п. ед. ч. средн. от kas — что; 2) как, почему; 3) вопросительный союз = *чи*, *ли*, разве.

В современном языке эта частица имеет только вопросительное значение = *ли*, но ставится только перед тем словом, к коему относится; впрочем, может быть отделено от него другими словами — разве, ли. „А чи диво ся, братие, стару помолодити?" (= а разве диво, диво ли?) (Слово о п. И.). В украинском *чи* и само по себе (чи = швидко) и в соеди-

нении с то: чи, то = или, или же, же. „А то коли к тобі не заверни у хату, ти з благородіем сидиш за панібрата“; „*Чи то* в село лихий примчить якого панича, та сарана живе на твойому добрі“ (Гребінка); „коли ни забредеш к мірошнику, бувало, у його є і хліб, и сіль, і сало, чи то в скоромний день — из маслом буханці ... у п'ятницю — просіл“ (ibid.). Заметим — в украинском для обозначения краткости времени, чуть заметного действия глагол ставится два раза: в первый раз с *чи*, второй — с чи не. Так и в западной части Гродненской губ. В значении разве более употребительно хиба.

„Святополкъ про волость чи не уби Бориса и Глѣба? а самъ чи долго поживе?“ (Ипат. лет., 16); „ци я се створил?“ (Лаврент. лет., 113, 22) (= разве).

Чи = ли. „Сдѣ ли хочемъ стояти? чи ли быхомъ ... сеѣ ночи поѣхали“ (Ипат. лет., 55, 19); „Заушенія ли, ци ли за ланиту ударенія“ (Калайдович, Памятники, 29).

Чили в Слове о полку Игореве: „чили въспѣти было“ (т. е. так-то, или же).

Кроме значения *ли* [„ци я (= разве я) се створилъ“ (Лаврент. лет., 113, 22)] в старом языке *ци* и одно, и с аще = если, хотя: „аще кто умреть не урядивъ своего имѣнья, ци (= если, хотя) и своихъ не имать, да възвратить [царь?] имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь“ (Лаврент. лет., 15, 26); ср. „ци аще (Ипат. лет. — „или аще“) ключится проказа никака (вариант — „нѣкака“) отъ Грекъ ... да не имать власти казнити я“ (Лаврент. лет., 22, 8; 22, 14 — аще ли). Так ци в старославянском и других наречиях значит и если.

Чи = если; „Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратить [царь?] имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь“ (ibid., 15, 26); „Онъ же убоявъся Новгородьцъ: чи (= если, чего доброго) прельстивъше мя имуть и бѣжа отаи въ ноць“ (Новгор. I лет., 9, 5); „братье, ци како (= если) речеть князь: выдаите мои ворогы“ (ibid., 55, 24); „Тысячьского не даша никому же: ци будетъ Кондратъ живъ“ (он был тысяцким и был опасно ранен) (ibid., 61, 1); „Аще что слышиши ѿ прл. или видіши в домꙋ его. да съгниеть въ срци твоемь. и не извѣстиши его человѣкомъ. аще ли исповѣси чи бꙋдꙋть ти ꙋглье горѧщи и послѣдовъ ѿжещисѧ. и тогда тѣло твое с порокомъ бꙋде“ (Буслаев, Хрестом., 645); „Ци аще (Ипат. лет. — „или аще“) ключится проказа никака (вместо нѣкака) отъ Грекъ ... да не имать власти казнити я“ (Лаврент. лет., 22, 8); „Ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацѣмъ любо оружьемъ... да того дѣля грѣха заплатить сребра литръ 5“ (ibid., 22, 14).

Ча — частица слитная.

Нынѣча (старорусское — чя) в старославянских памятниках (например Supr.) и нынѣчоу (Miklosich, Lexicon), современное русское нынь-че (*е* есть фонетическое ослабление, ср. топереча, курское скореича. В Слове о п. И. (Тихонравов, 5): „что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями“. Тихонравов, повидимому, без нужды читает „далече“. На основании старославянских давѣ и нынѣ-ча; следует: давѣ-чя.

Вряд ли сюда *-ка, -ко* в русском ноничка, ноньчека; скорее это — именной уменьшительный суффикс, как в украинском тепеpечка, тутечка, тепеpенька.

Намедни-ча. „hэтои зимы ще й разу не было такоhо [морозу], як ниняка“ (Заблудовье, Этнограф. сборн., III, 85); „у hэтых мјесцáх — были колисьцика вельки лесы“ (ibid., 89); „Кудысьцика“ (ibid., 90); „Може там дзелень у землје и ліóхи éсту-ка з скарбами“ (ibid., 91).

Люб. См. украинское либонь, або.

Любо=хотя. „Придоша Емь на Водь ратью *нѣ въ тысящи* (?) и услышавъше Новгородьци любо (=хотя, несмотря на малочисленность) в 500 съ Водью идоша по нихъ“ (Новгор. I лет., 11, 9). Первоначально мысль, предшествуемая уступительным союзом, представляется здесь излюбленным (в смысле допущенного, выбранного; в хотя—тоже представляется) актом воли, встречающим противодействие в том, что предшествуется союзом противительным. Любо и здесь первоначально = =placet; ср. латинский союз licet—хотя, собственно, позволяется.

На границе с таким значением (хотя . . . но) стоят: пусть, нехай, потурай, дарма що, даром что.

Что-либо=што (му) драго. „Нама напиток, а њима каков им драго житак“ (говорят или думают сваты про молодых); чешское „jak mile pržyde, powim jemu“.

Старорусское „на Ярославлихъ любъвницѣхъ (=приятель, друг) поимаша Новгородци купъ много“ (Новгор. I лет., 45, 1).

Любо—Ипат. лет., 145, 27; 211, 32.

Любити=захотеть—Ипат. лет., 134, 15; 150, 18.

Излюбити=захотеть—Ипат. лет., 44, 4.

Любити=хотеть—Ипат. лет., 149, 31; 149, 34; 150, 5.

„Смолнѧнина на желѣзо безъ его воле не лзѣ имати. оулюбить своею волею нести желѣзо, тъ ть его вола“ (Договор смол. кн. с Ригою 1230 г.).

Любо-любо=воль-воль (Игнат.) „на тôм перевозі воль Марко буде, воль Маркôв зять“ (ibid., 42); „Воль ми дай пожевліня (=pożywenia) якого воль пушу“ [говорит орел, несущий человека] (ibid., 85).

Частица *лѣ* слитно. „Отъ толѣ, отъ онолѣ“ (Лаврент. лет., 180, 6, 7).

Еще. Ещé (=ещо) в различных русских местных ешшó, ишшо; ищó—калужское; ища—псковское; иша—нижегородское; ешто—донское, пензенское, тамбовское, вологодское; иштó—тамбовское, вологодское; ощó—восточное (владимирское). В южнорусском (местами) и в брянском ящо,—в украинском—ще через йще.

1) Сверх того, к тому; польское nadto, еще лучше, еще больший—больше; украинское ще кращий, ще инший (сверх того, который нам известен, еще иной); еще иной (=другой, тот, сам); например, приехал ще (сверх тех, какие были); „купил табаку?—и еще какого! знаешь?—И еще как!“ (мало того, что просто знаю, знаю еще очень хорошо); „достал того-то?—И еще сколько!...“; „что еще будет (сверх бывшего), то еще увидим!“ (сверх виданного); дать еще? (сверх уже данного); еще раз! (сверх первого разу). Стало быть, сверх того качества, количества, действия, состояния, которое обозначено в речи или только подразумевается. „Мамо, як мене хлопці люблять.—А як? В спину та ще кулаками“ (т. е. мало того, что в спину бьют, но сверх того еще не ладонями, например, а кулаками; вариант—„кулàками в спину лупять“).

2) До такого-то времени, причем время обозначено или непосредственно (например наречием и т. п.) или посредственно—глаголом, т. е. действием, заполняющим время: еще вчера сделал то-то, еще сегодня, еще завтра, еще через год, успею сделать; он еще спал, когда... как; вовсе без определения времени, если разумеется настоящее: он еще спит (до сих пор). То же значение и при следующем отрицании при глаголе: еще не пришел; то еще не пьян, коли шапка на голове; „ще-ж-тая удівонька та до дому не дойшла. А вже ж теї удівоньки й пшениця ізойшла“ (=до того времени не дошла домой, в какое поспела пшеница) (Метлинский, 358).

Отсюда еще само по себе—еще нет: „уже встал?—Еще!“ У Линде интересный случай сочетания—jeszcze с niż: „Drzewiej niżli stanęły

granice świata, piérwej, nizli wiały zebrania wiatrów, przedtym, niż huczały głosy gromów, j e s z c z e n i ż się oświecały jasności w łyskawic" (Ezdr., 6, I — из перевода библии Яна Леополиты, 1561).

Старославянское кште; сербское јоште, јошт, још; хорутанское jošče, još, je; болгарское ощте, ёште; польское jeszcze; чешское ještě, éšte, словацкое ešče верхнелужицкое hišce, *-er*, *-en*; у Линде сербское јоштере, јоштера.

Линде — за ним Юнгман — сравнивали, между прочим, с латинским etiam, греческим ἔτι согласно с объяснениями этих последних слов (см. ниже). Миклошич прибавляет и санскритское a t i. Санскритское ati: 1) наречие, употребляемое с именами отглагольными (причастиями), прилагательными, существительными, наречиями в значении ч е р е з м е р у, в хорошем или дурном смысле, о ч е н ь, с л и ш к о м, к р а й н е (atikṛça — слишком худощавый и т. п.); 2) при глаголах движения = п р о, м и м о; 3) предлог trans, super, ultra — положение н а д с винительным; über, oben, an — более чем — по отношению к пространству, времени, количеству, силе деятельности — с родительным.

По Боппу и Беттлингу a t i заключает в себе указательное местоимение 3-го л. — *a*.

Греческое ἔτι представляет по значению полное сходство с е щ е: 1) с в е р х т о г о, к т о м у, е щ е и, как это последнее, часто при сравнительной степени: ἔτι μᾶλλον — еще больше: 2) a d h u c: ἔτι καὶ νῦν — е щ е и т е п е р ь; 3) с т е х п о р: οὐδ' ἔτι δὴν ἦν — und er lebte nicht lange mehr — и еще не долго пожил (но был).

Из значений латинского etiam сюда подходит: е щ е, и: dic, dic etiam (= еще) clavius; etiam num (nunc) = еще и теперь, еще и до сих пор; etiam atque etiam — еще и еще — отношение непрерывности, непрестанности, как санскритское atyapta (ati + apta) — переходящий за конец — предел (стало быть, не имеющий конца, беспрерывный, постоянный); etiam — до сих пор; и еще (сверх сказанного), сверх того: non modo (solum)... sed etiam v. verum etiam; отсюда значение д а ж е.

По мнению Pott'a etiam из eti + jam — уже. К a t i он же относит латинское e t — и с основным значением с в е р х т о г о. Bopp, Grammat., II, 251; III, 488, и Pott, I², 253, — латинское a t в a t - a v u s — к a t i. Вообще о санскритской, латинской и греческой частице см. Pott, I², 251—253; Curtius, I, № 209.

Происхождение второго значения греческого ἔτι (ἔτι καὶ νῦν) (еще и теперь) Pott (loc. cit.) выводит из первого таким образом, что и здесь имеется в виду переход за известный предел времени. То же объяснение прилагается и ко второму значению славянского е щ е. Итак, препятствием к отождествлению е щ е с a t i, ἔτι могла бы служить только форма. Тождества точно здесь нет: *щ*, лежащее в основании всех славянских различий этого слова, — из *ст* + *j*; конечно, *е* может быть из *а* с следующею согласною, как, например, в именительном среднего рода на *е*; это *е* из y a m, следовательно еще из asty-a(m?). Какого происхождения это ya(m?) и может ли оно иметь [связь] с окончанием латинского e t i a m, решить не могу. Возможно, что в asty-am *j* только из конечного *и* в a t i, а окончание есть *-am*, т. е. именительный, винительный ед. ч. среднего рода по образцу наречий от прилагательных (Bopp, Grammat., III, 476). St = основному t, как в суффиксе *-ость*. Е = к = основному *а*, как в кесть = asti.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Древнейшие значения числительных в русском языке

Числительные количественные 5—10, 100—1000 и заимствованное сорок суть первоначально существительные, т. е. названия вещей, а не признаков и отношений. По значению они близко подходят к таким, как тьма, копа, которые сами становятся числительными (10 000, 60), как идеальные вместилища (куча, стог, стадо, табун, полк, много, мало, как существительные) и даже вместилища реальные, отделимые от вмещаемого: воз, мех, ведро, куль; старинные: „пуз ржи“, „зобьница овса“.[1]

Что действительно числительное количественное представлялось как название вместилища, а по отношению к большему — и вмещаемого, видно из употребления с *в*, *о* (*об*). Для выражения числа — как вещи окружающей (подобно тому, как дружина, войско воеводу) — *в* с местным: „ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскиѣ не (= нѣ) въ 100 (= сътѣ) дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами“ (Лаврент. лет. 2, 240); „И одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половець 6ѣ 12 тысячѣ“ (Лаврент. лет. 2, 167); „Осѣле (= осили) С҇тосл҇а. рьжевкоу. городьць мьстиславль. съ пълкы въ і҃ [10] тысащь. мьстиславъ же съ володимиромь съ пльсковьскымь. поиде [в] бързѣхъ въ е҃ [пяти] сътъ. толико бо всехъ вои бѦшеть ... а гароунъ бѦше затворілъ сѦ въ градѣ въ ·р҃· (= сътѣ)...“ (Новгор. лет., 166—167); „Поиде... Сьмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары“ (Новгор. I лет., 37); „Тъгда же Мьстиславъ перебродяся Днѣпрь прѣиде въ 1000 вои на сторожи Татарьскыя“ (ibid., 40); „Двѣ ... девяностѣ мужь отпровади съ полономъ, а во единомъ

---

[1] Субстанциальность числительных.

Числительное количественное — как вместилище: воз сена = стадо овец = мера муки, мало (существительное) муки = сотня (сто) овец (Попов, 122).

Формы сочетания числительных с названиями считаемых вещей.

а) Равносильность числительного и имени вещи по образцу „множьство злато и серебро“, „со стадушком со детиною“. В славянских, повидимому, очень редко (?). Санскритское viņçatih purah (= двадцать городов) (ibid., 126) — decem urbes.

б) Число — самостоятельно, предмет, считаемый в качестве определения в родительном падеже: пять овец. Склоняется только числительное.

в) Числительное, занимающее подчиненную роль, становится атрибутивным („шестью стами рублями“) (Буслаев, § 230, примеч. 4).

Пол. Ассимиляция по роду с мыслимым половина, или с родом существительного, означающего делимое на полы. „Продалъ есми половину двора своего, а стоитъ та моя полдвора на Варецкой улицы“ (Акты юридич., II, 386, 1612 г.); „А взялъ я Дружина у Ермолы за ту свою полприлавка денегъ четыре рубли Московская. А нѣтъ у меня Дружины того полуприлавка ни въ кабалахъ ни въ записяхъ“ (ibid., 444, 1613 г.); „А взялъ я Игнатей ... за ту свою поллавки ... денегъ пять рублевъ Московского числа ... той моей полулавки ... на ту мою поллавки ... въ той моей полулавки“ (ibid., 445, 1613 г.); „А кто въ то наше четверть лавочного мѣста мнѣ... то свое четверть лавочного мѣста ... очищать; ... по сей купчей, четверть лавочному мѣсту очистка и убытки“ (ibid., 446, 1684 г.); „велѣли ... сбирати первого полумѣсяца недовозной люцкой и конской кормъ и вново на другую полмѣсяца“ (ibid., 607, 1612 г.).

девяностѣ самъ ся оста“ (Пск. I лет., 181); „А Псковичи пришли бяху [у] 50 [пятидесятъ] мужь снастныхъ“ (ibid., 203); „Въ семи сотъ погнаша въ слѣдъ Домонта“ (ibid., 181); „В двою сотъ (вариант — «сту») корабль Царьградъ оступиша“ (Лаврент. лет 2, 20). Сюда новое украинское „в двох, в трьох, у чотырьох, у п'ятьох, у шістьох“ (Манжура) и „у п'яти“; „Таку сокиру, щоб п'яти не підняти, а у шести непіднести“; польское „we dwudziestu tysięcy ludzi ku temu miejscu godzili“ (O wypr. choc., 22); „przyszedł we trzech tysięcy człowieka“ (ibid., 25); „we dwudziestu i lepiej osób“ (ibid., 30).

В русском таким же образом предлог *в* с местным числительных, принимаемых за существительные, д в о е и пр.: „в двоём, в троём, в четвером“; польское wedwojy. Это не есть distributivum д в о й, как думает Миклошич (IV, 661), а собирательное д в о е. „Въ мънозѣ. Въ малѣ“. *Въ* с винительным: „а҆ что закладниковъ . . . за тобою҆ . . . кто ку҆пець. тотъ въ с т о. а҆ кто смердъ. а҆ тотъ потѧгнеть въ свои погостъ“ (Новгор. грам. 1270 г. — Шахматов, 243); „А что закладниковъ въ търъжку или инде. или за тобою. или за кнѧгынею. или за моужи твоими. кто коупьць. поидеть въ своѥ сто а смѣрдъ поидеть въ свои погостъ. тако пошло в новѣгородѣ. ѿпоусти ихъ прочь“ (1304—1305 гг., ibid., 247).

Число, как обнимаемое большим целым, представляется:

а) в выражении как — „конь о четырех ногах“ и т. п. (Miklosich, 675, 676). Миклошич полагает, что связь этого оборота с другими значениями основана на значении „близь“ (nahe) и сравнивает французское „chandelier à branches“. Я сходства исходных точек не вижу.

б) Подобно тому, как от значения „вокруг“ (значение приблизительное) в выражениях „о сь чинъ“ „о тъ чинъ (Лаврент. лет., Ипат. лет. — pass.) — в эту пору, о сю пору, „о святках“. Польское „o siodmej“ (Miklosich, IV, 670, 671); так значение приблизительности числа в „паде головъ о стѣ [около ста] къметьства“ (Новгор. I лет., 19).

Сто — существительное среднего рода. „То сто мужь“ (Новгор. I лет., 33); „другое сто рублевъ; въ третьемъ сту лѣтъ“ (XVII в., Буслаев, § 230, 1). Так и доныне. Тоже девяносто: „двѣ девяностѣ мужь отпровади съ полономъ, а во единомъ девяностѣ самъ ся оста“ (1265 г., Пск. I лет., 181); „одинымъ девяностомъ 7 сотъ побѣди“ (ibid.).

Ступенью от определенно-субъектного „[та] п я т ь ш л а“ к бессубъектному „ш л о [их] [сколько?] п я т ь“ служил переход числительного количественного женского рода (п я т ь и пр.) в средний, наименее личный, род[1] согласно с образованием существительных собирательных (двое, трое и пр.) из прилагательного распределительного д в о и, *-ѩ*, *-ѥ*,[2]

---

[1] Русское „*Я ждала Добрыню* ц е л о ш е с т ь *годов . . . Я прожду Добрынюшку* д р у г о ш е с т ь *годов*“ (Рыбников, 1, 132); „*давал* д р у г о с о р о к *тысячей*“ (ibid., 197). По аналогии с этим за одно существительное среднего рода принимается согласуемое числительное 2, 3 и 4 со своим определяемым: „проездили они ц е л о т р и года“ (ibid., 303). В украинском „о д н о п я т ь“ и пр. и по этому образцу: „не о д н о д в а н а д ц я т ь їх [лисих] налічовала, щоб мороз лопнув“ (Кв.-Осн., II, 38). Сербские, польские примеры — Miklosich, VI, 56.

[2] В славянских числительных р а с п р е д е л и т е л ь н ы х различимы две ступени: на первой это — прилагательное, на второй — существительное среднего рода.

1. П р и л а г а т е л ь н ы е распределительные употребляются:

а) *Для* означения количества сложных единиц: „оковаша/и҆ въ двои оковы“ (Лаврент. лет. 2, 250), „трои серги — двои яхонты“ (1503 г., Собр. гос. грам., I, № 131); „и совокупишася обои на Немизѣ“ [с одной стороны Всеслав, с другой — три Ярославича с войсками] (Лаврент. лет. 2, 162); „Царьство Русское раздѣлися на два начала и двѣмъ царемъ и двои люди стали въ домѣхъ и во градѣхъ“ (1605 г., Пск. I лет., 322); „Во 113 [1606] году б ы с т ь передъ раворенiемъ во Псковѣ градѣ много з н а м е н i я, предъ нашествiемъ невѣрныхъ многихъ странъ на Русь: родила корова теля о двухъ главахъ, о двухъ туловахъ, и д в о и н о г и; родила жена отроча, тѣло едино, глава едина, хребты

и донаречных (предполагаемых наречием) существительных церковнославянских; древнерусское: колико, ѥлико (сколько, столько), много, мало и пр.[1] Эти слова среднего рода сначала разделяют все

вмѣсто, руки двои и ноги двои; прояви въ Руси, что раздѣлится царьство Руское надвое, и бысть два царя и двои люди несогласіемъ во всемъ царьствѣ" (ibid., 322). (Другие примеры — в славянских языках, литовском, латинском и др. см. Miklosich, IV, 59—62.)

б) Для обозначения различия качества хотя бы и несложных единиц (одинок, двоякий, литовское vĕnonias, dvejopas и пр.); украинское „гостейки трои (3 гостя) не єднанії" (Колядки); русское „дамъ тебѣ трою ѕелье усыпающее, да ѕелье бѣлое, а третье черное" (Пам. древн. письм., I, 65); отсюда (из „трою зелье") украинское троїзілля — в песне, и ныне в аптеках спрашивают, разумея смесь трех лекарственных растений (см. также Miklosich, IV, 63).

в) При существительных отвлеченных иногда замечается то же значение (двоякий и пр.). „и бысть людемъ двоя радость" (Ипат. лет. 2, 345); иногда южно украинское „мнѣ отдали двое подымное на сеймѣ вальномъ Варшавскомъ, въ року шерачайшомъ 1638 ухвальное" (Квитанция писаря земли Киевской. Киевлянин, 1841, 21); польское „poborów ośm, czopowe dwoje" (XVII в., O wypr. choc., 108, Miklosich, VI, 65—66).

г) Для означения собирательности: русское из-под Костромщины „шли четверы мужичины" (Даль, 1092; см. Miklosich, IV, 62, 63). В новом русском прилагательное в этом значении (как в числительных пп. а и в) устарело в именительном и сходных („нá семеры сани, пó семеры в сани" = на семеро саней, по семеро (по два, по пяти) (Даль, 1091). Но косвенные падежи от оба, обѣ заменились косвенными множественного числа от обои (обоих, обоим, обоими сыновьями; в женском новообразование — обеихъ и пр.); в 2—4, 5 и пр. различается в родительном, дательном, местном (но не в творительном) раздельное счисление лиц (двух, трех, четырех, пяти и т. д. сыновей, двум, трем, четырем, пяти сыновьям, в двух, пяти сыновьях) от собирательного (двоих ... четырех, пятерых сыновей и пр.).

В украинском следы собирательных прилагательных — в склонении двох, обох. „Двоїх діток (т. е. двое діток) за собою водить" (Метлинский, 267). Двох, трьох, чотирьох (как обох) в значении двух и двоих, двою — двум и двоим, п'ятьох... (при п'яти, десяти) не имеют связи с распределительными.

2. Существительные среднего рода числительные, когда считаемые предметы рассматриваются независимо от своего рода и собирательно. Предметы или известны из контекста, или безразличны, и в таком случае не поименовываются (например украинское „обое рябое"). Сюда — вдвое и пр., надвоє, русское в-двоем и пр. или обозначаются родительным; в украинском не только мн. ч., но и ед. ч. имен собирательных: „девьятеро скоту" (ibid., 415); „одинадцятеро скоту" (ibid., 417); „з дванадцятеро печеного хліба" (Драгоманов, 65; Miklosich, IV, 66, 67, 63, 64); „Верховее колесо трое дива ввдало" (Зоря Галицкая, 511). Уменьшительные украинские двійко, трійко и пр., двоечко и двійко („у двійці іти" — Ogonowski, 137); польское trojgo. Реже — согласование этих существительных числительных с именем считаемых предметов: „пришли двое знатные бояре" (Ломоносов; у Буслаева, § 232, 2). Украинское „як ми любилися двоечко" (Метлинский, 53) (ср. „ой ми любилися нас двоечко в парці" (ibid., 63); польское „im dobrze wygodził trojgiem tylko strzelaniem, że jak zmyci... poszli" (O wypr. choc., 100) [ср. „na troje strzelanie z łuku" (ibid., 45)].

[1] Донаречные существительные, ср. колико и пр. Образец — „малъ городъ" (= мало городов); коликъ путь; „колики людіе" см. выше. Здесь же разумеются случаи как „колико, ѥлико, селико, толико ихъ"; „колику наѥмникъ; до колика дьнии; съ колицѣмь мужь; по толицѣ лѣть" (Miklosich, IV, 482, 483); „С нѣколикомъ дружины своѥя" (Лаврент. лет. 2, 322); „не только свѣту, что въ окнѣ"; скольким, столькимъ больше, по скольку, по стольку чего. Церковнославянские; мало ихъ; мало чеди; маломь вина; по малѣ чьтении; скадо воды; вяште братию; дльго лѣть; прочею ношти (= остаток) (Miklosich, IV, 483); „Съ маломъ ... дружины возъвратися" (Лаврент. лет. 2, 53); „видѣвъ же мало дружины своея, рече" (ibid., 70); „Замаломъ не постигоша ихъ" (Ипат. лет. 2, 385). Много чего. „... Топят много (многи) бусы (= корабли), топят души напрасные" (Киреевский, V, 45); „Хоть не долго — то пройдет да поры — времячка" (Барсов, I, 83); „Отпущу я не надолго поры времячки ... на одну ... неделюшку" (ibid., 148). Но уже как наречие: „Не знала ... што он былъ во тяжелой во постелюшке, Цело две этыхъ уречныихъ неделюшки" (Барсов, I, 137); „Нажила себе чечотка многое внучат" (как выше — „много бусы") (Тульская губ.) (Шейн, Песни, 253); „А прошло времени немалое" (Рыбников, I, 117).

Как наречие „а мочно было то дѣло учинить дни въ три ... и болшое (= наибольше) въ недѣлю" (Акты юридич., I, 314, 1680 г.); „Багацько трупа" (Котляревский). Украинское „грошей густо, пусто, мало, багато, скілько". По-малу и т. п. Польское „zniewielą osob" (O wypr. choc., 132); сюда же и сравнительная степень меньше и пр.

свойства существительных, т. е., между прочим, являются вполне согласуемыми со сказуемым подлежащими и дают определенно-субъектные предложения, как „первое семь волов проходило... Тое семь волов проходило; второ семь волов проходило“ (Калеки, I, 165).

„Трое детей осталось“; украинское „троє діток зосталось“ — как „двійко нас осталось“.

Предложения „сколько (есть, было) того-то“ первоначально — субъектны. „И ты къ нему не пошелъ, и въ томъ (*въ* с местным как материал, из которого делается нечто, затем как совокупность условий, из коих вытекает нечто) коликое крови христіянскіе пролилося, и коликое множьство христіянства въ полонъ въ поганство пошло, и коликое... церквей разрушилося и коликое черноризиць осквернено и дѣвиць растлѣнено“ (список XVI в., Акты историч., I, 76, 1447 г.).

Русское „только и дела, что спать“. Украинское „тільки (=тілько) йому й діла, що їв та спав“ (Кв.-Осн.).

Чьто (=сколько). Церковнославянское „чьто ти прибытъка бысть“; старорусское „что бяше боляръ осталося; што посылать товара“ (Miklosich, IV, 475). Русское „Что толку? Что дива?“ (Крылов); „Что пользы от его труда“ (ibid.); „О чем у них и что бывало разговору, иль присказок, иль шуточек каких, и по сию не знаю пору“ (ibid.); „Что силы есть (=что было мочи) хвать друга камнем в лоб“ (ibid.). Украинское „Крикнув, що є мочи“ (Кв.-Осн.); „Явдоха що є духу ускочила у хату“ (ibid.); что с родительным — „как должно... расспросить ...что в волке доброго он знает, что худого“ (Крылов); украинское „що ми того женця зібрали“.

Много, мало. „Остася его [солнца] мало, акы мѣсяць долу рогома“ (Лаврент. лет. 2, 275); „приѣха к нему мало Половець“ (ibid., 324); „у тебе дружины мало“ (ibid., 310).

Наречие русское много (есть, было, будет, прошло) чего. Украинское „багацько трупа там напилось“ (Котляревский), „мало, боюсь, чи мало є (було буде и пр.) чого“; „Победи я̂, а прокъ ихъ вьбѣже... въ курганъ Половьчьскый“ (Новгор. I лет., 40).

§ 2. Деление числительных

Уже в древнейших памятниках славянских языков количественные распадаются на два отдела: прилагательные и существительные.

Два, оба в русском, не менее чем до XIII в. включительно, правильно согласуются с двойственным числом определяемого и сказуемого, т. е. обороты п. 1а (см. выше в примечании) были возможны разве как исключения. „Бяста... 2 брата в Лясѣхъ“ (Лаврент. 2 лет., 11); „бяста у него 2 мужа“ (ibid., 19); „Подъяста и̂ два Варяга мечьми подъ пазусѣ“ (ibid., 76); „Въстаста два волъхва“ (ibid., 170); „и бѣста 12 отрока съ нимь“ (ibid., 171); „поидоста 2 уноши к нему красна“ (ibid., 187); „тура мя два метала на розѣхъ“ (ibid., 242); „утопоста 2 попа“ (Новгор. I лет., 10); „съгорѣста церкви 2“ (ibid., 18); „бѣста бо 2 князя съ Мьстиславомъ“ (ibid., 40); „2 человѣка мьртва быста“ (ibid., 41); „2 князя Половѣцкая Сутоевича Котянь и Сомогуръ, поткоста на пѣшьцѣ, и убьена быста коня под[ъ] нима“ (Ипат. лет. 2, 481); „по 2 гривнѣ“ (Лаврент. лет. 2, 77).

Три, четыри согласуются со множественным числом: „Ярославичи же трие... идоша“ (ibid., 162); „Быша 3 братья“ (ibid., 18); „изъбрашася 3 братья... пояша по собѣ всю Русь“ (ibid., 19); „была суть 3 братья... иже сдѣлаша градокось“ (ibid., 20).

Ограниченное число примеров именительного восполняется примерами винительного: „дайте ми отъ двора по 3 голуби да по 3 воробьи“ (ibid., 57); „Василко убилъ на войнахъ 3 браты Тройденеви“ (1274 г., Ипат. лет. 2, 575).

То же сочетание с определяемым во множественном числе в русских памятниках XIV—XVI вв. „три жребіи“ (Новгор. I лет., 106, 1); „3 мѣсяци“ (ibid., 109, 37); „д҃і обручи“ (1328 г., Собр. гос. грам., № 21); „четырѣ золотники“ (1472 г., ibid., № 96); „три годы“ (1503 г., ibid., 340, № 131).

Уравнение по числу **два, оба с три, четыре** идет неодинаково: в именительном и винительном — с одной, и в других косвенных падежах — с другой стороны. Сначала **два, оба** также правильно согласуются с прочими падежами, как с именительным, винительным. „О двою коню“ (Лаврент. лет., 103); „отъ двою отцю“ (ibid., 33,30); „въ двуносаду“ (1305 г., Собр. гос. грам., № 6); „а не будѣтѣ двою послуху“ (Грам. 1229 г.); „на дву тысячю“ (Новгор. I лет., 72); „межи обѣма полкома“ (Лаврент. лет., 53, 14); „межи двѣма озерома“ (ibid., 61, 23); „и двѣма сынома“ (ibid., 72, 15); „съ двѣма братома“ (ibid., 90, 24); „съ двѣма князьма“ (Новгор. I лет., 15); „двѣима сынома“ (Ипат. лет., 155, 26).

Затем, не позже XIV в., **в косвенных падежах определяемое ставится во множественном числе**. „Въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша“ (Лаврент. лет. 2, 20); „двою жеребьевъ“ (Духовная 1389 г. — Собр. гос. грам., I, № 34); „отъ дву дубовъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 361, 140); „дву кустовъ тѣхъ дву старожилцовъ“ (XVI в.); „съ дву березъ“ (Акты, XVI в.); „от дву ямъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 139); „на дву мисахъ“ (1509 г., ibid., I, 408, № 147); „въ дву полехъ“ (1523 г., ibid., I, 416, № 150); „о двухъ верхахъ“ (XVII в.); „амбаръ на дву подклѣтяхъ“ (1378 г.); „по двѣма грамотамъ по жалованнымъ“ (1490 г.); „по двѣма кабаламъ“ (Акты, XVI в.); „къ двѣма ямамъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 139); „имаеть служити намъ двѣма **коньи**“ (Акты Зап. России, № 36, 1438 г.); „двума стрѣльцема“ (ibid., № 45, 1445 г.).

Это влияет на склонение самих числительных. Из **дву** образуется русское **дву-хъ**; **двѣма** заменяется в дательном через **двѣмъ** [„къ двѣмъ дубомъ“ (375), „къ двѣмъ дубкомъ“ (363), „к двѣмъ селищимъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 140)], позднее сходно с **двухъ-двумъ**; в творительном через **двума, двумя**; „съ своими двѣмя сыны“ (Пск. I лет., 208).

Ср. „обѣюхъ земль“ (Акты Зап. России, I, № 50, 1449 г.); ср. „двою ихъ (дъвоихъ) людий“ (Supr., 340, 7; Miklosich, IV, 60).

Наоборот, удаление от древнего склонения **троиѥ, четверо** „трій поприщь“ (Лаврент. лет., 71, 26); „безъ тріи мѣсяць“ (Новгор. I лет., 8); „преже треи лѣтъ“ (Ипат. лет., 105); „безъ треи кунъ“ (Русская правда, 46); „а которыхъ **трее** дворць“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.); „трьми недѣлями“ (Ипат. лет., 73, 16); „треми копьи“ (ibid., 132, 30); „съ четырми [сыны]“ (Лаврент. лет., 53, 4); „съ 4-ми мужи“ (ibid., 62, 9); „треими деньми“ (Ипат. лет., 211, 23).

Сказывается (кроме винительного вм. именительного **три**[1] и родительного **трех**) влияние двойственного числа: дательный „**трема** сыномъ моимъ“ (1434 г., Собр. гос. грам., I, № 51) (позднее только **трем**) и в господствующем ныне русском творительном **тремя, четырьмя** (как севернорусское „има, тыма, всема, целыма“) (Рыбников, IV, 298, 299).

---

1 **Три** в галицийском говоре: „пойшли всі триѥ (трые) у ліс“ (Игнат., 13); „взяли та й идут **трие**“ (втроем) (ibid., 73).

В украинском и западном влияние двойственного числа распространяется и на числа с 5; в более древнем языке — в дательном и творительном, в новом — только в творительном. „Къ тымъ петмадесятъ копамъ" (Акты Южн. и Зап. России, № 73, 1522 г.); „пятьма человѣкомъ" (Miklosich, IV, 478); „Съ пятьмадесятьми тысячей людей" (Акты Зап. России, II, 14, 1507 г.); „двадцатьма копами грошей"; „межи тими шестьма особами" (Miklosich, IV, 478). В новом — „обома руками, всіма сторонами, трьома, чотирмя городами" (Метлинский, 18, 100); „з шістьма, з десятьма головами" (Кв.-Осн.); „З десятьма чоловіками" (Куліш, I, 254); „з дванадцятьма отаманами" (ibid., 278). Но: двох, двом, у двох. „Нас десятьох" (= „нас десяти") (Метлинский, 453, 454).

В именительном, винительном взаимное влияние 2 и 3, 4 сказалось так, что определительное при 2 стало множественного числа (*тѣ* два), как при 3, 4. Определяемое при 2, 3, 4 в русском в именительном мужского рода ставится в форме на *а* (*я*). „Два, три алтына" (1585 г., Библиотека, II, № 102), не сливаемое по смыслу с родительным ед. ч. и отличаемое ударением от собирательных именительного, винительного мн. ч. на *а* [два (3, 4) стола, 2—4 коня, два (3, 4) гла́за, бе́рега, бру́са при — глаза́, берега́, брусья́]. В среднем роде форма двойственного *-ѣ* (селѣ) вытеснена мужской формой на *-и*, отличаемою ударением от именительного, винительного мн. ч. (два сло́ва, мо́ря — слова́, моря́. Флексия *-и-* осталась: 2 пути, имени, клѣти).

В женском роде флексия *-ѣ-* заменена флексией мн. ч. (где возможно), принявшею ударение дв. ч. в отличие от флексии, означающей двойственное: две ноги́ — но́ги. Так, в большинстве собственно-русских говоров, но в восточно-сибирских — „два ко́ни, три па́рни" (Даль, Словарь, Предисловие, XVIII; ср. Буслаев, Граммат., § 231, примеч. 3; Лавровский, 50); „тому-де годы съ два" (1639 г., Библиотека, II, 728). В украинском восточном в именительном мужского рода *-а-* при „два — чотирі"; исключение: „чотирі волі́ і два ко́ника в дишлі" (Метлинский, 2); с другим ударением (для рифмы): „кохала козаченька два года́, сама осталася молода́" (ibid., 47). Правило множественного числа: „два сині́" (ibid., 243, 244); „три дубі́; три терні́, три браті́, два байракі́" (ibid., 438); „три козакі́" (ibid., 105); „три шагі́" (ibid., 20); „два соколі́" (ibid., 127), „три покло́ни" (Кв.-Осн.); „два ку́пчикі" (Метлинский, 98); „два дру́женьки" (ibid., 188); „два голу́боньки, два коза́ченьки" (ibid., 13); „три годо́чки, три часо́чки" (ibid., 69); „два Донці́" (ibid., 136); „три молодці́, три мі́сяці". Правильно „два коні́" (Куліш, I, 167), но обычно — „два, три ко́ні", с сохранением ударения двойственного числа как „два во́зи" (ibid., I, 157) (при мн. ч. возі́); „три ра́зи" (ibid., 319); „усі разі́, чотирі го́ди" (= годи) (Метлинский); „чотирі ро́ки; три гро́ші" (Куліш, I, 145).

Гро́ші = деньги, гроші́ = шагі́. (Белорусские говоры, смотря по близости к украинскому и русскому, колеблются между „два козака́" и „два козакі́".) В среднем роде в XVI в. — „две решете" (Памятники Киевск., III, 57), „дві окне" (ibid., 6). Ныне кроме общего — двісті — „дві, три літі" (Метлинский, 47, 254, 426); в галицийском — „дві сло́ві" и некоторые другие (Miklosich, 342). По правилу же в восточном украинском, как в русском: „два (3, 4) сло́ва, по́ля, мо́ря, де́рева" (при мн. ч. „слова́... дерева́"); „два (3, 4), рядна́, ярма́, вікна́, весла́" (мн. ч. ря́дна и пр.) и лишь при одинаковости ударения „два стави́ша всі". В женском роде старое двойственное „дві верстві́; три серомя́зі" (Метлинский, 377); „Мост, широкій, же у три лавѣ ити могли вози" (Лет. Самовидца, 149); „Чотирі парі" (Куліш, I, 144). Довольно часто в галицком: „три ягодойці" (Головацкий, II, 92) и пр. (Miklosich, 342).

В русском различается двойственное „двѣ полы, щекѝ“ (с собирательным значением); „обе пóлы, щéки“ (Буслаев, Граммат., § 90, 1). В украинском, повидимому, „дві и обі рукѝ“ (?), но дв. ч., как мн. ч., „у дві полѝ“ (платье); „по три копѝ“ (Кв.-Осн.); „дві копи“ (Куліш, I, 144); „дві дівки, свáшки, світѝлки“, при мн. ч. „дівкѝ“.

Оборот „тѣми десятью копнами“. Собирательность и субстанциальность числительных в падежах, кроме именительного, винительного,[1] исчезли, послуживши ступенью к атрибутивности числительных 5 и пр. (NB. Miklosich, IV, 57—58; 479). Это доказывает, что субстанциальность в именительном, винительном, с одной, и в других падежах — с другой стороны, не одинакова.

Оборот „во шти рублехъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, 341, № 132) может обнаружить атрибутивность числительного лишь сравнительно с ближайшею предшествующей формой: „с пяти десятков“; „в тех шести рублях“ не следует смешивать с архаичными: „въ тъмь шести рубляхъ“. Украинское „жебись мя глядала в пяти рокiв“ (Игнат., 57).

„Тех пяти рублей, тем пяти рублям, теми пятью рублями, в тех пяти рублях“, 6, 7, 8, 9, 10 рублях. Сюда же слившиеся в одно слово 11—19, 20—30. Выражение „с пятью-десятью сыновьями“ (и 60—80) понято как „с пятью десятками, сотнями, тысячами“ (Буслаев, § 230—234). В Псковской I летописи (182) „съ шестью десятью мужь“ показывает, что склонение десятѣ вм. неизменного десятъ возникает независимо от атрибутивности всего числа.

Оборот „с шестью десятьми козаками“.

А. Примеры—Буслаев, § 230—234. Встречается редко в нынешнем литературном языке. Но в церковнославянском и других славянских наречиях пѧть после перехода в собирательность приняло склонение множественного числа: „съ петими сестрами, съ шестьми епископы, пѧтимь воиномь“ (дательный), „двадесетимь и осмимь лѣтомь“ и пр. (Miklosich, IV, 477, 478).

Два, оба, три четыре; двух, обоих (обеих), трех, четырех; двум и пр.; двумя, тремя, четырьмя. Как редкое явление в русском — „къ ихъ же *пятма* варницамъ“ (1551 г., Буслаев, § 231, 3).

Б. Два, оба с окончаниями двойственного числа согласуются с числительным во множественном числе, но лишь в менее субстанциальных падежах. Отсюда — двух, дву-м, дву-мя; мн. ч. дво-х, дво-м, дво-ма. „Ludzie ze trzemi duszami“ (O wypr. choc., 57); „Z roty N. dwoj pachali koni zabici“ (ibid.); „We dwudziestu tysięcy“ (ibid., 22); „Trzej Węgrzynów“ (ibid., 52); „Которыхъ молнія опалила, 4 человѣки отволочили, а три человѣки таки до смерти заразило“ (1470 г., Пск. I лет., 235); „На три праздники“ (XVI в., Достопам., I, 125).

Три, четыре от старого склонения. „По трехъ днехъ“ (Лаврент. лет., 28, 34); „по трехъ... лѣтѣхъ“ (ibid., 67, 4); „по трехъ днѣхъ“ (Новгор. I лет., 12, 20); „трьми недѣлями“ (Ипат. лет., 73, 16); „треми копьи“ (ibid., 132, 30); „3 браты“ (винительный) (ibid., 205, 16); „а которыхъ трее дворць въпросили ваша братья посли, а тѣхъ ся есмы отступили“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.); „съ четырьми есмь вышелъ“ (Лаврент. лет., 53, 4); „съ 4-ми мужи“ (ibid., 62, 9); „въ кельици

[1] „По сихъ 8 колѣнъ“ (Лаврент. лет., 100); „Дать, взять по пяти рублей“—архаично. Относительно падежа (дательного)—„по двѣма“, а не „по два“, которому бы = „по пять“ (по — distribut. с винительным — Miklosich, IV, 632, 633).

Пара как атрибут: „Управление Х. полицмейстера разыскивает владельцев к... найденным вещам... паре медным подсвечникам... трем парам белым лайковым дамским перчаткам, трем парам шелковым туфлям“... (Харьковские губ. вед., 1883, № 63); „Плѣнювномъ десяти племенъ“ (Изборн. 1073 г.; Miklosich, IV, 55).

малѣ, яко четырь лакотъ“ (ibid., 82, 25); „треими деньми“ (Ипат. лет., 211, 23; ср. „двѣима“ — ibid., 155).

Три-четыре первоначально во всех падежах согласуются во мн. ч. и склоняются: „трій, трьмъ, трьми, трьхъ“; затем в русском в более субстанциальных падежах — именительном и сходном с ним винительном — с видоизменением двойственного (два человеки), а в менее субстанциальных — со мн. ч., но в творительном заимствуют окончания двойственного — „трема (дательный) сыномъ моимъ“ (1434 г., Собр. гос. грам., I, № 51), а в родительном — окончание местоименное.

В украинском это распространилось на пять; следовательно, как „обома руками“ (Кв.-Осн.); „двома и трема городами“ (Метлинский), так „з шістьма головами“, „з десятьма головами“ (Кв.-Осн.); „десятьма́ чоловіками“ (Куліш, I, 254); „з дванадцатьма́ отамана́ми“ (ibid., 278). В старом: „къ тымъ петмадесятъ копамъ“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 73, 1522 г.); „двадцатьма копами грошей; межи тыми шестьма особами; пятьма человіком“ (Miklosich, IV, 478; Акты Зап. России, III, 47, 289, 295, 306); „нас десяти“ (Метлинский, 453); „нас десятьох“ (ibid., 454); „къ тымъ петма десятъ копамъ“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 73), хотя — „другую пять“ (ibid.); „съ пятмадесятьми тысячей людей“ (Акты Зап. России, II, 14, 1507 г.); „взяла палаш... гет усіх шістьох стяда“ (Игнат., 8); „в вечір як лігали, усіх дванайцять свічок зажог і усі дванайцять горцьми укрив“ (ibid., 79); „зажог дванайцять свічок, укрив дванайцять горцьми“ (ibid., 80).

15—50 — родительный десятъ, винительный на десяте — неизменно. „Пришли бяху въ полушестадьсятъ шнекъ“ (Новгор. I лет., 13, 28); „Служивъшю ему... полъпята дьсятъ лѣтъ“ (ibid., 19, 30); „полътретьинадесять тысячѣ“ (Ипат. лет., 212); „полпятадесятъ, полтретьядцать“ (акты XV—XVI вв.); „двѣнадчать тысячи“ (1317 г., Собр. гос. грам., I, № 12); „полъпятадесять рублевъ; семъдесятъ рублевъ безъ дву; одинънатцять“ (1389 г., ibid., № 34); „въ пяти сотъ рублѣхъ“ (1440 г., ibid., 132, № 60); „Придали есьмо... сѣножати на дванадцати стоги“ (Акты Южн. и Зап. России, I, № 230, 1487 г.); украинское „п'ятдесять“ (Гербінка, 29); „У тебя быть въ вѣдомѣ десети человѣкомъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ, да тысеча человѣкъ дѣловцовъ“ (Акты, II, 533, 1697 г.); „Половинѣ [тысячи]... пятистамъ человѣкомъ“ (ibid., 534); „надъ тѣми дѣловцами надъ тысечею человѣки“ (ibid., 535); „А у иныхъ по 6, кто за сколко служитъ“ (Котошихин, 91); „по 30 рублевъ денегъ“ (ibid., 108). И постоянно в XVI — XVII вв.: „три рубля денег“ (как доныне в украинском „грошей“); „Час времени“; „три године дана“; „кад је било око по дне дана“ (Рајковић, 129). Киреевский, Песни, II, 5, 9. К случаям генетического обозначения числа может быть [отнесено. *Ред.*] сербское *до* с винительным или именительным числительного „до — двје, до три речи“; „у секе су до три мила сина“ (как бы считая про себя: „раз, два, три“ и включая последнее) (Рајковић, 167).

Раздельное представление частей сложного числа. Цельному представлению сложного числа предшествует изображение его возникновения посредством умножения, деления или вычитания, сложения.

Деление. Счет половинами сверх единиц, десятков, тысяч.

Вычитание. Счет: безъ — undeviginti; девян-о-сто = 9 (десятков) от ста.

Сложение.

„Ты не жди домой сряду шесть лет,
А еще не жди сряду пять лет,

А еще не жди ровно круглый год.
Тому делу стало двенадцать лет,
На тринадцатом году домой приду".

(Беседа, 1856, I, 45.)

Такая постановка родительного указывает итоги, как и в нынешнем языке („денег у меня всего 10 рублей"; „всей одежи две рогожи" и пр.), и должна быть отличаема от порядка слов, принятого по образцу греческого: „Бѣше же тоу водоносъ камѧнъ шесть лежащь... вьмѣстащь по двѣма ли по трьмъ мѣрамъ" (=ἦσαν ὑδρίαι λίθιναι ἓξ κείμεναι) (Остр. ев., Иоанна, 2, 6).

Так как по вышесказанному имя при меньшем числе опускается („всѣхъ путій 80 и 3"), то выражение получает такой вид, как будто родительный мн. ч. (путій) относится к 2, 3, 4, а не вообще ко всякому числу, обозначающему то, что берется из обозначенного родительным мн. ч. Так, в русском и украинском: „В этой комнате печей две [печи], окон три [окна]" и т. п.

Украинское „бери три світилки, дві сва́шки, боярів п'ять (ср. «п'ять бояр») і старостів два, дружків два (два старости, дружки) і візнику (одного). А як нема чобіт і черевиків, так поїзду менше: світилок дві, свашка одна, боярів три" (Метлинский, 165). Сюда же: „сини мої, вас чотирі" (т. е. сині́).

Приблизительность числа грамматически, т. е. формально выражается инверсиею, ибо *съ* винительного означает собственно равенство. Причина инверсии здесь та, что при неопределенности числа предметов говорящий прежде вспоминает известное, т. е. массу считаемых предметов, обозначаемую родительным, а потом — число, требующее предварительного соображения: „было нас человек... пять", нет необходимости подразумевать еще следующее числительное: „человек пять, шесть" (как думает Буслаев, II, § 228, 9; NB. Аксаков, II, 599, 600). Русский оборот: „было человек*а* два, 3, 4" (— версты́ две, 3, 4) для выражения приблизительности мог возникнуть лишь вместе с возникновением особой формы именительного, винительного для выражения числа 2—4 (несколько), остающейся неизменною и при точном и при приблизительном обозначении числительных 2—4: три десятка, десятка три. В украинском в этом случае употребляется форма родительного мн. ч. и при инверсии (приблизительность счета) и форма для „несколько" (согласуется) (при точности счисления). „Я з'їм жуків десяток да гусені, черви́ десятків три в поддаток" (Гребінка) (ср. „три десятки"); „часів три (= три часи) не бачились" (Кв.-Осн.); „верстов з чотирі" (но „4 верстві", „4 версти"); „аршин по чотирі" (= по чотирі аршини) (Кв.-Осн.); „верстов за дві". При 2—4 предлог *по* не производит видимой разницы: „кіп на дві, аршин по чотирі"; но при 5 и пр. приблизительность требует винительного: „били сот по п'ять (= по пьять сот) поклон" (Котляревский); „раз по п'ять розказовала" (Кв.-Осн., I, 42).

ПРЕДЛОГ

§ 1. Предлог *от* (*отъ, ото*)

Старорусское *отъ, ото*; украинское *від* (*од*); белорусское *од* (*ад*); старославянское *отъ*; хорутанское *od*; сербское *од, ода* (старое *оть—отъ*); польское *od, ode*; чешское *od, ode* (старое *ot, ote*); лужицкое *wot, wote.*

Конечное *ъ* в новых наречиях перешло в *о, а, е* — перед некоторыми стечениями согласных, часто ad libitum: отъ всего, ото всего.

а) Раздельное употребление

Во всех славянских наречиях предлог *от* употребляется только с родительным.

В русском: направление от крайней, ближайшей к говорящему, точки предмета, без оттенков поверхности, внутренности, выражаемых предлогами *с, из*; противоположно направлению *до*: отъехать от города. Так во всех наречиях. Пребывание на расстоянии, считаемом от известного (другого) предмета: в пяти верстах от города. Эти значения — основные в применении к пространству. Отсюда:

а) В применении ко времени: от такого-то до такого-то года, дня и пр. Русский литературный язык ставит здесь *от* большею частью при точных обозначениях границ периода времени, т. е. там, где противоположный конец данного времени обозначен посредством *до*; реже тогда, когда другой конец периода остается неопределенным: *от* века, немецкое *seit*. Там же, где в польском, чешском и книжном старославянском („отъсь — вечера") *od* = немецкому seit — в русском *с, из* и выражения вовсе без предлога: чешское od té chwíle, od dětínství, od nynejčka, od včerejška = русскому *с*; чешское od starodavna — исстари; чешское ode čtyr let, польское od lat czterech, od godziny, od tygodnia nie był (= уже 4 года, час, неделя, как...).

Еще к п. а: „час от часу, а к смерти ближе" (от каждого часу); „день ото дня живем".

Время. Слепой от рождения. Сербское: „будале су људи од старине (= с издавна), од ђетинства (= *с*), од малена" (= сызмалу), из малена, „од три годинице" (= с 3 лет), „дођи ћу ти од недеље" (= с неделю), „от поноћи" (Даничић, I, 220, 221).

б) В применении к удалению в переносном смысле: избави от лукавого, средство от лихорадки, заговор от зубной боли и т. п. Защитить, спасти, уволить и т. п. Так и во всех славянских наречиях: сербское „оди зла бранити"; польское „paturu od ognia, lekarstwo od..."

В некоторых случаях *от* переводится здесь через *против* — gegen, но далеко с ним не тождественно по значению. Странно польское stać od wiatra = wzwiatr = против. Сербское „од грозница трава" (Даничић, I, 264 сл.).

в) В применении к сравнению. В русском при сравнительной степени ставится только родительный сравнения без предлога или наречия и наречные выражения с чем, нежели (Буслаев, Граммат., II, 247). Употребление в этом случае беспредложного родительного есть древнейшее общеславянское и из новых наречий хорошо сохранилось в украинском: „завзятіший од всіх бурлак“ (Котляревский); „хучійщий від супоні“ (ibid.); „за внуків славнійших дідів“ (ibid.); „терпіли гірше Прометея“ (ibid., 237); „кращий тебе, луччий мене, з старшим себе зострілась“. И как архаизм в польском (bielszy sniegu, droższy złota), чешском (редко; см. Юнгман под *od*), лужицком (см. Pful под *wot*), сербском (Babukić, 343). В украинском сверх этого — и родительный с *од* (ср. над, за): „есть у мене сестра меньша 'д мене зросла; краща Маруся від всіх нас; луччий од мене“ и пр. Такой оборот обычен в сербском („боли од мене“), польском, чешском, лужицком. Он относится к беспредложному родительному сравнения, как позднейший предложный падеж к местному без предлога, т. е. как пояснение, вынужденное забвением пространственного значения падежа. Родительный и сам по себе означает направление *от* (из), именно родительный происхождения и принадлежности и родительный сравнения.

Что до родительного без предлога в смысле *от* с родительным в „далече страны своея“ (Лаврент. лет., 6, 24, 25; ср. ibid., 241), а также Miklosich, Lexicon под *далече*, то это перевод с греческого, где при *πόῤῥω*, *μακρὰν* — родительный без предлога.

И Даничић заметил, что предметы отступают друг от друга, когда различаются. Согласно с этим в сербском „разликовати се од кога“ (хоть и „различан, разлика“); „други од онога“; друкчији и другојачии *од*..., а затем и *од* с родительным предмета, от коего что отличается, при сравнительной степени (Даничић, I, 264, 265). Последнему соответствует родительный при сравнительной степени в греческом и ablativus в латинском и санскритском. Заметим, что как санскритское anya, так и соответствующее *ἄλλος*, alius — иной имеют значение сравнительной степени и потому сочетаются с родительным; nānyas tvad rathītara: „никто не управляет колесницею (собственно не снабжен колесницею) лучше тебя“. В санскритском ablativus имеет специальное назначение — указывать направление *от*. Употребление этого падежа в санскритском и латинском при сравнительной степени Потт объяснил тем, что при сравнении преимущество а перед б (а лучше б) есть расстояние, отделяющее а *от* б. Таким образом с ablativus comparationis (а равно с соответствующим ему родительным сравнения) аналогичны слова для несходства с предметом, обозначающим направление *от*: *ab* similis differre; *а для* diversus *a*, отличный от *от*. Появление *от* при родительном сравнения аналогично употреблению *de* при сравнительной степени в среднелатинских выражениях, как plus *a* tres pedes вм. латинского plus tribus pedibus (Pott, I, 43).

См. ниже санскритское atas при сравнительной степени.

Отъ при сравнительной степени у Кирилла Туровского, по списку XIII в.: „Праздникъ отъ праздника честьнѣй приспѣлъ есть“ (Калайдович, Памятники, 28).

г) Причина. аа) Действующее лицо при причастиях страдательных и глаголах возвратных в смысле страдательных чаще в старинном языке, чем в современном: „да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь“ (Лаврент. лет., 5); „да держимъ будеть створивый убійство отъ ближнихъ убьенаго“ (ibid., 22, 11); „единъ отъ дьякъ зараженъ бысть отъ грома“ (Новгор. I, лет., 4, 26); „благословенъ, посланъ, поставленъ отъ...“; в древнерусском *отъ*: „потерянъ (погублен) отъ бояръ от Годуновыхъ“. Так

в сербском (Даничић, I, 226, 227). В современном литературном языке принят обыкновенно творительный действующего лица, представленного орудием: „убит кем“. То же в меньшей мере в чешском и сербском лишь в книжном языке (ibid., I, 571); в польском творительного лица, как орудия или причины, вовсе нет.

бб) Лицо, как источник действия или состояния, но не как исполняющее действие или находящееся в состоянии, при глаголе действительном или среднем: „Погибоша Еюптяне отъ Моисѣя“ (Лаврент. лет., 7); „отъ князя (от имени, по приказанию) изымаша Василья Даниловича“ (Новгор. I лет., 83, 31); „поклонитесь от меня, скажу — пошли, передам от вас“. Лицо, служащее источником действия, может в то же время быть исполнителем его: „говорю от себя“ (motu proprio). Так и в сербском, чешском, польском, лужицком; в сербском см. Даничић, I, 228.

К пп. аа и бб относятся и такие выражения (общеславянские), как: беда, помощь, жалованье, благословение от кого (причиненные, данные кем).

вв) Предмет или обстоятельство как причина: от горя, от печали, от болезни, от раны умереть (ср. с горя) — от чего? = почему?

Основное значение — направление *от* — явственно и здесь. Причина представляется исходною точкою. Такой же переход к значению причины от значения удаления виден и в родительном без предлога, впрочем, кажется, только в одном случае, именно в украинском чого в значении почему. Русское — чево ты плачешь? „Ой од чого, дитя моє, впилася? — Ой упилась, моя матінко, од ножа“ (Метлинский, 286).

Родительный причины: „якої лихої години“ (например сидить); „якого гаспида“ (те и те робили) (Номис, 70) есть общеславянское, но каждое наречие имеет особенности, например польское: „od niewoli sługa“ по необходимости, за неимением лучшего; „Zalecać kogo od skromnosći żywota“ (т. е. скромность, воздержность жизни — основание рекомендации).

Родительный цели. „Dobry od czego, naprzikład od zwady, od rady“ (т. е. до zwady = rada, zwada) на самом деле — цель, для которой, например, держат человека, не представляется исходною точкою, т. е. причиною держания; „od czegoż ręce język“ (к чему); так и в чешском. В сербском „од себе“ = сам по себе, сам собою (по себе — причина; собою — орудие); например „ко је од себе (= сам по себе, от природы) рђав, не можеш га бојем доћерати да буде бољи“; „то се разуме само од себе“ (= само собою) (Даничић, 241). В сербском же: „жити от чего“ (что возможно и в русском в смысле „чем жить“); „од мора“ (т. ј. од путовања по мору); „Доспѣша тогда обѣ сторонѣ противу себѣ. Софiйскаа сторона хотя мьстити безчестiе братiи своеи, а Славеньская отъ живота и отъ головъ“ (от = ради, защищая) (Новгор. I лет., 87, 9); „Што от шала сердча словечка не забаешь“ (Барсов); „Я не знаю то, победная, не ведаю, — От толку́ сказать, победна, по хорошему“ (ibid., 259); „Это он сделал от большого ума“ (иронически).

д) Происхождение. *α*) Откуда, т. е. из какого места. В современном языке почти не встречается [в Новгор. I лет.: „Марковъ отъ (= из) Рима, игуменъ отъ св. Спаса (= спасский)“ (Пыпин, II, 90)] и заменяется посредством *изъ* с родительным или прилагательным относительным (однако: откуда, отколе; украинское вiдкiля). В сербском в этом случае *от* с родительным есть оборот господствующий: „риба од Охрида (= охридская); грожђе од Леванта (= левантская); биље од планине (= горная); од Прилипа Марко, од Сибиња (= сибинский) Јанко“ (Даничић, I, 222—224). *β*) Из чего, т. е. из какого материала —

в прямом и переносном смысле. В русском здесь *от* с родительным очень редко. У Буслаева (Буслаев, Граммат., II, 276) два примера: „сѣдло *отъ* злата жьжена“ (Ипат. лет., 187, 12, 36); „цепь от злата“ (Кантемир).

От руки — od ręki. *От* разу (происхождение от чего с творительным орудийным — разом).

Впрочем „от чего“ (= от какой причины) и „из чего“ (= из какого материала) смешиваются народом, и сюда же можно отнести некоторые вопросы и ответы в Голубиной книге. Это очевидно: „отъ земли тѣло, отъ моря кровь в человѣкѣ, отъ огня — жаръ, от камени — кость“ (ср. Костомаров, 535). Здесь камень не причина или начало существования кости.

В сербском этот оборот преобладает над прочими. Если в сербском при *од* — существительное с эпитетом, то в русском (в русских песнях) — существительное с эпитетом в родительном без предлога (Буслаев, Граммат., II, 245: „чиста серебра“), соответственные прилагательные сложные (белодубовый, украинское щирозлотний) или (что̀ господствует в современном литературном языке) *из* с родительным. Если в сербском — одно существительное или местоимение с *од*, то̀ в русском только *из* с родительным или прилагательное. Ср. „столови од биjела сребра, купа (= кубок) од сухога злата, гусле од сувога jавора; лађа од ораха (= ореховая), кожух од међеда, црква од камена“ (= каменная, из камня) с такими выражениями, как „од ћеце људи биваjу“, „од тог не ће ништа бити“, „од шта вређа од тог и узица“; в русском только *из*, в украинском *з*, *с* с родительным (см. Даничић, I, 242—245).

е) Цена. По Далю, в Москве говорят: сукно от трех рублей (= трехрублевое); конь от ста рублей (= сторублевый); жених от рубля (= рублевый, т. е. гроб, по цене гроба у крестьян). Оборот этот отличен по значению от польского „ot trzech tysięcy go nie dał“ — не уступил дешевле (далее по направлению к единице от 3000) трех тысяч, и совершенно совпадает с беспредложным родительным количества и меры в русском и с сербским *од* при несклоняемой форме (по виду именительный, винительный) числительного: „конь од сто дуката, лед од девет аршина, диjете од неколико година“. В сербском такой же оборот и для русских *о* с местным и *в* с винительным: „кула од девет тавана“ (= о девяти этажах); „камциjа од три струке“ (тройная); „риба од шест крила“ (= о шести, шестоперая); „войска од неколико хиљада“ (= в несколько тысяч) (Даничић, I, 248, 249); „Учись, брате, торговати, Як сестру продавати. Не давай сестри от золотого, От таляра битого“ (Гродненская губ., Кобринский у., Сборн. Сев.-зап. кр., 211).

Неясно, впрочем, в каком смысле направление *от* применено здесь к цене. Возможно, что оцениваемый или измеряемый предмет представляется принадлежащим мере — цене, и в этом смысле идущим от нее.

ж) Принадлежность. В русском редко (ключ от дверей = дверной). Выражение „генерал от кавалерии“ и пр. не народны; ср. латинское a secretis (= secratarius), ab epistolis.

В сербском обыкновенно рядом с родительным без предлога: „господар од куће, господар од Србиjе, глава од кнежине“ и многие другие (Даничић, 251—254), где в русском один родительный.

з) Часть. В русском — как архаизм: один от них = из них; оставаться от чего. В сербском обыкновенно: „сваки од вас; полу од сахата“ (ibid., 254—258). Часть представляется идущею от целого.

В рассматриваемом предлоге конечное *т*, сохраненное в старославянском, русском, лужицком, старочешском, древнее чем *д*, как видно из сравнения с санскритским á-tas. Á-tas — из местоименной темы

3-го лица и суффикса *tas*, образующего от местоимений и существительных наречия, со значением удаления *от*, равносильные относительному падежу (ablativus): kú-tas, tá-tas, yá-tas, svarga-tas, латинское coelitus, in-tus, sub-tus (последние два в значении местного), греческие ἐκ-τός — вне, вдали от, ἐν-τός = intus (Bopp, Grammat., II, 243, 244; III, 492, 493). Бопп (II, loc. cit.) предполагает здесь и формальную связь с суффиксом относительного падежа (ablativ) -at- или -t-. Согласно с этим á-tas, употребленное как наречие, значит: от того [лица], от этого места, отсюда, оттуда, от этого времени, впредь, вслед за этим временем; оттого в смысле поэтому (причина).

В дополнение к сказанному выше о предлоге *от* с родительным при сравнительной степени и при други, друкчиjи заметим в санскритском atas при сравнительной и превосходной степенях и при anya в положительной — того, польское od tego и т. п.; ataḥ svalpīyasi dravyē, — в вещи (предмете) ничтожнейшей, меньшей этого; ataḥ kastataram — хуже этого; ato 'nyathā (anyathā, наречие — иначе) — иначе чем (сербское инако *от* того), atō nyatama (собственно инейший от ... который-нибудь из ... (Böhtlingk).

Тождество *от* с atas, впрочем, очевидно, принято Миклошичем и другими, но не Поттом, который, ошибочно основываясь на форме *одъ*, сравнивает с санскритским ádhi — super, ad (Pott, I², 277). Миклошич (Lexicon — *отъ*) ссылается на Потта (Pott, I, 195, 256, 257), где говорится о литовско-латышском слитном предлоге *at*. И действительно (несмотря на затруднение от предполагаемой потери *as* в *at* сравнительно с санскритским atas, славянское *от* — потери, которой могло бы и не быть в литовском, сохраняющем конечное *as* во многих случаях) сравнение *от* с латинским *at* не лишено довольно прочных оснований. Относительно потери окончания в *at*, иногда перед согласными ata, ср. литовские sukam', suk-a-me — сучим; санскритские mas, suk-a-t', sukate — сучите; санскритское tha — от tas. О значениях литовско-латышского *at*, совпадающих с *от*, см. ниже, где идет речь о слитном употреблении *от*. Здесь заметим только заимствования из славянского, которые должны быть устранены из сравнения: литовские atlakas, atlagas = польскому odłóg, украинскому одлiг; atpuskas — отпуск, в старопольском odpust, может быть atpencz; напротив — из опять (назад, обратно), но не непосредственно, а через предполагаемое польское opięć, выведенное из опять, а может быть и незаимствованное; литовское atolas (удвоение у Нессельмана и др. attolas не имеет этимологического значения), латышское atols — отава, которые будто бы произошли из литовского ãt-žalas — отросток, побег (želti — зеленеть, расти), латышское at-sals (at-zals?) и которые якобы объясняют русское „отава“ (Pott, I, 256), на самом деле не имеют ничего общего с at-žalas, не заключают в себе предлога *at* и заимствованы [сравни с русским отава, к коему относятся по звуку *л* так, как литовское lastalka (ластовка в рубахе) к русскому ластовка]. Литовское atoluga — ein Riemen, Schuhriemen, ein Senkel (отвес — веревка); ср. оттуга — обора у лыж. Литовское atboti вызывает некоторые сомнения. Оно принимается за сложное с *at* и значит „обращать на что внимание, заботиться о чем“, совершенно как украинское дбати на що, польское dbać na co, причем с тем же значением и с такою же конструкциею, как „дбати на“ — стоит литовское daboti ant (*на*), которое Нессельман и Шлейхер считают сложным с очень редким в литовском слитным предлогом (так как плеонастическое *да* в жмудском, вероятно, сюда не относится, а соответствующие русские *да, та*) *da*. Таким образом эти ученые в обоих глаголах видят

boti, который и точно есть с тем же значением, как и сложные; у Доналейтиса: ne bok в смысле не-бось, не заботься об этом, „не дбай на то“. Но позволительны вопросы: не есть ли daboti прямо дбати по старинному выговору с ъ: дъбати? не есть ли atboti, в коем смысла предлога *at* не чувствуется, то же дбати с эвфоническими *a*, быть может, как говорят по-немецки „mit Anlehnung an die Präfix *at*“; наконец, не есть ли самое boti, boja неправильно сделанное отвлечение от atboti, осмысленного в atboti и daboti?

Требовалось бы фактов для доказательства туземности предлога *da-* в литовском. См. дбати и литовское dabinti, польское ozdobić и пр. [в латышском *da* в d a-i̊ti = доити (i̊ = *ia* с ударением на *i*), литовское daeiti; dabuti — добыть что, dabúti — добыть до известного времени, латышское d a - n â k t — hinkommen, кроме последнего, — могут быть заимствованы].

От слитно в наречиях.

На меже между раздельным и слитным употреблением стоит *от* в наречиях: отселе, откуле, откуль, откуда, откуду, откудова, откудь; оттель, оттеле, отсюда, отсюду, отсюдова, оттеда, оттоль, оттуда, оттуль; отвнутрь, отвне, отдали; оттого, отчего; сербские одакле, оданде, одатле, одасвуд, однекуд, одолен, одсвакле, одсвакуд, и пр.; одоздо, откале, отле, отоле, отуд; отпре, отпрво. В старославянском постоянно с ъ: отътѫдоу и пр. В сербском одвећ, одвише. „Лагодь коні! Та коні вже від-коли готові! Лиш сідати“ (Федькович); „Доста я відоногда (уже с тех пор, уже после этого) до його серце стратив, а тепер щоби його таки й не видіти“ (уже вперед бы и видеть) (ibid.). Від-так (от той поры, как) после этого, далее, затем: „Господь погрозитця, а віттак і обернетця, і вже добрий“ (ibid.); „Клонюся вперед богу святому, віттак вам, честний брате“ (ibid.); „Музики пішли уперед, за ними повели мої сестри стороньских дівок; віттак пішли другі музики, а за ними рушили парубки“ (ibid.).

б) Слитное употребление

а) Удаление *от* чего.

аа) В существительных значение отвлеченных имен видоизменяется направлением, обозначенным посредством предлога: отбег (отбеганье), отбеги, отход (отхожденье — и место) отрасль (растущее *от* и выросшее *от*), отросток, отвес (висящее *от* чего вниз; ср. отвисать). Если первообразное конкретно, то сложное с предлогом получает значение предмета второстепенного, меньшего, чем тот, от коего отклоняется: отвершек реки — приток при вершине; о[т]врага — одна из ветвей, сходящихся в главный овраг; отрогъ — отсоха рога, побочный горный кряж; отвалина — отсоха вилы, кряж, ветвь; отгривок — ветвь гривы, т. е. невысокого горного хребта; открылок, отлапок — боковая лапа; отмель — собственно мель, идущая от другой, т. е. от берега, польское odmiał значит именно odbrzeżna miałkość; отнога хребта, столба (подпора или пасынок); отнога дерева — побег от корня; польское odnoga — корень, идущий от главного, рукав реки, залив морской; отнорок — боковая нора; отплесье, отплесок — боковой разлив плеса, а отплесье — подводная нога (идущая от плеса); отсошка; отзимье, отзимок — позимки, пазимки, последние морозы после теплых дней, польское odzimie, der Nachwinter — pozimie (то, что остается от зимы); отълѣкъ.

Отóса, отосъ собственно могло бы значить боковая ось, но значит „идущее от оси“, веревка от конца передней оси к концу оглобли;

польское odosa — część od osi wychodna (bywają dębowe, brzozowe); отпечаток, что идет (происходит) от печати в смысле печатанья.

Отрокъ: 1) отрокъ — мальчик (старше, чем дитя, младенец; старше, чем юноша); 2) в летописном языке — один из дружины (младший), с чем ср. постоянный эпитет в украинском „джура малий" — слуга. Старославянское отрокъ — то же и раб; хорутанское otrok — дитя; чешское otrok — только раб, наемник; лужицкое wotročk — паробок, особенно Grossknecht, Oberknecht, но другие производные предполагают в wotrok значение раба. Польское otrok (старинное — мужчина в противоположность женщине; однако otroczę — отроча). Относительно связи представлений мальчика и раба ср. готское thius (тема thiva-) — раб (древнескандинавское thion — сравнивают с тіунъ; сюда же dienen); по Боппу от санскритского *tu* — расти, стало быть, первоначально — мальчик, как готское magus — мальчик, древне-верхненемецкое magad (at), новое magd — puella от санскритского mah расти (Bopp, Grammat., III, 372). Наоборот, уменьшительное от польского chłop — chłopieć — мальчик. Подобно этому — робѧ от робъ. В литовском bernal паробок (работник), потом — „мо́лодец" в смысле украинского, польского „chłopiec — хлопецъ" предполагают значение „мальчик", сравнивая с скандинавским barn или считают заимствованным отсюда (Nesselman, Wörterbuch). Древне-верхненемецкое chnecht — puer, servus, miles относят к gan (санскритское jan) generam; ср. knappe.

По Миклошичу (Lexicon) отрокъ из от — предлог и рок, собственно niemowlę, infans, qui fari nequit. Юнгман не принимает подобного этому мнения Добровского на том основании, что в старославянском после *от* нет *ъ* (в полабском имеется wratrik — раб, сын, между тем как предлог *отъ* предполагает форму *wit*). Что до первого, то во многих случаях *ъ* в *отъ* перед *р*, частью перед другими звуками, не пишется (см. Miklosich, Lexicon; у Востокова например: „отврѣсти", „отврѣсти ся от рода"); что до второго — ср. украинские *од* и *від* в одном и том же говоре, между тем как изменение *о* в *і* в украинском, вероятно, превосходит правильностью подобное (только отчасти) явление в полабском.

К этим возражениям можно прибавить еще столь же слабое, что в чешском, польском, хорутанском *от*рок, а не *од*рок, как можно бы ожидать, судя по предлогу *од*: этот смысл слова мог быть потерян раньше ослабления *д* в *т*. Важнее то, что, хотя отрицание представляется удалением от предмета, согласно с чем после глагола с отрицанием ставится родительный предмета, от которого удаляется отрицаемое действие, но тем не менее не видно других примеров, в коих *отъ* имело бы значение отрицания, как предлог *у*.

Отрубь — перхоть; отруби — furfur, старославянское отрѫби, польское otręby, старое otrębiny, otrębyny, чешское otruby, хорутанское otruby, верхнелужицкое wotruby, нижнелужицкое wotrubi. Объяснение: „отрубленное" (Юнгман) более вероятно, чем сближение с „тереть — теребить — трѣбити", причем отрубь значило бы и этимологически то же, что потря, или о-теребии. Об отсутствии *ъ* в старославянском и *д* из *т* в других наречиях см. выше. Верхнелужицкие wotrubanki — трости, щепки — подтверждает предположение, что рубить, как рушать, имело некогда более широкое значение, чем теперь — именно: толочь, драть, рвать.

Отрядъ в нынешем значении части войска (отдел, отряд), отряженной вперед или в сторону. Отряжать — в этом смысле (Ипат. лет., 127, 35).

бб) Глаголы действительные с *от* (*отъ*) — действовать по направлению от = удалить посредством действия, обозначенного беспредложным глаголом, причем *от* (*отъ*) противуполагается предлогам *до*, *за*, *при*:

отгорнуть (горт), отогнуть, отодвинуть, отдалить, отклеить, отклонить, отвести, отнести, отнять, отомкнуть, отпрячь, отслонить, отбить (например бочонок), отобрать, отбросить, откинуть, отогнать, отправить [кого (направить от)], отборонить (защитить от чего), отгородить [что от чего (часть от целого)] — с последним сравни: отгрызть, откусить, отодрать (что от чего), отжечь (часть чего), отжать (например руку), отколупать, отломить, отжить (несколько), отлить, отбавить, отварить [собственно удалить посредством варения известную часть варимого (см. отвар, собственно отваренное, например от мяса)], отведать (чего — новгородское, также и украинское одвідати кого — навестить на неопределенное время), от[т]ворить (так пишет Даль согласно со старославянским от-творить, как украинское од-чинити, литовское at-waryti, немецкое auftun, и, стало быть, отлично от сходного по значению odewrzeć, отъврѣти); противоположное — *при*-творить, *за*-творить.

Отгадать (противоположное *за*-гадать) как бы гаданьем — мыслью открыть. Отговорить кого от чего — словами удалить от намерения; болезнь удалить заговором. Отворотить кого от чего, отвратить.

Глаголы возвратные с *отъ* = удалиться или отделиться от чего посредством действия беспредложным глаголом: отделаться от кого, чего, отбожиться, отмолиться, откреститься, отбиться, отнекаться.

Глаголы средние: отлететь, отойти, отбежать, отстать (стать вдали от), отступить и отступиться, отгореть от, откоснуться от, отстоять (стоять вдали от), отбывать от работы, отбыть куда, отбыть что (на панщину в украинском; бытьем, житьем удалиться, отделаться от).

В современном русском после подобных глаголов ставится родительный предмета, от коего направлено действие или отстоит состояние, обыкновенно с предлогом *от*. Такое повторение предлога здесь, как и в других случаях, хотя и общеславянское, но позднее беспредложного родительного. Ср. старорусское „се... отхожю свѣта сего“ (Лаврент. лет., 69, 28); „Отпаденье ангельского житья“ (ibid., 38, 13); „Якунъ ту отъбѣже луды златоѣ“ (ibid., 64, 14, 15); „отдати болѣзни (родительный), отдати гнѣва“ и пр. (Ипат. лет.); „отступить кого“ (ibid., 28, 32 и др.).

Украинское „чобіт одбігти“ (убежать, оставивши чоботы). Редко без предлога — „отречься чего“; „одвідаю роду“ (Метлинский, 244); „Одвідаю кохання свого“ (= свою милую) (Костомаров, Песни). В старорусском „того не *от*ступаю“ (Новгор. I лет., 45, 20). В юридических актах XIV—XV вв. „отступалися Васильевы землѝ“; „ждать друга — *от*быть плуга“ (пословицы XVII в.); „Добрыня того не *от*пирается“ (песня); „*от*чаялся жизни“ (XVIII в., Буслаев, Граммат., II, 289). В старом „отъчаіати ся живота“ и пр. Так, в старославянском отрѫгнѫти ся, отрѣяти, отъбыти, отъбѣгнѫти (отъбѣжати), отъвести злаго обычая; отъвести душу любъве и мн. др. — без различия залога (см. Miklosich, Lexicon). Так, в сербском „одреħи ся, одметнути се бога, одбјеħи кого, одјахати коња“ (слезть с) и др.; польское obieć czego, odomrzieć kogo (умерши оставить) и др. То же сочетание остается и при именах отглагольных: „по отшествіи сего свѣта“ (Лаврент. лет., 63, 3).

В литовском *at* с таким же значением: *at*daryti — отворить, *at*dengti — aufdecken, *ad*imiti — отнять (wegnehmen), *at*lankyti (по предлогу = украинскому одвідати), *at*pleszti—оторвать, aufreissen. At-si-drés-ti собственно „дышать от“; т. е. отвне (набирать духу), или извнутри (выдыхать): 1) Atem schöpfen, aufatmen, польское oddychąć = просто дышать; 2) отвести дух, перевести дух, отдохнуть; польское odetchnąć, sich erholen; atstoti — отстоять от, отстать, atverti; польское odewrzeć, atstas — отстоящий, в смысле далекий.

Отгрызка — выговор, обратно данный. Отгрыза — грубиян.

б) Предполагается говорящим, что уже раз совершилось движение по направлению к предмету, вследствие чего предлог *от* получает значение обратно, взаимно: „възвы волчьскы, и отвыся ему волкъ“; „Позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Чьрниговъ . . . и Новгородьци не отпьрѣшася ему, идоша“ (Новгор. I лет., 23); „Оже есте мой Городець пожгли и божницю, то я ся тому отъожгу противу“ (Ипат. лет., 70, 3). Так и в современном языке: „отвыться“ — вытьем ответить на вытье; отверстать кому что в смысле отплатить; отомстить; отворотить кому долг — возвратить; ответить, украинское одказати, сербское одговорити, польское odpowiedzieć; отдать, отдарить, отслужить, отзываться, откликаться („отмалчиваться от“ — не сюда, а к пп. а, 6б — отделываться молчанием). „[Она дала то-то,] брат їй знов віддарувався крамськими чобітьми жовтими“ (Федькович, 14).

Так как первоначальное значение предлога (например *отъ*) остается в этих глаголах назади, то при них уже не встречаем ни беспредложного, ни предложного родительного предмета, от которого направлено движение, но видим постоянно дательный лица или винительный с *на* — предмета, к которому направлено движение. Так и в других наречиях, например в польском odpowiedzieć, odrzeć komu co, naco; в чешском odpovidati komu naco v. k čemu, в сербском одвала: „гора je *одвала* (der Rückfall, recidiva) њего повала“ (Караџић, Рјечник, 441).

Литовское at-dū̃ti — отдать, отдавать; at-raszýti — отписать, письменно ответить; at-liépti — отвечать на приказание, откликаться, отдаваться (о звуке) и пр.

Вероятно, упомянутым выше преобладанием значения цели над основным значением исходной точки в таких глаголах, как отдать, может быть объяснено, что в литовском *at* имеет также и значение славянского *до*, *при*: atbė̃gti — прибежать; ateĩti — прийти (сербское доћи); atlė̃kti — прилететь, сербское долéтjети; atnė̃szti — принести, сербское донети, донаjети; atvė̃sti при новосербском довести; в латинском везде *ad* слитно, в немецком *her*. NB. Следует отличать от этого значения русского и других *до* в „донести *до* чего“, где *до* = немецкому *bis an*. Латышское at-i̊t (i̊ = *ia*) — hergehen, at-braukt = herfahren (Bielenstein, 245).

Отрада — утешение, на чем душу отводят, не прямо радость, а скорее успокоение, перерыв в страдании: „только и отрады, как боль немного отпустит“ (Даль, Словарь). Украинское: „нема мені одрадоньки од мого нелюба. Нема мені одрадоньки ні д'отця, ні д'неньки; сушять мене, в'ялять мене мої вороженьки“ (Метлинский, 253). Скорее: „нет покою, не перестаю терпеть от . . .“, чем „нет радости“. Старославянское от(v. *отъ*)рада — relaxatio, solutio, venia — облегчение, прощение, вероятно, в смысле послабления. Отрадити, relaxare, облегчить, оставить (или отпустить, именно столько-то дней, дать срок, льготу), сострадать (с точки зрения следствия сострадания, т. е. послабления для страждущего). Радити, конечно, не в значении как русское „радеть“, или украинское радити, польское radzić — советовать, а в значении делать, так что отрадити, собственно от-чинить, как противоположное глаголу причинить боль, болезнь, горе. Ср. польское odczynić czary (сербское чини) — уничтожить, собственно действовать в направлении, противоположном тому, в каком чинены чары. Ср. также несколько отличное по значению reficere se, recreare.

в) Как опять — латинское re, немецкое wieder от значения обратно переходят к значению снова, вторично, так и славянское *отъ* слитное. Такое значение явственно, например, в польском odmłodzić,

чешском odmladiti — опять сделать молодым; польское odbudować — выстроить вновь; czytać i odczytywać — читать и читать вновь, читать и перечитывать; odżyć — ожить, стать вновь живым; odroda, odrodzenie, odrodzić — возрождение, возродить; odrosnąć — вырасти вновь. Столь же явственно это значение в литовском at-gýti, снова ожить, снова стать здоровым [хотя и беспредложное gýti — польское goić się — заживать (о ране), выздоравливать]; atszilti — отогреться, снова стать теплым, оттаять; atkartóti — повторять, вторично пахать (хотя по Нессельману и kartóti, собственно, „разовать" от kar̃tas — крат, раз, значит пахать вторично); atmálti — молоть вторично, молоть так, как прошлый раз; atmiñti — вспоминать, вторично приводить на мысль (minėti, этимологически = мьнѣти, значит думать о чем, помнить). В русском такое значение предлога тоже заметно: отживок — ветка, выросшая на срубленном или высохшем дереве, отжив — выздоровление; отрасти — вырасти вновь (например о скошенной траве, о стриженых волосах).

Отворачивать (у Даля отмечено южным) — пахать и засевать поле вторично, не покидая его под залежь.

Не ясно, есть ли мысль о вторичности в следующих:

Оттаять (не совсем растаять); откровéть — отмокнуть, отстать („корка каши откровела от стенок, река откровела", т. е. лед по реке стал мокрым, покрылся водою); отмякнуть, стать мягким (опять?);[1] отсыреть, стать сырым (опять?); отжиденеть, отжидеть, стать жидким (вновь?); отстроить (вновь? или только прямо выстроить). Когда говорят, что спички отсырели, то не думают при этом, что они и прежде были сырые; например свежий табак — сырой — засох, потом отсырел. Отсюда видно, что представления вторичности может и не быть. Отволгнуть, отволожить — стать или сделать влажным, с чем сродно украинское од'лига, курское отлыга — оттепель, польские odwilga, odwilż, odwilgnąć, чешское odvlhnouti, сербское одвугнути, хорутанское odvolhnuti, не непременно wieder feucht werden, а и просто feucht werden. Оттепель. Отвымнеть — о вымени: налиться, набухнуть; представляется ли, что вымя тогда только и есть вымя, когда полно, так что отвымнеть — снова стать выменем? Везде после глаголов п. в нет следующего *отъ* с родительным; очевидно, неуместен и дательный лица.

г) Удаление *от* известного действия или состояния может представляться его окончанием, прекращением, состоянием, противоположным тому, какое обозначено глаголом без предлога: отбагрить — окончить багренье; отбороноваться, — окончить бороньбу; отговеться; отгодился топор — уже не годится; отжить, перестать жить в собственном смысле (умереть) или переносном (перестать жить полною жизнью). Девица, выходя замуж, говорит подругам: „отгуляла я с вами, отпрохладила"; „Отзвонил, да и с колокольни прочь"; „Отгуляли святки"; украинское „одгуляли святки" и мн. др. Старославянское отъалкати. „Трясеся земля... въ обѣдъ, а иніи уже бяху отъобѣдали" (Новгор. I лет., 45, 26). Хорутанское odslužiti — перестать служить; польское „odmówić pacierz" — проговорить; odechcieć się — отхотеться, перехотеться, odboleć; чешское odmluviti, odspívati и пр.; латышское atstâwêt — zu Ende stehen, abdienen; прусское et-winût — извинить (Pott, I, 257), т. е. уже не винить более, или *отвинить, удалить от вины. Напрасно Даль считает неправым

[1] Сербское одмекнути = хорутанскому odmeknoti, русскому оттаять, польскому odmięcz. Отмель.

употребление **отмерзнуть**, например о земле, в смысле оттаять, отойти. Собственно это значит перестать быть мерзлым. Так и в сербском **одмрзнути**, хорутанском **odmerznôti**.

Старославянское **отълѣкъ** — остаток, собственно, что остается *от* чего, литовское **ãt-liekas**, -ai (мн. ч.) — остаток чего.

Прекращение действия может представляться достижением известного результата. **Откормить**, **отпоить** значит не только перестать кормить, поить, но и выкормить, упитать; **отъесть** — окончить еду; **отъесться** — подобреть от еды.

Литовское **at-si-ẽsti** — нажраться до отвалу (о животном); **at-si-gérti** — напиться вволю, до пьяна.

Само собою, что *от* при одном и том же слове может иметь многие из приведенных значений, например **отписать** и т. п.

§ 2. Предлог *до*

а) Раздельное употребление

Во всех наречиях склоняемое слово ставится при этом предлоге в родительном, и только в сербском и в именительном.

1. а) Направление к крайней, ближайшей к говорящему, точке предмета, доходящее до самой этой точки, но не захватывающее предмета; „дойти до города“ — до пределов, не переходя за них; это значение строже всего выдерживается в русском народном (за исключением говоров, находящихся под влиянием украинского) и в литературном.

В украинском *до* ставится в известных случаях и там, где в русском *в* с винительным, *к* с дательным: „Пійшла мати до (в) Киева“; „не ходи до сіней, а іди до хати“ (Метлинский, 2). Так, уже в Ипатьевской летописи: „Устремишася побѣгнути до дѣтиньца“ (Ипат. лет., 199); „Иде Воишелкъ до Галича къ Данилови князю“ (ibid., 201); „бѣжа до Пиньска и ту живяшеть“ (ibid., 201); „посла по брата своего... до Полотьска“ (ibid., 201); „До броваря дрова таскати“ (Котляревский, 121).

В Ипатьевской летописи часто: „Одва убѣжа Василко до города“ (Ипат. лет., 102, 4); „дщерь отда... до Холма“ (ibid., 101); „Со посла до Нальщанъ по свою свѣсть“ (ibid., 201, 25); „Не буду до суду, до віку“. До суду — до самого суда (причем **суд** исключается); до віку — пока век (век включается). Ср. польское do cześny и в грамотах XIV, XV вв. постоянно, например „быти намъ съ тобою за одинъ и до живота“ (т. е. до смерти); ср. польское dożywocie — по жизнь. Народное до долу, до дому (русское долой, домой — отлично от до дому до долу). „Приїхали до (к) Марусі три козаки в гості; іділ, хлопці, до мене (ко мне); ходім до (к) попа, нехай зв'яже руки“. В русском очень редко вм. *к*: „повезли его *до князя* Владиміра“ (Буслаев, Граммат.[2], II, 269); „Я пришел до (к) вашей милости“; „я до (к) тебя с просьбой“ (Даль, который напрасно приравнивает эти выражения к тем, где *до* — относительно, см. ниже). Такое распространение значения *до* (usque ad), повидимому, относительно ново; в старославянском ни Востоков, ни Миклошич не приводят ни одного примера, согласно с украинским; но в сербском, чешском, польском, лужицком — согласно с украинским, сербским „отићи до града, слати до кога“ (Даничић, I, 153, 154).

Западные наречия гораздо последовательнее украинского в замене *в* (*въ*), *к* (*къ*) через *до*: чешское do koryta vlezti, польское do kąta — в куток; do lesa, польское do lasu, do pługa, do djabła (украинское „вовка в плуг, а він — к чорту в луг“); польское mówić do kogo; лужицкое do někoho ryčeć = украинскому говорити до кого (кому, к кому); по-лужицки **do**

Ђоhа věrić — старославянское „до свѧтыхъ не вѣруешь“ (*κατὰ ἁγίων*; *κατὰ* — где в значении направления к цели, отношения к); „хоуливъшюмоу до стаго доуха“ (*εἰς*); восточно-украинское — в бога, как в чешском, польском и пр. В польском согласно с этим и наречие dokąd — значит куда, а не то, что русское докуда, чешское dokud, dokad и пр.

б) В украинском после многих глаголов, сложенных с *при*, стоит родительный с *до*: привьязати коня до прикорня, до якорня, „до берестонька“ (Метлинский, 19); „присшлити до чого“ (привязать — в галицийском); „пригорнути до серця“. Так и в польском; здесь, впрочем, *до* вовсе не непременно условлено предыдущим *при*: „вʼяже коня до ялини“ (ibid., 91); „горне до себе“; „пристало серденько моє до твого“ (ibid., 6); „до морозку ніжки приникають“. Так и в польском. В русском в обоих случаях *к*.

в) Пребывание в пространстве, простирающемся до известного предела, не отличается от движения, направляющегося до чего, потому что если не движется пространство, то движется по нем глаз и мысль. Таким образом выражения: „сверху до низу, от земли до неба“ одинаково могут означать и пределы движения и пределы пребывания. То же относится и к переносным значениям предлога *до*.

2. Время представляется пространством. Пределом действия и пребывания во времени может быть отвлеченное обозначение времени или конкретный предмет, действие, состояние: с трех до пяти часов, с утра до вечера, от зари до зари, до самого обеда, бить до крови, есть до-сыта, пить до-пьяна, испугаться до-смерти; украинское — з вечера до ранку и т. д.

а) Согласно с основным значением, д о ч е г о — о времени, значит раньше чего: до свету — когда еще не светает, относительно украинского досвітки, — пора до рассвета, сходки на работу до света, ср. чешское d o č a s - n ý, польское doczesny — временный, довременный, противоположное — вечный; верхнелужицкое doczasny — преждевременный; о с ч е т е: до десятка, не включая десятого счетом, стало больше — меньше десяти, не известно на сколько (около десяти — значит по сю и по ту сторону, следовательно, и больше десяти); до третьего р а з у, например, спускать — два раза, а за третьим — наказать.

Из этого общеславянского значения развивается сербское *до* — кроме (Даничић, I, 162, 163); в этом смысле *до* как наречие при именительном падеже (ibid., 163).

б) Включая самый предел, до коего что простирается: „и поидоша ониполовици и до дѣтій“ (= тогобочные пошли всѣ, не исключая дѣтей) (Новгор. I лет., 37, 1); „изсѣкоша вся отъ мужьска полу и до женьска“ (ibid., 52, 7). Старое и современное „от мала до велика“ со включением великих [кажется, сюда же русское областное „приходи до недели“ — через неделю (Даль, Словарь). Неясно: „хракнеть кровію человѣкъ и д о т р и д н и бывъ да умреть“ (Новгор. I лет., 58, 24) три ли дня, или до третьего дня; а относительно отсутствия родительного падежа при предлоге ср. ниже сербские и русские выражения наречного значения, как п о к о н е ц в значении местного]; „Всѣ до одного“ — со включением и его. Особенно развито это значение в сербском. „. . . Сви до jеднога, све до новца“ (до последней копейки, со включением и этой); „свуче се до кошуље“, русское „до сорочки“ (т. е. оставивши сорочку на себе), „до нага“; также и при числительных, которые ставятся в форме именительного. Винительный (но, очевидно, по смыслу не в именительном): „до два, до три пута“ — два, три раза; „служио га до двиjе године“ — два года: „ова свадба — до петнаест дана“ (Даничић, I, 154, 155, 159).

В русском „до веку“ — пока тянется век, во всю жизнь (= во век, а не до начала веку, как в „до свету“); в украинском „до віку“ (в „до суду, до віку, — например, — не буду“, — где *до* суду в первом значении, т. е. до начала суда) соответствует значение предлога в сербском „до живота“ — по жизнь, в течение всей жизни; наречия: „до брзо“, „до скоро“ — вскоре и пр. (Даничић, 158, 159). Ср. польское „cztery posly **do roku**“ в год; чешское „jednou do roku, do tehodne“ — раз в год, в неделю. Сербское „до вечер“ — на вечер? или ввечеру. „Что тяжкого товара всякого, до железа и до мѣди, не тягли бяхуть отъ множества всего того вывозити“ (Ипат. лет., 26, 31).

3. Предлог *до* в значении usque ad (за исключением того, что цель служит пределом, но вплоть до него) употребляется в смысле назначения к чему. В русском здесь — *к*. „Это не до дела“ — не к делу, отмечено у Даля западным и южным. В украинском: „взяла невістку да й не до любові“ (которой любить не может) (Метлинский, 286); „любі милі до розмови“ (ibid., 10); „Немає такого. Нема до любові, нема й до розмови, й до серденька мого“ (ibid., 14); „Тілько ж мені до любові, що чорнії брови“ (ibid., 18); „одно 'дному до парі“ (= до пари); „Жупанина... пошита до діла“ (ibid., 38); „не до діла“ — не к делу, не хорошо.

Отношение кушанья к приправе, причем представляется, что кушанье для приправы, а не наоборот: каша до масла (к маслу, с маслом); курка до соку (с соком, кислою подливою); до сахво́ру (род соуса, польское sapor, приправа, лакомство; с латинского — вкус); чай до прикуски (в прикуску); „Свинячу голову до хріну“ (Котляревский, 11); „Був борщ до шпундрів з буряками... Потім до соку каплуни“ (ibid., 138); „Ягні и до сохворку кури“ (ibid., 178). Сюда: „Мені не до соли“ — не по себе, неприятно, как не соленая пища. Однако совсем другое объяснение этого „не до соли“ в следующем: „не до поросят, коли свинью смалять“ (Номис, 196, № 10075—10076; ibid. — ссылка на Южнорусск. словарь Шейковского, 34).

Сообразность с целью. Уже в вышеприведенном примере (Метлинский, 14): „Нема... до серденька мого“ *до* = не *к*, а *по* (сердцу). Согласно с таковым значение в следующем: „Хоч ти знайдеш в червонім намисті, та не знайдеш такої до мислі“ (ibid., 111); „до смаку“ — по вкусу, польское ani do tańca, ani do różańca — ni do czego, украинское „ні до чого“ — ни к чему (гадкое); filiżanka do kawy, do gustu — по вкусу, to mu do twarzy — к лицу; ср. украинское „люблю, мати, того Гриця, що на конику вихриться, бо він парень **до лиця**“ (Лавренко, 29). Чешское člověk i do rady, i do zvady, do všeho; украинское до всього. Лужицкое sklanka do wodku, kon do woza; „до бояръ ласковъ“ (Лаврент. лет., 199, 28).

4. **Относительно; касательно.** „Діаволъ... вложи князю грѣхъ въ сердци, гнѣвъ до Твьрдислава“ (Новгор. I лет., 38, 9); „не мыслилъ есмь до Пльскович груба ничего же“ (ibid., 43, 8).

До **с винительным** — относительно. „До нас ты, сестрица, сжаловалася“ (и просила) (Барсов, 138); „Ты не спацьлива до братца была милаго, Не желанна до сердечных была племняток“ (ibid., 138); „Не ласкова, не упа́дчива до...“ (ibid., 71). Русское „каков кто до бога, таково тому и от бога“, „что кому до нас?“ — какое кому дело до нас (Буслаев, Граммат.², II, 269). Что до меня (касается), то — quod ad me attinet; украинское „він до мене добрий; звичайний до кого“ — вежлив относительно; „ти до сих бідних козаків-нетя́г хоч злая, да-й обашна“ (Куліш, I, 203). Так и в сербском (Даничић, 161, 162), польском, чешском.

Сюда, кажется, можно отнести украинское „рівняти до чого, рівняй до чого“: „цвіт калину ломала, до личенька рівняла: чи буду я такая, як калина

жаркáя“; „завивайличко білеє та біленькеє, до папіру рівненькеє“ (Метлинский, 207); „Цирцея, люта чарівниця і дуже злая до людей“ (Котляревский, 120); „Обиды ти до него нѣтуть“ (он тебя не обидит) (Ипат. лет., 120, 30); „Аже оучинить Роусинъ насилье въ Ризѣ или на Гътьскомь бѣрѣзѣ надъ вольною женою, а дотоле не слъшати бъло до нее лихого, оурока за то Г҃ гри҃ сѣрѣбра“ (после 1240 г., Срезневский, Памятн., 224).

б) Слитное употребление

1. Отметим сначала слитное употребление предлога *до-* в наречиях.

а) С явственным родительным: доволи (откуда — довольный), дóвѣку, дóверху, дóнизу, дóдупли, дóзги, д ó с ы т ь — польское dosyć, чешские dost, dost', dosti. Ср. в старом русском кроме собственного значения и в переносном. „Ту ихъ досыти паде“ (Новгор. I лет., 17, 11); „И не ту бы того досыти зла“ (ibid., 50, 12); „и недосыти бы зла, нъ еще болѣ того“ (ibid., 44, 7); до-сыта, сербское доста, верхнелужицкое dosyta (только в собственном значении — „do syteja wole so najesć“); до-тла, до схід сонця (родительный мн. ч.), по обід, задобід.

б) Д о з д ѣ, д о к а л ѣ, доколѣ, докуда, докуль, дондеже, донелѣ, досель, досуль, дотоль, дотуль, до этуль; украинские доки, доти, досі (см. у Миклошича и др.).

в) Д о н ы н ѣ, допрежь, доднесь. „До бела лица, голубко, принабилишься, До ала да ты румяны нарумянишься“ (Барсов, 200).

2. Укажем слитное употребление предлога *до-* в г л а г о л а х.

До- при глаголах сообщает им смысл достижения известного предела и тем самым окончания действия. Формально это последнее значение может быть представлено совершенным или несовершенным, конкретным или более-менее длительным. Предмет, служащий пределом действия, состояния, выражается или родительным без предлога или родительным с *до-*, или винительным.

Если кроме предмета, подлежащего действию, как непосредственного предела действия, обозначается и тот же предел (последствие действия), то первое дополнение ставится в винительном или родительном без предлога, второе — в родительном с *до-*: „допеть песню до конца, доглотаться снегу до болезни“.

Второй пример есть образец сложных с *до-* глаголов средних в форме возвратных; при них, само собою, может стоять только родительный с предлогом или без него.

а) Из сравнения с украинским и другими славянскими языками видно, что частое употребление в и н и т е л ь н о г о при глаголе с *до-* есть русская особенность. Ср. русское добить гвоздь по шляпку, добросать стожок, догрести сено, догрузить судно, договорить сказку, догрызть корку, дожать ниву, дожечь свечу, докидать стог, долить, досыпать бочку, докурить трубку, допеть песню, доесть хлеб, доносить платье. В украинском „додержить Ляшок слова“ (Метлинский, 9); „наздожену молодости в калиновім мості“ (ibid., 254); „долити чарки, слізми моря; доповняти, досипати миски“; „А вже ж мої руки да й дознали муки; А вже ж мої ноги зазнали дороги“ (Костомаров, Песни, 277); добити сторонки (в клуне), довершити стіжка, догребти сіна, доказати казки, дожати постаті, ниви, докурити люльки, доспівати пісні, доносити сорочки, доїсти хліба и пр. „І, дослухаючись поради, ціпком все землю колупав“ (Котляревский, 51); „Щоб не дойти лихої долі“ (ibid., 74).

Польское dobrać miary, dna, dobudować domu, dochować majątku, wiary, dociągać łuku (= лук), dodać sznuru (подать веревку, т. е. не часть, а всю), dodzierżeć słowa, doglądać dobytku, dognać zagonu (об оранье),

dognać roli, dojeść konca soli, doklepać kosy (Метлинский „доклепать коси“), dokonać czego (совершить что), dołożyć pracy, wierchu, domierzyć kresu życia, domówić pacierza, dopalić drzew, dopędzić zagonu (об оранье), doorzyć ostatku, dopiec kapłuna, dosłuchać bajki, dosłyszeć wołania, dostroić skrzypków, dotrzymać słowa, donosić żywności, komu dokąd dowieść, dokonać, dokazać czego.

Сравнительно реже винительный: donosić płód od czasu, dojeść potrawę, dokarmić dziecko, dokończać most (и родительный, например, zimy). В украинском и здесь родительный. В чешском: dopeci chleba, pasche; dodati chuti k jedlu; dodělati praci, dodržeti slowa; dokazati, dovesti čem; doměřiti cile (достигнуть), donášeti vina, dopiti miry, ostatku, doslyšeti slova и мн. др. Однако, кажется, чаще, чем в польском и украинском — винительный: dočesti knihu (в украинском и польском — родительный), domalovati obraz (в польском — винительный и родительный), domlatiti žito, dopáliti vapno, dopsati list (в украинском — везде родительный), doslyšeti radu (в украинском и польском — родительный).

Винительный при этих глаголах в русском и отчасти в других указывает на то, что в родительном при тех же глаголах в украинском и других не следует искать значения количества или части. Это значение может быть или не быть; первоначально же родительный без предлога зависит от *до-*, сложенного с глаголом. Разница между русским „догрести сено“ и украинским „догребти сіна“ не та, что в первом [подразумевается] все сено, а во втором — часть сена, а та, что в первом сено представляется прямым объектом, а во втором — пределом действия; догребти сіна значит собственно грести до (конца) сена. Свойства действительного глагола при сочетании его с родительным предела вовсе не обнаруживаются, и такие выражения, как „догребти сіна“ совершенно уравниваются с такими, где винительный предмета не может стоять по самому значению глагола, например д о ж и т ь в е к у, т. е. жить до (конца) веку. С исключительно русской точки зрения родительный добываемого предмета при глаголах д о б ы т ь, д о с т а т ь [добыть денег, хлеба; „достали нот, баса, альта“ (Крылов)] представляется родительным части, количества, так как при тех же глаголах, если речь о целом, ставится винительный: доставать хлеб, оброк, добывать медь, золото. Однако в украинском не только „жупанів добувати, слави добути“, где можно предполагать значение части, но и „города добувати“. Старое русское „Переяславля добыти“ (Лаврент. лет., 141, 15); польское dobyć miasta, zamku (взять), szabli (обнажить), chustki (вынуть) — kogo, czego — освободить откуда. Подобным образом родительный и в чешском. Отсюда видно, что первоначально з н а ч е н и е „бытьем приобрести“, предполагаемое вышеупомянутым польским, представлялось как „быть до“ (до приобретаемого предмета) и что первоначальный родительный в „добыть хлеба“ означал не часть, а предел.

б) В современном русском литературном и народном языке в глаголах средних с *до* предел движения в пространстве и предел времени уже редко обозначается беспредложным родительным: достигнуть хижины (Буслаев, Граммат., II, § 254) и *до* чего, досягнуть кого, чего и *до* кого, чего. Дожить веку; и *до* веку; но уже только с предлогом — дойти, доехать, докинуть, доползти, донести, дорости *до* чего. Чаще родительный без предлога в переносном значении предмета или результата, добываемого действием [„доступить день жарок“ (Даль)], особенно при глаголах средних в форме возвратной (добиться чего, доискаться чего, дозваться, докликаться кого, добудиться кого), при коих ставится и *до* с родительным для обозначения дальнейшего результата: добудиться кого (составляющего предмет буженья) *до* того, что он встанет. Ср. договориться

до последствий, доглотаться чего до тошноты; современный язык различает „добиться чего“ (т. е. получить что, родительный предмета получаемого, достигаемого) и „добиться до чего“ (т. е. до известного предела, результатов); „добиться толку, добра, добиться до берега, до усталости“; но в старинном языке подобные оттенки не различаются и одинаково представляются пределом движения. Ср. п. а о пространственном—временном пределе: „дошедшю же ему Черные рѣки“ (Лаврент. лет., 9, 14); „Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ“ (ibid., 12, 3); „не могуть долѣзти двора моего“ (ibid., 54, 14); „Мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади“ (ibid., 100, 10); в языке XVIII в. у Буслаева (II, § 254, примеч. 2): „по ниткѣ и клубка доходятъ“; „возмуть на ся прутье младое, бьють ся сами и того ся добьють, егда влѣзуть ли живи“ (по Ипатьевскому списку: „одва вылѣзуть ле живы“) (Лаврент. лет., 4, 10); „доискася дружиною злата и сребра“ (ibid., 54, 23); украинское „сіє, сіє, сіва не доходить“ (Метлинский, 28); „Щоб нам не дойти сорома“ (ibid., 181); „Меншая сестра літ не доросла“ (ibid., 32).

Польское dorosnąć rozumu kogo (= сравняться с); jeden drugiego dorzucał kamieniem; dosiąść konia; dostąpić urzędu; dotrwać starości; dobieć kresu; dobrać miary; dojść miejsca (и *до*); dosiąć czego (в переносном смысле дойти до чего умом); doczekać pociechy; dojeżdżać obozu; dolecieć słoncu (и *до*...); doleść drzewa (и *до*...); dopaść dna (*до* дна); dopatrzeć czego; dokończać zimy; dogadać się czego (*до* последствий); dopić się smierci, choroby; dopatrzyć się czego.

Так и в чешском dopásti zeme (о падающем); doběhnuti cíle (k cíli); dojít (dojdu) města; dojeti Říma (do Říma); dorůsti let; dosisti koně; dobrati se koho, čeho; dobýti života spokojněho и пр.

В словаре Миклошича см. добысти, дозрѣти чего, доити, доплоути, достигнѫти, дострѣлити, досѧшти, досочити сѧ и пр.

В сербском „доконати се чега, дођи чега“ и т. п. (см. Даничић, I, 102—107).

в) В некоторых глаголах родительный предмета, до которого достигнет действие, заменился другими сочетаниями, кроме упомянутого родительного с *до* и винительного. Именно: современное „донести кому о чем“ ср. с следующим: „А о невѣдомыхъ духовныхъ вещахъ докладывати насъ Патріярха“ (1642 г., Буслаев, Граммат., II, § 254). Ср. „доложить кому“. Подобным образом если б в русском употреблялось довести в значении доказать, как употребительно довод — доказательство, мы бы вправе были ожидать такого же сочетания как и в доказать, именно — что кому; но вместо винительного падежа в польском, чешском — родительный: dowieść czego, dovesti čeho (не только совершить что, но и доказать что). Досадить, докучить кому („преда кого“ — родительный, а не винительный).

3. Приведем примеры слитного употребления предлога *до* в именах: Достремливый, дошлый (ума), дохожалый (ср. с польским dosieć czego), докука, досада (ср. доехать кого, донять кого, дойти кого), достоин, досуг, доконанный, докон; украинское долуга — недолуга. [Слова с *не-до*. В летописном языке недоумение — помрачение ума: „и тако... вложи недоумѣніе въ насъ, и погыбе много безъ числа людіи“ (Новгор. I лет., 41, 7); „Коиждо собѣ сталъ бѣ въ недоумѣніи и страсѣ“ (ibid., 52, 6).]

NB. Частицы: доже, дожи у Миклошича; даже.

NB. Экзотерическое сходство. Уже Юнгман сравнивает с немецким *zu*. С этим согласен и Миклошич. Готское *du*, в коем предполагаемое основное *d*, уклоняясь от правила, не перешло в *t*; древне-верхненемецкое *zuo*; англосаксонское *to*, со значением = греческому *πρός* (с вини-

тельным) и *εἰς*. В греческом этому *du* может соответствовать частица *δε* в *οἶκόνδε, οἴκαδε* — домой (до дому). *Τροίαν-δε* (=в) *'Αθηνάζε* (из *ασ-δε*) — в Афины (Pott, I, 730). Литовский слитный предлог *da* совершенно совпадает со славянским *до*, но, быть может, есть только заимствование (см. под *отъ*).

§ 3. Предлог *проти*

Проти (областное русское у Даля), *проти*-в, *противо* (как первый член сложных слов), *противу* (как самостоятельное слово, и в сложении) — наречие и предлог; в последнем случае в старинном русском — с родительным и дательным, в современном русском — преимущественно с родительным и редко с дательным.

1) Отношение противоположения в пространстве: „изиде противу (насупротив) Любчю, онъ полъ Днѣпра“ (Лаврент. лет., 61, 17); „стояша мѣсяцѣ 3 противу собѣ“ (ibid., 61, 19); „Поставиша пълкъ противу ихъ“ (Новгор. I лет., 2); „Сташа въ лице желѣзному полку, противу великой свиньи, и тако поидоша противу себѣ“ (=навстречу) (ibid., 2, 3). В современном русском у Даля: „выдти бы к ним проти“ (*и* на конце) (=навстречу); „иди ты зверю против“ (=тоже); украинское „против вітру“ (родительный) (Куліш). Отсюда, между прочим, — противный — противоположный, встречный, неприятный, делающий напротив, наперекор; противень, угол в избе, противоположный другому; против-ня, противница — горница или холодная комната (contradictio in adjecto: caminata) — против избы, т. е. жилой.

2) Отношение возмездия в обширном смысле, как действия противоположного по направлению тому действию, которым оно вызвано: „приняли гость Новогородскыи въ Юрьевѣ..., а Новогородци противу прияли гость Нѣмецкій“ (Новгор. I лет., 89, 23) (ср. ibid., 26, 24); „Воеводы Новогородскіа... по князя великого земля воеваша много, противу того, что князь воевалъ Новогородскиа волости“ (ibid., 113, 22 сл.).

Отсюда значение: „сообразно с...“ „Въсприимъ противу трудомъ своимъ възьмездье“ (Лаврент. лет., 91, 27). В украинском „звичайний був против (=вежлив относительно) Насті“ (Кв.-Осн., I, 49); „звичайный, ласковый до сродників“ — отношение одностороннее, как в польском salonność zyczliwa przeciw komu — gegen — прямо, вытекающее из первого значения.

3) Отношение сравнения и сходства. Сравнение предполагает сближение, сопоставление и в то же время противопоставление в пространстве — что́ находится против чего, то в пространственном отношении, а затем и в других, представляется ровным с ним: „когда господинъ со двора выѣдетъ и *противу ловчаго и охотниковъ поровняется*“ (Буслаев, Граммат.[2], II, 280)]; „И подъезжал к нему Тугарин Змеевичь млад, Сверстался (=поровнялся) Алёша Поповичь млад Против Тугарина Змеевича, Хлеснул его шелепугою по буйной голове“ (Киреевский, 2, 73); „попить, поплясать, против нас (сравнительно с нами, таких, как мы) не сыскать“; „против моего — лучше, хуже“; польское to jeszcze nic przeciwko temu, co przyjść ma. Отсюда противень, дружка, пара чему, другое соответствующее, затем снимок картины, рукописи; ср. французское contrefaire и ниже санскритские слова.

4) При обозначении времени противоположение двух мгновений получает оттенок их близости: „исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся“ (Лаврент. лет., 61, 24); „яко бысть заутра, всѣдъше въ лодью противу свѣту“ (=незадолго перед светом) (ibid., 28, 14).

В современном языке „против пятницы, против такого-то числа“, в украинском „против ночи“. В юридических актах при обозначении лет: „толды была она [лошадь] дву лѣтъ *противу третьее,* а нынѣча трехъ лѣтъ *противу четвертые;* [конь] пяти лѣтъ *противъ шестыя*“ (Буслаев, Граммат., II, 280), причем непонятен женский род порядкового числительного.

Старославянские *проти, противъ, противѫ;* сербское против: спроћу — сравнительно с...; супрот — против, откуда супротиче коме — противиться; супроћ; напротив — русское; хорутанское proti с дательным, противоположное по направлению с sprot, naproti, naprot; польское przeciw, przecziwko с дательным; чешское proti, protiva (=wno), устаревшее protiv, -vo. Верхнелужицкое preciwo = русскому супроти́, курскому против в пп. 1-м и 3-м; супроть псковское в 3-м значении, супротив в значении 1-м и 3-м. „Супротив деньги выходять“ (новгородское); т. е. столько, сколько получается. Супроти́вку и сопроти́вку наречия в 1-м значении. Супротивный: 1) относительно места — ветер; супротивные братья, сестры — дети двоюродных братьев или сестер (архангельское) (т. е. находящиеся на двух соответствующих одна другой точках нисходящих параллельных родовых линий); 2) су(со)противное молоко, масло свежее, недавнее — от 4-го значения против (временная близость к моменту речи) — тверское, ярославское; украинское „супротив віконечка“ (Метлинский, 20).

Старославянское сѫпротивь и съпротивь. „Нача гордѣти велми, и вознесся славою и гордостью великою, и не творяше противу себе никого же“ (Ипат. лет., 210, 9) (не считал никого себе равным); „вси гнѣвахуться на нь про то, оже не потвори ихъ людми противу себе“ (ibid., 206, 8).

Санскритское prati с винительным и ablativ'ом, реже после этих падежей, чем перед ними: 1) против — в падеже 1-м по направлению к (pratiharam — наречие, против ветру; prativiṣa, ср. противоядие); 2) в замену чего — против в падеже 2-м [„pratidāna“, ср. das Zurückgeben, Gegengabe (дар за дар), мена: pratikāra муж. ersatz; pratikriyā — Wiederstattung, Vergeltung; prativac — глагол окончательный]; 3) сравнительно с кем-нибудь, чем-нибудь — равно кому, чему-нибудь: tvam sahasrāni prati (винительный мн. ч. среднего рода) — du bist tausenden gewachsen; Pradyumnaḥ. Kṛṣṇāt prati — ist gleich Krischna, ist eben so mächtig wie er — Прадьумна будет против Кришны. Отсюда, например, pratika прилагательное — стоящий того-то, pratikarça, столь же, равнотвердый, pratikṛti — „противодействие“, но и „изображение, подобие (противень)“, pratipuruṣa, Gegenmann, ein ähnlicher Mann, также — кукла, как подобие человека, apratima — прилагательное — не имеющий себе равного; pratibala — равносильный; (от mā — приготовлять, строить, делать) pratimā — глагол подражать, существительное женского рода — образ, подобие, прилагательное на конце сложного слова — похожий на...; pratirūpa — образ, подобие, прилагательное — подобный, равный образцу, соответственный, приличный; prativastu — ср. пара, т. е. дружка другой вещи, равносильная, соответствующая; 4) относительно чего, согласно с...; 5) „bei“, „in“ mit dem Nebenbegriff der stetigen Wiederholung; varṣamprati — каждый год; отсюда pratidinam — наречие „каждый день“; pratiniçam — наречие — каждую ночь.

NB. Супротивное молоко — pratiduh — только что надоенное, еще теплое молоко (duh — муж. — доенье).

Samprati — теперь, в это время; пояснение Потта: „mit («Sam») der Gegenwart («prati» — als gegen) zusammen-fallend; asamprati — dem Augenblick, der Verhältnisse nicht entstehen“.

Латышское pret (по другим prett) с винительным, местами с родительным „prett' vêju“ — против ветру; „prett' vakkarim“ — к западу (собственно к вечеру); „prett'jûru“ — к морю; „zeme prett' sauli ir maza“ — земля против солнца (сравнительно с...) мала; „prett' vakkaru“ — против (не за долго до) вечера. Prettim — с дательным; ставится после, насупротив, против (Bielenstein, 305). Первое ablativus считаем сокращенным из второго, но, может быть, оно сокращено только из preti, как русское супроть из супроти.

Литовское prięsz (Нессельман — prêsz) во всех значениях = русскому против, между прочим. „Tai tikt nëkai prësz tai“ — это (только) ничего против того-то; „jis prësz manę meilingas“ — он добр ко мне (украинское — „против мене“) (Schleicher, Grammat. Lesebuch, 284).

Греческое *προτί* (гомеровская форма) и *πρός* с разнообразным значением, частью совпадающим с вышеизложенными (сравнительно с, относительно чего), частью вытекающим из них. Сюда же некоторые относят *ποτί* с выпавшим *ρ*, как в зендском paiti — санскритское prati.

Bopp, Glossarium; Bopp, Grammat., III, 500; Pott, I, 268 сл.; Curtius, I, № 381; Miklosich, Lexicon.

Противу, старославянское противѫ — винительный женского рода (ср. междѫ, вънѫ, вьсѭ). Противъ можно принять за винительный ед. ч. мужского рода, а противь — женский или мужской от имени на *-ь -въ* в противъ. Потт (loc. cit., 270, 271) считает их или суффиксом, как в санскритском pūrva, прѣ-въ, или же предлогом, сродным с *въ*. Первое заслуживает предпочтения, так как в значении противъ предлог *въ* не обнаруживает своего присутствия.

В проти конечное *и* может быть = санскритскому i, как все *и* в -ти неопределенного наклонения = санскритскому *-ti* существительных; ср. оби; нет нужды для объяснения этого *и* в славянском прибегать к предположению, что prati, которое в санскритском удлиняет i (как и предлог *pari*) в сложении с некоторыми словами (Bopp, Grammat., 78), например pratīkāra — противодействие, возмездие, месть, употреблялось в этом виде (pratī) и самостоятельно.

Ѣ в польском przeciw, лужицком přeciwko находит соответствие в ie литовском prięsz, латышском pret; *sz* в литовском prięsz — неясно; *S* (*σ*) в греческом *πρός* — из *τι* [*προτί*] (Bopp, Grammat., I, 315).

Самое prati, по общему мнению, заключает в себе предлог *пра*. По Боппу (Grammat., III, 500) *-ti* в prati тождественно с *-ti* в i-ti = так, so и *á-ti* = über; Потт же (Pott, I, 268) полагает, что prati из pra-ati и значит, собственно, nach vorn (pra) hinwärts (ati).

§ 4. Предлог *про*

„И ина многа видѣнья *про*видѣ (т. е. не предвидел, а видел перед собою) старець“ (Лаврент. лет., 82, 18); „ити на Всеволода *про* (за Ярослава, выгнанного Всеволодом) Ярослава“ (ibid., 130, 10).

Протори, проести, пропой, прочестье, прогоны, prosum (в пользу), сербское — пробити. Ср. пролистати, просерень, пролеска (лез-), проявлять.

а) Вперед, пред — провад (провесна, просань); „проседь наружу проявит“.

Сквозь.

Мимо.

б) pro bóg, pro dëva.

„А исходитъ того питья... кромѣ того, что носятъ про царя и царицу... блиско 100 ведеръ“ (Котошихин, 62); „Что про царской расходъ исходитъ, и того описати не мочьно“ (ibid., 62).

Пропасъ, просторожъ, просторо́жа, промахъ. „Конь кауръ иноходъ. Конь пѣгъ проиноходъ“ (1504 г., Собр. гос. грам., I, № 132).

С „провесна“ и сербское „прољеће“ ср. „и оутро пробрѣзгоу зѣло, въставъ изиде“ (Галицк. ев. 1144 г., Марка, I, 35 — Буслаев, Материалы, 15); „Просказали мне-ка добры эты людушки. Как у моего крылечка... моя... сестрица... горькими слезамы обливается“ (Барсов, 136); „Прозабудешь всю великую кручинушку“ (ibid., 22); „прозабыла всю любимую скотинушку“ (ibid., 115).

Провесна, сербское прољеће, болгарское „мѫжка сѧ рожба добила (родилось дитя) и проду́мала (проговорила), проду́мала и прохо́дила“ (Бессонов, Песни, I, 28); „Промолвить, воспроговорить: прр̑че и провидьче“ (Буслаев, Хрестом., 71); „Оже мя умиришь съ братомъ, то по Всеволожи животѣ помогу ти про Кiевъ“ (Ипат. лет., 20).

§ 5. Предлог *при*

„Беручи рука не приберется, а даючи придается (т. е. оскудеет)“ (Даль, 88); „є҆рдан же река... берегы ймать круты, ѿбонъ поль ѐрдана отмелѣ пологы“ (Буслаев, Хрестом., 664);

Приметъ. См. Ипат. лет., 190, 28—31. Отлично польское „przymiot“, ср. „прикладывати“ (Ипат. лет., 72, 22), przyklad.

Прирокъ — прочь (ibid., 194, 31; 163, 17; 164, 32).

Притъча. См. тък.

Призоръ. „Пище ако бестѣлесьныи прiзоръ (в Остр. ев. исправлено „призракъ“) єсть“ (Матфея, 14 26); „мнѣшѧ бестѣлесныи прiзоръ (исправлено, призра́къ) быти“; евангелие 1409 г.: „мнѣша передъ ѿчима. ѿбраз ꙗвляющьсѧ“ (Марка, 6, 49 — Буслаев, Материалы, 15, 42).

§ 6. Предлог *раз, роз*

Разно. „Побѣго́ша разно отъ града“ (Лаврент. лет., 28, 15); „Ой ви тучі громовії, розійдітеся різно“ (Метлинский, 51).

Развѣ. „Бяше тако постникъ и въздержникъ, яко развѣ хлѣба и воды ясти ему до смерти своея“ (Лаврент. лет., 81, 14); „По сего смерти все имѣнье разсыпася разно“ (ibid., 85, 20).

„Половци землю нашю несуть розно“ (ibid., 109, 20); „Ростовъ же и Суждаль разъидеея розно“ (Новгор. I лет., 52, 1).

Разный, разьнъ — *διάφορος*, diversus (distans), несходство — удаление друг от друга, сходство — пространственная близость (ср. слика — сходный; *до* в сложениях в значении сходства).

„Не хотяху иного... развѣ Святопълка“ (ibid., 9, 18); „нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава“ (ibid., 14, 16): с родительным — кромѣ, ср. хыба, опрочь, оприч [проче (пойти и т. п., ср. с розно)], кроме; „прiидоша въ Новъгородъ вси здрави, развѣ 3 человѣкы убиша Новогородцевъ“ (1348 г., ibid., 84, 10).

Розмирие. Новгор. I лет., 79, 1: противополагается съмиритися съ... Ср. rozbrat — разлад, раскол. См. в Областном словаре размирная; „роспутiе“ — в Новгор. I лет. = современному; предполагается, что путь есть хороший путь, как бути, жить, година; ср. бездорожье, беспутный, безлетье, безвременье; в Дополнении к Областному словарю: „нелюдь, непуть“ и др.; роскалье (Ипат. лет., 191, 33), но „Серед роздорожья, де три дороги сходяться“ — (Драгоманов, 56); „пішов на роздорожь“ (ibid.).

§ 7. Предлог *с* (*съ*)

Столько = съ только, т. е. количество, равное толикому. „А у которого князя (умершего без сыновей) живота его, съ приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чѣмъ душа поминати, столько (= съ только) не будеть, и государь... велить дати изъ своея казны" (Акты историч., I, 268, 1550—1582 гг.). Где нет этого сравнения и где просто обозначается количество, там старинный язык ставит только без *с*: „тѣ вотчины въ закладъ имати въ толкѣ, чего та вотчина стоитъ" (ibid., 246); „А кто займетъ сколько (сумму = какому-либо количеству) денегъ въ ростъ, и тѣмъ (занявшим) людем у нихъ (заимодавцев) не служити" (ibid., 244, 1550 г.).

„Бодай ти *з* лихо не знав" (Номис, 72);[1] „Ростиславъ же, и Святославъ Изяславичь, послаша мужи своя къ Изяславу Давыдовичю, рекуче: «цѣлуй къ нама хрестъ, ты въ отцинѣ своей Черниговѣ сѣди, а мы у Кіевѣ будемъ; мы же вси съ себе»" (Ипат. лет., 76); „Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ. Бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава" (Лаврент. лет., 78); „Kelych za polthory grzywni do cirekuye sprawicz mają, acz gych sztilye bandze, ostathek szobye ymającz" (XIV—XV вв., Księgi ust., 44; 45, — thyle).

С (*съ*) с винительным: „Зайти... со левую... со правую сторонушку" (Барсов, 74); „Дайте мистечка теперь мне не сомношечко... Единой пройти печальной мнѣ головушке, Со одну дайте дубовую мостиночку" (ibid., 80).

С (*съ*) с родительным: „Братец, сестрица сдвуродимый, сдвуродимая" (= двоюродный) (ibid., 191, 192); „Mamy z potrzebę ludzi" (O wypr. choc., 77); „Sama rzecz pokazuje że vas jest z nich" (ibid.).

С (*съ*), *су*. „Тогда издвоишася люди кто добрыхъ тотъ по святои Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супоръ, вятшіи велять ся яти меншимъ по число" (татарскую дань) (Новгор. I лет., 57, 6); „Сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба" (ibid., 47, 26); украинское „поплакала бы, так сумирилась" (Вовчок); „Ѣхаша на село человѣкъ съ тридьцать" (Ипат. лет., 210, 20); „попустить ны землю идучи до насъ: поидемъ къ нимъ на сумежье" (Лаврент. лет., 170, 13).

Sumienie (su-mnienie), conscientia — совесть, съмьнетися: „брата! сомняся (не столько сомневаясь, сколько опасаясь друг друга) не можемъ на ся зряще рать держати" (Ипат. лет., 38, 1); „И льви Данила въ ꙇмѣ оусоум'нѣшасѧ" (= убоялись) (Изборн. 1073 г. — Срезневский, Памятн. 140); „жена бо бестоудьна ничьсо же не соумнітьсѧ, ни прⷪ҇ка стыдитьсѧ, ни стꙇ҇ѧ срамлѧѥтьсѧ" (ibid.). Так wątpić — сомневаться, в украинском вомпить, трусить: „тягли тут пінненьку троянці, не вомпили сициліянці, черпали добре на захват" (Котляревский); „боꙗтися, соумьнѣти и слоужити ѥмоу" (Изборн. 1076 г. — Срезневский, Памятн. 145); ср. ibid., помьнѣти — pomnieć.

Сговор (согласие): „бранное словечко не сговорное" (Барсов, 220). Pott, I, 584 сл.[2]

§ 8. Предлог *у*, *ѫ*

Санскритское ava [(= *у*, *ѫ*) как слитная часть: отъ (в сторону), вниз, как самостоятельное слово с отложительным] то же (*a* в начале опускается иногда), что и *va*, которое ослабляется в *u* (vakṣ — расти,

---

[1] „Тороватого (или: тчивого) с богатым не распознаешь" (Даль, 87).

[2] Потт нередко смешивает предлог *въ* и *у*, тогда как значение их весьма различно, несмотря на то, что многие наречия изменяют *въ* в *у*.

ukṣant, ukṣita; vaç — желать, vaçmi, vaçṭi, uçvas, uçṭhas; vac — говорить, uvāca, ucur. См. Bopp, Kritisch. Grammat., §§ 414, 415). Подобным образом и в славянском из (a)va — *у*. Ср. латинское avus, литовское avýnas — дядя, славянское уй.

Значение этого предлога, употребляемого отдельно с родительным, могло образоваться из значения: внизу: „у реки, у берега" — не то над рекою, над или на берегу; отъ: взять, спросить у кого (отъ); отсюда — пребывание в близости или во власти предмета: у меня есть.

Потт догадывается, что и значение у реки имело в основании значение от, как латинское a tergo, a lutino.

Слитное употребление *у*, *ѫ*:

а) Со значением вниз. Санскритское avakēça — с висящими вниз волосами; avaçākhā — с опущенными вниз ветвями (о *ficus religiosa*), avatāra — нисхождение (о воплощении богов); avapāta — ниспадение, полет вниз (упадать). Также, по Боппу и Потту, санскритское ō-ṣṭha (из предлога ava и глагола sthа) — висящая вниз, верхняя губа. Ср. губа вообще (противоположно — adhara — прилагательное нижний, нижняя губа, губа вообще; ср. украинское уста — рот, старое устна — губы, русское областное уста — рот и губы). Avānc — мужской именительный ед. ч. avān (-nc, -n — гортанное), женский avarā, — направленный вниз, нижний; ср. женский avarā — юг (ср. uttara — верхний, северный, потому что поверхность Индустана возвышается к северу), левый (потому что, молясь, обращаются лицом к востоку). Санскритское avāc, — близкое к зендской форме avās — юг. Относительно *к* и *г* ср. луг и лука и переход санскритского *п* в *б*, а также ср. çrath- и grath-, granth- — кр*ѫ*-тить; млѣко, млъзъ. Слово югъ из угъ. „Угъ вѣтръ" (Новгор. I лет., 44, 14). Русское угорь — пригорок, небольшая гора, возвышенный берег реки; у́дни — полдень, по-олонецки у́дновать — отдыхать в сумерки зимой (когда день на склоне); уква́сье — оловина, остаток хлеба по спуске пива или квасу. Сербское „увала као долина (или ждриjело) између два брда". Чешское ánval = anvoli; русское областное увал — большая выбоина на дороге, ухаб (что подходит к сербскому и чешскому) и холмистая возвышенность (с чем ср. польское Wąwel, собственно имя горы, на которой стоит Краков). Томское увал — легкий скат, тянущийся на большое расстояние в одном и том же направлении (Этнограф. сборн., VI, 10).

В старославянском и польском рядом с *у* есть предлог *ѫ* (ю), *ą*, который по значению подходит к *у* и есть, вероятно, позднейшее исключительно славянское видоизменение этого последнего. Wąwóz — anvoz, hluboká a uzká ústa. Со значением вниз: ѭдоль — долина, польское wądół, чешское andol, anvoli — то же; старославянское ѭложьнъ — вогнутый, низкий (о местности: логъ — русское само по себе значит ров, овраг, долина; *ѫ* усиливает это значение); польское wątor, чешское antor, útor (нижний край сосуда, выходящий за дно; вырезка, в которую вставляется дно), сербское у̏торе; ѫтлъ (perforatus), ѫтлина (zima), wątły, antły, утлъ; ѫбагоръ; ѭсинь; ѭгрьмьнъ.[1]

Значение внизъ лежит в основании двух следующих: „Съардинонъ [камень]... оучрьмьнъ ѥсть акы кръвь" (Изборник 1073 г. — Буслаев, Хрестом., 262).

---

[1] Востоков переводит: багровый, синий, красный, но вернее: синеватый, красноватый „ахатис (камень). акы ѭсинь ѥсть"; „оуакинөъ акы ѭчрьмьнь ѥсть" (Изборн. 1073 г. — Буслаев, Хрестом., 264); „Иаспись. оузеленъ ѥсть" (ibid. 263), причем предлог *ѫ*, *ѭ* также ослабляет значение корня, как латинское слово sub в subalbidus, subflavus, sublividus (ср. греческое ὑπογλαυκός — nescesius), subrubere, subrestus, subcarus, subamarus; ср. „сильно во́ мало, во́ тесно" вместо маловато, тѣсновато (Даль, Словарь).

б) Движение, направленное вниз, дошедши донизу, прекращается. Отсюда слитное *у* сообщает слову значение совершения, окончания действия; сначала, вероятно, только в словах, выражающих механическое движение (упасть, ударить), потом и во всех других: старославянское „убудити“, чешское ubuditi — пробудить. Далее окончание действия в некоторых случаях превращается в последствия, в состояние, как результат действия. Предлог *у* сообщает глаголу значение: добыть или произвести что-нибудь посредством действия. „Гонися по них... но угони ихъ“ (Новгор. I лет., 39); „угонивъше Литву... избиша“ (ibid., 31, 4); „аще кто можеть... вѣтръ оугонити, то тогда и сну вѣру ими“ (Буслаев, Хрестом., 481).

Русское ужить — залечить, заживить, устроить, отделить (совершенное действие), истратить (живучи, например деньги); польское użyć — употребить (результат действия); чешское uběhati: α) набéгать (т. е. много): „on toho uběha gilu za den“ = mnoho cest nadíla, běhaje toho — представляется результатом беганья; β) behaním unaviti; uběhal si padešvy od střevicŭ; γ) běhanim unavili — усталость, как следствие беготни. Это последнее значение сообщается предлогом *у* многим русским глаголам с основным значением работы, хлопот. Русские областные пешаться — употреблять усилия, возиться около чего; упешать — измучить, уморить, убить до смерти; упахаться — устать, вспотеть от работы; усовать, усоваться — устать от сованья туда и сюда, устать; уходить — умаяться; убаюкать — довести баюканьем до сна; угомонить — гомоном утишить; чешское uchoditi něco — durchgehen, abnützen; uchodíti se — уходиться, устать. В других подобных случаях сила падает не на то, что действие, оканчиваясь, производит что-нибудь, а на то, что оно прекращается: уходиться не только устать, но и перестать утомляться, кончиться: „Когда я прискакал в село, то уж пожар утомился“; „у Ивана с Егором утомилось дело“, т. е. кончилось, решено. Старославянское умьгнѫти — о зенице ока — успокоиться (т. е. перестать мигать, как бы утомиться миганьем); упыхнѫти — перестать пылать: „упыхнеть ему гнев“ (ср. утомиться).

в) Значение внизу можно распознать и в отдельном предлоге *у*; см. выше. Слитно: русское уберег — край берега у воды; ýвод — место, близкое к воде; ýдорога, ýдорожь — место или жилье у дороги; улесь — окраина леса, место, близкое к лесу; ýпечь — скамейка около печи.

г) *У* — в сторону, от: усторóнье — глушь, отдаленное место; abestraní — abseitiger Ort; польское ustronie, uchocz — miejsce na boku, ustoronie; галицко-польское ýбоча — низкий, поросший кустарником, холм; ulíti ně (čeho) — отлить, затушить (огонь). Ср. уклониться (от) и польское ukłonić się, чешское ukloniti se — поклониться. Ustęp — уступ; русское ýхожи — лесные угодья вдали от жилья (архангельское), скрытые дороги, которыми черкесы пробирались для нападения на села или пост (донское); усевок — посеянный вдали, сирота; ýбудень — человек, выбывший из семьи; убыль, убыть — умаленье, т. е. движение бытия *от* предмета; учет; удел; укрух.

Сюда же некоторые слова с ѫ: урод, юродивый, старославянское ѫродъ, ѫродивъ, insipiens — собственно то же, что выродок, родившийся в сторону от рода, не в род; ýсолонь, усолонье — место, не освещаемое солнцем, тень (т. е. место в сторону от солнца), в чешском anslunć.

Хотя синоним слова убогий, бедный, русское областное калека, слепой, есть небогий, украинское небога, чешское nebohá и т. д.,

но *у* и здесь собственно не есть отрицание, а имеет приблизительно то же значение, что в у́солонь. Если бог (bhaga) значит собственно доля, счастье, а богат — снабженный долею и богатый, то убог — как бы в стороне от доли.

Неясно польское wątek, чешское útek — уток — нить, проводимая челноком поперек основы. Старославянское „жполы съмрьтны" — полужертвы; жсобица — междуусобие.

Ava = *у*. Потт (Pott, I, 594) не уверен, что wakaras — вечер заключает в себе санскритское avanc, равно, как и в тождестве славянского и литовского слова с *ἕσπερος*, vesper. Он не знает, есть ли здесь переход *к* в *ρ*.

Предлог *вы* по Потту = ava: „wie ja das Heraus nur eine Abart des Woher ist, nämlich ein Von innen" (Pott, I, 608).

Но если основательно сближение славянского именительного мн. ч. мы, винительного, дательного ны или винительного, дательного вы с санскритским винительным, дательным мн. ч. nas (которое не может равняться славянскому насъ по причине конечного ъ в последнем), то и славянский предлог *вы* = санскритскому *(a)vas*. Санскритское avas (из ava) есть наречие — внизу, вниз. Сюда (hervärts) предлог *подъ*.

Увечье. „Были у Васьки на честном пиру, Не упили мы, не уели, А в безвечье залезли у Васьки на веки" (Киреевский, V, 9). Безвечье, увечье, псковское увечный — калека; увечить — наносить увечье, налагать на кого тяжесть сверх сил; увечиться — носить тяжести сверх сил.

Убыль — уйма: „много бы уимѣ [вм. *ы*] житъ [от ненастья] и сѣна не удѣла та" (Новгор. I лет., 10, 2). (Ср. „уделаться" — окончить дело.)

Удьнье. „Загорѣся... въ середъ утра... погорѣ до удьнія все [вьсь] полъ" (ibid., 35, 39); „бысть знаменіе въ солнци августа в 3 день... въ уденье" (ibid., 50, 24). Калужское удни, удней — полдень. Олонецкое у́дновать — отдыха́ть в сумерки зимою (первоначально в полдень). „Спань есть отъ бога присужено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь и птицы и человѣци" (Лаврент. лет., 103, 3). Отлично псковское, тверское уднеть — дождаться утра, совершенно рассвести, или неудни — полный рассвет, полный, совершенный, настоящий день (Пыпин; ссылка на Буслаева в „Известиях", 1852, 170).

Урокъ, уречи — назначить. „Дасть князи пити; дотиснувъся палцемь въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго" (Лаврент. лет., 71, 31). Урокъ — inconfatio — собственно назначение словом того зла, которое должно приключиться человеку.

Унять кого. „Новгородьци же много моляхусь: не ходи, княже, — и не можахуть его уяти, и поклонивъся поиде" (Новгор. I лет., 36, 7).

Утлъ. „Яко разгорѣся пещь, бѣ бо утла, и нача палати пламень утлизнами" (= расщелинами) (Лаврент. лет., 84, 17).

Уразъ. „Бѣ уразъ (= урон) великъ въ полкахъ его" (Ипат. лет., 172, 38; 190).[1]

---

[1] Дальше в рукописи идут следующие замечания: Наречия и союзы: Въздѣ, еще, чи, ино, оже, нынѣ, ну, -ча, развѣ.

Зась, засобь.

Дѣ: дондѣ, донде, донде-же (см. *онъ*), сьдѣ...

Мо: а́мо, камо, тамо, сѣмо, овамо, инамо. Может быть, прямо = прѣмо.

Около, коньць, край, кромѣ, среди, окрестъ, вкругъ, вслѣдъ, просто, право, прямо.

Гда: оно-гда (под *онъ*), иногда.

§ 9. Предлог *о*

Предлог *о* = вокруг, приблизительно, около, под начальством. „Влѣзоша Деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истопъку“ (Лаврент. лет., 24, 21); „паде головъ о стѣ къметьства“ (Новгор. I лет., 19); „ходиша на Емь молодьци о Вышатѣ о Василевици“ (ibid., 19, 6); „Съступися море о Фараонѣ и о воихъ его“ (Лаврент. лет., 41, 1); „Мьстиславъ же, о свѣтъ заутра, видѣвъ лежачiѣ... рече“ (ibid., 64, 16); „Новгородьци же сташа твьрдо о князи Романѣ о Мьстиславлици, о Изяславли вънуцѣ, и о посадницѣ о Якунѣ“ (Новгор. I лет., 15, 5); „хотѣша умрети за святую Софiю о посадницѣ о Иванцѣ Дмитровици“ (ibid., 41, 26); „Оступиша градъ... и отыниша тыномъ всь“ (ibid., 51, 27); „Обишло бяшеть озеро около“ (ibid., 200, 23); „Псковичи... поѣхаше въ лодьяхъ воеватъ, о Ильи о посадникѣ“ (Пск. I лет., 187); „поидоша воевать Заноровья 50 мужь о калекѣ о Карпѣ о Даниловѣ“ (ibid., 187).

Сюда, может быть, церковнославянские о-имъ, оиминъ — miles и современное оймовать.

С точки зрения дружины: „Псковичи, ѣхавше, повоюеваша Лотыголу о князи Александрѣ Всеволодичи“ (Пск. II лет., 12); „Псковичи... поѣхаша воевати земля Нѣмецкыя о князи Иванѣ, и о князи Остафьи, и о посадницѣ Володцѣ“ (ibid., 13). С точки зрения начальника: „А князь Юрьи... совокупивъ силу о себѣ велику и прiиде“ (ibid., 28); „Новгородци... отрядиша воеводою Казимира, и Дмитрiя, сына Марѳина и инѣхъ много бояръ, а около ихъ всей Новгородской силѣ 40 тысящь“ (Пск. II лет., V, 36); „Поехаша Псковичи около князя Остафья къ Полотску“ (1355 г., Пск. I лет., 191).

„Остати ся отъ чего или чего“, повидимому, из отъстати; „кто ся насъ осталъ живых“ (Новгор. I лет., 51, 20); „кажеть насъ, да быхомъ ся остали отъ злобъ своихъ“ (ibid., 65, 21, 67, 1); „остатися (= оставить) вѣры хрестьяньскыя и чернечьства“ (ibid., 58, 28). Быть может, *о* в остаться и оставить в современном смысле тоже из от?

„О тъ чинъ, о сь чинъ“ — в это время, пору (об эту пору) (Лаврент. лет., 90, 103). См. чинъ.

О собѣ (см. свой). „Юрьи же самъ не поиде [на помочь], ни послуша князiи Рязаньскыхъ молбы [о присылкѣ помощи], но самъ хотѣ особь (акад. — „о себѣ“) брань створити“ (Новг. I лет., 51, 5); „князь же Мьстиславъ въ вѣче поча звати, они же не поидоша... Створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати“ (ibid., 32, 25); „князь Свѣискiи того не вѣдаеть, что учинилося розмирiе съ Новымъ городомъ, нъ то подѣялъ Стень воевода о своемъ умѣ“ (ibid., 79, 2); „И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“ (Ипат. лет., 97, 11).

Освьнути.

„И сътупишася трижды и омеркоша бьющеся“ (Летописи); „Wieczorem tam obnocował“ (O wypr. choc., 37); „o południu“ (ibid.); „Щей сонце не горазд обутрис, кожне йде в степ“ (под Десну) (Основа, 1862, VI, 58); „oslonał se obozie“ (O wyrp. choc.); „pochów dodawano tak omale, że“ (ibid.).

Объ.

1) объ. Болгарское besilo (vesiło) — виселица, bésé (vésé) — aufhängen; blaže — лижу; сербское бискати; у Кирилла Туровского, по списку XIII в., „обьстоимъ“; „Об[ь][в]инути“ — обвить; ср. niezawijąc...? „A gest cy obyvyon plasczem“ (XIV—XV вв., Maciejowski, 16).

2) Обиходъ. „То у ней на домашней обиходъ перекроено и перешито; а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано полотенъ... ино и

продастъ" (Домострой, 53); „и то бы [жена] знала же пивной, медово́й и винной и бражьной, квасно́й и уксусной, и ки́слаштяной, и всякой обиходъ как дѣлаютъ, и поваренной и хлѣбной" (ibid., 51); „въ домовитомъ обиходѣ коли лучится какие платья кроити... и самъ государь смотритъ и смечаетъ" (ibid., 54).

3) Оби-. „Обиходивъ" (Лаврент. лет., 67, 28); „Митрополита ужасть обиде" (ibid., 78, 15); „видѣ обиходяща бѣса" (ibid., 82, 1); „обиходя" (ibid., 2); „обиступивъше" (ibid., 118, 25); „обисѣдоша" (ibid., 169, 22); „Потрясеся земля... и людье мнози изумѣшася, и мнякуться тако, яко голова обишла (пошла кругом) коего ихъ" (ibid., 193, 12).

4) Обинякъ, без обиняков. Остромирово евангелие: „не обинуясл" (jawne, *παῤῥησία* — не притчею); „Скажи не обиняком" — прямо (Буслий).

§ 10. Предлог *по*

„Мьстислава пустилъ передъ собою... съ маломъ вой, а самъ хотя поити по немъ съ всими вои" (Ипат. лет., 9). Помощь, однако, с дательным кому: „Вси людіе по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери" (ibid., 10) (собственно — идя *за*); „Тотъ бо не вдадяше Мьстиславу въстати ратью по Ярославѣ" (*за*, в пользу) (ibid., 11); „[Поступил] по рекшему: любите враги ваша" (ibid., 14); „Пояша по собѣ всю Русь" (Лаврент. лет., 8); „Не погубляй городъ, имемъся по дань, якоже хощеши" (ibid., 12, 28); „[2 царя] миръ створиста съ Ольгомъ, имъшеся по дань и ротѣ заходивше межи собою" (ibid., 13); „Концакъ поручися (=взял на поруки) по свата Игоря, зань бяшеть раненъ" (Ипат. лет., 131, 40); „Како жаль ми бящеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ" (ibid., 132, 11); „бишася по семь недѣль" (ibid., 176, 34); „бишася по четыре дни, въ четвертый же день сбиша заборола съ города" (ibid., 199, 19).

В договорах Новгорода с князьями повторяется: „а грамоти ти, княже, не посуживати" (XIII — XIV вв., Собр. гос. грам., № 1).

В XIII—XIV вв. в договорных грамотах князей между собой: „А которые суды судилъ еси... тѣхъ ми судовъ твоихъ не посужати" (ibid., 104), или „а суженого не посужати" (ibid., 98; XV в., ibid., I, № 48—50) и др. В грамотах XIV и XV вв.: „а не будетъ по холопе лии по робѣ поруки, ино ихъ... выдати" (например Собр. гос. грам., I, 212, № 88, 1462 г.).

По. „Буде Мамай безбожный будет побивать, по Мамаю приставаньте: велел по правой силе приставать" (Архангельская губ.) (Афанасьев, I, 314); „Не по нас птицы летят... не по нас звери бегут: пить нам от Мамая... горькая чаша" (ibid., 317); ср. областное: поволя, поволица (=свобода, потачка); „Погна по цари" (=погнался за) (Новгор. I, 27, 10); „Тут отрёкнется порода именитая, Не потужат по победной твоей бедности" (Барсов, 23); „Письма грамотки к победным не доходят, С передачей по людях все неверныих" (ibid., 142); „Написать да скорописчатая грамотка... Мне послать бы по тебе, мило дитятко" (ibid., 197); „Нет ли радостна по вас да все известьица? Нет ли грамотки?" (ibid., 208); „Уж как речь стала у ей не постатейная (=неприличная)" (ibid., 23); „Про тебя... кажись ествушка по разуму составлены, Цветно платье по уму было покуплено" (ibid., 93); „Попусти да ты обиднушка жалко́й голос. Хоть не умильное складно́е причитаньице ... Ты по светушке братце по родимом" (ibid., 199). У Котошихина: „По молитвѣ" = после молитвы; „по обѣдѣ". „Поповъ... кормятъ на царскомъ дворѣ не по одинъ день" (ibid., 11); „И тако плакашеться по три дни... и повелѣ раздавати имѣніе свое манастыремъ

и нищимъ; и тако даваша по всему Галичю по три дни“ (1442 г., Ипат. лет., 135).

Под (=по). „Повыбрал мне судьбинку божью [мужа], Не под лицё мне красной девушке, Не под плечо мне молодехоньке“ (=под стать) (Барсов, 78).

Подлѣ. „И пріиде Изяславъ ко валови и ту ста полкы подлѣ валъ“ (Ипат. лет., 24).

Подлѣ и *возлѣ* и в XVI в. постоянно требуют винительного.

Предлог, входящий в состав слова, повторяется в дополнении: „Pohlédala po synečku“ (Mor. Nár. Písně, 425) (см. *па*).

Па (=по). Вдоль: пабережье, пабердо, пабирки, павилика, паволока, паветеръ, паголенок, пазьмо.

Меньшая, низшая степень: паболдырь, паболока, пабедни, паболка, павечерье, паводь, павозить, паводить, паволна, паглинок, пагорок, пагроза, пагрязка, падворок, падочка, падчерица, падуб, пасерба, падым, паерок, пазобника, пазевни, пакисель, паклен, паклин, паколок, пакость, палист, паморок, панизка, панить, паоблако, паобѣдь, паорок, паоспа, парось, паруслo, паскирдок, пасока, пасынок, патока, паужин, пауздок, паучень, пащенок, паясень; польские padoł, pagówen, paklepie, parów.

Сверх: палуба (польское pałub), паперсь.

Подле: паночти, паозерь.

После: павоз, пагнетки, пагниль, памелки, память, пароботки, паскорня, пасмыка, пасмешки, пастриги, пасевки, пасека, патолока (польское, чешское), пачесь, пашибок, паветвь, памать, паотец, паробок, парой, паросль.

Назад: паворот.

NB. Павесьмо, пагуба, падерня, падера и пр.; пáдмылье, пáдласы. Паздоришь, пазур, паймо, пакая, палйк, памха, паперть, паполза, пажить, паскуда, пасмурен, пастен, патерба, патла, пакля (?), паторочить, патяпник, пауза, пафурка, пахва, падейка, пащелок, паюс, паязь (?), пахолок; польское paciep, pałąk, paszczęka, patyczek, patyk.

§ 11. Предлог *без* (*безъ*) (=*не*)

Предлог *без* (*безъ*) (=*не*). „Писаречика нанять бедна не смію, Беспросясь я у законной у сдержавушки“ (Барсов, 197); „Бесповинный“ (ibid.) = неповинный.

В западной части Подольской губ. *без* с родительным — в общерусском значении („без шапки на голові“), с винительным = через. „Хилила ее березонька без пень до дубонька; Кланялась молода без стіл до батенька“.

§ 12. Предлог *на*

Наследник — тот, который на следу чьем. Настольник — тот, кто на столе. „Коцелъ князь постави Меѳодья епископа (т. е. епископом) въ Па[но]ніи, на столъ свята Онъдроника апостола“ (Лаврент. лет., 11, 32); „епископу Мефодью, настольнику (Х. „намѣстнику“) Анъдроникову“ (ibid., 12, 1).

Пити на кого. „Яко упишася Деревляне, повелѣ [Ольга] отрокомъ своимъ пити на ня“ (ibid., 24, 30); „единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: «Княже! хочю на тя пити»; оному же рекшю: «пій». Онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити“ (ibid., 71, 33 сл.). И теперь на Руси обычай, что пьющий *к* кому (за здо-

ровье) только надпивает (см., между прочим, Желудкова). Сербское „напијати“ (см. Караџић, Рјечник). Белорусское „пью на цябе повным кубкам добрым здоровьем, што мыслю сабе, то и табе“ (Шпилевский).

На — в смысле *об.* „На здоров'є спитать“ (Лубны, Чернигов, Метлинский, 144, 162); „На кого згадувати“. Ср. „И не бяше вѣсти черезъ всю зиму въ Новѣгородѣ на нѐ, ни на живы, ни на мьртвы“ (Новгор. I лет., 22, 2, 3); польское wspomnieć na co — na kogo (и co, kogo), pomnieć na; чешское „pomniti и zapomenouti na něco“; „и бы вѣсть у тѣхъ на (= про) Ярослава“ (ibid., 34, 16); „Село есмь купилъ... а далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ“ (Ипат. лет., 215, 33); „Назирати“ (= смотреть на) (Лаврент. лет., 100, 24). Назирцем, назорице. Наим — во множественном числе, как в украинском „у найми“: „А наимъ дѣля, рекше лихвы, тако веляше учить“ (Калайдович, Памятники, 174); „Аже кто коуны дакть в рѣзъ, или наставъ на медъ, или жито въ просоп...“ (Русск. правда — Достопам., 39); „Или корчемнымъ прикупомъ [вытяжеть], или лихвы (творительный мн. ч.)... или ростѝ и насъпы (творительный) и мытá“ (именительный) (Домострой, 46); Новгородская договорная грамота 1307 г. (Собр. гос. грам., I, № 11): „На селѣхъ (= за села) егó куны ему даемъ“; в грамоте рижан к витебскому князю около 1300 г. (Акты р.-лив., № 40): „И ты, княжо, давалъ еси на кони г҃ изроевъ, и они не взяли [за коня]“; в грамоте XIV—XV в.: „Искати [судом] на комъ, взять на комъ [с кого]“

В Домострое: „[кто] на кривѣ послушествуеть“ (45); „[кто] божится на кривѣ“ (ibid., 28).

Спасибо на чем. „Спасет бог да светушкá братца любимаго, На твоем да на великом на желаньице“ (= за любовь) (Барсов, 42); „благодарствуем вам... На умильном отпеваньице, На учтивом причитаньице“ (ibid., 49).

„Вы на добрыи дела их [детей] научите-ткось“ (ibid., 7); „На словах оны, купцы, да ведь ученыи. На лицо оны ведь е да все ласкóвыи; Как на двух оны словах да приоббают. На учливых речах да прилаcкают; На сговоры тут горюша приокинуся, На молодыих купцов как приобзарюся, Позабуду тут любимое гостибищо“ (ibid., 25).

„Ненi нашi... дуже обi навидiлися“ (= любили друг друга) (Федькович).

Настойчивость — напор тяжестью своего тела: на-стояти: 1) insistere в значении стоять упорно в чем, налегать на известное дело, premere; 2) как instare от значения первого переходного к наставать, быть близким (по времени); так, настоять — imminere, откуда настоящий (дело, время) — praesens и, без сомнения, от этого значения — verus, echt.

Належати, nalegać: „...належаху Арону, дати им“ (Калайдович, 106).

Наречие. „Третей проситель места, по наречию некоторых глупых дворян есть человек подлой: ибо он от добродетельных и честных родился мещан“ (Новиков, Трутень, 1769, в изд. Ефремова, 26—27).

На. „А ви се сi талярики на меду пропийте“ (Головацкий, III, 35); „Попоньки та дьяченьки на заплати (за = из-за платы за похороны) бьются“ (ibid., 48); „Пропила мати дочку на солодкiм медочку. Було меду не пити та дiвкою робити“ (ibid, III², 222); „на гласу јунаци“ (Miklosich, IV, 5).

На. „Потомъ у царя на властей и на бояръ и на всякихъ чиновъ людей были пиры“ (Котошихин).

Надеяться — собственно полагаться на, ср. полагаться — польское spolegać. „Непьꙗныꙗ... набдить. а҃ пьꙗници... ненавидиꙗ и гнушаєть и҃“ (XIV в., Буслаев, Хрестом., 486); „Боротись навпереваги“ — хто кого переважить (Бублий); „пiд дiло навви ринки“ (ibid.); „на

всправжки сказати“; „на вколішки“; „прийшлось їй до крута небозі“ (ibid.); „дати кому нахилки“ (нахиливши за чуба).

На. „Можааше бо се мѵро продано быти на мънозѣ“ (Остр. ев., 153, Матфея, 26, 9); „Чьто бо дасть чл҃къ измѣнѫ на дш҃и своѥи“ (ibid., 132, Марка, 8, 37); „Фала, пријо, на бесједи такој“ (Караџић, Пјесме, II, 526).

Над (*надъ*). „Приде Ярополкъ, надъ н е м ъ (в прочих списках „надъ онь“) плакася“ (Лаврент. лет., 32, 11); „По над неї не найшлося богачої на всій нашій горі“ (Федькович).

§ 13. Предлог *из* (*изъ*)

„Нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ (=из-за) Всеслава“ (Лаврент. лет., 83, 14). „Сей же Яковъ работа у уя своего изо дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7… а изъ другоѣ реклъ ему [Лаван] другую 7 лѣтъ. Онъ же работа другую 7 лѣтъ изъ Рахили“ (Лаврент. лет. 2, 91).

Из — вм. *с*, по виду сходно с украинским. „Много ся и з д ѣ я зла Пльсковицемъ“ (Новгор. I лет., 18, 24); „А иныхъ Половци побиша изъ коня, а иного изъ порта“ (ibid., 41, 6); „даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ“ (ibid., 47, 30); „избити“ (по ряду всех); „истригошася вси въ образъ чърньческіи“ (ibid., 51, 28); „поганіи… издушиша вся“ (ibid., 51, 34); „поганіи… изсѣкоша вся (винительный мн. ч.)… а все изъобнажено и поругано“ (ibid., 52, 8).

Из — при гонити, ехати = нечаянно напасть. „Выѣха посадникъ Ладожьскыи съ Ладожаны въ воину, и по грѣхомъ нашимъ, изъѣхаша Нѣмци Ладогу и пожгоша“ (ibid., 70, 22; ср. ibid., 32, 4); „изъѣхаша в насадѣхъ, безъ вѣсти [нечаянно], Заволоцскую землю, и повоеваша волость“ (ibid., 106, 42); „Изгонити“ (город) — неожиданно сделать набег на, а не „ворваться в“, „напасть“, как переводит Пыпин места Новгородской летописи: 17, 11; 46, 36; 49, 23; 50, 38 (Материалы, III, 49). Согласно с этим: „много повоева волостіи Плесковъскыхъ, изгономъ, безъ в ѣ с т и“ (Новгор. I лет., 102, 39). Так „изъѣхати“ и в Ипатьевской летописи (ср. польское zejść). „Ѣха изъѣздомъ на стръя своего“ (чтоб нечаянно захватить) (Ипат. лет., 79, 33; ср. ibid., 87, 7); „изъгнаша“ (ibid., 200, 10; 201, 35); „излѣз“ (ibid., 205, 21).

„И з в ѣ с т и т и с я кому“ — удостоверить (ibid., 92, 21; Новгор. I лет., 26, 20—22).

И з у м е н і е (изумѣнье) (недоумение, из ума вон, растерявшись, когда нет ума; без значения „удивление“) (Ипат. лет., 92, 27); „Недоумѣніе“ (Новгор. I лет., 41, 7; 51, 7, 8; 52, 6); „Тѣхъ… людей не изъѣхалъ, съ своими понятыми, ни одного; и язъ… того Микитку изшелъ… на Москвѣ“ (Акты, 48, 1541 г.).

„Ты скажи, родитель-батюшко, Мне изведай, красно солнышко, Уж ты куды да снаряжаешься“ (Барсов, 45).

§ 14. Предлог *в* (*въ*)

„Поиде… въ 4-хъ стѣхъ“ (Новгор. I лет., 37, 20); „Князь же Святославъ… рече: не могу быти съ Твьрдиславомъ, и отъимаю отъ него посадницьство. рекоше же Новгородьци: е ли вина его? Он же рече: безъ вины. рече Твьрдиславъ: тому есмъ радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, в посадничьствѣ и в князѣхъ [вольны]“ (Новгор. I лет., 37, 15).

„Платежа в томь (=за это) нѣтоуть“ (XIII в., Достопам., 1, 57); „аже въ Княжи ѡтроцѣ [вира], или въ конюсѣ, или въ поварѣ, то м҃ гривенъ; а за Тиоунъ… то п҃ гривенъ“ (ibid., 31); „… а въ Ратшину тяжю платили

есмы (=заплатили) к҃ гривенъ серебра за двѣ голове, а третьюю выдахомъ“ (Акты р.-лив., № 16, 1257—1263 гг.).

Гостити — в значении отправляться куда гостем (купцом) требует *в* (*въ*) с винительным. „Новгороцмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а Нѣмцьмъ и Гтъмъ гостити в Новъгородъ бес пакости“; „оже кто гостить в Корѣлу“ (ibid., № 16, 1257—1263 гг.).

Вскоре. „Вкруте с дитятком бессчастны вы рассталися“ (Барсов, 193); „Приобижу когда белую лебедушку,... Не в пронос да буде в добрыи во людушки. Не в домёк да вам желанным родителям“ (ibid., 238); „Соломонъ почалъ въ (=из) деревцѣ вѣсочки дѣлать“ (XVIII в., Тихонравов, Летописи, IV, 112); „возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельмы мудро“ (ibid., 130); „Во лбѣ его [Святослава] сдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху изъ него“ (Лаврент. лет. 2, 72); „Не суть то бози... но суть дѣлани руками въ деревѣ“ (Лаврент. лет. 2, 81).

Местный с *въ* — предмет тяжбы, вины (Достопам., I, 127, 128). „Цѣжь, в немьже варять кисель“ (ibid., 125).

Възъ. „Иде Вълховъ опять на възводье по 5 днiй“ (Новгор. I лет.).

Польское „posiłać se chorągwie stały, wtecz neprzyjacieluwi czyniąc i harze z nim zuwodząc“ (O wypr. choc.); „Uderzili na obóz, ale wstręt odnieśli z szkodą swą“ (ibid., 46).

§ 15. Предлог *прок* (*прокъ*)

Прочь и *проче*. „Поѣха проче“ (Новгор. I лет., 61, 13 et passim); „пойти прочь“ (Ипат. лет., 48, 19); „напрочь“ (ibid., 164, 22); „прочею“ (ibid., 91, 26).

„*Прокъ*“ (Новгор. I лет., 15, 10; 42, 9; 53, 9; Ипат. лет., 71, 1; 76, 4).

„*Прочее*“ (Новгор. I лет., 64, 36).

„*Проче*“ (опроче=кроме, без) (Ипат. лет., 67, 13; 213, 8).

„*Опрочь*“ с родительным — кроме (1328 г., Собр. гос. грам., I, 34б, № 22).

„... опроче того“ (1406 г., ibid., 73б, № 39).

§ 16. Предлог *за*

Пребывание или движение *за* кого — под его защиту, причем состояние защищаемого („защищаемого перед судом и властью, клиента“) переходит в состояние зависимости и рабства. Сюда: „замужь, замужемъ“. „Сбѣжалъ отъ меня Микифора кабалной мой человѣкъ... и въ бѣгахъ жилъ... за помѣснымъ казакомъ за Микифоромъ Ивановымъ сыномъ Коровинымъ“ (Акты юридич., III, 12, 1670 г.); „Тотъ мой... крѣпосной крестьянинъ Артюшка, пришедъ изъ бѣговъ, учнетъ жить за мною... и за женою моею и за дѣтми“ (ibid., 19, 1699 г.); „бѣжалъ изъ за него Трофима крѣпосной его крестьянинъ Сенка“ (ibid., 18, 1699 г.); „за мною помѣстья, дому и пр. столько-то“; „У мяня ёсь бо́льшыя сады за твое“ (мн. ч.) (Витебская губ., Лепельский у.) (Шейн, Материалы, II, 66); „Ой хорош хорош лепш за ўсих. Да склониў голоўку нижы всих“ (Минский у.) (ibid., 276).

Что за... „Я гляжу бедна горюша приодумалась, за како-ж да это место незнакомое“ (Барсов, 256); „онъ, Кондрашка, родился за князь Захарьемъ княжъ Ивановымъ сыномъ Шахавскимъ... и князь Захарей... тое деревню... продалъ думному дьяку Гарасиму Дохтурову, и изъ за думного де дьяка изъ за Гарасима Дохтурова бѣжалъ онъ Кондрашка

холость... а въ бѣгахъ жилъ за бояриномъ за князь Васильемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ" (Акты юридич., I, 58, 1673 г.).

За. „За двѣ лѣтѣ (=в течение двух лет) лежа сій" (Лаврент. лет., 83, 22); „нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта" (ibid., 83, 23); „и небреже за недѣлю ясти" (ibid., 83, 29).

Томское завѣдь — перехват руки выше кисти (Этнограф. сборн., VI, 23). В Областном словаре „взавить (=толщиною) в руку"; „стояша и до замороза" (Новгор. I лет., 70, 31); „Заговѣние" (ibid., 70, 33) и др. В смысле — начало: иначе — зажитіе. Польское zabaczyć — забыть, простить (ср. przebaczyć).

Задъ, задьниця — наследство. (См. еще Ипат. лет., 23, 9.)

„Заутріи день (вариант «заутра») прiѣхоста" (Ипат. лет., 29, 11); „наутріи... день повелѣ" (Ипат. лет., 29, 24); „Заложитися чѣмъ" (например лесом). См. Словарь к Ипат. лет. Ср. залога (защита), засада (гарнизон) (Ипат. лет., 84, 2, 3; Новгор. I лет., 49, 24; 64, 20); „Сѣдѣти за..." (в чьей власти, под чьим покровительством) (Ипат. лет., 194, 38); „в обиду его стоялъ есмь за нимъ (=за него), како и за собою; абы ты такоже, мене дѣля, пріялъ и҆... подъ свою руку и стоялъ за нимъ во его зло" (=когда ему приключится зло) (ibid., 216, 31).

Зависть, завидовать — (недоброжелательно) глядеть вслед за. В литовском *за*=предлогу *pa* (после), už (за) pawydas — зависть.

За с винительным — в чью власть, собственность. Так понимать и „за мужъ". „Аже кто многымъ долженъ боудеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чюжеземьць, а невѣдая запоустить зань товаръ" (Русская правда — Достопам., I, 47); „аже ѡбинить и҆ (ответчика, взятого по речи холопа), ѥмлеть на немь своѥ; не ѡбинить ли ѥго, а платити ѥмоу гривноу за моукоу, *за* (вариант — „зане") по холопьи речи ялъ и҆" (ibid., 53).

„За мной нет вины"; „Дом за мной"; „Аже [оумреть] въ боярѣхъ (сословие), или въ дружинѣ, то за Князя задница не идеть" (ibid., I, 43).

За-сь. В современном украинском — только в безличном предложении с подразумеваемою связью в 3-м л. ед. ч. и с дательным лица, в значении нет дела: „зась тобі! Кому, кому, а куцому за-сь!" (заська?). Так и в смежных русских говорах: курском, брянском: „Игумену дело, а братии зась". Даль очень ошибочно сравнил с застить (застенять): „чтоб тебе застило". В старом украинском — наречие в значении назад, обратно: „билъ намъ чоломъ Ігуменъ... обыхмо тую землю Гнилецъ за ся привернули къ тому... монастиру" (Грамота киевского митрополита 1564 г. — Максимович, Киевлянин, 1841, 2, 41). Отсюда видно, что и современное зась значит собственно за себя, т. е. назад. Польское za-się, zaś; чешское zase, zas; верхнелужицкое zaso, zasu.

1) Наречие при знаменательном глаголе о пространстве: вспять, назад, обратно: польское zasię wrócić, zasię wziąć и пр. Так и в чешском и лужицком. Сюда же польское в значении прочь, назад: z gniewem rzecze psu: a zasię! Лужицкое „daj mi to zasi" — отдай мне, дай мне назад. Так как движение назад есть вторичное и обратное, противоположное первому, то отсюда:

Зась. „Иди за мѧ сотоно" (Остр. ев., 262, Матфея, 4, 10) (в исправленном непонятно: „иди за мною"=pojdi precz, szatanie); „[половцы] бяхуть... вежѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы Сюурлія" (Ипат. лет., 130).

Зася, предъся. „А тую мѣну предся (на будущее время) такы маемъ межи себе держати на вѣки вѣчные неотмѣнно" (Акты Южн. и Зап. России, I, № 97, 1533 г., в Вильно).

Зася=назад, опять, потом: как противительная частица; ср. пакъ.

2) Вторично, опять (см. это слово) и пакы—снова, еще раз. Польское „idź teraz, przyjdź ze zaś" (=еще), „żołnierz wprzód się zaprawuje na krwi źwierzęcej, zaś (=потом) lud okrutuje, morduje". При таком значении частицы zaś, а равно опять, пакы упускается из виду, что собственно они значат обратно, по тому же пути, но в противоположную сторону, и оставляется только значение снова. Ср. латинское re и немецкое wieder (временное). Этим тождеством с местным wieder в reminisci, recordari (вторично привести на мысль содержание), wiederholen (Pott, I, 192) „ein eigentliches Zurück ist bei der Zeit nicht denkbar", а только возобновление или повторение действия (ibid., 193): „shledáme se tu zejtra raně" (=опять); „muž boži zase a zase přikazuje" (=опять и опять, много раз, iterum, iterumque). Верхнелужицкое „zaso a přeco zaso" (ibid.). В лужицком, под влиянием немецкого, в начале сложных слов в значении немецкого wieder—„zaso widzenje"—wiedersehen; „zasokřcijer"—Wiedertäufer; „wzasenarozeni"—in der Wiedergeburt, как в старославянском пакы в начале сложных слов для передачи греческого *πάλιν*—пакы бытиѥ; *παλιγγενεσία*, regeneratio—пакы рождениѥ; пакы теча, *παλιῤῥοία*—прилив и отлив, прибой и отбой волны, вőлнение.

3) Обратно, наоборот: чешское „napiš mu zase" (ответь на его письмо); „skrze potomu ějsi skatek zowiže i bywa pronéjsi, a ce ne zase" (но не наоборот); польское „gdy się zmiesza koń z oslicą, albo zasię" (или наоборот, т. е. осел с кобылою).

4) Отсюда в польском и чешском zaś, zas в значении противительного союза—*же*, украинское *пак*, южнорусское *па*, *пак*, *ампак*, *naspet* (см. хорутанское под aber, wieder); польское „ty bogaty, ja zaś, ubogi".

5) Неясно происхождение в польском zaś значения части вопросительной zaś! jakto! czy sposób! jakto zaś? (же).

За собь.

Старинное „тишинѣ сущи, морю укротившюся, абье буря въста съ вѣтромъ, и волнамъ вельямъ въставшемъ засобь, безбожныхъ Руси корабль (вариант—„корабля") смяте" (Лаврент. лет., 9, 20); У Востокова и Миклошича—засобъ, засобь, повидимому, „разъ по разъ": „двацш и засобь бывшоу сьшьствию, засобитъ" (один за другим следующий, частый). Сербские зáсоб, засòбице, засòпце—раз по раз: „три пут засопце"—трижды один раз за другим. Хорутанское zasebice. Верхнелужицкое zasobny, старославянское засобитъ—это значение тождественно со вторым значением zaś и объясняется как это последнее. Какой падеж в за-собь? Это может быть не сокращение косвенного падежа—себе, собою, а существительное с винительным. Сравни существительное собь (русское)—собственность.

За собь (=за себя). В Юридических актах: „Отвѣчаю *засобь* в своей доли" (1571 г., Буслаев, Граммат., II, 313).

§ 17. Предлоги *перед* (*передъ*) *преди*; *прекъ* (*прѣкъ*)

„Проповѣдаше предибудущая" (Лаврент. лет., 81, 26); „Преди" (Ипат. лет., 39, 4). *Прѣкъ*—поперекъ. „Пере-къ" (Ипат. лет., 129, 30); „перекы" (ibid., 35, 35; 36, 2, 8, 9; 148, 1); „въ перекы" (ibid., 81, 5); „поперекъ" (ibid., 131, 156, 211, 23). Перечить (преко воље), прѣтити (вм. прѣчити); за-прѣшта-ти; „[Буслай] с Новым-городом жил, не перечился, Поперек словечка не говаривал" (Др. росс. стих., 72).

§ 18. Предлог *пере-*

„Переяти“ взять в другой раз, считая за первый раз то, что уже предшественник взял, = наслѣдити: „посемъ же угри прогнаша Волъхи, и наслѣдиша землю“ (Лаврент. лет., 11, 1); „Володимеръ... заложи городъ на бродѣ томъ и нарече й Переяславль, зане перея (= получил, приобрел от другого) славу отрокъ отъ“ (ibid., 53, 17 сл.).

Об объяснении слова „Переяславль“ в летописи Буслаев замечает: „производство неверное и наивное, но свидетельствующее нам, что летописец видел в этом названии сложное слово“ (Граммат., I, § 81, примеч. 1). Почему же наивное? Город Переяслава, т. е. того, кто переял славу. „Речение *переславль*, как нарицательное доселе употребляется, в костр. наречии, в смысле переговора“ (ibid.), но это ведь не пере-я-славль? Ср. Из-я-слав.

„Поидоша ониполовици и до дѣтій въ бръняхъ, акы на рать, а Неревляне такоже, а Загородьци не въсташа ни по сихъ, ни по онихъ; но зряху перезора“ (Новгор. I лет., 37, 2); „выжидали, как пойдет дело“ (Пыпин, 61). Это очень далеко от этимологического смысла (см. выше).

Глаголу прѣдати (= передать) соответствует прѣяти (= перенять в смысле получить от другого). Преемник — синоним наследник. Презрѣть: „язъ пакы своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти (оставить без вотчины): но любо голову свою сложю, пакы ли отчину свою налѣзу и вашю всю жизнь“ (Ипат. лет., 54); „Клятвы не переступати ни Грецемъ ни Руси“ (Лаврент. лет., 16, 15); „[Ярополкъ, победивши Олега,] перея власть его“ (ibid., 32, 8). „По семъ же, перея власть его [Мьстислава] всю Ярославъ и быша самовластець Русьстѣй земли“ (ibid., 65, 9); „и изиде Святоша изъ града [Лучьска]... а Давыдъ перея Лучьскъ, и оттуду приде Володимерю, посадникъ же Василь выбѣже, а Давыдъ перея Володимерь“ (ibid., 116, 5, 6).

Старославянское прѣзрѣти: 1) *παρορᾶν* (через), negligere; 2) *ὑπερορᾶν* (сверх), despicere, contemnere. Эти два значения сохраняются и в других наречиях. Сербское пре̑зрети — indulgere (как бы не видеть, прощать) (contemnere в п. 2 = старославянскому второму значению). Старочешское přezrěti, přezřiti: а) дозволить, допустить (часто у Гатталы — ze štitu — XIV в., и у др.), б) провидеть, прѣ = пра, про, вперед; 3) пересмотреть. Польское prezrzeć, prejrzeć: а) просмотреть сквозь, б) просмотреть — пересмотреть, в) в старопольском просмотреть = не обратить внимания (презреть — contemnere, despicere и в этом же смысле przeglądnąć, glądać); 4) прощать — przeglądać; 5) прозреть = начать видеть; 6) про-видеть — вперед. Сравни следующее: przebaczyć: а) через... = przeoczyć, übersehen — не обращать внимания; б) простить; в) пересмотреть все; г) предусмотреть.[1]

---

[1] Дальше в рукописи идут следующие материалы: „Пересердіе“ (Ипат. лет., 39, 1). Ср. украинский. „Бяхуть перестрашени“ (ibid., 70, 21); „Мало перепочивше, опять възвратитъся“ (ibid., 101, 36); „Ми смо наше добро изгубили, На Косову, не зеленило се... И наше се преузело царство С Немањића на Отмановића“ (Петрановић, Пјесме, 338); „Великий Констянтинъ... преложи Римъское Царство... въ Констянтинъ градъ... Потомъ же прияша стараго Рима Нѣмцы, и обладаша землею тою“ (Калайдович, Памятники, 157); „Прѣлюбы“, т. е. любовь к чужой; юридическое „пересудъ брати“ (отлично от przesąd = предрассудок); „Перезва, перезов“ (Чубинский, IV, 465, 467 и пр.); „Кто званые, в свою очередь зовут к себе“; „Хміль лугами, пшениця ланами“; „Наші перезвяне, наші любі гості, напийтеся з нами“. На это гости за молодых отвечают: „Хміль не в'ється, А пшениця не жнеться: коли нас не просять, коли не голублять, то й горілка неп'ється“ (Stecki, 1, 88). *Ред.*

§ 19. Предлог *возле* (*възлѣ*)

„Ѣздя възлѣ берегъ“ (Лаврент. лет., 61, 20); „Шли бо бяхуть на ино мѣсто, възлѣ Хоролъ“ (Ипат. лет., 129, 11) (так и подлѣ); „[Ѣхать] возлѣ Сулу“ (ibid., 129, 30).

Възъ. „Иде Вълхово опять на възводье, по 5 дніи“ (Новгор. I лет., 16, 18); „Въ лѣто 6884 [1376]. Иде Волховъ на взводъ по 3 лѣта по 7-мь дніи“ (в течение трех лет, в каждом по семи дней) (ibid., 90, 37);[1] „Воидоша въ Днѣпръ [с моря] и возведоша пороги, и сташа у рѣки Хорътицѣ на броду у протолчи“ (Ипат. лет., 164, 8); „възгнати“ (ibid., 190, 17); „възбѣчи“ (ibid., 191, 20); „възгнати“ (ibid., 193, 8); „възвернутится“ (ibid., 193, 10); „възвести“ (ibid., 210, 38; 211, 7, 30); „Възъвягль“ [городъ] (ibid., 194, 38; 195, 3) может быть *въ*, а не *възъ*, ср. „Въслонимъ, Вослонимъ“ (ibid., 206, 17, 18); „Посла й Володимеръ съ тоземьци въ челнохъ возверхъ (вариант — въвръхъ) рѣкы Лосны“ (ibid., 206, 36); „Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ (в других списках — „возлѣ“) горы Кіевьскія“ (Лаврент. лет., 23, 31); „Икону погребли бяху с мертвецемь святаго Михаила, и не повелѣ възъгребати: Крестьянъ, рече, есть“ (Калайдович, Памятники, 184).

---

[1] Объяснение для этого места. Пыпин, III, 41, справедливо ссылается на известие под 6882 г.: „того же лѣта иде Волхово вспять, по седмь дніи“ (Новгор. I лет., 90, 14), откуда видно, что „на възводъ“ = вспять. „Въ лѣто 6923 [1415 г.]. Иде вода на възводъ“ (ibid., 105, 38). Но Пыпин, хотя и с сомнением, относит эти слова к веду. Сравнить с северорусским взводень; по Далю — большая разводная волна, зыбь. Вернее, „възъ воду“ — против воды: възводье — от вода, как взголовье. Сербское „узглавље“ — от голова; если принять беспредложное възводъ за наречие (*на* прибавлено издателями), откуда уже пошло на възводъ, то ср. хорутанское наречие wzgor — вверх, на гору, если, впрочем, здесь не възгоръ есть основная форма, а възгоръ. Впрочем, если възводъ есть существительное от вода, ср. формы, предполагаемые словами: пригорок, польское wzgórek, именно възгоръ, пригоръ. Быть может, самое взводень есть не вообще возведенная волна, а волна възъ воду, — против течения.

I. СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ В СОЧЕТАНИИ АППОЗИТИВНОМ

Правило нынешнего литературного языка видно в примере: „убили князя Романа Святославовича (сына Святославова), внука Ярославова“, т. е. приложения должны непосредственно примыкать к определяемому, так как эти члены предложения представляют для мысли единство: отечественное должно следовать за личным, тогда как фамильное может предшествовать личному с отечественным. В старинном языке обычно и такое же расположение, но обычно и другое.

А. Приложения, как относительно самостоятельные члены предложения, отделяются от определяемых сказуемыми, дополнениями и обстоятельствами.

а) „Судиславъ преставися, Ярославль братъ“ (Лаврент. лет. 2, 159, 15); „бѣжа Ростиславъ Тмутороканю, сын Володимерь, внук Ярославль“ (ibid.); „И убиша й (Романа) Половци... Суть кости его и доселѣ лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля“ (ibid., 198) и др.; „Володимиръ иде на Емь съ Новгородьци, сынъ Ярославль“ (Новгор. I лет., 2); „пострижеся Святоша князь, сынъ Давыдовъ, Цьрниговѣ, тесть Всеволожь“ (ibid., 3); „Иде Мьстиславъ Кыеву... а сынъ посади Новѣгородѣ Всеволода на столѣ“ (ibid., 4); „Завидъ посадьникъ Новгородьскый умре Дъмитровиць“ (ibid., 5); „Ходи Ярославъ на Ятвягы, сын Святопълчь“ (ibid., 4); „Прѣставися Мьстиславъ Кыевѣ Володимерицъ... а Ярополкъ сѣде на столъ, братъ Мьстиславль“ (ibid., 6); „приде Изяславъ Новугороду, сынъ Мьстиславль, изъ Кыева“ (ibid., 10); „а Изяславъ избѣжа Давыдовецъ Цьрнигову“ (ibid., 11); „поя у Якуна дъчерь, у Мирославиця“ (ibid., 16); „съступися брату своему стола Дмитрію Новагорода“ (ibid., 64); „Преставися рабъ Божій Степанъ Твердиславичь, внукъ Михайловъ, въ недѣлѣ [въ] 1 часу нощи, посадникъ Новгородцкой“ (Новгор. II лет., 21); „Той же зимы [1341 г.] приѣхалъ Михаилъ, княжичь Александровичь, со Твери въ Новгородъ ко владыцѣ, сынъ крестный, грамотѣ учится“ (ibid., 30); „За того же дни проѣхали въ Новгородъ съ Москве воеводы Великого князя... а стоялъ Василей Івановичь Умъной на Чюд[и]нцови улицы во дворѣ князя Василья Шаханского, опріщной бояринъ [т. е. Умной], а земской Иванъ Петровичь стоялъ на Нікитине улице“ (ibid., 101); „Проводилъ архіепископъ Новгородцькой Серапионъ... княжа Дмитреева сына Ивановича Шкурлятева Новогродцкого намѣстника, и положиша его в церкви у святого Спаса въ Нередицкомъ манастырѣ, на правой стороне, у праваго крилоса, князя Федора сына его меншова... а князь Федоръ былъ въ тѣ поры пяти лѣтъ“ (ibid., 83); „убило в тѣ поры в кѣльи громомъ 3 человѣки, два живы, а третьего до смерти вкладщика Торасья, а прозвище Смиръной“ (ibid., 88).

б) Подобно этому, быть может, реже отделяются прилагательные аппозитивные: „зажьжена бысть церкы отъ грома Варязьская“ (Новгор. I лет., 18); „мостъ снесе вода на Волховѣ великій“ (ibid., 55); „поставиша

церковъ камену святого Ніколу в Порховѣ... а другую поставиша церковъ на Веряжи у мосту святаго Николу дѣревяную" (1412 г., Новгор. I лет., 39); „бумага дорага была, листъ полденги, писщея" (ibid., 88).

Б. Родительный принадлежности, соответствующий приложению, или прилагательное относительное: „заложена бысть церквы, Новѣгородѣ, святаго Николы" (Новгор. I лет., 4) (ср. „церквы св. Микола"); „преставися игуменъ Кюрьякъ святого Георгія" (ibid., 5); „Отъ (вариант У) Всеволода родися сынъ, нарече имя ему Володимеръ отъ царицѣ Грькынѣ" (Лаврент. лет. 2, 157).

В. Отечественное (или по мужу) предшествует личному. „Преставися Мьстиславляя Хрьстина" (Новгор. I лет., 5), „бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремь Ростиславичемь" (1081 г., Лаврент. лет. 2, 198); украинское „Іосиповна Олена" (Кв.-Осн.).

В одинаковых косвенных падежах с предлогами, требующих повторения предлога. „Собраша полки своя многое множество" (Ипат. лет. 2, 193).

а) Повторение предлога перед дополнением слова, к коему относится предлог. „Или пошлю кого тамо на свою службу на Великого Князя" (Акты археограф. экспед., I, 30, 1446 г.) (родительный равносилен с прилагательным относительным или притяжательным); „А искалъ... на Васильевыхъ дѣтехъ на Степанова на Семенѣ да на Иванѣ" (ibid., 74, 1471 г.); „а искалъ... на Иванѣ на Есиповѣ сынѣ на Яковля, да на Семенѣ на Васильевѣ сынѣ на Степанова, да на Есипѣ на Ѳедоровѣ внукѣ на Малово" (ibid.).

„«Ци сила дана во имъя боже?»
«Ей я не дала, лем пів повісма,
Лем пів повісма, пів плоскінного»".

(Головацкий, II, 44.)

„Той сів на нього [коня] и поїхав ним, Ой горі містом, горі Галичем" (ibid., III[2], 46).

Сербское: „А на оној на равној Ресави" (Караџић, III, 53); „А на ломној на Херцеговини" (ibid., 55); „На Цетињи на води дебелој" (ibid.); „С девет сина с девет Іуговића" (ibid., 53); „С девет браће с девет војевода" (ibid., 55); „О моемъ недрузѣ о Казимирѣ о королѣ... на вопчего нашего недруга на Казимира на короля на Полского... а съ Казимиромъ бы еси съ королемъ съ полскимъ миру неималъ".

Число. „И всего денежныхъ доходовъ... со всего государства... зъ десять сотъ съ триста съ одиннатцать тысечь рублевъ" (Котошихин, 101).

В церковнославянских памятниках повторение предлогов редко, но есть: „И҆ распрострѣ по плещема. по небнꙑима ширинꙑ тꙑ воднꙑ" (Шестоднев, 34, 3).

В Лаврентьевской, Ипатьевской летописях таких случаев не много, может быть в силу большей литературности языка; в других, преимущественно русских, это почти правило до XVII в. включительно. „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ" (Лаврент. лет. 2, 82); „Сей же Яковъ работа у уя своего изо дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7" (ibid., 91); „И ждаша дружинѣ своей двѣ нѣдѣлѣ, и не дождавша поѣхаша съ передними съ дружиною" (Ипат. лет. 2, 385); „Посла и҆ (Мстислава) отець съ вои... съ Володимеромъ съ Андрѣевичемъ и с Берендѣи" (1153 г., Лаврент. лет. 2, 322); „В то же лѣто приходи епископъ Черниговьскый Перфурий ко Всеволоду Гюргевичу Володимерю, мира прося у него, абы умирити его с Рязанци съ Глѣбовичи"

(с рязанским князем Глебовичем) (1187 г., ibid., 383); „Пойде съ братомъ с Михалькомъ“ (Ипат. лет. 2, 379); „а к Романови посла ко зятю своему мужи своя“ (ibid., 461); „и к митрополиту сляся к Микифору, веля ему“ (ibid., 462); „дщерь же отда за Шварна за Даниловича“ (1287 г., ibid., 567); „А село есмь купилъ Березовичѣ у [Ю]рьевича у Давыдовича Федорка“ (ibid., 595); „И послашаса новгородци кыевоу. по стосла. по олговица“ (Новгор. лет., 40); „Володимеръ родися отъ ключницы отъ Олгины отъ Малюши“ (Пск. I лет., 174); „Поѣди борзо съ мужи съ Псковичи на поганую Литву“ (1265 г., Пск. I лет., 181); „Домонтъ... съ малою дружиною съ мужи съ Псковичи выѣхавъ... побѣди“ (ibid., 182); „у града у Вопоки“ (ibid., 185); „В 14 день пиръ у Кузмы у Григорьевича“ (Новгор. II лет., 55); „у Луки у Федорова“ (ibid., 54); „пиръ на Городищі у Настасіи у Ивановой жены Григ[о]рьевича да у сына ей у Юрьа“ (ibid., 55); „родися у государя у великого князя Василия Ивановича сынъ“ (ibid., 67); „загорѣлась... у Логвинови жены у Катерины въ клѣти“ (ibid., 64); „у старца у [Е]фрѣма в кѣлье, в ларци“ (ibid., 77); „да у [в]кладщика у Карпа у конюха“ (ibid.); „загорѣлось отъ діякона Авраамиа отъ Килибаки“ (ibid., 80); „в Онтонове манастыре у игумена бурею у Варлама сѣни выдрало“ (ibid., 85); „Купилъ есми... у архимарита [так!] у Геронтья у Симоновского и у его старцовъ у Симоновскихъ у Мартирья у строителя, у Ондрѣя у златого мастера, у Митрофана у иконника... у Гермона у Момаева, у келаря у Романа“ (Акты юридич., I, 166); „И князь Ондрѣй... съ Оѳонасьемъ съ Корачовымъ... и съ дьякомъ съ Васильемъ с Рохманиновымъ... съ Иваномъ съ Мишковым... и съ дьякомъ съ Гущею просилъ съ ними поля“ (ibid., 210, 1547 г.); „Былъ кличь въ Новѣгороде о Псковичехъ, о гостехъ, чтобъ всѣ они ѣхали вонъ“ (Новгор. II лет., 82); „У того человѣка у Архипка“ (Акты юридич., I, 57); „[жил холопъ] послѣ его (умершего боярина) за женою его за бояронею за вдовою княгинею Парасковьею Архиповною“ (ibid., 57); „В церкви во святомь Іоанне Предотеча в темници“ (Новгор. II лет., 68); „Отъ святаго Георгія отъ церкви погорѣ все Застѣнье“ (Пск. I лет., 184); „загорѣлося въ нощь отъ Воронца отъ городца“ (Пск. II лет., 12); „за семь верстъ отъ города отъ Казани“ (Новгор. II лет., 80); „по рѣчкѣ по Ломенкѣ“ (Акты юридич., I, 50, 1682 г.).

б) Повторение предлога перед прилагательными обыкновенно (но не всегда) аппозитивными. „Иде Глѣбъ к Переяславьскымъ Половцемъ на снемъ, а къ другимъ Половцемъ къ Русьскымъ посла, река им...“ (1172 г., Ипат. лет. 2, 379); „заяша стада многа Половецкая в лузѣ в Днѣпрескомъ“ (ibid., 451); „не вѣсте ли, яко на мужи на ратныѣ нашли есте, а не на жены?“ (ibid., 546); „Води их (половцев) в роту в Половьцьскую“ (Лаврент. лет. 2, 369); „Поставиша городъ Изборескъ, на горѣ на Жеравіи“ (Пск. I лет., 186); „К Новому городку къ Нѣмецкому:.. срѣтошася съ великою ратью съ Нѣмецкою“ (ibid., 188); „Dziękujemy po obiedzie po dobrem“ (Kolberg); „Не ће бити љепшега јунака... Од Максима од мојега сина“ (Караџић, II, 525); „Од студене од воде“ (ibid., 543); „Сей же Яковъ работа у уя своего изо дщери его изъ меньшеѣ лѣтъ 7“ (Лаврент. лет. 2, 91); „На мосту на великомъ“ (Новгор. II лет., 5, 8); „Иконы изъ церкви изъ теплыи выносили вси“ (ibid., 77); „изъ церкви изъ большой“ (ibid., 80); „сидѣлъ здѣсь въ заточе[н]іи въ желѣзехъ, въ городи, въ Детинци, въ стѣны въ каменой подъ Водеными воротами; а преже того сидѣлъ въ тюрмѣ въ деревеной“ (ibid., 82); „А той борти отводъ... по великую дорогу по старую по Переяславскую по лѣсную, да по дорогу по Хомутовскую по Булаткинова“ (Акты юридич., I, 165, 1462 г.); „купчии... погорѣли в пожаръ в Суждальской“

(ibid., 170); „отъ мору отъ великого“ (ibid., 170); „за пополнокъ за шубу за кунью пять рублевъ денегъ“ (ibid., 191); „съ Шуйскихъ съ кабаковъ на откупшикѣхъ“ (ibid., 262, 1646 г.).

в) Повторение предлога при двух прилагательных. „Весь згорѣлъ дворъ одинъ... своимъ со всѣмъ запасомъ“ (Новгор. лет.); „со всѣм с тѣмъ што к тому манастырку потягло“ (Акты юридич., 77, 1443 г.); „со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу,... потягло, и съ доходомъ съ денежнымъ и съ хлѣбнымъ“ (ibid., 82, 1555 г.).

То же явление в старосербском (примеры письма XVI—XVIII вв.) (Богишић, I, 20, 21; Jagić, 201—203). Основание этого явления не в метрических требованиях, не в поэтических вольностях (которые есть или личное искажение языка, или архаизм), а в свойствах мысли. „На убаву на пољу Косову“ (Караџић, Пјесме, II, 189, 324); „На Бога на јемца“ (ibid., 96); „украј воде украј ћиотине“ (ibid., 103); „Од Светиње од Јерусалима“ (ibid., 295).

„Розливаласе Дунай, Да речька быстренькая.
Што со тихими с глубокими Со зáводями...
Што со крутыми, со красными Со бережками...
Што по той ли Дунаи Речьки быстренькою...
Ище плавали две билые Две лебеди...
Што и серые, две малые Две утушки“.
(Колосов, 169.)

„Да пóвыиграно... И с того царя с Бухаря да с заморскаго Все царьство, все имянство, все бухарьское“ (Гильфердинг, 56).

Под фигурою ὑφέν — связь понимают сложение слов, при котором неизменность первого элемента едва ли необходимое условие принадлежности к фигуре. Сюда относятся и соединения прилагательного, иногда усеченного, с существительными [сербское: сив-зелен соколе; жут-бео; и обуче свилен-кошуљу, и пригрну зелен — ћурка“ (Zima, 258)] (украинское „сив соколято, зелена діброва“).

„А ми у шинку пьем-гуляем,
Танці-музики наймаем“.
(Куліш, I, 31.)

„Зимоваше у пећини-стјени“.
(Чубро Чойковић, 271.)

„Оно зачу сабља попе Раде“.
(Караџић, IV, 113.)

„Но се јунак титра с буздоханом
Уз буздохан гвожђе попијева“.
(Ibid., III, 308.)

„Шаље ка Пећини-Ст'јени (ibid., III, 149); „Дан по данак, док субота дође... Кад субота јутро освануло“ (ibid., 150).

В монастырской расходной книге рядом с заглавиями: „покупка конская и животинная“; „покупка хлѣбная“ стоят „покупка икра и рыба“; „покупалъ мед и хмель“; „покупка масла (скоромного и постного) и яйца“ (1603—1604 гг, Библиотека, II, 80—82).

II. РАЗРЯДЫ ГЛАГОЛОВ [1]

I *разряд*. Окончания непосредственно примыкают к корню.

Образец а) — Первая тема тождественна со второй: ѣм (ѣд-мь), ѣсть (ѣд-ти); в санскрите II-й класс.

Образец б) — В первой теме корень удвоенный, во второй простой: дам (дад-мь), да-ть; в санскрите III-й класс.

II *разряд*. Основная характерная гласная первой темы — *a*; в санскрите I-й и VI-й классы.

1) Вторая тема без характера.

Образец а) — Корень чистый или сложный с суффиксом, предшествующим характеру глагола, оканчивается на согласный зубной, губной или гортанный: вед-е-т, вес-ти.

Образец б) — Чистый корень оканчивается на согласный носовой: жнет (жьн-е-ть), жа-ть (жѧ-ти).

Образец в) — Корень оканчивается на основное ρ: тр-е-т (тър-е-ть), тере-ть (трѣ-ти, трѣ-ти из *тар-ти).

Образец г) — Корень на основной гласный у (=ы): плыв-е-т (плов-е-ть), плы-ть (плу-ти).

2) Вторая тема с характером *a*.

Образец а) — Корень с позднейшим глухим гласным или вовсе без гласного: рв-ет (ръв-е-ть), рв-а-ть (ръв-а-ти).

Образец б) — Корень к первой теме с чистым гласным, во второй с глухим или вовсе без гласного: бер-е-т, бр-а-ть (бър-а-ти).

III *разряд*. Характер первой темы основное *a*, которое в глаголе с корнем на гласный может соответствовать и санскритскому первому, шестому классам (причем j эвфонический, а истинный характер -а) и санскритскому четвертому, а в глаголе с характером на согласный соответствует санскритскому четвертому.

1) Вторая тема без характера.

Образец а) — Корень на гласные а, и, у, ы, ѣ; бьет (би-ѥ-ть), би-ти.

Образец б) — Корень на основной ρ, λ: колет (кол-ѥ-ть), коло-ть (кла-ть из *кâл-ти).

2) Вторая тема с характером *a* после согласного и ꙗ, *ьа* после гласных корня.

Образец а) — Корень на у, ю: ку-е-т (ку-ѥ-ть), ков-а-ти.

Образец б) — Корень на согласный: пишет (*пис-jе-ть), пис-а-ти.

Образец в) — Корень на а, и, ѣ: сѣ-ет (сѣ-ѥ-ть), сѣ-я-ть.

Образец г) — Корень как в предыдущем на а, ѣ; вторая тема с характером *ва* (*в* эвфоническое): да-е-т (да-ѥ-ть) да-ва-ти (см. сл. да-ꙗ-ти).

IV *разряд*. Характер первой темы фактически *не*, предполагается *на*.

1) Все или только некоторые формы второй темы без характера.

Образец а) — Ста-не-т, ста-ть.

Образец б) — Сох-не-т, сох (съх-лъ), сох-ну-ти (сох-нѫ-ти).

2) Во второй теме характер *ну* (старославянское ѫ и ну).

---

[1] Незаконченный этюд из неопубликованной еще главы о морфологической структуре глагола. Так как в томе IV „Из записок по русской грамматике" А. А. Потебня постоянно ссылается на данную классификацию глаголов по разрядам, упоминая еще V и VI разряды, редакция сочла необходимым опубликовать этот этюд. *Ред.*

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

Аксаков — К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. II. Сочинения филологические, ч. I. М., 1875.

Акты — Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1838.

Акты археограф. экспед. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Академии Наук, т. I (1294—1598 гг.). СПб., 1836; т. II (1598—1613 гг.). СПб., 1836; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1836.

Акты Зап. России — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1340—1506 гг.). СПб., 1846; т. II (1506—1544 гг.). СПб., 1848; т. III (1544—1587 гг.). СПб., 1848.

Акты историч. — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1334—1598 гг.). СПб., 1841; т. II (1599—1612 гг.). СПб., 1841; т. III (1613—1645 гг.). СПб., 1841.

Акты р.-лив. — Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Изданы Археографическою комиссиею. СПб., 1868.

Акты Южн. и Зап. России — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. I (1361—1598 гг.). СПб., 1863; т. II (1599—1637 гг.). СПб., 1865.

Акты юридич. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археографическою комиссиею, под редакцией члена комиссии Николая Калачова, т. I. (Выборы, выписи, грамоты, данные, доклады, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела̀, дельные, записки, записи, изветы.) СПб., 1857; т. II. (Кабалы, книги, купчие, межевые, мировые, меновые, наемные, наказы, оброчные, отводные, откупная, отписи, отписки, отписные, отпускные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные.) СПб., 1864; т. III. (Поступные, посыльная, приговоры, приказы, промытная, протрон, проезжие, разбор, разводные, раздельные, разрубники, разъезды, расписки, росписи, распросные речи, рядные, сговорные, сделочные, сказки, сметы, списки, срочная, ссудные, ставка очная, ставленные, статейные списки, указы, ценовная, челобитные, явки.) СПб., 1884.

Alexandreida — Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských. Vydali Martin Hattala a Adolf Patera. Díl I. Texty a transkripce. V Praze, 1881.

Антонович и Драгоманов — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. Киев, 1874; т. II, Киев, 1875.

Archiv für slav. Philol. — Archiv für slavische Philologie.

Афанасьев — Народные русские сказки, издал А. А. Афанасьев, вып. I. М., 1855; вып. VI. М., 1861.

Афанасьев, Журналы — Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. Сочинение А. Афанасьева. М., 1859.

Babukić — Ilirska slovnica. Sastavi Věkoslav Babukić. U Zagrebu, 1854.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Часть I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Изданы при содействии Общества любителей российской словесности. М., 1872.

Beiträge — Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen.

Беседа — Русская беседа.

Бессонов — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские-свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар. Временник Московского общества истории и древностей российских. Книга 21 и 22. Москва, 1885.

Бессонов, Песни — Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта, издал Петр Бессонов. М., 1871.

Böhtlingk — Sanskrit-Wörterbuch herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von Otto Böhtlingk und Rudolf Roth, I—VII. St. Petersburg, 1855—1875.

Biblia Zofii — Biblia królowéj Zofii, żony Jagiełły. Z kodeksu szaroszpatackiego. Nakładem księcia Jerzego Henryka Lubomirskiego wydana przez Antoniego Małeckiego. We Lwowie, 1871.

Библиотека — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою коммиссиею.

Bielenstein — Handbuch der lettischen Sprache von A. Bielenstein. I. Grammatik. Mitau, 1863.

Bielenstein, Sprache — Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt von A. Bielenstein. Erster Teil. Die Laute. Die Wortbildung. Berlin, 1863. Zweiter Teil. Die Wortbeugung. Berlin, 1864.

Б. М. — Српске народне песме. Скупио их у Срему Б[ранко] М[ушицки]. Панчево, 1875.

Богишић — Народне пјесме из старијих, највише приморских записа. Скупио и на свијет издао В. Богишић. Књига прва са расправом о „бугарштицама“ и с рјечником. Биоград, 1878; Гласник српског ученог друштва. Друго одељење. Књига десета.

Богословие — Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна, ексарха болгарского. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово. Чтения [см.], 1877, кн. IV, М., изд. 1878.

Бодянский — Житию Феодосиꙗ, игоумена печерьскаго, съписанию Нестора. По харатейному списку XII-го века. [Издал] О. Бодянский. Чтения [см.], 1858, кн. III.

Болдырев — Алексей Болдырев. Рассуждение о глаголах. Труды [см.], ч. II, М., 1812.

Болотов — Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1745, тт. I—IV. СПб., 1870—1873.

Bopp, Glossarium — Glossarium comparativum linguae sanscritae in quo omnes sanscritae radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vocabulis graecis, latinis, germanicis, litaunicis, slavicis, celticis comparantur a Francisco Bopp. Edicio tercia, in qua vocabula sanscrita accentu notata sunt latinisque litteris transcripta. Adjecti sunt indices. Berolini, MDCCCLXVII.

Bopp, Grammat. — Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Şend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen von Franz Bopp. Zweite gänzlich umgearbeitete Ausgabe. Erster Band. Berlin, 1857; zweiter Band. Berlin, 1859; dritter Band. Berlin, 1861 (erste Hälfte. Berlin, 1860).

Bopp, Kritisch. Grammat. — Kritische Grammatik der Sanscrita-Sprache in kürzerer Fassung von Franz Bopp. Vierte durchgesehene Ausgabe. Berlin, 1868.

Бублий — Веремія малороссийского гевала. Сповчена Иваном Бублеем. 1870 року. Полтава, 1871.

Буслаев, Граммат. — Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. Изд. 2-е, переделанное. Ч. I и II. М., 1863; изд. 3-е, исправленное и дополненное: Этимология. М., 1868; Синтаксис. М., 1869.

Буслаев, Матерналы — Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских. Изготовлены к столетнему юбилею Московского университета трудами профессоров и преподавателей Петрова, Клина, Менщикова и Буслаева. М., 1855.

Буслаев, Очерки — Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева, т. I, Русская народная поэзия. СПб., 1861.

Буслаев, Хрестом. — Историческая христоматия церковно-славянского и древне-русского языков. Составлено ... Ф. Буслаевым. М., 1861.

Weber — Weber Adolf. Skladnja ilirskoga jezika. Beć., 1862.

Westergaard — Radices linguae sanscritae ad decreta grammaticorum definivit atque copia exemplorum exquisitiorum illustravit N. L. Westergaard. Bonae Rhenum, 1841.

Вестник — Русский вестник, 1866, № 5—6.

Виленский сборн. — Виленский сборник. Изд. В. Кулин. I. Вильна, 1869.

Вовчок — Марко Вовчок.

Востоков — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.

Востоков, Словарь — Словарь церковно-славянского языка А. Х. Востокова. Известия [см.], т. V—X.

Hanuš — Malý výbor ze staročeské literatury. Podle rukopisův knihovny vysokých škol pražských XIV—XVII století posud z větší částí netištěných sestavený od I. J. Hanuše. V Praze, 1863.

Hattala, Kratká — Hattala Martin. Kratká mluvnica slovenská. 1852.

Hattala, Srovnávací — Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. Sepsal Martin Hattala. V Praze, 1856, 1857.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

Гильфердинг, Об отношении — Об отношении языка славянского к языкам родственным. Исследование А. Гильфердинга. М., 1853.

Головацкий — Я. Ф. Головацкий. Сборник галицких и угорских песен.

Головацкий, I, II, III, III[2] — Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким, ч. I. Думы и думки. М., 1878; ч. II. Обрядные песни. М., 1878; ч. III. Разночтения и дополнения. Отделение I. Думы и думки. Отделение II. Обрядовые песни. М., 1878.

Голятовский — Нбо новое. За старѓемъ Іωаникіа Голятовско̂. Ро̂. аχѯе. Въ Львовѣ.

Goszczyński — Goszczynski. Dziefa.

Гребінка — Малороссийские приказки Е. Гребенки. СПб., 1834.

Grimm — Geschichte der deutschen Sprache von Grimm Jacob.

Grimm, Grammat. — Deutsche Grammatik, von Grimm Jacob. 1 Teil, 2 Ausgabe. Göttingen, 1822; 2 Teil. Göttingen, 1826; 3 Teil. Göttingen, 1831; 4 Teil. Göttingen, 1837.

Гулак — Кобзарь П. П. Артемовського-Гулака. Киев, 1878.

Humboldt[1] — Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java, nebst einer Einleitung über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts. Von Wilhelm von Humboldt. Erster Band. Berlin, 1836; zweiter Band. Berlin, 1838; dritter Band. Berlin, 1839.

Humboldt — Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengesshlechts. Von Wilhelm von Humboldt. Berlin, 1876.

Давыдов — [Давыдов.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Академии Наук. Изд. 2-е. СПб., 1853.

Даль — Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. В. Даля. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1862.

Даль, Словарь — Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля М. 1863.

Даничић — Србска синтакса. Написао Ђ. Даничић. Део првый. У Београду, 1858.

Даничић, Рјечник — Рјечник из књижевних старина српских. Написао Ђ. Даничић. Дио први А—К; дио други Л—П. У Биограду, 1863; дио трећи Р—Ђ. У Биограду, 1864.

Добровский — Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем Россияне, Сербы и другие Славяне Греческого исповедания, и Далматы Глаголиты Римского исповедания имеют церковные книги. Сочинение Иосифа Добровского, Философии Доктора, члена Чешского общества наук и других обществ. Ч. I. Перевел с Латинского М. Погодин. СПб., 1833; ч. II и III. Перевел с Латинского С. Шевырев. СПб., 1834.

Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. I. М., 1849.

Donaleitis — Christian Donaleitis. Litauische Dichtungen. Erste vollständige Ausgabe mit Glossar. Von Aug. Schleicher. St. Petersburg, 1865.

Доп. к обл. слов. — Дополнение к опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Академии Наук. СПб., 1858.

Достопам.—Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Московском университете. Часть I. М., 1815. Часть II. М., 1843.

Драгоманов — Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Киев, 1876.

Др. росс. стих. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М., 1818.

Желудков — Иванов-Желудков. Русское село в Малой Азии. Русский вестник, 1866, № 6, стр. 413—451.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.

Закревский — Старосветский бандуриста. Книга I. Избранные малороссийские и галицийские песни и думы. Собрал Николай Закревский. М., 1860.

Zikmund — Skladba jazyka českého ad Václawa Zikmunda. V Praze, 1863.

Zima — Figure u našem narodnom pjesničtvu s njihovom teorijom. Napisao Luka Zima. Na sviet izdala Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti. U Zagrebu, 1880.

Игнат. — Казки. Зôбравъ Игнатїй зъ Никловичъ. Накладомъ Ïйкова Савчиньского. Львôв, 1861.

Изборн. 1073 г. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. Иждивением члена-учредителя Общества любителей древней письменности Тимофея Саввича Морозова. Петербург, 1880.

Известия — Известия Академии Наук по Отделению русского языка и словесности, тт. I—X, 1852—1861.

Ипат. лет. — Ипатиевская летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. II. СПб., 1843.

Ипат. лет. 2 — Летопись по Ипатскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1871.

Историч. песни — Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова, т. I. Киев, 1874; т. II, вып. 1. Песни о борьбе с поляками при Богдане Хмельницком. Киев, 1875.

Калайдович — Иоанн, ексарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824.

Калайдович, Памятники — Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.

Калеки — Калеки перехожие. Сборник стихов и исследование П. Бессонова, вып. I. М., 1861.

Караџић — Српске народне пјесме из Херцеговине (женске). За штампу их приредио Вук Стеф. Караџић. (Трошком народнијех прилога.) У Бечу, 1866.

Караџић, Пјесме — Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига прва, у којој су различне женске пјесме. У Бечу, 1841; књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. У Бечу, 1845; књига трећа, у којој су пјесме јуначке средњијех времена. У Бечу, 1846; књига четврта, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању за слободу. У Бечу, 1862; књига пета, у којој су пјесме јуначке новијих времена о војевању Црногораца. У Бечу, 1865.

Караџић, Пословице — Српске народне пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. Издао их Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1849.

Караџић, Припов. 1821 — В. С. Караџић. Српске народне приповијетке. У Бечу, 1821.

Караџић, Припов. 1853 — Српске народне приповијетке. Скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1853.

Караџић, Рјечник — Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. У Бечу, 1852. Lexicon serbico-germanico-latinum. Edidit Vuk Steph. Karadschitsch. Vindobonae, 1852.

Кв.-Осн. — Повісті Григорыя. Квітки-Основьяненка. Тт. I, II. Издав П. А. Куліш. СПб., 1858.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I. Песни Былевые. Время Владимирово. Вып. I. Илья Муромец, богатырь-крестьянин. Изд. 2-е, без перемен. М., 1868; вып. II. а) Богатырь Добрыня Никитич, дружинник и родич великокняжеский. б) Богатырь Алеша Попович и братья Збродовичи (Збродовичи: Дородовичи). в) Богатырь Василий (Казимирович: Игнатьевич) долгополый, пьяница. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1875; вып. III. Богатыри: Иван Гостинный сын и Иван Годинович. Данило Ловчанин с женою. Данило Игнатьевич с сыном. Дунай Иванович. Женитьба князя Владимира. Сорок калик со каликою. Дюк Степанович. Суровец-Суздалец. Саур Ванидович или Саул Леванидович с сыном. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1878; вып. IV (дополнительный), 1-я половина. Богатыри: Илья Муромец, Никита Иванович, богатырь — Заолешанин, Михайло Иванович, богатырь — Поток, бродяга; Ставр Годинович, боярин; богатыри — горожане посадские, Городен или Хотен Блудович и Чурило Пленкович; Михайло Петрович, богатырь — Казарянин; Соловей Будимирович, богатырь-мореходец. С каких пор перевелись витязи на святой Руси. Аника Воин. Старшие богатыри: Святогор. Изд. 2-е, значительно исправленное и дополненное П. Бессоновым. М., 1879. Часть II, вып. V. Песни былевые: I. Новгородские. II. Княжеские. М., 1863.

Književnik — Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku i prirodne znatnosti.

Колосов — Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. М. А. Колосова первые два отчета Отделению русского языка и словесности. СПб., 1876.

Kolberg — Mazowsze. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. T. I—V. Kraków, 1885—1890. — Lud. Jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce. Przedstawił Oskar Kolberg. Serya I—XXIII. Warszawa—Krakow, 1865—1890.

Костомаров — Н. И. Костомаров. Очерки домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII столетиях. Современник, 1860, X.

Костомаров, Песни — Н. И. Костомаров. Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев. Саратов, 1859.

Котляревский — Виргилиева Енеида на украинскую мову перелицевана. Сочинение И. П. Котляревского. Киев, 1873.

Котошихин — О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Изд. 2-е. СПб., 1859.

Krasicki — I. Krasicki. Dzieła.

Kraszewski — J. Kraszewski. Dzieła.

Крижанич — Граматично изказâнје об рȣском језикy попá Јȣрка Крижáнища, презвâнјем Сéрблянина, междȣ Кѣпојȣ и Вѣнојy рикáми: во ȣјéздех Бїхща грâда, окол Дȣбовцá, Озльá и Рибника острóгов, писано вь Сибири: лита ҂ѕ҃рѻд. Подготовил к изданию О. Бодянский. Чтения [см.], год IV, кн. I, М., 1848.

Księgi ust. — Historyczne pomniki języka i uchwał polskich i mazowieckich z wieku XVgo i XVIgo. Tom I. Księgi ustaw polskich i mazowieckich na język polski w latach 1449, 1450, 1503, 1451 przekładane, po raz pierwszy, staraniem Joachima Lelewela, drukiem ogłoszone. Wilno, 1824.

Куліш — Записки о Южной Руси. Издал П. Кулиш, т. I. СПб., 1856; т. II. СПб., 1857.

Curtius — Grundzüge der griechischen Etymologie von Georg Curtius. Vierte durch Vergleichungen aus den keltischen Sprachen von Ernst Windisch erweiterte Auflage. Leipzig, 1873.

Kurschat — Grammatik der littauischen Sprache. Von Dr. Friedrich Kurschat. Halle, 1876.

Kurschat, Wörterbuch — Wörterbuch der littauischen Sprache von Friedrich Kurschat. Zweiter Teil. Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle a. S., 1883.

Лавренко — Пісні про кохання. Видав Д. Лавренко. Київ. 1864.

Лаврент. лет. — Лаврентиевская летопись. Полное собрание Русских летописей, изданных Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

Лаврент. лет. (светопечатная) — Повесть временных лет по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Лаврент. лет. 2 — Летопись по Лаврентиевскому списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1872.

Лавровский — О языке северно-русских летописей. Рассуждение, представленное в Историко-филологический факультет С. Петербургского университета на степень магистра славянской словесности Петром Лавровским. СПб., 1852.

Lazarus — Lazarus. Über die Ideen in der Geschichte. Zeitschrift [см.], III, 1865, стр. 385—486.

Лет. Самовидца — Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, „Краткого описания Малороссии" и „Собрания Исторического". Издана Киевскою временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1878.

Летописи — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею. СПб., 1845 сл.

Linde — Słownik języka polskiego przez Samuela Bogumiła Linde. Tom I [A — F]. Lwów, 1854; tom II [G — L]. Lwów, 1856; tom III [M — O]. Lwów, 1857; tom IV [P]. Lwów, 1858; tom V [R — T]. Lwów, 1859; tom VI i ostatni [U — Z]. Lwów. 1860.

Ломоносов — Российская грамматика Михайла Ломоносова. Грамматика русского языка академика М. В. Ломоносова, 1755 года. Издана Вторым отделением Академии Наук в воспоминание столетия русской грамматики. СПб., 1855.

Максимович — Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем, ч. I. М., 1834.

Максимович, Киевлянин — М[аксимович] М. [А.]. О монастыре Гнилецком. Киевлянин, 1841, II, стр. 27—47.

Małecki, Grammat. większa — Grammatyka języka polskiego większa. Przez Antoniego Małeckiego. Lwów, 1863.

Манжура — И. И. Манжура. Малорусские народные предания и рассказы. 1876.

Martens — Martens Henrich. Die Verba perfecta in der Niebelungendichtung. Zeitschrift [см.], XII, S. 31—41.

Материалы — Материалы для сравнительного и объяснительного словаря русского языка и других славянских наречий. Прибавление к Известиям Академии Наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1852 сл.

Maciejowski — Wacław Alexandr Maciejowski. Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Tom III. Dodatki do piśmiennictwa polskiego. Warszawa, 1852.

Метлинский — Народные южнорусские песни. Изд. Амвросия Метлинского. Киев, 1854.

Миладиновци — Бѫлгарски народни песни собрани од братья Миладиновци Димитрія и Константина и издани од Константина. В Загребъ, 1861.

Минеи — Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1—13. Издание Археографической комиссии. СПб., 1868.

Mickiewicz — Mickiewicz. Poezje.

Miklosich — Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, von Franz Miklosich, I Band, Lautlehre. Wien, 1879; II Band, Stammbildungslehre. Wien, 1875; III Band, Formenlehre. Wien, 1856; III² Band, Wortbildungslehre. Wien, 1876; IV Band, Syntax. Wien, 1883.

Miklosich, Lautlehre — Lautlehre der altslovenischen Spache von Fr. Miklosich. Wien, 1850.

Miklosich, Lexicon — Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Edidit Fr. Miklosich. Vindobonae, 1862—1865.

Моление — Даніла Заточеника. Моленіє к своемꙋ кн҃зю Ӏ͡Ярославꙋ Всеволодовичю. Новая редакция (XIII века) Слова Даниила Заточника. В. Ундольский.

Мордовцев — Малорусский литературный сборник. Изд. Д. Мордовцев, Саратов, 1859.

Mor. Nár. Písně — Moravské národní písně s nápěvy do textu vřaděnými. Sebral a vydal František Sušil. V Brně.

Некрасов — Н. Некрасов. Объяснения по некоторым вопросам русской грамматики. ЖМНП, 1869, IX, Наша учебная литература, стр. 1—77.

Некрасов, О глаголе — О значении форм русского глагола. Соч. Н. Некрасова. СПб., 1865.

Němcová—Boženy Němcové sebrané spisy.

Nesselmann — Littauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin, 1853.

Nesselmann, Wörterbuch — Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann. Königsberg, 1851.

Новгор. лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. [Светопечатное] издание Археографической комиссии. СПб., 1875.

Новгор. I лет. — Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. III. СПб., 1841.

Новгор. II лет. — Новгородские летописи. (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья Летописи.) Издание Археографической комиссии. СПб., 1879.

Новгор. IV лет. — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1848.

Новиков, Трутень — „Трутень" Н. И. Новикова. 1769—1770. Изд. 3-е, П. А. Ефремова. СПб., 1865.

Номис — Українські приказки, прислів'я и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис [М. Т. Симонов]. СПб., 1864.

Обл. слов. — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии Наук. СПб., 1852.

O wypr. choc. — Pamiętniki o wyprawie chocimskiej r. 1621 Jana hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakóba Sobieskiego. Z rękopismów współczesnych i druków mniej znanych zebral Żegota Pauli. W Krakowie, 1853.

Ogonowski — Studien auf dem Gebiete der rutenischen Sprache, von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg, 1880.

Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.

Павский — Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголѣ. СПб., 1842.

Пам. древн. письм. — Памятники древней письменности.

Пам. и обр. нар. яз. — Памятники и образцы народного языка и словесности. Известия [см.], тт. I—V.

Памятники Киевск. — Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе, т. I. Киев, 1843; т. II. Киев, 1846; т. III. Киев, 1852; т. IV. Киев, 1850.

Пам. рос. слов. — Памятники российской словесности.

Пам. стар. р. литер. — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. I и II. СПб., 1860; вып. III и IV. СПб., 1852.

Памятники — Памятники великорусского наречия. СПб., 1855.

Paul — Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul. Halle, 1880.

Петрановић — Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине. Епске пјесме старијег времена. Скупио Богољуб Петрановић. У Биограду, 1867.

Петрановић, Пјесме — Српске народне пјесме из Босне. (Женске.) Скупио их и на свијет издао јеромонах Богољуб Петрановић, учитељ. Књига прва. У Сарајеву, 1867.

Пинчуки — Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губернии Д. Г. Булгаковский. Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Том XIII, выпуск 3. СПб., 1899.

Pol — Pol Wincenty. Dzieła.

Попов — Попов А. [В.]. Сравнительный синтаксис именительного, звательн. и винительного пад. в санскрите, зенде, греч., латин., немецк., литов., латыш. и слав. наречиях. Филологические записки, Воронеж, 1879, вып. IV—V, стр. 1—42, и вып. VI, стр. 43—76; 1880, вып. I, стр. 77—100, вып. II, стр. 101—146, вып. III, стр. 147—182, вып. IV—V, стр. 183—240, и вып. VI, стр. 241—266; 1881, вып. II, стр 267—308; и отдельно: А. В. Попова. Синтаксические исследования. I. Воронеж, 1881.

Потебня — А. А. Потебня. Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж, 1866.

Потебня, Из записок — Из записок по русской грамматике. I. Введение. Составил А. Потебня. (Перепечатано из „Филологических записок".) Воронеж, 1874; II. Составные члены предложения и их замены в русском языке. Сочинение А. Потебни. (Оттиск из „Записок Харьковского университета".) Харьков, 1874.

Потебня, К истории — К истории звуков русского языка. А. Потебни. Воронеж, 1876.

Pott — Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Littauisch-Slawisch; Germanisch und Keltisch, von Aug.-Friedr. Pott, I—VI. Detmold, 1859—1876.

Псковск. грам. — Псковская судная грамата, составленная на вече в 1467 году. Издана [Н. Мурзакевичем] по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847.

Пск. I лет. — Псковская первая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. IV. СПб., 1848.

Пск. II лет. — Псковская вторая летопись. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. V. СПб., 1851.

Pful — Lužiski serbski słownik. Spisal a pod sobuskutowanjom Seilerja a Hórnika wudał Professor Dr. Pful w Drežďźanach. W Budyšinje, 1866. Lausitzisch-Wenedisches Wörterbuch. Verfaßt und unter Mitwirkung von Seiler und Hornig herausgegeben von Professor Dr. Pfuhl in Dresden. Budissin, 1866.

Пыпин — Словарь к первой Новгородской летописи А. Н. Пыпина. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. Известия [см.], III, 1852.

Рајковић — Рајковић. Српске народне песме (женске). Већином их у Славонији скупио Ђорђе Рајковић. У Новоме Саду. 1859.

Реймское ев. — Сазаво-еммауское с҃тое бл҃говѣствованiе, нынѣже Ремьское, нанеже прѣже присягаша при вѣнчальномь мyропомазанiи цри франьцоустiи, сь прибавленiемь сь бокоу тогоже чтенiꙗ латиньскыми боуквами и сьличенiемь остромирова еуангелiꙗ и острожьскыхь чтенiи. Троудомь и иждивенiемь Вѧцеслава Ганкы. Sazavo-emmauzskoje svjatoje blagověstvovanije, nyněže Remeskoje, na neže

prěhe prisjagaša pri věnčal'nom myropomazanii cari francustii. s pribavleniem s boku togove čtenija latinskymi bukvami sličeniem ostromirova evangelia i ostrovskyħ čtenii. Въ Чешьской Празѣ, 1846.

Романов — Е. Романов. Белорусский сборник. Т. I, Губерния Могилевская. Выпуск I и II. Песни, пословицы, загадки. Киев, 1886.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I, Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861; ч. II, то же. М., 1862; ч. III, Народные былины, старины, побывальщины и песни. Петрозаводск, 1864; ч. IV, Народные былины, старины, побывальщины, песни, сказки, поверия, суеверия, заговоры и т. п. СПб., 1867.

Саввина книга — Саввина книга. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.

Сахаров — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. I. Книга 1-я, 2-я, 3-я, 4-я. Изд. 3-е. СПб., 1841; т. II. Книга 5-я, 6-я, 7-я, 8-я. СПб., 1849.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук.

Сборн. Сев.-зап. кр. — Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае, вып. I. Изд. ред. „Виленского вестника". Вильна, 1866.

Сказ. о Борисе и Глебе — Сказания о святых Борисе и Глебе. Сильвестровский список XIV века. По поручению и на иждивении Археологического общества издал И. И. Срезневский. СПб., 1860.

Словарь к Ипат. лет. — Н. Г. Чернышевский. Опыт словаря из Ипатьевской летописи. Известия [см.], т. II, 1853, стр. 512—576.

Слово о п. И. — Слово о полку Игореве. Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М., 1866.

Собр. гос. грам. — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. I. М., 1813.

Споменици — Сербскiи споменицы или старе рисовулѣ, дипломе, повелѣ, и сношенiя босански, сербски, херцеговачки, далматински, и дубровачки кралѣва, царева, банова, деспота, кнезова, войвода и властелина. Собрани трудом Павла Карано-Твртковића. Часть прва. У Бѣограду, 1840.

Срезневский — И. И. Срезневский. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1868.

Срезневский, Мысли — И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850.

Срезневский, Памятн. — Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков). Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. Труд И. Срезневского. СПб., 1863.

Срезневский, Сведения — Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. И. Срезневского. СПб., 1874.

Старина — Русская старина.

Stecki — Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym. Przez Tadeusza Jerzego Steckiego. Tom I. Lwów, 1864. Serya 2-ga. Lwów, 1871.

Supr. — Monumenta linguae paleoslovenicae e codice Suprasliensi. Edidit F. Miklosich. Vindobonae, 1851.

Тихонравов — Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению: „Отреченные книги древней России"), т. I. СПб., 1863.

Тихонравов, Летописи — Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым, т. I. М., 1859; т. II. М., 1859; т. III. М., 1861.

Троицк. лет. — Троицкая летопись. Полное собрание русских летописей, изданных Археографическою комиссиею, т. I. СПб., 1846.

Труды — Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Тр. Этнограф. отд. — Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, кн. V, вып. 1. М., 1877; вып. 2. М., 1878.

Уч. зап. АН — Ученые записки Второго отделения Академии Наук.

Федькович — Повісті Осипа Федьковича. Киев, 1876.

Феодосий — Поучение блаженного Феодосия, игумена Печерского, о казнях божиих. Уч. зап. АН [см.], кн. II, вып. II, стр. 193—224.

Фортунатов — Литовские народные песни, собранные Ф. Фортунатовым и Всев. Миллером. М., 1873. Московские университетские известия, 1872, № 1, Приложение, стр. 125—165 (I—XII песни); кн. 2 и 3, Приложение, стр. 323—401 (XIII—LIV песни); № 4, Приложение, стр. 430—531 (LV—C песни).

Хождение — Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115). Издано Археографическою комиссиею под ред. А. С. Норова, с его критическими замечаниями, СПб., 1864.

Хождение Афанасия — Хоженіе за три моря Афонасья Микитина сына. Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, т. VI. СПб., 1853, стр. 330 сл.

Cankof — Grammatik der bulgarischen Sprache, von A. und D. Kyriak Cankof. Wien, 1852.

Zeitschrift — Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft.

Zeitschrift Sprachforsch. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.

Черный, Греческая грамматика — Э. Черный. Греческая грамматика гимназического курса, ч. II. Синтаксис, изложенный сравнительно с русским и латинским. Изд. II. 1882; изд. III. 1885.

Чтения — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

Чубинский — Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским, т. I—VII. СПб., 1872—1878.

Чубро Чојковић — Пѣваннія церногорска и херцеговачка сабрана Чубромъ Чойковићемъ Церногорцемъ. Па и њимъ издана истимъ. У Лайпцигу, 1837.

Шафранов — О видах русского глагола в синтаксическом отношении. Рассуждение, написанное для получения степени магистра кандидатом С. Шафрановым. М., 1852.

Шахматов — А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Исследования по русскому языку, т. I. Издание Отделения русского языка и словесности Академии Наук, СПб., 1885—1895.

Шейн — Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний. Сборник П. В. Шейна. СПб., 1874.

Шейн, Материалы — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном, т. I, ч. I. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887; ч. II. СПб., 1890.

Шейн, Песни — П. В. Шейн. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, ч. I. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870.

Шейковский, Словарь — Опыт южнорусского словаря. Труд А. Шейковского. Киев, 1861.

Šembera — Základové dialektologie československé. Kteréž sepsal Alois Vojtěch Šembera. S příklady všech řečí slovanských a různořečí českých, moravských a slovenských. Ve Vídni, 1864.

Шестоднев — Шестоднев, составленный Иоанном ексархом болгарским. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки 1263 года. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.

Schleicher — Schleicher A. Das futurum im Deutschen und Slavischen. Zeitschrift [см.], IV, 187—197.

Schleicher, Beiträge — Aug. Schleicher. Ein Rest des Imperfects in der russischen Umgangssprache. Beiträge [см.], V, 209.

Schleicher, Grammat. Lesebuch — Handbuch der litauischen Sprache von August Schleicher. I, Grammatik. Prag, 1856. II, Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

Schleicher, Formenlehre — Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt von Dr. Aug. Schleicher. Bonn, 1852.

Schleicher, Compendium — Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzer Abriss einer Lautlehre der indogermanischen Ursprache, des Altitadischen (Sanscrit), Altiranischen (Altbaktrischen), Altgriechischen, Altitalischen (Lateinischen, Umbrischen, Oskischen), Altkeltischen (Altirischen), Altslawischen (Altbulgarischen), Litauischen und Altdeutschen (Gotischen). Von August Schleicher. Weimar, 1861.

Шпилевский — Павел Шпилевский. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках. Пантеон, 1853, V, Смесь, стр. 1—10; VI, Смесь, стр. 1—34.

Steinthal — H. Steinthal. Über den Wandel der Laute und des Begriffs. Zeitschrift [см.], I, 416—432.

Erben — Летопись Несторова. Nestorův letopis ruský. Přeložil Karel Jaromír Erben. V Praze, 1867.

Erben, Písně — Prostonárodní české písně a říkadla. 1862—1864; 1886—1888.

Erben, Písně [1] — Písně národní v Čechách, sebral Karel Jaromír Erben. S nápěwy swazek I. W Praze, 1842; swazek II. W Praze, 1843.

Erben, Čitanka — Sto prostonárodních pohádek a pověsti slovanských v nářečích původních. Čitanka slovanská s vysvětlením slov, vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1865. Сто славянских народных сказок и повестей в подлиннике. Книга для чтения с изъяснением слов. Издал Карл Яромир Эрбен. В Праге, 1865.

Этнограф. сборн. — Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. I, 1853; вып. II, 1854; вып. III, 1858; вып. IV, 1858; вып. V, 1862; вып. VI, 1864.

Jungman — Slownik česko-německý Josefa Jungmana. D djl I (A — J). W Praze, 1835; djl II (K—O). W Praze, 1836; djl III (P—R). W Praze, 1837; djl IV (S—U). W Praze, 1838; djl V (W—Ž). W Praze, 1839.

Юшкевич — А. Юшкевич. Литовские свадебные народные песни, записанные Антоном Юшкевичем и изданные Иваном Юшкевичем. Lietůviškos svotbinės dájnos, użrašýtos par Ąntáną Juškévičę ir išspáudintos par Jóną Juškévičę. СПб., 1883; Сб. ОРЯС, т. 35.

Юшкевич, Песни — Литовские народные песни. С переводом на русский язык И. А. Юшкевича. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии Наук. II, № 2, СПб., 1867.

Juškevič — Liètůviškos dájnos użrašýtos par Antáną Juškevičę apįgardoje Půšałačiu ir Velůnós iš żodžiu Liètůvių dajninįnku ir dajninįnkiu. Литовские народные песни, записанные Антоном Юшкевичем в окрестностях Пушолат и Велёны со слов литовских певцов и певиц (№№ 1—461). Казань, 1880; вып. III [так на титульном листе] (№№ 462—1023). Казань, 1880; т. III [так на титульном листе] (№№ 1024—1569). Казань, 1882.

Jagić — Jagić V. Die südslawische Volksepik vor Jahrhunderten, Archiv für slavische Philologie, IV, S. 192—242.

Jagić, Primjetbe — V. Jagić, Primjetbe k našoj sintaksi s gledišta sravnjujuće gramatike. Književnik [см.], Godina druga, 1865, S. 176—196.

Janežič — Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo. Spisal Anton Janežič.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

МЕСТОИМЕНИЕ

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

ПРЕДЛОГ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 7/VII 1941 г. Рисо № 852—405. М 62845. Объем 20 печ. л. 28.84 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Цена книги 14 р. 50 к.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Заказ 1113.